

ТАЙНЫ

ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

МЕГАПРОЕКТ – TERRA INCOGNITA

С. Галлямов

ДРЕВНИЕ АРИИ
И ВЕЧНЫЙ
КУРДИСТАН

ТАЙНЫ
ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

МЕГАПРОЕКТ – TERRA INCOGNITA

С. Галлямов

ДРЕВНИЕ АРИИ
И ВЕЧНЫЙ
КУРДИСТАН

Москва
«Вече»
2007

Автор выражает признательность президенту Федерального (Иракского) Курдистана Масуду Барзани и премьер-министру Начирвану Барзани за помощь в моей работе над книгой.

Автор выражает благодарность Габбасовой Надежде Васильевне, Габбасову Ринату Рафиковичу, Габбасову Рафаэлю Ринатовичу, Салукашвили Картлосу, Шайбаковой Айсылу, Вадиму Владимировичу Макаренко и Евгению Сергеевичу Лазареву за содействие в издание книги.

Галлямов С.А.

Г15 Древние арии и вечный Курдистан / С. Галлямов. — М.: Вече, 2007. — 560 с. — (Тайны древних цивилизаций).

ISBN 5-9533-1407-8

ISBN 978-9533-1407-7

Что мы знаем о курдах и их культуре? Большинство читателей вспомнят прежде всего о непростых политических проблемах, связанных с историей и нынешним положением курдского народа, проживающего на территории нескольких государств в одной из «горячих точек» земного шара. Однако автор этой книги, обратившись к истокам (и праистокам) курдов, приходит к несколько неожиданному выводу: согласно его концепции, этот народ сохранил в своей культуре (подчас не подозревая об этом) фрагменты древнейшего наследия праиндоевропейцев — наследия, общего для индийцев и иранцев, эллинов и римлян, славян и германцев. Причем, по мнению автора, этот «вечный Курдистан», если отвлечься от сиюминутных реалий, имеет непосредственное отношение и к культуре многих народов России, прежде всего Урала и Поволжья, к тайне Аркаима...

ББК 63.5(3)

ISBN 5-9533-1407-8

ISBN 978-9533-1407-7

© Галлямов С.А., 2007

© ООО «Издательский дом «Вече», 2007

ВВОДНОЕ СЛОВО

Для меня, полномочного представителя регионального правительства Курдистана в России, является большой радостью выход в свет настоящей книги башкурдского (башкирского. — *Прим. ред.*) ученого, историка-филолога Галлямова Салавата, представляющая собой научный труд, посвященный древней истории моего народа.

Курдская национальная история очень древняя, она простирается в глубь веков и охватывает несколько тысячелетий.

Наша страна имеет важное геополитическое расположение, богата нефтью, минеральными, водными ресурсами, и поэтому издревле на Востоке говорили: «Тот, кто владеет Курдистаном, тот владеет сердцем Азии». В результате этого из-за постоянных многолетних войн с иноземными захватчиками мой народ был лишен возможности изучать нашу национальную историю в полной мере самостоятельно, как это принято в классических университетах в других странах.

Долгое время история курдов сознательно искажалась с целью идеологического обоснования раздела Курдистана Турцией, Сирией, Ираком.

Эти политические действия нашли свое отражение и в исторической науке. Так, ученые Турции стали искать «научные способы» доказать автохтонность турков в Малой Азии, для чего стали возводить этногенез своего народа к древним хеттам-индоевропейцам. При этом курдов-индоевропейцев они объявили просто «горными турками», забывшими свое тюркское происхождение. Эта псевдонаучная и абсурдная гипотеза о курдах как «горных» тюрках даже сумела, правда ненадолго, получить поддержку у ряда ученых западноевропейских стран.

В это же время ученые историки и этнографы шахского Ирана с целью обосновать древность персов объявили курдов-бахтиар самыми чистыми иранцами, сумевшими сохранить на протяжении тысячелетий истории наиболее характерные черты, некогда присущие

индоариям эпохи Авесты и Ригведы. Иран в период правления шаха Реза Пехлеви пользовался военной и экономической поддержкой со стороны администрации США, и официальная научная доктрина персидских ученых о курдах как наиболее древних персах была принята рядом американских и британских иранистов.

Таким образом, две абсолютно противоположные и несовместимые друг с другом теории о происхождении курдов Загроса до недавнего времени мирно сосуществовали, часто в стенах одного и того же университета на Западе.

Слава Богу, на Западе подобные методы изучения курдской истории изжили себя, и курдология в университетах таких стран, как Англия, Германия, Франция, Италия, Швеция и США, достигла уровня самостоятельной научной дисциплины.

В России в отношении курдов складывалась иная, благоприятная и миролюбивая ситуация. Я хотел бы здесь особо отметить тот факт, что именно русские ученые явились пионерами курдоведения в полном смысле этого слова. Исследования российских и затем советских курдологов охватывают все области жизнедеятельности курдского народа, включая антропологию, географию и территорию его расселения, особенности религиозной жизни курдов-солнцепоклонников и устное народное творчество. Прежде всего мне хотелось бы упомянуть здесь таких российских ученых, как П.И. Лерх, В.Ф. Минорский, В.П. Никитин, Н.Я. Марр, И.А. Орбели, О.П. Вильчевский, М.Б. Руденко, Т.Ф. Аристова, имена и ссылки на труды которых встречаются практически во всех работах, посвященных курдам, издаваемых как в России, так и за рубежом. Знаменательно, что именно российскому ученому, профессиональному востоковеду-курдологу В.Ф. Минорскому были заказаны статьи о курдах западными учеными — редакторами ныне ставшей всемирно известной Исламской энциклопедии. Благодаря разработкам различных аспектов курдологии такими известными российскими востоковедами, как В.В. Бартольд, В.А. Гордлевский, Б.В. Миллер, и многими другими учеными были созданы предпосылки для создания при Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР сектора курдоведения, где прошли профессиональную стажировку не только все современные курдологи России, но и многие курдские студенты из Ирака, Ирана, Турции, Армении и Грузии. Мы, курды в Курдистане, всегда восхищались Россией.

Здесь, впрочем, необходимо сделать одно существенное замечание о состоянии курдоведения в России в настоящее время. Круп-

нейшие русские курдоведы, как и востоковеды в целом, были людьми дореволюционной эпохи, многие из которых долгое время трудились и в советское время. Это было напрямую связано с колониальной активностью России на Востоке в XIX и начале XX века. После Октябрьской революции большевиков в 1917 году у руководителей правительства Советского Союза вошло в привычку подменять государственные интересы идеологическими установками коммунистической партии по оказанию помощи социалистически ориентированным партиям и правительствам различных стран. В результате этих действий Россия оттолкнула от себя многие некогда дружественные страны и народы и не смогла воспользоваться и сотой долей тех возможностей, которые открывались перед ней, например, в Курдистане. Если Россия, которая на протяжении веков вела борьбу с Ираном и Турцией за влияние в азиатском регионе, в 1916 году в лице главнокомандующего русским Кавказским фронтом великого князя Николая поощрила курдского генерала Симко к созданию самостоятельного Курдского государства — Курдистан, то в 1988 году советское правительство безучастно наблюдало за действиями Саддама Хусейна в Курдистане, жители которого подверглись варварской бомбардировке химическим оружием. Аналогичная недооценка курдского фактора на Ближнем Востоке и в Передней Азии была характерным заблуждением и у политиков в Лондоне, и в Вашингтоне. Однако там в последнее время окрепло восприятие курдского вопроса как абсолютно самостоятельного фактора мировой политики. Даже в Турции под давлением США и Англии введено вещание на курдском языке по радио и государственному телевидению.

Выход в свет книги башкурдского историка, филолога и философа Галлямова Салавата является ярким свидетельством тех прогрессивных преобразований, которые в настоящее время претерпевает российское курдоведение. В своей книге автор первым из ученых изложил историю курдского народа хронологически последовательно, начиная с древнейших времен.

В свое время известный американский шумеролог, профессор Пенсильванского университета Ефраим Шпейзер, а также крупнейший курдский ученый Амин Заки считали, что кутии Загроса являются далекими предками современных курдов Месопотамии и Иранского нагорья. Однако в связи с предвзятым отношением к курдам со стороны других ученых-востоковедов по причинам, указанным нами

выше, этот исторический вопрос долго оставался в тени и без надлежащего для исторической науки ответа.

Салават Галлямов, невзирая на вековые предрассудки, снова поднял этот вопрос и, указав на курдскую этимологию самого этнонима кутий, целностью обосновал и доказал местное автохтонное происхождение курдов в Передней Азии и на Иранском нагорье.

Исходя из принадлежности курдов Загроса и Месопотамии к иранской ветви индогерманской расы. Салават Галлямов выдвинул тезис о территории Передней Азии и Иранского нагорья как древней прародине индоевропейцев.

Главное и принципиальное отличие гипотезы автора от подобных теорий других ученых, например В. Иванова и Т. Гамкрелидзе, заключается в том, что Салават Галлямов через этническую историю кутиев-индоариев Загроса и Тавра доказывает тождество этнонимов: ведические арии куру и курды.

Далее Салават Галлямов путем лексического сопоставления обнаружил в шумерском языке многочисленные заимствования из древнего курдско-кутийского «прототигридского» языка специфических и профессиональных терминов в таких сугубо национальных областях, как титулатура жрецов, наименование сельскохозяйственных злаков и названия профессий. Опираясь на это свое открытие, автор сумел убедительно доказать, что именно курды в отличие от пришлых шумеров были местным, автохтонным населением Месопотамии и Загроса и являются зачинателями цивилизации в Междуречье. Выражаясь поэтическим языком, автор взял курдов и как «камень, который отвергли строители, поставил во главу угла» основания научного изложения древней истории Месопотамии.

Тщательно анализируя текст Авесты о расселении индоиранских племен, автор показал, что это переселение индоевропейских народов происходило в древности с юга на север, начинаясь с территории Передней Азии, Месопотамии и Иранского нагорья. Большим открытием Салавата Галлямова в индоевропеистике является логическое обоснование тезиса о наличии в текстах Авесты повествования о двух периодах в истории расселения индоевропейских племен, названных автором эпохой Быка и эпохой Лошади, между которыми лежит временная дистанция в несколько тысяч лет. Здесь сказалась замечательная наблюдательность автора, указавшего на то, что дикого быка человек приручил в VI тыс. до н.э. в Верхней Месопотамии в эпоху распространения там культуры Халафы, тогда как дикую

лошадь приручили насельники Южного Урала (культура Аркаима) и Северного Причерноморья только в IV тыс. до н.э. Наличие среди курдских племен-земледельцев Горан «быкопочитающих» подтверждает, с точки зрения автора книги, индоиранский характер носителей культуры Халафы VI тыс. до н.э., тогда как индоязычность диалекта курдского племени-коневодов Зангене указывает на Переднюю Азию и Иранское нагорье, как историческое место сложения такого знаменитого этноса, как ведические индоарии кuru (курды)-касситы, завоевавшие во II тыс. до н.э. обширные земли в Северной Индии.

Этнографические факты о переселении курдско-мидийских племен ализонов-алан, будинов из Передней Азии далеко на север изложил в своей «Истории» древнегреческий писатель Геродот. Как евреи ищут 10 колен Израилевых, исчезнувших среди курдов после Вавилонского пленения, в Курдистане, так и мы, курды, искали в России потомков мидийских племен, покинувших некогда свою родину в горах Загроса в верховьях Тигра в I тыс. до н.э.

В своей книге Салават Галлямов коснулся и этого важного для курдской этнографии вопроса, указав на башкурдов Южного Урала как на реальных потомков тех мидийских племен, покинувших в древние времена территорию Передней Азии и Иранского нагорья. Наличие башкурдских племен, носящих явно древнеиранские имена: бурзян, элан, тангаур, мюйтен-митан, табын, а также самоназвание двух народов башкурд — курд и среднеиранская фонетика башкурдского языка убедительно подтверждают научные доводы автора.

Книга Салавата Галлямова является продолжением традиций российского курдоведения и, надеюсь, будет с большим интересом воспринята как российскими, так и зарубежными учеными и читателями.

Хошави Бабакр

Когда я пришел к людям,
я нашел их застывшими
в старом самомнении:
всем им мнилось, что они
давно уже знают [...].
Эту сонливость встряхнул я,
когда стал учить: никто не знает еще,
и я велел им опрокинуть
старые кафедры [...],
я велел им смеяться над
их великими учителями, [...]
над их мрачными мудрецами
велел я смеяться;
мое стремление к мудрости
так кричало и смеялось во мне,
поистине она рождена в горах,
моя великая дикая мудрость.

Фридрих Ницше.

Так говорил Заратустра

ОТ АВТОРА

Курдистан — страна курдов — представляет собой огромный регион, расположенный на стыке Передней Азии и Иранского нагорья. По своей величине она превышает такие государства Европы, как Англия, Франция и Испания, Польша и Германия.

Исторически территория расселения курдов охватывала обширную территорию от Черного моря до Персидского залива. Но вследствие различных политических событий территория Курдистана в первой половине XX века была искусственно и преднамеренно разделена и вошла в состав трех новых государственных образований Сирии, Ирака, Турции, возникших после крушения феодальной Османской империи, а также в состав Ирана. Несоответствие языковых, религиозных и, самое главное, — этнических границ — границам политическим четко показывает искусственность границ таких государств, как Сирия, Ирак, Турция. Причины раздробления страны курдов на несколько частей заключаются в несметных запасах полезных ископаемых, нефтяных залежах (районы Керманшаха, Киркука, Мосула), но самое главное для Ближнего Востока — это

пресная вода, поскольку именно с гор Курдистана берут свое начало такие реки, как Тигр и Евфрат, на берегах которых к III тыс. до н.э. сложились и возникли первые мировые цивилизации.

Курды испокон веков живут на тех землях по берегам Тигра и Евфрата, в горах Загроса и Тавра, откуда происходят творцы первых в истории очагов мировой культуры, и с этой исторической точки зрения, на сегодняшний день именно курды являются ровесниками древних государств Шумера и Аккада.

В настоящей книге я рассматриваю Курдистан как единый этнографический субрегион. Впервые этот принцип изучать весь разделенный Курдистан как целостный регион был предложен в работах видных русских востоковедов-курдологов О.Л. Вильчевского и Т.Ф. Аристовой.

Преимущество этого принципа заключается в возможности увидеть всю историю курдов и страны Курдистан целиком и полностью в ее непрерывном динамическом развитии, начиная с древнейших времен и до наших дней. Тогда как главным недостатком других подходов в изучении истории Передней Азии и Ближнего Востока является постоянное и сознательное замалчивание истории курдского этноса и не обоснованное, но политически ангажированное выпячивание роли в истории тех народов и племен, которые стали титульными нациями в Сирии, Турции и Ираке после крушения Османской империи.

При этом необходимо указать на то, что для единого Курдистана, где этнической основой страны с древнейших времен постоянно были и есть курды-индоевропейцы, все другие народы — сирийцы, арабы, турки — являются уже нацменьшинствами.

Безусловно, враги Курдистана прекрасно знают о существующей проблеме и поэтому всячески стараются дискредитировать историю, культуру и даже численность курдского народа.

Переписи, проводимые в Сирии, Турции, Ираке, никогда не дают четкого ответа о численном составе курдов. Часто при переписи населения национальность «курд» подменялась графой «мусульманин». Вследствие этих манипуляций данные о численности курдов в Сирии, Турции и Ираке колеблются до астрономических пределов от 2 до 40 миллионов.

По данным зарубежной и советской литературы, к 1986 году общая численность курдов составляла от 20 до 35 миллионов человек, обитавших на своей исконной земле (М.С. Лазарев. 1970. С. 43—78; А.М. Ментешашвили. 1984. С. 32.)

Площадь Курдистана составляет, по подсчетам ученых, около 550—600 тыс. кв. км, В центре этой необычайно красивой страны возвышаются основные горные системы Передней Азии: Загрос, Тавр и Антитавр. Курдистан — это горная страна, откуда берут свое начало такие легендарные реки Междуречья, как Тигр и Евфрат, Бохтансу, Большой и Малый Заб, Хабур, являющиеся основным источником пресной питьевой воды для многочисленного населения сопредельных со «страной курдов» государств. Именно на территории Курдистана, по Ветхому Завету, возле четырех рек — Тигр-Хиддель, Евфрат-Перат, Аракс-Гихон, Уизхун-Фисон — находился рай.

Средняя высота горных хребтов составляет 2 тыс. м, тогда как отдельные горные вершины достигают свыше 5 тыс. м.

Климат Курдистана, по оценкам Никитина В.П. (1964. С. 68), — сухой континентальный, характеризуется холодной снежной зимой при температуре — 28 и летом + 30°/ 32°.

Чрезвычайно разнообразна флора и фауна Курдистана. Горные условия и обилие выпадающего зимой снега делают земли Курдистана в отличие от других сопредельных регионов чрезвычайно плодородными. В лесах Курдистана в долинах произрастают дуб, ясень, тополь, в предгорьях преобладают кустарники и можжевельник. Из диких животных в горах и лесах Курдистана водятся медведь, волк, лиса, заяц, архары; из птиц — куропатки, голуби, гуси, утки, ястребы, орлы, дрофы.

В Курдистане произрастают все виды фруктовых деревьев этого региона: виноград, яблоня, айва, персик, абрикос, хурма, плоды которых местное население экспортирует за пределы своей страны. Из сельскохозяйственных растений — пшеница, ячмень, горох, в последнее время томаты. Следует отметить, что именно Курдистан является родиной дикой пшеницы-двuzернянки. Плодородная Эрбильская долина в Курдистане с незапамятных времен была житницей Месопотамии и даже всего Ближнего Востока. Об экспорте курдско-маннейской пшеницы из Эрбиля в Палестину в ветхозаветные времена говорит Библия устами пророка Иезекииля. Огромные территории в долинах Курдистана занимают плантации хлопка и посевы табака, составляющие важную статью экспорта страны.

Впервые курды под своим национальным исконно индогерманским именем «племена кутии Уммац Манда» упоминаются в самых ранних шумеро-аккадских клинописных текстах III тыс. до н.э. как

автохтонные жители Загроса и Тавра, ведущие непрерывные войны с первыми рабовладельческими государствами-деспотиями Междуречья. Именно под ударами войск коренных жителей Загроса воинственных индоиранских племен кутиев Умман Манда рухнула империя Аккада и Шумера, созданная Саргоном Великим.

Этноним кутий в своей этимологии восходит к самому древнему в индоевропейских языках обозначению — зерна пшеницы и, шире, — земледелия как социальной категории. В курдском индогерманском языке, в частности, слово того же индоевропейского корня «котан» означает — «плуг для пахоты земли» и «молотьяба, помол зерен пшеницы».

Многолетние исследования и поиски ученых-селекционеров, в частности русского ботаника Н. Вавилова, показали, что именно горы Загроса и Тавра в Курдистане являются тем географическим регионом, где в VIII тыс. до н.э. местные автохтонные племена доместиковали дикую пшеницу и тем самым заложили основы расцвета впоследствии в долинах Междуречья первых сельскохозяйственных цивилизаций.

Упоминание автохтонных жителей Загроса и Тавра под именем «кутиев Умман Манда» и «лулубеи» в разноязычных клинописных источниках продолжалось на протяжении многих веков, начиная с надписей аккадского царя Нарам-Суэна (XXIII в. до н.э.), затем в Законах хеттских царей (XVI в. до н.э.) и заканчивая Эдиктом персидского царя Кира Великого (VI в. до н.э.). О продолжении этой традиции и об индогерманском этническом облике древних кутиев Умман Манда свидетельствует наличие курдского племени катаин, обитающего на южных склонах горного Тавра, затем каста пиров — священнослужителей Катани у курдов-езидов (солнцепоклонников), а также сами курды-курманджи. Древний этноним жителей гор Загроса и Тавра, зафиксированный в конце III тыс. до н.э. в шумеро-аккадских текстах, племя Умман Манда происходит из курдского (h) — ему весь, все и Ман(да) — все из рода(дома) Ману, почитаемого в мифологии индогерманских народов (индусы, немцы, иранцы) прародителем человечества. Этимологически этноним Умман Манда точно соответствует самоназванию самого крупного курдского объединения племен курманджи — дети-сыновья земли Ману — от курдско-эллинского Киге — сын, сыновья — потомки.

Впервые о кутиях, автохтонных жителях Загроса, как о древних предках современных курдов высказал предположение известней-

ший американский шумеролог профессор Пенсильванского университета Ефраим Шпейзер. Учитывая классические традиции и известный демократизм западных университетов и академических институтов, можно уверенно предположить, что свою гипотезу о кутиях как предках курдов профессор Е. Шпейзер обсуждал и согласовал прежде с другими такими известными шумерологами, как Сэмюэл Ной Крамер.

Этой же точки зрения придерживались известный курдский историк Амин Заки и, насколько можно судить по его монографиям, американский ученый Дж. Камэрон.

Таким образом, как это демонстрируют источники в историко-этнографической науке, до вмешательства политиков первоначально сложилась и существовала теория о курдах как автохтонных и древнейших жителях Передней Азии и Иранского нагорья. Впоследствии под давлением внешних сил и политической обстановки в этом регионе (борьба с идеологией пангерманизма после Второй мировой войны, осуждение изучения истории арийских народов в отрыве от истории других рас, вступление Турции в блок НАТО, Иран, бывший союзником Третьего рейха, вошел в военный альянс с США и Англией, и пребывание М. Барзани в СССР), а также многое другое сделало невыгодным для востоковедов продолжать изучение древней истории курдов Загроса, вследствие чего изучение истории собственно курдского народа было оттеснено на второй план по отношению к истории тех народов (турки, сирийцы, арабы), которым при помощи стран Антанты удалось разделить Курдистан и стать «титულными» нациями в трех новых государствах.

При этом ученые-историки давно подметили, что изображение и описание ведущей роли курдов во всей древней, средневековой и современной части истории Ближнего Востока и Передней Азии выглядит карикатурой и гротеском на реальное положение вещей и событий в этом регионе.

Как любопытный исторический казус и характерный пример идеологических шатаний ученого по этому вопросу можно привести И.М. Дьяконова, написавшего и издавшего книгу «История Мидии» (объем свыше 500 с.), но, несмотря на общепринятое воззрение на мидийцев Загроса как на предков курдов, ни единого слова не сказавшего о курдах, являющихся автохтонными жителями этого региона. При этом в первой части своего труда И.М. Дьяконов приводит мнение американских ученых о кутиях как наиболее вероятных пред-

ках современных курдов. Казалось бы, после этого все повествование должно вестись о курдах, однако вопреки этому И. М. Дьяконов, перескочив через целое тысячелетие, с III тыс. до н.э. на I тыс. до н.э., начинает говорить о жителях Загроса — маннеях, не ставя их ни в какую связь с курдами, хотя само имя Манна точно соответствует курдам курманджи.

Этот пример с «Историей Мидии» без ее коренных жителей — курдов, принадлежащий перу советского востоковеда И. М. Дьяконова, показывает, что ученые по идеологическим установкам были вынуждены сознательно фальсифицировать древнюю историю курдов.

Эта идеологическая установка также раскрыта в книге И. М. Дьяконова и ставит своей целью исказить факты и доказать во чтобы то ни стало, что Передняя Азия и Иранское нагорье не являлись прародиной индоевропейцев. Действительно, признав автохтонов Загроса кутиев Умман Манда III тыс. до н.э. предками современных курдов, ученые прямо провозглашают тезис о том, что Передняя Азия и Иранское нагорье являются древней прародиной индоевропейских племен. С этой точки зрения, которая для меня представляет строго доказанный научный факт, курды занимают особое, почетное и главное место во всей индоевропейской историографии. Но по политическим мотивам и идеологическим установкам теория о Передней Азии как прародине индоевропейцев была отвергнута до поры, и даже нашлись ретивые псевдоученые, поспешившие объявить эту научно обоснованную гипотезу «наследием фашистской идеологии Третьего рейха».

Но времена меняются, миг исчезли целые страны, и политическая ситуация в странах Ближнего Востока и Передней Азии снова и снова демонстрирует ведущую роль курдского народа в этом регионе, что, в свою очередь, диктует ученым-востоковедам необходимость продолжения свободного и полноценного изучения древней истории, культуры и этногенеза курдов Загроса и Тавра.

Первоначально необходимо решить вопрос — являются ли курды древнейшим местным автохтонным народом Передней Азии и Иранского нагорья? Как понимают читатели, в зависимости от ответа на этот главный вопрос будет зависеть дальнейшее развитие индоевропейской историографии. Нужно прямо сказать, что курды представляют собой кардинальный вопрос индогерманистики. Действительно, если предки курдов индоиранцев — племена кутиев Умман Ман-

да — являются древнейшим автохтонным этносом Загроса и Тавра, то, следовательно, вся территория Передней Азии и Иранского нагорья представляет собой прародину индоевропейских племен. И с этой точки зрения индоевропеистика становится логическим продолжением различных аспектов курдоведения, поскольку курды на сегодняшний день представляют собой единственный индогерманский этнос, продолжающий жить на территории древней прародины индоевропейцев. Существует один поразительный факт, который резко отличает курдов Загроса и Тавра от всех других индогерманских народов. Курды вообще, несмотря на исключительно богатое устное народное творчество, не имеют ни одного исторического предания, ни одного мифа о том, что их народ пришел на землю их проживания, мигрировав с каких-то мест прежнего обитания. Наоборот, курды считают себя автохтонами Иранского нагорья, Месопотамии и Передней Азии, а все представители этого удивительного индогерманского народа, проживающие по вынужденным причинам в других странах, говорят, что мигрировали со своей родины — Курдистана.

Это самосознание курда резко контрастирует в первую очередь с самосознанием всех других индогерманских народов. Так, англичане считают пришедшими свой народ в Англию с берегов Рейна; кельты-галаты — с территории Малой Азии; латиняне — целая империя — считали себя выходцами из Трои в Передней Азии; индийцы считают себя потомками ведических индоариев Куру (курдов), пришедших в Индию с севера; античные эллины-греки считали своих предков пришельцами на материковую Грецию с Балкан. Вызывает сомнение, что никто из востоковедов и специалистов этнографии переднеазиатских народов не обратил до настоящего времени внимания на этот интересный момент, поскольку исторические предания играют основополагающую роль при определении самого исторического статуса того или иного народа, уровня его самосознания и национальные интересы. Сопоставляя исторические предания о своем этническом происхождении индоевропейских народов с другими данными фактами, допустим из области археологии, сравнительного языкознания и т.д., ученые получили надежные свидетельства, подтверждающие устные мифы о миграции латинян, греков, англичан, кельтов-галлов к местам их современного обитания. Однако нет никаких подобных артефактов, способных дать основание ученым предположить саму возможность некоей миграции предков курдов на

территорию Передней Азии и Иранского нагорья откуда бы то ни было извне. Наоборот, все факты — археологические, лингвистические, исторические — свидетельствуют о том, что курды представляют собой наиболее древний автохтонный народ Загроса и Тавра, а следовательно, Передняя Азия и Иранское нагорье являются прародиной индогерманцев. Если бы прародиной индогерманцев был какой-либо другой регион евроазиатского континента, то при современных возможностях и технической оснащенности таких наук, как археология и особенно лингвистика, ученым не составило бы никакого труда найти этот очаг культуры.

Прежние миграции всех крупных индоевропейских племен и суперэтносов — латинян, эллинов, индийцев и германских народов — по просторам евроазиатского континента и отсутствие миграции предков в историческом этногенезе курдов Загроса и Тавра подтверждают предположение о территории Передней Азии как древней прародине индогерманцев.

Античные источники и лексические изоглоссы индогерманских языков указывают, что пути миграции индогерманских племен начинались в древности с горных хребтов Загроса и Тавра в Передней Азии и Иранском нагорье. Так, Геродот писал о племени сигинов из Мидии, пришедших в древности во Фракию. При этом Геродот говорит об этнической принадлежности сигинов Фракии к мидийцам Передней Азии. Нелишне здесь вспомнить о латинянах-римлянах, считавших себя выходцами из Трои в Малой Азии. Далее Геродот пишет об ираноязычных племенах будинах и об алисонах-аланах, обитавших на обширной территории, простиравшейся от Северного Причерноморья до Южного Урала, именуемой античными хронографами страной скифов и сарматов (Скифия — Сарматия). Безусловно, эти ираноязычные племена пришли в Сарматию из Мидии, что согласуется и с текстом Авесты, повествующем о расселении индоарийских народов.

В Мидии будины входили в состав шести племен, из которых сформировалась сама мидийская нация. Этот мидийско-скифский этноним ализоны — арийское племя в более широко распространенной форме алан-элан — в настоящее время сохранился как имя крупного племени, входящего в состав башкурдов Южного Урала.

Древность проживания индоарийских племен на севере от Передней Азии подтверждает и открытие археологами (Г.Б. Зданович, В.Ф. Генинг) на Южном Урале поселения Аркаим, датируемого

II тыс. до н.э. и принадлежащего, судя по раскопкам могильников, ведическим индоариям Куру.

Этимологически точное соответствие трех этнонимов — курды — куру — башкурды — свидетельствует о непосредственном родстве этих этносов и, с учетом автохтонности сложения курдов Загроса и Тавра, еще раз подтверждает гипотезу о миграции индоарийских племен со своей прародины в Передней Азии. Вызывает особый интерес, что группа южных племен башкурдов Южного Урала, судя по их древним песням и стихам, называла свою страну не Башкурдистан — страна башкурдов, а Ирандек — страна иранцев (ариев). При этом само имя Ирандек восходит к индоарийским языкам, в частности к санскриту, с тем же значением Iran — dīz (дешт — страна). Это доказывает, что в древности башкурды Южного Урала говорили на одном из индоарийских диалектов. Дальнейшим подтверждением этого тезиса является исконно классическая древнеиранская фонетика современного башкурдского языка с переходом $s > h$ и наличием интердентальных спирантов Θ — δ английского типа, характерных для мидийского языка. Это позволяет считать башкурдов потомками мидийских племен ализонов и будинов, мигрировавших на территорию Южного Урала со своей прародины — Передней Азии — через территорию Средней Азии (Хорезм).

С Мидией башкурдов Южного Урала связывает и этногенез башкурдского племени бурзян, имя которого восходит к названию древнеиранского дозораострийского священного огня Бурзен Михр Бан, почитаемого индоариями как культовый огонь земледельцев.

Дикую пшеницу древние люди domestиковали и начали культивировать в VIII тыс. до н.э. в долинах Загроса (Курдистан) в Передней Азии. Именно там, в Загросе, где и по настоящее время произрастает дикая пшеница, раскинулись владения курдского рода Барзан, управляемого наследственными шейхами. Границы обитания военно-теократического рода Барзан довольно точно совпадают с границами древнего государства Мехри, упоминаемого уже в III тыс. до н.э. в самых ранних шумеро-аккадских клинописных текстах из Месопотамии.

Мидийско-скифская (сако-массагетская) восточноиранская фонетика современного башкурдского языка и курдское государство Мехри в Загросе проливают свет на пути миграции из Передней Азии и Иранского нагорья других индогерманских народов.

В свое время еще британские ученые выдвинули аргументированное предположение о принадлежности легендарного короля Артура

к касте сарматских вождей, пришедшего со своим племенем на Альбион из степей Северного Причерноморья. Англичане считают Хорса-прародителя родоначальником племени древних англов, давших свое имя всему народу. Как показывает этимология, имя Хорса истонно индоарийское и восходит к имени курдского государства Мехри. В индоарийской традиции божество Михр почитается покровителем лошадей. В Авесте говорится:

Коней даст быстрых Михр,
Чьи пастбища просторны.

В английском языке слово «лошадь» — horse носит имя этого индоарийского солнечного божества. В курдском и иранском языках Солнце называется — Хвар. По сообщению Геродота, ираноязычные дако-массагеты приносили в жертву богу Солнца (Митре) коней, считая, что «самому быстрому божеству полагается самое быстрое животное».

Основу национальной экономики кочевых племен англов составляло овцеводство, тогда как диких овец и коз приручили в IX тыс. до н.э. в долинах гор Загроса, где позднее, в III тыс. до н.э., возникло курдско-арийское княжество Мехри. Представление северогерманских народов о козлах как ездовых животных бога войны Тора свидетельствует о том, что переселение индогерманских племен англов, алеманов из Передней Азии началось еще до того, как в III тыс. до н.э. человеком была приручена дикая лошадь. Переселившись из Передней Азии на север в регионы Южного Урала (Аркаим — Синташта), Средней Азии (Хорезм) и в степи Поволжья и Северного Причерноморья (эллины), индогерманские племена одомашнили диких лошадей, обитавших на этих бескрайних просторах. И только во II тыс. до н.э., как это показывает археология и подтверждает сравнительное языковедение, индогерманские племена, кочуя со своими бесчисленными стадами овец, коз, коров и лошадей, тесня друг друга, приступили к заселению северо-западных областей Европы, населенных прежде представителями иной европейской языковой группы. Наличие не индоарийской, а классической мидийской индоиранской фонетики в языке англичан, как, допустим, в башкурдском языке, весьма убедительно подтверждает факт исторической миграции индогерманских племен с территории Передней Азии и близком их родстве с курдами Загроса и Тавра, равно как и с башкурдами Южного Урала.

Археолог Брюсов еще в 1952 году, основываясь на многочисленных археологических данных, писал, что заселение [индогерманскими] племенами Севера Европы в эпоху мезолита начиналось от регионов Южного Урала.

Проблема исчезновения фонетики мидийского языка в иранских регионах Загроса и Тавра учеными-иранистами всегда изучалась как некая частная проблема в полном отрыве и вне связи с объективным историческим процессом расселения из Передней Азии далеко на север — Южный Урал, Северное Причерноморье и восток — Средняя Азия самих мидийских племен — ализонов, будинов, сигинов, что и дало в конечном итоге возможность сложения группы восточноиранских языков, характеризующихся наличием интердентальных спирантов Θ — δ «английского типа», по определению Т.Н. Пахалиной (Памирские языки. М., 1969). Сам тот факт, что памирские языки обладают интердентальными спирантами, демонстрирует ученым, что все восточноиранские и, шире, восточногерманоарийские племена первоначально обитали в горах Передней Азии и были горцами — пастухами овец и коз в горах Загроса и Тавра. Для того чтобы стать жителями степи, восточноиранским племенам было необходимо приручить лошадь, что произошло не ранее рубежа VI—III тыс. до н.э., тогда как диких коз и овец индоарии Загроса и Тавра — курманджи — одомашнили на 5 тысяч лет раньше, в IX—VIII тыс. до н.э.

Наличие в горах Загроса курдов-курманджи — «потомков земли Ману» — и племени манда-мунджанцы в горах Памира — предполагает наличие одновременно двух диалектов, западного и восточного, в древнеарийских языках в эпоху пребывания носителей этих индогерманских языков на своей прародине в Передней Азии. Это положение подтверждает и восточноиранская фонетика мидийского языка, и класс придыхательных согласных ph , th , kh , ch в курдском западноиранском языке, восходящих к древним индоарийским языкам, в частности представленными и в фонетике санскрита.

Культ козленка — божества, воплощаемого в национальной игре восточноиранских народов (манда, пашто), а также наличие культа козлоподобного божества Шейха-Бъзни у западноязычных курманджи убедительно свидетельствует о наличии двух диалектов в иранских языках с незапамятных времен. Прежняя традиционная точка зрения науки о возникновении восточноиранских диалектов в индоарийских языках вследствие спирантизации в них первоначально-исконных архаичных глухих — звонких придыхательных

согласных должна быть оставлена и переосмыслена в сторону удревления этого события. Действительно, родство с мидийцами таких удаленных народов, как сигины во Фракии, будины и ализоны в Скифо-Сарматии, то есть на территории от Северного Причерноморья до Южного Урала, и племени манда (мунджанцы) в горах Памира уже предполагает существование восточноиранского языка, характеризуемого наличием интердентальных спирантов Θ — δ английского типа практически на всем пространстве евроазиатского культурного мира индоарийских племен и полностью исключает саму возможность одновременного начала фонетического процесса перехода общеарийских глухих — звонких придыхательных в класс аспирированных согласных.

Наличие в долинах Синда и Пенджаба многочисленного народа белуджи, говорящего на западноиранском языке и сохранившего в своих преданиях воспоминания о родстве с курдами Загроса и о миграции их предков из Месопотамии, а затем наличие рядом, высоко в горах, племени манда, говорящего на восточноиранском языке, и родственных курманджи в Курдистане, разговаривающих опять на западноиранском языке, все более и более удревляет во времени сам некогда состоявшийся процесс перехода общеарийских глухих — звонких придыхательных в класс аспирированных.

Распространение на обширной территории Средней Азии и Южного Урала восточноиранского языка пророка Заратустры во II тыс. до н.э. указывает на Переднюю Азию и Иранское нагорье как на единственно возможный географический регион, где сложился племенной союз ведических индоариев Куру, совершивших в начале II тыс. до н.э. походы в Северную Индию, завершившиеся полным завоеванием полуострова Индостан.

Сопоставления Авесты и Ригведы показывают удивительную близость восточноиранского языка пророка Заратустры с индоарийским языком ведических индоариев Куру-Бхаратов. Это в свою очередь доказывает существование восточноиранского языка пророка Заратустры уже во II тыс. до н.э., в эпоху гимнов Ригведы. В связи с этим становятся абсолютно правдоподобными даты жизни пророка Заратустры в 1800—1700 гг. до н.э., высказанные Т. Барроу.

Многие иранологи и ведологи наивно полагают, что Заратустра занимался реформой древнеиранской религии. Можно со всей ответственностью сказать — этого не было. Заратустра поставил перед собой более грандиозную задачу по искоренению языческого многобо-

зия у своих индоевропейских соплеменников и создания единой монотеистической религии. Язык Авесты показывает, что пророк Заратустра жил в зоне распространения восточноиранских языков к северу от Передней Азии в районе Южного Урала и Хорезма «в степях к востоку от реки Волга», по определению иранолога Мэри Бойс.

Как показывает развитие исторических событий, пророку удалось обратить в новую веру — поклонения огню (энергии) — своих соплеменников и создать военный союз из восточноиранских племен. Набрал силы и получив военную поддержку, Заратустра объявил Индру — главное божество индоариев — мелким демоном зла, чем вызвал ярость поклонников Ригведы, в результате чего вспыхнула «гражданская война». Как жители равнин и степей, восточноиранские племена были коневодами в отличие от сторонников старой веры — овцеводов гор «поклонников Пушана». Двигаясь с Южного Урала (Аркам — Синташта) и Средней Азии (Хорезм), восточноиранские племена, поддерживая учение Заратустры, достигли Иранского нагорья и начали теснить проживающих там индоариев Куру, заставляя их либо принять новую религию, либо покинуть свои земли.

Именно столкновение с кочевой армией восточноиранских племен, состоящей из превосходно вооруженных отрядов конников и колесничих, заставило ведических ариев Куру покинуть места своего прежнего обитания на Иранском нагорье и мигрировать в долины Синда и Пенджаба.

Часть ведических ариев Куру, более известных в истории как индоарии Митанни, и касситы были вытеснены потоком восточноиранских племен с мест своего прежнего обитания на запад и, покинув Иранское нагорье в XVIII в. до н.э., оказались на территории Ближнего Востока в Палестине и Сирии, где ими было создано свое индоевропейское княжество со столицей Вашшукани, располагавшейся в верховьях Хабура. Впоследствии индоарии Митанни, покинув горы Загроса, частично смешались с хеттами — индоевропейцами, частично превратились в замкнутые этноконфессиональные группы в среде ближневосточного семитского населения, утерев свой индоиранский язык, но сохранив, например друзья, езиды, алавиты, свои древние индоарийские, но доведические верования (культ Солнца, вера в метемпсихоз, кастовое деление и т.д.).

Предположение о Передней Азии как географическом регионе этнического сложения этноса ведических индоариев Куру-Бхаратов полностью подтверждается тем, что, как это зафиксировано в пере-

днеазиатской европейской клинописи (лувийской, хеттской, палайской), во II тыс. до н.э. хеттские цари называли правителей независимых княжеств и на западе и на востоке Малой Азии именем Kuru(uanes) «Куру» — из рода, из страны Куру».

Наличие в Передней Азии такого коренного и многочисленного (40 миллионов) народа, как курды уже подтверждает и указывает, что в хеттской клинописи II тыс. до н.э. под именем княжеств Kuru(uants) упоминаются предки современных курдов. Сами хетты-индоевропейцы сыграли значительную роль в этногенезе курдов. Так, судя по покающему диалекту и древнему этнониму, представители курдского племени ляк являются потомками хеттов- ликийцев, оттесненных в горы Загроса на границу с Ираном в XIV—XII вв. до н.э. нашествием в Переднюю Азию и Ближний Восток индоевропейских племен, называемых « народами моря ». Этноним другого курдского племени зарды восходит к имени народа дарды — дарданы.

Наличие в древнеегипетском тексте фараона Мернептаха из Карнака имен курдских племен Шекаки, Ляки среди имен « народов моря », совершивших военные походы на Египет, еще раз показывает древность курдской нации и демонстрирует то, как мало ученые-востоковеды изучали различные аспекты курдской этнографии. Принадлежность курдов Загроса и Тавра к племенам ведических Куру-Бхаратов подтверждается многочисленными данными и самим географическим расселением индоиранских племен на территории Евразийского континента в исторический период, непосредственно предшествующий эпохе вторжения индоарийских племен в Северную Индию в начале II тыс. до н.э.

Так, некоторые курдские племена носят исконно индоарийские, а не иранские имена, например: синджаби (синды), мериван (марьянну), бильбас (балу — бһас), сипки (сипайи), пираны (пуру), кокейи (кекайи), шекаки (шаки) и, наконец, курды, потомки Куру, сына Самвартана от священного брака с индоарийской богиней огня Тапати. Некоторые курдские имена племен — Раши, Мамаш — сохраняют суффикс — ш, характеризующий имена существительные в именительном падеже в индоарийском языке.

Ряд топонимов — Лалеш, Сенне (Сенендедж) — в Курдистане восходят не к иранскому, а к индоарийскому языку. Слово Сене — sene в индоарийском языке означает воин, войско и по нормам иранской фонетики должно произноситься һене, при этом уже в среднеиранском языке слово һене означает — пират, разбойник.

Далее, как установил индолог академик А.П. Баранников, носители курдского диалекта Зангене в прошлом говорили на одном из индийских языков. Но, констатировав индоарийскую основу языка курдов Зангене — Чагана, академик А.П. Баранников не смог обнаружить тех конкретных индийских племен, которых можно было бы считать предками или близкими родичами этих курдских племен, известных в Курдистане как профессиональные коневоды.

Именно отсутствие в современной Индии каких-либо племен, разговаривающих на диалекте, близком к древнеарийскому языку курдов и луров Зангене, напрямую свидетельствует и показывает, что первоначально ведические индоарии Куру-Бхараты обитали до II тыс. до н.э. в Передней Азии. К сожалению, и академик-индолог А.П. Баранников, и курдолог О. Вильчевский, оказавшиеся в плену псевдонаучной политически заданной теории, отрицающей автохтонный этногенез курдских племен Загроса и Тавра, не догадались и не увидели, что ведические индоарии Куру (часть курдских племен) не пришли, а наоборот, покинули Переднюю Азию ради завоевания Северной Индии.

Память о ведических индоариях Куру сохранялась на Ближнем Востоке все II тыс. до н.э. Так, еще фараоны Египта, как об этом свидетельствуют тексты библиотеки Эхнатона из Телль-Амарны (XIV в. до н.э.), называли Вавилон и индоевропейских касситов единым именем Кардунияз — Земля Карду. Позднее, через 1000 лет, именно это имя без всяких фонетических искажений — страна Кардухов, применяя к Курдистану, будет использовать при описании своего перехода сквозь перевалы гор Загроса и Тавра древнегреческий военачальник Ксенофонт.

Миграция части индоевропейского населения — ведических индоариев Куру — из Передней Азии и юга степей Средней Азии в Северную Индию происходила в первой половине II тыс. до н.э. Другая часть была вытеснена из гор и долин Загроса и Тавра на запад, где постепенно слилась с индоевропейскими племенами хеттов, а позднее, уже в XIV—XII вв. до н.э., с индоевропейскими «народами моря».

Несмотря на все миграции, вызванные вторжением восточноранских племен, разговаривающих на языке Заратустры, на всем протяжении горных хребтов Загроса и Тавра в настоящее время про-

живают курды-курманджи. Фонетика языка курдов близка к фонетике языка Ригведы, а не к восточноиранской фонетике племени Манда (мунджа), являющихся также горцами-овцеводами. Следовательно, племена Манда на Памире и в Северной Индии, весьма рано отделившись от курдов-курманджи в Передней Азии, продолжительное время находились в сфере обитания восточноиранских племен, язык которых, как и у башкурдов Южного Урала, характеризуется наличием интердентальных спирантов Θ — δ английского типа.

Среди курдов-курманджи до нашего времени сохранилась древняя религия — поклонение Солнцу. Курдов-солнцепоклонников их соплеменники называют Езидами. Как установили ученые, все курды до принятия ислама были езидами-солнцепоклонниками. Езиды представляют собой этноконфессиальную замкнутую группу курдского населения. Исследования показывают, что езидизм представляет индоарийскую по своей природе, но более древнюю, доведическую и дозороастрийскую религию индоарийских племен. Иными словами, езидизм курдов Передней Азии является более древним, нежели религия Ригведы и Авесты. Все сообщество езидов — курдов разделено, как и у ведических индоариев Куру и древних иранцев, на четыре касты; сравните:

Курды	Индоарии Ригведы	Иранцы Авесты
Пир	Брахман	жрецы Атурваны
Шейх	Раджанья	Хшайяхшатра
Мьрьд	Вайшья	земледельцы-скотоводы
Мьртаба	Шудра	не иранцы

Как видно, курдское имя Пир восходит не к индоарийскому, а более древнему индогерманскому языковому союзу, поскольку полностью соответствует английскому *Peer* — *пэр* — высшее лицо, глава рода у древних англо-саксов, фонетика языка которых соответствует фонетике языка мидийцев. После эпохи переселения ведических индоариев Куру на восток, в Северную Индию, и митаннийских ариев на запад, в Палестину, в горах Загроса сохраняются многочисленные курдские княжества. Это связано в первую очередь с тем, что восточноиранские племена были жителями равнин — коневодами, тогда как автохтоны Передней Азии курды жителями гор — овцеводами.

Судя по хеттским источникам, жители Загроса племена Манда — курды-курманджи имели города. Около XIV—XIII вв. до н.э. в горах Загроса образовалось курдское княжество, носящее имя Манна, ведущее на протяжении всей истории своего существования непрерывные и жестокие войны с царями и полководцами ассирийской державы.

Курдское княжество Манна стало основой возникновения Мидийского государства, объединяющего 6 мидийских племен: паретакены, струхаты, аризанты, будии, бусы, маги. Из этого списка видно, что в мидийский союз входили как индоарийские, так и восточноиранские племена, например, будины, то есть потомки Будхи сына Сомы, были исконно индоарийским племенем, близким, судя по имени, к ведическим ариям Куру.

Соответствие имени Бусы этнониму курдского племени Бильбасы (Balin-bhas) полностью доказывает присутствие курдов в составе Мидийского государства. Сам основатель персидской империи Ахеменидов царь Кир Великий был курдом-мидийцем по линии своей матери Мандане, дочери мидийского царя Астиага, — принадлежал к роду (кур) Манда-Манна. Кир Великий, став царем Мидии, сокрушил Ассирию и завоевал всю Месопотамию и Переднюю Азию. Но несмотря на это, в труднодоступных долинах высоких гор Загроса продолжало существовать независимое курдское княжество, называемое даже жителями Античной Греции «Страной Кардухов». Наиболее полное известие о кардухах и их стране оставил Ксенофонт в своем «Анабасисе». В период нашествия греческих войск Александра Македонского именно курды Барзаны по «Истории» Арриана оказали ожесточенное сопротивление вторжению захватчиков. Около 250 г. до н.э. сакские племена ариев во главе с Аршаком захватили Парфию, являвшуюся провинцией в империи Селевкидов. Племенные вожди саков всячески стремились показать свое особое почтение к культовому огню индоариев Бурзен-Михрбан, объявленному позднее главным святилищем в империи Аршакидов. Вполне возможно предположить, учитывая зороастрийское имя башкордского племени Бурзян на Южном Урале, что предки саков действительно некогда пришли на территорию Средней Азии (Хорезм) из Передней Азии (из страны Мехри), — как об этом повествуется в Авесте.

Свержение династии Аршакидов и воцарение новой династии Сасанидов во II в. н.э. произошло под влиянием и непосредственным участием курдов Загроса, как об этом говорится в пехлевийском со-

чинении «Карнамаги Ардашири Пабаган». Вследствие этого на престол царя царей Ирана взошел Ардашир, поддержанный курдским царем Шахригердом из области Шахризур (соврем. Киркук-Сулеймания).

Империя Сасанидов пала в 651 году в результате нашествия арабов, к которым примкнули рядовые курды, принявшие новую религию — ислам. Переход курдов в ислам был вызван тяготами деления всего курдского сообщества на 4 касты, от чего невыносимо страдали рядовые жители страны.

*Галлямов Салават, 4 июня 2005 г.
Уфа, Башкортостан*

Часть I

КУТИИ-КУРДЫ

ПЕРВЫЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ И ХЛЕБОРОБЫ

Племена кутиев, как стало известно по дошедшим до нас шумерским клинописным источникам IV тыс. до н.э., были местным автохтонным населением плодородных альпийских долин горных хребтов Загроса и Тавра, окружающих Месопотамию с севера и северо-востока.

Шумеры, по мнению, на котором особенно настаивают шумерологи, являются пришлым этносом в Месопотамии. Аккадцы также пришли в предгорья Загроса в середине III тыс. до н.э. и поэтому никогда не являлись истинными жителями Месопотамии.

Исходя из тезиса, господствующего в настоящее время в науке о миграции шумеров, следует глубоко идущий верный вывод о том, что именно индо-ираноязычные Кутии «земледельцы» являются исконно коренным и самым древнейшим автохтонным народом долин Загроса, Тавра и Междуречья.

Этимология этнонима Кутий — Гутий

Имя Кутий восходит к курдскому — Гата — хлеб — лепешка из белой муки». Как писал курдский автор Мела Махмуд Баязиди о своих соплеменниках курдах: «Когда наступает середина осени, они (курды-курманджи) по обычаю пекут гату (сладкое печенье) и идут к отарам овец; и они разукрашивают баранов и ведут их к отарам овец. Там они раздают (всем присутствующим) гату, едят сами и веселятся. Потом пускают баранов в стадо (овец). Спустя сто дней после праздника баранов снова готовят гату и различные кушанья и снова веселятся, радуясь благополучию своих овец» (Руденко М.Б. Нравы и обычаи курдов. М., 1963).

Курдское индоиранское слово Гата сходно с французским gâteau — сладкий пирог; пирожное», что абсолютно не случайно, а за-

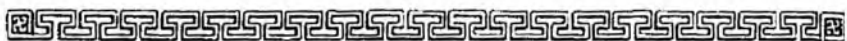

кономерно, поскольку два этих слова с обозначением хлеба восходят в своей этимологии к корню kait — зерно, самому древнему индоевропейскому названию хлебной культуры — пшеницы. Вообще родиной дикой пшеницы является хребет Загроса, Курдистан.

В курдском языке все слова, связанные по смыслу с обозначением хлеба, напрямую через этимон восходят к слову Ката < Гата, сравните: Ка — соломенная сечка; кам — молотильная доска (для отделения зерна от соломы); кадин — зернохранилище; кисп — жмых; кут — испорченный хлеб; колоч — пресная лепешка; гәнъм — пшеница; кизъмк — невымолоченные колосья; котан — плуг.

Наличие развитой профессиональной терминологии культуры хлеба в курдском языке уже само по себе предполагает хорошее и профессиональное знание основ земледелия предками курдов Загроса. По общему мнению ботаников-селекционеров, в частности выдающегося ученого Н.И. Вавилова (1887—1937), родиной дикой пшеницы и первых гибридных видов (полбы и мягкой) является Загрос (Курдистан), где уже в VIII тыс. до н.э. документально зафиксировано культивирование (собираение) этого злака древним населением данного региона. Последние открытия археологов подтвердили, что именно Курдистан и районы Иранского нагорья, где до настоящего времени произрастают дикие злаки — пшеница и ячмень, являются древними культурными центрами, где возникло и получило дальнейшее развитие земледелие. Переход древнего населения Загроса к земледелию происходил не внезапно, а плавно, как это проследили ученые по культурным слоям, сохранившимся в пещере Шанидар, служившей местному населению зимним жильем и расположенной на берегу реки, рядом с летней стоянкой Зави Чеми Шанидар в Курдистане, датируемым XI—IX тыс. до н.э.

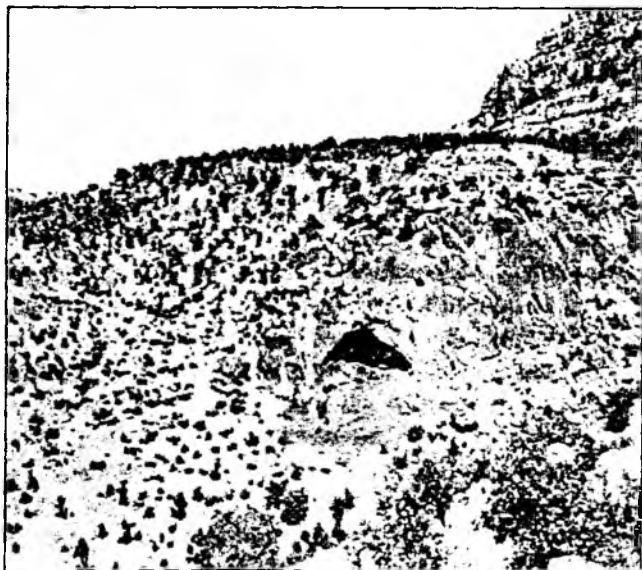
Жители этих мезолитических стоянок еще продолжали охотиться на диких животных, но уже стали приручать диких овец и коз. Тогда как находки всевозможных зернотерок, пестиков и ступ для размола зерен колосьев диких пшеницы, ячменя, гороха свидетельствуют по изготовленным «профессионально» орудиям труда о производстве пищи из растительных злаков и целенаправленном, сезонно-календарном начале перестройки экономической жизни коллектива от охоты к наиболее ранней форме сельского хозяйства — избирательному собирательству и охране зерноплодовоощных культур. Курды Загроса до настоящего времени практикуют, как и их далекие предки кутии, собирательство, причем собирают

не только ягоды и грецкие орехи, но и, что особенно важно, — жёлуди дуба.

Далее следует отметить и соответствие жилища горных курдов пещере-землянке в скалах древнему Шанидар в Бралосте (Курдистан). Как писала курдолог Т.Ф. Аристова: «Землянки, врытые в склон горы и являвшиеся, по существу, пещерами, в прошлом столетии встречались у курдов почти повсеместно, особенно там, где горы Курдистана представлены песчаниковой породой, например в районе соединения рек Батман — Су и Тигр, а также вдоль Тигра» (Т.Ф. Аристова. 1990. С. 96). Другой автор, фон Мольтке, говоря о поселениях курдов Малой Азии, отмечал: «В высоких горах мелькают среди дубовых лесов курдские деревушки, состоящие собственно из ряда пещер, выдолбленных в здешних песчаных скалах» (Мольтке фон. Географические заметки о Малой Азии. ИКОИРГО. ТЗ [приложение 2]. 1874).

Безусловно, такой тип первоначального жилища курды унаследовали от своих предков — кутиев. По всей видимости, именно к этим жилищам курдов в горах и восходят многочисленные легенды эллинов-греков о запирании Олимпийскими богами золотых овец в пещеры на ночь [на зиму]. Как писал еще один очевидец конца

Пещера Шанидар на горе Бралост у реки Большой Заб. Курдистан

Хижина курдов в пещере Шанидар

XIX в.: «В январе 1886 г. я ехал из Кульпа в Кагызшан (долина реки Аракс, в Сев. Курдистане.) [...],...вдруг мы услышали лай собак вокруг нас. Очевидно, мы приехали в курдский зимовник, хотя вокруг нас не было видно ни одного дома. Я остановил лошадь и начал ждать появления курдов; не прошло и пяти минут, как прямо из-под ног моей лошади, с лучиной в одной руке, вышел курд. Это меня сильно удивило [...]. Оказалось, что лошадь моя стояла на крыше избы того курда, перед лошадью на полтора аршина внизу находилась дверь, [...], нас впустили в хлев. Здесь в «миян» [отгороженное от ясель для скота место в доме] на войлоке сидело около 15 курдов. Камин горел [...].Прежде всего хозяин угостил нас кофеем, после чего подали ячменный хлеб, который печется у курдов на сажках, кислое молоко, сыр». (Хачатуров К. Курды, черты их характера. Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 20. Тифлис, 1894. С. 67—68.)

Таким образом, мы видим, что именно курды сохранили наиболее древний вид жилища, некогда присущий автохтонным жителям Загроса. Открытие переходных памятников так называемой Барадостской верхнепалеолитической культуры в Курдистане дало исчерпывающий ответ на местное, загросское происхождение культуры североиракского мезолита XI—IX тыс. до н.э.

В хозяйственной деятельности наблюдается совмещение охоты и первые попытки одомашнивания дикой овцы. И.М. Дьяконов дела-

ет вывод о том, что именно «потомки мустьерских охотников Курдистана стали, по-видимому, первыми пастухами мира». (История Древнего Востока. М., 1983. С. 50). Это мнение имеет под собой довольно серьезную научную аргументацию, основанную на подсчете костей диких животных, употребляемых в пищу древними охотниками. Основными дикими животными гор Загроса являются овцы и козы, это их естественный и исконный ареал обитания, откуда впоследствии в одомашненном виде они распространились по всему миру. На стоянках древнего человека Зави Чеми Шанидар и Джармо в Курдистане эпохи мезолита (X—VI тыс. до н.э.) в ранний период среди костей (съеденных животных) встречается большое количество костей овец и коз, причем взрослых особей, но уже в средний период (VIII тыс. до н.э.) половина съеденных животных была моложе одного года. Это и является доказательством факта зарождения животноводства, поскольку в домашнем стаде человек никогда не ждет, пока овца состарится, что подтверждают и многолетние наблюдения животноводов. Другим, более веским доказательством наличия животноводства в горах Загроса у древних жителей — кутиев на стоянках Зави Чеми Шанидар является тот факт, что в ниж-

Курдская деревня в районе пещеры Шанидар

них палеолитических слоях пещеры Шанидар обнаружены кости тех же животных — козы, овцы, но не в том соотношении. А это важно. В пещере Шанидар в палеолитических слоях примерно 20 % костей барана и 80 % костей козла. В Зави Чеми Шанидар, наоборот, костей барана 80 %, а козла 20%. Дело в том, что в диком состоянии в этих краях водится больше козлов, чем баранов (в соотношении 4: 1). Значит, соотношение животных в палеолите и раннем мезолите отражало соотношение в природе. Козлов было больше, их и среди добычи было больше, — баранов меньше (всего 20 %), они и на охоте попадались реже. А почему в Зави Чеми Шанидар стало наоборот? Потому что приручить дикого козла очень трудно, бараны же приручаются легче. Понятно потому, что их костей стало попадаться больше — это были кости домашних животных. (Г.Н. Матюшин. У колыбели истории. М., 1972. С. 166).

Земледельцы и животноводы Загроса

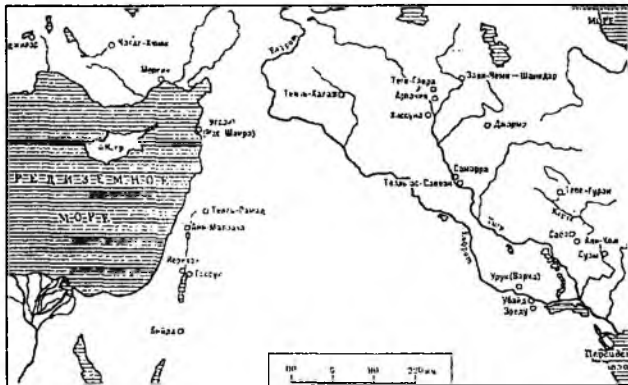
К VII тыс. до н.э. в горах Загроса, на территории Курдистана складывается неолитическая культура типа Джармо, принадлежащая к более широко распространенной Хассунской культуре (VII—VI тыс. до н.э.), названной так по имени поселения Хассуна возле г. Мосула. Племена курдов-кутиев были земледельцами и скотоводами. Поселения типа Джармо той эпохи обнаружены повсеместно в горных долинах и на плоскогорьях в Загросе и Западном Иране. Найденные археологами кремневые и костяные орудия на поселениях типа Джармо в Загросе четко фиксируют переход в развитии средств производства от старых архаичных форм к новым, более прогрессивным. В первую очередь к орудиям нового типа относится изогнутый серп для жатвы хлебов. Сама изогнутая форма серпа выгодно отличается от ближневосточных (натуфийских) прямых лезвий, она сохранилась до наших дней и прямо свидетельствует о земледелии как главном источнике существования курдско-кутийских племен плодородных долин Загроса. Вместе с этим многочисленные костяные скребки для обработки шкур животных подтверждают, что вторым промыслом обитателей Джармо являлось скотоводство.

Овца, горное животное, впервые была одомашнена человеком в глубокой древности (VIII тыс. до н.э.) в горах Загроса, то есть в Курдистане — Мидии. Именно у курдов-курманджи овцеводство как отрасль животноводства доведено до уровня высокого искусства, что

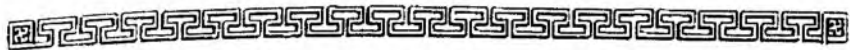

уже указывает на древность пребывания иранского этноса в Передней Азии, поскольку именно горы Загра являлись исконным ареалом обитания дикой овцы! Так, известный археолог Г.Н. Матюшин писал: «...в Африке нет диких овец; напротив, в Азии известны три вида диких овец, от которых и произошли домашние породы. Муфлон, который в настоящее время водится в северной части Средиземноморья — в Корсике и Сардинии, — когда-то был широко распространен и в континентальной Европе. Другая разновидность дикой овцы обитает в гористых областях до Эльбруса и Загроса. Изображения, по-видимому, уже прирученного азиатского муфлона имеются на одном шумерском сосуде четвертого тыс. до н.э. Древнейшая в Европе домашняя овца, кости которой были найдены в озерных поселениях и других древних слоях Западной Европы, является прирученным потомком азиатского уриала — длиннохвостой овцы. Родной этой последней разновидности являются северные склоны Эльбруса, Туркестан, Афганистан, Белуджистан и Пенджаб. Считается, что к этому же виду принадлежит и древнейшая египетская овца. Третья разновидность овец Древнего мира — аргал — водилась в восточнее области распространения уриала. Таким образом, овца была ввезена в Африку и Европу из Азии. (У колыбели истории. М., 1972. С. 163—164.)

Земледелие и животноводство предполагают и последующее возникновение примитивного ткачества (из льна и конопли) и кожевенных ремесел (шитье обуви) с вязанием и прядением из шерсти овцы и пуха коз. Солома, оставшаяся после сбора урожая, смешанная с гли-

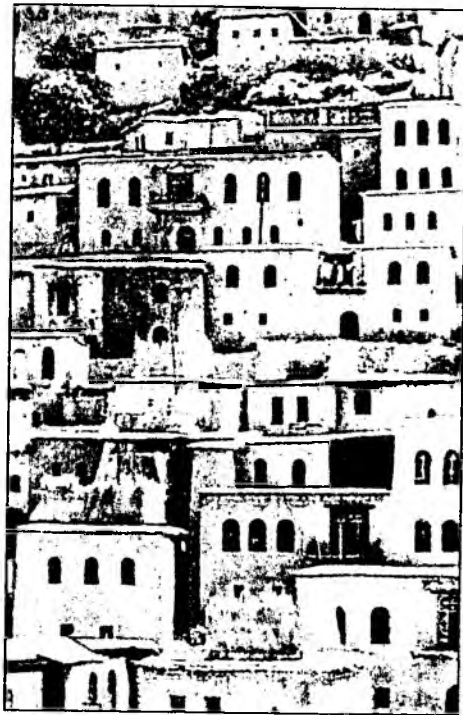

Юго-Западная Азия в IX—IV тыс. до н.э.

ной, стала основой производства кирпича. Дома, построенные из сырцовых кирпичей, стали загросским племенам кутиев-курдов, спустившихся в Месопотамскую низменность с гор, надежным убежищем в зимнее время. Массивные очаги служили не только для выпечки хлеба и источником обогрева жилища, но и являлись местом культа домашних божеств.

Поселение Джармо (VII тыс. до н.э.) возле г. Керкука, в самом сердце Курдистана, является древнейшим в Месопотамии центром земледелия. Как установил американский археолог Р. Брейдвуд, предки обитателей Джармо Карим Шахир, Зави Чеми Шанидар жили прежде в гротах Загроса. Культурный слой на стоянке

Курдское горное селение

Джармо составляет 8 м, и это говорит о том, что древние насельники гор Загроса курды-кутии жили оседло на протяжении более чем 2-х тыс. лет (VII—V тыс. до н.э.). Люди Джармо выращивали пшеницу, ячмень, держали коз и овец, изготавливали кремневые серпы. Как предполагал Р. Брейдвуд, в Джармо было около 20 домов, как и в курдских деревнях. И ориентируясь на курдов, Р. Брейдвуд исчислял и древнее население Джармо. Исходя из того, что в среднем в курдском доме семья состоит из 7—8 человек, по Р. Брейдвуду, население Джармо (состоявшее из 20 домов) составляло 150—200 человек. (R. Braidwood, B. Houe, Prehistoric Investigations in Iraqi Kurdistan, Chicago, 1960).

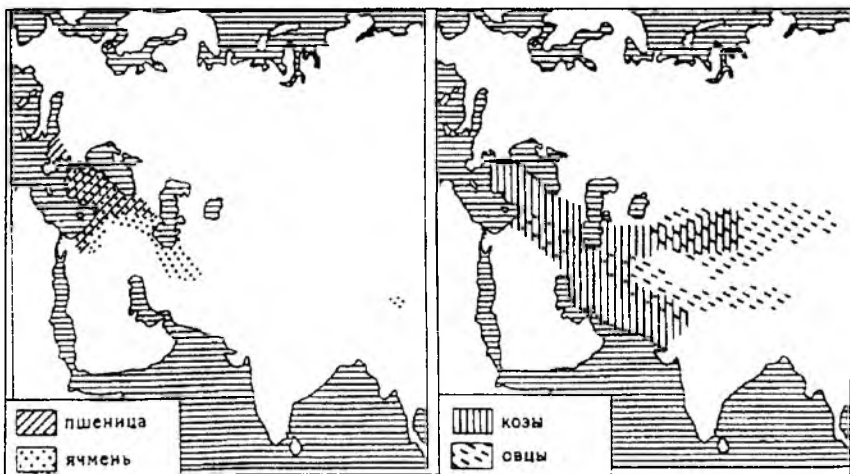
Представление о количестве зерна, предположительно собираемого кутиями-курдами, обитавшими в поселении Джармо в VI тыс. до н.э., мы можем получить из эксперимента, проведенного учеными в районе Северного Загроса на стыке с Тавром в Курдистане, где

до настоящего времени растет дикая пшеница. Как пишет Г.Н. Матюшин, выяснилось в ходе эксперимента, что «даже неопытный человек с помощью кремневого серпа мог собрать 4 фунта зерна за один час. После обмолота в деревянных ступках, просеивания и т.п. получалось около килограмма чистого зерна. Химические анализы показывают высокую питательность дикого зерна, содержащего 24 % протеина, тогда как в современной окультуренной пшенице содержится всего 14 % протеина. По подсчетам проф. Джека Р. Харлана (Jack R. Harlan), опытная мезолитическая семья за три недели работы со средней нагрузкой могла запасти около тонны зерна.

На склонах Загроса (на Ближнем Востоке), где впервые возникло производящее хозяйство, климатические условия на протяжении последних восьми — десяти тысяч лет почти не менялись. Видимо, именно в то время, когда окончательно сложился современный климат, первобытные охотники здесь были вынуждены перейти вначале к интенсивному собирательству, а потом и к выращиванию злаковых и разведению домашних животных» (См. Указ. соч. С. 195.)

Вызывает удивление тот факт, что когда в горах Загроса в Курдистане в VII тыс. до н.э. у населения — кутиев (предков курдов) — уже существовало скотоводство и земледелие, население Нижней Месопотамии находилось на весьма низком уровне жизни, занимаясь примитивным собирательством. Археологические раскопки, проведенные Букрас (Bouqras) и Марейбат (Mureybat), оседлых стоянок

Распространение дикой пшеницы и ячменя, козы и овцы

человека VII тыс. до н.э. в долине Евфрата показали, что их население существовало за счет примитивного собирательства, тогда как чуть выше в горах Загроса в Курдистане, буквально рядом, в том же VII тыс. до н.э. люди, одоместривавшие пшеницу и ячмень, уже жили

Места находок костей домашних животных и их даты

Характер сведений о степени одомашнивания животных	Собака	Коза	Овца	Крупный рогатый скот	Свинья	Кошка
Возможно, домашние	Северный Иран — XI—X тыс. до н.э. Восточное Средиземноморье — рубеж VIII—IX тыс. до н.э.	VIII тыс. до н.э. — VIII тыс. до н.э.	Иран — VI тыс. до н.э.	Иран — VI тыс. до н.э. Восточное Средиземноморье — IX—VIII тыс. до н.э.		Палестина — VII тыс. до н.э. Иран — VI тыс. до н.э.
Вероятно, домашние	Ирак — VII тыс. до н.э.	Начало VI тыс. до н.э.	Иран — начало VI тыс. до н.э.	Первая половина V тыс. до н.э.		Восточное Средиземноморье — VI тыс. до н.э.
Наиболее вероятно	Иран — 1-я половина VI тыс. до н.э.	Ирак — начало VI тыс. до н.э.	VI тыс. до н.э.	Начало V тыс. до н.э.	Конец V тыс. до н.э.	Ирак — V тыс. до н.э.
Несомненно, домашние	Восточное Средиземноморье — середина VII тыс. до н.э. Иран — 1-я половина V тыс. до н.э.	Ирак — середина VII тыс. до н.э. Восточное Средиземноморье — VI тыс. до н.э. Иран — 1-я половина VI тыс. до н.э.	Иран — начало VI тыс. до н.э.	Туркмения — V тыс. до н.э.	Ирак — середина VII тыс. до н.э.	Восточное Средиземноморье. Иран — Средняя Азия — V тыс. до н.э.

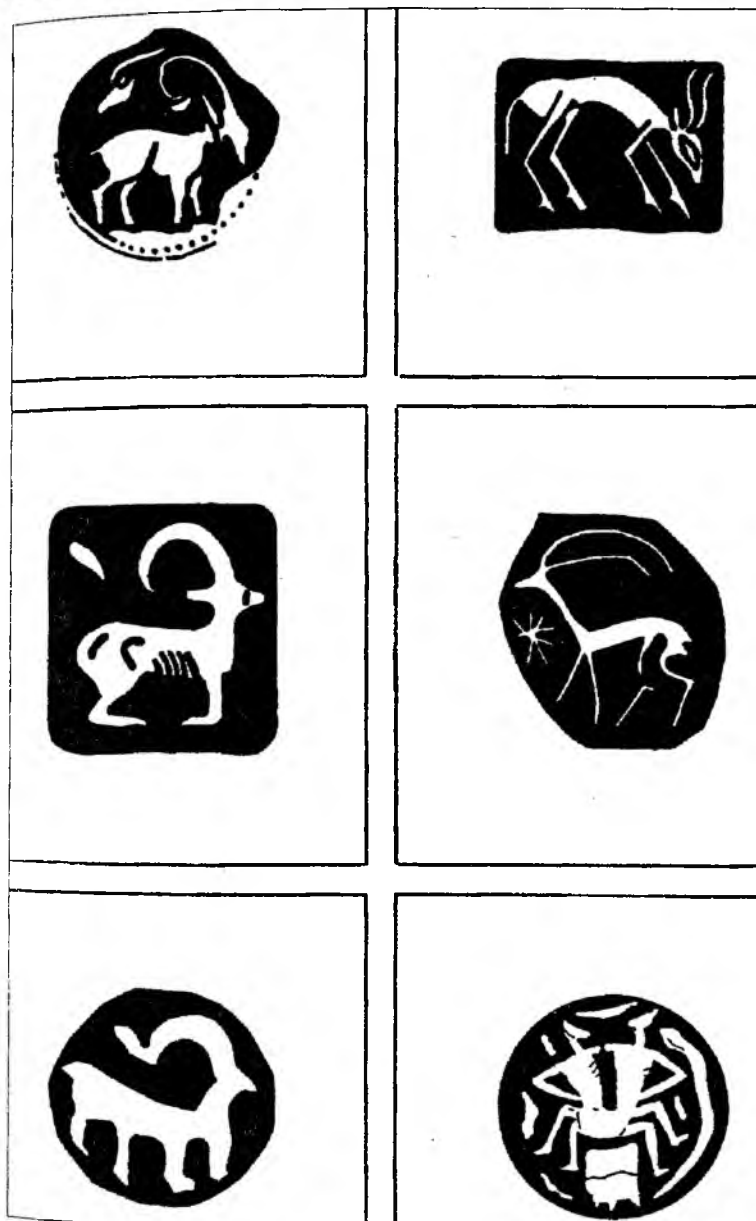

за счет земледелия и животноводства. Именно земледельческо-скотоводческие племена гор Загрота (Курдистан) в VII тыс. до н.э. начинают расселяться в поисках новых земель для своих посевов пшеницы и пастбищ для отар скота (коз и овец). Первыми поселениями земледельцев и скотоводов в Месопотамской низменности являются деревни выходцев Загрота горцев кутиев-курдов, которые в долинах притоков Тигра, позднее и в Верхней Месопотамии по Евфрату основали знаменитую культуру Хассуны, которая по существу и лежит в основе всей последующей цивилизации Междуречья.

Курдская культура Хассуны

Эта культура (VII—VI тыс. до н.э.) в Северной Месопотамии, названная по имени селения Телль-Хассуна, возле Мосула, характерна тем, что здесь отчетливо прослеживаются связи с культурой древних земледельцев-скотоводов Загрота, то есть кутиев. Неолитическая культура Хассуны охватывала север территории современной Сирии и юго-запад Малой Азии и доходила на конечном этапе своего развития вдоль берегов Тигра и Евфрата до заболоченных областей Южного Двуречья. На своем пути на юг древние земледельцы-животноводы Загрота, кутийско-курдские племена, вступили в зону, где количество природных осадков (дожди, туманы, роса) выпадало значительно меньше или явно недостаточно для получения устойчивого урожая, как это было на прежних местах обитания, в горных долинах севера. В результате этих в целом простых, объективных причин представители горной Хассунской культуры кутии-курды первыми в истории человечества стали применять формы искусственного орошения земель путем создания плотин и запруд на пути паводковых вод.

Археологические раскопки городищ Хассунской культуры в Месопотамии на поселении Телль-ас-Саван возле Багдада, на Ярым-Тепе, к западу от Мосула в Чога-Мами на среднем течении Тигра, и в Западном Иране на поселении Али-Кош показали высокий уровень культуры ее носителей. Кутии-курды Хассуны уже выращивали три вида пшеницы, четыре вида ячменя. Гибридные сорта пшеницы эмер, полба и особенно наличие двурядного и шестирядного ячменя, характерного для областей поливного земледелия, демонстрируют определенные инженерные навыки в сооружении арыков для воды и наблюдательность кутиев-курдов. В Чога-Мами археологи обнару-

Печати из Тепе-Гавры, слои XIII—XI, вторая половина IV тыс. до н.э.

жили остатки хассунских каналов. Здесь был приручен, судя по костным останкам, и крупный рогатый скот. Из льна ткали полотно на примитивных ручных станках, а одежда из шкур животных стала отходить в прошлое. Поселение Телль-ас-Саван (возле Багдада) построено по продуманному «архитектурному» плану. Дома строились из сырцового кирпича. Поля обрабатывались деревянными мотыгами с каменными наконечниками, урожай снимали закругленными серпами с кремневыми наконечниками.

Керамика кутиев-курдов Хассуны — сосуды типа амфор и широких чаш — украшена насечкой.

Высшим этапом развития культуры Хассуны является ее последующая ступень — культура эпохи Самарры. Именно кутийско-курдские племена Самаррской культурно-этнической группы земледельцев-животноводов гор Загроса (Курдистан), двигаясь дальше на юг по Тигру и Евфрату, достигнув прибрежных болот Южного Двуречья у Персидского залива, завершают последний этап освоения Месопотамии.

Керамика Хассуны часто украшена солнечным символом индоиранцев — свастикой.

К этому периоду происходит и окончательное разделение труда, сохраняющееся у курдов, потомков кутиев, и по настоящий день.

Первое. Охота — начир, как форма жизнеобеспечения, имеет в Курдистане существенное значение, поскольку в горах Загроса по-прежнему обитают дикие козы и главное — овцы.

Второе. Земледелие — рчэат, как форма труда, охватывает часть каждого племени курдов, а по существу занимается им половина деревни любого племени, называемых пахари — котанчи.

Третье. Кочари — пастушество — наиболее почетная форма жизни. Земледельцы-котанчи подчиняются кочари.

Кутии-курды Хассуны — Самарры в Двуречье

Кутии Загроса, продвигаясь со своими стадами на юг, основали на тогдашнем берегу Персидского залива поселение, ставшее позднее в эпоху Шумера, известным под названием г. Эреду. Выше по течению Евфрата (фьрату — широкий, курд.яз.) расположились Варка и Ларса. К началу V тыс. до н.э. началось освоение кутиями-курдами Загроса плодородных земель Нижней Месопотамии и переход населения от экстенсивных к интенсивным формам земледелия.

Культурный слой поселения Эреду (Абу-Шахрейн) XIX—XV на юге синхронен по времени культурным слоям III—V Хассуны на севере возле Мосула (Курдистан). Из этих и многих других археологических, лингво-лексических и мифологических параллелей следует закономерный тезис о кутийско-курдском происхождении шумерской цивилизации.

Хассуна и Халаф

В горах Загроса и Тавра, прилегающих с севера к Нижней Месопотамии, где и осели земледельцы и скотоводы доисторического Курдистана в V тыс. до н.э., произошли важные изменения. Жители культуры Хассуны испытали сильное влияние соседней культуры — племен Халафы, которые, судя по археологическим находкам, обитали от районов Вана на севере до гор Тавра в Северной Сирии на юге. Большинство исследователей говорят о смещении Хассунской и Халафской культур, а, следовательно, и населения гор Загроса и Тавра. Из этого положения следует вполне закономерный вывод о том, что и территорию Тавра, вплоть до наступления эпохи земледелия, населяли предки курдов — кутии. Действительно, при сличении карты расположения Хассунской и Халафской культур в V тыс. до н.э. с современной картой Тавра, Загроса и Северной Месопотамии мы странном образом не выходим за пределы территории Курдистана, называемой страной Курдов всеми близживущими народами: арабами, евреями, иранцами.

Этот вывод о кутийско-курдской принадлежности представителей Халафской культуры подкрепляется наличием памятников Халафских племен в самом сердце Курдистана, возле озера Ван, далеко на севере от Сирийского побережья. По всей видимости, Хассуна и Халафа представляют собой единый, но длительный процесс расселения горцев-кутиев Загроса — Тавра в поисках земель на юг, как в Нижнюю Месопотамию, так и в Северную Сирию к побережью Средиземного моря. Различие между Хассуной и Халафом не этническое, а религиозно-культурное, что, по сути, и зафиксировано временем. Хассунская культура, как более древняя, связана с архаичной формой ведения хозяйства — охотой, в которой главной целью был дикий баран — горный архар. Следовательно, божеством у них был, как и у всех курдов, баран «Мез — Меш», сохранившийся и в более позднюю эпоху I тыс. до н.э. в курдском княжестве Мусасире под ис-

конно иранским именем Баг машту — Баг барту, где Баг — бог-распределитель, бар — ягненок. Возможно, что к эпохе Хассуны восходит имя курдского племени Шейх-Бызни — племя козлоподобного шейха. Культура же Халафы более поздняя, и ее носители кутии-курды были уже более связаны с земледелием и животноводством, поэтому символ здесь становится — Бык или буйвол, изображения которых были особенно популярными в Халафском искусстве. Вполне возможно, что имена крупных курдских племен и даже наречий и диалектов: Гуран — бычьи, Гавсухар, Гафуруши — продавцы быков, Гавхаран — поедающие быков, восходят к племенам кутиев — носителей послехассунской халафской культуры с особым культом почитания Быка. Курды Гораны являются хорошими садоводами и земледельцами и проживают, объединившись в 7 племен в Западном Иране, к северу от рек Большой Заб и Хазир. Само расселение курдов Горани — бычьих — на местах распространения в древности Халафской культуры с культом быка в религиозном культе предполагает наличие сохранения традиции своих предков кутиев Загроса у их потомков современных курдов. Неподалеку от Керкука в Курдистане обитают племена гавсувары — всадники быков и гавхаран — поедающие быков, весьма для нас интересные, и как писал еще Вильчевский: «Сам по себе факт констатации среди курдского населения „едящих говядину» [гавхаран] весьма знаменателен. Для большинства курдов [...]. характерно употребление в пищу бараньего мяса, [...]. Следовательно, в этом названии сохранилась весьма старая традиция, полностью забытая в настоящее время». (О.Л. Вильчевский. Курды. Введение в этническую историю. М., 1961. С. 161.)

Курды Шейх-Бызни, почитавшие, судя по названию, божество мелкого скота, говорят на курдском диалекте курманджи, тогда как курды Горани: Гав — бара — кап — наездники волов — быков (древняя форма) разговаривают на другом диалекте курдского языка, именуемого Горани. Подобное совмещение божеств — символов козла — архара и быка на этой территории Курдистана действительно имело место в эпоху смешения Хассуно-Халафской культур Загроса и Тавра, непосредственно предшествуя возникновению цивилизации Шумера. Вообще, весьма знаменательным является факт сходства названия буйвола — гамеш — в курдском языке с именем самого популярного героя в Шумере Гильгамеша, искавшего бессмертия. В других языках, в восточноевропейском, к примеру, таких соответствий нет, что уже само по себе указывает

*Одеяние жриц богини Иштар с короной из рогов.
Эпоха династии Аккада (реконструкция М.В. Горелика)*

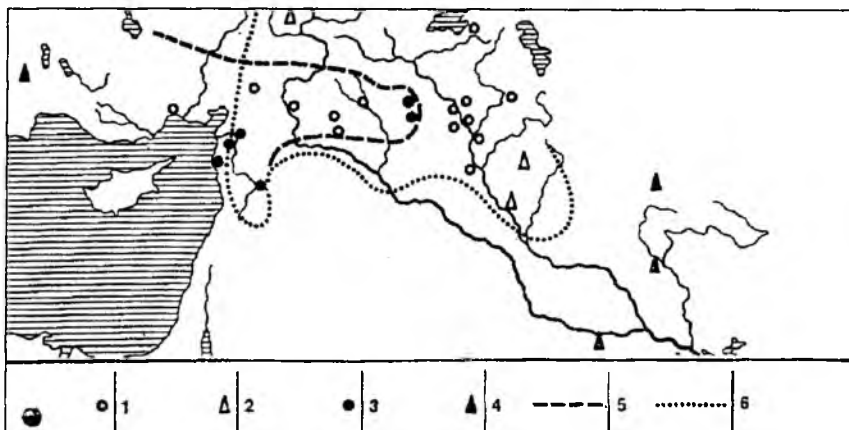
на весьма тесный характер смешения культур кутиев-курдов и шумеров.

До настоящего времени среди курдов бытует древнее представление о рогах как о некоем символе богатства и благополучия, и даже в народе сохранилась национальная поговорка: «небун струе меране, тунебун — котибун»: «богатство — рога для мужчины, бедность — проказа». (О. Джалил. Пословицы и поговорки курдов. 1972. С. 136.)

Это же представление существовало и у шумеров, что зафиксировано документально в аккадском переводе: Agē qarni ṣtrati agē beluti simat iīyīti — тиара из священных рогов, тиара владычества, подобающая божественности» из надписи царя касситов Агума II (1595—1571 гг. до н.э.) в Уре Халдейском. (И.М. Дьяконов. Люди города Ура. М., 1990. С. 331.)

В эпоху культуры Хассуны — Халафы в Междуречье (Эреду, Варка) на востоке Месопотамской низменности скотоводы-земледельцы Загроса спустились с гор в плодородные долины, орошаемые водами рек Керки и Карун, и, основав множество поселений, заложили в Хузестане материальную основу для возникшего впоследствии государства Элам — современника Шумера. С древнейших времен, насколько известно документально, в Хузестане всегда проживали и живут поныне курдские племена лак, лури и бахтиары, диалекты которых значительно отличаются не только от курманджи и горани, но даже и между собой, что уже само указывает на значительный исторически самостоятельный период развития и становления их иранских языков из более древних племенных диалектов. Луров ученые отождествляют с потомками эламитов, и, исходя из близости лурского и курдского языков, следует логический вывод о курдах как о потомках шумеров, поскольку культура последних изначально обязана своим возникновением горцам земледельцам-скотоводам Загроса, то есть, говоря совре-

Халафская культура:

- а) распространение памятников халафской и других синхронных культур;*
- 1) халафские памятники, 2) отдельные надписи халафской керамики,*
- 3) памятники сиро-килийской культуры, испытывавшей халафское влияние,*
- 4) прочие памятники, 5) область первоначального распространения сиро-килийской культуры, 6) южная граница территории сплошного распространения хурритского языка во II тыс. до н.э. (по И.М. Дьяконову);*
- б) глиняная статуэтка, V тысячелетие до н.э.*

Пастух-курд со своим стадом коз и овец. Фото Карло Маури

менным языком, курдам Курдистана. Кроме курдов, нет больше другого народа, к культуре и языку которого можно было бы возвести начало цивилизации Шумера.

ПРЕДЫСТОРИЯ ШУМЕРА

Урук — Эреду (Абу-Шахрейн — Варка)

Первыми поселениями земледельцев-скотоводов Загроса в Двуречье были Эреду (культура Варки) и Урук (культура Абу-Шахрейн). В прибрежной и заболоченной области Двуречья на поселениях Эреду и Урук в животноводстве начинает преобладать разведение крупного рогатого скота. Жители сеяли ячмень, полбу, коноплю, но занимались и охотой, рыболовством. Жители Эреду, как пишет И.М. Дьяконов — борясь с едва управляемой стихией ежегодно разливающейся реки (Тигр, Евфрат), используя воду, оставшуюся после разлива в мелководных озерах, они еще в эпоху Абу-Шахрейна впервые применили здесь принесенный ирригационный опыт, стали рыть в мягком грунте небольшие каналы и сеять хлеб». (История Древнего Востока. М., 1983. С. 79—80.)

Возможно, именно к названию полноводной реки и восходит по народной этимологии исконно курдское по существу название страны — Шумер. Курды-езиды вплоть до настоящего дня почитают и поклоняются в своем синкретическом культе некоему божеству — Змею, называя его Шахмер. Во всех мифологиях мира и у всех народов река, а шире и вода, водная стихия ассоциируется со змеей (драконом ажидахаком, ехидной, ужом), что даже закреплено в языках лексически. В курдских поверьях, а затем и в Авесте, происхождение (этногенез) курдов возводится к бегству 500 юношей с берегов моря в горы от злого Змея — Ажидахаки, поедающего людей, где они начинают жить, получив овец. В этом отношении само имя Эреду совпадает с ирано-ведийским: gra — ga daḥa — поселение змея, а также сравните: gr̥mī — волна, поток (санскр.). Имя курдского божества — змея Шахмер — соответствует самоназванию Шумер. Дискуссия по поводу самоназвания страны шумеров Ки-Кин — страна, область (?), со всей определенностью прямо указывает на индоиранские корни этого имени, поскольку в иранских языках слово Кин — kand (Kokand — Samarkand) как раз и обозначает город — поселение и даже область — страна. Надо особо указать, что иранское kand тождественно ведийско-авестийскому — dahya. Самоназвание страны иранцев в эпоху Ригvedы было Irandaḥ.

В целом, говоря о самоназвании Шумера как имени Кин, нельзя не отметить детального тождества этого слова с Загросским названием «страна — поселение, крепость» — kin-, gin-, kingi- у кутиев-горцев Курдистана, которые в эпоху Халафы, пройдя путь от Северной Месопотамии на юг, заложили в Эреду и Уруке основы всей будущей цивилизации Шумера — Кингира. На всей территории от Курдистана до Индии, древней земли индоариев Куру встречаются топонимы со словом (этимомом) Кан, сравните Кандагар, Канди, Кандры и т.д., и т.п. Интересно также отметить полное соответствие названия «шумерского» Эреду курдскому Yar de (Варде) — место пребывания, стоянка племени.

Материальная культура Эреду на берегу Персидского залива в долине реки Евфрат подтверждает наличие постоянных контактов в виде торгового обмена [меновая торговля] с обитателями Северной Месопотамии и горами Загроса. Obsидиан доставляли с берегов озера Ван, лес и камень для строительства — из гор Загроса, асфальт-битум из района Малый Заб (район Керкука и Мосула в современном Курдистане); медь — из рудников в горах Тавра к западу от Заг-

роса, золото — из Индии и Средней Азии, красный камень сердолик — из Афганистана, то есть из регионов, где издревле живут индоиранские народы.

Многие характерные черты росписи керамики указывают на генетическую преемственность и глубокую связь культуры Эреду и Варки не только с культурой Самарры, но и более древней Хассуна-Халафской традицией горцев Загроса. Росписи с изображением баранов настолько точны, что можно определить породу дикого архара Загроса. Культура Урука и Эреду (Убайд-Варка) в различных вариантах складывалась и шла в общем едином русле с общественным развитием на всей территории от Северной Месопотамии и горами Тавра на северо-западе вплоть до юга в Междуречье. Так, в конце IV тыс. до н.э. в верховьях реки Хабур (непосредственно в Курдистане), судя по культурным археологическим слоям, из обычного поселения земледельцев-скотоводов периода Хассунско-Халафской культуры возник крупный городской центр (городище Телль-Брак, площадь 50 га). К началу III тыс. здесь был возведен монументальный храм божеству, украшенный фризами из сланца и известняка.

Сходные прогрессивные черты развития древнего общества отчетливо выступают при сопоставлении и в последовательно сменяющейся культуре народа из горцев Загроса, осевших при переселении с гор в долины Каруна и Керхе. Из более чем 100 поселений главным становятся Сузы. Вся территория Суз уже была обнесена глинобитной стеной, в диаметре более 800 метров, за которой располагалось кладбище. Как и в Нижней Месопотамии, замечен прогресс в металлообработке из привозного сырья — меди, золота, серебра.

Культура Урука-Убайда, Варки-Эреду и Суз создана горцами-земледельцами Загроса. Так, почти одновременно сложились две цивилизации Древнего мира в Нижней Месопотамии — Шумер и Элам.

Курды и Шумер

Решение вопроса о национальной принадлежности жителей Шумера в древности есть, по сути, решение вопроса о происхождении человеческой цивилизации. Основоположники шумерологии Г. Роулинсон (1809—1895), Ж. Оперт, Э. Хинкс, Фр. Ленорман независимо друг от друга пришли к северному характеру языка шумеров и весьма активно защищали эту точку зрения.

Поскольку Курдистан находился тогда большей частью (Мосульский, Синджарский, Халепский вилайаты) в составе Османской империи, то невольно курдский язык по привычке и для удобства обозначения без необходимости пояснений был назван туранским языком. Следует напомнить, что при копировании вавилонского текста с параллельным переводом на древнеперсидский, данного на Бехистунской скале, Г. Роулинсону неоценимую помощь оказали курды. Расшифровка надписи дала ключ к пониманию аккадской письменности, на которой были составлены в древности шумеро-вавилонские словари, что и позволило ученым в конечном счете понять письменность шумеров, которая была не семитского происхождения.

Шумеры были не семитами, а индо-ираноязычными горцами Загроса — курдами, и первыми их поселениями в Нижней Месопотамии стали Варка-Урук и Эреду-Ур с культом богини Э-Анны.

Лексические данные курдского и шумерского языков показывают наглядно, насколько они были близкими в древности с учетом неукоснительного сокращения словарного запаса языка к эпохе медно-каменного века. Вся сопоставимая лексика доказывает, что шумеры отделились от горцев Загроса, возможно, в эпоху Самарры, поскольку все основные понятия мифологии религиозного культа, названия сельскохозяйственных растений, обеспечивающих жизнь человека, названия отдельных профессий проникли в письменность шумеров из, как выходит, более древнего кутийско-курдского языка горцев Загроса, носителями которого, без всяких сомнений, были представителями культуры Самарры, которым и принадлежит заслуга полного освоения Месопотамии и особенно низменных заболоченных районов Южного Двуречья.

Вообще первые поселения в заболоченной области Месопотамии, возникшие в VI тыс. до н.э., по своему облику и форме хозяйствования идентичны поселениям носителей Самаррской культуры предгорий Загроса и долин среднего течения Тигра и Диалы на севере, что уже предполагает и наличие единого языка для этого расселившегося этноса. Сельскохозяйственные злаки были занесены в Двуречье переселившимися горцами Загроса, и шумеры в III тыс. до н.э. сохраняли память о горном происхождении высеваемых ими растений. Также дерево и мед поступали в Шумер с верховьев Большого Заба. Сопоставления показывают это тождество в лексике.

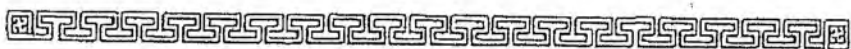

	Шумерский	Курдский
	язык	язык
пшеница	ги	геньм
ячмень	ше	ще
медь	ugudu	ро
медник	тибира	тимерсе
кузнец	симу	сим «тонкая провода из металла»
плотник	нагар	нашар
хлеб	нин(да)	нан
раб, крепостной на сельских полях	ерен	р'эат «земледелец»
лопата	ереду	раб у курдов — кочари
бык	мар	мэр
	гуд	га

Как видно из этих сопоставлений, курдский и шумерский языки в области сельскохозяйственной и ремесленной лексики — едины. Касаясь терминологии медного производства, необходимо отметить именно шумерское чтение — забар — «медный сплав» в названии крупного курдского племени — зибари, обитающего в районе Арбелы (Эрбиля), где с древнейших времен добывали медную руду, из которой в виде сплава получали позднее дань с курдов-кутиев ассирийские цари.

Лингвисты, изучающие топонимику Нижней Месопотамии шумерской эпохи, а также ономастику имен божеств и людей, выделили на этой территории существование в III тыс. до н.э. некоего «прототигридского» языкового субстрата, непосредственно предшествующего сложению самого шумерского языка. Прототигридский языковый пласт установлен надежно и вполне определенно, его лексические связи явно обнаруживают себя в названиях и именах не только в предгорьях Загроса, но и в ряде поселений шумеров в Нижней Месопотамии. По своей структуре этот (кутийский) язык условно принято называть «банановым», поскольку консонанты и гласные в именах собственных этого языка расположены по структуре, близкой к расположению звуков в слове — banan. Как писал И.М. Дьяконов — вполне возможно, что с носителями «бананового» языка следует отождествить хассунские племена, во всяком случае, их самарскую группу. Если субстратных языков действительно было два, то второй можно было бы отождествить с языком халафских племен». (История Древнего Востока. 1983. С. 92.)

К этому шумерскому — прототигридскому языку восходят такие топонимы, как Забаба, Эшнуну, Билулу Шушшара, Экалла-

тум из предгорий Загроса, где и обитали первые земледельцы-скотоводы кутии.

Все эти топонимы имеют чтения в современном курдском языке.

Забаба — Завие (курд.);

Эшнуну — Аш-нан (курд.);

Билулу — Лулу (Лолып р-н в Курдистане);

Шушшара — Шуша (курд.)

Экаллатум — от kalot — башня из камня, старое иранское слово, заимствованное семитскими языками в древности и «вновь возвратившееся в новоиранские языки (персидский, таджикский) уже в арабизированной форме gal'a — крепость. (Э.А. Розенфельд. Ономастика Востока. 1980. С. 161.)

На прототигридском языке еще в III—II тыс. до н.э. говорили жители (кутии) долины реки Диялы и рек Большого и Малого Заба, и к этому же языку (кутиев) принадлежат имена ряда божеств как Нижней Месопотамии, например Забаба — главный бог шумерского города Киша, так и на юге Инанна — главная богиня города Э-Анны (Урука). Сам культ богини плодородия и плотской любви Инанны был перенесен шумерским царем Энмеркаром из города Аратты, располагавшегося на восточных склонах Загросского хребта. Имя Инанна исконно курдско-кутийское и восходит к курдскому Ин — приносить — вводить и Ани — рождать, разрешаться от бремени. В знаменитой шумерской поэме «Энмеркар и правитель Аратты» Энмеркар, царь шумерского города Урука (Э-Анне) начала III тыс. до н.э., сам говорит о нахождении престола богини плодородия в горах Загроса в Аратте:

Инанне пресветлой так молиться:

— Сестра моя, Инанна, пусть для Урука

Злато-серебро пусть искусно они, жители

Аратты, обрабатывают.

Лазурит благородный пластинами,

Электр, лазурит очищенный...

В Урук, гору святую, да принесут

Дом Ашнана, место твоего престола,

Там Эанну тебе да выстроят.

Опочивальню священную, твое жилище,

Пусть в сердце Аратты искусно отделают...

[...]

В этом отрывке из второго послания Энмеркара мы видим, что для шумеров — авторов поэмы — священным местопребыванием их богини Инанны была Аратта в горах Загроса. Впоследствии культ богини плодородия был перенесен с гор Курдистана — изобильных овцами и козами», в долину Евфрата, где был воздвигнут храм в ее честь в Уруке (Э-Анне). Эта часть поэмы непосредственно восходит в своей исторической памяти к кутиям-курдам Загроса эпохи культуры Самарры. В поэме перенос всеобщего для кутиев-горцев культа божества плодородия (скота!) с гор на равнину изображен как повеление самой Инанны.

Инанна, владычица всех стран,
Энмеркару, сыну Уту, так говорит:
— Энмеркар, слово тебе скажу, прими мое слово,
Совет, что дам, со вниманием выслушай!
Из числа войск твоих отборных посланца слов твоих избери,
Вещие слова Инанны мудрой — Сутей ее — да отнесет!
В горы сверкающие да поднимется,
С гор сверкающих да спустится,
Сюзам, горной стране Аншан,
Словно мышка, пусть смиренно поклонится,
Устрашенный мощью великих гор,
Пусть пылью дорожной покроется.
Аратта подчинится Уруку.
Воистину жители Аратты
Горные камни с гор своих тебе принесут,
Святыню великую тебе построят, престол
великий тебе воздвигнут! [...]
[...] Когда в Уруке, в Куллабе, корону на голову водрузишь,
То, как благодетеля, из храма в опочивальню священную
тебя да перенесут,
Как благодетеля, из опочивальни святой во храм
да перенесут,
И тогда все люди восхищенно ахнут,
Уту, глядя на то, светло да возрадуется.
Ибо жители Аратты
Отныне к тебе прибывать станут.
Денно и ночью приумножаясь,
В местах Думузи, где многочисленны козы, овцы

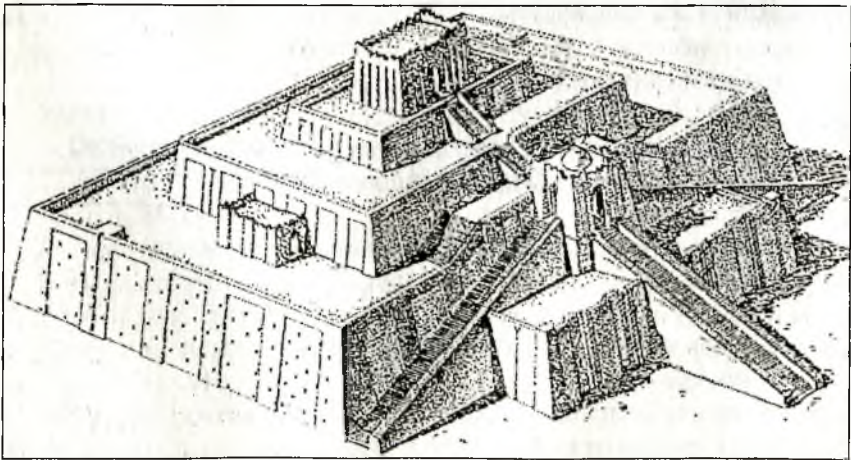
В полях брошенных, полях Думузи,
Словно горные овцы, они преклонят пред тобой колена.

[...]

(С. Крамер. История начинается в Шумере. М., 1991. С. 36—37.)

Упоминание о горных овцах, о серебре и золоте, лазурите, то есть тех материальных ценностях и полезных ископаемых, которых и не было никогда в Шумере, а также наличие культа богини плодородия у жителей Аратты напрямую свидетельствует, что сами шумеры были некогда горцами-скотоводами Загроса — Курдистана. Курдские корни имени богини плодородия прослеживаются и позднее. Так, у ассирийцев шумерско-кутийская Инанна носила имя Иштар, у сирийцев — Астарта, которое восходит к курдскому — стер — постельные принадлежности, сложенные на камнях у стены в комнате напротив входа и почитаемые у курдов священными, как пишет доктор наук Ч. Бакаев. (Курдско-русский словарь. М., 1957. С. 340.)

Вполне возможно, что имя Иштар восходит к индоарийскому Иш — божество — Тар — звезда, то есть Иштар богиня звезды — Венера. Богиня плодородия Инанна почиталась в Шумере дочерью верховного бога небес Анна, имя которого восходит курдскому Эйан — известный, видный, популярный, верховный и, что важно, в математике — э'йани — знаменатель чисел. Логика мысли древних шумеров, не знавших абстрактного мышления, проста до очевиднос-

Храм бога Луны Нанны в Уре. III тыс. до н.э.

ти — Небо выше и виднее всех других богов, для которых выступает знаменателем. «Древним образом самого бога, — как пишет шумеролог Торкильд Якобсен, — мы должны, по-видимому, считать принадлежащего ему «небесного быка», убитого Гильгамешем и оплакиваемого Инанной». (Сокровища Тьмы. История месопотамской религии. М., 1995. С. 112.)

Эпитетом Анна было «Великий Бык небес» — Gud — gal — an — nak. Само шумерское слово бык — Gud восходит к курдскому языку, а точнее народу, где зафиксировано племя курдов гораны — быкастые, предки которых в древности и приручили первыми в Северной Месопотамии дико-го вола — зебу в долинах М. Заба или Диалы в Загросе. Курды, как и все индоарии, верили в небесного быка Гопатшаха, что засвидетельствовано в Авесте. Поражает доподлинное совпадение титулов не только в словах — бык у курдов га — Gud у шумеров, но слова царь — владыка у курдов патша — patesi у шумеров. Другое «шумерское» божество в облике быка Нанна (как и Нандин — белый бык бога ночи Шивы у индоариев Куру (gob) в Сев. Индии) был женат на Нингаль — великая госпожа, имя которой Галь — великая, восходит к неабстрактному, а конкретному қальн — толстый — широкий, большой. Имя бога Нанны писалось клинописным знаком. Общешумерская богиня — мать людей Нин Мах — великая богиня — в своем имени несет курдское прилагательное Mah — большой, великий, гордый. Интересно отметить, что у аккадцев богиня Nin Mah — носит исконно курдское имя Мамо. Имя бога, вызвавшего всемирный потоп Энлиль, напрямую восходит к курдскому Э'й-ан — лейи — потоп, наводнение, буря. (О потопе, вызванном Энлилем на людей, подробно повествуется в VI таблице шумерской поэмы о Гильгамеше.)

Курдянка в национальном костюме с типичным головным убором (Юзгат, Сев. Курдистан)

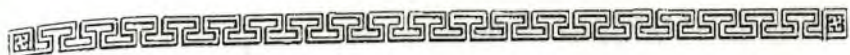
Статуэтка (голова) царицы-жрицы из храма Иштар в Мари. III тыс. до н.э.

Исходя из наличия целого культурного пласта заимствований в шумерском из лексики говора горцев-кутиев, подтверждаемые языком их потомков — курдов, нельзя не согласиться с мнением британского историка и археолога профессора Дэвида Рола, который пишет: «...вполне возможно, что, подобно Инанне, многие божества шумерского пантеона первоначально были богами и богинями горных регионов на востоке. Тогда вполне логично предположить, что если уж боги спустились с гор на равнину, то и люди наверняка мигрировали в том же направлении, принеся с собой свои прежние верования и культовые ритуалы. Таким образом, получается, что большая часть населения Шумерии пришла из горного массива Загрос...» (Генезис цивилизации, 2002. С. 145.)

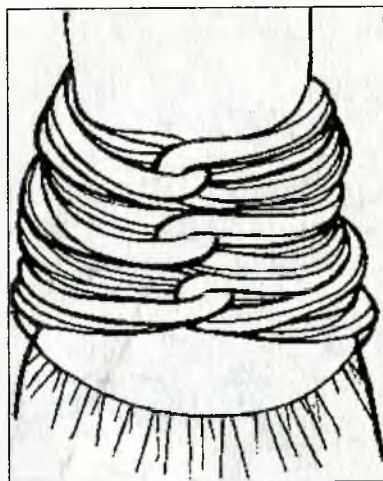
Но не только имена собственные богов и топонимы показывают, что шумеры не приплыли из-за моря, а сошли с гор Курдистана. Более четко об этом свидетельствует религиозный культ.

В шумерской религии большую роль играли женские божества, что отражает реальные отношения в курдском обществе, в котором роль женщины была всегда высока, не в пример восточносемитским народам. Даже принятие курдами мусульманства не пошатнуло их высокого положения; курдские женщины никогда не носили чадры, сами принимают гостей любого пола, пасут наравне с мужчинами овец в горах. Подобное поведение не свойственно для забытых арабских женщин и осуждается даже в соседнем Иране. О такой свободе, как у курдских женщин, арабские женщины могут только мечтать.

Национальной особенностью курдских женщин и девушек, восходящей еще к авестийским верованиям, является ношение пояса. По сути, ношение курдами и курдянками пояса есть некий священный ритуал. Как пишет Т. Аристова: «Женщины племени кельхор, сенджаби, гуран в Южном Курдистане носят шаровары, кончающи-

еся обшлагами, обшитыми монетами; пеструю рубаху; одноцветное платье до пят с длинными рукавами, разрезанное по бокам и спереди, в талии перетянутое шерстяным поясом...» У мужчин: «В талии курд опоясывается бумажным или шелковым поясом (шал). У курдов Мехабада пояс находится под курткой; курды Саккыза поясом обматывают талию сверху куртки». (Очерки культуры и быта курдских крестьян Ирана. С. 238—239.)

*Фото 14. Один из способов
повязывания женского пояса
курдскими женщинами
(Иранский Курдистан)*

Все исследователи-этнографы отмечали пояс непременным и обязательным элементом курдского национального костюма. О роли и символическом значении пояса для курдов свидетельствует тот факт, что именно пояс того или иного определенно избранного цвета является обозначением рода или племени курда для других. Для курда, как и брахмана Индии, пояс имеет магическое значение.

Древние скотоводы-земледельцы Кутии — носители курдского прототигридского языка в эпоху Самары — сошли с гор Загроса и осели в Двуречье, где впоследствии и возникло государство Шумер. Если сравнить теперь национальный обряд — ношение ритуального пояса у курдов с традицией одежды у шумеров, то узнаем, что шумеры — как мужчины, так и женщины до самой смерти не снимали с талии надевавшегося на голое тело магического двойного шнурка или перевязи» (И. Дьяконов. 1990. С. 36). Этот шнур у шумеров, возможно, под названием *dida* — нить, восходит к курдскому *тел* — нить, пряжа. Почти все богини Шумера изображены опоясанные этим шнуром. В каталоге терракот из Ура, куда Энмеркар перенес из горной Аратты культ богини Инанны, все женские божества и обнаженные фигурки женщин и мужчин носят обвязанный на талии этот священный пояс.

К началу III тыс. до н.э. на месте вокруг храма богини плодородия, носящей курдское имя Инанны, возник наиболее древний город шумеров — Урук. Именно к этому периоду и относится создание

*Священный пояс на поясе курда.
XX в.*

В начале III тыс. до н.э. храм богини плодородия Инанны был крупным религиозным центром шумеров в Уруке. Сам город Урук достиг размеров площади в 9 гектаров. Вожди-правители Урука носили имя Энси, что в переводе с курдского Эйан — уважаемый, видный — джи — земли, то есть человек, наиболее популярный в этой земле. Военный вождь шумеров носил титул лугаль, в переводе с курдского — великий, большой, Лу — ле, (мест. 3 л. ед. ч. «его — ее»), Галь — қал — битва, ссора.

Главный прорицатель — шаман у шумеров носил имя — Ишиб, производное от курдско-ведийского: Иш — Ишан — Господь; бь — для, по — орудийный предлог.

шумерами письменности, так изобилующей курдской лексикой. Письменность, по мнению известного шумеролога А. Фалькенштейна, была создана именно в этот исторический период и именно в этом «законченном» виде, каким она явилась научному миру в Уруке. Из этого следует далеко идущий вывод о том, что именно курды-кутии являются создателями первой письменности в Междуречье, поскольку все основные названия сельскохозяйственных злаков, металлургии и имена собственные богов у шумеров являются исконно курдскими.

*16. Голова богини Инанны
из храма Э-Ана. 2800 г. до н.э.*

Посредник в храме, возможно, оракул, носил имя шаб-Галь от курдского шаб-гъли, ответное слово.

Певицы храма Инанны носили имя Гала от курдского гъли — слово, гъли веж — хоровод.

Плакальщица храма Инанны звалась абри(г), имя, явно пришедшее из курдско-арийского Бриха — молитва, заклинание и шире — бори — реветь, мычать (курд. яз., диал. курманджи).

Служащие храма Инанны в Уруке условно подразделялись на две группы — угула и гуруш. Термин угула восходит к курдскому кули — раб, слуга, встречаемое также и в хеттском законодательстве, и в Законах Ману. Другой термин — гуруш — означал у шумеров молодого и крепкого мужчину, что соответствует курдскому голаш, борец, а также корню Гьр — рослый, крупный. По всей видимости, служители храма Инанны в Уруке — гуруши — были магическими воинами богини, исполнявшими в культе роль солдат армии в битве Инанны с ее врагами.

Жрец храма — гипара — носил имя Гуда (ghода), восходящее к курдскому Худо — Ходай — Господь — Владыка, а затем к более древнему и менее абстрактному hodaḡ (ghодаḡ) — пастух крупного рогатого скота.

Смысл наименования курдско-шумерского жреца становится понятным из его действий в ритуале. В обязанности жреца-Гуда [hodaḡ] входило прислуживать в гипаре — «священном загоне», где во время обряда бог луны Нанна в образе быка вступал в священный брак со своей супругой Нингаль в облике коровы. Ритуальная случка быка и коровы символизировала плодородие земли на следующий год. Многочисленные изображения на глине этих быков, сохранившиеся в виде оттиска печатей из архаического Ура со сценами «священного брака» показывают, что бог Нанна почитался в виде дикого быка, поскольку жрец, разыгрывавший роль бога в обряде, представлен в бычьей маске, тогда как жрица, исполнявшая роль супруги бога, Нингаль, представлена в головном уборе, украшенном коровьими рогами и ушами. Город Ур, где разыгрывался обряд «священного брака» лунного бога — быка Нанны и его супруги — телицы Нингаль, был столицей государств Шумера и Аккада вплоть до 2017 г. до н.э., то есть почти до начала II тыс. до н.э., история которого достаточно надежно реконструируется по письменным клинописным источникам. Курды день случки мелкого рогатого скота празднуют под именем Сада-Пез, на котором красят барану самцу — ногъч — рога и пекут

сладкое печенье гату, как и их далекие предки кутии, сошедшие с гор Загроса в эпоху Самарры и заложившие основы государства Шумер.

Соответствия курдского и шумерского обряда более чем очевидны и наглядны. Дальше — больше. По шумерской традиции, у быкообразного бога луны Нанны и его супруги Нингаль было трое детей: Уту — бог солнца, Инанна и Ишкур. Среди них бог солнца Уту сохранился в верованиях курдов-езидов солнцепоклонников под именем святого шейха Ади. Здесь необходимо пояснить, что шумерский бог солнца Уту у хурритов — Шемиг — стал у аккадцев под влиянием курдов-хурритов носить имя Шамаш, которое в такой форме закрепилось и у ассирийцев. Курды-езиды почитают и поклоняются солнцу, называя его на древний горный хурритский манер Шамс, тогда как бога солнца Уту, другой вариант, эпитет солнца превратился в культе в святого наставника шейха Ади — Уту (Атаг — огонь, авест.). Таким образом, становится видно, как глубоко культура курдов связана с культурой древнего Шумера, основанного выходцами с Загроса горцами земледельцами-скотоводами. Не только отдельные термины культа, но сам культ шумеров находит свое продолжение в обрядах и национальной религии курдов.

Курдские термины в сакральной лексике храмового жречества шумеров III тыс. до н.э.

	шумерский	курдский	
Правитель	эн	эйан	видный, авторитетный (человек)
Правитель земли	энси	эйанджи	авторитетный в крае
Раб	эред	рэат	крепостной крестьянин
Жрец	гуда	ghодаг	бык
Шаман	ишиб	иша — ишан	бог
Певец	гала	Гъли	слово
Плакальщица	абриг	Бриху	молитва
Слуга	угула	Qол	раб, слуга
Большой человек, господин	лугал	ле — қальн	он толстый, важный
Большой	гал	Qальн	толстый

Без этих курдских (кугийских) слов не могла возникнуть сама цепь понятий в шумерском храмовом табеле о рангах, который почитался сакральным. В свою очередь, это показывает, что именно курдский язык скрывается за так называемым «прототигридским» языком. Но поскольку шумеры черпали свою сакральную лексику из «прототигридского» языка, то это и служит лучшим доказательством того факта, что сами шумеры сошли с гор Загроса, откуда и стекает река Тигр. В любом случае, храмовая лексика шумерского языка уже подтверждает, что в глубокой древности именно курдский язык звучал на берегах Тигра и Евфрата и люди, пользуясь им, создали первую цивилизацию в Междуречье.

Письменность была создана шумерами в одном из древних городов Эреду — месте культа богини плодородия с курдским именем Инанна — приносящая рождение. Пиктографические знаки наносились на влажной глиняной табличке палочкой. Глиняная табличка-таблетка называлась шумерами *dub* — таб, что полностью соответствует курдскому *тап(ан)* — борона в земле, и *шире* — индоевропейскому — греческому *таре* — то, что выбито на камне. Писать у шумеров называлось — *сар*. Сравните с курдским *nivisar* — нъвисар — то, что написано, текст. Интересно далее отметить и такую важную особенность мышления шумеров и курдов, прямо указывающую на их древнее родство, как наличие в курдском и шумерском языках деления мира явлений на два класса. Первый, социально-активный, зафиксирован в языке одним рядом глаголов, тогда как другой, второй класс социально-пассивных явлений, выражается в языке иным рядом глаголов. В шумерском языке, как в курдском, мир явлений подразделялся на класс лиц (активный) и класс вещей (пассивный), причем в класс второй — пассивный — наряду с вещами включались и рабы, то есть одушевленные люди, но пассивные, то есть подчиняющиеся, а следовательно, не люди, а вещи. Известный востоковед академик В.В. Струве заметил и указал, что одни и те же термины социально-пассивного класса использовались шумерскими писцами применительно как к падежу скота во время засухи (козлов, овец, быков), так и применительно к смерти рабов и военнопленных, хотя с точки зрения современного мышления к последним, как людям, должны были бы применяться термины социально-активного класса. Этот же феномен деления мира явлений на два класса — социально-активный и социально-пассивный — сохранился и представлен в курдском языке.

Класс социально-активный	Класс социально-пассивный
1. разан—раз—раза — «спать» (о людях) разандин—разин—разанд — «укладывать» (только о людях) ньвин — постель (человека) дошэк — матрас палас — ковер дэркэть нава ньвина радьзан — «лечь в постель спать» (только о людях)	1. мэхьлин-мэхьл-мэхьли — «лежать, отдыхать» (только о животных) мэхландьн- мэхьлин- мэхланд — «заставить лечь на отдых» (коров, коз, овец) мэхэл — загон мэхэл һатьн — «лежать, отдыхать» (только о коровах, овцах, козах)
2. вэлэзандьн-вэлэзин-вэлэзанд — «укладывать, заставлять спать» (только о людях) вэлэзийн-вэлэз-вэлэзия — «лежать, растянуться»	2. мэрхандьн-мэрхин-мэрханд — «заставить лечь животное» мэрхин-мэрх-мэрхи — «лежать» (о верблюде, осле, козе — только о животных)
3. хварьн-хо-хвар — «есть, кушать» (о людях) им. суц. — хур — «желудок»	3. дэбьрандьн-дэбьрин-дэбьранд- «кормить скот» им. суц. — дэбар — «фураж, корм»
4. дакэтьн-дакэв-дакэт — «спускаться, сходить вниз» (о людях)	4. дагэрандьн-дагэрин-дагэранд — «сгонять скот с гор, возвращать скот с кочевья»
5. гэрин-гэр-гэри(йа) — «гулять, бродить» (о людях) гэрандьн-гэрин-гэранд — «водит на прогулку» (о человеке)	5. черин-чер-чери(йа) — «пасться, бродить» (только о скоте)
6. гьргьн-гьр-гьрт — «держать, связывать» (о людях)	6. тэвландьн-тэвлин-тэвланд — «привязывать скот»
7. вэлданд-вэльд-вэльдн — «рожать» (только о людях)	7. зайин-зе-за — «телиться, жеребиться» (только о скоте)
8. зиарат — «могила человека» зийарат — «место поклонения».	8. гор' — пренебрежительно «могилка» (только о месте захоронения человека, не пользовавшегося уважением)

Подобные архаичные представления, напрямую восходящие к предшумерскому периоду жизни кутиев, сохранились у курдов до настоящего времени. Подчиненное лицо — реат (шумерский — эрет, уруту) — крестьянин одного рода не может ответить на оскорбление аги из другого племени, а должен пойти и пожаловаться аге — верховному правителю своего рода и племени, который и наделен, по

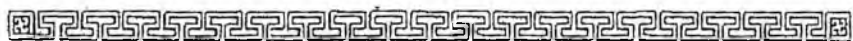
представлению курдов, моральным правом заступаться за своих реатов — крестьян перед другим агай. Сразу видно древнее представление о несоответствии рангов на социальной лестнице курдского общества реата — крестьянина (эред, шумер.) и аги. Как писал очевидец у курдов: «Если ага или благородный курд из одного племени оскорбит или побьет простого курда-землепашца (реат) из другого племени, последний не имеет права поднять руку на оскорбителя — агу: он должен только жаловаться своему аге или какому-нибудь благородному из своего племени, который может потребовать от оскорбителя удовлетворений» (А.А. Аракелян. Курды Персии. «Известия Кавказского отд. РГО» 1904. Т. XVII, № 1. С. 8).

Подобные отношения между людьми закладываются в сознании человека в весьма архаичные периоды древней истории, когда вождь племени отождествлялся с родовым божеством — тотемом, которому противостояли другие божества — тотемы, главы иных родов и племен. Сам тот факт, что огромный пласт сакральной лексики скромного по своему запасу шумерского языка находит свое отражение в курдском языке, свидетельствует об изначальной ираноязычности кутиев Загроса, заложивших культуру Шумера в первых городах Двуречья — Эреду (Эрен — даһ) и Уруке.

Путем сравнения не только шумерского языка и религии с курдским языком, но и методом сравнения типологии керамики из различных регионов Двуречья и районов Загроса достаточно надежно можно установить факт миграции культуры жителей гор Загроса в Курдистане на аллювиальные равнины Месопотамии в VII—V тыс. до н.э.

Археология этого района показала, что керамика впервые появилась в VII тыс. до н.э. на нагорьях Западного Ирана, то есть в Курдистане. Отсюда, из горных долин, где и обитали предки курдов, керамика стала расходиться по всему Среднему и Ближнему Востоку, поскольку основными ее распространителями были горцы Загроса, первыми изобретшие саму технику обжига глины. Исходя из определения самого источника возникновения керамики в Западном Иране, для ученых стало возможным проследить волну миграции ее носителей с гор Загроса на севере Месопотамии на юг в Двуречье, где возникли первые города шумеров Эреду и Урук, с культом курдской богини Инанны.

Английский археолог Джеймс Мелларт из лондонского Института археологии восстановил пути миграций горцев Загроса с севера на юг в VII тыс. до н.э., в эпоху культуры Хассуны — Самарры, которые шли

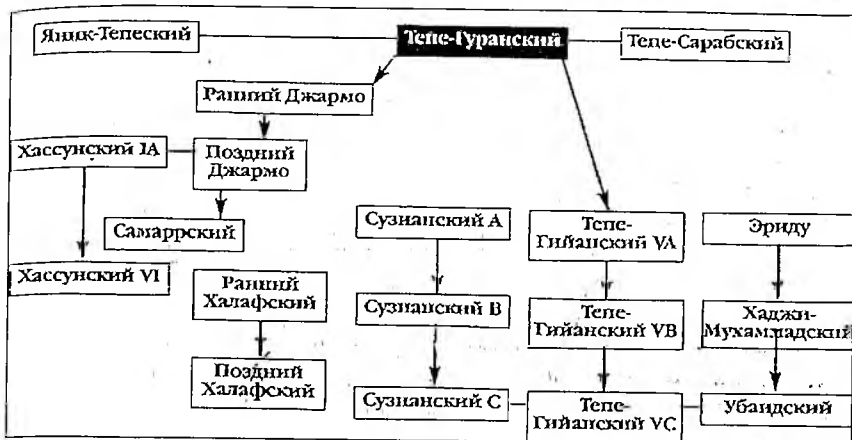
по двум направлениям. Одна — по северной части Месопотамского плато, на что указывает поселение неолита Джармо (возле курдского г. Керкука), другая группа была нацелена на юг. Впоследствии на первом пути, на севере, возник Вавилон, а на втором — Сузы и Шумер. Эти пути и подтверждают находки керамики. На севере в Джармо (Керкук-Курдистан) керамика не имела прототипов в этом регионе, а была привнесена с неолитических поселений в горах Загроса, таких, как Тепе-Гуран в Хулайланской долине. Эти и другие поселения из Курдистана в долинах Центрального Загроса в Карманшахском и Кангаварском районе показали наличие здесь культуры, восходящей к IX тыс. до н.э.

В южной части Месопотамской низменности форма и орнамент керамики и ее происхождение имеют северное, загросское происхождение. Как пишет археолог профессор Давид Рол: «...на землях самого Шумера керамика, вскоре ставшая образцом классического убаидского стиля: это геометрический рисунок темно-коричневого тона на зеленовато-желтом фоне. Произведения Хаджи-Мухамадского периода (также называемого Убаидским), в свою очередь, тесно связаны с керамикой из слоя VB в Тепе-Гийан, что в горах Загроса, а несколько более ранняя керамика Гийана идентична изделиям, найденным на равнине Курдистана». (Указ. соч. С. 151.)

Других миграций населения в древности археология не отмечает, следовательно, если исходить из прямых соответствий лексического словаря курдского и шумерского языков из областей, охватывающих основные формы жизнеобеспечения, таких как название сельскохозяйственных злаков, металлургии, религиозного культа, то приходим к выводу о необычайной архаичности уже не шумерского языка — адстрата, а самого языка курдского народа, обитающего и поныне в долинах гор Загроса.

Убаидская культура, ставшая экономической и культурной основой становления шумерской цивилизации, была привнесена в Нижнюю Месопотамию горцами земледельцами и скотоводами из районов Юго-Западного Ирана (Луристана), что конкретно реконструируется по характерной для горцев технике изготовления и орнаменту керамики. В связи с этим у ученых уже возникало предположение об иранском этногенезе шумеров. Известным и убежденным сторонником прихода шумеров в Междуречье был шумеролог С. Крамер.

Но у археологов есть данные о приходе населения в Двуречье только с севера, с горных вершин и долин Загроса. И как считает профес-

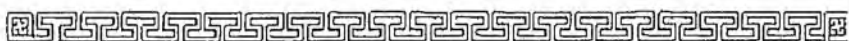

Карта археологии региона

сор Давид Рол: «Иранскими иммигрантами на самом деле были шумеры, мигрировавшие со своей древней прародине в окрестностях озера Урмия; те самые, которые сперва поселились в Керманшах-Канговарской долине». (Д. Рол. Указ соч. С. 155.)

Этот закономерный вывод, сделанный многими учеными-археологами после анализа и многочисленных сопоставлений ранних образцов керамики из районов Загроса с керамикой более позднего периода Убайдской культуры, неизменно ассоциируемой с началом шумерской цивилизации, находит полное подтверждение при сопоставлении курдского и шумерского языков, культа и типа сельскохозяйско-скотоводческого хозяйства. Больше нет другого языка, кроме иранского-курдского, из которого была бы заимствована вся необходимая сельскохозяйственно-металлургическая лексика шумерского языка. Более того, шумерологи и не подозревали, что самые ранние данные о древнем языке курдов Загроса можно получить из лексики шумерского языка. И здесь шумерология превращается в курдоведение. При этом можно открыто сказать: как ученым до сих пор не стыдно называть себя шумерологами и не знать при этом курдского языка!

Судя по археологическим данным, горцы-земледельцы кутии (котан — «толочь зерно», курд. яз.) при своем переселении со склонов Загроса на юг в поисках лучших земель для посевов пшеницы и ячменя на аллювиальных равнинах Месопотамии шли двумя маршрутами. Первый — из Керманшах-Канговарской долины в Западном

Иране через Ханакинский перевал и далее на север Месопотамии к Джармо. Следует особо отметить и указать, что все эти районы — Керманшах, Канговар, Ханакин, Джармо-Керкук — находятся на территории, именуемой с древних времен Курдистан — Страна Курдов. Другой путь прослеживается так же четко и пролегал из тех же долин земледельцев-скотоводов в Керманшахе (Луристан) вдоль русла реки Керхе и далее в Сузиану, а затем через прибрежные районы в Междуречье, в устья рек Тигра и Евфрата, где эти переселенцы с гор и основали первые шумерские города Эреду, Урук.

Самую первую цивилизацию в мире — Шумер — создали выходцы с Загроса и Ирана. Проникновение же этих племен в Месопотамию можно считать, по данным археологии, совершившимся в период с VI по V тыс. до н.э. Для такого заключения есть все основания.

Во-первых, хасиларская и халафская культуры расписной керамики в Месопотамии, датируемые V тыс. до н.э., имеют прямые аналогии с культурой той же эпохи на территории современной Туркмении из поселения Джейтун возле Ашхабада. Во-вторых, только в Сузиане существовала цивилизация, родственная шумерской эпохе Урук — Джемдет — Наср. О степени взаимодействия этих культур говорит следующий факт. В конце IV тыс. до н.э. монохромная красно-серая керамика, характерная для Урука, сменила на территории Суз расписную керамику эпохи Сузы-А. Об этом же говорит и наличие оттиска печатей в Сузе, типичных для Урука. И чуть позже — возникновение идеографического и слогового письма на глиняных табличках, ныне известного как протоэламский язык. В-третьих, имеются явные параллели между росписью посуды раннего энеолита юга Средней Азии и керамикой Хассунской культуры из Месопотамии. В-четвертых, роспись на керамике из Намазга 11 (4560+110 гг. до н.э.), исполненная характерной монохромной техникой, аналогична росписи древнего Элама (комплекс Джови) (Масон В.М., 1962. С. 21). В-пятых, некоторые археологи считают керамику Шах-Тепе и Тепе-Гиссара, появившуюся в Северо-Восточном Иране в V тыс. до н.э., произведенной шумерами, пришедшими из Средней Азии. Доказательством этому служит явное сходство керамических форм изделий из Месопотамии (Шумера) и изделий Шах-Тепе (Иран). В-шестых, в свои могилы шумеры опускали вместе с покойником много изделий из меди (металла), оружие, украшения и т.д. Причем эти изделия отличаются высокой техникой изготовления, что доказывает достижение шумерами (кинбир) высокого уровня и мастерства в плавке и ковке металла.

Ученые-шумерологи до сих пор ломают голову над тем, как в стране, бедной полезными ископаемыми (медные руды), шумеры достигли такого совершенства в обработке металла. Исходя из этого факта, можно заключить, что до своего прихода в Месопотамию шумеры жили в стране, богатой медными рудами.

Совершенно иную картину дают археологи Ирана. В Керман-Шахе, где основное население составляют иранские курды, и этот регион считается только частью Курдистана (который разделен между Ираком, Ираном, Сирией, Турцией), найдены следы медеплавильни 4091 ± 74 г. до н.э. На этой медеплавильне были обнаружены в результате раскопок тигли с накипью медной руды. В этих тиглях сульфиды меди не плавилась, а обжигались.

Древние кордские металлурги каким-то образом умели в то далекое время управлять температурой пламени, так как медь плавится при 990 градусов по Цельсию, а при 1100 градусах тигли превратились бы в стекло. Такие температуры могли быть достигнуты только в закрытых печах, а не в открытых. Все это вместе взятое говорит о том, что кордские металлурги имели высокоразвитую технологию плавки меди, достичь такого уровня можно было лишь методом проб и ошибок.

По росписи и орнаменту культура Убейда (Месопотамии) той эпохи совпадает с культурой Анау I и Намазга I (Средняя Азия), что является важным свидетельством родства. Безусловно, имеются и различия, и это вполне естественно, ведь даже одну и ту же вещь два человека делают по-разному, тем более когда речь идет о такой субъективной вещи, как керамическое изделие. Тогда, в ту далекую эпоху, не было заводов по изготовлению посуды, и кувшины, чашки, орнаменты выполнялись людьми, разными по характеру и темпераменту.

О родстве культур юга Средней Азии и Месопотамии в V тыс. до н.э. говорит и распространение круглых в плане домов, характерных именно для культуры Убейда, воспринявшей эту традицию от Халафской культуры Северной Месопотамии, следы которой, как уже отмечалось выше, также имеют аналогию с керамикой культуры той же эпохи, существовавшей на юге Средней Азии.

Здесь мы сталкиваемся с одной очень важной проблемой, а именно: на поселениях эпохи неолита на территории современной Туркмении следы рудного производства не обнаружены. Более того, специальный анализ показал, что медные предметы изготовлены и

меди, выплавлялись из руды, однако рудные источники находились вне Туркменистана. Несмотря на отсутствие местной руды, очаг металлургии в Анау достиг в IV тыс. до н.э. весьма высокого уровня технического развития, что, в свою очередь, свидетельствует о четко организованной и хорошо налаженной доставке сырья, а также и о постоянных контактах и меновой торговле с другими и весьма удаленными народами. Историки отлично знают, что ляпис-лазурь из Памира везли в Египет. Даже тот факт, что медь с V тыс. до н.э. становится единицей обмена, свидетельствует в пользу этого.

На Урале в Башкордистане живут башкорды, а в Месопотамии в Кордистане живут корды. Некогда они были единым народом. Начиная с эпохи мезолита каменные орудия Южного Урала аналогичны в большей или меньшей степени инвентарю жителей Месопотамии (Северный Ирак).

В самом Шумере бронзовые предметы содержат в своем составе сплавы никеля и олова. Если никелевые руды еще можно найти в некоторых странах Аравии (Оман), которые, однако, неизвестно, разрабатывались ли в IV тыс. до н.э. или нет, то олово является весьма редким металлом и на сегодняшний день. Известны практически все месторождения этого металла. Их всего несколько в мире, например, в Южной Америке, Англии, Бретани. Так вот, на Урале как раз и имеются оловорудные месторождения, которые, как хорошо известно археологам, эксплуатировались до II тыс. до н.э. Это знаменитые древние рудники Таш-Казган и Никольское, которые снабжали металлом сейминско-турбинскую культуру, возникшую в эпоху самой ранней бронзы. Этот факт хорошо знают и всячески выпячивают на передний план и археологи, и историки. При этом вполне сознательно умалчивается другое, более важное свидетельство археологии, а именно то, что так называемая кельтеминарская культура IV—III тыс. до н.э. — эпохи неолита в Южном Приаралье — обнаруживает более древние взаимоотношения с Южным Уралом. «Более древние» здесь означает «еще до того времени, когда люди научились добывать медь»: Эти связи не прерывались до II тыс. до н.э.

На основании анализа только керамических находок известно, что в эпоху неолита и энеолита (VIII—V, II тыс. до н.э.) родственные друг другу индоарийские племена распространялись и на восток — до верховьев рек Обь и Иртыш — и на юг до южных районов Каспия, вплоть до Иранского нагорья. В частности, в Приаралье на озере Джаман-Клыч найдены микролиты из уральской яшмы и кварцита. Как пра-

вильно заметил К.В. Сальников — ...если можно допустить проникновение уральского материала для изготовления каменных орудий путем обмена далеко на юг, то транспортировка на такие расстояния глиняной посуды ничем не может быть оправдана». (Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1962. С. 95.)

Исходя из этого, археологи и сделали совершенно правильный вывод, что Урал и Приаралье в эпоху неолита и энеолита (IV, III и начало II тыс. до н.э.) населяли родственные друг другу народы, что доказывается необыкновенной близостью орнамента керамики.

Впоследствии эти индоарийские племена — абашевцы, андроновцы, срубники — явились этнической основой сложения последующей иранской культуры железного века савроматов, которых с V в. до н.э. сменили сарматы — предки современных башкордов.

Мы хотели бы особо подчеркнуть три важных факта. Первый — население Южного Урала (современный Башкортостан) в эпоху халколита и бронзового века составляли прямые потомки населения этого региона еще времен неолита. Второй — родство керамики Приаралья и Южного Урала. Третий факт — родство керамики Приаралья и Ирана-Сузиана, возле современного города Ахваз.

И вот здесь мы подходим к самому главному: только в Иране-Сузиане (современный город Ахваз) существовала цивилизация, сходная с Шумером — Урук — Джемлет Наср. Взаимовлияния между ними так велики, что в конце IV тыс. до н.э. монохромная, красно-серая керамика становится типичной и общей и для шумерского Урука, и для Суз, сменив расписную керамику. Появляются оттиски цилиндрических печатей как в Сузиане, так и на юге Туркмении — Джейтун, характерные для Урука. Наконец, в Сузиане вслед за Шумером рождается письменность на глиняных табличках, известная как идеографическое и слоговое письмо Элама.

Но если шумеры пришли в Месопотамию в IV тыс. до н.э. из Загроса, то андроновцы были второй волной переселенцев с Южного Урала, покинувшими свои прежние места обитания во II тыс. до н.э. и уже освоившими производство колесниц, как показало погребение в Синташте на Южном Урале. Ведь для изготовления колесниц нужно дерево — лес, а где его найти в пустынях Средней Азии. Наоборот, лес — это природный ландшафт Урала, да и всей Сибири.

Керамика юга Приаралья тяготела к образцам Ирана и Месопотамии, хотя с эпохи мезолита прослежена единая техника обработки камня, наконечников стрел от Южного Урала (Башкортостан) до

Ирака (Курдистан). Вопрос о различиях в керамике исчезнет, если мы посмотрим, в каких климатических условиях жили и живут народы этих двух регионов — Южного Урала и Южного Приаралья, Туркмении, Ирана, Курдистана.

Зарождение ткачества учеными-археологами прочно связывается с Курдистаном, горами Загроса, где были найдены первые (на сегодняшний день) и древнейшие свидетельства этому. Башкордский орнамент и вышивка на ткани удивительным образом сходны с культурой Наманга II и Наманга III (Геоксюр — I, Карадепе — слой 1). Таким образом, как археология, так и сопоставительные данные языков и религия (шейх Ади-Уту) доказывают, что шумеры были курдами. Это видно из сопоставительной таблицы лексики этих языков.

Перевод слова	Шумерский язык	Курдский язык	Арабский язык	Армянский язык	Грузинский язык
Правитель	эн энси	эйан эйанджи	хаким	гшекавар	мефэ
Жрец	гуда	ghoгаг	kahун	тердер	гвдели
Шаман	ишиб	ишан		бахтабац	
Певец	гала	гъли	муганни	йергич	момгэрали
Плакальщик	абриг	бриху бори	найһа	лацох	момтэрали
Слуга	угула	гол	хадим габдул	цара	мсахури
Господин	лугал	легальн	саид	парон	батони
Большой	гал	гальн	кабир	мец	диди
Пшеница	ги	геньм	бурр(һинта)	цорен	хорбали
Ячмень	ше	ще	шаир	гари	кэри
Медь	уруду	ро	нухас	пхиндз	спилэнди
Медник	тибира	тимерче хадад	каин(хадад)	пхиндзагорц	
Плотник	нагар	нэшар	нэшар	пайтагорц	дургали
Хлеб	нин	нан	гибнэ	хатц	пури
Раб	еред	реат		струк	мона
Лопата	мар	мэр	жаруф	бах	бари ничаби
Бык	гуд	га гамеш	саур	цул	буга

Сопоставительный анализ лексики показывает, насколько курдский язык является близким к шумерскому языку по сравнению с другими языками народов, проживающих по границе с Курдиста-

Первый тип шумера: удлиненное лицо, борода, вьющиеся волосы. Статуя Набу, бога письменности. Багдадский музей

Второй тип шумера: круглое лицо, бритая голова

ном. Это доказывает, что наиболее древним и автохтонным этносом в районах Загроса и Тавра являются курды, у которых шумеры заимствовали названия домашних животных, сельскохозяйственных орудий, сакральные термины титулатуры жрецов и основные понятия духовной культуры и мифологии, если считать, конечно, по старой ошибке ученых шумеров некими пришельцами в Месопотамию из Индии.

А поскольку, как это показала археология, никакого переселения не было, то, следовательно, шумеры и есть курды, которые спустились с гор Загроса в Северную Месопотамию в IV тыс. до н.э.

Антропология курдов

По наблюдению и измерениям ученых, курдский этнос представлен двумя антропологическими типами. Так, в частности, по Штольцу: восточные курды — крайние брахицефалы и более пигментированные; западные курды, напротив, — долихоцефалы, светлые, голубоглазые. (См.: Т.Ф. Аристова, 1990. С. 13.)

Надо отметить, что этот феномен курдов отмечен и в древней антропологии жителей Шумера.

Курды и Шумер в III тыс. до н.э.

Город Урук, называемый шумерами Э-Ане — Храм богини Инанны», типичное поселение шумеров III тыс. до н.э.; характерное тем, что само общество формируется вокруг храма родового божества. Многие, если не большая часть имен этих божеств, восходит к кутийско-курдскому «прототигридскому» языку. Так, в Эшнуне (район в долине р. Диалы) родовое божество — Тишпак (тиш — отроги гор, пак — чистый, светлый; курд. диал. курманджи); в Сиппаре в месте разделения Евфрата каналом Ирнина божество Уту (сип — очищать, отделять, пар — кусок, Уту — огонь; курд.); Куту — божество Нергал (Нар — огонь, галл — война, ссора, битва); Киш — божество Забаба (исконно курдское имя); Ниппур — бог потопа Энлиль (Эйан лейли — великий потоп; курд.); Ур — бог Нанна; Эреду — Энки (Хайа); Умма — Шара. Все эти поселенцы именовали пшеницу и ячмень исконно курдскими именами Ги (Гэньм) и ще (щ?).

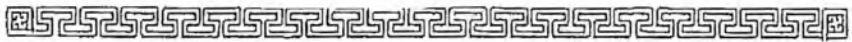
К началу III тыс. до н.э. был изобретен плуг, который быстро заменил ручную мотыгу. Земледелие переходит на активную ирригацию полей, что приносит в конечном итоге огромный урожай и делает шумеров сказочно богатым народом того времени. Следует отметить, что именно эти технические новшества — ирригация полей и плуг — были изобретены выходцами с Загроса. Рытье каналов, ирригация полей зафиксированы у представителей культуры Самарры, тогда как плуг носит название у курдов — котан, что полностью согласуется с шумерским этнонимом кутий — житель гор Загроса. На востоке в долинах гор Керке и Диз находилось княжество Аншан (в 70 км от г. Шираз). Первая половина III тыс. до н.э. в истории Шумера условно называется учеными «Протописьменным периодом» (3000—2750 гг. до н.э.) и «Раннединастическим периодом» (2750—2315 гг. до н.э.), затем следует период господства царей Аккада (2316—2176 гг. до н.э.), которые были свергнуты кутиями Загроса. Правление кутиев (2180—2109 гг. до н.э.) над Шумером было прервано приходом к власти путем заговора царей III династии Ура (2111—2003 гг. до н.э.). История Шумера как бы завершается захватом Ура эламскими войсками в 2003 г. до н.э. во главе с Хутрантемтой, царем Симашки, которые покинули Ур только спустя 7 лет, в 1996 г. до н.э.

Если начальный «Протописьменный этап» истории Шумера реконструируется в основном по письменным источникам, в большинстве своем представляющим хозяйственные архивы храмов, то уже в «Раннединастический период» в клинописи шумеров начинают упоминаться и заноситься, хоть и кратко, военные походы и прочие «исторические» события.

Огромную помощь в самой хронологизации истории Шумера III тыс. до н.э. ученым оказал так называемый «Царский список», составленный уже в XXI в. до н.э. при царях III династии Ура, после окончания господства кутиев Загроса. При этом никто из ученых не обратил внимания, что первым в «Царском списке», составленном Шульгой — победителем кутиев Загроса, стоит династия царей нома Киша, где главным родовым божеством было загросско-кутийское божество — Забаба! В списке царей Киша перечислены 9 царей, и период их правления длился с 2750 по 2615 гг до н.э. Затем более 100 лет — по 2500 г. до н.э. — господство захватила династия г. Урука с родовым божеством Нанна, дочь которого была кутийско-курдская богиня плодородия Инанна. Самым знаменитым царем этой I династии Урука был легендарный Гиль Гамеш (гамеш — бык курд.), победивший (укротивший) в преданиях небесного быка бога Анну (Эйан, курд.)

Последний, III раннединастический период охватывает 2500—2315, включает первую династию Ура, вторую Киша и династии царей номов Уммы, Лагаша Акшака. Весьма примечательно, что именно в долинах Диалы в зоне владычества Кутиев были найдены две надписи Менбарагеси, предпоследнего царя первой династии Киша. По данным «Царского списка» известно, что Эн-Менбарагеси ходил походом в Элам, дорога в который проходила в область Аван через долину Диялы и горы Загроса. Ака, сын Менбарагеси, потребовал, согласно легенде, от Гильгамеша, царя Урука, принять со своими подчиненными участие в проводимой Кишем ирригации одного из полей. Когда Гильгамеш отказался, Ака со своим отрядом спустился по Евфрату на лодках вниз и начал осаду Урука, но проиграл. С этого времени главенство переходит от Киша к Уруку. Поражение Киша и гегемония Урука вызвали вторжение эламитов княжества Аван из долин Диалы под руководством Месилима, взявшего себе имя «лугаль Киша» и сумевшего подчинить правителей номов Уммы, Лагаша. Покровителем Месилима, ставшего лугалем Киша, стало божество города Дер-Иштаран.

Между Кишем на севере, включая долину реки Диялы, глубоко врезающуюся в горный хребет Загроса, где обитали кути-курды, и Уруком на юге существовал военный союз, в который позднее был включен Шуруппак. Имя божества Иштаран (Забалама) восходит, по всей видимости, к «прототигридскому» кутийско-курдскому языку. Вообще, божества с подобным именем: Таранис (кельт.); Тара (инд.); Тараксипп (греч.); Таркшья (инд.); Таргатай (скиф.); Тарку (хетто-л.) весьма распространены в индогерманской мифологии. Если Меселим из Дера в долине Диялы на территории кутиев-курдов, где они пасли скот и сеяли пшеницу, действительно сам был кутием-курдом, то тогда можно уже констатировать обитание в горах Загроса индоиранских племен ведических Куру (курдов). Шумерский правитель Гудеа будет в XXIII в. до н.э. при господстве кутиев клясться в договоре богом Иштараком.

Окончание гегемонии эламского Авана на севере Нижней Месопотамии и Урука на юге сопровождалось военным набегом отрядов из г. Мари, лежащего в долине среднего течения Евфрата. Около 2500 г. до н.э. господство в этом регионе переходит к I династии Ура. В «Царском списке» упомянуты шесть царей. Археологические раскопки могил царей и священных особ этой династии показали наличие в них изделий из меди и олова, добываемых тогда в Индии и Афганистане, что указывает на устойчивые торговые и культурные контакты шумеров. Происходит некое «политическое объединение» страны, и третий царь Ура по имени Месанепада принял титул «лугаль Киша». Но в целом каждый правитель нома всегда стремился к установлению своей собственной гегемонии в стране.

Правитель нома Лагаша захватывает Ур. Лугаль Ура Эн-Шакутан, сын Элулу, перенес столицу в Урук, после чего около 2400 г. до н.э., напав, разгромил Киш и захватил в плен царя Энбит — Астар. К этому времени усилилась мощь нома Лагаш, начавшего войну из-за земли с номом Уммы. Несмотря на помощь царей Киша ному Уммы, Эанатум, лугаль Лагаша победил в битве и расширил территории своего царства. После Эанатума в Лагаше правили Энанатум I (брат первого), а затем Энси Энтемена. В надписи Энтемены, найденной в Ниппуре, говорится о номе Уммы, не выплатившем дани, возложенной на них еще лугалем Эанатумом, об уничтожении межевых камней, и что те опять заняли спорную равнину, из-за которой была война.

К этому же третьему периоду Ранней династии относится восстановление некоего хозяйского питейного заведения женщиной по имени Ку-БаБа III\ IV династии Киша.

В Лагаше (Нгирсу) после Энтемены правил с 2340 г. до н.э. его сын Энанатума II, затем титул Энси переходит к верховному жрецу Энентарзи. С приходом жреца богини Дингирмах к власти начался процесс слияния храмовых хозяйств с личным хозяйством Энси, что постепенно привело к росту недовольства жителей.

Лугальанда, сын Энентарзи, был смещен со своего поста(!) в 2318 г. до н.э., а на должность энси был возведен народным собранием Урукагина-Уруинимгин, который на второй год провел реформы и облегчил бремя налогов с жителей своего нома.

Во время правления Урукагины (2318—2312 гг. до н.э.) в Лагаше у власти в Умме находился Лугальзагеси, захвативший при загадочных обстоятельствах власть в Уруке (возможно, был родственником царей II династии Ура). Лугальзагеси начал на севере войну с Кишем, державшим контроль за проходом по северным каналам воды на поля для орошения и караванов торговцев. Несмотря на успехи в войне с Кишем правителя Уммы, в надписях Лугальзагеси не упоминаются захваченные города. После войны с Кишем на севере Лугальзагеси начал войну с Лагашем на юге. По мнению одних шумерологов, Лугальзагеси захватил Лагаш, по мнению других, были завоеваны только северные окраины, а сам Лагаш передвинулся ближе к морю.

История Шумера III тыс. до н.э., до 2316 г. до н.э., показывает наличие тесных контактов с горами Загроса, государством кутиев-курдов Анчан, из которого в Урук был привнесен культ богини Инанны. Многие номы Шумера своими родовыми покровителями почитали древних божеств гор Загроса: Забалама, Уту, Иштаран, Нергал, Нанна, Шара. Наиболее близкие контакты с горцами-кутиями имели номы Киш, Эшнуна и Сиппар благодаря своему расположению возле долины Диялы.

Из гор Загроса поступал лес, мелкий рогатый скот (овцы-козы). Вполне допустимо предположить, что сами шумерские энси и крупные храмовые хозяйства, имевшие каждый более 100 тысяч коз и овец, нанимали кутиев в качестве пастухов и перегонщиков скота, для выпаса на горных альпийских лугах Загроса.

Шумерологи, зная по записям на клинописных табличках, из архивов шумерских храмов о многотысячных стадах овец и коз у шу-

*Шумер с ягненком.
Статуэтка из камня, III
тыс. до н.э.*

меров, никогда не соизволяют объяснить, где и как в пустыне или на морском берегу, где негде напиться летом в жару и когда скот начинает издыхать на глазах за считанные часы, шумеры пасли свои отары, которые благополучно размножались.

На все эти вопросы можно дать ответ, если взять курдское общество как застывшую модель древнего шумерского царства. В курдском сообществе каждое племя делится на два клана. Первый клан — пастухи, а второй — земледельцы-крестьяне. При этом земледельцы-реаты подчиняются кочевникам, что уже напоминает положение в шумерском царстве, где реаты подчинялись Энси, у курдов Эйан — «известный» — которым может стать только кочевник-пастух и никогда крестьянин. Реат — даже не имели права заступиться за себя перед агой или другим благородным рангом ниже из других племен. По всей видимости, этими «эреду» у шумеров и были крепостные крестьяне, а не «рабы, доставляемые с гор», как пишет

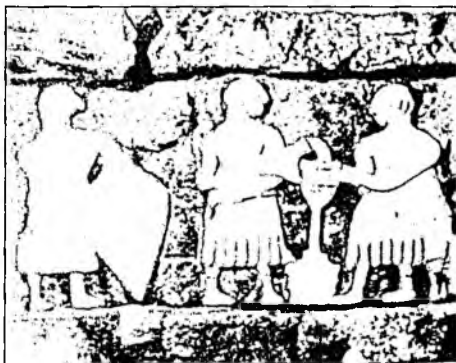
И.М. Дьяконов, поскольку тогда логически встает и другой вопрос: как могли эти горцы, находящиеся, по тому же И.М. Дьяконову, «все еще на первобытно-общинной стадии развития» знать земледелие лучше шумеров и, спустившись с гор, быстро разводить сады, рыть ирригационные каналы, сеять ячмень — пшеницу, собирать, а затем сосчитать и записать на глиняной табличке весь урожай. По всей видимости, советские шумерологи в этом вопросе увлеклись шаблонной критикой рабовладельческой формации.

Другой аспект хозяйства шумеров — скот. Имея многотысячные стада коз, овец и коров, где пасли все это многомиллионное количество животных древние шумеры в летнюю жару? Ответить на этот вопрос можно, наблюдая за курдами, которые имеют в этом регионе самое крупное поголовье мелкого и крупного рогатого скота по сравнению, допустим, с арабами, персами и турками.

Курды летом пасут скот, перегоняя предварительно весной, высоко в горах, на альпийских лугах Загроса, тогда как осенью сгоняют скот вниз и проводят зиму в долинах. Так курды живут уже не столетиями, а тысячелетиями, полностью избегая всевозможного мора и падежа скота. Если курды не перегоняют овец и коз весной на горные пастбища, то оставленный в долинах у подножья гор скот весь вымрет от летней пятидесятиградусной жары Месопотамии.

Теперь, зная это, спросим, где же пасли многотысячные стада (доходившие до 100 тысяч голов, что засвидетельствовано документами) своих коз и овец древние шумеры? Безусловно, только в горах Загроса, и с этой точки зрения Кутии и Шумер представляли одну сторону, где Кутии были повелителями Шумеров, иначе бы шумерские земледельцы не носили курдский термин — реат эреду — крестьянин. Сам курдско-шумерский термин «эреду-реат» исконно индоевропейский, сравните хотя бы с русским словом — рыть (землю).

Этим и объясняется наличие засилья кутийско-курдских божеств в номах всего Шумера и особенно северных

Храмовое молочное хозяйство на мозаике из Убайда III тыс. до н.э.

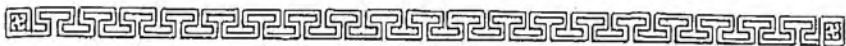

районов — Кише, Эшнуне, Сиппаре, куда кутии возвращались со своими многотысячными стадами коз и овец с летних пастбищ в горах Загроса (Курдистан) на зимовку в долины Тигра и Евфрата, где для них уже был собран услужливыми «реатами-эреду» богатый урожай зерновых: ги-генъм (пшеницы), ще-ще (ячменя).

Курды-кутии и Аккад (2316—2200 гг. до н.э.)

Из северного шумерского нома Киш, имевшего покровителем родовое божество Забабу, происходил Саргон, основавший первую монархию Аккада и Шумера, просуществовавшую всего 145 лет (2316—2261 гг. до н.э.) и после непрерывных войн павшую под ударами кутиев-курдов.

По шумеро-аккадским преданиям, дошедшим благодаря «Царскому списку», Саргон был садовником у Ур-Забабы, лугаля IV династии Киша. По всей видимости, учитывая религиозно-кастовое деление шумерского общества, Саргон был сыном храмовой блудницы из дома кутийско-курдской богини плодородия Инанны. Этот факт, ставший общим для всех клинописных документов (и, кстати, признаваемого и всеми шумерологами) той эпохи, напрямую отрицает всякое нешумерское происхождение Саргона I. Суть проблемы в том, что по сложившейся и закрепившейся традиции у всех народов мира к фаллическим и ктоическим культам и участию в этих обрядах никогда и нигде не принято допускать разного рода инородцев и нацменов, и уж тем более людей не своей высшей, а чужой низшей касты рабов — эреду, к которой у шумеров, безусловно, относились и садоводы. Для лучшего понимания этого я бы порекомендовал шумерологам обратиться для примера к потомкам жителей эпохи Шумера кутиев, к курдам-езидам, разделенных на 4 касты, браки между которыми строго запрещены. Курды-езиды пронесли и сохранили свои традиции сквозь тысячелетия и по-прежнему, что особенно важно, браки в касте священников-пиров и благородных — шейхов запрещены не только с мирянами — мьридами, но даже и между собой. О браке курда-езида с курдом же мусульманином вообще не может быть и речи. Если у курдов-езидов, потомков кутиев горцев Загроса, по И.М. Дьяконову, стоявших почему-то «на первобытно-общинном уровне развития», столь высокий уровень национального сознания, то наверно и у «более развитых шумеров хотя бы города Киша с кутийским божеством Забабой»

самосознание и национальная гордость были не меньше. По крайней мере, если бы дело обстояло, как это представляют шумерологи, и Саргон был сыном шумерской жрицы Инанны, в культе которой, кстати, слуги мужского пола были кастратами, то тогда в первую очередь возвышение и имя получил бы уже отец Саргона, благодаря которому тот и появился на свет.

Именно как указание на древнее родство с кутиями Загроса и следует воспринимать всю шумеро-аккадскую традицию биографии Саргона — как водоноса и садовника богини Инанны. Во-первых, сама яблоня как дерево не растет в пустынях (Аравии — Сирии), а происходит из горных долин Иранского нагорья. Никогда кочевники-бедуины (семиты) не были ирригаторами-земледельцами, как древние кутии-курды жители Загроса, впервые применившие эту технику в эпоху Самарры, то есть той культуры жителей гор, которая окончательно и полностью завершила освоение Нижней Месопотамии.

В эпоху родового строя и в первую очередь самого мышления человека родового общества, каковым и являлся Шумер, указание на Саргона как «внебрачного» сына жрицы храма богини Инанны есть не что иное, как именно биографическое признание кровного родства Саргона в первую очередь с кутиями Загроса. Во-первых, Энмеркар за какие-то 300—400 лет до Саргона (2316 г.) низвел культ самой богини кутиев Инанны с гор Загроса в Урук, к которой биографы Саргона и возводили его родословную. Во-вторых, само имя Саргон в переводе с курдского так и означает — Глава сар — деревни, сообщества (гонди). При этом слово гонд совпадает с шумерским словом Кена — страна и с кутийским kin. Имя Сар не только в курдском, но даже в удаленных французском sieur и английском siew — в индоевропейских языках носят значение — царь. Корень этого слова — Ур в санскрите означает «сила — мощь». До настоящего времени курды Загроса титулом сэргунди называют главу деревенской общины. Влиянием аккад-

Голова Саргона I Великого

цев на курдов это объяснить невозможно. Поскольку уже в самом аккадском варианте — Шаррумкен — семитское Кен является заимствованным из древнеиранского — кутийского *kin* — сторона, страна.

Касаясь влияния письменности на другие народы, то есть начала распространения восточноевропейской письменности в этот период, следует отметить ряд слабых и весьма слабых гипотез кабинетных шумерологов, не учитывающих конкретных фактов.

Во-первых, курдам-езидам вообще запрещено учиться читать и писать, но письменность (особая тайнопись, на которой имеются книги) у священников езидов (шейхов — пиры) есть и по ним читались молитвы (кавалы и бейты). Вполне достоверным выглядит мнение, что этот запрет на изучение письма у курдов-езидов мог восходить к их главе общины Саргунди в эпоху Аккада. И более того, эту аккадскую клинопись также создали шумеры, поскольку и в ней содержатся исконно курдские слова и понятия, переданные более древней шумерской пиктографией, встречаемой и в хетто-лувийской идеографической письменности из Хаттусы во II тыс. до н.э., то есть тогда, когда кутии-курды Загроса были и служили в армии хеттских царей как — *kuṭi/e/nos*, а Шумера уже не существовало. Исчисление, судя по Библии, было в запрете у евреев. Саргон не был семитом, а просто раздвинул границы Шумерского царства до Средиземного моря, действительно поглотив при этом многочисленные поселения восточных семитов, как это намного позже сделал курд Салах-эт-Дин со своим войском, объединив территорию от Загроса до Египта, ставшую затем всемирно известной Османской империей. Салах-эт-Дин говорил и писал по-арабски и турецки, но был курдом из горных районов Ванна-Татвана. От того, что Салах-эт-Дин писал свои фарманы по-арабски, этот курд не стал арабом. Имя Саргон встречается в каждой курдской деревне, а имя богини Иштар восходит к курдскому стер — постельные принадлежности (священные у курдов-езидов), термин Иш-Ища означает — Божество в санскрите, который находится в близком родстве с языком курдов, потомков ведических индоариев Куру. Наибольшее распространение культ богини Иштар получил в местах соприкосновения с кутиями-курдами в Северной Месопотамии, в Ниневии (Мосуле), на что указывает и ее титул — Иштар Ниневейская. Ниневия — то есть современный Мосул — это территория Курдистана, где живут курды. В доме каждого курда имеется — стер, подобный гинекею в домах эллинов (аланов).

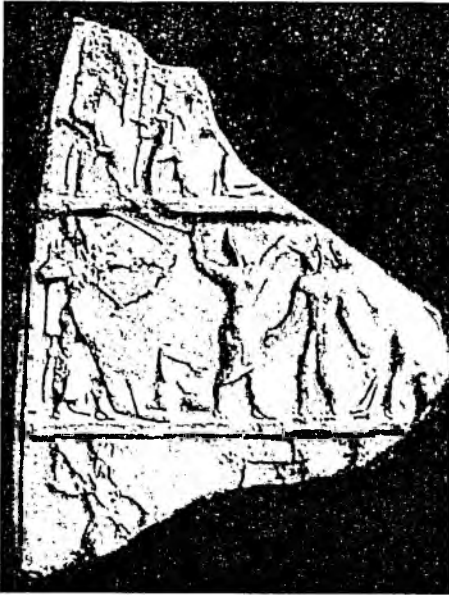

Саргон, любимец богини Иштар (Ишстер), стал первоначально лугалем Киша, нанес поражение Лугальзагеси, лугалю Уммы и позже завоевывает Лагаш на юге. Из дошедших копий надписей Саргона I из Ниппура известно о его походах к Западному морю (в Сирию — Ливан) вверх по Евфрату, эти походы шумеры просто не могли совершить без поддержки племен кутиев-курдов, пасших свои стада и возделывавших землю в долинах рек горных отрогов Загроса и Тавра, то есть на всем протяжении пути вдоль по Евфрату. Следует отметить, что и металл для оружия шумеры получали не из пустыни, а с гор Малой Азии и из Дрангианы в современном Афганистане. Как мог и вообще мог ли Саргон I пройти весь путь от Двуречья до Средиземного моря, ни разу не вступив в бой с кутиями-курдами? Об особых, возможно, доверительных отношениях с кутиями-курдами, богиня которых помогла ему достичь царского величия, свидетельствует тот весьма примечательный с точки зрения религии факт, что Саргон восстановил разрушенный Лугальзагеси г. Киш и, разрушив Вавилон, использовал кирпич стен для восстановления культа бога Забабы.

Официальным титулом Саргона было — лугаль Киша. Известны также походы Саргона в Элам. Государство кутиев-курдов Симурум-Забан располагалось на реке Нижний Заб, между современными городами Киркук и Эрбиль в Курдистане. Упоминается о стычке Саргона и с субареями — съб — светлый (курд.) по среднему и верхнему течению реки Тигр. Нужно отметить, что и шумеры упоминают о светловолосых кутиях — *nam-guti* в горах Загроса.

В 2260 г. до н.э. на престол Аккада вступил Римуш, сын Саргона, и сразу начал войну с Каку, лугалем древнего города-государства Ура. Само слово «Как» исконно курдское и означает дядя, служба у курдов почтительным обращением к старшим по возрасту людям, например: Кок Сабри — дядюшка Сабри; Кок Мамо — дядюшка Мамо. Наличие курдских имен среди шумерской знати вполне закономерно, учитывая столь тесные связи с кутиями, подтверждаемые лексически данными шумерского языка и особенно специфическими производственными терминами.

Каку, лугаль Ура со своими войсками был разбит армией Римуша, который после захвата города приказал срыть крепостные стены и убить более 8 тыс. человек. Во время второго похода Римуша против Лагаша был разрушен г. Казаллу и убито свыше 12 тыс. человек. В своей надписи Римуш говорит о взятии в плен и убийстве 54 тыс. человек.

*Стела Римуша со сценой избиения
пленных города Ура*

В этом же походе Римуш вторгается на территорию Элама в государство Хиштаратапа. На обратном пути в Аккад Римуш предал разграблению многие города — государства Междуречья: Адаб, Дер, Лагаш, Умма, Халаб, где были убиты и казнены более 10—12 тыс. человек. Судя по клинописным источникам, Римуш в конце концов был убит жрецами (ему проломали голову каменными ступами — печатями), по всей видимости, во время богослужения в храме, куда вход с оружием возбранялся. Царем Аккада стал Маништуш, (брат?) Римуша.

Маништуш интересен главным образом двумя своими действиями в области религиозного культа. Во-первых, Маништуш совершил поход на Элам в государства Аншан и Шерикум. Энси города Сузы воздвиг ему статую, которую посвятил покровительнице Наруте — богине Победы, особо почитаемой в областях Аншан и Парту, то есть Парсу, ставшей позднее частью Мидии. Мидийцы-курды — потомки ведических ариев Куру, в мифологии которых божества Нара, Нарака, Нараяна занимают важное и даже центральное место. Ведийский Нарарада — это мудрец-риши, вознесенный на небо вместе с семью другими риши, составившими звезды в созвездии Ковша Большой Медведицы. У шумеров божество Наруда приходится сестрой Семерке демонов, порожденных богом небес Аном (Эйан) и олицетворяющих собой созвездие Плеяды. Вполне можно предположить и превращение курдско-мидийского — Семерка *heft* > сибитта в аккадском (*h* > *s*: *p* — *b*) из более древнего индоиранского *sept* > *sibt* — семь.

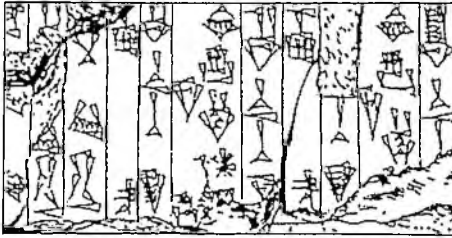
Далее, Маништуш предпринял строительство храма Иштар в Ниневии (Мосул), то есть непосредственно на территории кутиев-лублибеев, где горцы пасли скот и возделывали поля.

Маништуш умер, по мнению ученых, насильственной смертью, и власть в 2237 г. до н.э. переходит к Нарам-Суэну, внуку Саргона I. Начало правления Нарам-Суэна ознаменовано восстанием 9 номов Шумера, возглавляемых Кишем, которому еще Саргон предоставил широкую автономию. В поэме о Нарам-Суэне даже говорится о возведении на престол и провозглашении царем Ипхур-Киша. Нарам-Суэну удалось победить восставших, и, возможно, именно в этот начальный период правления им был совершен поход в Элам, который аккадскому царю завоевать не удалось, но был заключен мирный договор с правителем Хитой, царем II династии Авана. Считается, что этот клинописный документ является наиболее древним международным договором.

Скальный рельеф Анубани, царя лулубеев. Вторая половина III тыс. до н.э.
Схематическая зарисовка

*Договор Нарам-Суэна с Эламом
Первый письменный
дипломатический международный
договор, III тыс. до н.э.*

*Перевод:
«Враг Нарам-Суэна мой враг, друг
Нарам-Суэна мой друг».*

Затем Нарам-Суэн двинулся со своим войском на север, где дошел вдоль Тигра до Тавра и, достигнув побережья Средиземного моря, разрушил древний город Эбла. В последующие годы правления Нарам-Суэн воевал с кутиями-курдами на севере и северо-востоке. Достоверно известно о походе Нарам-Суэна на лулубеев в горах Загроса (Курдистана) в долинах реки Лолып. (К объединению Дольип причисляет себя и мощное курдское племя Талабани в районе Сулеймании и Зохаба.) К эпохе Нарам-Суэна восходят упоминания о курдском государстве с индоарийским именем Мехри. Меньше сведений дошло о войнах Нарам-Суэна с государствами кутиев-курдов Навар, Симурум (располагавшимся по р. Нижний Заб), Мардаман, Варахсе, Аписаль. Особо следует указать на легенду о Нарам-Суэне, где говорится о его войне с курдско-хеттским княжеством Пурусхандой на северо-западе в Восточной Анатолии, откуда впоследствии хеттские цари (Анитта сын Питханы) выводили свою родословную, дающую им права на трон страны Хатти. Два археологических факта позволяют ученым свести эти события воедино.

*Победная стела Нарам-Суэна.
III тыс. до н.э.*

В Несе (столице хеттов) археологи нашли кинжал с надписью реального царя Анитты, чей отец Питхана был царем

Пурусханды. Тогда как в верховьях реки Хабур (Курдистан) обнаружены развалины дворца Нарам-Суэна, а его наскальная надпись с верховьев Тигра возле г. Амеда — Диярбакр (центр Курдистана) точно подтверждает походы Нарам-Суэна на север, в страну кутиев-курдов.

В годы правления Нарам-Суэна (2237—2200 гг. до н.э.) на Аккад началось вторжение кутиев Умман Манда, в одной из битв с которыми он и погиб.

Вождь эйан кутиев могущественный Энридавазир достиг Сиппара, где в честь него была выбита торжественная надпись на камне. Далее Энридавазир двинулся на Элам, что позволило до поры Шаркалишари (2200—2176 гг. до н.э.) сохранять свою власть в Аккаде, но уже только в Нижней Месопотамии. Шаркалишари совершает поход против скотоводческих племен а-марту в Сирийской пустыне, по всей видимости, вызванный нехваткой мясной пищи в Двуречье из-за прекращения поставок коз и овец из Загроса. Шаркалишари удалось захватить в плен вождя кутиев Сарлага (Сэр — ляк — вождь — царь племен ляк), возможно, во время одной из своих многих безнадежных попыток проникнуть на север в Загрос. Лелаки являются древнейшим населением Передней Азии. Шаркалишари еще пытался отразить нашествие с востока эламитов, но с его смертью династия Аккада исчезла...

Некоторые шумерологи-ассирологи пытаются довести время правления династии Аккаде до 2176 г. до н.э., даты смерти Шаркалишари, но это абсолютно не приемлемо. Если учесть, что уже Нарам-Суэн был убит вождем кутиев Энридавазиром, который затем выбивает в честь себя надпись в центре Междуречья в Сиппаре, то безусловно династия Аккада прекратила свое существование уже в 2200 г. до н.э. и длилась всего 116 лет. С этой точки зрения время правления последующей династии горцев Загроса кутиев-курдов в Междуречье в 100 лет не выглядит кратким, как это хотелось бы некоторым шумерологам.

Династия кутиев-курдов в Шумере (2200—2109 гг. до н.э.)

Кутии-курды в III тыс. до н.э. представляли собой могущественный военный союз племен. О силе этих курдских племен, названных в надписях Нарам-Суэна именем Умман Манда, свидетельствует то,

что им удалось полностью разгромить и взять верх над сильной фрмией самой крупной державы III тыс. до н.э. — Аккадом.

Войну кутиев Умман Манда с Аккадом, судя по хронологии, спровоцировал еще Саргон I в конце своего правления, затеяв военный поход на государство Симурурум в область кутиев на реке Малый Ваб, располагавшейся между двумя современными курдскими городами Эрбилем и Киркуком. Затем сын Саргона, как мы уже говорили выше, воевал с правителем Ура, носившим исконное, характерное курдское (кутийское) имя Каку.

Э.А. Грантовский провел подробный исторический анализ имени Каку, встречаемое в древних источниках, и пришел к иранскому происхождению этого слова: Каки(а) — надпись Салманасара III на монолите из Тушхана по 859 год до н.э.; ка — ки-а под тем же годом в надписи Салманасара III на глиняной таблице из Ашшура (№ 112—113); ка-а-ки под 856 г. Э. Юсти (1895, 152) и К. Таллквист (1918, 110) сравнивают это имя с иранским Кака, Какьи, Квкьи и перс. Кака — брат, дядя. Каки, Какии — дядя (ср. также в западно-иранских диалектах и афг. Кака, каку — дядя). [...]; ср., например, эпическое имя Какии (по «Шахнаме» — внук Зохака).

Наиболее близким по времени и форме к рассматриваемому является иранское имя Ка — ки — i-а, по документу 520 г. до н.э. его носил «мидиец» (Lu ma -da — a, ср. Eilers, 1940 б, 202). Наконец, имя Каки засвидетельствовано в 744 г. до н.э. в местности, соседней с Парсуа. [...] Г.А. Меликишвили (1954. С.92) сопоставляет имя из Хубушки с Kikia, именем староассирийского правителя, возможно хурритского происхождения.

Можно еще указать на имена членов династии Табала: Kikki (сын царя, 836 г. до н.э., см. надпись Салманасара III, изд. Laesse, 1959, фрагмент E, стк. 26), Kiakki (царь при Саргоне II, в ряде надписей последнего). В клинописных документах II тыс. до н.э. встречаются имена Кака, Kakiia и др. (См. Э.А. Грантовский. 1970. С. 130—131.)

К этому следует добавить: КЧок — корень, основа, Кикан — киканы — название курдского племени. (Ч.Х. Бакаев. 1957.)

Маништуш, второй сын Саргона, имел столкновения с эламитянами и кутиями. Нарам-Суэн, внук Саргона, уже вел непосредственную войну с кутиями Умман Манда и был убит горцами. Весьма примечательным выглядит тот факт, что, кроме Саргона, все его потомство (два сына — Римуш и Маништуш, а также внук Нарам Суэн) погибло насильственной смертью, причем после-

днии от рук кутиев, которых поддержали все жители Шумера. Прэтому читать вопрос И. Дьяконова: «Что побудило и к(кутиев) втфргнуться в Двуречье — желание пограбить богатые... земледельчефкие города или еще какие-либо причины, мы не знаем», — можно с большой и язвительной усмешкой. Если Саргон был так богат, то зачем он полез военным походом на бедное государство кутиев Симурум на Н. Забе? И если кутии-курды были так бедны, то как они смогли богатством своего оружия разгромить самую крупную и сильную армию Аккада?

Вообще И.М. Дьяконов отличился тем, что в написанной им объемистой книге «История Мидии» нет ни одного упоминания о курдах, хотя только курдов все считают потомками кардухов-мидийцев. Выходит, что можно написать «Историю Москвы», не упоминая при этом о русском народе.

На среднем Евфрате и Хабуре (Тель — Брак) и в Гасуре (северо-восточнее Тигра), то есть на всем пути следования войск Саргона к Средиземному морю в его походе на Эблу, зафиксировано документально существование кутийских городов-государств. В самом центре Шумера в Ниппуре при раскопках была найдена выполненная на дорогом куске мрамора, а не просто глиняной табличке, надпись некоему человеку с явно курдским именем Шехрин-Эври. Что интересно, дарственная Шехрин — Эври датируется именно периодом Аккадского владычества над Шумером. Из этого следует, что отношения между кутиями-курдами с Шумером, а затем и с Аккадом были доверительными. Кутии пригоняли свои многочисленные стада коз и овец с гор и обменивали на ячмень и пшеницу у энси и реатов Шумера, вплоть до того момента, когда Нарам-Суэн решил захватить горные перевалы Загроса, через которые поступали руда и металл с рудников севера. Это и стало препятствием для кочевых кутиев, перегонявших через эти перевалы свои стада, как это каждый год делают их потомки — курды и по сей день.

Отразив нападение аккадской армии, во время которого Нарам-Суэн был убит, вождь кутиев Энридавазир со своими войсками занимает территорию Верхнего Шумера, но не захватывает Нижний Шумер, где остается править Шаркалишари. Если бы кутии стремились к захвату страны, то тогда заняли бы весь Шумер. Однако этого не произошло, и кутии довольствовались возвращением себе плодородных долин в районах Нижнего Заба и Диалы, куда издревле сгоняли с гор скот на зимовку.

Вождь кутиев Энридавазир принял аккадский титул «царь четырех стран света». После Энридавазира Шумером правили пять вождей кутиев: Имта, Ингешум, Сарлагаб, Шульме, причем каждый по 6 лет, что свидетельствует о строгой системе выборности верховного главы власти в обществе кутиев.

Пятым царем из кутиев, правившим Шумером, был Элулумеш. Имя этого вождя кутиев — Элулу-меш — странным образом совпадает с именем шестого шумерского царя Элулу из I династии Ура (2500—2425 гг. до н.э.).

Кутии управляли Шумером через своих наместников, в основном из северных районов Нижней Месопотамии, о чем свидетельствуют надписи царя Лахараба из Сиппара, Ярлагана, правившего 7 лет, и Сиума из Уммы, правившего 7 лет. Правители Лагаша находились в особых отношениях с кутиями, для которых собирали, по всей видимости, дань со всего Нижнего Шумера. Добившись своего, кутии и не думали притеснять жителей Шумера, иначе чем объяснить тот факт, что в своих надписях Гудеа энси Лагаша не упоминает о кутиях, а себя называет «избранным из 36 000 мужей рукой бога Нин — Гирсу».

Жители Лагаша и, по всей видимости, все жители Шумера имели доступ в страну кутиев-курдов вверх по Тигру в глубь Загроса, откуда вывозили лес и строительный камень из Магди (район Киркука), металл с берегов Урмии и Вана.

Гудеа. Статуя из камня

Гудеа умер около 2117 г. до н.э., передав престол Лагаша своему сыну Ур — Нин Гирсу, правившему около 3 лет, после чего трон нома перешел к Пириме — внуку Гудеа, имевшему брата с курдским именем Как, сын которого Наммахани (племянник Ур-Бабы) сменил Ур-Бабу.

С приходом к власти после кутиев царей III династии Ура имена энси Лагаша с Гудеа во главе стали стираться с каменных надписей наряду с царями кутиев. Сам тот факт, что кутии-курды Загроса смогли довольно легко справиться с войсками самого силь-

ного государства того времени, свидетельствует не только о мощи кутиев, но и о том, что эта война воспринималась коренными жителями Двуречья как освободительная от иноземного аккадского ига. Вождям кутиев удалось создать крепкий военный союз племен, который поддержали жители Шумера.

В шумерском «Царском списке» дан перечень имен правивших Двуречьем кутийских царей. Из-за удивительной кратковременности их правления в среднем по 6 лет каждый и регулярности смены верховного вождя ученые пришли к выводу о выборности самой должности царя в кутийском обществе. Неспроста шумерский «Царский список» начинается перечнем царей кутиев с извещения: «Племя кутиев царя не имело». Это, по всей видимости, действительно было так, и кутии-курды жили во время войны с Аккадом по законам военной демократии, когда на время боевых действий советом племен избирается единый военачальник, которому подчиняются главы всех других племен. Этот же принцип сохраняется у курдов, потомков кутиев, и по сей день.

Эта выборность вождей хорошо известна у эллинов-аланов по поэме Гомера «Илиада».

Однако смена власти не означала слабости правления кутиев в Двуречье. Более того, как показал шумеролог В.К. Шилейко, правление кутиев в Шумере было весьма прочным: лугали шумерских городов-крепостей и номов платили крупную дань, но при этом в Двуречье сохранялся полный мир, что следует воспринимать как благодарность шумеров кутиям, спасшим их от резни и геноцида аккадских царей и особенно Римуша, по чьему приказу было вырезано 50 тысяч шумеров. (В.К. Шилейко. Вотивные надписи шумерийских правителей. Петроград, 1916.)

В Аккаде при кутиях власть в стране перешла к жрецам Дуду и Шудурулю (2172—2137 гг. до н.э.), формируется собственная династия в Уруке. Но главную роль начинает играть ном Лагаш, где в то время правил энси Ур-Бау, который вел обширную экономическую деятельность — возводил храмы, рыл каналы. После Ур-Бау власть в Лагаше перешла к Гудеа — мужу дочери Ур-Бау. Гудеа платил дань кутиям-курдам, отсылал золото к царскому престолу и называл себя в надписях «благим пастырем Страны». Все это указывает, что Гудеа был наместником кутиев в Шумере. Кутии помогали Гудеа осуществлять некое грандиозное строительство на юге Шумера, ввозить беспрепятственно камень и строевой лес из Загроса. Кутии-курды сохраняли твердый

контроль над югом Двуречья, о чем свидетельствует надпись энси Уммы в честь кутийского царя Ярлагана (около 2125—2117 гг. до н.э.). Надпись другого кутийского царя, Сиума, дает возможность датировать время его правления Шумером 2116—2110 гг. до н.э.

Последним царем кутиев в Шумере был Тирикан. Власть над кутиями в результате дворцового переворота во время какого-то религиозного праздника с сакральной заменой царя захватил Утухегаль — лугаль Ура. Начало переворота было заговорщиками приурочено к религиозному празднику кутиев — смены царя, известного у курдов под именем Мир Мирен (Эмир всех эмиров), отмечаемый в марте в день весеннего равноденствия. Возможно, переворот удался вследствие пребывания большей части кутиев в своих религиозных культовых центрах в горах Загроса, и по этой причине их войска отсутствовали в Шумере. Или же какими-то боевыми действиями на севере Индии в составе войск индоариев Куру. По крайней мере, в «Махабхарате», описывающей этот исторический период, говорится о курдском племени Кокейи — великих колесничих», пришедших издали на помощь сыновьям Куру — братьям Кауравам-Пандавам.

О заговоре Утухегали (возможно, он был сам кутий-курд) известно по копиям его стихотворной поэмы. Вызывает интерес то, что против войск Утухегали выступил шумериец Ур-Ниназу и даже акадец Наби-Энлилль, вставшие во главе войска кутиев(?). В битве, состоявшейся в 2109 г., Утухегаль победил, а Тирикан, находившийся в Дубруме-Тупруме, схвачен и казнен.

Царь Лагаша Наммахани был убит Ур-Намму. Его имя сбивалось с надписей на камне, а Лагаш исключен в «Царском списке» из числа городов Шумера. Этот факт и служит блестящим доказательством того, что Гудеа, его потомки и сородичи были кутиями-курдами.

Список царей кутиев

Племя кутиум не имело царя

(1) Имта стал царем, правил 3 года (вариант: 5 лет),

(2) Ингешуш правил 6 лет,

(3) Сарлагаб правил 6 лет,

(4) Шульме (вариант: «Иарлагаш») правил 6 лет,

(5) Элулумеш правил 6 лет,

(6) Инимабагеш правил 5 лет,

(7) Ингешум (текст здесь дает «Игешауш») правил 6 лет,

- (8) Иарлагаб правил 15 лет,
- (9) Ибате правил 3 года,
- (10) Иарлагаб (вариант: «Иарлангаб») правил 3 года,
- (11) Курум (вариант: [...] би) правил 1 год,
- (12) Хабилькин правил 3 года,
- (13) [Лаз] рабум правил 2 года,
- (14) Ирарум правил 2 года,
- (15) Ибранум правил 1 год,
- (16) Хаблум правил 2 года,
- (17) Пузур-Суэн правил 7 лет,
- (18) [Иа] рлаганд(а) правил 7 лет,
- (19) [Си] ум правил 7 лет,
- (20) Тирика(н) правил 40 дней,

Стела царя Ур-Намму (стоит) перед божеством

Всего 21 царь правили 91 год и 40 дней.

Кутии в эпоху III династии Ура

Шумерские цари III династии Ура вели постоянно войны с государствами в предгорьях Загроса. В надписях упоминаются походы на Урбиллум (Эрбиль), Симурурум (Забан), Нижний Заб — правитель Забазуна, Шашрум (позднее Ашшур) — правитель Кувари. Были совершены походы на княжества кутиев Луллубу, Харши, Кимаш, Хумурти, Ганхар и города предгорий Загроса: Кимаш — недалеко от современного Киркука, Харши — урартская Арсита (сов. Туз-Хурматлы), Ганхар — поздний Хархар в Мидии, где правителем был Тишари.

Вся территория по Тигру вверх подчинялась энси Лагаша. Так, Арад-Наннар, наместник Лагаша при царе Шу-Суэне (2046—2038 гг.) носил титул «энси Сабума и страны Кутиума, правителя Димат-Энлила, Аль Шусина, Урбиллума, энси Хамази, Ганхара, правителя Ишара, народа Су (субарейцы), страны Гардака».

В Эшнуне на нижней Диале и в Лагаше на Тигре найдены вещи типа культуры Мохенджо-Даро, что свидетельствует о походах ведических ариев Куру далеко от Загроса на восток. В числе рабов упоминаются «светлые кутии» (*namrutii*). С кутийским княжеством Симуррум воевал еще Саргон I. Затем в надписи Нарам-Суэна упоминается Путтим-аталь, царь Симуррума.

История III династии царей Ура завершилась полным их разгромом в 2025—2004 гг. до н.э. кутиями-хурритами, называемыми в шумеро-аккадских надписях — Субарту.

Нападения царей III династии Ура на Курдистан в III тыс. до н.э.

- Ганхар разорен — 25-й год Шульги;
- Хархар в поздней Мидии, Луллубу и Симуррум разорены — 26-й год Шульги;
- Симуррум вторично разорен — 27-й год Шульги;
- Харши разорен — 28-й год Шульги;
- Ганхар вторично разорен — 32-й год Шульги;
- Симуррум 3 раза разорен — 33-й год Шульги;
- Шашрум разорен — 43-й год Шульги;
- Симуррум и Луллубум разорены 9 раз — 45-й год Шульги;
- Урбилум, Симуррум, Луллубу, Ганхар разорены 9 раз — 46-й год Шульги;
- Кимаш, Хумуртум и страна разорены в 1 день — 49-й год Шульги;
- Бур-Суэн разорил Урбиллум — 2-й Бурсуэна
- Шашрум разорен — 6-й год Бур-Суэна;
- Хухнуру разорен — 7-й год Бур-Суэна;
- Шиманум разорен — 3-й год Шу-Суэна;
- Шу-Суэн, царь Ура, разорил страну Забашли — 7-й год;
- Симуррум разорен — 3-й год Ибби-Суэна;
- Сузы, Адамдун и страну Аван затопил — ?? году Ибби-Суэн;
- Взял в плен Энбилуа (элан-Энпилуххан) имя царя Элама На Хукунори... стран Аншан он двинулся? год Ибби.

Курдские княжества Загроса

Тугриш, Уркиш и Навар (XXII в. до н.э.).

Первые сведения о курдском княжестве Уркиш датируются эпохой падения Аккада под ударами войск кутиев Умман Манда в последней четверти III тыс. до н.э. Из торжественной надписи на бронзовой табличке, посвященной закладке храма Нергала, мы узнаем имя Арисена [Аризан(ту)], называющего себя царем Уркеша и Навара.

Княжество Навар однозначно отождествляется учеными с областью Намара в государстве Манна в горах Загроса, где по настоящее время живут курды-курманджи — потомки земли Манна, и расположен курдский город Сене (Сенендедж).

Княжество Уркиш располагалось в районе Хабура. Таким образом, кутии-курды занимали территорию от озер Ван и Урмия на севере до Диалы на востоке и Хабура на западе, что полностью соответствует землям, исторически входящим в район Центрального Курдистана.

Имя Арисена-Аризена, царя Уркиша и Навара в Загросе в XXII в. до н.э., является исконно курдско-мидийским и соответствует этнониму одного из шести мидийских племен Ариязанту. Позднее имя Арисена — в форме Эрисинни — встречается как имя одного из князей царства Манна. Таким образом, царство Уркиш является одним из древнейших курдских государственных объединений в горах Загроса.

Тугриш еще одно кутийско-курдское княжество, которым в XXII в. до н.э. управлял царь с исконно курдским именем Кикэлпатшарриша от курдского Кикэл — Какъл — ядро — сердцевина (имени собственного, мужского). Княжество Тугриш является свидетельством пребывания индоариев Куру в этом регионе Загроса в Курдистане, стране Куру, в III тыс. до н.э. и восходит к имени некоего героя Тугры, о котором неоднократно упоминается в ведических гимнах.

Ригведа. Мандала I, 182 («К Ашвинам»)

6. Сына Тугры, низвергнутого в воды,
Повергнутого в безудержный мрак,
Спасают четыре ладьи, посланные
Ашвинами, привыкшие к качке.
7. Что это было за дерево, стоявшее посреди потока,
Которое охватил сын Тугры, [...].

8. Да будет вам приятен, о два мужа, о Насатъи,
Этот хвалебный гимн, который вам провозгласили
Потомки Маны.

В этом стихе «сыны Тугры», чуть не утонувшие во время переправы через горную реку Загроса, воспеваются в гимне к Ашвинам потомками Манны, которыми являются курды-курманджи, живущие на земле своих предков, называемой в древности страна Манна. Действительно, история княжества Тугриш является наиболее древней ведийской эпохой курдского государства Мана. В другом гимне Тугра упоминается с мудрецом-риши Какшивантом, к имени последнего, возможно, и восходит имя царя Тугриша — Кикэлпата из древних хуррито-аккадских надписей в Загросе II тыс. до н.э.

Мандала I, 117 («К Ашвинам»)

6. Это ваше (деяние), а два мужа должно быть прославлено
Паджрия Какшивантом, о Насатъи [...]
14. К Тугре согласно прежним обычаям
Вы снова стали расположенными [...]
15. Воззвал к вам сын Тугры, о Ашвины.

(Перевод Т.Я. Елизаренковой)

Не только имя Какшиванта, но и имя ведийского двуединого божества Насатъи встречается в древности в Передней Азии. Так, имя Насатъи в форме Нанһатъя засвидетельствовано в договоре царя Митанни-Маттивазы с царем хеттов Суппилулиумой в XIV в. до н.э. Все эти исторические факты в сопоставлении показывают исконно индоиранский характер населения древнего княжества Тугриш в горах Загроса с царем, носившим исконно курдское имя Кикэлпат. О соответствии имени «реального» курдско-кутийского царя Кикэлпата из Тугриша имени ведийского риши Какшиванта говорит и такой интересный факт, как сохранение этого имени много лет спустя в магических ритуалах хурритов-матиенов, ставших известными благодаря прочтению их клинописи. Как пишет известный и даже, как говорит Н.Б. Янковская, один «из лучших хурритологов» Гернот Вильхельм: «Ритуал Su.Gi, в процессе которого манипулируют фигурками обожествленных царей, упоминает имена исторических лиц Аккадского периода, таких как Саргон, Маништусу, Нарам-Суэн и Шаркалишари, но также и правителей, неизвестных из других источ-

ников, как, например, Ауталумма из Элама, Иммашку из Лулуэ и Киклип-Аталь из Тукриша. Написания имен свидетельствует о том, что здесь отражена очень древняя, первоначально, скорее всего, устная, самостоятельная хурритская историческая традиция, восходящая, наверное, еще ко времени хурритских государств, ставших наследниками Аккадского царства [Kammenhuber, 1974; 1976; 1978]». (Г. Вильгельм. Древний народ хурриты. М., 1992. С. 120.)

*Царь кутиев. Бронзовая скульптура из Хамадана (Луристан).
III тыс. до н.э.*

Исходя из того, что действительно именно хурриты-матиены-субареи у шумеров разгромили вместе с воинами Элама ненавистный Аккад, то нетрудно догадаться и понять суть магического ритуала, в котором митаннийские жрецы разыгрывали с глиняными фигурками битвы царя Тугриша — Киклпата и Иммашку царя кутиев-лулубеев с войсками аккадских царей из семейства Саргона I. Об этом свидетельствуют гимны Ригvedы.

Мандала IV, 26 («К Индре»)

1. Я был Ману и Сурьей [курманджи — Сорани]
Я — вдохновленный риши Какшивант [Кикэлпат, Кикэлван]
Я покори́л Кутсу, сына Арджуны
Я — кави Ушанас. Взгляните на меня!
2. Я дал землю арье.
[...]
3. Я крепости разбил, опьяненный (сомой):
Сразу девяносто девять (крепостей) Шамбары,
(А) сотое поселение полноты ради,
18. [...] Мандала II, 11 («К Индре»)
Ты раскрыл светило для ария,
Дасью ружнул слева, о Индра.

19. Мы хотим получать выгоду, побеждая с твоей помощью
Вместе с арием всех врагов дасью!
Мандала II, 12 («К Индре»)
4. Кем все эти перевороты совершены,
Кто дасу как низшую расу заставил затаиться.

(Перевод Т.Я. Елизаренковой,

Именно из изображения событий, воспеваемых в гимнах, в обряде родился древнеиндийский театр. Имя ведийского божества Индры также упоминается в договоре царя Митанни с царем хеттов в Передней Азии, и никто из ученых никогда не отрицал присутствие во II тыс. до н.э. индоариев Куру в Передней Азии.

Падение царей III династии Ура в Шумере было связано с голодом, вызванным отсутствием поставок ячменя с севера. Здесь мы документально узнаем о поставках ячменя и пшеницы в Шумер с гор Загроса из страны Кутиев, как это было и в более поздние времена ассирийского владычества. Суть истории такова: Ибби-Суэн, сын Шу-Суэна, поручил своему подчиненному Ишби Эрре закупить на севере от Шумера большое количество ячменя-щэ. Ишби Эрра выполнил приказ, но не стал сплавлять его по Тигру и Евфрату вниз на баржах в Ур, а вступил в сговор с правителями других номов Шумера, которые признали быстро его своим Энси-владыкой. Летописи сообщают об этом как о случившемся на шестом году правления Ибби-Суэна в 2021 г. до н.э. Вызывает удивление столь быстрое желание всех номов Шумера избавиться от господства Ура. В 2004 г. до н.э. Ур, находившийся в голодной блокаде, подвергся нападению союза двух армий — Элама и Субарту, как шумеры называли регион обитания хурритов. Войском Элама командовал Хутрантема, правитель области Симашки, который увел Ибби-Суэна, последнего царя III династии Ура, закованного в оковы, в Анчан. Крушение III династии привело к усилению местной власти, по всей территории Месопотамии возникли династии субарейско-аморейских царей.

Аризена-Арисена, царь Уркеша, правил в первые годы III династии царей Ура в Шумере. Аризена называет себя сыном Шатарматы. В ходе агрессий царей III династии Ура княжество кутиев Уркеш оставалось вне зоны их активности. Имя отца Аризены, Шатарматы, исконно индоарийское — Шата (ṣeati «трофей») — arma (arma «руины») — та (ta «то» указ. мест. 3-го л. ед. ч.). Оно убедительно сви-

детельствует об исконно индоиранском автохтонном населении Загроса (Курдистана) уже в III тыс. до н.э.

Предположительно после Аризены Уркешем правил Тишари [Тиш-аталь], называвшийся в надписях на табличках из Эшнуны «Человек из Нинуа», то есть он был правителем Ниневии — центра культа богини Шавушки. От Тишари дошли две надписи, в одной из которых говорится, что «Тишари эндан Уркеша построил храм Нергала», и далее следует несохранившееся предупреждение людям в случае разрушения храма. Здесь интересен сам курдский титул — эндан правителя Уркеша. Первая часть — эн — восходит к курдскому эйан — известный, видный, которым пользовались еще шумеры, то есть имеется свидетельство наличия этого курдского эпитета не только у шумеров, но и у жителей Загроса в ту же самую эпоху. Вторая часть эпитета — дан (эндан) — является исконно формой курдского языка, где дан — продуктивный суффикс, образующий наименования вместилищ, например: кэвчидан — место хранения ложек от кэвчи — ложка + дан; һэвирдан — посуда, мешок для хранения теста + дан. Суффикс «дан» играет важную роль в процессе словообразования в курдском языке и тем самым дает возможность проследить его архаичную древность, поскольку уже зафиксирован в языке предков курдов хурритов-матиенов, где часто встречается в наименовании профессий. Иными словами, суффиксу дан(г) в курдском языке уже более 4 тысяч лет, а следовательно, и самому языку курдов Месопотамии, что подтверждает, в свою очередь, и лексика гимнов Ригведы.

Имя Тишари [Тиш-аталь] с упоминанием ведийского божества Тишья — звезда Сириус», сопоставляемого с авестийским божеством Тиштрия, вызывающим грозовой весенний дождь, бесспорно, является индоиранским. В Авесте божеству дождя посвящен знаменитый раздел «Тиштр яшт», где говорится следующее:

32. Восходит он оттуда,
Спитама-Заратуштра,
Блестящий славный Тиштрия
33. И облака те гонит,
Сбирающие влагу
Передний ветер, что дует [южный ветер]
Путями Хаомы светлой
Что продвигает мир

А после гонит Ветер
Могучий, данный Маздой,
Дождь, и туман, и град.
56. Когда же, Заратуштра,
О Тиштрии блестящем
Помыслят арьев страны
То на арийцев страны
Не нападет ни войско
Враждебное набегом.

(Перевод И.М. Стеблин-Каменского)

Дважды божество Тишья упоминается и в Ригведе. Эпитетом Тиштрии является *augiṣa* — беловатый, и точно соответствует имени бога бури Тешшуба у хурритов-матиенов, поскольку вторая часть имени здесь Теш — шуп восходит к курдской основе *сып* — белый (*сып* > *шьб*). В Авесте божество дождя уподобляется коню белой (*сып* — *шьб*, курд.) масти:

30. И вот он приближается
Спитама-Заратуштра,
Блестящий, славный Тиштрия
Конем примчавшись белым.

31. И море он вздымает
И море он волнует
Он море проливает
Он море заливает.

(«Тиштр яшт»)

Священным городом бога Тешупа у хурритов-матиенов был Кума, располагавшийся в центре Курдистана, в районе современного Захо. Боевые колесницы появляются в Передней Азии и Ближнем Востоке начиная с XVIII в. до н.э., что было вызвано распространением технической культуры ведических индоариев Куру и стратегией ведения боя с участием конских упряжек с копыеносцами, врезавшимися на бешеной скорости в ряды пехоты противника. В связи с этим выглядит весьма примечательным и изображение хуррито-матиенского божества Тешшупа верхом на боевой колеснице, влекомой быками. Культ быка Га был чрезвычайно распространен среди курдов, о чем свидетельствует этноним одного из четырех самых крупных племен

Горани, являющийся автохтонным населением Нижней Месопотамии и южных отрогов Загроса. Нет никаких сомнений в шумерском этногенезе курдов Горани, из лексики которых сформировалась сфера сакральной храмовой лексики Шумера. Изображения борьбы Гильгамеша с небесным быком бога Анна — довольно распространенный сюжет в шумерском искусстве. Дикого быка приручили в эпоху Халафской культуры, носителями которой, по всей видимости, и были предки курдов Горани, сохранившие, несмотря на прошедшие тысячелетия истории, память об укрощении свирепого животного, способного в ярости наброситься на грозного льва. Безусловно, это событие не могло не сохраниться в памяти народа, позднее породив этноним курдского племени Горани.

Для индоарийской мифологии характерна идеализация боевой колесницы бога грозы, а не только ездового животного, как это свойственно мифологии других этносов. Это заметно при сопоставлении скандинавской мифологии, столь удаленной в настоящее время от индоиранского культурного мира. В мифах северных германцев бог грозы Тор ездит по небу на колеснице, запряженной парой козлов, а не быков или коней. Это свидетельствует в пользу того, что индоевропейская общность распалась в ту эпоху (VI—V тыс. до н.э.), когда в горах Загроса индоарии разводили только коз и овец, тогда как не была приручена не только дикая лошадь Южного Урала, но даже не был укрощен и domestирован болотный вол зебу в Нижней Месопотамии.

Из этого факта логически следует — предки северных германцев некогда жили в горах Загроса вместе с предками курдов и поклонялись единому божеству индоариев той поры — тотему козла.

Это подтверждает и более поздняя по времени лексика санскрита, в большей части своей, на 80 % — индоевропейская! Более ранняя хронологически лексика древнеиранской Авесты и индоарийской Ригведы близка настолько, что, как писал Э.А. Грантовский — ранние авестийские и ведийские тексты характеризуются очень большим сходством языка, словарного фонда, грамматической структуры, поэтических приемов, традиционных образов и т.п. Классическим примером близости языка этих текстов являются проводившиеся еще в конце прошлого века опыты буквального перевода ранних авестийских отрывков (в частности из Михр-Яшта) на ведийский, когда остававшийся за исключением соответствующих фонетических коррективов неизменным текст создавал впечатление настоящей

го ведийского стиха (о далеко идущих сходствах языка Ригведы и Авесты, а также отраженных в них мифологии и ритуале см. в нашей литературе у Л.Г. Герценберга: 1972; Т.Я. Елизаренковой. 1972. С. 16—18, с литературой; ср. также: Иванов, Топоров, 1960. С. 11—12, где, в частности, отмечается, что некоторые отрывки из Ригведы и Авесты «можно рассматривать как два варианта одного первоначального текста»). (Э.А. Грантовский. Иран и иранцы до Ахеменидов. 1998. С. 63.)

Но имя ведических индоариев Куру, одного из индоевропейских племен, принимавших участие в историческом переходе через перевалы Гиндукуша и последующем завоевании Пенджаба, долины рек Сарасвати и Дришадвади во II тыс. до н.э., не сохранилось ни за одним этносом, населяющим в настоящее время Индию. Тогда как в горах Загроса современные курды продолжают носить имя своих индоарийских предков Куру, а суффикс «д» является показателем множественного числа. При этом лексика курдского языка четко фиксируется в текстах храмов Шумера, датируемых уже III тыс. до н.э., то есть ранее того временного периода, когда ведические индоарии Куру вторглись со стороны Гиндукуша в Северную Индию. Этот факт и является ярчайшим доказательством автотонности курдского этноса в горных долинах Загроса и Тавра, поскольку физически никак не было возможным одновременно завоевывать Индию и оказывать влияние на Шумер в Месопотамии. Анализ текстов Ригведы и Авесты выявили в религии индоариев (Куру) более древний пласт верований, связанных с культом быка (эпоха Халафы). Как пишет Э.А. Грантовский: «В индоиранской и индоарийской традиции особое значение придавалось крупному рогатому скоту, выступавшему в качестве основного мерила богатства, а также главной причиной распрей и военных столкновений; некоторые исследователи даже называют ариев «коровыми пастухами»; в мифотворчестве Авесты значительное место еще занимает бык или «душа быка» (или «душа коровы», как предполагают трактовать авторы последних полных переводов «Гат» С. Инслер [1975] и Г. Гумбах [1991]), *gəuð uṛvan*; но иные авестийские свидетельства в сравнении с другими иранскими данными (например, не зависимыми от авестийских курдскими, указывают на дальнейшее развитие в общеиранский период отгонного скотоводства с особой ролью мелкого рогатого скота и отражение соответствующих обычаев в календарных и общенародных праздниках». (Указ. соч. С. 81.)

В гимнах Ригведы воспевается священный козел Пушан, но тем не менее индоарии Куру были на самом деле «коровьими пастухами», и корова почитается священным животным в Индии по древней ведической традиции. О наличии в древности культа быка и священной коровы у курдов Загроса и Нижней Месопотамии свидетельствует этноним курдского племени «быкастых» Горани (поклонников быка), имеющих даже свой диалект языка. Следовательно, это курдское племя названо Горани в древности по этноконфессиональному признаку. Культ быка процветал в Месопотамии в эпоху Шумера и хурритов-матиенов в III—II тыс. до н.э., и, по всей видимости, одним из главных носителей этих мифических верований и были курды Горани. Ни в эпоху ислама, ни в эпоху христианства не мог бы родиться подобный этноним, который отражает не религию, а мифологию. Культ быка процветал в Месопотамии и в Загросе не в пору зарождения мировых монотеистических религий иудаизма, христианства, ислама, буддизма, а в предыдущую этому, более древнюю, архаичную эпоху мифических верований с развитым культом всевозможных животных. Верования в мифического небесного быка были чрезвычайно распространены среди индоевропейских народов ала-нов-эллинов и ведических ариев. Божество светлого неба Дьяус Питар почитался предками индоевропейцев в облике Быка, носившего имя Га у курдов и Gid у шумеров. Предки курдов в эпоху Аккада — Умман Манда — поклонялись мифическому быку, о чем свидетельствует мифология хурритов-матиенов, которые завладели Месопотамией к концу III тыс. до н.э. Однако имеются свидетельства о контактах хурритов-матиенов уже с царями III династии Ура. На одной из клинописных табличек, датированых 3-м годом правления царя этой династии Шу-Суэна (2036—2028 гг. до н.э.), то есть в 2033 г. до н.э., говорится о Тишари (царе хурритов-матиенов из княжества Ур-кеш в Загросе), который в сопровождении 100 человек навел своего дядю-полководца в г. Ур, завершившего удачный военный поход против княжества Симанум в предгорьях Загроса. Это указывает о найме отрядов из Умман Манда (хурритов-матиенов) на службу царем Ура, а также свидетельствует о превращении курдов Загроса в грозную военную силу, способную захватить всю власть в Шумере в свои руки. Действительно, после крушения III династии царей Ура на территории в Месопотамии сложились несколько десятков княжеств, находившихся под управлением шубарейцев или хурритов-матиенов.

Курды-касситы (бахтиары)

Племена касситов были горными скотоводами Загроса. Они становятся известными с XIX в. до н.э. Этноним Каски [кашу, аккад] исконно курдско-кутийское и означает «великан». Это курдское имя — Коски — каким-то не понятным еще образом напрямую связано с Ветхим Заветом, где говорится: (Бытие, гл. 6):

4. В то время были на земле исполины (коски, курд.), особенно же с того времени, как сыны Божии стали входить к дочерям человеческим, и они стали рождать им. Это сильные издревле славные люди.

13. И сказал Бог Ною: конец всякой плоти пришел пред лице Мое; 17. И вот Я наведу на землю потоп водный...

18. Но с тобою Я поставлю завет Мой, и войдешь в Ковчег ты.

Глава 8.

3. Вода же постепенно возвращалась с земли, и стала убывать вода...

4. И остановился ковчег в седьмом месяце в семнадцатый день месяца, на горах Араратских.

Этот эпизод, вероятно, взят писцами Библии из шумеро-аккадского эпоса о Гильгамеше в эпоху знаменитого Вавилонского пленения у местного курдско-кутийско-халдейского населения. Сам эпос о Гильгамеше отражал веру кутиев-шумерийцев (если не считать шумеров пришельцами) в то, что ковчег после потопа остановился в Курдистане — горах Курдухов — на горе Ницир современной Джуди-Даг, где на вершине до настоящего времени курды-езиды совершают кровавые жертвоприношения в честь дня спасения человечества от излияния небесных вод. По ассирийско-аккадским преданиям, ковчег остановился на горе Никир, по-лулубейски Киниппа (современной Джуди-Даг). Аккадцы особо увязывали эту гору с кутиями-курдами. Вавилонский историк халдей Берос (350—280 гг. до н.э.), написавший для селевкидского царя Антиоха I Сотера (324—261 гг. до н.э.) историю Месопотамии, также по словам Иосифа Флавия, говорит о «горе Кордуйской», на которой сохранились развалины Ковчеха.

Гора кутиев-курдов Ницир — Киниппа

в шумерском сказании о Гильгамеше

Таблица XI

8 Утнапишти ему вещает, Гильгамешу:

9 «Я открою, Гильгамеш, сокровенное слово

10 И тайну богов тебе расскажу я.

- 11 Шуррипак, город, который ты знаешь.
- 12 Что лежит на бреге Евфрата,
- 13 Этот город древен, близки к нему боги.
- 14 Богов великих потоп устроить склонило их сердце.
- 15-16 Совещались отец их Анну, Эллий, герой, их советник,
- 17-18 Их гонец Нинурта, их мираб Эннуги.
- 19 Нинигику-Эа с ними вместе клялся,
- 20 Но хижине он их слово поведал:
- 21 »Хижина, хижина! Стенка, стенка!
- 22 Слушай, хижина! Стенка, запомни!
- 23 Шуриппакиец, сын Убар-Туту,
- 24 Снеси жилище, построй корабль,
- 25 Покинь изобилье, заботься о жизни,
- 26 Богатство презри, спасай свою душу!
- 27 На свой корабль погрузи все живое,
- 28 Тот корабль, который ты построишь,
- 29 Очертаньем да будет четырехуголен,
- 30 Равны да будут ширина с длиною...»
- 128 Потом буря покрывает землю.
- 129 При наступлении дня седьмого
- 129а Буря с потопом войну прекратили,
- 130 Те, что сражались подобно войску.
- 131 Успокоилось море, утих ураган — потоп прекратился.
- 132 Я открыл отдушину — свет упал на лицо мне,
- 133 Я взглянул на море — тишь настала,
- 134 И все человечество стало глиной!
- 135 Плоской, как крыша, сделалась равнина.
- 136 Я пал на колени, сел и плачу,
- 137 По лицу моему побежали слезы.
- 138 Стал высматривать берег в открытом море —
- 139 В двенадцати поприщах поднялся остров.
- 140 У горы Ницир корабль остановился.
- 141 Гора Ницир корабль удержала, не дает качаться.
- 142 Один день, два дня гора Ницир держит корабль,
не дает качаться.
- 143 Три дня, четыре дня гора Ницир держит корабль,
не дает качаться.
- 144 Пять и шесть гора Ницир держит корабль,
не дает качаться...»

(Перевод И.М. Дьяконова)

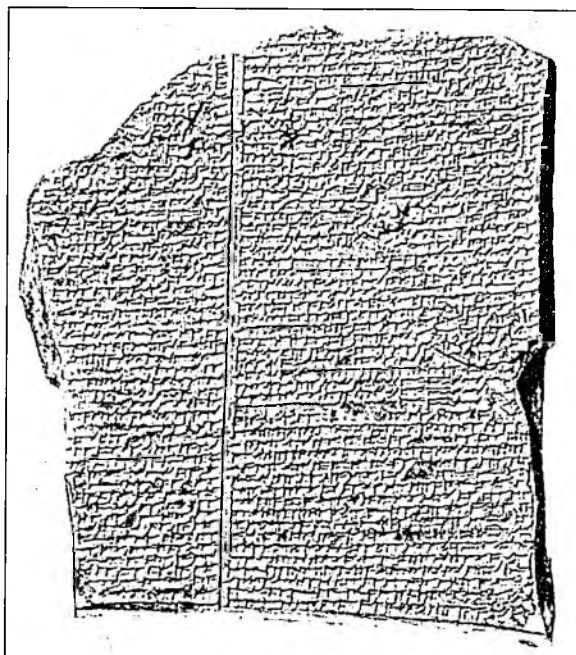

Если признать гипотезу о пришествии шумеров из Индии, то шумеры не имеют никакого отношения к преданию о потопе, а подлинными создателями этого мифа являются курды-кутии Загроса, где и находится знаменитая гора Ковчега — Нимуш (Ницир, Аккад). Следовательно, великанами — коски — в Ветхом Завете названо одно из курдских племен, поклонявшееся своим индоиранским богам и являвшее древним этносом даже для II тыс. до н.э.

Первоначально в исторической науке исконной территорией касситов считали только районы Загроса. К настоящему времени, после работ австрийского ассиролога К. Ярица, установлено, что территория первоначального расселения касситов была несколько шире и включала в себя и районы Восточной и Центрально-Северной Каппадокии. Значительно позднее, только к началу II тыс. до н.э. часть касситов переселилась в северо-восточные от Вавилона районы Заг-

Район библиейского потоп в Загросе (Курдистан)

Обломок одного из списков «ниневийской» версии Таблицы XI поэмы «О все выдавшем». Отрывок с описанием потопы. Британский музей

ра. Кстати, эта дата согласуется с переездом Авраама из Ура Халдеев в Харран и последующим знаменитым переходом [ab-gu] реки Евфрат в 1850 г. до н.э.

Касситы-коски поклонялись индоиранским божествам, факт, еще раз подтверждающий исконно индоевропейскую этническую принадлежность первобытного населения Передней Азии и Иранского нагорья в X—III тыс. до н.э. Мифология касситов-коски, судя по именам богов, исконно индоевропейская.

Бог грозы и грома Хутһа [hu-ud — ha] соответствует курдско-иранскому Ходай — «Господь». Но в курдском языке особенно выделяется водный аспект этого божества, поскольку слово того же корня в курдском — ходан — помимо смысла «Господь» имеет значение «пот — влага». Знаменательно, что в курдском языке, предки носителей которого кутии «пережили всемирный потоп», слова ходан — Господь и ходан — пот восходят к единому корню хо — потеть.

Эпитетом кассито-курдского божества грозы Хутхи было Убри-яш, который имеет близкое соответствие в древнегреческой мифологии под именем бога Борея — Boreas < Ubrijas, что напрямую указывает на более древний индоевропейский характер касситской мифологии. В курдском языке бори — гудеть, реветь (как северный ветер). Имя касситского бога Солнца — Шуриаш — восходит к ведийско-арийскому солнечному божеству Сурье, сравните: санскрит — Suryah > Suriyas — кассит. В курдском языке Сори — красный (как Солнце). Эпитет бога Солнца — Сах — восходит к курдскому Сах — исцелять. Покровитель царского рода касситов носил имя Иммир, которое восходит к курдскому эмър — жизнь и 2) эмър — приказ — повеление. На более древний индоевропейский характер мифологии касситов указывает совпадение божества — прародителя царского рода Иммира с именем прародителя Эмира в германской мифологии. Этническое родство курдов и германцев — неоспоримый факт. Имя касситского божества Дунияш восходит к курдскому донийа — свет, мир, вселенная, и, возможно, касситское самоназвание Вавилона Кард Дуниаш — Страна Курдов — восходит к этой праформе. Божественный персонаж религии касситов — Багаш — к индоиранскому Бага — бог — распределитель благ; например, Багнапат — эпитет Шивы у индусов, а затем и к общиндоевропейскому — Бог. Бог войны — Гидар, по всей видимости, Гнидар, восходит к курдскому Гнейдар — хедар — опасный — смертельный. (В курдском языке как и в индийском, сохранились придыхательные согласные: gh, kh, ph, ch). Эпитетом бога войны Гнидара у касситов-курдов было его имя Маратташ, находящее свое продолжение в имени ведийско-арийских божеств Марутов. Имя этих божеств, вооруженных по мифологическим представлениям ведических индоариев Куру копьями, восходит к курдскому мерах — копье. В Ригведе имеется несколько гимнов, посвященных этим конным божествам.

Мандала II 34

1. Маруты, любящие потоки (дождя)
обладающие дерзкой силой,
3. Они обливают (своих) коней,
как скакунов на состязаниях
Они набирают скорость со своими конями (правлящими)
с помощью ушей жеребца,

- О, Маруты с золотыми султанами (на шлемах), мощно сотрясающие мир,
- 5, 6) О вы, со сверкающими копьями, беспыльными
Отправляйтесь, словно гуси на пастбище
Для опьянения медом, О, Маруты единомышленные
8. Когда Маруты с золотыми пластинками
на груди запрягают
Коней в колесницы на благо (почитающих их).
(Перевод Т.Я. Елизаренковой)

Интересно отметить соответствие курдского традиционного вооружения воинов-марданов копьями и топорами верхом на конях с вооружением золотыми копьями и топорами ведийско-арийских божеств Марутов. Соответствие божеств Марутов богу войны Марсу у римлян еще раз демонстрирует исключительную древность курдско-касситской мифологии с гор Загроса, которая в одно и то же время связана и с западной индоевропейской мифологией (и культом) и с восточной ведийско-арийской. Маруты в гимнах Ригведы воспеваются как жители гор, какими были и сами индоарии касситы.

Мандала V 54

1. Толпу марутову, обладающую собственным блеском,
Сотрясающую горы[...],
3. Мужичи, могучие молнией, мечущие камни,
Сильные ветром, Маруты, сотрясающие горы.
11. Копья у вас на плечах, браслеты на ногах
Золотые пластинки на груди, о Маруты, на колеснице украшенной,
Сверкающие огнем молнии (у вас) в руках
Позолоченные шлемы надеты на головах.

«Золотой блеск» на курдском языке, как и в ведийском и в санскрите, передается словом *qash*, отсюда и происходят знаменитые топонимы — Кашмир, Каши (совр. Бенарес, место проповеди Будды Гаутамы) в Северной Индии. Само курдско-ведийское слово Каши соотносится как с одеянием, так и с самим именем касситов — кашши. По представлениям ведических индоариев Куру божества Маруты живут на Гималаях, однако впервые это имя в форме Шималайя — *Simalaja* > *himalaya* зафиксировано далеко от Индии, в горах Загроса у касситов-кашшу, захвативших Вавилон в середине II тыс.

до н.э. Имя богини горных вершин Шималайя у касситов действительно соответствует имени богини Хималаш в более поздней ведийской мифологии, и это доказывает, что первоначально все ведические племена индоариев Куру обитали вместе с курдами в горах Загроса и Тавра, на Иранском нагорье на стыке Передней и Средней Азии.

Здесь мы имеем возможность предположить возникновение самого индийского названия горных вершин Гималаи из курдского языка. Действительно, имеется этимологическое тождество курдского — зима — *zimi*(стап) и *himalaya* у индийцев, учитывая чередования *s>h* в индоиранских языках. Но исходя из факта расселения индоариев Куру во II тыс. до н.э. не из Северной Индии, куда индоарии пришли позднее, а из Передней Азии и Иранского нагорья, можно считать проникновение этого имени через Гиндукуш на полуостров Индостан с древними племенами курдов, например с племенем кокайикэкаи — Великие Колесничие», по определению древнеиндийского эпоса Махабхараты.

Касситы гор Загроса упоминаются в клинописных документах Вавилона еще в эпоху, предшествующую времени правления Хаммурапи (1792—1750 гг. до н.э.). Именно Хаммурапи начал строить оборонительные сооружения, названные «Стеной против горной страны», то есть против касситов-коневодов, племена которых начали в начале II тыс. до н.э. расселяться на плодородных долинах Северной Месопотамии. В 1783 г. до н.э. Хаммурапи лично встречался с Шамши-Ададом I и заключил с ним мир и военный союз, направленный против царства Эшнуны в предгорьях Загроса на р. Диале. Обеспечив себе тыл с севера, Хаммурапи поочередно захватил шумерские города на юге: Ниппур и затем Ларсу. Около 1761 г. до н.э. Хаммурапи завоевал г. Мари на среднем Евфрате и вплоть до своей смерти воевал с хурритами области Субарту и горцами-кутиями Загроса на севере. Умер Хаммурапи в 1750 г. до н.э., успев высечь на каменной стене свои знаменитые юридические «Законы».

До Хаммурапи оборонительную стену на том же месте для защиты от вторжения горцев Загроса строил еще царь III династии Ура Шу-Суэн (2036—2028 гг. до н.э.). По всему, этими «горцами севера» и были касситы-коневоды, поскольку ко времени воцарения аморейского вождя Хаммурапи в Вавилоне касситы владели княжеством Хана на среднем Евфрате, где на царском троне успело смениться около 6 царей этой династии. Родоначальником династии в царстве

Ханы был касситский племенной вождь Гандаш, затем Агум I, Каштилиаш и еще последовательно три царя, до Агума II, захватившего Вавилон после совместного похода с хеттами в 1595 г. до н.э. Захват касситами-коневодами Загроса (страна Мехри) Южной Месопотамии завершает так называемый старовавилонский период истории Месопотамии.

Господство касситов в Месопотамии и Вавилоне, учитывая время правления касситской династии в княжестве Хана на среднем Евфрате, продолжалось около 700 лет, с 1742 г. до н.э. (дата правления царя Гандаша) до 1004 г. до н.э. (дата правления последнего царя касситской династии в Приморье, 1024—1004 гг. до н.э.). Большинство востоковедов объясняют переселение касситов из устья Хабурра (государство Хана) в Вавилон (Нижняя Месопотамия) фактом образования на севере сильного индоиранского княжества курдов Митанни. Безусловно, этот факт имел чрезвычайное значение, но при этом, возможно, были и другие, более важные причины, связанные с образованием хеттского царства.

Общепризнано, что касситы были коневодами, причем еще в тот период, когда проживали на севере от Месопотамии, в центральных районах хребта Загроса. Из этого следует, что касситы-коневоды были непосредственно этнически связаны с курдским государством Мехри и областью Ассува (позднее Лука-Ликия) в Передней Азии, являвшимися, как мы знаем, традиционными центрами коневодства в Передней Азии и Иранском нагорье. Еще египетский фараон Тутмос III (XV в. до н.э.) в своих текстах упоминает о стране Ассуве (Asija), откуда ему в дар присылали лошадей. (Helck, 1979. С. 28, 34). Само имя области Ассува в хеттских текстах происходит от индоарийского $asp > assuwa$, от формы которой и возникло наименование лошади во всех семитских языках. Племя касков, жившее на севере Малой Азии, захватило и разрушило столицу хеттов город Хаттусу в середине II тыс. до н.э.. Ассува состояла из нескольких княжеств, возглавляемых царями, называемыми в хеттских источниках второй половины II тыс. до н.э. как — $kurīuanes$, то есть «выходцы из Куру»; «потомки Куру», исходя из суффикса $uanes$ (хетт.) и $ewane$ — «они» — указательное и личное местоимение 3 лица множественного числа в курдском языке. Ведические индоарии Куру, предки современных курдов, жили на территории Передней Азии родоплеменными союзами — вар (вар. шумер.), даже во II тыс. до н.э., поскольку даже в хеттском языке — $kurī(e) uanes$ — обозначение независимых и воин-

ственных княжеств и их вождей, сопредельных с империей хеттов. Область Лувия — Ликия (Ассува), славная своим коневодством в эпоху II тыс. до н.э. в Малой Азии, была разбита на подобные княжества — *kurí(e)uanos*. Жителями этих княжеств — потомков Куру», были лелеги (где *le* — показатель множественного числа в хеттском языке), которые считаются автохтонными жителями Передней Азии. Это древнее имя *le* — лаки полностью согласуется с именем курдского племени лаки, проживающего в настоящее время в Луристане. Интересно отметить, что ученые-востоковеды отождествляют курдов-луров в Луристане с потомками древних жителей Элама. С этой точки зрения есть все основания идентифицировать курдов-лаков с древними ликийцами-коневодами. Контакты между касситами и хеттами подтверждает как их совместный поход из княжества Хана у устья Хабур на Вавилон в Нижней Месопотамии в 1595 г. до н.э., так и последующая дипломатическая переписка царя касситов Кадашмана-Тургу (1285—1265 гг. до н.э.) с царем хеттов Хаттусили (1289—1265 гг. до н.э.).

В анналах хеттских царей Тудхалияса и Арнувандаса, которые ряд исследователей-хеттологов датируют XV в. до н.э., говорится о победе Тудхалияса I (II—III?) над страной Ассува и пленении им их вождей-*Kukullis* и *Mala-zitis*. Имя вождя «конской страны» Ассувы *Kukullis* точно соответствует имени знаменитого митаннийца Киккули, являющегося автором трактата о тренинге лошадей. Не имеют принципиального значения даты жизни Киккули-митаннийца — тренера лошадей и Киккулиса-вождя — куру Ассувы «Страны лошадей», особенно учитывая общепринятое расхождение в хронологии. Самым ценным в этой цепочке исторических фактов является наличие связи имени Киккули с культом коней, обожествляемых в Ригведе индоариями Куру, которые были вождями в Ликии-Ассувы. Таким образом, уже во II тыс. до н.э. в Передней Азии надежно фиксируется этноним Куру как военный термин — полководец, вождь, глава народа — войска — *Kara* в более поздних надписях Ахеменидов. Ни хеттский термин *kurí(e)uanes*, ни иранский *Kara* никак не происходят от др. греческого *koíranos*, как если только все эти три военных термина восходят к единому древнему праиндоевропейскому языку. Ясно, что территорией зарождения праиндоевропейского языка должна быть земля, где вместе в древности проживали все эти народы! Естественно, этой территорией — прародиной индоевропейцев не могла быть Скандинавия, Индия или Северное Причерноморье,

поскольку в историко-археологически обозримом времени ни греки, ни иранцы не жили совместно на этих землях. Тогда как в Передней Азии и Иранском нагорье, начиная с VIII тыс. до н.э., именно индоевропейские племена и затем народы предстают автохтонными и коренными жителями этих мест. Следовательно, именно Передняя Азия и Иранское нагорье, Кавказ, горы Тавра и Загроса и являются древней прародиной как индоевропейских народов, так и индоевропейского праязыка. Определенную лексическую связь с индоевропейцами имеют и шумерский, и эламский языки, что как раз и можно объяснить пребыванием издревле в горах Загроса и Тавра автохтонного индоевропейского населения — кутиев-касситов, хеттов, известных в настоящее время как курды Передней Азии и Месопотамии. Соответствие языка касситов с эламским прослеживается на примерах:

1. кассит. — miri (miri — jaе) — земля — migu элам.
2. кассит. — Gidar — бог (войны) — kuter — владыка — элам.
3. кассит. — da — gigi — небо (da — gilgi) — kik(i) — небо — эламк. da — kas — звезда
4. кассит. — burna — высшее лицо — burna — элам.

Пир (курд.; англ.)

Исходя из того, что слово «мир» (miri, касситск.) и в русском языке означает, в частности — земля», а слово «пир» и в курдском (месопотамском), и в английском (северогерманском) языках означает «высшее лицо», то логически следует, что либо сами эламитяне были древними индоевропейцами, а не дравидами, либо подавляющее влияние на дравидов оказывала уже в то время культура индоевропейских земледельцев Загроса и Тавра, вплоть до такой степени, что даже слово «земля», являющееся основополагающим понятием в мышлении любого народа, к ним пришло из индоарийского языка. В этом ряду выглядят довольно интересными указания на следующие соответствия индоевропейским словам слов из семитских языков:

Индоарийское «земля» — родаси — руда (rdu) — земная — араб. erde эрцету — земля — аккад.
индоарийское радж (Raj) — блеск, сияние огня — решеф (Rsp) — пламя — бог огня
в западносемитской мифологии

древн.-перс. tauhna — предок, потомство — Тиамат,
«первоматерия — океан творения»
курдское ра — солнце — Ра — бог Солнца — др.-егип.
курдское тэф — «жар, зной» — Тefнут «богиня зноя» др.-егип.

Ученые не без основания считают курдов-луров потомками эламитян, что дает нам полное право на основании полного сходства языка отождествлять курдов-бахтиар с древним племенем коневодов Передней Азии — касситами, пришедшими в Месопотамию не прямо с севера из Северного Причерноморья или из волжско-каспийских степей, а из области Ассувы-Луви (hesp — Ləwə — конь — волк), вытесненные из своих прежних мест в конце III тыс. до н.э. — начале II тыс. до н.э. новыми индоевропейскими племенами севера — хеттами.

Для отождествления курдов-бахтиар с древними касситами у ученых-этнографов есть все основания. Само расселение бахтиар началось с мест, где по имеющимся историческим сведениям в древности, во II тыс. до н.э. обитали племена касситов. Аран — это область, где, по преданиям самих бахтиар, обитали их предки. Древнеиранское имя Аран являлось обозначением территории северного Загроса вплоть до Черного моря. С этой земли Аран в горах одни племена их предков, по преданиям бахтиар, переселились на восток в район Балха (Бахди — Бактрия), тогда как другие племена — на запад и стали называть себя бахти-ар — западные арии.

Среди бахтиар имеется несколько крупных родов: зенгене (зенгене асли, курд. зенгене), а также кельхор, лак (лек), хемавенд, которые встречаются и у курдов, то есть составляют с курдами один этнос. Это и является наряду с единым иранским языком доказательством принадлежности бахтиар Хузистана (древний Элам) к курдам. Нет никаких исторических данных о позднем или восточном пришествии курдов-бахтиар к местам их обитания в настоящее время, из чего следует вывод о бахтиарах как древнем этносе Элама и об их миграции с гор Загроса в эпоху владычества касситов в Месопотамии на протяжении более чем в 700 лет во II тыс. до н.э.

Племена касситов были конным народом уже в самом начале II тыс. до н.э., о чем свидетельствует тот немаловажный факт, что со времени своего первого вторжения в Месопотамию при царе Самсуилуне (1749—1712 гг. до н.э.) из I династии Вавилона касситы представляли собой мощную военную силу, основу армии у которых со-

ставляли боевые части колесниц с конскими упряжками. Кони и войско из колесниц не были известны в Месопотамии до прихода курдского племени касситов-бахтиар из Арана в горах Центрального Загроса.

Деление всего курдского племени бахтиар на два рода, Чахарленг и Хафтленг, по признаку взимания налога с имеющегося поголовья лошадей у каждой семьи, показывает, насколько широко было распространено коневодство с необходимым сопутствующим культом коня у бахтиар в древности, в эпоху владычества касситов в Месопотамии.

Имя двух родов Хафтленг — семь ног (лошади) и Чахарленг — четыре ноги произошло от существовавшего некогда в древности налога у курдов-бахтиар, взимавшегося с каждой семьи в зависимости от поголовья кобылиц(!). С определенного числа кобылиц одна группа племен вносила налог с 1,34 стоимости лошади (как бы за 7 ног), тогда как другие племена выплачивали налог стоимостью в 1 лошадь (4 ноги). (В.В. Трубецкой. Бахтиары. М., 1966. С. 17.)

Из числа 7 хафтленг — семь ног (кобылы) и числа 4 чахарленг — четыре ноги (коня) и родилось деление всех бахтиар на два крупных племени Хафтленг и Чахарленг, в составе которых родовые объединения Кельхор, Зангене и Хамевенд считают себя курдами.

Коневодство было распространено у курдов-бахтиар до такой степени, что вплоть до XX века именно лошадей породы бахтиари в большом количестве вывозили на экспорт в Индию! Во влажном субтропическом климате Индии и Китая, а также в болотистой Месопотамии невозможно вывести сухую породу коней с горячим норовом, предназначенных как для боевых походов, так и для конных ристалищ. Хорошо известно, что по этой причине императоры Поднебесной из далекого Китая присылали послов к парфянам-иранцам с пожеланиями приобрести славных на весь древний мир курдских коней из мидийской Нисы.

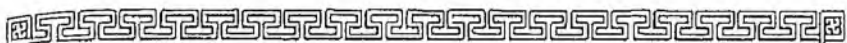
Связь с Китаем имеют переселившиеся в те области востока индоевропейские племена тохары, известные в древности как «сыны Тугры» в гимнах Ригведы, и княжество Тукриш в горах Загроса из клинописных шумеро-аккадских табличек конца III тыс. до н.э. в Месопотамии. Как и исчезнувшие индоевропейские племена тохаров, курды и бахтиары племени Зангене имеют самое непосредственное отношение к Индии и состоят в генетическом родстве с древними племенами ведических индоариев Куру. Как установил индолог ака-

демик А.П. Баранников (1890—1952), курдско-бахтиарские племена Зангене, говорящие в настоящее время на одном из курдских (иранском) диалектов, в прошлом говорили на одном из древнеиндийских арийских языков. О. Вильчевский писал: «В известной мере в пользу их более раннего прихода в Северную Месопотамию говорит как то обстоятельство, что часть этого племени обитает в районе нынешнего Керкука, т.е. на территории бывшей Аррапхи, так и то, что, констатировав индийскую природу языка Чагана, академик Баранников не смог обнаружить тех конкретных индийских племен, которые могли бы считаться предками или хотя бы близкими родственниками Чагана (Зангене-Чагана), из чего вытекает, что Чагана переселились в район их нынешнего обитания достаточно давно, растеряв за этот долгий срок многие из своих характерных черт» (О.Вильчевский. 1961. С. 99).

Поскольку из истории известно, что заселение Индии происходило в направлении с северо-востока на юг в центр полуострова Индостан с территории Пенджаба, Кашмира ведическими ариями Куру, пришедшими первоначально с гор Загроса в Афганистан, то все сказанное О. Вильчевским, А. Баранниковым удивительным образом соответствует истине с точностью наоборот. Иными словами, не курды-бахтиары племен Зангене-Чагана, живущие и поныне на своей древней земле в Хузистане (Эламе) и Керкуке (Аррапхе-Лулуме) утеряли свой индоарийский язык, нет! Зангене-Чагана как раз свой индоарийский язык сумели сохранить, несмотря на многочисленные ассирийские-восточно-семитские вторжения и переселение членов своего племени, а затем и натиск чисто иранских — персидских племен, в окружении которых курды-бахтиары живут и поныне с одной стороны, а арабами — с другой.

Свой индоарийский язык гимнов Ригведы утеряли те Зангене и Чагана, которые, покинув в составе войск (кара) ведических индоариев Куру горы и равнины Загроса и Тавра, пересекли территорию Афганистана, Пенджаба и Кашмира, вторглись в Северную Индию, где и сошлись частично с местными дравидами и смешались полностью или растворились в среде других индоарийских племен, породив абсолютно новый индоевропейский этнос современной Индии. Доказательством истинности этой точки зрения служит полное исчезновение самого индоарийского племени Куру, распевавшего некогда гимны Ригведы и основавшего даже знаменитую Курукшетру в Индии, в 70 км от ее нынешней столицы Дели, но при этом удиви-

тельно сохранение вплоть до наших дней курдов Зангене-Чагана в горах Загроса в Курдистане, чей диалект курдского языка восходит к индоиранскому языку эпохи вторжения ариев в Индию в начале II тыс. до н.э.

Другие исторические факты из этногенеза курдов-бахтиар только еще раз подтверждают гипотезу о индоевропейцах как наиболее древних автохтонных жителях Передней Азии и Иранского нагорья.

Так, в сочинении курдского историка-летописца XVI—XVII веков Шараф хана Битлиси говорится о бахтиярах как об одном из 28 курдских племен, переселившихся в X веке из района Алеппо в Сирии на Ближнем Востоке на территорию Загроса в Хузистан. Как это ни покажется удивительным, но исключая столь позднюю дату (X век), факт переселения курдов-бахтиар в Загрос из Сирии английский ученый Х. Филд подкрепляет указанием на явное антропологическое сходство, существующее между бахтиярами и друзами в Сирии (H. Field. *Contribution to the Anthropology of Iran. Vol. I. P. 200*).

Признавая полностью этническое родство курдов-бахтиар Загроса и Хузистана с друзами Сирии на Ближнем Востоке, мы можем сделать далеко идущие выводы о коневодах бахтиярах Зангене как потомках древних касситов, мигрировавших во II тыс. до н.э. с территории Сирии (государство Халеп) и среднего Евфрата (государство Хана) в Нижнюю Месопотамию, где овладели Вавилоном на 700 лет. Вызывает особый интерес тот факт, что друзы в Сирии земледельцы, тогда как бахтияры — коневоды. Вообще Сирия и Ливан никогда в древности не являлись странами, где процветало коневодство. Друзы представляют собой этноконфессиональную мусульманскую общину, выделившуюся только в начале X века из среды крайних шиитов. Религиозное учение друзов возникло в Египте при курдской фатимидской династии во времена правления халифа ал-Хакима (996—1021). (М.А. Родионов. Ст. Друз в словаре «Ислам» М., 1991. С. 71.)

Только исходя из этих фактов, мы видим, что бахтияры не переселились из Сирии в Загрос со своими табунами лошадей в X веке, поскольку в этом случае Зангене носили бы имя не курды или бахтияры, а друзы. Возникновение самой секты друзов во время курдской династии Фатимидов указывает на курдскую этническую принадлежность адептов этого учения. Вместе с этим для друзов, как, допустим, для курдов-езидов, характерны замкнутость, строгая эндогамия, с тенденцией к ортокузенным бракам, единобрачие. Но в большей степени особенности религиозного вероучения и культа друзов объе-

диняют их временами «до полного отождествления» с курдами-кокэйи, о которых имеются упоминания в индийской Махабхарате. Друзы, как и курды-кокэйи, верят в переселение души человека, причем число душ — членов вероучения друзов или кокэйи считается постоянным, а поскольку души умерших членов секты переселяются в тела новорожденных секты, то и прием новых адептов в общину со стороны невозможен.

Естественно, учение о вечном переселении душ в природе не могло возникнуть как философское учение в недрах мусульманства, поскольку Коран признает Бога Творца и полностью отрицает учение о перевоплощениях одного лица в другом. Ясно, что религиозное учение друзов и кокэйи также не имеет ничего общего и с христианством. И даже в иудаизме мы не находим учения о переселении душ. Следовательно, учение и вера друзов и кокэйи в метемпсихоз восходит к более древней эпохе, нежели иудаизм, христианство, ислам, а именно к III тыс. до н.э., когда на территории Передней Азии и Иранского нагорья обитали их общие предки — ведические индоарии Куру, открыто исповедовавшие учение о переселении душ в человека. Этот религиозно-философский аспект учения секты друзов, соответствующий полностью учению курдов-кокэйи, о которых упоминается в Махабхарате, является еще одним историческим доказательством пребывания ведических индоариев Куру в Передней Азии и Иранском нагорье в III тыс. до н.э., непосредственно перед их вторжением в Северную Индию в начале II тыс. до н.э.

В свете этих новых данных из разных сфер антропологии и религиозного учения можно считать и друзов, и курдов-бахтиар потомками некогда единого индоарийского этноса Передней Азии — касситов, часть которых (друзы) осталась на Ближнем Востоке, тогда как большая и основная масса касситов (или 28 племен у Шараф-хана Битлиси), покинув государство Хана на среднем Евфрате, овладела Нижней Месопотамией во второй четверти II тыс. до н.э. и осела на этих землях, где проживает и поныне. Выглядит весьма логичным предполагать проникновение культа лошади — солнца и божественной колесницы к ветхозаветным евреям вместе с касситами-гиксосами на Ближнем Востоке. О приходе касситов-бахтиар с территории Передней Азии во II тыс. до н.э. свидетельствуют и сопоставленные антропологические исследования с физическим типом луров Хузистана и Луристана. Так, несмотря на то что «этническое родство луров и бахтиар не подлежат сомнению, — пишет В.В. Трубецкой, —

для полного отождествления нет оснований». (В.В. Трубецкой. Бахтиары. С. 25.)

Исследователи отмечают заметное различие в физическом облике двух народов. Луры низкорослы; бахтиары выше ростом, коротколицы, имеют резкие черты лица. По данным антропологии, — луры — долихоцефалы, тогда как бахтиары — брахицефалы. Но при этом следует еще раз указать на четко обозначенное антропологическое сходство вплоть до полного тождества курдов-бахтиар Загроса с друзьями Ливана и Сирии.

Все эти антропологические сопоставления бахтиар с друзьями и лурами показывают наличие миграции древнего населения с запада на восток — от Ливана и Сирии к Иранскому нагорью, которое напрямую соответствует переселению касситов-курдов Загроса с отрогов Тавра из Передней Азии на севере в Нижнюю Месопотамию — Вавилонию на юго-востоке во II тыс. до н.э.

Необходимо указать на еще один чрезвычайно интересный и важный историко-этнографический признак. По сложившейся традиции, все памятники искусства луристанской бронзы, датируемые серединой II тыс. до н.э., признаны принадлежащими к культуре касситов-курдов. При этом ученые-востоковеды никогда не утруждали себя вопросом изучения, к кому именно из курдско-касситских племен можно атрибутировать эти произведения искусства плавки и литья из металла. Эта важная проблема интересна для этнографов и тем, что требует для успешного своего разрешения привлечения к ее рассмотрению всех этических и моральных норм, на которых построено и держится все курдское иерархическое общество. Не все люди в курдском обществе занимаются кузнечным ремеслом. Это связано с поверьем, широко распространенным не только у курдов, но и у многих других индоевропейских народов, о связи кузнецов с нечистой, темной силой. (Достаточно вспомнить кузнеца Вакулу из произведения Гоголя, сына колдуньи Солохи, ездившего верхом на чертях. Кстати, имя кузнеца — Вакула — восходит к курдскому глаголу — *вэколи* — *вэкола* — рыть, копать землю (в поисках медной руды), поскольку курдское племя будины обитало в Северном Причерноморье еще в эпоху Геродота. — С.Г.)

Как писал Вильчевский: «Основной район обитания племен зангене и чагана находится в окрестностях Керкука, а также несколько южнее, по течению р. Лолып (Лоломена древних авторов), по имени которой они часто называются также лулу».

Основным занятием большей части племен чагана и зангене издавна является скотоводство, по преимуществу коневодство, с обязательным кузнечным ремеслом, что сразу выделяет их из остальной массы кочевых племен, среди которых занятие ремеслом считается делом позорным и недостойным скотовода, почему, как правило, ремесленники у большей части кочевого населения принадлежат к другой национальной группе, нежели основная масса членов племени». (Вильчевский. Курды. С. 159, прим. 34.)

Таким образом, курды-зангене и зангене-бахтиары представляют собой один индоарийский этнос, часть которого издревле занималась кузнечным ремеслом. Современное прозвище курдов-зангене лулу точно воспроизводит древнее имя лулубеев гор Загроса, живших еще в эпоху Шумера и Аккада III тыс. до н.э. в тех же районах Аррапхи (Керкука) на стыке границ обитания кутиев с касситами.

Лингвистические методы анализа и реконструкции праязыка индоевропейцев позволяют нам твердо говорить о том, что в исторически обозримом прошлом язык курдов и бахтиар всегда был индоарийским. Причем путем реконструкции праязыковых форм этот индоарийский характер курдского языка можно проследить вплоть до III тыс. до н.э., то есть эпохи гимнов Ригведы и яштов Авесты.

Из этого логически следует вывод исключительной важности о том, что и предки курдов — кутии, касситы и лулубеи шумеро-аккадских надписей, разговаривали на своем родном исконно индоарийском языке.

Если бы лулубеи-зангене, кутии-курды и бахтиары-касситы говорили не на индоарийском языке, а на языке другой этнической принадлежности, то это можно было бы легко определить различными лингвистическими методами, наподобие того, как достаточно четко и быстро вычлениются из иранского-персидского языка лексические заимствования из семитских языков. Однако в отношении курдского языка и его бахтиарского диалекта этого нет. Более того, наоборот, курдский язык в отличие от других иранских языков даже в своем современном состоянии продолжает сохранять ряд архаичных черт в области фонетики, лексики, грамматики, свойственных или восходящих к древнеиранским и далее к индоарийским языкам. И это при том, что курды живут далеко на западе от Индии, куда и вошли в начале II тыс. до н.э. ведические индоарии Куру. Это и является еще одним блестящим доказательством того положения, что именно территория Передней Азии и Иранского нагорья является прародиной

индоарийских племен. Бахтиары-касситы являются исконным автохтонным этносом Загроса, что доказывается таким интересным историческим фактом. По сообщению очевидцев, представители других народов, проживающие на территории Хузистана и Бахтиарии, предпочитают называть себя бахтиарами. Так, по словам очевидца: «...даже армяне и персы-сеиды считали выгодным называть себя бахтиары». (П.С. Трубецкой. По Каруну и через Бахтиарию. ИРГО, 1911. С. 734).

Персы и армяне известны в истории с VI в. до н.э., и следовательно, если эти два довольно крупных этноса, находясь в Бахтиаре довольно близко (особенно персы) от мест своего обитания, «считают выгодным называть себя бахтиарами», то, следовательно, это можно объяснить только тем, что бахтиары действительно древний народ Передней Азии и Иранского нагорья, а персы пришли в эти земли значительно позднее. Примеры из подобного поведения других народов свидетельствуют об этом. Так, евреи, греки, армяне, турки, прибывающие на жительство в Англию, Россию, Францию, через одно поколение предпочитали сменить имя своей национальности на национальность страны их проживания. Это объективный государственно-гражданский акт, без которого в иных странах не давали разрешение на проживание в стране. Известны еврей и поляк, ставшие один — известным английским премьер-министром, а другой — любимым английским национальным поэтом. Я не говорю уже об ирландцах и шотландцах по происхождению, но англичанах по призванию и профессии (Оскар Уайлд, Джеймс Дж. Фрэнгер). Исходя из этих историко-культурологических сопоставлений, становятся ясными и понятными внутренние причины и мотивы армян и персов называть себя бахтиарами и курдами. Во-первых: курды к моменту появления армян на исторической арене в VI в. до н.э. уже более двух тысяч лет имели свою государственность, заложенную их предками хурритами-матиенами, равно как и курды-бахтиары имели свое касситское царство в Вавилоне задолго до образования империи персов-ахеменидов. Персы не застали империю касситов — бахтиар и поэтому при создании своего государства Ахеменидов копировали законы курдско-бахтиарского Мидийского царства; равно и армяне в первые века до н.э., не застав ни касситов, ни хурритов-матиенов, ни Мидийского царства курдов, копировали государственные законы у персов, перенятые последними опять у курдов-мидян.

Из этого первого положения следует второй вывод об исключительной правомочности с исторической точки зрения желания армян и персов «выгодным называть себя бахтиарами», поскольку тем самым негласно и непроизвольно подтверждается сам тот факт, что когда сначала персы в VI веке до н.э. а затем и армяне появились в этом регионе, то там уже проживало автохтонное население Месопотамии и Загроса — курды и бахтиары, имевшие свои государственные образования. Первым государством бахтиар-касситов, отделившихся от курдов-матиенов, покинувших долины Центрального Загроса и обосновавшихся в плодородных районах среднего течения Евфрата, стало княжество Хана. И уже с этого плацдарма часть курдов-бахтиар, известных в XVIII в. до н.э. как хик-хосфе (гиксосы) устремились на юг завоевывать Египет. Именно потомками этих хик — хосфе (гиксосов) и являются друзья из Ливана и Сирии, судя по выверенным антропологическим сравнениям их физического типа с физическими данными курдов-бахтиар с долин Загроса и Нижней Месопотамии. Вызывает интерес и само соответствие этнонима пришельцев в Египет с запада хик-хосфе имени ахли-хакк курдской дервишской секты, верящей, как и друзья Ливана и Сирии, в переселение душ человека, подобно их предкам, ведическим индоариям Куру.

Само распространение курдского вероучения ахл-хакк от Ближнего Востока до Афганистана говорит о миграции в древности некоего индоарийского этноса, исповедующего метемпсихоз, абсолютно тождественный брахманизму в Индии. Ради интереса отметим, что наибольшее распространение учения ахли-хакк и его главные религиозные центры находятся в Курдистане-Луристане, где и проживают курды-бахтиары — пришельцы с Запада», а большинство религиозных сочинений этой секты написаны на древнем курдском диалекте — Горани. (А. Колесников. «Ахл и Хакк» в кн.: Ислам, 1991. С. 30.)

Безусловно, в доисламскую эпоху учение курдско-бахтиарской секты ахли-хакк было не мусульманским, а полностью индоиранским, напоминавшим, по-видимому, индуизм. Это положение находит свое подтверждение в том, что за гиксосами стояли не кто иные, как индоарии Куру, основавшие рядом первое курдское государство Митанни, где жители поклонялись ведийским богам Индре, Митре, Варуне, Ашвинам-Насатьям, Соме и практиковали физические и психологические упражнения йоги, включавшие созерцательно-медитативные практики и словесную джапа-мантру.

К имени индоарийского бога Сомы напарника Митры-Мехри восходит в конечном итоге этноним курдского племени, переименованного на иранский манер Хемавенд (Сомавенд), в котором суффикс — венд восходит к курдско-лакскому глаголу вендин — бросать, пускать отросток, побег, ветвь, разветвление. Такое окончание характерно для курдских племен в Загросе. Имя курдского племени Хемавенд (Сомавенд) просто не могло возникнуть в эпоху ислама, христианства или иудаизма, то есть в I тыс. до н.э. Нет, имя курдов Хемавенд (Сомавенд) могло возникнуть только в ту далекую эпоху III—II тыс. до н.э., когда предки курдов-бахтиар поклонялись в горах Загроса своим национальным ведийско-арийским богам Соме-Митре.

Ригведа. Мандала IX, 36 («К Соме»)

1. Он выпущен, словно конь, запряженный в колесницу
В цедилку, выжатый, (чтоб излиться) в два чана
Завоеватель награды достиг цели.

IX, 22 «К Соме»

1. Эти быстрые соки Сомы
Словно колесницы, приносящие награды
Были посланы вперед, (как) выпущенные стада.

IX, 63 «К Соме»

4. Выпущены эти быстрые кони
Мчатся сквозь препоны бурые
Соки сомы (текущие) потоком (вселенского) закона,
5. Усиливающие Индру, пересекающие воды,
Делающие все арийским.

(Перевод Т.Я. Елизаренковой)

Курды Хемавенд (Сомавенд) — потомки Сомы», как раз являются племенем коневодов, что полностью соответствует и восходит к культу коня ведических индоариев Куру, о чем и поется в гимнах Ригведы, посвященных богу Соме (Хоме). Курдские племена коневодов появились в Загросе не ранее конца III тыс. до н.э., где потеснили в долинах гор прежние курдские племена овцеводов, поклонявшихся своему ведийско-арийскому божеству Пушану (Пану у эллинов).

Таким образом, исходя из самого факта невозможности возникновения имени племени поклонников ведийского божества Хомы в эпоху ислама, христианства и иудаизма, можно считать вопрос о происхождении курдов-хемавенд (сомавенд), отпрысков Хомы, как каситов в начале II тыс. до н.э. в Месопотамию из-за гор Загроса и Тавра

полностью доказанным. Более того, именно курдская порода лошади Синглах стала исходной формой для возникновения арабской породы лошади. Это становится понятным помимо всех анатомических свидетельств и тем важным фактом, что, как пишет О. Вильчевский: «...даже у арабов эта порода сохраняет свое иранское название». (Курды. С. 132.) На курдском языке синглах — каменистый склон горы, то есть выражает те природные условия Загроса в Курдистане, где и была выведена эта знаменитая порода лошади.

Курды — коневоды племен хемавенд, зангене-асли, бахтиары — пришли с запада [бахт — арии] в эпоху касситского владычества над Месопотамией во II тыс. до н.э. Первым курдским царем-касситом еще в эпоху пребывания курдов-касситов в государстве Хана на среднем течении Евфрата в месте впадения р. Хабур был Гандаш. Покровителем царского рода касситов считалось божество с исконно ведийским именем Щьхе Ману — отпрыски Ману в аккадском чтении Шикамуна. Наличие в курдском языке — диалект курманджи ведийско-арийских придыхательных — ch, kh, ph, th, противопоставляемых простым глухим согласным, указывает на необходимость чтения аккадской записи ведийского божества касситов по законам курдского языка как Щькхе — отпрыск, отделившийся — вместо аккадского Шика, поскольку курдский язык сохраняет в этом регионе древнюю и генетическую связь с языком своих предков индоариев Куру. Имя «отпрыски Ману» или «ответвление Ману» у курдов-касситов Щькхе-Ману точно совпадает с этнонимом рода Манда из другого курдского племени Харки, обитающего в горах Загроса. Сам же этноним Харки тождественен имени древнего народа Хурриты-Матиены, сравните: хеттское hurla — хуррит — Харки. Таким образом, можно говорить о курдах-касситах как об ответвлении курдов племени Харки, родство которых восходит к общему мифологическому ведийско-арийскому предку Ману. Самоназвание курдов Харки связано грамматически с указанием на область их происхождения Хвар+ Ки — из места Хар, то есть, по всей видимости, из кутийско-курдского государства Мехри-Макрон. Это расселение курдов соответствует и указаниям гимнов Ригvedы, в которых воспеваются подвиги «отпрысков Ману», овладевших различными странами.

Ригведа. Мандала X, 84

(«К Манью»)

1. С тобою, о, Манью, на одной колеснице разбивая (врагов)
Возбуждающиеся, дерзкие, о (ты), окруженный Марутами,

С острыми стрелами, отгачивающие оружие,
Пусть мужи, имеющие форму Агни, наступают вперед на врагов.
(Перевод Т.Я. Елизаренковой)

В свете этих фактов становится ясной и понятной сама закономерность провозглашения Ману в имени «отпрыски Ману» — Щьхе-Ману как покровителя царского рода. По всей видимости, у касситов цари представляют собой замкнутую касту жрецов, как и у всех племен ведических индоариев Куру. В отличие от других членов племен каста жрецов, считается, стоит в непосредственном физическом родстве с первопредком Ману, как это представление до наших дней продолжает сохраняться по отношению к касте брахманов в Индии. Таким образом, само ведийское имя покровителя царского рода Щьхе-Ману — отпрыск Ману — доказывает, что касситы были индоариями Куру, предками курдов, пришедшими в Нижнюю Месопотамию с территории кутийского княжества Мехри.

Часть касситов Щьхе-Ману осела в верховьях Тигра, тогда как другая часть, как гиксосы хека-хосфе, захватила власть в Древнем Египте, основав XIV и XV династии фараонов. Возможно, часть евреев представляет собой остатки гиксосов, индоариев Щьхе, Ману, которые, будучи изгнанными из Египта в 1540 г. до н.э. (эпоха Моисея) в Синайскую пустыню (без лошадей), в результате общения с арабскими племенами полностью семитизировались. Но при этом забывается о том, что издревле в этих местах проживали курдские племена — сигинны во Фракии (Венгрии) и будии в Северном Причерноморье (Одесса), которые не имеют прямого отношения к касситам, ушедшим с гор Загроса в Палестину и Египет, но так же, как и все ведические индоарии Куру, являются ответвлениями Ману — Щьхе-Ману, то есть жидами в переводе с курдского языка.

Династия касситских царей «отпрысков Ману» в первом курдском княжестве Хана на среднем Евфрате состояла из шести правителей.

Касситские правители Ханы:

1. Гандаш около	1741—1726 гг. до н.э.
2. Агум	1725—1704 гг. до н.э.
3. Каштилиаш	1704—1683 гг. до н.э.
4. Ушши	1682—1674 гг. до н.э.
5. Абиратташ	серед. XVII в. до н.э.
6. Уршигурумаш	конец XVII в. до н.э.

Большим доказательством автохтонного происхождения касситов Загроса является окончание аш (aš) в именах царей, которое полностью соответствует и, по всей видимости, напрямую восходит к окончанию именительного падежа имен существительных — прилагательных s — as (ед. — мн.ч.) в индоиранских языках, например санскрите и древнеперсидском. Сравните:

Санскрит: deva (корень слова) — бог, N-devas; sena (корень слова) — войско, N-senas. Автохтонность касситского языка в горах Загроса доказывается наличием этого же индоарийского суффикса в языке кутиев и хурритов, сравните:

Касситы	кутии	хурриты
aš	uš — ei	š — še

Элементы языкового родства кутиев — касситов — хурритов в действительности отражают подлинное этническое родство потомков ведического Ману племен бахтияр (касситов), харки (хурритов) с курдами.

Первым касситским царем Вавилона стал Агум II Как Реме. правивший около 1595—1571 гг. до н.э. Вызывает интерес исконно курдское имя Как Реме касситского царя, этнические корни которого можно и сейчас восстановить среди курдских племен, занимающихся, что важно, в основном коневодством. Слово Как в имени царя Как Реме восходит к курдскому Как — дядя — почтительное обращение к старшим по возрасту. Дословный перевод с курдского слова — Кок означает «основа жизни, корень». В Центральном Иране в Хузистане-Луристане (др. Элам) до настоящего времени проживает курдское племя луров, носящее имя Какавенд. Слово «реме» в имени касситского царя Агума Как Реме восходит к древнеиранскому реме — народ, толпа, ополчение. В курдском рым — копье, в латинском rhomphaea, и в этом же значении иранское раме — ополчение означает толпу людей, род, вооруженный копьями. Два курдских рода в составе двух курдских племен носят вплоть до настоящего времени это древнее иранское имя. Один род раме (рамык) имеется в знатном курдском племени Пираны (потомки ведического Пурвы), тогда как другой род ремавенд входит в состав курдского племени из Керкука — конников Хемавенд. Поскольку племена Хемавенд и Пиран обитают возле Керкука или древней Арапхи, известной со времен Шумера-Аккада (III тыс. до н.э.), откуда и происходили коневоды-копье-

носцы касситы, то имя царя Вавилона Агум Как Реме показывает наличие и распространение индоиранского языка в горах Загроса уже в III тыс. до н.э. Позднее в Ассирии после захвата курдского княжества Манна возникла область Раматейя (Rama tavu/a).

Учитывая, что курдское словосочетание Как Реме составляет полный титул царя касситов Агума, его можно перевести как Агум царь войска — народа кака (венд).

Считается, что касситы-курды овладели Месопотамией как союзники хеттского царя Мурсилиса I, совершившего со своим войском поход на Вавилон в 1595 г. до н.э. Агум II происходил из рода касситских правителей Ханы. В одной из надписей Агума II говорится о вавилонском божестве Мардуке как пробывшем 24 года в Хане вплоть до воцарения в Месопотамии царя касситов. Это сообщение надписи полностью соответствует исторической действительности, поскольку хеттский царь Мурсилис при захвате города вывез статую бога Мардука из храма Эсагила с собой, но оставил в касситском княжестве Хана. Этот факт показывает ведущую роль войска касситов в походе хеттской армии Мурсилиса I на Вавилон, которым тогда правил царек Самсудитана. По заведенному на Востоке обычаю, сформулированному как военное право, при захвате осаждаемого вражеского города двумя армиями союзников, при разделе добычи одному из союзников доставались поверженный город и земля — недвижимое имущество, тогда как другой стороне победителей переходило все движимое имущество — казна, оружие, просто металл и ценные вещи, а также и жители плененного города как рабы. Исходя из исторических сведений, по которым добыча — статуя Мардука из храма (а следовательно, и все драгоценности и казна храма) — осталась в касситской Хане, а затем и весь Вавилон стал принадлежать касситам, можно сделать вывод о незначительной роли хеттской армии в походе касситов в Нижнюю Месопотамию. Действительно, если все движимое и недвижимое имущество — ценности и земля Вавилона — полностью достались касситам, то, по всей видимости, хетты во главе с царем Мурсилисом в этом военном походе не играли даже роль союзников. Это был, судя по итогам войны, не хеттский, а касситский поход на Вавилон с целью овладеть всей Нижней Месопотамией.

Захват именно касситами-бахтиярами, пришедшими с запада, всей Нижней Месопотамии подтверждается и в самом титуле царя Агума Как Реме:

Светлый потомок Шикаману,
царь касситов и аккадцев,
царь обширной страны Вавилона,
заселивший Ашнунак многочисленными людьми,
царь Альмана и Падана
царь Кутиев — не (имеющих царей) не разумных людей.

Агум Как Реме провозглашает себя царем кутиев-курдов Загроса, которые не имеют царя. Это свидетельство отсутствия единого правителя у кутиев в древности, начиная с эпохи Шумера и Аккада, полностью подтверждается и современным состоянием курдского общества, где большинство территорий образовано по родоплеменному признаку, а большинство племен представляют собой военно-теократические организации, члены которых связаны между собой кровными узами. Глава курдского племени это не столько царь, сколько религиозный вождь: шейх-пир. Подобное устройство общества-государства у курдов в точности воспроизводит социальную иерархическую структуру общества-государства у их предков, ведических индоариев Куру.

Упоминание об отсутствии единого царя у кутиев как раз и является прекрасным доказательством кутийского происхождения касситского царя Агума Как Реме. Если бы Агум не был бы сам кутием-курдом, то ему, то есть постороннему человеку, и в голову бы не пришло писать о себе как о царе кутиев, не имеющих царя. Сама титулатура теряет всякий смысл, если сам царь не является кутием. Провозглашая себя царем кутиев, не имеющих царя, Агум Как Реме как раз утверждал, что ему удалось объединить кутийско-курдские племена в единую военную силу, подчиняющуюся ему самому, вождю касситов.

Другой, предыдущий титул: царь Альмана и Падана прямо указывает на этническое происхождение Агума II и его племени «как реме» (кокавенд у курдов-луров) от кутиев-курдов Загроса.

Альман и Падан — горные области в верховьях реки Диялы и ее притоков — являлись коренными областями обитания касситов-бахтиар у северо-западных пределов Элама. Бахтиары и поныне живут на этой территории и считают себя пришедшими с запада, что действительно соответствует древней миграции касситов в Нижнюю Месопотамию со среднего Евфрата из княжества Хана на Хабуре.

Область Падан в титуле царя касситов также находилась в центре территории обитания кутиев. По мнению ученых, Падан в надписи

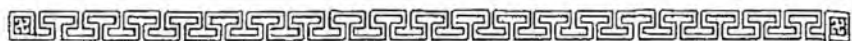
касситского царя тождественен Падиру царя Анубаниини — вождя лулубеев в XXII веке до н.э. Этого мнения (Падан < ПаDIR) придерживался, в частности, Делич. Однако, несмотря на авторитет востоковедов, высказавших это предположение, Падан и ПаDIR, располагавшиеся на территории обитания кутиев-курдов, представляли собой разные области.

Касситы были племенем индоариев-коневолов, как их современные потомки, курды-бахтиары Хемавенд. Арии Куру, судя по гимнам Ригведы, почитали коней — asp, курдское — hesp — asp. Бескровная жертва ведических индоариев Куру называлась Одана. Как пишет Т.Я. Елизаренкова: «...одана (odana) — рисовое жертвенное блюдо (четыре по краям в соответствии со сторонами света и пятое посередине). (Атхарваведа. М., 1995. С. 381.)

У ведических индоариев существовали жертвоприношения ода-на и козла: hej — ajj (курд.-вед.), и коня: hesp — asp (курд.-вед.). Эти факты из сферы ведийских обрядов и форм именного словообразования в курдском языке и, самое главное, этническое родство кутиев и курдов, позволяет нам правильно прочесть имя области касситов и лулубеев Падан как индоарийское Аспадана, к имени которого восходит название современного Исфохана, расположенного на севере Бахтиярии в Центральном Иране. О курдском характере этноса как кутиев-касситов, так и бахтиар говорит имя города Шахри — Корд (Шахристан Корд — область курдов), находившегося чуть южнее Исфохана. Это ведийское имя Исфохана-Аспадана подтверждает и предания бахтиар об их западных предках — ариях, и реальную миграцию с запада индоарийских племен касситов, почитавших ведийских богов — Сурьи, Хималайи, Марутов и индоевропейского Убриаша-Борея.

В этом списке индоарийских богов касситов представлена Шималайя-Хималайя — владычица горных вершин, являвшаяся покровительницей Намара-Навара, области кутиев в горах Загроса, соответствующей современному району Ханекин в Курдистане, в котором в XXII в. до н.э. правил царь с ведийским именем Арисена: Ариев^а — Arij — и армия — sena (Arisena).

Таким образом, становится доказанным факт наличия культа богини гор Шималайи-Хималайи у индоариев Куру в период их обитания в горах Загроса и Тавра в Передней Азии и Иранском нагорье задолго до их вторжения в начале II тыс. до н.э. через Гиндукуш в Северную Индию. Именно с территории Передней Азии и Иран-

ского нагорья с центром в Загросе начиналось расселение индоариев Куру. Эта миграция огромной массы индоевропейского населения сохранилась как предание бахтиар. В духе этого предания царь касситов-горцев Агум II говорит о себе в своем титуле как «заселивший Ашнунак многочисленными людьми». Ашнуна, Эшнуна — город, известный с протописьменного периода 2850—2615 гг. до н.э. Шумера, когда здесь не было шумеров, а жители Двуречья разговаривали на кутийско-курдском прототигридском языке, что полностью подтверждается вычленением курдских слов из языка шумерской пиктографии.

Еще Авеста говорит о стране иранцев Гаве, бычачьей, с культом быка, и земле «Щь-Меру». (Шумеры, если они вообще не были курдами, то появились здесь значительно позднее, когда дикий бык был приручен, дикая пшеница Загроса культивирована и поля засеяны, а горный баран одомашнен и низведен в долины. Шумеры практически вообще не принимали участия в создании первой цивилизации мира в Междуречье.)

Эшнуну всегда населяли кутии-земледельцы, действительно сошедшие на равнины Диалы с гор Загроса в связи с необходимостью расширения посевных площадей для посевов одомашненной дикой пшеницы — ги (гэньм). Поэтому даже у шумеров хлеб назывался пс курдски — наң, а поля кормления — Аш — мельница (курд.). Заселение кутиями, лулубеями и шубареями всей Нижней Месопотамии происходило задолго до эпохи касситов, но сообщение и торговые контакты Эшнуны с северо-восточными районами кутиев Альманом и Паданом (Аспаданом-Испаданом) были возможны только по дорогам, идущим вдоль по долине Диалы, являвшейся исконной территорией касситов. То, что Эшнуна всегда принадлежала кутиям и касситам, видно из того, что еще в 1764 г до н.э. Хаммурапи вел войну на севере с племенами горцев (субареями и кутиями), после победы над которыми сумел овладеть городом и всей областью Диалы. Кутии и субареи Эшнуны воевали с ассирийцем Шамши-Ададом и предлагали свой военный союз Хаммурапи. Но Хаммурапи, напротив, отверг предложение Кутиев и заключил около 1783 г до н.э. военный союз с Шамши-Ададом, аморейским вождем, захватившим Ашшур на Тигре и являвшимся врагом Эшнуны. Только таким образом Хаммурапи сумел овладеть древним городом — государством Эшнуной, автохтонными жителями которой были кутии и лулубеи. В этом смысле титул царя касситов — заселивший Ашнунак (Эшнуна

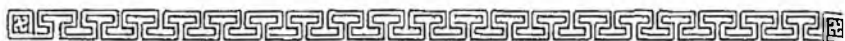

на) многочисленными людьми», следует понимать как «вернувшийся беженцев из гор Загроса», покинувших свои земли после нашествия аморейских войск Хаммурапи.

Исходя из того факта, что Эшнуну до нашествия Хаммурапи населяли кутии и субареи, становится ясно, что титул Агума II «о заселении Ашнунака многочисленными людьми» означает признание царем касситов своего этнического родства с древними автохтонными жителями — земледельцами Загроса, а не пришельцами — кочевниками амореями.

Этот же смысл вложен и в предыдущий тезис титула: «царь обширной страны Вавилона», представляющей собой не кочевое стойбище амореев-бедуинов, а область интенсивного ирригационного земледелия, освоенного в Месопотамии кутиями Загроса.

И последнее звание, с которого начинается вся титулатура Агума II: «Светлый потомок Шикаману, царь касситов и аккадцев» — интересно тем, что здесь вообще не упоминаются шумеры. То есть упоминаются древние автохтоны и насельники Загроса курды-кутии, жившие в Месопотамии и занимавшиеся земледелием задолго до шумеров, затем упоминаются аккадцы, бывшие на престоле Шумера всего 150 лет, и, наконец, пришедшие после перерыва в 400 лет сами касситы, ставшие затем правителями Месопотамии на 700 лет, но шумеры, якобы основавшие первую цивилизацию в мире, в этой титулатуре Агума II не упоминаются вообще. Видно, что касситы не отличали шумеров ни от кутиев, с которыми себя же отождествляли, ни от аккадцев, с языком которых никак не сходится язык шумеров, имеющий многочисленные курдско-кутийские лексические заимствования. Именно на этой курдско-кутийской лексике построена вся номенклатура шумерской жреческой иерархии. Такого влияния на шумеров у аккадцев никогда не было и не зафиксировано вообще. Это позволяет нам понять, что Агум II, выделяя в титуле аккадцев, показывал их как инородный этнический элемент в Месопотамии, которых он подавил своим войском, тогда как, умалчивая о шумерах, отождествлял их с кутиями-курдами. Следовательно, шумеры-кутии были не пришельцами, а автохтонными жителями Загроса, то есть курдами, приведшими свои стада коз и овец в Месопотамию в эпоху Самары и Убайда (V—IV тыс. до н.э.). Исторический анализ титулов касситского царя Агума Как Реме убедительно свидетельствует об этническом родстве касситов Загроса с кутиями Загроса и позволяет говорить о них как о едином большом народе, жив-

шем извечно на стыке Передней Азии и Иранского нагорья, чей кутийский язык уже в эпоху II тыс. до н.э. подразделялся на несколько племенных диалектов.

ИСТОРИЯ КАССИТОВ

Агум Как Реме, обосновавшись в Вавилоне, низвел касситов-кутиев с гор Загроса в Южную Месопотамию. Его преемник Бурна-Буриаш I заключил мирный договор с наместником Ашшура неким Пузур-Ашшуром около (1510 г. до н.э.). Из этого договора видно, как далеко на севере, возле гор Загроса проходили границы касситской Вавилонии.

Преемником царя Бурна-Буриаша I стал его сын Каштилиаш II современник митаннийско-курдского царя Саушадаттара, захватившего Ашшур и вывезшего в столицу Митанни-Вашшукани золотые ворота царского дворца.

Улам-Буриаш, брат Каштилиаша II во главе касситско-загросских войск захватил юг Междуречья — Приморье, убил сидевшего там на престоле Эйягамиля (о чем известно из подлинной надписи и хроник).

После смерти Каштилиаша II ему наследовал Улам-Буриаш, который и объединил всю Нижнюю Месопотамию в одно государство. Преемником Улам-Буриаша на царском престоле стал его племянник Агум III (1450—1415 гг. до н.э.), который подавил восстание на юге страны. Затем Вавилоном правил Караиндаш, встречавшийся на Евфрате с египетским фараоном Тутмосом III во время похода последнего на Сирию. Позднее царь касситов заключил договор о границе с Ашшурбелнишешу (1419—1411 гг. до н.э.), правителем Ассирии.

По приказу Караиндаша в Уруке был построен храм богини Инанны, своеобразный архитектурный план которого соответствовал стилю более древних культовых строений у кутиев предгорий Загроса. Царь касситов исполнял шумерский ритуал «священного брака», который последние позаимствовали у более древних скотоводов мелкого и крупного рогатого скота гор Загроса кутиев-курдов в начале III тыс. до н.э. Караиндаш в ритуале отождествлял себя с пастухом Думузи и называл себя «любимым пастухом Инанны». Титул Караиндаша был «царь Вавилона и Аккада, царь касситов и царь Кардуни-аш», то есть земли Карду. Отныне и на несколько сот лет Южная Месопотамия будет носить имя Кардуниаш. Преемник Кадашман-Харбе I известен как царь касситов, совершивший поход в Сирию для

поддержки египетского фараона Аменхетепа, ведшего там наступление. Надписи говорят об истреблении сутиев (амореев) «от восхода до заката Солнца», что, по всей видимости, соответствует исторической действительности, поскольку около середины II тыс. до н.э. в месопотамских источниках перестают упоминаться ранее известные западносемитские племена — Элутбала, Бини — ямин, Идамарац. Вполне очевидно, это было вызвано их изгнанием из Месопотамии касситами-скотоводами во главе с Кадашман-Харбе, искавшими новые пастбища для своих бесчисленных стад коз, овец, лошадей.

При следующем царе касситов, Куригальзу I, был подчинен на некоторое время Ашшур, освободившийся было от подчинения индоариев Митанни. Куригальзу I (около 1400 г.), воспользовавшись ослаблением Элама, начавшимся после угасания династии Эпартов, захватил Сузы и установил контроль над всей завоеванной страной. Затем, соперничая с индоариями Митанни за контроль над Ашшуром, Куригальзу приказал воздвигнуть пограничный город-крепость Куригальзу. Куригальзу I известен своим особым почтением к древним индоарийским богам Шумалии и Шукамуны, Шъе-Ману (отпрыска Ману). Куригальзу I был обожествлен при жизни, и считалось, что царскую власть царь касситов получил от индоарийских божеств.

Кадашман-Эллиль, сын Куригальзу, переписывался с фараоном Аменемхатом III, о чем свидетельствуют письма царя касситов, сохранившиеся в архиве Тель-Амарны в Египте. Царь касситов и Вавилона послал свою дочь в жены фараону. Бурна-Буриац II, сын Куригальзу I, поддерживал дружественные отношения с Египтом и внимательно следил за развитием ситуации в Ашшуре. В архиве фараонов из Тель-Амарны в Египте сохранилось несколько посланий Бурна-Буриаца к Аменхетепу III, Эхнатону, благодаря чему можно определить дату правления касситского царя в Вавилоне. Ученые-востоковеды сходятся во времени правления Бурна-Буриаца периодом с 1365 по 1330 г. до н.э.

Судя по действиям Бурна-Буриаца, царь касситов стремился установить контроль Вавилона над Ашшуром, который стал необходим вследствие падения в регионе гегемонии индоарийского княжества Митанни.

Касситы своим происхождением были связаны с Загросом, тогда как экономика их страны Кардуни-аш-Вавилона зависела от региона, раскинувшегося в Месопотамии на плодородной равнине от верховий Евфрата до бассейна реки Диалы. Поэтому Бурна-Буриац

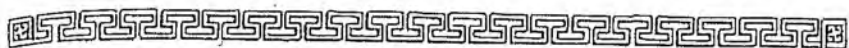

понял, что усиление Ашшура представляет собой прямую угрозу существованию и безопасности самого Вавилона. Когда Ашшурбалит направил посольство к фараону Эхнатону, сопроводив его подарком двух лошадей белой масти, то царь касситов счел это нарушением Ассирией субординации. Бурна-Буриаш писал фараону Египта Эхнатону о посольстве ассирийцев: «Зачем они приехали в твою страну? Если ты расположен ко мне, не вступай с ними в сношения». Фараон Египта принял предложение Ашшурбалита, а царю Вавилона не ответил. Но письмо царя касситов сильно напугало Ассирию, и вскоре Ашшурбалит, правитель Ашшура прислал Бурна-Буриашу свою дочь, ассирийскую принцессу Мубаллитат-Шеруа в жены его сыну. Затем в знак главенства в регионе касситов Ассирия ввела в Ашшуре культ главного вавилонского божества — Мардука.

Как показывают дальнейшие события, главная борьба за главенство в регионе разворачивалась между индоариями Митанни и касситами Вавилона.

Когда был убит царь индоариев Тушратта в Митанни, то царь касситов Бурна-Буриаш отказался предоставить убежище в Вавилоне его сыну Шаттивазе и тем самым поддержал другого претендента на престол — Артадаму II. Ассирия ориентировалась также не на Шаттивазу, а на захватчика престола Шуттарну, вернувшего в Ашшур золотые ворота, вывезенные за 100 лет до этого в Митанни индоарийским царем Саусадаттаром.

После смерти Бурна-Буриаша (около 1335—1330 гг. до н.э.) при содействии ассирийцев на престол царя касситов был возведен малолетний Кадашман-Харбе, внук Ашшурбалита. Стремясь иметь доступ к Средиземному морю, Кадашман-Харбе, минуя Северную Месопотамию, двинулся в Сирийскую пустыню и приказал копать колодцы и возводить стены будущих военных поселений, создаваемых для защиты торговых караванных путей. Однако в результате восстания, вызванного недовольством касситов сближением Кадашман-Харбе с Ассирией, внук Ашшурбалита был убит. Царем Вавилона был провозглашен кассит Назибугаш, который вскоре погиб, воюя с Ассирией. Теперь на престол Вавилона вступил представитель боковой линии царей касситов Куригальзу II (1345—1324 гг. до н.э. или 1333—1312). Ашшурбалит принял активное участие в возведении на престол нового царя касситов, приходившегося дядей его погибшему внуку. Но Куригальзу II вскоре выступил против Ассирии и дал сражения ассирийским войскам возле Сугату, недалеко от Ашшура, а затем под

Килизи у Ниневии. Это говорит о полном военном превосходстве касситов. Замирив Ассирию и установив мир на севере, Куригальзу выступил на востоке против Элама, царь которого Хурбатила совершил набег на юг Вавилона.

Назимарутташ (1311—1286 гг. до н.э.), преемник Куригальзу II, правил касситами в очень сложное для Вавилона время. На востоке в Эламе к власти пришла новая династия царей, а на северо-западе под ударами хеттов ослабело индоарийское княжество Митанни, являвшееся по объективным причинам естественным сдерживающим фактором усиления Ассирии.

Эти внешние причины объясняют причины неудачного похода царя касситов Назимарутташа в область лулубеев — Намру в предгорьях Загроса. Ассирийский царь Ададнерари I совершил военное вторжение в Месопотамию, которое привело к заключению мирного договора между Ассирией и касситами Вавилона. Ададнерари I удалось захватить касситскую Аррапху в предгорьях Загроса, являющуюся тогда и после хлебной житницей Месопотамии.

Кадашман-Тургу (1285—1268 гг. до н.э.), став следующим царем касситов и Вавилона, направил свою деятельность на пресечение вторжения в Месопотамию западных кочевых племен ахлама, для чего ему приходилось сохранять мир с Ассирией.

Кадашман-Тургу заключил с царем хеттов Хаттусилисом III договор о дружбе и взаимопомощи. Благодаря этому союзническому договору Хаттусилис III сумел возвести на престол касситов в Вавилоне несовершеннолетнего Кадашман-Эллиля, сына умершего Кадашман-Тургу.

Хетты всегда поддерживали дружественные отношения с касситами, которые еще в эпоху касситской державы в Хане помогли хеттскому войску во главе с Мурсилисом I совершить удачный поход на Вавилон в 1595 г. до н.э. Хеттский царь Суппилулимас I в качестве главной жены, тавананнас, сочетался браком с касситской царевной. Как видим, традиционно хетты-индоевропейцы были союзниками индоарийских касситских племен коневодов.

Сохранилось известное письмо хеттского царя Хаттусилиса III к юному царю касситов Кадашман-Эллилю (1267—1253 гг. до н.э.), где говорится: «В стране брата моего (касситов) больше коней, чем соломы». Хеттские коневоды улучшали породу своих малорослых лошадей путем скрещивания с племенными жеребцами скаковых пород, получаемых в дар от касситов. До этого Хаттусилис III подстре-

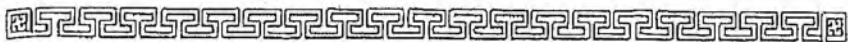

кал к войне с Ассирией Кадашмана-Тургу и в одном письме говорит: «Я слышал, что мой брат созрел для мужества и имеет склонность к охоте. Я рад, что Тешуб благословил сына моего брата Кадашман-Тургу, и вот, иди и разгромай землю врага... не медли, ступай на врага, разбей врага... выступи против страны, сильнее которой ты в два, три, четыре раза...»

Время правления двух других царей касситов, Кудур-Эллиля (1252—1243 гг. до н.э.) и Шагаракти-Шуриаша (1242—1230 гг. до н.э.), приходится на очень опасное для Вавилона время. В Ассирии правил Салманасар I (1274—1245 гг. до н.э.), который сам не решался напасть на Вавилон, но совершил первые походы ассирийских войск на север в горы Загроса.

При Каштилиаше III (1230—1223 гг. до н.э.) на востоке от касситов в Эламе царем стал Унташ-Галь, а на севере в Ассирии царем был Тукульти-Нинурта сын Салманасара I. В эпоху Каштилиаша границы государства касситов проходили далеко на севере, включая обширные районы Диалы и Адема в предгорьях Загроса, где жили кутии-лулубеи. Это стало известно по клинописной табличке из Суз в Эламе, которая представляет собой дарственную запись царя касситов Каштилиаша, выданную митаннийцу (курду) Агабтахе на владение землей в Падане у гор Загроса. По всей видимости, активность касситов в хлебоборных долинах Диалы вызвала агрессию Элама и Ассирии. Первым напал Унташ-Галь. Вторжение эламитян произошло на шестом году правления Каштилиаша. Сразу вслед за этим на касситов напала Ассирия. Разбив войска касситов в битве близ Тигра, Тукульти-Нинурта пленил Каштилиаша и отправил его в Ниневию, а сам во главе ассирийских войск продолжил наступление. Захватив Вавилон, Тукульти-Нинурта приказал снести стены города и вывез в Ассирию статую бога Мардука, после того как разгромил и разрушил его храм Э-сангиль.

Удивительно, но факт: ассирийцы были недовольны подобной политикой своего царя (освободителя?), и в результате заговора, поддержанного народом, Тукульти-Нинурта был убит в 1208 г. до н.э. Один из сыновей погибшего царя, Мугақкильнуску, взошел на престол Ассирии, тогда как другой сын, Ашшур, бежал к касситам в Вавилон. При помощи войска касситов Ашшур сумел вернуть себе царскую власть в Ассирии. Со времени вторжения Тукульти-Нинурты в касситскую Вавилонию там правили первоначально ставленник Ассирии некий Эллильнадиншули, вскоре изгнанный эламским царем Китен-Хутрану, совершившим набег на Нижнюю Месопотамию.

Затем во главе касситов стоял царь Кадашман-Харбе II. Положение в Месопотамии стабилизировалось при сыне Каштилиаша — Ададшумуцуре, взошедшем на престол царя касситов и сумевшего посадить на престол Ассирии своего ставленника — Нинурта апал Экура. Даже последующие цари Ассирии, такие как Ашшурнерари III и Илихада, судя по источникам той эпохи, продолжали подчиняться царю касситов.

При этом как знак идеологического господства касситов над ассирийцами в Ашшуре была оставлена статуя вавилонского бога Мардука.

Мелик-Шах (1186—1172 гг. до н.э.) был следующим царем касситов, чья статуя была воздвигнута в Каринташе, находившаяся на дороге из долины Диалы в Керманшах, на исконной земле кутиев-лудеев.

После Мардукапалиддина (1171—1158 гг. до н.э.) царем касситов стал Забаба-Шумиддин. Исконно кутийско-курдское имя показывает на его происхождение из горной области Загроса — Завийе в Курдистане. Чередование звуков —б>w<в — характерная черта курдских диалектов. Правление касситского царя Забабы было прервано вторжением с востока эламитов во главе с Шутрук-Наххунте, который, перейдя со своим войском Тигр, захватил города Упи (Опис), Сиппар, Киш. В Вавилоне наместником был поставлен сын царя эламитов Кутер-Наххунте. В Элам были вывезены многие материальные ценности, в том числе и каменный столб с текстом Законов Хаммурапи.

Восстание в касситской Вавилонии возглавил Элллильнадинахи, который был захвачен живым в плен и затем вывезен в Элам. Когда Шильхах-Иншунинак, брат Куттер-Наххунте, взошел на престол царей Элама, в Вавилоне к власти пришел Мардук-кабит-аххешу, сумевший утвердиться в Иссине. Элам ограничился захватом всех месопотамских владений касситов, прилегавших непосредственно к горам Загроса. Таким образом, эламитяне стремились контролировать единственно доступный путь, ведущий в глубь Ирана на юге.

Полное возвышение Вавилона произошло при Навуходоносоре I (1126—1105 гг. до н.э.), сумевшем захватить ассирийский город Экаллатум и вывезти оттуда статую бога Адада (которую вернуть удалось только через много веков Синнахерибу в 689 г. во время разрушения Вавилона). Также Навуходоносор одолел Элам и вернул в Вавилон

вывезенную статую бога Мардука. Эти действия Навуходоносора I чрезвычайно укрепили позиции Вавилона на международной арене. Царь Вавилона выиграл борьбу за гегемонию в Месопотамии и отодвинул Ассирию на второй план. Цари Вавилона из Иссина принадлежали к так называемой Халдейской династии. Касситская династия еще продолжала около столетия править на юге Междуречья в Приморье. Воцарение халдейской династии в Междуречье, по всей видимости, связано с миграцией касситов на восток, где впоследствии на побережье Аравийского моря возникла страна Мехран, или Гидросия античных авторов.

Это стало возможным благодаря более раннему вторжению индоариев куру через перевалы Гиндукуша на полуостров Хиндостан. Тот факт, что в конце I тыс. до н.э. касситы перешли из Месопотамии далеко на восток, подтверждает родство мехранского диалекта языка белуджей Белуджистана с языком курдов Курдистана. В Махабхарате сохранились повествования о курдах рода Кокэйи в эпоху разгоревшейся в Северной Индии войне между двумя кланами ведических индоариев куру — Пандавами и Кауравами. В Махабхарате курды Кокэйи названы «Великими колесничими», то есть такими же мастерами боевых колесниц, которыми были касситы в Месопотамии на всем протяжении II тыс. до н.э. Вполне возможно, и сам основатель династии касситов в Вавилоне царь Агум-Какреме происходил из курдского племени Какавенд, до настоящего времени проживающего возле Сулеймани в Курдистане и верящего в переселение души — метемпсихоз, как и их далекие предки, ведические индоарии куру.

Касситы составляли касту воинов Сала в Хеттской империи, и поэтому не может быть никаких сомнений в их участии в продвижении индоиранцев на восток во время завоевания ведическими индоариями Куру полуострова Хиндостан. Действительно, распространение различных диалектов единого индоарийского языка от Курдистана в Загросе на западе далеко на восток в Индию объясняет исчезновение касситов в Вавилоне и переселение их большей части в Мехран на территории современного Пакистана. Имена многих касситских царей подтверждают их индоарийское этническое происхождение:

Гандаш: Ганди — аш — Земля Ганди, то есть река Гинда в Загросе, прежнем месте обитания касситов.

Бурна-Буриаш: Убриаш — Бориаш — Борей — бог северного ветра (возможно, к этому индоевропейскому имени восходит и этноним Парны).

Каштилиаш: Кэштэли — аш — место (хозяин) — деревьев (вед.) — *kaṣṭha*, *каштэ* дерево (санскр.). Это имя связано с профессиональной деятельностью касситов по изготовлению колесниц из дерева.

Куригальзу: Кури Гель — сын народа или народ Куру (курд.)

Нази Марутташ: Наси — потомок (курд.), Марутов. Марами называли курдов еще в Средние века армяне. Мары — одно из племен белуджей.

Шагаракти-Шуриаш: Сагара — океан (ведич. санскр.) Сурияш — бог Солнца (ведич. санскр.).

Этноним касситов восходит к ведийско-арийскому, курдскому слову-Каши — блеск (солнца, драгоценного камня).

По всей видимости, именно касситы-Кашшу фигурируют в Махабхарате как персонажи под именем знаменитой Солнечной Династии. По индоарийской легенде, царь Сагара из Солнечной Династии имел жену Кешини, родившую ему сто сыновей из тыквы, которых отец отправил пасти коня, предназначенного для жертвоприношения. Все лошади пришли в Индию вместе с ведическими индоариями Куру из области Лука-Лувия (от курдского племени лак, обитающих в предгорьях Загра) в Передней Азии. В эпоху записи Махабхараты и Упанишад, то есть в VI в. до н.э., в Индию коней завозили из Парфии, то есть от индоарийских племен Парны. В более позднее время и вплоть до середины XX века в Индию экспортировали коней из Бахтиарии, от курдов-бахтиар. Таким образом, индийское предание имеет под собой реальную историческую основу и показывает ко всему прочему полное соответствие — этимологическое, семасиологическое — национальных имен касситских (кашши) правителей Месопотамии индоарийским именам царей Солнечной (Каши) династии в Северной Индии эпохи сложения такого древнеиндийского литературно-этнографического памятника, как Махабхарата.

Еще одним из многочисленных свидетельств исторического переселения индоариев Куру-касситов из Нижней Месопотамии — Вавилонии на восток в Северную Индию является упоминание в Махабхарате наряду с *кокэйи-кекайя*ми другого курдского племени — *сенджаби*, как народ Запада — Синды. В древнеиндийском «Сказании о восхождении на небо Индры» перечислены все известные к тому историческому периоду для индоариев Куру, живших на севере Индии, народы, среди которых мы встречаем и курдов *Сенджаби*.

Глава 48.

15—22 [...]. Видя Партхов в такой беде, носящим черные оленье шкуры вместо верхних одежд, не стерпел Кришна и сказал Юдхиштира: «Богатство Партхов, какое наблюдал я при совершении раджа-суи (ведический ритуал посвящения в касту воина — кшатрия) в Индрапрастхе, недостижимо было для других царей. Я видел там всех земных владык, трепетавших перед вашим ратным пылом и силой оружия: вангов, ангов, паундров, удров, чолов, дравидов, андхраков, обитателей океанских побережий и жителей городов: синхалов барбаров, млеччхов и прочих жителей леса. сотни жителей царств, лежащих на западе, близ океана пахлавов, дарадов, киратов, яванов, шаков, харахунов, чинов, туххаров, жителей Синдху, джагутов, раматхов, мундов, танганов и правителей царства женщин, — я видел, как эти и многие другие явились прислуживать тебе при жертвоприношении, о бык-бхарата». (Махабхарата. Книга третья (Лесная). М., 1987. С. 114—115; перевод с санскрита Я.В. Василькова, С.Л. Невелевой.)

Среди перечисленных имен царств и народов Запада мы встречаем народы, жившие на территории Передней Азии на всем протяжении V—I тысячелетий до н.э.

Пахлавы — парфяне обитали на территории Средней Азии и к западу от Индии и поклонялись священному огню земледельцев с курдским именем древнего государства кутиев Загроса — Атур Борзен Михрбан. Пахлавы-парфяне исторически — пришельцы на территории Индии.

Дарады — Дарды — индоиранские народы, обитающие от Афганистана до Пакистана к западу от Индии. Кираты — народ Башкирт, проживающий на юге Ирана и к западу от Индии.

Шаки — Саки — курдское племя Шекак-Шак в горах Загроса в Курдистане.

Яваны — греки Ионии в Передней Азии.

Харахуны — (хурриты?) — обитатели гор на севере Индии.

Туххары — тохары — юэчжи (согдийцы), упоминаемые в Ригведе как «сыны Тугры», а в шумеро-аккадских надписях как княжество Тугриш в горах Загроса в Верхней Месопотамии в Курдистане, далеко на западе от Индии.

Синдху — племя курдов Сенджаби, обитающее в центральной части Иранского Курдистана, далеко на западе от Индии.

Античные греческие и римские авторы, в частности Лукиан, Сенека, в своих произведениях также упоминают о (курдах) Синдах как

о народе, населявшем область, примыкавшую к Евксинскому понту (Черное море) у Боспора Киммерийского (Керченский пролив), и тем самым подтверждают показания Махабхараты.

Царство женщин — это, безусловно, Курдистан, где (в отличие от других национальностей Месопотамии — ассирийцев, евреев, арабов, женщины которых содержались дома взаперти, ходили и ходят по улицам городов в парандже) женщина-курдянка является царицей в семье, и известны реальные случаи их участия в боевых столкновениях с оружием в руках наравне с мужчинами-воинами, когда жена вождя племени после смерти мужа начинала править в округе. Возможно, эти примеры из жизни в Курдистане и послужили основой для возникновения представления о Царстве женщин на западе у создателей Махабхараты. Нет больше на территории Месопотамии ни одного народа, кроме курдов, глядя на которых можно было бы сказать: Царство женщин.

Интересно отметить, что и в античной литературе, начиная с гомеровской Илиады, принято располагать женское Царство амазонок в Передней Азии в Курдистане у реки Фермодонт. Опираясь на древнегреческие предания, можно даже приблизительно определить, к какому курдскому племени принадлежат амазонки.

Во время осады Трои амазонки помогли ликийцам, то есть курдам племени лак (в древности Лука — Лува) Передней Азии, ныне проживающим в горах Загроса рядом с племенем курдов-сенджаби. Царица амазонок Пенфесилея, дочь бога войны Ареса (Рудра, ведич.), погибла под стенами Трои в схватке с Ахиллом.

Таким образом, и древнегреческие и древнеиндийские источники, говоря о женском царстве, находившемся в Передней Азии, указывают с точки зрения этнографии на курдов, в обществе которых сохраняются реликты матриархата. Когда два разных и часто противоположных источника — древнеиндийский и древнегреческий — указывают на один примечательный факт, каждый сам по себе без какого-либо влияния друг на друга, то логически нет никаких оснований не доверять этим сведениям.

Для доказательства того, что под именем Царство женщин или Страна Амазонок подразумеваются именно курды или курдское общество Передней Азии в древности, возьмем для сравнения отношение к женщине в обществе государства Ассирии, располагавшегося рядом с Курдистаном. Как писал И. М. Дьяконов: «В Ассирии II тыс. до н.э. семья строилась по более жестким патриархально-рабавла-

дельческим принципам. Брак совершался путем заключения договора между отцами и внесения выкупа... Муж имел над женой почти такую же власть, как над рабыней. Он мог подвергать ее телесным, и даже калечащим, наказаниям; если главой семьи являлся свекор, то он мог, в случае смерти ее мужа, передать ее другому сыну, по смерти его — третьему сыну или внуку и так до бесконечности, пока только в семье были лица мужского пола старше 10-летнего возраста.

Жена не имела никаких имущественных прав; она не только могла быть заложена за долги мужа, но даже должна была нести наказание за его преступление; например, если муж изнасиловал девушку, то жену отдавали на изнасилование... За попытку бегства из дома мужа жена каралась тяжелым, калечащим наказанием». (Народы Передней Азии. С. 54—55.)

У курдов-индоевропейцев для сравнения было принято, чтобы девушка сама выбирала себе жениха, а при разводе с мужем приданое и весь скот, отданный отцом невесты, остался в собственности жены.

При элементарном сопоставлении приниженного, скотского состояния женщины у семитов с возвышенным положением проживающих рядом курдянок становится понятным, что сам миф о некоем женском царстве в Передней Азии возник у греков и индусов независимо друг от друга в связи с их близким знакомством с нравами и обычаями курдов Загроса и Тавра.

Важно указать, что само предание о женском царстве имеет самое непосредственное отношение к Авесте, где говорится о переселении индоариев к пределам земли, среди имен которых упоминается и Хорезм на севере Средней Азии. Как установил исследователь культуры Хорезма Л.С. Толстов, это же предание о женском царстве зафиксировано у автохтонного и реликтового населения Хорезмского оазиса и Зерафшана — митанов, которые всячески отделяют себя от окружающих их повсюду тюрков (казахов, узбеков) и монголов (казахов).

Самоназвание народа — митаны — указывает на древнюю связь Хорезма с хурритами-матиенами Загроса, создавшими первое индоарийское княжество Митанни на территории Передней Азии и Ближнего Востока. Митаны-матиены являются предками курдов, а диалекты мидийского (курдского) языка надежно зафиксированы в древнем Хорезме. Наличие женского войска — ама сена (ведич.) — амазанту — женское племя-войско у дахо-массагетов, населявших Хорезм в середине I тыс. до н.э., подтверждается многими античны-

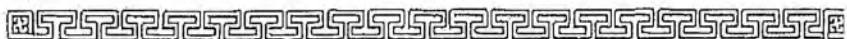
ми источниками. Так, у Геродота сказано, что основатель державы Ахеменидов в Иране знаменитый Кир погиб в сражении с царицей дахо-массагетов Томирис. Само название в иранских языках женского войска — амазанту (амасенна, ведич.) — четко соответствует античному, греческому имени Амазонки, за которым стоят курды, то есть курдское общество.

Джагути стоят в Махабхарате далее, по списку народов Запада; по курдски их имя означает «отделившиеся», как обычно курды называют евреев — шьһу (иудей). Здесь переплетаются два периода из жизни еврейского народа. Так, ко времени составления Махабхараты евреи уже находились в Курдистане в области Сангибуту, куда были переселены Саргоном, тогда как прежние жители Санги Буту мидийцы будины были переселены в Иудею и стали называться самаритянами. Нет никаких сомнений, что иудеи, оказавшись в Курдистане, примыкали к военным отрядам курдов, совершающих походы в Индию. Из 12 колен Израилевых 10 колен никогда не вернулись в Израиль после вавилонского пленения. В связи с этим вызывает особый интерес соответствие имени израильского племени Забулон — Забулистанту, одной из областей Афганистана. Сами иудеи-евреи сохранили предание о переселении своих предков во времена Авраама из Ура Халдейского в Месопотамии, куда они могли прийти ранее с Курдистана, то есть из Загроса, как кутии-курды еще до III тыс. до н.э.

Таким образом, не совсем понятно, какое из двух свидетельств более древнее — эпохи до Авраама или уже новое — о вавилонском пленении, которое содержится в Махабхарате в качестве упоминания о джагути (шьһу — евреи) как о народе Запада. Если упоминание из Махабхараты более древнее, тогда становится ясным, что сам этноним иудейского колена Забулон восходит к курдским районам Заба-Забаба (шумер.) в горах Загроса, известных как один из древнейших очагов зарождения земледелия и одомашнивания дикой пшеницы.

Если свидетельство из Махабхараты менее древнее, то тогда Махабхарата становится ценным источником по ассимиляции евреев после вавилонского пленения, превратившего их в одно из курдских племен и переселившихся на территорию Афганистана, как и многие другие индоарийские племена — белуджи, пуштуны, дарды и т.д.

Воинственность колена Завулону отмечена и в эпоху воцарения Давида на престол в Иерусалиме.

1-я Паралипоменон, гл. 12:

«И сии также пришли к Давиду в Секелат, когда он еще укрывался от Сауда [...]»

33. Из колена Завулонова готовых к сражению, вооруженных всякими военными оружиями, пятьдесят тысяч, в строю, единодушных»

Со своей стороны среди курдов до настоящего времени сохраняется религиозная секта Davidites (давиди), объединяющая несколько племен, культом которых является поклонение пророку Давиду. Процессы ассимиляции коснулись и курдов. Так, переселенные Саргоном в Иудею курды-мидийцы племени будиев, приняв местную иудейскую религию, стали самаритянами.

Следующим в списке «народов Запада» в Махабхарате значатся Раматхи, имя, восходящее к индоарийскому рама — народ-войско известных как курдское племя рамавенд. К касситам, покинувшим Нижнюю Месопотамию при своем переселении на восток в Северную Индию — народ Запада — раматхи-рамавенд — имеет прямое отношение, поскольку, как мы уже отмечали выше, сам основатель династии касситов в Вавилоне Агум II носил титул Какреме в переводе с курдско-иранского кок — основание, корень — и раме — народа-войска.

После народа раматхи рамавенд в Махабхарате в числе «народов Запада» названы и сами курды племени Курманджи под именем мунда.

Действительно, часть курдов-курманджи — потомков земли Ману, переселилась в Северную Индию, при этом в процессе миграции индоарии Куру заселили все пространство от гор Загроса на западе до отрогов Гиндукуша на востоке. Курманджи на востоке представлены индоиранским племенем манджи, более известным под искаженным именем мунджа (манджи-мунджанцы). Участие мунда, по Махабхарате, в индоарийском обряде — посвящения юноши в воины у касты воинов Кшатриев, именуемого Раджасуйя, — указывает на воинское сословие предков современных Манджа в Афганистане, что точно соответствует указанию на принадлежность Манда к касте воинов в хеттских законах.

Далее в списке «народов Запада» в Махабхарате следуют Танганы — племя, обитавшее, по словам Я.В. Василькова и С.Л. Невеловой — на гористой окраине северной части современного штата Уттар-Прадеш и за ее пределами в районе Амударьи». (Махабхарата. Книга «Лесная». М., 1987. Комментарии. С. 731.)

Само имя Танганы восходит к курдскому Т?нге — теснота, узкий (полоса земли в горах, в ущельях).

Курды-лурь и Элам

Удивительным свидетельством автохтонного сложения курдского этноса в горах Загроса является единая система социального устройства современного курдского общества и древнего государства Элам, располагавшегося к востоку от Шумера на территории Хузистана и Луристана с центром в Сузах. Один из городов Элама — Анчан, на который совершал свои походы Энмеркар, шумерский царь Урука, находился возле современного г. Шираза. Вся эта область от Шираза на востоке до отрогов Загроса на западе с городом Корд-Шахри в центре провинции Бахтиария является исконной территорией курдских племен луров и бахтиар, четко подразделяющихся на две социальные категории — кочевников и земледельцев.

Курды сохраняют родоплеменную структуру, обусловившую многие существенные и характерные черты их общественных отношений. Причем все исследователи-очевидцы указывали на сохранение без изменений родоплеменной структуры не только у кочевников-курдов Загроса, но и у оседлых земледельцев, живущих уже многие сотни лет в долинах далеко от гор. Родоплеменная структура курдов (луров и бахтиар) имеет следующий вид.

Род — Насль (ср.: русское — население, село) — распадается на несколько ветвей — тире. Во главе рода стоит сервар — глава поселения, титул которого восходит к шумерско-древнекурдскому сер — глава, уар — поселение (сравните русское — царь, английское — sir и уар — русское — двор и английское — yard). Другое имя, сервара-раж, восходящее к ведийско-арийскому раджа — глава воинов, вторая каста у индоариев (сравните с французским Roi — король). Сервар или раж ведаёт делами рода и обладает неограниченной властью.

Часто, как это имеет место у курдов рода Барзан, главенство над родом имеет духовное лицо шейх или пир, исполняющий религиозные обязанности.

Титул — пир — исконно индогерманского происхождения (сравните с английским — peer). Титул — шейх — восходит к древнеиранскому Хшайяхшатра — царь воинов, соответствующий как раз титулу Раджанья у ведических индоариев Куру. Титулом Хшайяршах — царь великий — именовали себя персидские цари династии Ахеме-

нидов. В частности — царь Дарий Великий называется в знаменитой Бехистунской надписи Хшайяршах.

Родственные племена, происходящие из одного нася (населения) или бер — плод (курд.), объединяются в племя Эль — родина или в союз племен — Элат (суффикс-т — показатель множественности).

Исконно курдским термином аширет — одного молока или (вскормленные) одним молоком от ведийско-арийского шир — молоко первоначально называлось военное сословие племени, объединяющее молодых воинов — марьяну, которым в настоящее время этимологически соответствует каста Мьрьд у курдов-солнцепоклонников езидов. Аширеты — это военный отряд племени для защиты от вторжения врагов, который существует за счет окрестного кочевого и оседлого населения.

Курдские племена и их представители — рядовые курды, не сумевшие создать аширеты (марьяну-мьрьдов), стали подчиненными, именуемыми райят, от которого в древности возникло шумерское эрету — раб — крепостной крестьянин.

Эта архаичная форма родоплеменного устройства присуща всем курдским племенам; впрочем, как писал О.Л. Вильчевский: «Следует также отметить, что в то время как у курдов Турции аширеты, как правило, сохраняются среди кочевых и полукочевых племен, — у курдов Ирака и в особенности Ирана большая часть аширетных образований относится к оседлым курдам». (Мукринские курды. С. 191.)

Это чрезвычайно важное свидетельство очевидца-курдолога позволяет нам понять само происхождение института «брата-покровителя» — аххути в древнем Эламе¹. Суть проблемы «курды-луры и Элам» заключается в следующем: все клинописные шумерские, а затем и, последовательно, шумеро-аккадские, эламские, хеттские, древнеперсидские источники происходят из городов-государств Древнего Междуречья. Клинописные и пиктографические источники и документы конца III — II тыс. до н.э. освещают для науки жизнь только сравнительно узкого слоя населения даже в городе, не говоря о жителях сельских поселений и скотоводах. В этих клинописных документах изложены в основном торговые договора, где представлена такая узкая и весьма специфическая прослойка городов Древ-

¹ Б.Б. Пиотровский вообще предполагал, что все титулы в Эламе первоначально сложились как родовые звания вождей горных скотоводов (Юсифов Ю.Б. Элам. Социально-экономическая история. М., 1968).

него Междуречья, как торговцы, храмовая администрация, цари государств.

Другая общеизвестная проблема — язык клинописи. Языком международной дипломатии в III—II тыс. до н.э. стал шумеро-аккадский вариант клинописи. Парадокс заключается в том, что шумеры как народ полностью исчезают в начале II тыс. до н.э. Но даже несмотря на это, шумеро-аккадская клинопись продолжала употребляться жителями Междуречья вплоть до первой половины I тыс. до н.э., то есть еще в эпоху иранцев Ахеменидов. Употребление иранцами и хеттами — индоевропейскими этносами — шумеро-аккадской клинописи, то есть письменности исчезнувшего народа, показывает, что эта традиция у иранских народов очень древняя и начинается еще в III тыс. до н.э.

Письменность не отражает этническую принадлежность того или иного народа. Например, язык католической религии — латынь — не доказывает принадлежности всех католиков мира к латинянам, основавшим Рим, и, в равной мере, язык Корана не подтверждает арабскую национальность всех мусульман мира. Так, узбеки — турки, а албанцы — индоевропейцы, несмотря на то что исповедуют ислам и читают Коран по-арабски.

Точно так же и язык шумеро-аккадской клинописи не доказывает, а часто, по невнимательности ученых, скрывает тот факт, что издревле на территории Шумера и Элама обитали автохтонные курдские племена. О наличии автохтонного курдского этноса в Междуречье в эпоху древних государств Шумера, Аккада и Элама свидетельствуют лексические данные самих шумеро-аккадских надписей, имеющих многочисленные заимствования из курдского языка. При этом, как выяснилось, язык шумеро-аккадской клинописи не указывает на этнический характер населения. Даже само название, шумеро-аккадский язык, абсолютно неверное и крайне неудачное, поскольку шумеры — это не аккадцы и никогда ими не были, точно так же и аккадцы совсем не шумеры, а принадлежат к другой этнической группе. При этом встает вопрос о том, как быть при определении этнической принадлежности Древнего Междуречья в ту эпоху, когда еще не существовало самой шумерской, а затем также и шумеро-аккадской клинописи? Ведь по заявлениям самих шумерологов и ассириологов, эти две группы сами являются пришлыми этносами. Так, шумеры пришли откуда-то из-за моря (со своим предсловутым родительным падежом) с востока (!), тогда как ассирий-

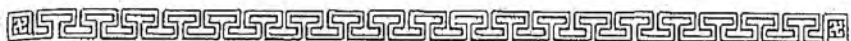

цы пришли с запада (!). При этом коренными жителями Междуречья были кутии и эламитяне — выходцы с горных долин Загроса, как об этом свидетельствует наличие многочисленных лексем живого курдского языка в древнем шумерском языке III тыс. до н.э. и, самое главное, археология!

Поскольку язык клинописи и вообще язык не всегда является надежным средством выявления древности и автохтонности происхождения того или иного этноса, в этнографической науке были выработаны и другие, свои собственные методы изучения народов, позволяющие довольно точно определить возраст многих национальностей. Как писали академик Ю.В. Бромлей и В.П. Алексеев: «Языковая принадлежность и происхождение народа — явления далеко не идентичные. Нельзя переоценивать роль пришлого этноса [...]. И для ученого, будь то этнограф, историк, филолог, будет более правильно и исторически более научно изучать роль древнего местного субстрата».

Как выяснили ученые-этнографы, наиболее консервативной частью любого народа, особенно в древние периоды истории, является родоплеменная структура, по которой и строится социальная иерархия, формирующая будущее общество и государство. Важным и наиболее веским доказательством древности обитания курдов в Загросе и долинах Месопотамии является выявленная при сопоставлении единая форма родоплеменного устройства курдского общества и государства Элам.

Начальной ячейкой сельского хозяйства, объединяющей всю территорию древнего Элама, была домашняя община, называемая в эламских документах через шумерскую идеограмму исконно курдским именем — Эдуа. В современном курдском ода — помещение в доме главы родовой общины. Например, в пословице говорится — «odara Lazime nap u gun» (в комнате для гостей нужны хлеб и масло), причем и слово nap — хлеб, совпадает с шумерским обозначением хлеба — nap. Таким образом, на примере одной пословицы мы видим, как легко в современном курдском языке в одном предложении встретить два слова nap — хлеб и oda — дом, восходящие к двум различным странам III тыс. до н.э., — к Эламу и Шумеру. Можно ли после этого с легкостью, без анализа исторических источников отрицать наличие родства курдов (луров-бахтияр) с древними жителями Месопотамии?! Следует добавить, что в эламском языке, как и в современном курдском, показателем единственного числа служит суффикс — k. И если в курдском этот суффикс — показатель восхо-

дит к существительному *йек* — один, то в эламском — к числительному — один — *Ки*.

Далее, множественное число имен существительных в курдском и эламском языках передается одним суффиксом — *N*. В курдском языке показатель множественности — неопределенности восходит к слову *һнэ* — некоторые». Также общим для курдского и эламского языков является ведийско — арийский показатель — *с*, суффикс номинативного падежа имен существительных. Совпадают и местоимения первого лица единственного числа *хве* — я — в курдском и — *ху* — я — в эламском языках.

В настоящее время эламско-шумерское *ода* у курдов означает — комната в доме родителей для приема гостей. Сама расшифровка этого слова играет важную роль в жизни сельской или городской общины, поскольку у курдов гостеприимство — это священный обычай, который строго хранится в народе. Это видно из того, что если в дом курда вошел враг и попросил защиты, хозяин ода обязан даже с риском для своей жизни защитить его. В древности в одном доме — ода — проживали все члены рода, составляя фратрию. Поэтому и земля дома называлась *Ода*.

Во главе ода в Эламе стоял *Атта* — отец, имя, восходящее к ведийско-арийскому *tata* — отец, предок. Все цари Элама носили титул *Атта*. При этом в Эламе, как и у современных курдов, в обществе царил культ матери. Так, в Эламе существовали три правителя: 1) царь Суз (халь-меник), 2) царь Элама и Симашки, 3) царь Верховный — *Мах*, и все трое принадлежали к потомкам дочери основателя династии: Родоначальница этих царей Элама именовалась курдским словом *Амма-хаштук*. В курдском диалекте сорани *амма* означает — мать, тогда как *хаш-хош* — хороший, прекрасный, а *тук* — семья. Именно потомки *Амма-хаштук* являлись законными претендентами на престол и носили титул *Маар ахаттим* от курдско-ведийского *Маар* — мужчина-воин и ага — барин, помещик, но именно как родственник, связанный кровными узами со всеми жителями деревни или кочевого племени.

Сама система наследования власти в Эламе сочетала, как это видно, сильные пережитки матриархата, сохраняющиеся среди курдов и в наше время, которые, как более древние родовые отношения, стали основополагающими в процессе слияния различных многочисленных ода в единое централизованное государство. Все общины Элама во II тыс. до н.э., судя по документам из Суз, представляли

собой большие родовые общесемейные ода (как и у современных курдов). Все движимое имущество в ода после смерти главы подлежало разделу, что полностью противоречило нормам наследования у семитов Ближнего Востока, у которых имущество не входило в коллективную собственность общины или рода.

Точки зрения о предполагаемом родстве жителей Эламской равнины с обитателями горных долин Загроса (Курдистан) и как следствие этого наличия существования зависимости между архаическими формами отношений и установившихся порядков, сложившимися в Эламе под влиянием древних традиций вождей пастушеских племен горцев, придерживался и академик Б.Б. Пиотровский.

Институт агаларства у курдов

Как отмечают многие очевидцы, в курдских селениях главным является ага, наделенный неограниченной патриархальной властью и как бы связанный со всеми жителями некими кровными узами. Ага (агхутти) улаживает споры односельчан, указывает время и сроки выхода на кочевье, землю для каждого вара, формирует из семей оба на летовки и т.д., временами ага наказывает реятов (крепостных крестьян) кнудом, сплетенным из металлической проволоки, длиной от 1,5 до 3 метров. Как писал А. Аракелян о курдском аге, главе селений: «Когда ага наказывает райя, то наносит удары этим оружием». (Т.Ф. Аристова. 1990).

Каждый ага, особенно если это селение езидов-солнцепоклонников, имеет боевой отряд молодых мьрьдов. У курдов Ирана главы племен носят индоиранские имена ага, бек или хаң. Вот что писал И.А. Орбели, посетивший курдов Мокса (р-н Ван) в 1911 году, об отношении простых курдов-сельчан со своим главой — ага: «Я был в течение долгого времени в доме одного уездного турецкого начальника, в то же время курдского князя. К нему, как к бегу, к князю, каждый вечер приходили пить чай все жители независимо от состояния, так что каждый вечер одновременно в комнате сидело около 20 человек, а в течение вечера проходило человек 40—50. Если кто-нибудь долго не приходил — ему напоминали: «Ты долго не был у бега, смотри — бег обидится». Приходя, все рассаживаются по стене, каждому дается подушка и подается чай. Нужно выпить две чашки, а от третьей непременно отказаться, причем вам настойчиво будут предлагать». (Фольклор и быт Мокса. М., 1982. С. 139.)

Следует также обратить внимание на этикет курдов, который явно не мог возникнуть просто в среде кочевников-скотоводов или пастухов, как часто пытались изобразить коренных жителей Загроса (курдов-кутиев, касситов-бахтияр и луров-эламитов). При сравнении культуры этикета курдов Загроса с другими народами, занимающимися земледелием, встает закономерный вопрос, почему подобный церемониал не возник, допустим, у славянских или романских народов — русских, белорусов, украинцев, румын, молдаван.

Из этих этнокультурных сопоставлений становится ясно, что сам придворный церемониал у курдов — луров и бахтияр — возник в глубокой древности и своими корнями связан с теми племенами коренных жителей Загроса (кутиями-митаннами, касситами-вавилонянами, лулубеями-эламитами), которые имели государственность в Месопотамии уже в III—II тыс. до н.э.

Чтобы лучше это увидеть и понять, мы приведем наблюдения И.А. Орбели над этикетом у курдов Мокса, который ученый-армянин не обнаружил ни у турков, ни у своих соплеменников армян. И.А. Орбели пишет: «Нужно сказать, что в курдской среде жестом почтения является жест, скрывающий пальцы.

Если вы подаете старшему воду и у вас одна рука занята, то вы должны другую руку держать на животе. Если руки у вас свободны, то, пока я пью, вы должны держать руки на животе.

Если нужно выразить почтение, когда разговариваешь, вы должны сложить руки таким образом и ни в коем случае не перебивать разговора. Уходить из комнаты нужно так, чтобы господин не видел вашей спины, — нужно обязательно уходить пятясь. Входить в комнату нужно таким образом, чтобы господин всегда видел ваше лицо и вашу грудь.

Если говорить о церемониале, то лучше всего брать курдский обиход, потому что только у курдов и луров (но последние менее доступны для наблюдения) сохранился придворный церемониал, причем он сохранился в быту у каждого князька.

Если вы входите в комнату, вы должны склониться и не подавать никаких признаков жизни, пока князь вас не заметит. После того как он на вас посмотрел — вы можете сделать поклон. Затем вы можете сесть, но только после того, как он промолвит приветствие, вы можете сесть так, как вам удобно.

Если в комнате сидит несколько человек, но вошел кто-нибудь старше по рангу — все должны пересесть и уступить ему первое место. Местничество очень строго выдержано.

Если вы подаете огонь другому человеку, то вы ни в коем случае не должны подавать этот огонь, не прикурив сами. Сидя подавать огонь ни в коем случае нельзя.

Приветствие зависит от того, являетесь ли вы пришедшим или тем лицом, к кому пришли, потому что формы приветствия разные. Если вы пришли в селение, вы говорите просто «добро» или «здравствуй-те» — одно слово. Жители этого селения отвечают вам длинной фразой: «На добро ты наше пришел, на голову ты нашу пришел, на глаза ты наши пришел», — и в соответствии с этим подносят руки к голове, к глазам и т.д.

Если сидят 10—15 человек, и вошел еще новый, то он сначала должен поздороваться с хозяином, когда тот его заметит, а после с каждым в отдельности обменяться приветствием». (И.А. Орбели. Указ. соч. С. 138—139.)

В древности, как об этом свидетельствуют данные источников по Эламу, после смерти аги (агхутту) все его движимое и недвижимое имущество подлежало разделу между членами семьи, составляющих поселение — ода. В Эламе жена усопшего не наследовала мужу, но при этом раздел имущества осуществлялся предпочтением матери того или иного ребенка. При этом, что особенно важно, у эламитян, как это многократно отмечено в клинописных документах, дети должны были оказывать постоянно глубокое почтение своей матери-прародительнице. Из этого факта становится ясным главенствующее положение женщины в древнеэламском обществе, вследствие чего мать сама становилась распорядительницей при разделе наследства мужа. В документах Элама зафиксирован случай передачи матерью при разделе имущества своего поля дочери в течение нескольких поколений.

Высокий статус женщины в Эламе находит свое отражение много веков спустя в уважительном отношении к женщине в курдском обществе. Как писал О.Л. Вильчевский, у курдов, что отличает их от других соседних народов (турков, арабов) «девушки ходят с открытым лицом, свободно общаются с мужчинами, даже посторонними, участвуют в гуляньях и т.п. По существу, [...] девушка сама выбирает себе жениха, и свадебные обряды лишь оформляют сделанный ею выбор. По выходе замуж женщина фактически становится хозяйкой дома. Правда, если молодые живут в большой семье, оба они подчиняются родителям мужа и его старшим братьям. Однако с того момента, как супруги образуют отдельную семью, и в особенности после

того, как молодая становится матерью, значение ее в семье чрезвычайно возрастает. При посторонних жена оказывает мужу различные знаки почтения, он же относится к ней несколько пренебрежительно. Но это лишь показная сторона. В действительности ни одно сколько-нибудь серьезное семейное дело не решается без участия жены и почти всегда так, как она находит нужным. В отсутствие мужа жена самостоятельно решает все вопросы, принимает гостей и т.п. Авторитет матери и формально, и по существу выше авторитета отца. Ее слово — закон для детей. При широко распространенном институте побратимства у мукринских курдов, как и среди других курдских племен, названным братом становится тот, кто символически становится сыном общей матери. Для этого по обычаю надо либо прикоснуться губами к соскам матери побратима, либо пролезть через ворот ее рубахи, имитируя рождение». Как пишет В.Ф. Минорский — если мать отличается умом и красотой, имя ее прибавляется к имени ее сына, и какой-нибудь Бапири-Шашан (т.е. Бапир, сын Шашаны) разносит всюду известность своей матери».

В случае смерти мужа жена остается в его роде; если она пожелает выйти замуж вторично, то предпочтение отдается в первую очередь младшему брату покойного мужа или одному из его ближайших родственников; большое значение имеют в этом случае различные экономические соображения. Обычно, однако, вдова, в особенности если у нее есть дети, во второй брак не вступает и в этом случае становится главой семьи. Курдская родоплеменная традиция знает много случаев, когда во главе рода или племени оказывалась вдова вождя, к которой переходила вся полнота власти. (Мукринские курды. С. 212—213.)

Отмеченный выше обычай побратимства через усыновление матерью у курдов напрямую восходит к подобному обряду у жителей Элама, благодаря которому семейно-территориальная община пополнялась новыми членами и родственниками-рабочими. Таким образом, посторонний человек, не связанный кровными узами ни с одним членом семейной общины, путем исполнения этого обряда становился магически сородичем всей ода. Даже о рабах эламские документы говорят как об отроках, то есть опять родственниках всего братства — агхутти.

Все братство — агхутти — платило налог — *киришум*, слово, восходящее к курдско-ведийскому *кьри* — плата за аренду, выплата и *шем* (шьмик) — порог, то есть подоходный налог с (порога) одного дома.

Налог — киршьм — выплачивался некоему *хамдакару*, которое в переводе с курдского языка означает *хамд* — печаль, забота, и *кар* — продуктивный суффикс, образующий имя деятеля с обозначением профессии. В этом смысле курдско-эламское слово *хамдикар* — сборщик налогов, полностью тождественно народной этимологии русского-мытарь.

Также в Эламе существовала должность скорохода — *ласимму*, в переводе с курдского языка *лэз* — скорый, срочный (также *лэщ* — гонка, спешка; эстафета).

В эламском суде свидетель — *шибтум* — носил имя восходящее к курдскому *щаб* — ответ, и *щэбдартти* — ответчик, свидетель.

Другой особенностью, объединявшей государство Элам с курдским хуррито-матиенским княжеством Митанни в верховьях Тигра и Евфрата, являлось выделение части государственно-общинного фонда земель царским сановникам с одновременной выдачей им гарантии иммунитета от общих налогов. Как мы знаем, в княжестве индоариев Митанни класс-воинов марьяну (мрьды) стали владельцами больших поместий, получая земельные участки, которые они обрабатывали сами сообща, в составе большой семьи с привлечением крепостных соплеменников или рабов.

Религия Элама также находит свое продолжение в культуре курдов. Особое и даже центральное место у эламитов в религии занимал культ Змея. Курды-езиды до настоящего времени поклоняются змею Шамеру и всячески опасаются во время пахотных работ в поле случайно убить змею. Но если подобное случается, то убитую змею никогда не оставляют без присмотра, но обязательно похоронят. Существует даже известная поговорка у курдов: «*mer dive: me dukujî dijminatî, mi çelke dostî*» («Убиваешь как врага, похорони как друга»), которая четко передает почтительное отношение эзидов-солнцепоклонников к Змее.

Другой общей чертой, объединяющей курдов-езидов и древних эламитян, является культ восходящего Солнца. У эламитов солнце носило имя Нанхунте, тогда как курды-езиды называют Шэмс, которое восходит к имени божества солнца — Шимиге у индоариев княжества Митанни.

Таковы вкратце общие черты культуры, объединяющие Элам с современными курдами — лурами, позволяющие нам говорить о необычайной древности курдского этноса. Местообитание курдов-езидов глубоко на севере далеко от Элама указывает на невозможность

простого заимствования из различных сфер культуры и религии двух народов и свидетельствует как об автохтонном происхождении курдов в Месопотамии, так и о эламитах как древних земледельцах-скотоводах, пришедших в Хузистан в IV тыс. до н.э. с долин Загроса и поисках новых замуа (зимистан), то есть летовок для многочисленных стад своих коз и овец, и по каким-то причинам навсегда оставшихся на равнине.

История Элама начинается в отдельных разрозненных городах-государствах в III тыс. до н.э., которые часто находились под контролем царей Шумера. До этого периода в IV тыс. до н.э. археологи обнаружили свидетельства чрезвычайно быстрого роста населения в Сузиане, который внезапно приостановился к началу III тыс. до н.э., причём земля Элама опустела. Многие ученые полагают, что этот перерыв объясняется вторжением племен горцев с севера. К началу III тыс. до н.э. жизнь в Эламе нормализуется с приобретением основных черт, присущих государству.

По мнению В. Хинца, царь Шумера из III династии Ура Шульга (2093—2046 гг. до н.э.) к концу жизни сумел завоевать Элам и построить храм в Сузах от своего имени. Многие цари Шумера были связаны династийными браками с правителями отдельных княжеств Элама, в частности, Шульга выдал одну дочь за царя Анчана, а другую — за царя Варахсе. Затем другой царь, Шу-Суен (2036—2028), также выдал свою дочь, сестру будущего царя Шумера Ибби-Суэна, замуж за царя Анчана. Подобная регулярность династийных браков указывает, что и ранее предыдущие цари Шумера до эпохи III династии Ура связывали себя семейными узами с царскими домами эламских правителей.

Касаясь отношения Элама с горцами Загроса, следует отметить, что уже при Шу-Суэне царь Кирнамме, выходец из горного района Симашки на севере, создал новую центральную область для объединения страны. Таким образом прервалась II династия царей Авана (состоявшая из 12 правителей) и началась новая династия царей Симашки, включавшая 11 правителей. Во время совместного нашествия кутиев и эламитян на Шумер эламский царь Кутик-Иншушинаку I принял титул «царь четырех стран света». Он был последним царем из II династии Авана, а его надпись является первой надписью правителя Элама, составленной на шумеро-аккадском языке.

В верховьях Диалы располагалось царство правителя кутиев-курдов и лулубеев Анубанини и княжество хуррита-матиена Тишари.

Иными словами, Элам совершал походы в Междуречье, как-то со гласовывая свои действия с кутиями Загроса.

В 2004 г. до н.э. во время военной активности хурритов-матиено Загроса эламские войска захватили Ур и увезли царя Ибби-Суэна : оковах к себе в Анчан. До 1996 г. г. Ур находился под контролем эла митов. Около 1900 гг. до н.э. некто Эпарт, родом из Лурестана, осно вал новую династию с тем же именем. Эпарт принял титул Атта — отец скотоводов, пасших скот летом, как и их потомки луры сегодня в го рах Загроса. Эпарт своего сына Шильхаку сделал царем Анчана и Суз а своего внука Рухушака назначил главным писарем (тепир) г. Суз.

Около 30-х годов XIX в. до н.э. шумерским городом Ларсой начи нает распоряжаться эламит Кутирмапук, сын Симтишильхака, гла ва скотоводческого племени. В 1826 г. Кутирмапук захватил шумер ский город Ниппур. В 1834 г. н.э. на престол Ларсы Кутирмапук воз вел несовершеннолетнего сына, дав ему имя Варад-Син, который умер в 1823—1822 гг. После этого Кутир-Мапук возвел на престол Ларсы своего второго сына Рим-Сина (1822—1763 гг. до н.э.). Кутир мапук умер около 1819 г. до н.э. Римсину I уже к 1802 г. принадле жал весь юг Месопотамии от Персидского залива до Дера на грани це Элама и до Ниппура. Был захвачен и Урук.

В этот период истории ассириец Шамши-Адад, воспользовавшись смертью Нарам-Сина из Эшнуны, правившего Ашшуром, свергает Эришума II, последнего правителя местной династии. Захватив та ким образом власть, Шамши-Адад посадил своего старшего сына Ишме-Дагана управляющим в г. Экаллатуме, обеспечив себе конт роль над устьем Верхнего Заба (территория кутиев-курдов).

Хаммурапи вавилонский, заключив союз с ассирийцем Шамши Ададом, попытался нанести удар по эламской Ларсе в 1787 г. до н.э., но отступил, проиграв. Хаммурапи около 1764 г. до н.э. разбил коа лицию городов кутиев-лулубеев на р. Диалы и Элама, после чего под ступил к Ларсе, которую захватил около 1762 г.

После вторжения касситов Загроса в Месопотамию вспыхнуло восстание в Ларсе в 1742—1741 гг. до н.э., которое совпадает с нача лом правления в Эламе царя Кутгер-Нахунте (1740—1720 гг. до н.э.) Во время касситского завоевания (XVII—XVI вв. до н.э.) в Месопо тамии Элам как бы соединяется с Вавилонией, но затем отпадает.

Около 1330 года до н.э. Хурбатила совершает набег на юг Между речья. В ответ касситский царь Куригальзу совершает военный по ход и захватывает Сузы и Варахсе, главные города Элама.

Около 1225 г. до н.э. эламский царь захватывает на короткое время Вавилон. После 1134 г. до н.э. эламский царь Шутрук-Наххунте снова захватывает Вавилон и увозит статую бога Мардука в Сузы.

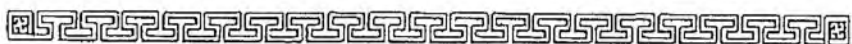
При царе Хутелутуш-Иншушинаке, последнем царе из династии Икехалки, Элам был захвачен Навуходоносором I (1124—1103 г. до н.э.), царем Иссина.

Страна курдов — Мехри

Самым древним и исконно курдским государством в Передней Азии было княжество Мехри. Имя Мехрану начинает упоминаться в клинописных шумеро-аккадских источниках со времени правления Нарам-Суэна (2236—2200 гг. до н.э.) и затем постоянно встречается в надписях ассирийских царей вплоть до 673 г. до н.э. (например, в знаменитом тексте Ассархадона (680—669 гг. до н.э.). На протяжении 1553 лет и более клинопись шумеров, аккадцев, затем ассирийцев отмечает не только княжество, но и «язык людей Мехрану». Многовековое упоминание народа Мехри на протяжении трех тысячелетий (с эпохи Нарам-Суэна в III тыс. до н.э. до I тыс. до н.э. Ассархадона) свидетельствует о постоянстве их местопребывания в горах Загроса, а, следовательно, автохтонности этого индоираноязычного этноса.

Исходя из «общепризнанного» тезиса шумерологов об иноземном пришествии шумеров (а затем аккадцев и ассирийцев) в Месопотамию, следует вывод о индоиранцах Мехри как наиболее древних и исконных жителях Передней Азии. Этим объясняется столь быстрое распространение земледелия среди индоевропейских народов в древности, например, от Загроса — Курдистана до Южного Урала — Башкурдистана, где уже во II тыс. до н.э. на поселении индоариев куру — Аркаим — жители сеяли и выращивали пшеницу-иги и ячмень-ще и помимо этого имели бесчисленные стада коз, овец и лошадей.

Имя княжества Мехри в горах Загроса очень и очень древнее, и было весьма архаичным уже к эпохе III тыс. до н.э., когда о нем начинают упоминать аккадцы, пришедшие незадолго до этого в Северную Месопотамию. Это имя восходит в своих истоках к древней эпохе индоиранского единства, когда Солнце почиталось под именем Мехр-Митра и служило у Ариев священным свидетелем при заключении договора или принятии клятвы. И в Ригведе и в Авесте воспевается божество солнца и священной клятвы Митра — Мехри.

Ригведа. Мандала VII, 66

4. Если сегодня на восходе солнца
Митра Арьяман провозгласят нас безгрешными,
[...]
5. То пусть будет привлекательным это место для жилья!

Язык гимнов Ригведы в своей основной, большей части, на 80 % и свыше является чисто индоевропейским, и непосредственно периоду его обособления как священного языка индоариев Куру ему предшествовала эпоха индоевропейского единства.

Встает закономерный вопрос — где же была прародина индоевропейцев? Этимологические сопоставления священных имен Митра-Мехри показывает, что именно Передняя Азия и Иранское нагорье являются древней прародиной индоевропейских языков, на различных диалектах которого и разговаривали представители культуры Хассуны и Самарры VII—V тыс. до н.э. Одним из этих племенных диалектов и был курдский язык курманджи.

В Авесте божество солнца и договора воспевается под традиционным именем Митра.

Михр-яшт

I

1. Ахура-Мазда молвил
Спитама — Заратуштре:
«Таким я создал Митру,
Чьи пастбища просторны,
Что тех же он достоин
Молитв и восхвалений,
Как я, Ахура-Мазда».

VIII

28. Мы почитаем Митру...
Который подпирает
Столбы домов великих
И укрепляет двери
И тех дома дарует
Стадами и людьми.
29. Бываешь злым и добрым
Ты, Митра, для страны,
Бываешь злым и добрым

Ты, Митра, для людей
Ты миром и войною
Стран, управляешь Митра.

**(Перевод И.М. Стеблин-Каменского)*

Преобразование имени Митра в Мехри происходит в иранских языках в так называемый среднеиранский период. Однако надежное свидетельство этого индоиранского имени в своей иранской форме Мехри в горах Загроса уже в III тыс. до н.э. показывает начало этого фонетического процесса в более ранний этап в древности.

Одним из основополагающих признаков деления современных и древних иранских языков на юго-западные и северо-западные является чередование или отражение индоевропейского и арийского -tr, авестийского — *θr > hr* в северо-западных иранских и -s в юго-западных иранских языках, например, английское — three, русское — три и — се в таджикском юго-западном иранском языке; далее в северо-западных — *riθra* — сын (авест.) — *пъг(г) ьк* — грудной младенец (курд.).

Курдский язык как раз относится к северо-западным иранским языкам, которые в древности в I тыс. до н.э. были представлены мидийским, а затем и парфянским языком. Мидийцы являются общепризнанными предками курдов, но под своим именем (h) емму Манда — сообщество предка Ману — начинают упоминаться уже в надписи Нарам-Суэна, достигшего со своим аккадским войском кутиев Умман Манда как раз во второй половине III тыс. до н.э., где и был убит их вождем Энридавазиром в 2200 г. до н.э.

Если исходить из того факта, что первая династия шумерских царей Киша правила с 2750 по 2615 г. до н.э., то, следовательно, уже через 400 лет шумеро-аккадские надписи упоминают об исконно автохтонном этносе Месопотамии и Передней Азии — курдах или кутиях (h) емму Манда — объединение, союз племен Манду.

Однако эти контакты курдов и шумеров прослеживаются и дальше в глубь веков, что нашло свое отражение и в мифологии. Так, имя ведийско-арийского божества «священного договора» Митры-Мехри восходит к индоевропейскому корню — первооснове *mi-meī* со значением постоянства (на чем и основывается смысл клятвы и договора), сравните, например, с курдским (кутийским) глаголом *майн, мин, ма* — оставаться, пребывать (неподвижно).

В этом смысле сакральное значение постоянства курдско-ведийского божества Митры — *Меθгі* полностью соответствует смыслу уда-

ленному теперь английскому слову motto — девиз, лозунг, эпитафия: сказанные и написанные один раз пребывают неизменным в текущем потоке всех чередующихся затем событий.

В английском и германском языке в фонетике наличествует индентальный спирант — θ , который имелся и в мидийском языке предков курдов. Исходя из этого, следует вывод о том, что не столько англичане родственны иранцам, а что курды, курдский этнос складывался в древности не из одних только западноиранских племен, но включил в себя и чисто индогерманские народы, жившие во II тыс. до н.э. на территории Передней Азии (хетты, лувийцы, палайцы).

Курдский корень майин-ма — оставаться — пребывать (неизменным), к которому и восходит в конечном итоге имя индоиранского бога клятвы Митры с праиндоевропейской основой $mi-me$, находит свое полное отражение в шумерском понятии Me , представляющем некие «божественные силы, поддерживающие постоянство земного мира». Шумеры считали Me некими законами, записанными на табличках, которые бог Ан (Эйан, курд.) спустил с седьмого неба на землю. Возможно, что проявлением Me у шумеров считали Наме, что в курдском и вообще иранских языках означает «письмо».

Me и Наме ($me-name$) у шумеров означало судьбу, предписанную на неких табличках. Известен шумерский миф о похищении (медных) таблиц Me (залога постоянства) богиней кутийско-курдского происхождения Инаной, у верховного божества Энки (Эйан-йэке) с использованием хмельного напитка. Удивительно, но в курдском языке слово вино, хмель — мей», также восходит к корню — первооснове майн — ма — быть — пребывать. В шумерском мифе говорится о Инанне, напоившей во время застолья Энки хмельным пивом и, когда тот заснул, похитившей таблицы Me (наме «письмо» курд.). Судя по мифу, инициатором застолья был сам Энки:

Советчику своему Исимуду так молвит
наставление ему дает:

— Анну, советчик мой, к слову моему склони свой слух!
Когда Инанна к Абзу, к Эреду приблизится,
Яства жирные, медвяные да отведаст
Воды прохладной, что сердце освежает, да попробует!
Перед львами Эредуга пива дай ей испить!
Душевно ее да встретишь

В застолье святом, в застолье Ана
Да примешь радостно светлую Инанну.

(Перевод Ф.Л. Мендельсона)

Абу — мировые воды, в шумерском, возможно, восходят к курдскому аб — вода, и зу(ва) зу(да) — давным-давно, то есть изначально. Ячмень, из которого получают хмельной напиток — мей (курд.), пришел в Двуречье с гор Загроса (Курдистан). Захмелев от выпитого напитка, бог Энки расщедрился и решил отдать таблицу законов Ме богине Инанне, которая, поблагодарив, уплыла на барке из Эреду в свой город Урук. Протрезвев, Энки опомнился и послал в погоню за Инанной, дабы вернуть эти законы судеб, что ему удастся после нескольких попыток.

В этом «шумерском» мифе с участием кутийско-курдских божеств Инанны и Энки пересказан ни много ни мало ведийский миф о похищении хмельного напитка Сомы, наомы, который действительно разбавлялся алкогольным напитком, приготовленным из ячменя — щэ (курд.-шумер.). Сомы в Ригведе именуется Господином Закона.

Ригведа. Мандала IV, 26

5. Птица вне себя от страха от того, унесет ли она (сому),

Ринулась, быстрая как мысль, в далекий путь.

Быстро прилетела она с медом — сомой,

И орел при этом нашел славу.

6. Прямолетающий орел, держа стебель сомы,

Птица издалека, преданная богам, крепко ухватив

Радостный опьяняющий напиток — сому, нес (его)

После того как он забрал его с того высшего неба.

7. Орел принес сому, забрав (его).

(Перевод Т.Я. Елизаренковой)

Ведийский орел — это птица Анзуд (Индугуд) у шумеров, который, по шумерскому же мифу, похищает сам таблички судеб Ме у бога потопа Энлиля. Совпадения более чем очевидные, учитывая сам факт проживания курдов и в горах Загроса и то, что сами названия сельскохозяйственных злаков: ги — пшеница, щэ — ячмень пришли в язык шумеров из курдского языка. Из них двоих может забродить только ячмень. Вообще ячмень, виноград, хмель, яблоня и малина — те растения, которые служат закваской для брожения, никогда и не

росли в Месопотамии, но все, кроме малины, пришли в Двуречье Тигра и Евфрата в эпоху индоиранской культуры Хассуны и Самарры. Без ячменя с курдским именем щэ эти шумеры вообще бы не могли изготавливать пиво. Это же ведийское предание о снисхождении Сомы с высоты гор (Загроса) сохранилось и в другой индоевропейской греческой мифологии эллинов (аланов), где говорится, как Ганимед был похищен Орлом — Дьяусом (Зевсом) со склона горы Ида в Малой Азии (Фригия) и унесен на Олимп, дабы исполнять обязанности виночерпия и разливать хмельную амриту-нектар бессмертным богам. Кстати, это элино-аланское (греч.) имя героя мифа Ганимед в переводе с санскрита означает Гана — толпа, сообщество (курд. — гонд) и мед — медха — жертвоприношение, на котором у ведических индоариев Куру действительно люди пили и поливали в жертву в огонь хмельной напиток Сому — хаому. В Ригведе Митра является основным божеством, следящим за исполнением в мире космического закона Рита (rita), почитаемые таблицами Ме у шумеров. Соответствия очевидны, учитывая названия сельскохозяйственных растений и самих представлений о некоем Ме, следящем за порядком в мире и космосе.

Ригведа. Мандала III, 59.

К Митре

1. Митра (другом) называемый, приводит в порядок людей.
Митра удерживает небо и землю.
Митра, не смыкая очей, озирает народы.
Митре возлейте жертву, богатую жиром.
Мандала VII, 36
2. А тот, кто зовется Митра, приводит в порядок народ.

По «шумерскому» мифу богиня плодородия с «прототигридским» (курдским) именем Инанна — приносящая рождение (диал. курманджи), похищает Ме, подпоив бога Энки, тогда как в ведийских гимнах индоариев Куру бог Сомы сам приглашается испить хмельной напиток, носящий его же имя.

Мандала I, 136.

4. Да будет этот сома самым благодатным
Для Митры, для Варуны, (он) участник попойки,

137.

1. Мы его выжали — приходите! — камнями
Смешаны с молоком пьянящие эти,
Соки сомы пьянящие эти
[...]
К нам сюда приходите!
О, Митра — Варуна, для вас эти разбавленные молоком
Соки сомы, прозрачные, ...

(Перевод Т.Я. Елизаренковой)

В Ригведе Митра воспевается всегда вместе с Варуной — божеством, олицетворяющим Космические воды, тогда как в шумерской мифологии таблички Ме сокрыты в мировом океане, носящем имя Абзу, сопоставимое с курдским Аб — воды и зу(да) — древний, с давних пор.

Интерес вызывает еще одно совпадение: у шумеров мировые воды Абзу (Апсу), возле которых опьянел Энки, носили и другое имя — Энгур, что в переводе с курдского языка — энгур — виноград, то есть действительно растения, благодаря чьим плодам горцы Загроса и Тавра с VII тыс. до н.э. добывают хмельной напиток мей — вино. Вообще, по представлениям шумеров, Ме сокрыты в глубинах энгура, что в переводе с курдского языка вино-мей сокрыто в глубине плодов винограда-энгура, и в этом смысле шумерский миф соответствует тривиальному латинскому выражению — *in vino veritas*.

Имя Энгур было достаточно распространенным среди курдов мидийцев, и даже существовал царь Энгур, вступивший в войну во время агрессии ассирийских войск в 820 г. до н.э. на страну Манна в горах Загроса.

Все эти совпадения шумерских и курдских традиций совершенно не случайны, а глубоко закономерны, и, судя по курдским названиям шумерских знаков, титулатуры жрецов и слуг храма восходят к эпохе непосредственного пребывания индоариев Хассуны и Халафы в Двуречье в VII тыс. до н.э. Именно из этого индоевропейского, по существу курдского, индоиранского — по имени очага сельскохозяйственной культуры — и происходят шумерские лексические заимствования, формирующие, между прочим, основные черты экономической и религиозной жизни Шумера в III тыс. до н.э.. Зависимость винограда от дождей очевидна, и в Авесте ясно и четко прослеживается связь Митры с Апам-Напатам — отпрыском вод, являющегося персонафикацией благого духа мировых вод.

Алам-Напат наряду с Митрой и Ахура-Маздой носит титул ахура, который указывает на его исключительно высокий ранг по сравнению с другими (кроме этих трех) божеествами, а затем свидетельствует непосредственно об эпохе индоевропейской общности, соответствуя Асурам в Ригведе и Асам в древнегерманской мифологии. По традиции Авесты Митра иногда может выступать в миру в ипостаси Апам-Напата и направлять течения вод.

Авеста, Михр-яшт (XV)
61. Мы почитаем Митру
Прямостоящий, бдящий,
Все видящий, отважный,
Внимающий молитвам,
Он направляет воды.
Растения растит,
Он борозды проводит.

(Перевод И. М. Стеблин-Каменского)

В этих стихах чувствуется восхищение древних индоариев Куру, обитавших в долинах Загроса силой горных потоков, которые необходимо было пройти, дабы добраться до тех недоступных скальных вершин, на которых рос дикий виноград.

Курды помимо имени Энгур называют виноград и Търи, а владельцев виноградников Търимьлк, что соответствует этнониму Термилы, которым в эпоху античности обозначали ликийцев — исконных жителей Малой Азии. Воспоминание о древнем народе Термилы сохраняется в этнониме курдского племени Търимыли. Это говорит об участии в этногенезе курдов Передней Азии индоевропейских ликийско-лувийских хеттских племен.

Курдские слова търи — виноград, и глагол майин — ме ма послужили основой сложения имени индоиранского божества Митры — Мехри, по сути, состоящего из двух корней: Ме — быть, и Търи — виноград. Кстати, и шумерское имя Ме возводится к глаголу быть, существовать. Превращение имени Митра в форму Мехри свидетельствует о широком распространении культуры виноградарства в древности на всей территории Восточного и Западного Ирана и далее к западу гор Загроса и Тавра в Передней Азии.

Винограду для созревания необходимы солнечный свет и тепло. Солнце ведические индоарии Куру именовали Сурья, к которому и

восходит курдское Сор — красный, алый, тогда как иранцы называли Хор — Хвар. Именно вследствие чередования древнего индоевропейского ведийского S > h в иранских языках уже в эпоху Авесты (2000—1800 гг. до н.э.) имя бога солнца Сурья стало именоваться Хвар у предков иранцев. Одно из самых крупных курдских племен носит имя Сорани, по которому их наречье названо диалект Сорани, сохраняет в своем этнониме более древнюю ведийскую, а не иранскую традицию.

Упоминание в аккадской надписи Нарам-Суэна (2200 г. до н.э.) страны Мехри (Ме — хвар) и войны с (h) умма — Манда (курманджи) в горах Загроса лишней раз доказывает автохтонное происхождение курдского этноса в Передней Азии, из языка которых заимствовали «свои» сельскохозяйственные термины — шумеры. Сами аккадцы не умели выращивать виноград.

Оружием индоиранского бога солнца, воды и растений Митры-Михри служил бронзовый топор — секира вазра, извечное и грозное оружие курдских воинов — марданов и пешмерга, которое встречается и далеко от Мидии — Мехри на Южном Урале у скифско-мидийских племен будиев.

95. Мы почитаем Митру...

—

Что землю вширь проходит

96. В руке топор стоострый.

Он держит стодарный

Мужей валящий вниз

Из желтого металла

Отлитый золоченый, —

Сильнейшее оружие

И самое победное,

97. Тrepещет пред которым

Тлетворный Анхра — Манью

—

98. Пускай не поразит нас

Ударом грозным Митра.

«Михр-яшт (XXIV)».

(Перевод И. М. Стеблин-Каменского)

Именно с этим исконно курдским оружием секирой-наждах и изображен вождь лулубеев Лишир Пирини, сын Иккиб-шахмада, в

*Скальный рельеф Лишир-пир'уни.
Конец III тысячелетия до н.э.
Схематическая зарисовка*

Курдистане возле современного города Зохаб, у перевала, ведущего в Курдистан с равнины Диалы на Иранском нагорье.

Подобного металлического оружия шумерская армия не имела, а в аккадской армии, просуществовавшей только 100 лет, наличие у отдельных групп воинов секир объясняется уже заимствованием у кутиев-курдов, поскольку собственных рудников в Месопотамии никогда не было, а весь металл в Междуречье доставлялся из Ма-

лой Азии из-за гор Тавра и Загроса на западе и из Дрангианы в Афганистане. Напротив, не только кутии-курды гор Загроса и Тавра, но даже и далекие ираноязычные сарматы-савроматы всегда были вооружены боевыми топорами-секирами.

О зависимости Месопотамии от металла, добываемого кутиями в горах Загроса, свидетельствует количество металлических изделий, вывозимых ассирийскими войсками после нападения, грабежа и разорения курдского государства Манна. В середине II тыс. до н.э. имя индоиранского бога Митры упомянуто в договоре царя Митанни Маттивазы и царя хеттов Суппилулиумаса.

Все эти факты в своей хронологической последовательности подтверждают, что родиной индоариев Куру является Передняя Азия, Месопотамия и Иранское нагорье.

Курдистан-Урмия — «Страна виноделия»

Курдистан — поистине страна, где зародилось виноделие, поскольку, как определили ученые, дикая виноградная лоза *vitis vinifera*, из которой в древности был выведен культурный виноград, первоначально произрастал в горах Загроса в районе обитания предков курдов-кутиев в Мейандобской долине и районах, прилегающих к озеру Урмия (Ур-мея — города вина). Археологи при раскопках в Мей-

андобской долине в Курдистане обнаружили глиняный сосуд, датируемый VI тыс. до н.э.

В этом большом, в человеческий рост, глиняном сосуде был обнаружен густой высохший осадок вещества. Химический анализ, проведенный учеными, показал, что этот густой слой представляет собой винный осадок хмельного напитка и изготовлен из винограда в VI тыс. до н.э. местными жителями — кутиями и лулубеями (предками современных курдов).

По Библии, после потопа ковчег пристал к горе Арарат, которой, по курдским и ассирийско-аккадским преданиям, является гора Джуди-Даг. Там Ной вышел из ковчега на землю и насадил виноград.

«И выпил он вина, и опьянел, и лежал обнаженным в шатре своем» (Быт. 9: 20—21).

Ур-мейя в переводе с курдского означает «поселение одного рода племени-виноделов» — сборщиков виноградного хмеля, закваски».

Другой топоним — Мейандуаб на курдском языке значит «виноград (из долины) двух рек».

Государство Урарту — поселения Арты (иранская богиня справедливости) — это исконно Курдистан, поскольку сами жители Урарту называли себя Наири (поселение в Курдистане) и никогда не называли себя уруратрийцами.

Вполне возможно, что сам топоним Уруатри исконно индогерманский, курдский от курдского Уру-уару — поселение и атрии (atiri-odri), огонь, поскольку индогерманские племена в древности поклонялись Огню — Одину — Вотану.

Мехри и первое расселение индоариев Куру

Курдская область Мехри в районах Загроса является древним центром земледелия и виноградарства. Это подтверждается и тем немаловажным фактом, что мигрировавшие в этот район другие народы

*Местонахождение горы
Джуди-Даг*

продолжали называть зерно заимствованным из курдского языка именем. Так, прибывшие в Переднюю Азию в начале II тыс. до н.э. индоевропейские племена хеттов называли зерно *kaít*, как и восточно-кавказские хурриты — *kate*, хаты — *kaít*. Это слово и является самоназванием курдов-кутиев в III—I тыс. до н.э. в шумеро-аккадских и ассирийских клинописных текстах, где часто говорится о Мехри как о стране кутиев — неразумных людей. Таким образом, чисто по индоарийскому курдскому наименованию зерна, заимствованному пришлым населением у кутиев, мы можем говорить о курдах — потомках кутиев, как об автохтонных, наиболее древних жителях Загроса и всей территории Передней Азии и Иранского нагорья. В этом отношении представляет собой особый интерес и полное совпадение курдского термина — этнонима у шумеров кутий от курдского *котан* — толочь, дробить пшеницу, и начиная с III тыс. до н.э. — *котан* — плуг», с поздним иранским *kurtae* — делатель, создатель (нин/Гирсу — великий пахарь от курдского *гърар* и *гъре* — вязать снопы; шумерское (Нин) *урта* — божество плуга, и латинское — *hordeum*, ячмень). Латинское *аго* — пахать землю, и *hortus* — сад, огород. Все эти совпадения указывают на исконно индоевропейский характер древних жителей как Загроса, так и первых земледельцев Двуречья в Нижней Месопотамии, поклонявшихся божеству плуга Нин Гирсу — Нин-(h) Урте, атрибутом которого являлось копье (для разрыхления почвы).

В Авесте, как и в шумеро-аккадских источниках, область Мехри называется «страной земледельцев». По поверьям зороастрийцев, изложенным в Авесте, изначально во Вселенной существовали три священных огня: 1 — Атур Фарнбаг, 2 — Атур Гушнасп, 3 — Атур Михрбан, утвержденных самим верховным божеством Ахура Маздой. Эти огни соответствовали трем кастам — Варнам, на которые подразделялось древнее общество индоариев куру — курдов. Первая каста — священники (брахманы — пиры) — поклонялись огню Фарнбаг; вторая каста — цари-воины (раджанья-Хшайхшатра) — поклонялись огню Гушнасп, тогда как третья каста — земледельцы (вайшья — мърды) — поклонялись огню земледельцев Бурзен Михрбан. Область Барзан до настоящего времени сохранилась под своим именем в Курдистане в горах Загроса в верховьях реки Большой Заб, где в эпоху Шумера и проживали кутии-мельники, молотившие *котан* — пшеницу. Имя Барзан помогает лучше увидеть границы древней земледельческой области Мехри. Зерна пшеницы и ячменя идут в пищу, что в курдском языке называется Хварр, а условно — хлебное мес-

то, Хварразим — питающее пространство. Земледелие подразделяется на экстенсивные и интенсивные формы. В древности преобладала экстенсивная форма земледелия. Мировая наука полностью доказала сам факт зарождения культуры пшеницы и ячменя в горах Загроса в VIII тыс. до н.э., и, следовательно, распространение земледелия по всему Старому Свету (Евразия) началось именно с территории Курдистана. Авеста вопреки своему религиозно-мифологическому содержанию излагает факт расселения индоариев и распространения экстенсивных форм земледелия строго в соответствии с археологическими данными, известными современной науке.

Авеста, гл. 17 «Бундахишн»: (о священном огне Борзен-Михрбан): «(1) Эти три огня суть Атур Фарнбаг, Гушнасп и Бурзен-Михр. (2) От начала сотворения мира они существуют в благодати именно в таком виде, как Ахура-Мазда определил их благодать [фарр] для охраны и защиты мира. (3) И в период царствования Тахмураса на спине быка Сришока, когда переселялись люди из Хванираса (мифическая прародина иранцев) в другие климаты земли, однажды ночью посреди моря при сильном ветре упал алтарь с огнем со спины быка, на которой он был установлен. Тогда все три [этих] огня, подобно трем благодатям [фаррам] загорелись на месте [этого] алтаря огня, и вновь стало светло, и те люди смогли пересечь море. (5) А Йима (у Фирдоуси — Джемшид) во время своего царствования благодаря помощи тех трех огней правил более успешно. И установил он Атур Фарнбаг в храме (dadqah) на горе Хваррохомахед в Хорезме (pad Xwarazm). А когда Йима был предан, то именно Атур Фарнбаг спас его фарр от посягательств Дахака (у Фирдоуси — Зоухак). (6) В царствование царя Виштаспы благодаря откровению свыше (букв. «откровению из веры» [его] [Атур Фарнбаг]) перенесли из Хорезма на гору Рошн, которая около селения Карнийан, и до сего дня этот огонь находится там. (7) Атур Гушнасп до царствования Кей-Хосрова также защищал мир. Когда Кей-Хосров разрушал капища идолов, он [огонь] сиял на гриве [его] коня, разгонял тьму и освещал мир. И так было все время, пока [Кей-Хосров] разрушал капища идолов. И там, на горе Асनावанд, был основан храм этого огня. Его называют «Гушнасп», потому что он находился на гриве коня. (8) Атур Борзин-Михр до правления царя Виштаспы также сохранял мир. Когда Заратуштра с бессмертной душой провозгласил [свою] веру, то для распространения, чтобы сам Виштаспа и его потомки придерживались веры богов, огонь (Атур Борзин-Михр) показал многие знамения. Виштас-

Страница из Авесты

па основал его храм на горе Реванд, которую называют «хребет Виштаспы».

При историческом анализе этого индоевропейского текста из Авесты, мы видим смешение двух эпох: древней — с культом быка, восходящей к культуре Халафы (V — IV тыс. до н.э.), и более поздней — с культом коня, знаменующей культуру Ригведы (IV — II тыс. до н.э.) Именно этого и не заметили все без исключения исследователи текстов Авесты. Действительно, в одном тексте говорится о двух исторических периодах, которые не со-

ответствуют одной эпохе. С точки зрения мифологии культ Быка соответствует эпохе культуры Халафы и затем Шумеру, а культ коня — периоду господства касситов в Месопотамии. Авеста в отличие от Ригведы воспевает «душу Быка», Гауш Урван, и в этом отношении тяготеет к Месопотамии с распространенным здесь в древности культом Быка. Для курдов Передней Азии и Месопотамии вопрос о географической локализации текстов Авесты имеет принципиальное значение, поскольку крупное курдское племя, обитающее в верховьях Тигра, именуется Горани — быкастые.

По всей видимости, об этой эпохе культа быка в Передней Азии говорится и в Библии в эпизоде о евреях (выходцах из Ура Халдейского), поклонявшихся Золотому Тельцу на горе Синай. Син — бог луны Нана в облике быка у шумеров и аккадцев. На сегодняшний день только курды-горани в своем имени продолжают сохранять прямую связь с культом быка древних жителей Месопотамии и Передней Азии.

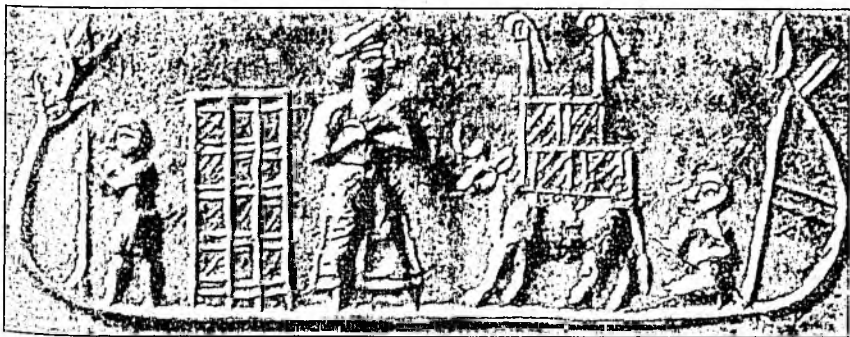
Крупный рогатый скот на Ближнем Востоке и Месопотамии был одомашнен в VI тыс. до н.э. и поклонение «душе Быка» древних иранцев, по Авесте, восходит именно к этой эпохе. Авеста датирует первое расселение индоариев этим историческим периодом, особо отмечая

роль мифического быка Сришоки, на спине которого и вывезли три священных огня из страны — прародины всех иранцев — Хванираты.

Курды сыграли главную роль в первом расселении индоариев с гор Загроса в Нижнюю Месопотамию, Среднюю Азию, Южный Урал, степи Северного Причерноморья. Авеста исходит из единства иранского этноса, принявшего участие в первом расселении, что находит свое полное обоснование и убедительное подтверждение в историко-этнографической науке. Так, еще Геродот (V в. до н.э.) отмечал в своей «Истории» родство скифского племени Южного Урала будинов и балкано-фракийского народа сигинов к курдам-мидийцам. Однако время «Истории» Геродота — это уже условно называемая эпоха Лошади, а не более древняя эпоха Быка, в которую, по Авесте, началось расселение индоариев в другие «климаты» земли.

Тот факт, что, несмотря на смену эпох религиозного культа, скифы — конники Южного Урала, будины и сигинны — конники Фракии признавали свое родство с будиями-мидийцами, обитавшими с незапамятных времен в горах Загроса и Тавра в Курдистане, свидетельствует о том, что в переселении индоариев из Передней Азии и Месопотамии в Европу, состоявшемся до того исторического периода, когда была одомашнена дикая лошадь, самое непосредственное участие принимали древнекурдские племена. О широком расселении курдов-иранцев на территории от Передней и Средней Азии до Балкан и Южного Урала в Европе говорит и Авеста, когда в одном тексте упоминает о двух животных — лошади и быке, одомашненных человеком в разных географических областях и в разные исторические эпохи.

Шумерский царь Урука сопровождает перевозимый на спине быка жертовник. Оттиск цилиндрической печати. III тыс. до н.э.

Но расселение курдов-кутиев проходило не только на север, но и с гор Загроса на юг в Месопотамию и даже в дельту Нила. Что касается Шумера, доказательством переселения в Двуречье и основания здесь первой цивилизации Шумера служит самоназвание жителей этой страны — Кингир [Киэн — гир], имя которой напрямую соотносится с кутийским кин — страна, город, крепость [место жительства] и курдским — кэнар — край, сторона, окраина; конце бәре — морской залив. Другое имя страны Шумер в курдском — шьмер встречается в индийских преданиях о прародине индоариев Куру возле священного места «шь» возле гор Меру (шьмер — шумер). При этом индийская гора Меру соответствует авестийской горной области Хара Березаити, то есть району Барзан в горах Загроса, где в древности располагалось государство кутиев — курдов Мехри, откуда, по Бундахишну (17), и началось расселение на быках предков индоариев Куру. В другом тексте Авесты ни в одной из стран (районов) обитания иранцев не упоминается о лошадях.

В Видевдате говорится:

1. Сказал Ахура-Мазда Спитаме Заратуштре:
2. Во-первых, наилучшую из стран и мест обитания Я, Ахура-Мазда, сотворил: Арианам Веджа
- 4) Во-вторых... сотворил Гаву [Гава бычья (страна)]
- 5) В-третьих, сотворил Моуру [Мерв — др. Меру]
- 6) В-четвертых... сотворил: Баҳди [Бохтан — Бактрия]
- 7) В-пятых... сотворил: Нисайу [Ниса]
- 8) В-шестых ... сотворил: Харойву [Ария в Афганистане]
- 9) В-седьмых ... сотворил: Вэкерту
- 10) В-восьмых ... сотворил: Урву
- 11) В-девятых ... сотворил: Вэхркану [V?hrkana — волчья страна]
- 12) В-десятих ... сотворил: Харахвати [Кандагар, др.-греч. Арахозия — Макрон — Мехран в Белуджистане]
- 13) В-одиннадцатых ... сотворил: Хазтуман [Хильменд в Афганистане]
- 14) ...
- 15) В-двенадцатых ... сотворил: Рагу [Рей в Мидии]
- 16) В-тринадцатых ... сотворил: Чахру
- 17) В-четырнадцатых ... сотворил Вару четырехугольную
- 18) В-пятнадцатых ... сотворил: Хапта — Хинду [семь индийских областей область в р-не Инда и Пенджаба]

По Авесте, древние индоарии, еще до того как была одомашнена дикая лошадь, уже расселились на обширной территории протяженностью от Южного Урала — страны Арийанам Вэджа, где 10 месяцев зима, а два — лето, на севере, до страны Харахвати — Мехри в Загросе на юге, откуда часть иранцев переселилась в Афганистан в район Кандагара.

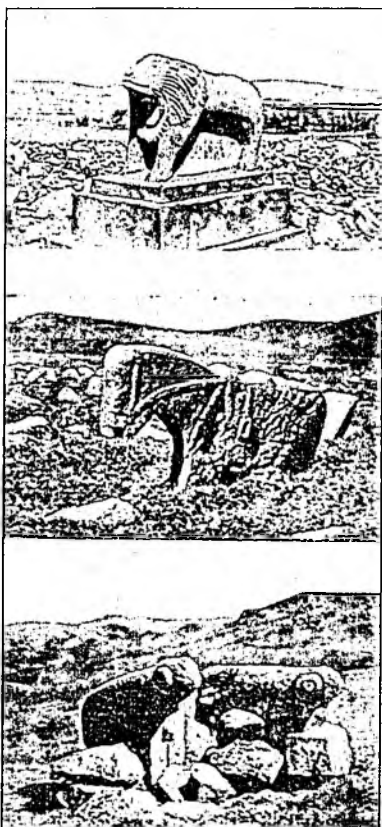
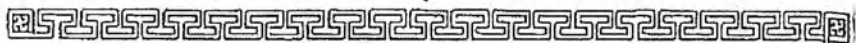
Авеста, говоря о Нисайе, не упоминает о знаменитых мидийских-нисейских конях, из чего следует вывод о том, что в период сложения Видевдата дикая лошадь еще не была приручена. Далее следует область Вэхрану — страна волков, ставшая позднее Гирканией и Бахди, то есть Бохтан в горах Загроса в Курдистане, откуда унаследовали свое имя иранцы Пактии — носившие козы шкуры, по свидетельству Геродота (История VII, 67).

Напротив, вопреки более поздней эпохе курдских нисейских коней в Авесте говорится о более древней Гава-Гауа — бычьей стране, рядом с землей Щь-Моуру (Шь-Мер — Шумер) — Киенгир (кут.-курд.). То, что первыми жителями земли Шумера были кутии-курды, следует из названия поселений шумеров — Уру, восходящего прямо к курдскому уар (war) — место, занимаемое одним родом племени или села на кочевье (курд. яз. диал. курманджи). Во французском индоевропейском языке слово rue — улица, в башкордском ырыу — род — племя, а урак — жатва урожая, урак — серп хлебороба. Шумерское земля кормления Аша-кур соответствует курдскому аш — мельница. И поскольку земледелие в Двуречье принесли выходцы с гор Загроса, а не пришельцы из-за океана — шумеры, то, следовательно, о расселении земледельцев с быками в эпоху Халафы по всей территории Нижней Месопотамии, включая земли будущего государства Шумер, в Авесте повествуется о переселении индоариев (куру-кутиев) в область Щь (курд.)-Меру.

Расселение по Месопотамии начиналось в направлении с севера с Загроса на юг к Персидскому заливу, к месту впадения в море Тигра и Евфрата.

Авеста располагает государство индоариев Меру рядом с Гава — бычьей, Бахди (Бохтан-су в Курдистане) Нисайей, то есть Нисой в Мидии, Вэхрану-Гирканией в Мидии на юге Каспийского моря.

Все эти области и особенно Гава, имя, совпадающее этимологически и семантически с этнонимом курдов Горани, а исторически с культом быка в религии Шумера, заставляет предполагать, что под именем Моуру в Авесте говорится о Шумере. К этому же выводу нас

*Типичное курдское надгробие
со скульптурами льва,
коня, барана*

подводит и наличие курдско-индоиранских лексических заимствований из языка шумеров, из так называемого прототигридского (кутийско-лулубейского) автохтонного языка коренных жителей Загроса, то есть протокурдов.

Повествование о расселении индоариев в Авесте начинается с Иранвэджа — Арийского простора, с Урала, где «10 месяцев зима, а 2 — лето», и доходит до Хапта-Хинду в Пенджабе на границе с Северной Индией, с курдским княжеством Мехри в Загросе, расположенного как бы в центре культурного мира той эпохи. Указание на направление миграции индоариев Куру, протекавшей именно с запада на восток из Передней Азии в Северную Индию.

Многочисленные факты этнографии индоиранских народов подтверждают достоверность как текста Авесты, так и само западно-восточное направление переселения индоариев Куру из Передней Азии в Северную Индию, через территорию Афганистана и Пенджаба.

Этимология имени Курд: Курд — Кара — Народ — Войско

Читателям будет интересно узнать о том, что обозначение — «Армия» является общим термином для всех индогерманских языков. Эта общность термина как раз и является почти математическим доказательством древности самого курдского этноса, которая напрямую восходит к эпохе распада некогда единой индогерманской общности в IV—III тыс. до н.э.

В древнеперсидском языке, царей Ирана Ахеменидов, на котором составлены надписи, термин *kaṛa* означает «народ — армия»; «сложение — дружина», тогда как суффикс — *a* является показателем множественного числа имен существительных в курдском языке.

В Ригведе термином Куру назван передовой отряд армии ариев. В языках западного ареала индогерманской общности наименование «Армия», как писал французский лингвист Эмиль Бенвенист, является общим термином для германских языков: гот. *harjis*, др. — исл. *hegr*, древне-верхне- нем. *hari*. Уже в форме *hari* это слово встречается несколько раз в рунических надписях. (Э. Бенвенист. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995. С. 89.)

Древнегерманские рунические надписи, являющиеся прямым доказательством начала зарождения письменности у германских народов, напрямую свидетельствуют о том, что сам термин *kaṛa* > *harjis* > *hegr* > *hari* вышел из народного индогерманского языка, а не является каким-нибудь книжным заимствованием. И как пишет Э. Бенвенист: «Это слово имеет соответствие в кельтском ареале; форма *harja* точно совпадает со среднеирландским *cuire* < *koṛu* — армия, что подтверждается галльскими этнонимами: *Vo* — *corii*, *Tri* — *corii*, *Petru* — *sooi*; эти народы получили такие названия в силу того, что они имели два, три или четыре войска и образовывали союз, включавший разное количество племен. К тому также имеется балтийская, если даже еще не славянская, параллель: лит. *karjas*; др. прусск. *karjis* — армия. (Указ соч. С. 89.)

Племена Мехри на Востоке в Белуджистане

К северо-западной группе иранских языков принадлежит, как и язык курдов Загроса, язык белуджей, самоназвание — балудж (*Baluj*). Основная масса белуджей живет в Иране, Пакистане, Афганистане, Индии. Наиболее компактно, без иноязычных вкраплений белуджи живут в области, носящей их имя, — Белуджистан — страна белуджей, разделенной в настоящее время между двумя государствами — Ираном (Западный Белуджистан) и Пакистаном (Восточный Белуджистан).

Население Белуджистана на 1983 год превышало четыре миллиона человек. Столицей Белуджистана является город Кветта. Поскольку белуджи издревле обитают в долинах высоких гор, их страна и называется Балу — видный, известный (в смысле высокий), джи —

место, местность (курд.). Белуджи составляют более 60 процентов населения провинции Белуджистан. Язык белуджей подразделяется на два диалекта: северо-западный и юго-западный. Так, Мехранским называется юго-западный диалект языка и самым непосредственным образом указывает на прямое этническое родство группы племен белуджей с курдско-кутийским государством Мехри в горах Загроса.

Воспоминания о своей древней прародине на западе от Белуджистана в Передней Азии и Иранском нагорье чудесным образом сохранились в многочисленных исторических преданиях белуджей, а не только в названии мехранского диалекта. В старинных преданиях говорится, что еще до рождения пророка Мухаммеда (570—632 гг. до н.э.) белуджи обитали в горах Передней Азии, окружающих город Халеп (Алеппо), а затем были вынуждены уйти на восток, где поселились в горных районах между Индом на востоке и Систаном на западе. Необходимо указать, что и бахтиары имеют предания, подобные историческим преданиям белуджей, в которых сохранились воспоминания о своем (бахтиарском) пребывании на Ближнем Востоке, подкрепляемые антропологическим сходством физического типа представителей своего иранского племени с друзьями Ливана и Сирии. Антропология подтверждает историческое предание Белуджей и Бахтиар об их миграции на восток с запада — Ближнего Востока и Передней Азии, тогда как язык белуджей в названии своего юго-западного диалекта сохраняет древнее название страны индоариев — Мехри, располагавшейся в горах Загроса.

По другому историческому преданию, белуджи пришли с южных берегов Каспийского моря и этнически состоят в родстве с курдами. Это второе предание является версией первого, поскольку на территории древнего курдско-кутийского государства Мехри эпохи Шумера и Аккада III тыс. до н.э. к концу II тыс. — началу I тыс. до н.э. сложилось государство курдов — Мидия, включавшее в себя и области южного Каспия, откуда по преданию вышли белуджи. Эти исторические воспоминания белуджей о миграции их индоиранских предков с запада на восток полностью разоблачают от начала до конца теорию некоторых ученых о некоем «восточном происхождении (!)» западноиранских племен. Эту теорию о восточном происхождении западноиранских племен и их постепенном продвижении с востока на запад Ирана в IX—VII вв. до н.э. выдвигали и ее придерживались Эд. Мейр, Дж. Кэмерон, Х. Ньюберг, Г.А. Меликишвили, И.М. Дьяконов и др.

Ошибочность теории о восточном происхождении западных иранцев (курдов-белуджей) состоит, во-первых, в том, что сами белуджи — западные иранцы живут на востоке, сохраняя при этом историко-этнические предания о миграции своих предков (индоариев Куру) из Передней Азии и Ближнего Востока, где действительно вс II тыс. до н.э. жили индоиранские племена гиксосов-касситов (бахтиары) и хурриты-матиены (курды), имевшие свои государства княжества Хана, Митанни на Евфрате и Хабуре и города Шаррукен, Аварис в дельте Нила.

Во-вторых, теория о восточном происхождении западных иранцев абсолютно не учитывает и не берет во внимание исторические предания белуджей о миграции своих далеких предков с запада. Е свете этого никак уж невозможно говорить о какой-либо научности этой теории, поскольку сознательно умалчиваются этнические предания изучаемого народа, которые напрямую опровергают эту гипотезу. Само название белуджского юго-западного диалекта — Мехрани, указывает на древнее государство Мехри в горах Загроса, основанное в III тыс. до н.э. в эпоху Шумера и Аккада курдами говорящими так же, как и белуджи, на западном диалекте иранского языка.

Наличие курдско-иранского государства Мехри, судя по шумеро-аккадским источникам, уже в III тыс. до н.э. полностью опровергает и другую теорию этногенеза иранцев, согласно которой ираноязычные группы, пройдя через Кавказ, появились на северо-западе Ирана не ранее конца X—IX вв. до н.э. Затем, по мнению ученых, выдвинувших сию гипотезу, эти немногочисленные группы ираноязычных иммигрантов быстро продвинулись с северо-западных окраин Ирана на восток (мидяне) и юг (персы) (Г. Гюзинг, Ф. Кениг).

Несостоятельность этих противоположных теорий заключается хотя бы в том, что они базируются на одном источнике — ономастическом материале ассирийских текстов, хотя прекрасно известно о позднем проникновении в глубь Загроса самих ассирийцев. Сам факт возможности на одном материале создать две противоположные гипотезы свидетельствует о сильной полисемантической ассирийской ономастике I тыс. до н.э., которую можно толковать как заблагорассудится. Логически невозможно вывести две противоположные теории из одних фактов, как нельзя говорить о треугольнике как о параллелограмме или шаре. Следовательно, две эти теории неверны, что особенно заметно из невозможности применения ассирийских

текстов, возникших только в XIV в. до н.э., к более древнему периоду истории Загроса и всей Месопотамии, III тыс. до н.э., к эпохе возникновения кутийско-курдского государства Мехри, название которого прекрасно сохранилось как диалект белуджского языка Мехри

Ассирийские тексты не упоминают об индоиранском населении Загроса только вследствие позднего возникновения самих надписей ассирийских царей, и даже о ранней истории Ассирии мы можем узнать лишь из шумеро-аккадской клинописи, в которой уже было отмечено кутийское государство Мехри.

О том, что ассирийские надписи царей не являются сколь-нибудь серьезным историческим источником по этнографии индоевропейских народов Передней Азии и Месопотамии, свидетельствует следующий факт. Так, хетты — легендарный народ Малой Азии — до середины XIX в. были известны только по данным Библии, и лишь благодаря находке архива хеттских царей в Хаттусе и успешной дешифровке его клинописной и иероглифической письменности подтвердилось их существование. Хеттское царство было крупнейшей державой Древнего Востока, соперничавшей с Египтом. Ассирийские источники, на которые так любят ссылаться некоторые историки, вообще не говорят о хеттах, владевших всей Передней Азией на протяжении почти одной тысячи лет и даже сокрушивших вместе с касситами Загроса царство Вавилона в Нижней Месопотамии. Именно в эту эпоху II тыс. до н.э. предки белуджей, как и индоарии Куру, покинули горы Загроса (княжество Мехри) на западе и двинулись на восток в военном походе, завершившийся завоеванием Северной Индии. Эти исторические события древности подтверждает социальная структура белуджского общества в Мекране (Мехране) и названия племен. Дело в том, что ведические индоарии Куру подразделялись на 4 касты: 1) священники — брахманы, 2) цари — раджанья, 3) воины — мириды и 4) простой народ. Это древнее деление индоариев Куру на 4 касты продолжает сохраняться в обществе современной Индии на востоке и у курдов-езидов на западе в районе мест их обитания в Загросе. Еще следует отметить, что в древности сами племена представляли собой ту или иную касту (воинов, земледельцев, ремесленников), а не подразделялись на касты как единое общество. В этом отношении каста представляла собой этноконфессиональную единицу ведийского общества. Именно по этому весьма архаичному признаку все белуджи-мехранцы подразделяются на два крупных племени — бугти (бегти — цари — предводители)

и мари (от мэрах — копье, курд.). Племя-каста воинов копьеносцев мари у белуджей Мехрани соответствует в известном индоарийском смысле касте-мьрьд у курдов-езидов Загроса. В своем этногенезе курды-мьрьды и белуджи мехри-мари восходят к касте maṛjāni у индоариев Митанни в Передней Азии, основавших свое хуррито-матиенское княжество в верховьях Хабура и Евфрата в XVIII в. до н.э. Сами митаннийские индоарии являлись выходцами из кутийско-курдского княжества — Мехри, располагавшегося возле оз. Урмия. Родство курдов и белуджей находит свое подтверждение и в курдской среде. Так, одно из курдских племен Загроса, проживающее возле города Ревандуза в Южном (Иракском) Курдистане, до настоящего времени носит название Балоджан (Balocan). Этим курдским этнонимом в Загросе подтверждается историческое предание белуджей о переселении их далеких предков с запада на восток к берегам реки Инд из Передней Азии и Ближнего Востока. Имя этноконфессиональной касты мьрьд у курдов и название белуджского-мехранского племени Мари позволяет надежно определить миграцию индоариев с запада на восток в середине II тыс. до н.э.

Имя мари-мьрьд впервые как название кастового военного сословия марьяну — воины, становится известным на Ближнем Востоке и Месопотамии у представителей арийской аристократической верхушки в государстве Митанни в середине II тыс. до н.э. Каста воинов марьяну сформировалась из аристократических родов и племен индоариев, которые представляли собой армию колесничих. Название касты хурритов-матиенов происходит от исконно индоевропейского корня maṛ, что уже свидетельствует о пребывании индоевропейских племен-автохтонов в Передней Азии во II тыс. до н.э.

В др.-индийском тагуа — молодой человек, тогда как в авестийском (др.-иран.) тагуа — воин-юноша, член мужского союза. Как писал французский лингвист иранолог Эмиль Бенвенист: «...индоиранское слово тагуа обозначает молодого человека не вообще, а имеющего определенный статус: это прежде всего юноша, определяемый с точки зрения его любовных отношений, т.е. юноша, достигший брачного возраста. Таков обычный смысл этого слова в индийских языках. В иранском слово тагуа приобрело отрицательный смысл: это слишком горячий молодой человек, необузданный воин, разрушитель и даже разбойник. Правда, это значение зафиксировано только в текстах Авесты. Другие свидетельства говорят о сохранении и в иранских языках древнего смысла, например пехл.

Merak — молодой муж. (его «Словарь индоевропейских социальных терминов. С. 169.)

Наличие слова *maritus* — муж — в латинском языке и *meirakion* — мальчик — в древнегреческом свидетельствует о праиндоевропейском характере и значении этого термина. При этом следует указать, что сами латиняне считали родиной своих предков Переднюю Азию, которую покинули вслед за Энеем, после гибели Трои в XIV в. до н.э. Эллина пришли в Элладу с севера Балкан, но, по древнегреческой мифологии, местом рождения их родового божества Зевса — Дьяуса, Господа Светлого неба, была гора Ида в Малой Азии. Историко-географические и ономастические данные ассирийских и урартских текстов X—IX вв. фиксируют топоним Ида (район Хасанлу) наряду с Гильзаном, Алабрией, Эллиппи как раз на северо-западе Иранского нагорья, то есть немногим меньше 200—300 лет после крушения Трои и миграции ликийского племени Энея в Лациум из Передней Азии.

В свете этих исторических фактов становится ясным автохтонный характер происхождения названия касты-воинов *тагуаппи* в Передней Азии, наличествующее в лексике как индоиранских, так и латинском языках, распространенных на разных полюсах индоевропейского мира. Это отмечали и лингвисты, например Э. Бенвенист, писавший: «Слово *maritus* характерно для латинского языка. [...] — *maritus* определяет положение мужа с юридической точки зрения. [...] Если рассматривать слово *maritus* исключительно как латинский дериват, то его интерпретация не представляет трудностей. [...] Можно предположить, что в далеком прошлом этот термин обладал институционной значимостью и обозначал класс молодых воинов. Это одно из древнейших слов, поскольку термин *тагуаппи*, обозначающий класс воинов, фигурирует среди индоиранских терминов, которые мы обнаруживаем в текстах Митанни XIV в. до н.э.; в них фигурируют также имена таких важных божеств, как Индра, Митра и Насатья». (Указ. соч. С. 169.)

Наличие, по определению Бенвениста, отрицательного смысла «разбойник» в слове *тагуа* в иранских языках подкрепляется авестийским *marəsa* — разбойник, убийца, которое имеет уже этническое значение для группы иранских племен Южного (иранского) Прикаспия, четко фиксируемых в древнегреческих источниках.

Значительно позднее, почти через тысячу лет после распада индоарийского княжества Митанни в горах Загроса о мари-марьянну, как о племени, живущем в области Мари в верховьях Евфрата (на тер-

ритории прежнего государства Митанни), сообщил Геродот в своей «Истории». Учитывая миграцию касситов-бахтиар под давлением с севера хурритов-матиеннов княжества Митанни, можно проследить переселение индоарийских племен марэθэ — мары у белуджей с запада с территории Верхней Месопотамии на восток в долины Инда

Вместе с племенами мари-мары Геродот упоминает и макронов-мехраны, перенявших от семитов обрезание и обитавших в Передней Азии в районе реки Фермодонт, где по преданию греки разбили мидийских амазонок и затем перевезли их в скифские степи. Геродот пишет: «Только три народа на земле искони подвергают себя обрезанию: колхи, египтяне и эфиопы. Финикийцы же и сирийцы, что в Палестине, сами признают, что заимствовали этот обычай у египтян. А сирийцы, живущие на реках Фермодонте и Парфении, и их соседи макроны говорят, что лишь недавно переняли обрезание у египтян. Это ведь единственные народы, совершающие обрезание, и все они очевидно, подражают этому обычаю у египтян» (История II, 104).

Упоминание об обряде обрезания, перенятого макронами-мехраны у египтян, напрямую указывает на участие касты воинов Марьяну у индоариев Митанни в завоевании Древнего Египта в XVIII—XVI вв. до н.э. вместе с гиксосами, где ими в дельте Нила были основаны два поселения — Абарис и Шаррукин. О древности обряда обрезания у курдов, восходящего своими языческими корнями в доисламскую эпоху, свидетельствует и такой важный факт, как наличие этого обряда обрезания у курдов-езидов, поклоняющихся Солнцу, как и ведические индоарии Куру.

Именно у курдов-езидов одна из четырех каст носит ведийско-авестийское имя воинов — мърьд (marya), которые чтят Солнце как родовое божество Ро и совершают обряд обрезания, как древние египтяне. Все эти факты доказывают участие предков курдов кутий-мехранцев в походе гиксосов на Древний Египет в XVIII веке до н.э.

Мехри в эпоху индоариев Митанни

Историческая наука не имеет каких-либо сведений о кутийско-курдском княжестве Мехри в горах Загроса в эпоху господства в регионах Ближнего Востока и Верхней Месопотамии царей индоарийского государства Митанни во II тыс. до н.э. Это весьма примечательный факт, который можно объяснить только этнической идентичностью мехранцев и митаннийцев Загроса. Большим под-

тверждением этой точки зрения является наличие курдской лексики в языке Шумера в III тыс. до н.э., определяемый как прототигридский язык автохтонных жителей Загроса. Другим свидетельством служит текст Авесты, указывающий на прародину индоариев в области Передней Азии, где был приручен и одомашнен дикий бык в VI тыс. до н.э., благодаря чему стало возможным расселение иранских племен с Иранского нагорья по территории Средней Азии до Южного Урала на севере и на восток до отрогов Тянь-Шаня и Гиндукуша. Возможно, этот натиск индоиранских племен из Передней Азии вынудил германские племена индоевропейцев, обитавших к этому времени в степях Северного Причерноморья, к переселению в Европу. Заселение севера Европы индоевропейскими племенами происходило приблизительно за 3000—2500 лет до н.э., как об этом позволяют судить данные археологии. До этого побережья Северного и Балтийского морей были заселены племенами иной этнической группы. От смешения с ними индоевропейских пришельцев с востока и произошли племена, давшие начало германцам. (Введение в германскую филологию. М., 1980. С. 7.)

В дополнении к этому следует отметить и решающую роль восточных пришельцев в этногенезе европейских племен и в более ранние периоды истории Старого Света. Еще археолог А.Я. Брюсов (1952 г.) по археологическим данным установил, что мезолит Урала, то есть население Урала эпохи мезолита, послужило источником для заселения всего севера Европы. Но тогда откуда могли приходиться эти многочисленные племена на Урал, начинавшие с поразительной настойчивостью на протяжении не одного тысячелетия мигрировать с востока на запад в Европу?

Тексты Авесты указывают на регионы Передней Азии и Иранского нагорья, где в V—IV тыс. до н.э. был приручен дикий бык и стремительно развивалось земледелие, вследствие чего выросла численность населения, ставшего способным к колонизации далеких земель, пригодных к занятию сельским хозяйством. Так индоиранские племена в IV тыс. до н.э. дошли до Хорезма на севере Средней Азии и далее Северного Прикаспия, Северного Причерноморья и Южного Урала. Эти миграции индоариев в древности подтверждаются удивительно близким родством курдского языка с германскими и славянскими языками на Западе и санскритом в Индии на Востоке:

Имевшие огромный навык в укрощении и приручении диких животных: барана-архара, горного козла, быка-зебу на местах своего

прежнего обитания в Передней Азии, Загросе и Месопотамии, племена с юга — индоарии Куру, достигнув Южного Урала и Северного Причерноморья, в IV тыс. до н.э. сумели приручить дикую лошадь. О пребывании именно курдских племен индоариев в Северном Причерноморье и Южном Урале к северу от Месопотамии свидетельствует мидийское имя скифского племени будиев, у Геродота тождественного имени одного из шести индоиранских племен будинов, обитавших в VI в. до н.э. в самой Мидии. Этноним будии — будины восходит к имени Будха, сына Сомы у ведических индоариев Куру, чей потомок Самвартан женится на Тапати, богине огня у скифов. Поклонение населения ведийско-арийским богам на огромной территории от Передней Азии до Южного Урала и от Северного Причерноморья до Гиндукуша напрямую свидетельствует о чисто индоиранском характере этноса, господствующего на этих просторах в IV тыс. до н.э.

Это согласуется как с индоиранской, так и с индоарийской традицией, почитавших своих предков как пастухов крупного рогатого скота, (а не лошадей) и поклонявшихся Геуш Урвану — Душе Быка Прародителя. Присутствие индоарийских племен в более северных регионах — на Южном Урале и в Поволжье — подтверждается наличием исконно древнеиранских специфических лексем в языках финно-угорских народов.

Безусловно, именно предки индоариев Куру, имевшие огромный опыт в одомашнивании диких животных — коз и овец Загроса и быка зебу в Передней Азии, первыми из индоевропейцев приручили диких лошадей, обитавших в лесостепях Южного Урала и степях Северного Каспия и Причерноморья в IV тыс. до н.э. Доместрирование дикой лошади в Приуралье (Аркаим-Синташта) позволило индоариям Куру создать боеспособное и самое главное стремительное войско воинов-колесничих Марьяну и вторгнуться с севера в Месопотамию, а затем и Индию в начале II тыс. до н.э. В Авесте этот исторически период датируется эпохой царя Виштаспы, несшего священный огонь на грибе Коня. В Передней Азии и Загросе эта эпоха знаменуется господством хурритов Митанни и касситов. О пребывании индоариев уже в конце III тыс. до н.э. в Передней Азии и на Иранском нагорье свидетельствуют многочисленные археологические данные о широком распространении у местных жителей традиций коневодства и начал разведения лошадей на обширных подгорных пастбищах Анатолии, в Лувии-Ликии и в приморских степях Южного Каспия. Княжество Мехри становится центром коневодства. Столь широкое распрос

ранение коневодства у населения Передней Азии и Иранского нагорья доказывает единство этноса, проживавшего на этой обширной территории. Не чем иным, как только этнической близостью автохтонов Передней Азии и Загроса можно объяснить тот удивительный факт, что хурриты-матиены и касситы, известные своей многочисленностью, поклонялись ведийско-арийским богам Индре, Варуне, Насатье Митре, имена которых становятся известны уже во II тыс. до н.э. и в Индии, тогда как сами погребения индоариев Куру с захоронением вместе с телом воина Марьяну в могиле боевой колесницы и его умерщвленных коней, датируемые также эпохой II тыс. до н.э., обнаружены археологами (В.Ф. Геннинг, Г.Б. Зданович) на Южном Урале (Аркаим-Синташта).

Об индоевропейском этническом характере автохтонов Передней Азии и Загроса, но только более древнем, чем III тыс. до н.э., свидетельствует единое имя божества мирового порядка: у индоариев — Митра, у египтян Маат, у шумеров — Ме, вошедшее в название государства индоариев Загроса Ме-хри, Митра > Мехри, откуда происходили хурриты-матиены (курды) и касситы (бахтиары), овладевшие во II тыс. до н.э. всей Месопотамией, Ближним Востоком и даже на два столетия Египтом.

Хурриты-матиены

Объединенные войска субареев-хурритов и курдов-Умман Манда, свергнув III династию царей Ура в 2003 г. до н.э., почти на тысячу лет становятся самым главным этносом, сыгравшим основополагающую роль в последующей истории Месопотамии II тыс. до н.э.

Если о происхождении хурритов историческая наука до сих пор не располагает какими-либо конкретными данными, проливающими свет на этот загадочный народ, то о другом этносе — Умман Манда — мы можем точно говорить, как об индоиранском народе, возводившем свою родословную к прародителю человечества — Ману в индоевропейской мифологии, потомках ведических индоариев Куру, предках курдов-курманджи.

Курдская этимология имени

Прежде всего вызывает огромный интерес расшифровка самого этнонима хурриты-матиены. Так, в курдском языке собственно хуррит и матиен означают одно и то же — волосатый человек, поскольку в диалекте курманджи слово хьри — шерсть, пух, а муй — волос,

тогда как Тан (tanu) в индоиранских языках, в частности ведийско-арийском, обозначает тело (человека). В курдском, таджикском, персидском, иранских языках муйтан — волосатое тело, тело, покрытое волосами, о чем писал еще Л.С. Толстов (см. его «Исторические предания Южного Приаралья». М., 1984. С. 175).

Другой же этноним, хуррит-хурриты, образовался типичным для курдского языка приемом повтора одного и того же имени существительного или прилагательного, например: гъмэгъм — грохот нэлэнэл — стон-стенание; гар'эгар — шум. Словосоставление в курдском языке является весьма продуктивной и существенной формой именного словообразования. Поскольку курды-курманджи живут в горах Загроса, где некогда и обитали хурриты вместе с предками курдов — Майтанни (Умман Манда), то мы имеем с точки зрения этнографической науки все основания для перевода этого этнонима с курдского же языка — һьри һьри как «шерстяной — овечий» (человек народ). С хурритами мы имеем еще одно интересное совпадение. Как известно, цари Аккада вели беспрестанно войны с горцами Загроса Умман Манда во времена Саргона I. Шульга, царь III династии Ура совершил военные походы в горы Загроса на княжества хурритов-матиенов Карахар и Симуррум к северо-востоку от Джебель Хамрина а при своем третьем походе шумерский царь дошел до городов Шашрум и Урбилум (Эрбела) к востоку от Тигра (в центр Курдистана). Вследствие этих войн в Шумер как военнопленные были приведены хурриты-матиены, среди которых встречались и светловолосые кути-папгүти. Сам шумерский термин светловолосых кутиев, хурритов-матиенов — папгүти — точно соответствует библейскому Нимроду-зверолову. В Библии (Быт. 10, 8—12) говорится, что землей Нимрода как раз являлся Шумер (Сенаар) и Аккад.

«8. Хуш родил также Нимрода: сей начал быть силен на земле.

9. Он был сильный зверолов пред Господом; потому и говорится сильный зверолов, как Нимрод пред Господом.

10. Царство его вначале составляли: Вавилон, Эрех, Аккад и Халне в земле Сенаар.

11. Из сей земли вышел Асур, и построил Ниневию, Реховофир, Калах.

12. И Ресен между Ниневию и между Калахом; это город великий».

Город Ниневия располагался в древности к востоку от современного г. Мосула, в самом центре Курдистана в горах Загроса. Дей-

ствительно, хуррит-матиев Тишари был царем Уркеша-Тугриша в горах Загроса и назван в шумерской табличке XXII в. до н.э. «человеком Нинуа» (Ниневии), города курдов, который только в XVIII в. до н.э. был захвачен ассирийским царем Шамши-Ададом I в первый раз и затем через 500 лет при Арихденили (ок. 1308 г. до н.э.). Город курдов Халпе также известен и в хеттских источниках.

Светловолосым этносом являются курды племени сорани и вообще курды (от 30 до 80 %, по подсчетам фон Лушана). Русыми и светловолосыми также были хетты-индоевропейцы, господствовавшие в Передней Азии во II тыс. до н.э., о которых неоднократно упоминает Ветхий Завет.

Бытие (гл. 25)

«8. И скончался Авраам, ...

9. И погребли его Исаак и Измаил сыновья его в пещере Махпеле, на поле Ефрона, сына Цохара Хеттеянина, ...

10. На поле, которое Авраам приобрел от сынов Хеттовых. Там погребены Авраам и Сара, жена его».

Таким образом, Библия дополняет картину расселения индоевропейских народов Передней Азии во II тыс. до н.э. Но что интересно, внук Авраама Исав сын Исаака рождается косматым, то есть муйтаном-хурритом, ставшим охотником в горах.

Бытие (гл. 25):

«20. Исаак был сорока лет, когда он взял себе в жены Ревеку, дочь Вафуила Арамеянина из Месопотамии ...

21. И молился Исаак Господу о жене своей, потому что она была неплодна; и Господь услышал его, и зачала Ревека, жена его.

22. Сыновья в утробе ее стали биться, [...]

23. Господь сказал ей: два племени во чреве твоём, и два различных народа произойдут из утробы твоей.

24. И вот настало время родить ей.

25. Первый вышел красный весь, как кожа косматый; и нарекли ему имя: Исав.

По профессии Исав стал, как и Нимрод — звероловом и человеком полей, (по-шумерски — namrutí).

27. Дети выросли, и стал Исав человеком, искусным в звероловстве, человеком полей, [...]

28. Исаак любил Исаву, потому что дичь его была по вкусу его».

Как известно, хурриты-матиены, индоиранцы были в тесных контактах с хеттами индоевропейцами, и даже религия хеттов испытала со второй половины II тыс. до н.э. сильное влияние культа хурритов, что также находит свое подтверждение в Библии (26).

34. И был Исав сорока лет, и взял себе в жены Иегудифу, дочь Беэра Хеттеянина и Васемафу, дочь Елона Хеттеянина.

По Ветхому Завету, Исав со своим хеттским семейством поселился в местности Сеир на юге Палестины. Позднее по времени эта земля фиксируется в книге Иисуса Навина как принадлежащая хеттам.

Книга Иисуса Навина (I, 2—4)

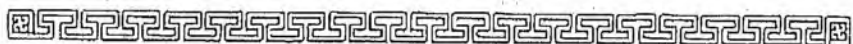
«2 ...перейди через Иордан ...

4. От пустыни и Ливана сего до реки великой реки Евфрат всю землю хеттеев; и до великого моря к западу солнца будут пределы ваши».

Действительно, хетты в Библии — это хетты позднехеттских царств, располагавшихся в Сирии. Интересно отметить, что позднехеттские княжества Хамат, Каркемиш, Табал, Гургум, Куммух к северу от Израиля просуществовали вплоть до той поры, пока, завоеванная ассирийцами, не пала Самария, куда были переселены курды-будии из Курдистана.

Различные исторические свидетельства, взятые из древних литературных памятников и письменных свидетельств, а также данные этнографии об одежде курдов Загроса убедительно подтверждают и доказывают тот факт, что этнонимом «хурриты-матиены» жители Месопотамии и Ближнего Востока во II тыс. до н.э. называли обитателей Загроса, носивших характерную для горцев одежду, сшитую из косматых щкур коз, и связанные из шерсти овец носки, то есть абсолютно нетрадиционные одеяния для жаркого климата равнин Сирии. Кстати, в курдском языке любая одежда из шерсти при названии будет предваряться прилагательным *һьри*, например: *һьри горей* — шерстяные носки; *һьри пэшт* — шерстяной пояс и т.д.

Курды с антропологической точки зрения относятся к средиземноморской малой расе европеоидной большой расы, то есть являются представителями того антропологического типа, который всегда господствовал в Месопотамии и горах Загроса и Тавра. К существенным характеристикам морфологического типа средиземноморской европеоидной расы относится третичный волосяной покров на лице, теле и ногах, тогда как, допустим, у монголоидов и африканцев этот признак вообще отсутствует.

По наблюдениям ученых Л. Риглера, Штольца, Х. Филда, М.Г. Абдушлишвили, А. Ивановского, Л. Ошанина, В.И. Зезенковой антропологически курды характеризуются как этнос с «обильным развитием третичного волосяного покрытия». Европеоидный-средиземноморский тип характерен для расы представителей Халафы и Самарры, благодаря которым земледелие и ирригация полей с гор Загроса достигли районов Нижней Месопотамии в VII—V тыс. до н.э., что, собственно, и подтверждает курдская сельскохозяйственная лексика — щэ — ячмень, ги (гәнъм) — пшеница в языке древнего Шумера, надежно фиксируемая памятниками клинописи Двуречья, датированными III тыс. до н.э.

В связи с этим вызывает интерес наличие у хурритов общих с шумерами божеств: Эйя, обитающего в Апсу; Никкаль-Нингаль — богиня Дуны. При этом, как выяснилось, имя «шумерской» богини Аллатум, известной с периода III династии Ура, восходит к хурритскому слову — allāu — владычица», тогда как аккадской этимологии для этого имени нет. Как пишет Г. Вильхельм: «Таким образом, Аллатум — Аллани могла бы считаться первым и пока единственным свидетельством присутствия хурритов в Северной Сирии уже около 2000 г. [до н.э.]» (Г. Вильхельм, 1992, 96).

Безусловно, когда мы начинаем оперировать такими историческими датами, как III тысячелетие до н.э., для определения богов хурритского пантеона, то становится очевидным говорить о хурритах-матиенах как о самом древнейшем и исконно автохтонном населении не только долин Загроса и Тавра, но и всей Месопотамии и Передней Азии. Ведь сами ученые определяют шумеров, аккадцев, ассирийцев и хеттов как пришлое население. У хурритов-матиенов был чрезвычайно развит культ мифического охотника Кеши — прообраз библейского Нимруда — по воле богов, недовольных его жертвоприношениями, переставшего видеть животных на охоте. В Ветхом Завете зрение теряет не Исав — косматый охотник, а его благословляющий отец Иаков. Таким образом, и Библия через Нимруда аккадского слепого Иакова и Исавы — охотника с упоминанием земли хеттов у Евфрата, четко фиксирует наличие этноса хурритов-матиенов (курдов) в Месопотамии и Ближнем Востоке, указывая на свое родство с горцами Загроса.

Язык матиенов-умман Манда был безусловно ведийско-арийским, что можно восстановить при историческом сопоставлении курдского диалекта курманджи, распространенного в горах Загро-

са, и индоарийского языка Куру, сохранившегося благодаря гимнам Ригведы.

Язык хурритов, обозначаемый в аккадских текстах пометкой *su* (-*bir ki*): шубарту — шубарейцы характеризуется наличием исконно курдских индоарийских слов в лексике, например: *pitq* — «ребенок» (восходит к курдскому — *пътък* «грудной ребенок, малютка»); *namall* — «кровать» (мал «дом, семейный очаг», ни, указ. местоим. III лица); *attan kišhi* — «трон в храме» — (кэштэ «полка», курд. яз. — санскрит). Особый интерес представляет сакральный термин хурритов — *keldi* — «очистительная жертва», до настоящего времени сохранившийся, так же как сакральный термин *косе келди* у курдов — курманджи, применяемый к человеку «ряженому», представляющий собой культовое лицо на празднике овец Сада — Пез. Культовая лексика сохраняется у народа исключительно долгое историческое время. Хрестоматийным примером этого служат имена хурритских царей в магических хеттских ритуалах, сохранившихся много столетий спустя времен их правления. Следовательно, такой же пример исторической памяти о своих далеких предках хурритах-матиенах, сохранившийся у курдов Загроса и Тавра, мы имеем в имени ряженных — *Косе келди* (хурритское — *keldi*) на обряде случки баранов с овцами во время праздника Сада — Пез.

Подобные сопоставления весьма продуктивны и позволили ученым выявить истоки происхождения ветхозаветного козла Азазеля из более древнего очистительного обряда хурритов-матиенов. В Ветхом Завете (Левит 16) говорится:

«9. И приведет Аарон [Агарон] козла, на которого выпал жребий для Бога, и принесет его в грехоочистительную жертву.

10. А козла, на которого выпал жребий для Азазеля, пусть оставит живым пред Богом, чтобы совершить через него искупление, отправив его к Азазелю в пустыню».

Имя Азазель не поддается чтению из семитских языков, что создавало определенную проблему в библеистике. Древние хурриты-матиены оказали сильное религиозное влияние на культ хеттов. Хурритологи, изучавшие хеттские магические ритуалы, записанные хеттским иероглифическим письмом во II тыс. до н.э. (архив Хаттусы) нашли многочисленные примеры библейского «обряда очищения» посредством изгнания «нечистого» козла, на которого возлагалось

проклятие в культовых верованиях хурритов. Суть обряда очищения у хурритов-матиенов, судя по хеттским текстам, заключалась в следующем: в избранный день на голову козла [быка, овцы] священник — жрец культа возлагал свои руки с проклятием — *azuzhum*, после чего люди, священник, храм и местность проведения ритуала сакрально — очищались, а козел с этого момента становился носителем нечистоты, и животное изгоняли. Вследствие невнимания к курдскому языку проблемой для хурритологов и гебраистов оставалось толкование самого слова, термина *Azazel*. Озвучивая этот вопрос, Г. Вильгельм говорит: «Это слово до недавних пор не удавалось понять [Gutney, 1977. С. 47], однако теперь хурритские очистительные ритуалы позволили сделать попытку его интерпретации: в приведенном выше ритуале принесения клятвы очистительная жертва названа *azaamum*, а в ритуале *itkalzi* то же слово неоднократно встречается в форме *azuzhi* и притом в одном контексте с понятиями нечистоты». (Г. Вильгельм 1992. С. 123).

Хурритско-матиенское слово *azazhum* прекрасно сохранилось в современном курдском языке-преемнике, где *Аза* означает свободный, а *зъдум* — проклятье. Другое слово — *зел* — в имени *Азазел* в курдском языке означает — росток, весенний побег, которые щиплют отары овец и коз, выгоняемые после зимы весной на своем пути на летние пастбища в горах Загроса и Тавра.

Попытки некоторых хурритологов возводить хурритское имя, встречаемое в Библии, *Азазель*, к аккадскому корню *ZZ* — гневаться, опять приводят нас прямо к курдскому языку, где слова: *асу* — *су гневаться, злиться*, а другое однокоренное слово — *осйан* — означает мятеж, бунт, намекая на восставшего против Бога падшего (отпущенного в поле) ангела — *Аза-зель*. В Передней Азии во II тыс. до н.э. даже существовала область, носившая курдское наименование *Зелея*, находившаяся в Ликии, где процветал культ волка — *Аполлона*, поедавшего ягненка — агнца *Диониса сына Дьяуса* — *Зевса*.

Это наличие курдского индоарийского корня *azzu* в аккадском языке показывает, что основателями Аккада (и Шумера) были *Namrutu* — светловолосые кутии — курды, из среды которых и вышел зверолов-охотник *Нимруд*.

Наличие очистительного обряда хурритов-матиенов с культом горного козла-сатаны Загроса и Тавра уже у ветхозаветных племен евреев — *ewri* — перешедших с востока реку *Евфрат*», позволяет сделать далеко идущие выводы о гиксосах, завоевавших Египет в

XVIII веке до н.э., как исконных хурритах и одновременно предках современных евреев.

В ведийской мифологии индоариев Куру Сати — дочь козлоподобного божества Дакши. У автохтонных жителей Кавказа абхазов и адыгов, потомков «страны Хатти» в Передней Азии, божества Сатаней, Сатаней Гуаша — это глава и прародительница большого племени нартов-великанов. У курдов-езидов имя Сатаны-Шайтана считается сакральным, его запрещено произносить вслух, что указывает на особый статус этого культа в древности и находит свое продолжение в обряде «утаивания» сакрального имени Йахве у ветхозаветных евреев. Козел-Пушан у индоариев Куру почитался сыном Ашвинов. В Ригведе Ашвинам посвящено более 50 гимнов, в которых упоминаются боги и герои Тугри-Тугриш, Митра-Мехри, давшие названия княжествам Загроса, отмеченные под этими же именами в шумеро-аккадских клинописных текстах III тыс. до н.э. Наиболее древней ипостасью ведийско-арийского козлоподобного божества Пушана является Аджа Экапад — «одноногий козел», насылающий на людей молнии ударом своего копыта по скалам. Ассоциация человеком горного козла, мчащегося по скалистым утесам, с молниями встречается и в абхазской [хаттской] мифологии в образе Аджныша-дьявола. По всей видимости, представление иранских и кавказских народов о демонической темной силе-Аджин (Джин) восходит к имени козла, насылающего молнии-Аджи, то есть к той эпохе, когда ведические индоарии Куру обитали в Передней Азии в VI — IV тыс. до н.э. На это указывает и параллельное соответствие Пушана-Пана в ведийско-арийской и греческой мифологиях и божеством засухи А-паошей в иранской Авесте. Нет на земле географического места, кроме гор Загроса и Передней Азии, где могли встретиться или разойтись мифологии четырех народов: абхазо-адыгская, еврейская, индоиранская и древнегреческая. Если бы этой географической местностью были бы степи Северного Каспия и предгорья Южного Урала, то тогда финноугорские народы, которые уже имеют заимствованное курдское слово овцы — меша [meşa] и ряд числительных из восточноиранских языков, обязательно бы заимствовали и имя самого козлоподобного божества Пушана-Пана, как греки, или Аджина-Аджныш, как хаты-абхазы. Но именно этого у всех финноугорских народов нет, а, следовательно, прародиной индоевропейцев является территория Передней Азии и Иранского нагорья, там, где в эпоху Хассуны,

Самарры и Халафы были приручены дикая овца, козел в горах Загроса и бык в долинах Диалы.

По ведийской мифологии индоариев Куру прародителями Пушана являются конеподобные божества Ашвины. Коней в Передней Азии в древности разводили в курдском княжестве Мехри. В Авесте покровителем коневодства почитался бог Митра-Мехри.

1. Ахура-Мазда молвил
Спитама — Заратуштре:
Таким я создал Митру,
Чьи пастбища просторны,
3. Коней даст быстрых Митра,
Чьи пастбища просторны
Тому, кто верен слову.

(«Михр-яшт»)

Михр-Митра всегда воспевается словами «чьи пастбища просторны», и поскольку уже у Нарам-Суэна (2236—2200 гг. до н.э.) в надписях упоминается «страна Мехри» в горах Загроса, откуда позднее ассирийские и персидские цари брали дань лошадьми, то, следовательно, индоевропейцы, из индоиранского языка которых возникло это имя, являются автохтонным населением Передней Азии и Иранского нагорья. На более древнюю индоевропейскую, а не на позднюю иранскую эпоху указывает соответствие ведийских конных божеств-Ашвинов с эллиногреческим парным божеством-Диоскурами, которое отсутствует в иранской Авесте, при этом слово кур в греческом восходит к курдскому курэ — сын — с тем же значением, как и Дий — к Дейеу, Зевс.

К ведийскому имени Ашвины восходит название ššm (егип.), ššm (аккад.) «лошадь» в семитских языках. Эпитетом Ашвинов в Ригведе являлось имя Насатьи, которое упоминаясь в договоре хеттского и митаннийских царей в XIV веке до н.э., подтверждая наличие у хурритов-матиенов Загроса культа индоарийских богов Индру, Аджи-Экапада (Азazel), Митру-Мехри в тот исторический период, когда в Древнем Египте уже три века господствовала хурритская по происхождению династия гиксосов. О культе коня у хурритов мы можем судить по первому в мире трактату о тренинге лошадей, написанном митаннийцем Киккули в середине II тыс. до н.э. В тексте говорится: «На десятый день, когда день только начинается, а ночь кончается, я иду в стойло и возглашаю по-хурритски к Пиринкар и Саушга,

чтобы они дали здоровье для лошадей... а потом веду их на ипподром». (В.Б. Ковалевская. Конь и всадник. М., 1977. С. 44.)

По утверждениям греко-египетского историка Манефона (конец IV — III в. до н.э.) и иудейского историка Иосифа Флавия (38—100 гг. н.э.) древние племена гиксосов овладели Египтом благодаря применению абсолютно нового для того времени вооружения — двухколесных боевых колесниц с двумяпряженными лошадьми, которое было, как мы знаем, у ведических индоариев Куру (журдов-матиенов) и у аланов-эллинов. Исторические даты упоминания о колеснице в Ригведе [1800 г. до н.э.] и периодом времени вторжения хурритов-матиенов (гиксосов) в Древний Египет (1750—1650 гг. до н.э.) совпадают полностью.

Ригведа. Мандала I (118) («К Ашвинам»)

1. Ваша колесница, о Ашвины, влекомая летящими орлами
Столь милосердная, богатая помощью, пусть придет сюда
(Та), что стремительнее, чем мысль смертного,
Трехместная, быстрая, как ветер, о два быка.
2. На трехместной, трехчастной колеснице,
Трехколесной, быстроходной приезжайте сюда.

118 «К Ашвинам»

1. Вашу колесницу со многими чудесными превращениями
Стремительную, как мысль,
С быстрыми конями, достойную жертв, я зову для жизни.

Интерес вызывает упоминание в гимнах Ригведы к Ашвинам и царя Тугри, который мог быть властителем только хуррито-матиенского (кутийского) царства Тугриш в горах Загроса в Курдистане.

I, 158 «К Ашвинам»

3. (Как в то время) когда ваш оплодотворяющий (бык)
Запряженный для сына Тугры.

Здесь сын Тугры должен означать воина княжества Тугриша в Загросе, отряд которых во время военного похода не может перейти море и только кони (конный отряд колесничих) спасает их от гибели. Этот сюжет о спасении «сына Тугры» неоднократно упоминается в Ригведе.

Другой топоним Паласты-Паласки в горах Загроса в Курдистане, упоминаемый в двух различных источниках — в Ригведе и надписи

ассирийского царя Ададнерари I, — указывают на родину хурритов-гиксосов, овладевших Египтом.

Ригведа. Мандала III (53)

16. Сасарпари быстро принесла им славу,

Над населением пяти народов

Она принявшая мою сторону, наделяющая новым сроком жизни

Та, которую мне дали Паласты и Джамдагни.

Паласты Ригведы соответствует местности Пеласки в горах Загра, где жили ведические арии Куру, среди которых в поэтическом творчестве процветала вач Сасарпати (vac sasarpati условно — «речь — боевой рог»). Примечание Т.Я. Елизаренковой. (Ригведа. М., 1989. С. 712.)

Эта местность Паласты в форме Пеласки встречается в надписи царя Ададнерари I, правившего Ассирией в XIV веке до н.э. После победы ассирийских войск над касситами, возглавляемыми царем Назимаратташу, и захватом Ададнерари I города Аррапхи в горах Загроса была проведена новая граница между Ассирией и государством касситов Кардуниаш, о чем в договоре говорилось: «От места напротив Пиласки на том берегу Тигра гору Арман Угар-салли дѣ лулубеев». Упоминание в ассирийской надписи «местности Пиласки» в горах Загра, где живут курды, потомки ведических индоариев Куру, сразу доказывает тождество Пиласки к Паласты из ведического гимна.

Хурриты-матиены, судя по трактату митаннийца Киккули, сами выращивали лошадей и обращались с мольбой об удаче к богам на хурритском языке, в котором, как и в шумерском, встречаются слова языка курдов, обитающих и поныне в горах Загроса. С точки зрения здорового смысла, если хурриты-матиены поклонялись ведийским богам Насатье, Индре, Митре, Варуне, а в языке шумеров встречаются курдские слова, то, следовательно, предки курдов, ведические индоарии Куру, являются автохтонным населением Загроса.

Хуррито-матиенская ономастика и топонимика встречаются на обширной территории от шумерского города Ниппура в Южной Месопотамии эпохи III династии царей Ура (2112—1996 гг. до н.э.) до Северной Месопотамии в Двуречье и далее к востоку от Тигра и западу от Евфрата вплоть до Сирии и Палестины. Более тысячи лет хурриты-матиены были главной военной и политической силой на Ближнем Востоке, завоевавшими Древний Египет на три столетия, как это сделал снова через три тысячи лет знаменитый курдский пол-

ководец Салах-эд-Дин. Хурритами-матиенами были шесть фараонов XV династии Древнего Египта, носивших традиционный титул «царей Верхнего и Нижнего Египта». Хурритов-матиенов XV династии, правивших Египтом, принято называть «Великими гиксосами», тогда как помимо них правили еще и другие правители хурритов-матиенов (XVI династия), которых принято называть «Малыми гиксосами».

Бог Осирис (сидит) в курдском головном уборе-колоз

Первоначально хурриты-матиены обосновались в дельте Нила, где Египтом правила XIV династия. Один из военачальников хурритов-матиенов по имени Салитис около 1650 года захватил столицу Верхнего Египта г. Ит-Тауи и пришел к власти, основав знаменитую XV династию фараонов, состоявшую из последующих пяти фараонов (хурритов).

В этом аспекте особый интерес представляет название солнца Ра у курдов, соответствующего древнеегипетскому божеству Ра. Далее, безусловно курдским является и название древнеегипетского божества Собек (Собекар пловец, курд.). Далее — Тэфнут (др.-егип.) соответствует курдскому тэф — жар солнца и ведийской богине Тапати. Бог Осирис, расчлененный на части своим братом, врагом Сетом, тождественен (Asag, др.-егип.) курдскому Сир — чеснок, делимый на дольки. Богиня Изида, в древнеегипетском Йасет, в переводе с курдского означает «Госпожа» и «дочь Бога — Бека», от древнеиранского Бага — божество — распределитель. Вполне возможно, и именование курдов-езидов восходит к имени Изида — Йасет.

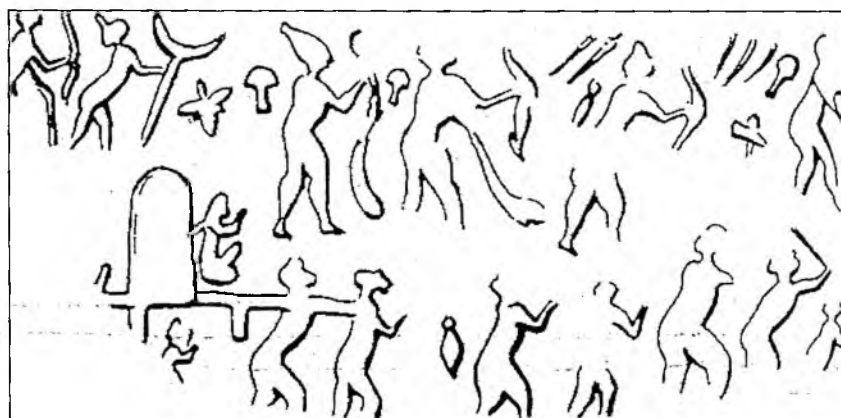
Надо здесь отметить авторитетное мнение ученых кафедры египтологии лондонского University College о том, что вообще вся цивилизация Древнего Египта первых XII династий фараонов возникла благодаря шумерским мигрантам из Месопотамии. Эта гипотеза базируется как на антропологических данных, полученных путем измерения черепов фараонов первых династий, показавших принадлежность господствующего класса к европейской расе, а рабов —

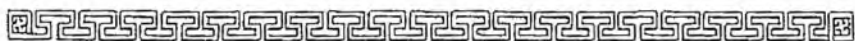
*Бог Баал — великий (курд.)
из Угарита (XIV век до н.э.)
в курдском головном уборе колоз*

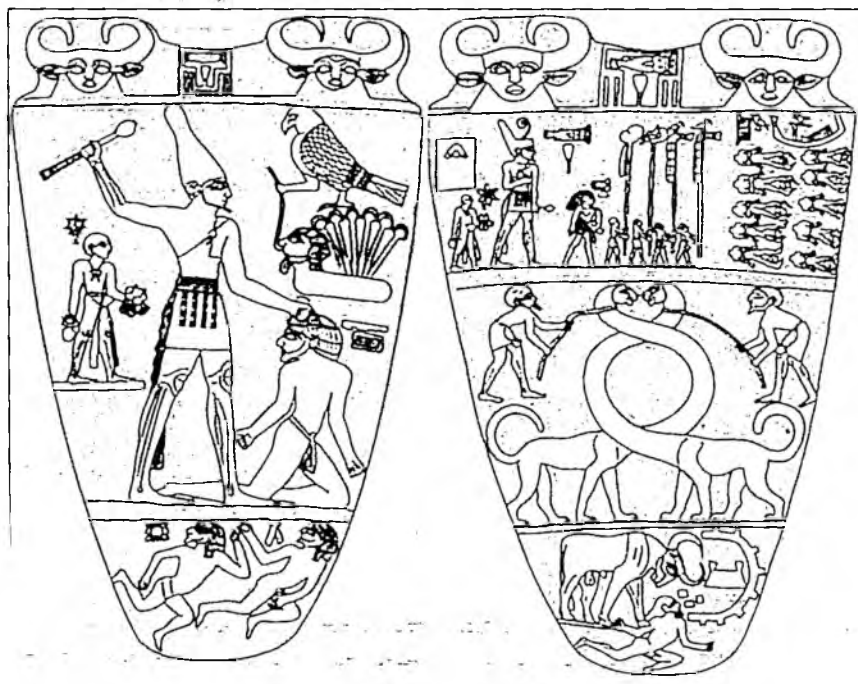
*Курдский воин XVIII в. Г.А.
Oltvierstin Reise durch das Turkische
Reich. Egypten und Persien wahrend
der Jahre 1792 bis 1798. Viyana 1809.*

Печать из Сузианы

Эта уникальная печать из Сузианы, несмотря на сильные повреждения, содержит важнейший ключ к происхождению по крайней мере одной из ветвей иноземной элиты, вторгшейся в Египет. Присмотритесь внимательно к фигуре, стоящей перед штандартом с полумесяцем (вверху слева). Если бы такой образчик глиптики был найден в Египте, вы тотчас отождествили бы эту фигуру с фараоном, увенчанным высокой белой короной Верхнего Египта (см. илл. ниже).
(Из книги П. Амье, 1961, илл. 17: 282.)

Палетка первого фараона Египта Нармера из I династии (III тыс. до н.э.) с изображением курдского головного убора колоз

*Два типа египтян:
европейский и негроидный
в эпоху додинастических
царств*

к другой, негроидной африканской расе, так и данные лексикопараллельных языков. Например, шумерское ме — законы — и маат — миропорядок у египтян с суффиксом-ati — показатель множественного числа в курдском языке. Возможно, этим древним месопотамским влиянием и объясняется столь широкое распространение курдских наименований древних египетских божеств.

Проникновение хурритов-матиев к власти в Египте началось, судя по именам администрации фараонов, еще в XVIII веке до н.э. при царствовании XIII династии в Мемфисе и продолжалось до 1540 года до н.э., когда младший брат фараона Камоса, основателя XVIII династии фараон Яхмос I, опираясь на отряды пастухов, переселенцев-негроидов, сумел захватить и разрушить в Дельте Нила г. Аварис, столицу гиксосов, хекхосфе, а затем и крепость Шарукин. Яхмос I, правитель Фив, набрав отряды негритянских пастухов с юга Египта в качестве воинов в армию, сделал их главной опорой своей власти. Потеряв крепость Шарукин [царский город Сару — царь и кин — край (кут. — курд.)], гиксосы-хурриты лишились последнего военного плацдарма на юге Палестины, где, по всему, и обосновался народ пиласки, пришедший с гор Загроса из надписи ассирийского царя Ададнерари (XIV в. до н.э.). Единственным народом с востока, из-за Евфрата, вошедшим и затем покинувшим Древний Египет во II тыс. до н.э., являются, по Ветхому Завету, евреи — перешедшие реку» (Евфрат). При этом Библия не упоминает о гиксо-

сах-хурритах, совершивших те же действия в тот же самый исторический период. Из этого следует, что евреи, возможно, и есть хурриты-гиксосы. Это соответствует и антропологическим критериям, которые трудно исказить и по которым евреи, как представители средиземноморской европейской расы, характеризуются как тип с обильным третичным волосяным покровом, то есть: хуррит-муйтан. Семитизация евреев и объясняет факт исчезновения хурритского языка, но сохранение при этом хуррито-матиенского обряда изгнания козла-Азазела и ведийской речи Вач Сасарпати — ритуала трубить в бараний рог (у евреев — шофар).

Кутии — первые цари Ашшура-Ассирии

Древнейшие надписи, обнаруженные при раскопках, написанные на аккадском языке, раскрыли, что имена первых царей Ашшура Ушпий и Киккий (XXII—XXI вв. до н.э.) были не ассирийскими, а принадлежали кутиям-хурритам.

В последующую эпоху правления III династии Ура поселением Ашшур правил Зарикум, являвшийся наместником шумерского царя Бурсуэна (2045—2037 гг. до н.э.).

Клинописные тексты начала II тыс. до н.э. из г. Алалаха в Северной Сирии и г. Нузы к востоку от Тигра, входившего в княжество Арапха (возле совр. Сулеймании в Курдистане), написанные на аккадском языке, но с широким употреблением хурритской лексики, показывают, что на этой обширной территории жители пользовались в повседневной деятельности хурритским языком, бывшим для них родным.

Ассирийцы пришли в Курдистан-Матиену позднее. В Телль-Шемшаре на Нижнем Забе находился город хурритов-матиенов Шущарра. К северу от Алалаха и Мари располагались два царства хурритов — Урше и Хашшу. В целом граница расселения хурритов-матиенов полностью согласуется и совпадает с расположением современного Курдистана, то есть Страны курдов. Хурриты-матиены жили в районе, раскинувшемся от озер Ван и Урмия на севере до Южной Месопотамии на юге и до реки Хабур, притоке Евфрата на западе.

Ашшур был захвачен шумерским царем Шульгой, но обрел независимость после крушения правления царей III династии Ура. Во второй половине XVIII века до н.э. власть в Ашшуре (Шашрум —

шумер.) захватил ассирийский правитель Шамши-Адад I, который по происхождению был аморецем-сыном царя Илах-Хабкабу, правившего в г. Терке чуть выше по течению от г. Мари на среднем Евфрате. Царь Мари Ягид-Лим захватил Терку и изгнал Илах-Хабкабу, бежавшего в Вавилон, где в одной из школ писцов и выучился Шамши-Адад, ставший позднее царем Ассирии. Не без помощи вавилонян Шамши-Адад овладел городом Экаллатум возле Ашшура, затем, воспользовавшись смертью Нарам-Сина из Эшнуны, правившего тогда в Ашшуре, сверг представителя местной династии Эришума II. Назначив позднее своего сына Ишме-Дагана на место правителя Экаллатума, Шамши-Адад стал полностью контролировать устье Верхнего Заба. Обеспечив себе надежный тыл с севера, Шамши-Адад сумел захватить престол в Мари, спровоцировав убийство царя Яхдун-Лима, предки которого изгнали его отца из города Терке. Государство Мари около 20 лет подчинялось Ассирии, а Шамши-Адад контролировал три региона: область верхнего Хабуба с городом Шубат-Энлилем; область среднего Евфрата; и долину реки Тигр с горами Загрос на востоке.

... Наследник престола Мари-царевич Зимрилим скрылся от ассирийцев на западе в царстве Ямхад (Халаб). После смерти Шамши-Адада (1781 г. до н.э.) Зимрилим с помощью войск своего тестя царя Халаба сумел вернуть царство Мари. Ишме-Даган, сын Шамши-Адада, сохранил власть в Ашшуре, но в Северной Месопотамии возникли ряд хурритских, а не ассирийских княжеств. Об этом свидетельствуют хурритские имена царей: Агаль-шенни (Арисенна — Аризанту) из Бурундума (Finet, 1966) и Шукрум-Тешшупа из Элахута; в верховьях Тигра уже севернее Ассирии, а затем и к востоку от Тигра в надписях засвидетельствованы многочисленные правители, носившие хурритские имена: Нанип-шавири из Хабуратума, Шаду-Шарри из Азухинума, Тиш-Ульме из Мардамана. (Г. Вильгельм. С. 41—42.)

О силе и мощи «маленьких» хуррито-матиевских княжеств Северной Месопотамии может рассказать пример из двуязычной аккадо-хеттской надписи, где говорится об осаде хеттского царя Хаттусилиса I (1650—1620 гг. до н.э.) хурритского государства Урше и захвате царской резиденции в г. Алалах, где военачальником войска был хуррит-матиец по имени Зукраши. Источники сообщают о разрушении страны Урше, но никаких сведений о захвате самого города Урше нет. Судя по анналам, на следующий, 1549 год до н.э. хурриты стра-

ны Ханигальбат (Митанни) сами вторглись со стороны южноанатолийского княжества Арцавы в страну Хатти, что послужило отпадению различных автономных городов-государств от своего хеттского сюзерена. В своей надписи Хаттусили говорит: «Враг из Ханигальбата (Хурри) вторгся в мою страну, и все страны вместе отпали от меня. Только город Хаттуса единственный остался». (Г. Вильхельм. Указ. соч. С. 50.)

Хаттусили удалось, подавив восстания в провинции, сохранить единство хеттского царства и после захвата города Заруны у Алалаха перейти реку Пурану (Оронт или Африн) и занять после победоносной войны хурритское государство Хашшу.

Позднее Хаттусили начал войну с Халабом, но, по всей видимости, умер во время похода, а город был захвачен его сыном Мурсили I. Восточноевфратское хурритское княжество находилось в союзе с Халабом, после взятия которого хетты совершили поход на Ханигальбат и, захватив его, двинулись вместе с отрядами касситов вниз по Евфрату, достигнув Вавилона, разрушили этот город, увезя с собой в столицу Хаттусу статую общевавилонского божества-покровителя Мардука. С 1595 года до н.э. — до 1158 года до н.э. власть в Нижней Месопотамии находилась в руках касситов-горцев Загроса, поклонявшихся (как и хурриты-матиены) древним индоиранским ведийско-арийским богам.

Исходя из языка и религии хеттов, хурритов-матиенов и касситов Загроса, можно прийти к заключению, что на всем протяжении II тыс. до н.э. в Передней Азии, Месопотамии, Ближнем Востоке и Иранском нагорье господствовали индоевропейцы.

Курдское княжество Маитанни во II тыс. до н.э.

Кто был основателем царства Маитанни, до сих пор неизвестно. Надпись на знаменитой династийной царской печати «Шуттарна, сын Кирты, царь Маитанни» свидетельствует о том, что к середине XVI века до н.э. уже существовало полностью сложившееся государство индоариев. Существует гипотеза, что косвенной причиной вторжения племен гиксосов в Египет явилось вытеснение их на Ближний Восток индоарийскими племенами хурритов-матиен, пришедших с районов Загроса. По мнению ученых-востоковедов, в результате каких-то сложных расчетов было установлено, что первым царем Ма-

итанни был Парраттарна (1500(?) — 1460 гг. до н.э.), активно поддерживавший Идри-Ми в его борьбе за престол царства Ямхад со столицей в Алалахе. В благодарность за эту существенную помощь Идри-Ми помог царю Параттарне укрепиться в Халебе (Алеппо). Существует много свидетельств, демонстрирующих лояльность сирийских царей к власти индоарийских правителей Митанни.

Известно, что когда египетский фараон Тутмос I (около 1526—1512 гг. до н.э.), завоевав Палестину, дошел до Евфрата, государство индоариев Маитанни уже имело достаточно прочные позиции в Сирии. Египтяне называли эту страну индоариев Нахрина — Речная страна, или Арам Нахараим в Ветхом Завете, то есть указывая на расположение Маитанни в излучине Верхнего Евфрата. Как пишет Г. Вильхельм: «Во фрагментах надписи, принадлежащей, вероятно, ко времени Тутмоса (Bruner, 1956; Helck, 1962. С. 17), впервые упоминается название, которое употребляли для этой страны сами ее жители: Маиттани, позже Митанни (von Weiher, 1973; Wilhelm, 1976 b) (в русской науке принята форма «Митанни»). (Г. Вильхельм. Указ. соч. С. 54—55.)

Как мы уже указали выше, имя Маитанни исконно курдское, арийское со значением Муй — волос, пух и Тан — тело, и ведийским суффиксом принадлежности -ani-ni его, по типу гаја — царь, гајани — царский. Этноним Муйтан-Маитан — волосатый человек или одетый в овечьи бурки народ указывает на обитание хурритов-матиенов в горах Загроса в Курдистане, где зимой довольно холодно и население в буквальном смысле одевается в косматые бурки, сшитые из выделанных шкур коз и овец. На курдское этническое происхождение хурритов-матиенов с гор Загроса указывает и имя Вашшукани-Васъкани, принадлежавшее столице княжества Маитанни, располагавшееся в излучине Евфрата. В курдском языке слово Съкан — пристань, порт на берегу реки или моря, ве — we, указательное местоимение это — то.

Древнейшее название страны индоариев Хабингальбат также является исконно курдским и восходит к Хаб — зерно, Гали — ущелье, бат — дом, то есть поселение в хлебном ущелье. Возможно, область Хабингальбат в княжестве индоариев Маитанни совпадает с областью Деирсима в Курдистане, где живут курды племени зазакки, поскольку их этноним совпадает с шумерским сассуку (сангсуг) и позднее касситским зазакку — ведающий землеустройством, то есть земледелием — кутий: namruti — нимруд. Ученые-востоко-

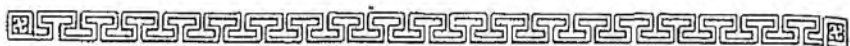
веды локализуют область индоариев Хабингальбат поселения хлебной долины — в районе курдского города Амеды (Диярбакыр). Следует добавить, что само слово бейт-бат — дом в курдском языке исконно индоевропейское, сравните: в литовском butas — жилище; др.-прус. buttan — дом (Топоров, 1977. С. 98).

Первое нашествие в Сирию египетские войска совершили при фараоне Тутмосе I (около 1526—1512 гг. до н.э.), дойдя до верховий Евфрата, где впервые встретились с самой могущественной месопотамской державой — княжеством Митанни. Военного столкновения не произошло, но с середины XV века до н.э. соперничество Митанни и Египта за господство в регионе станет наиболее характерной чертой этого периода истории Древнего Востока. Во время правления в Египте фараона Тутмоса II (около 1512—1504 гг. до н.э.) индоарии Митанни захватили всю Палестину, подчинив себе все ханаанейские города. Митаннийский царь Парраттарна расширил границы своего государства на западе, подчинив своему влиянию Халеб и другие ханаанейские города, сохранив за ними широкую автономию. Известен договор царя Халеба, заключенный с Пилией, царем Киццуватны, с упоминанием верности Идри-Ми к своему сюзерену царю Митанни.

С приходом к власти в Египте фараона Тутмоса III (около 1504—1450 гг. до н.э.) кончился мирный период в отношениях с Митанни. Многие города-государства в Палестине во главе с Кадешом на р. Оронте изменили свое дружественное отношение к Египту. Фараон Тутмос III около 1480 года до н.э. совершил военный поход в Па-

Фараон Тутмос III

лестину и захватил города Газу, Яфу на побережье, а затем, пройдя через перевалы в горах Кармел, нанес поражение коалиции сиро-палестинских князей в долине Мегиддо. По всей Палестине были оставлены гарнизоны египетских войск. Около 1470 года до н.э. фараон Тутмос III с территории Финикии двинулся со своим войском в глубь Сирии и, выиграв победу в сражении с царем Митанни, дошел до Каркемиша. После захвата Кадеша вся Сирия была разделена на три провинции.

Во время своего семнадцатого похода в Сирию египетский фараон Тутмос III встретился на Евфрате с касситским (бахтиарским) царем Караиндашесем I и, обменявшись с ним дорогими подарками, завязал дружественные отношения с Вавилоном. С Египтом попытался завязать отношения и Ашшур, царь которого Ашшурнадинахе получал золото от египетского фараона в обмен на лазурит, добываемый в Памире, естественно не ассирийцами, а иранцами мехри-макронами. Тутмос III пытался создать коалицию союзников против своего главного противника на Ближнем Востоке индоарийского княжества Митанни.

Внук митаннийского царя Парраттарны знаменитый Сауссадаттар был, по мнению многих ученых-востоковедов, наиболее выдающимся политиком и полководцем государства Митанни. Первоначально Сауссадаттар захватил Ашшур и, замилив ассирийцев, полностью обезопасил свой тыл на востоке. Из Ашшура Сауссадаттар, вывез в свою столицу Вашшукани богатую добычу, в частности царские ворота, украшенные золотом и серебром. Затем Сауссадаттар инспирировав антиегипетские выступления в Сирии, одним ударом овладел со своими войсками индоариев всей Северной Сирией. Египетский фараон Аменхотеп II (1450—1425 гг. до н.э.), сын Тутмоса III, в своих анналах сообщает о совершенных им трех походах в Сирию. При Тутмосе IV был совершен еще один поход египетского войска в Сирию против Митанни (страны Нахарин). Смерть могущественного царя Сауссадаттара привела к длительным мирным переговорам с Египтом, начатым еще при предыдущем фараоне Аменемхате II. Мир был заключен при царе Артатаме I, потомке Сауссадаттара. Договор о дружбе между царством Митанни и Египтом был подкреплён династийным браком Тутмоса IV с митаннийской принцессой, дочерью Артатамы I (после семикратного сватовства фараона). Граница между Египтом и княжеством индоариев Митанни в Сирии проходила в долине Оронта (возле современного г. Хомса). Митанни была вынуждена пойти на мир с Егип-

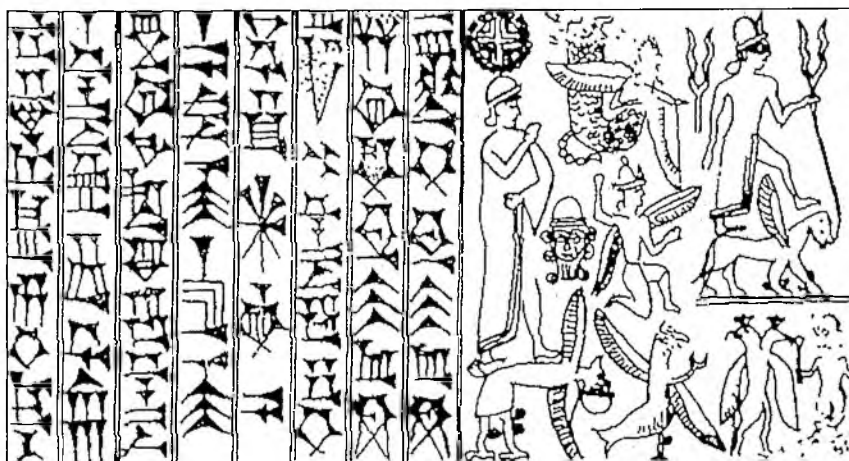
том в связи с возникшей на севере угрозой вторжения войск хеттской державы. Имя митаннийского царя Артатамы в переводе с ведийско-арийского означает: rta-dhamaṇ — место божественного закона Рта.

Следующий фараон, Аменхотеп III (1417—1379 г. до н.э.), правил Египтом около сорока (40) лет. На десятый год своего правления Аменхотеп III женился, как и его предшественник Тутмос III, на митаннийской принцессе Келу-Хепа, которая была дочерью Шуттарны II, преемника Артатамы. Имя митаннийского царя Шуттарны восходит к ведийско-арийскому Suta — сок сомы, и гапа — наслаждение.

Шуттарна сумел присоединить к Митанни ранее отторгнутую хеттами горную область Ищуву на севере. Дружественные отношения между Митанни и Египтом в целом были характерны для мирного правления

Фараон Аменхотеп III, жена — курдско-митаннийская принцесса Келу-Хепа

*Печать Итхи-Тешшупа, царя Аррапхи. Около 1410 г. до н.э.
Рис. по кн. Veran, 1957. С. 204*

фараона Аменемхата III, строго соблюдавшего мирный договор с индо-ариями-матиенами. Шуттарна, царь Митанни, на известие о болезни фараона отправил в Египет изображение богини Иштар Ниневийской, почитавшейся жителями Загроса божественной целительницей.

Преемником Шуттарны на престоле Митанни стал его сын Арташумара, имя которого восходит к ведийско-арийскому *ṛta* — космический закон (справедливости) и *smṛg* — вспоминать, помнить, помнящий о законе небес. Правление Арташумары подтверждается находкой документа в Тель-Браке в 1984 году с династийной печатью его предка Сауссадатгара.

Арташумара был убит человеком по имени Утхи, сумевшем возвести на престол Митанни Тушратту, несовершеннолетнего сына предыдущего царя Шуттарны. Имя митаннийского царя Тушратты исконно ведийско-арийское и восходит к *tveṣa-rati >duṣratha* — имеющий колесницу, приносящий урон врагу. Египет после убийства царя Арташумара прекратил всякие дипломатические связи и отношения с Митанни. Значительно позднее, только после того, когда Тушратте удалось отделаться от убийц Арташумары, он сумел восстановить дружественные отношения между Митанни и Египтом. Тушратта, отбивший вторжение войска хеттов Митанни с севера, отправил часть военной добычи как дар фараону в Египет. Архивы египетских фараонов из Тель-Амарны (XIV в. до н.э.) показывают наличие постоянных контактов царства Митанни с Египтом. Большинство писем Тушратты к Аменхотепу III написано на хуррито-аккадском языке, а одно является, по мнению ученых, сопроводительным письмом принцессы Тату-Хепы, новой митаннийской невесты фараона. Аменхотеп III умер через несколько лет после заключения династийного брака с принцессой Митанни. При новом фараоне, знаменитом Аменхотепе IV, больше известном под именем Эхнатон, отношения с Митанни осложнились. Следует отметить и указать на возможное религиозное влияние индоариев Митанни, поклонявшихся Солнцу, на решение фараона Эхнатона, объявившего Солнце центральным божеством египетского культа. В княжестве Митанни сформировались две политические партии — сторонников и противников хеттов, установивших дипломатические отношения с Египтом. В этот период Ассирия начинает теснить Вавилон в Северной Месопотамии, и «царь страны Ашшур» Ашшурбалит I посылает фараону Эхнатону в Египет двух белых коней и колесницу, что считалось очень почетным даром, поскольку в Передней Азии преобладали кони рыжей масти.

В результате происков антихеттской партии в Митанни, обратившейся за помощью к Ашурбалиту I, царь Тушратта был убит, а новый царь Артатама и его сын Шутарна признали независимость Ассирии. Несмотря на протест царя касситов Бурна-Буриаша, писавшего Эхнату-ну: «Зачем они приехали в твою страну? Если ты расположен ко мне, не вступай с ними в сношения. Пусть они уезжают, ничего не добившись. Со своей стороны шлю тебе в подарок пять мин лазурита и пять колесниц», — фараон Египта также признал независимость Ассирии.

Сын убитого царя Тушратты Шаттиваза первоначально скрылся от преследующих его убийц в Вавилоне. Но царь касситов Бурна-Буриаш II отказал Шаттивазе в убежище. Вскоре после этого Шаттиваза явился просителем у хеттского царя Суппилулиуме, предоставившего ему защиту. Царь хеттов выдал одну из своих дочерей замуж за митаннийского принца. Именно из брачного договора XIV века до н.э., заключенного между царем Шаттивазой и отдавшим ему в жены свою дочь хеттским царем Суппилулиумой, мы узнаем по именам ведийских богов Митре, Варуне, Индре об индоарийской религии жителей Митанни.

Имя Шаттиваза исконно индоарийское и восходит к ведийскому *sati -vaja* — добывающий трофеи. Возглавив хеттские войска, Шаттиваза освободил столицу Митанни город Вашшукани и взошел на царский престол.

Около 1325 года до н.э., в начале правления хеттского царя Мурсилы II княжество курдов Митанни отпало от империи хеттов.

*Изображение на палетке богини
Иштар Ниневийской*

Синхронная хронологическая таблица

Цари Двуречья

Правители хурритов

Аккадский период
(ок. 2230—2090)

Саргон
Нарам-Суэн (ок. 2151—2115)
Шар-кали-шарри
(ок. 2114—2090)

Период кутиев
(ок. 2090—2048)

(Киклип-аталь, царь Тукриша)
(Шатар-мат)

Период III династии Ура
(2047—1940)

Шульги (2029—1982)

Амар-Суэн (1981—1973)
Шу-Суэн (1972—1964)
Ибби-Суэн (1963—1940)

Аталь-шен, царь Уркеша
и Навара
Тиш-аталь, царь Ниневии
=? Тиш-аталь, царь Уркеша
=? Тиш-аталь, царь Карахара

Старовавилонский период

Хаммурапи, царь
Вавилона (1728—1686)

Шамши-Адад: Ишме-Даган,
царь ассирийский

Зимрилим, царь Мари
Самсудитана, царь Вавилона
(1561—1531)

Аталь шенни, царь Бурундума
Шукрум-Тешшуп, царь
Элахуга
Нанип-шавири, царь
Хабуратума
Шаду-Шарри, царь Азухинума
Тиш-ульме, царь Мардамана
Шеннам, царь Уршума
Аниш-хурби, царь Хашшума

Исчезновение Митанни и возрождение Мехри

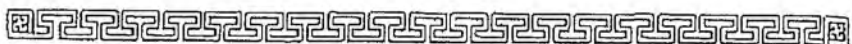
Реальной причиной, приведшей к исчезновению таких крупных индоевропейских держав Передней Азии во II тыс. до н.э., как империя Хеттов и княжество Митанни, является так называемое переселение «народов моря», начавшееся в XIV веке до н.э. Из надписи египетского фараона Рамсеса III в храме Мединет-Абу мы узнаем о почти одновременном падении таких государств Анатолии, как Хатти, Кищуватна, Каркемиш, Арцава, Аласия.

Самое раннее упоминание о «народов моря», пришедших, по мнению одних ученых, в Анатолию с Балкан через Геллеспонт, содержится в мирном договоре XIII века до н.э., заключенном фараоном Рамсесом II и хеттским царем Хаттусилисом (около 1238—1209 гг. до н.э.). При этом следует помнить, что, судя по археологическим данным, эти «народы моря» уже за столетие до этого, в XIV веке до н.э., захватили Трою и крепко обосновались в Малой Азии.

Из древнеегипетских источников мы узнаем и имена племен этих пришлых с Балкан индоевропейских «народов моря»: пелесет, акайваша, зикар, шекелеш лука, туруша, дануна, вашаш.

Ученые никогда не обращали внимания на полное сходство ряда имен этих «народов моря»: шекелеш (сикулы), лука (ликийцы) с родовыми этнонимами курдских племен — ляк (лука), шекак (шекелеш), до настоящего времени проживающих в горах Загроса. Имя одного из племен «народов моря» Зикар соответствует области Зикерту в княжестве курдов Мехри в Загросе. При этом уже значительно в позднем периоде времени от этих событий II тыс. до н.э. Геродот в своей Истории (V, 9) продолжал упрямо утверждать, что на Балканах во Фракии живет племя сигинов, которое происходит от мидийцев, то есть предков курдов.

Таким образом, историческая наука имеет все основания связать этногенез некоторых курдских племен со вторжением во II тыс. до н.э. в Переднюю Азию некоторых балканских племен «народов моря». Исходя из факта наличия именно у курдов сохранившихся этнонимов племен «народов моря», следует признать непосредственное совместное участие предков курдов — митаннийских ариев — в военных походах пришельцев с Балкан на Древний Египет. К такому выводу нас приводят следующие интересные факты. Так, уже в армии хеттов служили как особый класс воины Манда, то есть курды Умман-Манда (Курманджи). Затем у хеттов в армии служили и

воины-касситы (курды-бахтиары), обозначаемые как «воины Сали» в хеттских законах. Вполне возможно, что именно эти наемные воины из класса Сали и касты Манда (предки курдов) заключили военный союз с «народом моря», на что указывает мидийское племя сигинов во Фракии, совместными усилиями разрушили хеттскую державу и, совершив ряд удачных походов на Египет, осели на всем протяжении завоеванной их войском территории. Это, как ни странно, довольно точно подтверждает и расселение друзов, верящих, как и ведические индоарии Куру и современные курды Кокэи, в переселение души человека и населяющих всю территорию Ближнего Востока, включая непосредственно земли таких государств, как Израиль, Ливан, Сирию. Сама иудейская религия для жителей Ближнего Востока является чисто этноконфессиональной, точь-в-точь как у друзов, курдов-езидов и курдов-кокэи.

Указание в Ветхом Завете о наличии, а затем искоренении только в VII веке до н.э. у иудеев индоарийского культа коня-солнца и божественной колесницы в Иерусалиме полностью доказывает пребывание митаннийских ариев Куру на Ближнем Востоке во II—I тыс. до н.э. и в более поздний, чем эпоха нашествия «народов моря», период истории.

Все эти и другие многочисленные факты свидетельствуют о том, что государство Митанни исчезло как империя хеттов вследствие больших этнических передвижений в Анатолии и в Загросе. Княжество Митанни не было ни разрушено, ни захвачено ассирийцами, как пытаются объяснить некоторые недобросовестные ученые, поскольку тогда невозможно объяснить исчезновение победоносной Ассирии со времени правления Тикульты-Нинурты I (1244—1208 гг. до н.э.) до царя Тиглатпаласара I (1115—1077 гг. до н.э.). Ближе к истине выглядит точка зрения, что индоарии Митанни, имевшие к тому же даже собственный класс воинов — Марьяну, участвуя беспрестанно в военных битвах «народов моря» на всем протяжении от Передней Азии до Египта, включая побережье Средиземного моря, полностью утратили контроль над подчиненной им Ассирией. Вследствие этого ассирийский царь Ададнерари I (1308—1275 гг. до н.э.) набрался сил и нанес удар Митанни с востока, где не было митаннийских войск, воевавших на западе в Сирии и Египте. Захватив город Аррапху в предгорьях Загра и принадлежащий касситам-бахтиарам Вавилон, Ададнерари захватил столицу Митанни Вашукани и дошел до Сирии. Здесь следует обратить особое внимание на то, что Ададнерари, а затем и другие ассирийские цари —

Салманасар, Тукульти-Нинурта — называют царство индоариев не Митанни, а именуют более древним именем Ханигальбат (Хабингалибат), а ее жителей зовут кутии, известных еще в эпоху Шумера. Этот факт и является прекрасным доказательством того положения в науке, что древними жителями Передней Азии и Иранского нагорья были в III тыс. до н.э. индоевропейские племена. Иначе ничем не объяснить сохранение этнонима кутий и после исчезновения Митанни, непременно учитывая, что и само имя кутий восходит к древнему индоевропейскому *kait* — зерно, и курдскому — хлеб. Весьма характерно, что Ададнерари выступил совсем не как враг Митанни, а как союзник одного из митаннийских царей Шуттарны III, претендовавшего на престол.

Следующий ассирийский царь, Салманасар I (1274—1245 гг. до н.э.), вторгнулся в Митанни (Ханигальбат) и, разбив войско царя Шатура, союзником которого были хетты и арамейские (?) племена, расширил завоевания своего отца. В результате этой победы ассирийцы взяли около 14 000 пленных. Салманасар I в своей надписи, как его предшественники ассирийские царьки Арикденилу, Ададнерари I, говорит о своей победе над кутиями.

Царю Митанни (Хабингалибат) при поддержке племен Ахламу удалось выстоять в войне с Ассирией. Но Салманасар совершил поход на север в страну Наири (соврем. Нери в Курдистане возле оз. Урмия) и захватил на некоторое время районы, где издревле добывали железную руду.

Тукульти-Нинурта (1244—1208 гг. до н.э.), сын и преемник Салманасара I, совершил поход на северо-восток и захватил княжества Шубарту и Наири в Загросе. При этом Тукульти-Нинурта предпринял этот поход при помощи хеттского войска, численность которого была чрезвычайно огромна — 28 800 человек, что прямо указывает на ведущую роль в этой войне хеттской державы, а совсем не ассирийцев. О походе хеттских войск в союзе с ассирийцами в горные об-

*Тукульти-Нинурта I.
1244—1208 гг. до н.э.
Алтарь с изображением
молящегося царя Тукульти-
Нинурты I из Ашшур. Конец
XIII в. до н.э. Берлин,
Государственный музей*

ласти Курдистана — страны Наири — извещают две надписи Тукульти-Нинурты. Хеттские же источники об этом походе против Митанни, напротив, умалчивают, а извещают о войне Тудхалияса IV (1265—1235 гг. до н.э.) с конфедерацией Ассувы — страны лошадей или Ликией — страной лаков (курдского племени). После похода на своем пути в столицу империи Хаттусасу Тудхалияс столкнулся с войсками 22 государств-княжеств на востоке под общим именем *Kurieuanes*, выступившими против «Царя Солнца» в союзе со «страной Арцавой». Таким образом, в хеттских источниках прямо говорится о войне с курдами, то есть «происходящими от Куру». На что указывает лувийско-анатолийский суффикс *uanes* — из *Kurie* — Куру». Хеттскому царю удалось замирить обитель Куру — *Kurieuanes* на востоке в горах Загроса. Но поскольку в хеттских источниках не говорится о Митанни, а в ассирийских источниках вместо Митанни говорится языком кутиев как о «стране Ханигальбат, где живут кутии», то эта операция хеттов была понята по надписи Тикульти-Нинурты как ассирийский поход на Митанни. При этом абсолютно не было принято во внимание даже прямое участие в этом походе хеттов, превосходящих по численности ассирийцев.

Хеттам и ассирийцам удалось проникнуть в районы к северу от верховий Тигра, то есть в глубь Митанни в область к югу от озера Урмия или к юго-востоку от озера Ван на Иранском нагорье. После разрушения Митанни Ассирии удалось на семь лет завладеть касситским Вавилоном.

Тукульти-Нинурте I в своей надписи называет себя царем Вселенной и царем Ассирии, царем четырех стран света, царем Кардуниаша, царем морей Верхнего (Средиземного? — Черного?) и Нижнего (Персидский залив), царем Шубарейцев (Митанни) и кутиев и всех стран Наири.

Далее Тукульти-Нинурта в своей надписи, выбитой на камне, говорит: «В первый год правления (около 1244 г.) его рука покорила кутиев, укуманиев (город Кума в районе современной Захо на иракско-турецкой границе) страны Элхуниа, Шарнида [племя «народов моря» — Шурдана из египетских источников] и страну Мехри [Борзен Михрбан — Хара Березаити в Авесте]».

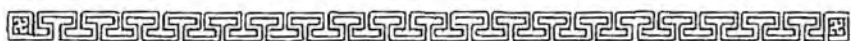
Таким образом, становится виден весь этнический состав населения, обитавшего в горах Загроса к северу от Месопотамии в конце II тыс. до н.э.. Начиная от Урмии на севере до верховьев Диалы и Керхи эту область населяли кутии-курды; лулубеи-лулу, курды Су-

леймании; Мехри-Михр Борзан в Авесте, курды Борзани; Кардуниаш — курды-бахтиары.

После этих «замечательных побед» Тукульти-Нинурты, одержанных при помощи хеттов, о чем царь Ашшура стыдливо умолчал, с Ассирией происходит нечто невообразимое и непонятное. Ассирия, которая после падения Митанни и империи Хеттов, казалось, должна была бы стать суперимперией в Месопотамии, Передней Азии и Ближнем Востоке, напротив, сама на полтора столетия исчезает со страниц истории. Судить об Ассирии по хвалебным надписям трех ассирийских царей просто смешно. Напротив, все факты свидетельствуют о призрачности Ассирийской державы, даже не участвовавшей в походах «народов моря» на Египет, как это делали курдские племена — шекаки, зикерту, ляки, сигинны. Мощь Ассирии — это химера, то есть миф, издавна бытующий в исторической науке благодаря Библии.

Тукульти-Нинурта пал жертвой заговора, инициаторами которого были жрецы храма Ашшура. Сыновья Тукульти-Нинурты I Ашшур и Мутаккильнуску после смерти отца передрались между собой из-за царского престола. Ашшур после победы Мутаккильнуску бежал в Вавилон к касситам и с их помощью сумел вернуть царскую власть в Ассирии. Однако вызывает удивление тот факт, что Ашшур не вернулся в страну, а остался у касситов в Вавилоне, послав некоего Ашшуршумлишира в качестве наместника Ассирии. Это свидетельствует об открытом подчинении Ассирии касситам-бахтиарам Вавилона, между прочим вынужденных в то время обороняться от эламитов. В частности, Китен-Хутран, царь Элама, вторгся и разгромил резиденцию касситских царей древний город-святилище шумеров Ниппур. С большим трудом царьку Ашшур-реш-иши, а затем и его сыну Тиглатпаласару I (1115—1077 гг. до н.э.) удалось освободиться от гегемонии касситского Вавилона. Когда царь Ассирии пошел в военном походе на север в земли княжества Мехри, то увидел, что на землях таких хурритских государств как Кутмухи, Алше и далее на восток до озер Ван и Урмия осели пришельцы с запада Передней Азии фригийцы — Мушки. Тиглатпаласару I удалось со своим войском разбить пять племенных вождей Мушков и затем продолжить свое продвижение на север. Во время третьего похода на север Тиглатпаласар I достиг Наири и «победил 60 (!) царей», то есть вождей племен. При этом царь ассирийцев захватил, как он пишет в своей надписи, выбитой на скале у истоков Тигра, 120 колесниц. Этот факт

подтверждает занятие коневодством жителей Наири-курдов, изготовлявших профессиональное военное снаряжение — колесницы как их предки — ведические индоарии Куру. Самым опасным для Тиглатпаласара I был его четвертый поход на север до «Великого моря» (вероятно, Черного моря). Несколько западнее от озера Ван на скале сохранилось выбитое по приказу Тиглатпаласара I его изображение и надпись об этом походе. Маршрут ассирийских войск в 1114 году до н.э. проходил в Курдистане и начинался в районе Аме-ды (Диярбакыр) и далее на север до южных берегов Черного (Верхнего) моря.

Захватив обширную территорию 23 стран Мехри-Наири и 37 племен их союзников (среди которых позднее у Геродота мы находим имена мехранов-макронов и Маров), Тиглатпаласар направил свои войска на покорение горного княжества Мусру, которое поддержали войска соседнего государства Кумани (возле совр. Захо). В битве у горы Тала ассирийским войскам удалось разбить 20-тысячную союзную армию Куманни и Мусру. Известно, что Тиглатпаласар дошел до Финикии, захватил портовые и торговые города Библ, Сидон, Арвад. Впрочем, успехи Тиглатпаласара I оказались весьма непрочными, и уже при его жизни кассит-бахтиар Мардукнадинахе, царь Вавилона, напал и обратил ассирийские войска в бегство, которые гнал и преследовал до самой Ассирии. Кроме этого, кассит-бахтиар Мардукнадинахе захватил ассирийский город Экаллатум и вывез из его храма статуи богов, в том числе Мардука вместе с собой в Вавилон. Статую бога Мардука, удалось вернуть в Ассирию только лишь 418 лет спустя царю Синахерибу. Тиглатпаласар I совершил ряд ответных военных вторжений в касситскую Вавилонию и даже захватил на некоторое время города Сиппар (резиденцию касситских царей) и Вавилон, но, как справедливо пишет Д.Ч. Садаев: «Преемники Тиглатпаласара I не сумели, впрочем, закрепить его успехи, и вскоре после смерти царя Ассирия приходит в упадок. Страна, ослабленная постоянными военными походами, была уже не в силах оказывать активное сопротивление вражеским набегам кочевников, утратила свое бывшее могущество и в течение 200 лет не занимала ведущего положения в Месопотамии». (Д.Ч. Садаев. История Древней Ассирии. М., 1979. С. 69.)

С Ассирией произошло то же самое, что и за 200 лет до этого с индоарийским княжеством Митанни, совершавшим многочисленные военные походы своей армией колесниц и в Переднюю Азию на им-

перию хеттов, на Ближний Восток и Египет фараонов. Исчезновение Митанни, или страны Ханигальбат (Хабингалибат), по ассирийским источникам, и возрождение на ее месте княжества Мехри, известного еще по более древним шумеро-аккадским надписям конца III тыс. до н.э., ясно указывает на индоиранский этнический характер населения Загроса и Передней Азии (наряду с хеттами и « народами моря ») в тот исторический период времени. Это положение доказывается и другим своеобразным методом. Так, после X века до н.э., когда в ассирийских источниках уже упоминается княжество кутиев Мехри, все имена царей Мехри и правителей государств таких областей Загроса, как Манна, Парсуа, Падана, имеют древнеиранское происхождение. Сам топоним Мехри < Митра (tr > hr) имеет только индоиранское чтение и ведийско-арийский религиозный смысл, известный по гимнам Авесты. Никакого другого — аккадского, ассирийского, хурритского — прочтения, кроме индоарийского, топоним Мехри не имеет. Равно как и индоиранский двойной этноним хуррит-маитанни не читаем с других языков, как только с курдского языка. Исходя из факта самого упоминания имя Мехри с III тыс. до н.э. в аккадских источниках эпохи царя Нарам-Суэна логически следует доказательство о курдах как древнейших и автохтонных жителях Загроса и Передней Азии — Иранского нагорья в целом. Исконно индоиранским этносом являлись и кутии Загроса аккадско-ассирийских источников, поскольку их прямые потомки, названные иранскими народами — курды, разговаривают на своем национальном иранском языке. Это подтверждает и исконно индоарийское окончание имен: -ае в кутийско-мехранском языке характерный суффикс именительного падежа существительных в древнеиранских языках и санскрите.

Сложение курдского княжества Манна воинов Манда-курманджи

Из свода законов хеттских царей (II тыс. до н.э.) мы узнаем о наличии в хеттской армии двух особых каст воинов, которые получали твердо установленное жалование. В параграфе 54 говорится о воинах Манда, то есть о курдах (Умман-Манда) и воинах Сала, касситах или курдах-бахтиарах. При этом там же перечисляются города этих воинов: Тамалки, Хатра, Цальпа, Тасхиния, Хемува. Эти факты свидетельствуют о наличии в древности в курдском обществе II тыс. до н.э. особого класса воинов, ставших известными в эпоху гегемонии кня-

жества Митанни на Ближнем Востоке под более знаменитым индоарийским именем — Марьяну.

У современных курдов-езидов — поклонников Солнца», Шамса (Шимиге у хуритов-матиенов), говорящих на диалекте Кур-Манжи, одна из 4 каст, по которым подразделяется их община, носит имя-мьрьд, точно соответствующее касте воинов — Марьяну у индоариев Куру в княжестве Митанни. Из этого следует, что уже в середине II тыс. до н.э. среди курдов были езиды, а точнее, все курманджи в Передней Азии были езидами, общество которых разделено, как у всех индоариев, на 4 касты.

Клинописные источники более ранней эпохи Аккада с упоминанием войны царя Нарам-Суэна с войском (h) Умман Манда (hему Манда) ясно и четко свидетельствуют о том, что все курды-кутии Курманджи были кастой воинов [hему Манда].

Как это ни странно, но первые попытки ограничить эту воинственность курдов-бахтиар (воинов Манда, воинов Сала) предприняли хеттские цари.

Так, после § 54, где говорилось: «Прежде воины Манда, воины Сала [...] — не исполняли повинностей», в следующем § 55 сказано: «Когда сыновья страны Хатти (хетты) — люди, несущие повинность, пришли и стали просить отца царя, они говорили (ему): »Никто не платит за нас платы и нас отвергают, (говоря): Вы люди, несущие повинность». Тогда отец царя на совет (пришел) и объявил о следующем решении, скрепленном печатью: Идите, вы должны быть такими же, как ваши товарищи». (О.Р. Генри. Хетты. С. 214—215.)

Типы курдов-маннеев на бронзовой сителе. VIII в. до н.э.

В этом тексте середины II тыс. до н.э. уже зафиксировано характерное для курдов-скотоводов презрительное отношение к курдам-земледельцам, сохраняющееся до наших дней. Это доказывает паразитический консерватизм курдского общества и свидетельствует еще раз в пользу автохтонного происхождения курдов Загроса. По свидетельству курдского историка XVIII века Мела Махмуда Баязида: «Курды-кочевники и оседлые мало общаются друг с другом и редко отдают своих девушек (замуж за оседлых) и так же редко женятся (на их девушках). Курды-(кочевники) называют оседлых горанами [...]».

А оседлые (курды, в свою очередь) говорят, что дети от женщин курдов-(кочевников) бывают грубиянами, ворами и гордецами.

Эти две части (населения) — кочевники и оседлые — не ладят меж собой, они в большинстве случаев бывают недовольны друг другом и не доверяют друг другу [...].

Но так обстоит только с кочевниками и оседлыми в районах Вана, Муша, Баязида, Карса и Ирана. В районах же Хеккари, Бохтан, Амандийе и Соран кочевники и оседлые совсем другие». (Нравы и обычаи курдов. Перевод М.Б. Руденко. М., 1963. С. 54.)

Вызывает особый интерес, что добрососедские отношения между курдами-земледельцами и скотоводами в Курдистане установились в тех западных областях (Амеда), которые некогда входили в состав державы хеттов во II тыс. до н.э.

Курды называют земледельцев-соплеменников древним именем реат, которое было в III тыс. до н.э. перенято у предков курдов-кути-эв хлеборобов Загроса, пришлыми из-за моря Шумерами, не являющимися никогда коренными жителями Месопотамии. В курдском обществе отношения между скотоводами — высший класс — и земледельцами — реатами — закреплены юридически. Так, по сообщению многих очевидцев реат (земледелец) не имеет права поднять руку на оскорбителя из другой вышестоящей касты, даже если последний происходит из другого племени.

В хеттских законах II тыс. до н.э. перечисляются города воинов Манда (Курманджи) и воинов Сала (бахтиары), среди которых упоминается и Тегарама. Исходя из поразительно верных, хоть и малочисленных, сведений о хеттах в Ветхом Завете, есть все основания отождествлять Тегарама, город воинов Манда, с библейским родом Тогары из племени сыновей Яфета, которыми по традиции обозначались индоиранские, а затем и скифские племена. Тегарама хеттских источников располагалась на исконной земле племен Умман Манда в стране Исува [чуть к северу-западу от города Малатья в совр. Курдистане].

Имя поселения воинов Умман Манда в хеттских законах Тегарма исконно курдское, индоарийское: гарма — тепло, гармиян — зимовка, тогда как Те — то, тот — указательный артикль в индоарийских языках, например санскрите. Вся территория Курдистана между курдскими племенами издревле поделена на гармияны — зимние стоибища, куда гонят скот зимой в горных долинах, и зимистаны — летние стоянки вверху гор. Летом по обычаю курды и бахтиары со своими стадами коз и овец поднимаются по тропам высоко в горы на альпийские долины — Замин-Зивистан, а зимой спускаются с гор ближе к земле (гармиян; курд.) в зимние деревни.

Древность обитания курдов в горах Загроса доказывается именно упоминанием исконно курдского термина Тогарма в Ветхом Завете (Быт. гл. 10):

«Вот родословие сынов Ноевых: Сима, Хама и Иафета. После потопа родились у них дети.

2. Сыны Иафета: Гомер, Магог, Мадай, Иаван, Фувал, Мешех и Фирас.

3. Сыны Иавана: Аскеназ, Рифат, Тогарма».

Потоп пережили, по представлениям аккадцев и ассирийцев, кутии, то есть предки курдов, на горе Ницир — современный Джуди-Даг в Курдистане, где езиды-солнцепоклонники и в наше время приносят богам свои кровавые жертвы.

Народы в Библии — сыны Иафета в истории соответствуют:

1. Гомер — киммерийцы

2. Магог, мадай-маги, одно из шести племен Мидийцев

3. Иаван — эллины (аланы), греки — курды

4. Фувал — хетты (табаал), у которых в армии служили воины

Манда

5. Фирас — Парс от Парсуа — край, окраина Мидии.

6. Аскеназ — германо-скандинавцы

7. Рифат — ведийский Рибху (Рифей — Уральские горы)

8. Тогарма — область Гармай в Мидии из ассирийских источников X—VI веков до н.э., соответствует район Барзан в Курдистане.

Употребление ассирийцами кутийского этнонима Гармай — теплый район кочевья (курд.), находит свое продолжение и в более поздние времена уже в нашей эре. О. Вильчевский говорит: «Как уста-

новил В.Ф. Минорский (*Kurdes, Encyclopedie de l' Islam* и V. Minorksky. *Les tsiganes Lufi et Les Lurs persan. J.A.*, том С IXIII, 1930. С. 281), для ранних арабоязычных авторов [...], «курдами» именуется кочевые племена Фарса, Исфагана и других районов Центрального Ирана, а территория нынешнего Курдистана называется Завазан — арабизированной формой курдского слова зозан «кочевье». (О. Вильчевский. *Курды. С. 147.*)

Ассирийцы говорили Гармай, арабы — Завазан, что полностью передает один смысл, понятный из наблюдений за общественно-экономической жизнью курдского общества — традиционно в течение года, весной, перегоняющие многочисленные стада мелкого рогатого скота с зимовий Гармай на летовки в горах Зозан и затем осенью обратно.

Свод «хеттских законов», где упоминаются касты «воины Манда» и «воины Сала», был составлен одним из преемников царя Телепину (1525—1500 гг. до н.э.). Из этого факта следует доказательство наличия государственности у курдов-курманджи, предки которых воины Манда, имели город Тегараму, соответствующий по названию области Гармай в ассирийских источниках. Область Гармай находилась на территории древней Аррапхи (возле совр. города Киркука).

Другая область обитания воинов Манда носила по данным ассирийских источников исконно курдское название — Замуа (замин). Область кутиев у ассирийцев и воинов Манда у хеттов, носившая имя Замуа, географически — верхняя часть долины Малого Заба, которая примыкала непосредственно к Ассирии с севера. Тогда как в широком смысле — область Замуа или Луллу — это вся территория от озера Урмия до верховьев реки Диалы» (р-н совр. курдских городов Миандуб, Банэ, Сулеймания, Зохаб, Сенендедж). (Э.А. Грантовский. *Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970. С. 88—89.*)

Имя Замуа продолжает сохраняться в названии курдского села Зивийе <Замуа возле г. Саккыза. Замены букв м>w (Замуа — Завийе) характерны для мукринского диалекта курд.яз; ср. перс. — замин, и мукр — зав «земля». (О. Вильчевский. *Курды. С. 136. прим. 2.*)

Сами кутии-курды называли свою родину в горах и долинах Загроса ведийско-арийским именем «страна Манна», восходящее к этнониму Манн, почитаемому в мифологии индогерманских народов — прародителем человечества.

В ведийской традиции индоариев Куру — Ману является сыном Вивасванта — сияние, солярное божество, олицетворяющее свет на

небе и земле. Ману — родоначальник людей — почитался как первый человек на земле, а его брат, близнец Яма, умерший первым из людей, как царь мертвых.

В Ригведе представлено несколько гимнов, посвященных ему.

Мандала X, 84 («К Манью»)

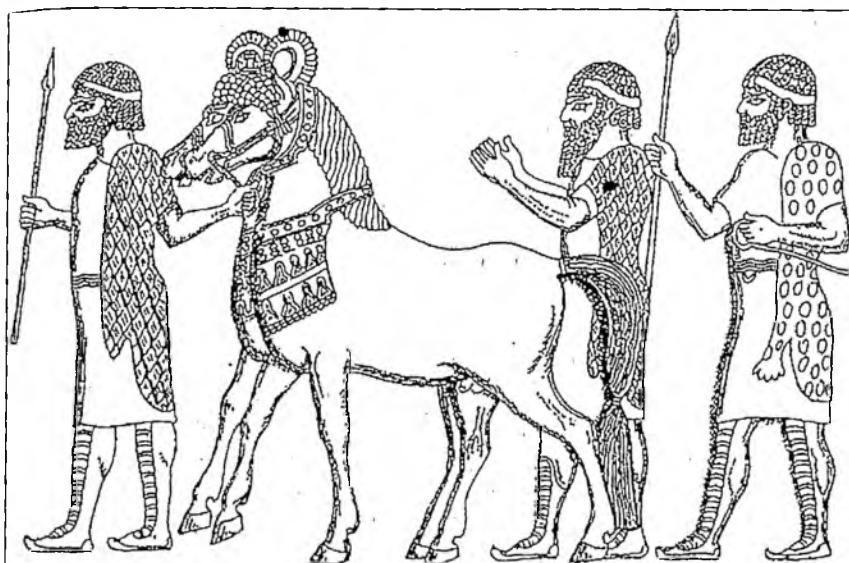
1. С тобой, о, Манью, на одной колеснице разбивая (врагов),
Возбуждающиеся, дерзкие, о (ты), окруженный Марутами
С острыми стрелами, отгачивающие оружие,
Пусть мужи, имеющие форму Агни, наступают вперед (на врагов)!
2. Сверкнув, о, Манью, как огонь, одерживай победы!
Стань нашим полководцем, о, (ты), осиливающий (бог,) когда тебя призовут!
Убив врагов, раздавай их имущество!
Измеряя мощь свою, разбрасывай врагов!
3. Преодолей, о, Манью, злой умысел против нас!
Разбивая, дробя, раздробляя, нападай на врагов!
Никогда не удержат они твою грозную массу.
Властный, ты ведешь (их) под свою власть, о рожденный Единственным.

(Перевод Т.Я. Елизаренковой)

Однако для Индии Ману является пришлым божеством, на что указывают многие факты, главный из которых наличие культа Ману — прародителя у иранцев и, что особенно важно — у северных германцев (немцев, датчан, англичан), живущих в Западной Европе, территориально и географически значительно удаленных от Индостана.

Переход курдов с Тегарама-гармиян на Замуа-зимистан

До настоящего времени курды следуют обычаям, которых придерживались их предки племена Манду-Маннеи. Как писал О. Вильчевский: «...рассматривая хозяйственную базу маннейцев, среди продвигавшихся в Северную Месопатамию из соседних районов Мидии пастушеских племен могли быть и такие, для которых основой их хозяйственной деятельности было отгонное овцеводство; такие племена, естественно, стремились бы к овладению альпийскими пастби-

*Туты мидян или маннеев. С ассирийского рельефа в Дур-Шаррукине.
Конец VIII в. до н.э.*

щами высокогорных районов. В этом отношении большой интерес представлял бы подробный анализ маршрутов горных перекочевок обитающих в крае в настоящее время племен. Даже те немногие данные, которыми мы располагаем, свидетельствуют о том, что многие племена нынешнего Мукринского Курдистана, имеющие зимовья на западных склонах горных хребтов, отделяющих Северную Месопотамию (нынешней северный Ирак) от Мидии, летом кочуют на восточных склонах тех же хребтов, то есть на территории Мидии. Таков, в частности, маршрут кочевания племен Харки, один из трех кланов которого носит название мандан, сблизившееся нами в своем месте с названием народа Манна. Я далек от мысли непосредственно сопоставлять харкинцев с иранскими племенами мидо-персидской эпохи. [...]

Однако маршрут кочеваний харкинцев, проходящий по издавна заселенным горным долинам, с населения которых они попутно собирают подать как со своих крепостных, и заканчивающийся прекрасными альпийскими пастбищами на восточных, мидийских склонах, бесспорно очень древен, как древни в своей основе взаимоотношения иранцев-кочевников с семитами-сирийцами и евреями-оседлыми в районе кочевания харкинцев. А раз это так, мы вправе предположить,

что этот маршрут сохранялся от той эпохи, когда иранские пастушеские овцеводческие племена, продвигаясь с территории Мидии на запад, овладели соседним населенным оседлым районом и, не найдя в нем достаточно хороших альпийских пастбищ, сохранили в своем владении свои старые пастбища на противоположном склоне гор. В этом нас убеждает и труднодоступность гор в этом районе, где переход с одного склона хребта на другой возможен лишь через два-три перевала, известных еще с эпохи ассирийского владычества». (Курды. С. 84.)

И далее Вильчевский в своей книге говорит, ссылаясь на известного немецкого исследователя, буквально следующее: «...Для того чтобы показать, насколько неприступен для всякого, кроме горца, район кочевания харкинцев, могу привести следующий факт: еще в годы Второй мировой харкинцы, кочующие по территории трех государств — Ирака, Турции и Ирана, собирали дань с расположенных на территории Турции деревень; при этом, когда начиналась перекочевка харкинцев, то турецкая жандармерия и воинские части во избежание возможных столкновений отходили и освобождали район. Об этом же глухо упоминает со слов курдов Б.Д. Хюттерот, которому в 1957 г., несмотря на содействие турецких властей, не удалось проникнуть в район кочевков харкинцев (Wolf-Dieter Hutteroth, Bergnomaden und Yaylabauern im Kurdischen Taurus. Marburger Geographische Schriften, Heft 11, Marburg, 1959. S 62)».

Переход из Гярсира на Замуа — летнее кочевье у курдов-бахтиар

Курды-бахтиары начинают подготовку к переходу на летние горные пастбища еще в марте. На совете глав родов и ветвей племен, который собирается перед откочевкой, определяются время снятия со стоянок, маршруты следования родов, места остановок. В долинах, где племена проводят последние несколько дней перед дальним переходом на летовки, все кочевники приобретают запасы, которые уже нельзя будет приобрести вдали от населенных пунктов (сахар, чай, табак и др.). Перед кочевьем бахтиары широко празднуют это событие, собирая всех соседей на обильное угощение, где все радуются откочевке в здоровую горную местность, ведь многие бедные семьи, присматривающие в селениях за посевами, лишены возможности хоть на время поменять местожительство. Большим унижени-

ем для семьи и всеобщим несчастьем является вынужденное пребывание в гярмсире весь год. Бахтиары, как и курды Загроса и Южного Кавказа, называют места зимовок — гармиан (гармесир).

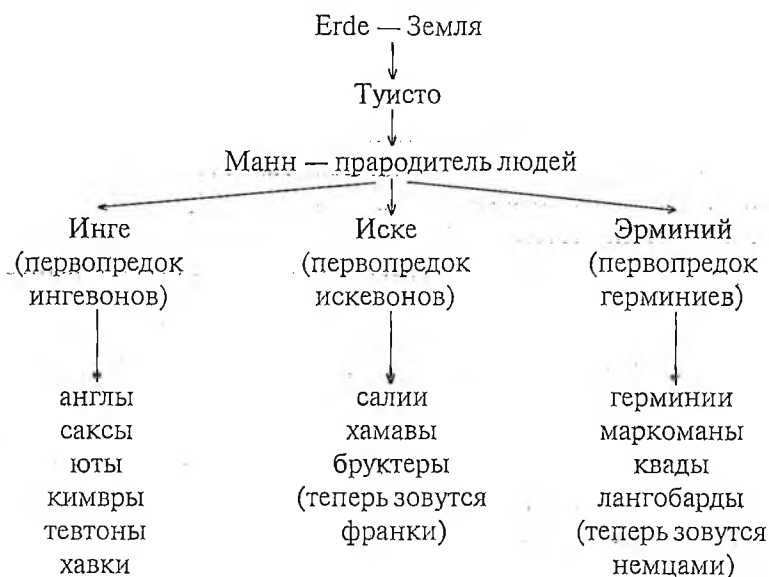
Как пишет В.В. Трубецкой: «Снимаясь с зимовки, скотоводы оставляют тяжелые зимние палатки на хранение оседлым райатам. Выступают, как правило, в середине марта, и каждое племя двигается в горы крупной колонной: впереди вооруженный дозор, за ним под охраной всадников основной караван лошадей, мулов и коров, груженных скарбом. Вьючных животных погоняют женщины, причем некоторые из них несут за плечами люльки с детьми или новорожденных ягнят. Далее также под охраной всадников следуют тысячные стада овец и коз. Бахтиары совершают невероятный по трудности переход, преодолевая в основном пешком перевалы и покрытые глубоким снегом крутые склоны. Вот как описывает переход бахтиар на летовку американский кинооператор М. Купер: «Племя приближается; наконец голова колонны поравнялась с нами; мужчины, женщины, дети, и многие из них босы. Босые идут по снегу! Я никогда не забуду этой картины, которая запечатлелась в моей памяти как величайшая трагедия. На заднем плане огромная людская масса, ползущая вверх по кручам сурово и непреклонно, не обращая внимания на ветер и снег. На этом фоне перед нами проходят: седобородый старик с трехлетним ребенком на плечах, старая седая женщина, погоняющая нескольких навьюченных коров, привязанный к спине осла худющий мальчишка, лицо которого стянуто так, что зубы выпирают из-под губ, девочка, несущая за спиной новорожденного ягненка... Пронзительный ветер треплет их хлопчатобумажные одежды. Они двигаются — тысячи и тысячи, и как медленно они карабкаются...» (М. Cooper, Grass New York — London, 1929. pp. 336—337). В пути переходят вброд горные реки с ледяной водой.

Переправа стад через Верхний Карун должна проходить в кратчайший срок, ибо на каменистых берегах скоту грозит гибель от бескормицы. Имущество, женщин, стариков и детей переправляют на плотах из надутых бурдюков. Мужчины перебираются вплавь. Особенно тяжело приходится погонщикам стад, которые, перегоняя скот отдельными партиями, десятки раз должны пересекать вброд ледяной поток. Переправа через Верхний Карун длится пять дней без передышки, с утра до глубокой ночи, при этом гибнут десятки овец, а иногда и люди. Тягчайший труд ложится на плечи женщин, кото-

рые доят скот, разбивают лагерь, готовят пищу и т.п. Переход на летовку длится около месяца. За это время некоторые племена преодолевают до 100 км тяжелого пути. По приходе в сардсир стада оставляют на попечение выделенным пастухам, все остальные люди приступают к ремонту оросительной сети и посеву яровых. (В.В. Трубецкой. Бахтиары. М., 1966. С. 106—107.)

Германо-английская родословная

О родстве германских и индоарийских языков говорит лексическая система санскрита, на 80 % являющаяся индоевропейской. При сопоставлении кажется, что индоарийский язык недавно отделился от германских или иранских языков, представители которых в мифологии также почитают индоарийского Ману — прародителя людей. У иранцев в большом почтении был Яма, брат-близнец Ману, который фигурирует в Авесте под именем Йима. По авестийской традиции именно Йима — Яма, расширил пределы индоариев, реальные следы древнего расселения которых археологи Г.Б. Зданович и В.Ф. Геннинг обнаружили на Южном Урале при раскопках городского поселения праиранцев Аркаим, датируемого серединой второго тыс. до н.э.

В эту же эпоху индоарии Куру стали со своими боевыми отрядами проникать с севера через перевалы Гиндукуша в Индию и захватывать плодородные земли в долинах Синда.

Поскольку культ Ману-первопредка зафиксирован в мифологии и у северогерманских народов, и в Авесте, то, следовательно, это божество проникло в Индию вместе с индоариями Куру, его почитавшими, которые отделились от основной массы индоевропейских племен, проживавших в Передней Азии и Иранском нагорье, где и по настоящее время проживают курды курманджи — «отпрыски Ману».

Непосредственно с Месопотамией связывает индоариев Куру и предание о Ману как о единственном человеке, спасенном богами во время всемирного Потопа (Шатапатха-брахмана. Т. 8, 1). Логически — наличие мифа о Потопе у ведических ариев Куру в Индии можно объяснить более древним проживанием индоарийских народов в Передней Азии, Месопотамии в эпоху культуры Халафы. Это подтверждает и так называемая индоязычность курдского племени зангене. Другое индоиранское имя — Синдху также связывает прародину ведических индоариев Куру с Месопотамией и горами Загроса, с которых стекает река Диала, в древности именовавшаяся Синда > Гинда. По верхнему течению Диалы в горах Загроса обитает курдское племя харки (хур-риты), в составе которых имеется целый род — Манда. С точки зрения этих историко-этнографических фактов, чтение некоторых гимнов Ригведы представляет собой этнографический обзор курдских племен.

Ригведа. Мандала I,
гимн 44 («К Агни»).

11. Мы помещаем тебя как исполнителя жертвы,
О Агни, как хотара, регулярно жертвующего,
Как (это было при) Ману.

12. Когда поставленный во главе богов, о великий, как Митра,
— —
Словно шумные волны Синдху...

Упоминание в одном гимне имен Митры-Мехри и Ману, ставшего эпонимом курдов-курманджи как «отпрысков Ману» живущих в горах Загроса далеко от Индии, доказывает соответствие реки

Синдху первоначально Гинде-Диале на Иранском нагорье, а затем уже Инду в Пенджабе, возникшем как название только при переселении индоариев Куру из Передней Азии далеко на восток в середине II тыс. до н.э.

Возможно, и библейский Рифат, сын Гомара (киммерийцев) и внук Яфета (Быт. 10, 3), брат Тогармы, соответствует ведийскому Рибху.

Ригведа. Мандала III, 60 («к Рибху»)

3. Рибху полностью добились дружбы Индры,
Помчались отпрыски Ману.

По ведийской традиции, Рибху искусный лучник (как касситы в Вавилоне) и великий мастер по изготовлению колесниц (как хурриты-матиены на Ближнем Востоке). По библейской традиции, Рибху, что вызывает огромный интерес — предок индоевропейских народов Передней Азии — пафлагонцев и кельтов (галатов во времена апостола Павла). Откуда в Ветхом Завете у евреев на Ближнем Востоке вдруг появились этнические предания индоевропейских народов? Даже учитывая факт вавилонского пленения евреев и расселения их среди кутиев-курдов Загроса, поражает контрастирующее отсутствие в Библии ассирийских этнических заимствований. Следовательно, логически это объясняется более древним возникновением упоминаний в родословной евреев индоевропейских имен Рибху — Рифат, Гармай — Тогарма, когда до Авраама в эпоху культуры Халафы евреи жили в Уре Халдейском в Месопотамии, а в горах Загроса (Гармай) обитали индоарии Куру. Возможно, в горе Реванд следует видеть древний этноним Рибху — из Ригведы и Рифат — из Ветхого Завета.

Парсуа или Парсава являлась третьей географической областью курдского княжества Манна. По всей видимости, эти три области — Гармиян — Гармай, Замиан — Заму и Парсуа составляли в древности исконные территории в горах и предгорьях Загроса, на которых протекал многовековой этнический процесс сложения курдской народности. Все этнонимические и ономастические имена данных регионов Загроса указывают на то, что именно индоарийские племена стали основой возникновения курдской нации. Эти данные, в свою очередь, позволяют определить всю область Передней Азии и Иранского нагорья древней прародиной индогерманских народов.

степень родства которых определяется близостью к индоарийскому языку гимнов Авесты или Ригведы.

В курдском языке слово — Парсу (-йе) — ребро, в отношении географическом, окраина территории. Именно окраину курдского княжества Мехри, а затем и княжества Манна представляла собой область Парсуа, включавшая район верховьев Диалы (долина Шахрезура), исконное местообитание племен воинов касситов, овладевших Вавилоном и расселившихся в Нижней Месопотамии. Впервые курдское слово Парсу, как имя собственное, встречается в Ригведе. Как писал Э.А. Грантовский: «Ригведа (VIII, 6.46) упоминает имя Paṛṣu, но это отнюдь не племенное имя персов, как иногда предполагали, а личное имя члена племени Ядавов. (Ṣatam aham tīrindīre sahasram paṛṣavā dade Radhansī yadvanam — Получил я сто у Тиринды, тысячу у парсу даров Ядавов [...]). В Ригведе Paṛṣu упоминается еще раз (X, 86, 23) как женское имя: Paṛṣur ha nata manavi sakam sasuva viṅcatim — «Парсу по имени, дочь Ману [...], родила одновременно двадцать (детей)»; речь идет об очень древнем мифологическом персонаже. Таким образом, Paṛṣu было личным именем самих индоарийцев и, по видимому, весьма распространенным, а персы в Ригведе не упоминаются» (1970, стр. 154). Из всех иранских народов в этом регионе только курды сохранили этнические и языковые черты прямого родства с ведическими индоариями Куру. Это и кастовая система курдов-езидов, поклоняющихся солнцу, и индоязычность курдского племени зангене-лулу(меи). Упоминание в гимне Ригведы Паршу-парсу «своенравной» как «дочери Ману», то есть того божества (Ману), культ которого является пришлым для Индии с запада, указывает, что в эпоху создания Ригведы индоарии Куру, они же воины Манда, обитали в горах Загроса. Этот исторический факт полностью подтверждается «Законами» хеттских царей, определяющих положение воинов Манда (курманджи) и воинов Сала (касситы — бахтиары) города Тегарама-Гармиян в Загросе.

Как и любое слово из древних языков, курдское слово Парсу имеет несколько смыслов и значений. В курдском, помимо анатомического значения — ребро и пространственного — окраина, лексема Парсу обладает и психологической характеристикой — упрямый, злой, в смысле отчаянный, отважный (воин). Телесные эпитеты, выступающие как психологические характеристики человека, наиболее существенная особенность древних языков. Например, в древнеиндийской литературе, в Рамаяне, встречаются такие эпитеты героев, как прекраснорыбая, лотосокая, полногрудая, и т.д. Курдское Парсу

как воинский термин начинает встречаться уже в Ригведе. Э.А. Грантовский говорит: «Ведическое определение воинов *prthupaṛṣavāna* «широкогрудые» от *prthu* «широкий, большой» (RV, VII, 83, 1) соответствует авестийское *Paṛəpi vaṛah*, эпитет арийского бога ветра и войны Вайю в Яште XV, 54. В отличие от названия иных частей тела, именно образования от *paṛsu* имели тенденцию к общему определению людей могучего телосложения, по преимуществу воинов богатырей. К этой группе слов можно отнести и перс. *Pahlav, pahlavan* — обычные переводы: герой, витязь, силач, богатырь и т.п. откуда и произошло и перс. *paṛθava*. Но последнее закономерно восходит к др. перс. *paṛθava* < арийск. *paṛsava* и *pahlavan* к др. перс. *paṛθavana* = *parsavāna* (< *parsavāna* [...]). Это подтверждается рядом значений перс. *pahlav, pahlavan*: человек мощного, крепкого телосложения, рослый, атлетически сложенный, силач, борец, богатырь; воитель, храбрый воин, витязь, герой, смелый, отважный и т.д. Эти значения или, по крайней мере, часть из них совпадают с установленными выше для иранск. *Paṛsava*- и, следовательно, на много столетий старше времени, когда имя парфян могло оказать какое-то влияние на семантическое развитие ряда *paṛsava* = др. перс. *paṛθava* > *pahlav*. Кроме того, очевидна связь слов *pahlav, pahlavan* с *pahlū*; помимо указанных выше (бок, боковая часть груди и т.д.), одно из основных значений *pahlū* «сила», «храбрость» (ср. также в *pahlī* — *daṛ* «мужественный, сильный, крепкий»), а связь *pahlū* с др.-перс. *paṛθu* = иран. *paṛsu* бесспорна (а от имени парфян, оно, естественно не может происходить).

Таким образом, значения перс. *pahlav, pahlavan* следует привлечь для установления семантического развития др. иран. *paṛsu* — *paṛsava*: первоначально «обладающий (широкой) грудью или (широкими, крепкими) боками», «широкогрудый», «крепкобокий» и очень рано (до появления личных имен типа *Paṛṣu, Paṛθu*, очевидно предшествовавших этническим названиям) «рослый», «крупный», «человек мощного телосложения». Эти значения должны были существовать уже в арийском. Возможно, тогда же этот термин, применяясь по отношению к воинам, приобретает более широкое значение «храбрый воин», «витязь», «герой» (отсюда, очевидно, и этнические названия) и, наконец, просто «мужественный», «смелый», «отважный» (1970. С. 173—176.)

Характеристика человека, как «храбреца с крупной костью» — широкогрудого, имеет чрезвычайно важное значение для жителей этого региона Загроса.

Область Парсуа курдского (индоарийского) княжества Манна включает и верховья Диалы в предгорьях Загроса, откуда, как считают историки, вышли касситы, имя которых восходит к курдскому коски — великан, исполин (богатырь). Иными словами, более позднее курдское слово Парсуа — отважный, злой, соответствует по смыслу другому более раннему этнониму народа касситов — коски — исполины, богатыри. Подтверждением превращения телесного эпитета исполин — коски в национальный этноним являются факты использования хеттами воинов касситов в своей армии. При этом хеттские законы объединяют воинов касситов-исполинов в особую касту воинов-Сала, состоявших на жаловании царя Солнца. Сами касситы поклонялись индоарийским божествам, что подтверждается не только древними источниками с упоминанием имен ведийских богов, но и тем весьма примечательным фактом, что курды-езиды, потомки воинов Манда, служивших в хеттской армии, как и воины Сала (касситы), до настоящего времени поклоняются Солнцу и разговаривают на индоиранском курдском языке. Это доказывает индоиранскость как воинов-Сала в хеттской армии, так и самих касситов в горах Загроса. Ту область, которую шумеро-аккадские источники конца III тыс. до н.э. на северо-востоке от Месопотамии называли «страной касситов», позднее ассирийские тексты именовали Парсуа. Два этих термина восходят к курдскому языку, что и является простым и надежным свидетельством автохтонности и индоарийского происхождения курдов, непрерывно проживающих в горах Загроса, уже начиная с эпохи Шумера и Аккада, то есть с III тыс. до н.э.

До настоящего времени в курдском языке словом пәләван, восходящему через форму пахлаван > парсуван > парсу — ребро, называют человека крепкого телосложения, богатыря.

Наличие этнонима половцы, часто встречаемого в русских средневековых летописях, показывает реальное расселение курдско-мидийских племен коневодов-asabara > сувар, в степях Северного Причерноморья далеко от Мидии — Курдистана в Передней Азии.

Область Сагарту — Зикерту лежала на северо-востоке княжества Манна в долине рек Сефид-руд и Мадай. От центрального района Манна область Зикерту — Сагарту была отделена горной цепью, носившей исконно индоарийское имя Гизильбунда. Имя курдского племени Сагартии восходит к древнеиранскому Asa, конь, лошадь и гәгәӨә — связывать, пленять, в курдском — гьре — петля, узел — гьредан, связывать, пленить, гьртън — держать, задерживать, ловить.

Этноним Сагартии — Asagarəθə четко указывает на племя курдов-коневодов, занимавшихся укрощением необъезженных коней. В этом отношении интересно привести свидетельства о Сагартиях, составлявших позднее, через несколько столетий — конницу персидских царей династии Ахеменидов. Так, Геродот писал («История», VII, 84, 85): «В коннице [Ксеркса], впрочем, не все народности, а только следующие: прежде всего персы. Они носили то же вооружение, как и пешие, но только у некоторых на голове были медные, чеканной работы и железные шлемы.

Среди них есть некое кочевое племя по имени сагартии. По происхождению и языку это персидская народность, но одежда их наполовину персидская, наполовину пактийская. Они выставляли 8000 всадников, бронзового или железного оружия у них, по обычаю, нет, кроме кинжалов. Вместо этого у них только плетенные из ремней арканы. С этими-то арканами они и идут в бой. Сражаются они так: сойдясь с врагом, они забрасывают арканы с петлей и затем тащат к себе, кого они поймают — коня или человека. Люди, пойманные в аркан, погибают. В битве сагартии стояли возле персов.

Мидийские всадники были снаряжены подобно своим пехотинцам, так же и касии. Индийские же всадники носили одинаковое снаряжение с пешими воинами, но ехали не только верхом на конях, но и на колесницах, запряженных конями и дикими ослами. Вооружение бактрийских всадников было то же, что и у пеших воинов, точно так же и у каспиев. И ливийцы имели одинаковое вооружение с пешими воинами. Все эти народности также ехали на колесницах. Каспии и парикании были вооружены так же, как и пешие воины. У арабов тоже было одинаковое вооружение с пешими воинами, но все они ехали на верблюдах, по быстроте не уступающих коням.

Только одни эти народности служили в коннице. Численность же конницы составляла 80 000 всадников, не считая верблюдов и колесниц».

В этом античном тексте сагартии изображены как конники — всадники (asa — бага, др.-перс.) и умельцы пользоваться арканами с петлями (гəгəθə, др.-перс.), которыми связывают — гьредан — (курд.) своих врагов. Это определение дает возможность правильно понять возникновение самого этнонима курдов — сагартий (asa гəгəθə) — коневод», то есть иранское племя, умеющее укрощать и стреножить дикую лошадь. Иранский этноним асагартий возник вследствие двух основ: asa — конь, + гəгəθə, довольно распространенный тип слово-

образования в индоевропейских языках, например — лесовод (лес + вести); коневод (конь + вести) в русском языке; destsho — рукомойник (dest + sho), destmal — полотенце (dest + mal) в курдском языке; vayahsama — ровестник (vaya + sama), jivaloka — мир живых — одушевленный мир (jiva + loka) в санскрите.

В связи с вышеизложенным выглядит абсолютно надуманным перевод И.М. Дьяконовым этнонима курдов — сагартии как «камнеройцы». Ни в одном античном источнике никогда асагартии не показаны, как камнеройцы, наоборот, всегда изображаются всадниками, составляющими конницу персидского царя. Определение сагартиев как конников Манны (Мидии) полностью соответствует тексту Авесты, в котором говорится о стране Митры-Мехри — чьи пастбища просторны», и о том, что «коней даст быстрых Митра».

Этимологически курдское имя асагартий совпадает с древним этнонимом асы (осетины) индоиранской народности, жившей в античную эпоху от границ Северного Кавказа и Азовского моря (Меотиды) на востоке до границ Дакии (Яссы в Румынии).

Перечисление асагартиев у Геродота наряду с кассиями (касси-ты-бахтиары), говорит, что этот термин, сагартий — коневод, очень древний, наряду с этнонимом касситов, о которых известно уже в начале II тыс. до н.э. из клинописных вавилонских источников. Поскольку еще в эпоху Геродота, как это видно из его «Истории», арабы-семиты ездили верхом на верблюдах, то, следовательно, и в более ранние времена арабы не могли быть коневодами. Из этого видно, что термин шумеров Лу-марту, люди-Марьяну (колесничие на лошадях) и их разновидность суты, возникшие (народ суту) не могли быть семитами, а были этнически курдами мьрьд-са-гарты, то есть Марьяну суты.

Миграция курдско-мидийского племени сагарты из района озера Урмия на Северный Кавказ и Северное Причерноморье подтверждается как текстом Авесты о расселении индоиранских народов к «пределам земли», так и античными данными о нахождении далеко на севере другого, курдско-мидийского племени сангибуду.

Область Санги-буду (будхи) располагалась на севере княжества Манны от реки Аракс до гор Арвин и Кара-дага (район соврем. курдских городов Котур, Хой, Маранд), рядом с областью Зикерту.

Во-первых, сразу необходимо указать на необычайную древность курдского этнонима племени санги-буду, который является не иранским, а более архаичным индоарийским. Санги — Сангха, община,

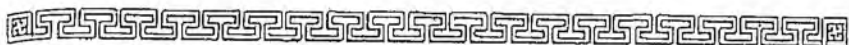
религиозное учение, объединяющая людей, секта. Будтха — Будха имя собственное, — сын бога Сомы в индоарийской мифологии Риг-веды. Будха почитался прародителем скифо-сарматского племени будинов, обитавших в античные времена на территории от Южного Урала до Северного Кавказа и Причерноморья. По преданиям индусов, от брака Будхи с Илой-Идой, дочерью Ману (Курманджи) пошло потомство царей, один из которых, Самвартан (8-е поколение от Сомы), женился на скифо-сарматской богине огня Тапату (тэф — жар, тепло, курд. яз.), а их сын, названный Куру, стал прародителем ведических индоариев Куру, пришедших с севера через Гиндукуш и завоевавших Индию (II тыс. до н.э.). Ида-Ила не столько индоарийская, сколько индоевропейская богиня. По мифическим преданиям античных греков в Передней Азии, где и проживают курды-курманджи, на склонах горы Иды (Илы), родился и получил воспитание бог света Дьяус-Зевс.

По сообщению Геродота, курдское племя с тем же индоарийским именем будины проживало в VI в. до н.э. далеко на севере от Передней Азии, в Сарматии.

Геродот (История IV, 21, 108): «За рекой Танаисом (Доном) — уже не скифские края, но первые земельные владения там принадлежат савроматам. Савроматы занимают полосу земли к северу, начиная от впадины Меотийского озера, на пятнадцать дней пути, где нет ни диких, ни саженных деревьев. Выше их обитают, владея вторым наделом, будины. Земля здесь покрыта густым лесом породы».

Имя савроматов напрямую восходит к курдскому (или протокурдскому) языку и означает саур — всадник. В Раннем Средневековье в степях, прилегающих к Южному Уралу, ираноязычные историки отмечали город Сувар, то есть область содержателей лошадей — asa — конь, и var — поселение (авест.). Нетрудно заметить, что этнонимы асагартий, савромат, асы происходят от одного индоиранского корня — As(p) со значением «лошадь, конь». В Авесте культ коня освящался индоарийским божеством Митрой, имя которого носило наиболее древнее курдское княжество Мехри уже в III тыс. до н.э., зафиксированное даже в шумеро-аккадских надписях царя Нарам-Суэна.

Соответствие этнонимов курдских племен сагартии и будины именам индуистских божеств — Сагары в Махабхарате и Будхе (Пунданы) доказывает, что индоарии Куру до своего вторжения в Индию в начале II тыс. до н.э., возможно, проживали в Передней Азии. Прародина индоариев Куру в I Передней Азии подтверждают «индийские»

этнонимы и других курдских племен: Сынеи — *sena* — войско»; курманджи-Ману — потомки Ману», Сомавенд >Хемавенд — отпрыски Сомы».

В районе озера Урмия располагались другие северные области курдского княжества Манны. Гильзан примыкал к Урмии с запада, с востока, — Уишдиш (Вишпдыш — Виспдышт), а с юга Месса и Харран, граничащие с Замуа и Лулу (мейя), находившихся в географическом центре Манны.

Гильзан — Гель + занту — народ — племя» (курд. — перс.), соответствует термину Кара — народ — войско» (ополчение), в Бехистунской надписи царя Дария Ахеменида. Гильзаны известны в позднее время как Гиле или курды-дейлеми.

Месса — медь (курд.) известна с древности как район, богатый железной рудой и в этом отношении представляющий «стратегическую область», сырье из которой, железо, шло на изготовление деталей для боевых колесниц касты воинов марьяну и суту у курдов и воинов манда-курманджи.

Уишдиш ассирийских источников точно воспроизводит курдско-мидийское *Ve aspe — desht* — поле, простор лошадей», где (э) *ve* — указ. артикль, *aspe* — конь, *desht* — дешт — страна — каменистая степь».

Харран (область Манны) находился возле Мессы к югу от Урмии. Мары, одно из племен белуджей в Мехране в Белуджистане, в своих преданиях считают себя выходцами из Харрана. Мары-марды как индоиранское племя, обитавшее в Передней Азии в Мидии, неоднократно упоминается в античных источниках, чем собственно и подтверждается предание белуджей о миграции их предков в Белуджистан в долину реки Инд с запада, с Иранского нагорья и с южного побережья Каспия. Харран представлял собой маленькую территорию и, следовательно, предки многомиллионного племени белуджей обитали и в других княжествах государства Манна. Это согласуется и с преданиями самих белуджей (Мары, Бугтим) о том, что они родичи курдов, то есть курманджи, обитавших по всей территории Манны.

Намар, область Манны, располагавшаяся в среднем течение р. Диалы, называемой в древности Гиндой, возможно и была названа в честь племени обитавших там маров. В этом случае имя области Намар состоит из древнеиранского указательного местоимения *apa* — тот, и имени Мар, (а) *paṃag* — Намар в ассирийских источниках.

Указательное местоимение апа — тот, имелось и в иранском языке жителей Хорезма, куда, по Авесте, переселились жители Мехри, причувившие к тому времени диких быков (об указательном артикле в хорезмском языке Фрейман А.Н. 1951. С. 47). К древнему имени Мары-Марды восходит название касты мьрьд у езидов-солнцепоклонников и подтверждает родство курдов и белуджей.

Южнее Намара находилась область Бит-Хамбан. В верховьях реки Керхи, в долинах Махидешта и Сеинмарра — область Эллипи, а далее к востоку в районе Хамадана в Иране — маннейская область Паратакена.

Иранское и индоарийское чтение древних топонимов и этнонимов курдско-кутийского княжества Манна является оправданным и единственно верным, поскольку в последующие периоды истории и вплоть до настоящего дня на этой территории зафиксировано непрерывное проживание только одной иранской народности — курдов. Многочисленные индоиранские племена курдов Загроса и Тавра предстали различными народами для шумеро-аккадских и поздних ассиро-вавилонских писцов, живших в Нижней Месопотамии вдали от труднодоступных горных районов обитания потомков Ману — курманджи. Например, сравните: Арисена (царь Тукриша и Намара) — курдское племя сынеи в санскрите — *sepa* — войско, Раматавийя (ассир.) — *ramatua* — мощный (иранск.) > *ram* — курдское племя. Намар — (*ew*) *anna Mārr* > *mar*ы, племя белуджей. Позднее именно кутийская область Манна стала ядром Мидии. Даже И.И. Дьяконов («История Мидии»), касаясь вопроса о составе населения Мидии около 1000 г. до н.э., признавал: «Этнический состав Мидии, по крайней мере западной, для этого времени нам достаточно ясен. Хотя отдельные этнические термины могли изменяться, но у нас нет данных о значительном перемещении этнических масс и мы имеем право считать состав населения в целом неизменным с III по начало I тыс.. Это население на всем протяжении от р-на озера Урмия (включая отдельные этнические островки по направлению к озеру Ван) до верховьев Диалы было кутийско-лулубейским, причем, вероятно, лулубеи располагались полосой в более западных, а кутии — в более восточных. В качестве третьего этнического элемента можно предполагать, на той же приблизительно территории, мехранцев. Юго-западные районы — верховья Диалы и верховья Керхи — были заняты касситским этническим элементом. К касситско-эламской группе принадлежали веро-

ятно, и обитатели приморской полосы, которых античные авторы именовали каспиями, и др.» (Указ. соч. С. 138).

Область к югу и юго-западу от озера Урмия была (...) кутийской или кутийско-луллубейской. Область Хубушки относилась к территории распространения хурритов и урартов. Есть данные о распространении на этой территории кутиев, по крайней мере, во II тыс. до н.э. Так, согласно надписи Салманасара I, (...) кутии обитали на территории от Уруатри (племенной союз к западу от озера Ван) до Кутмухи (верхней части реки Тигра); таким образом, долина Бохтан входила тогда в их территорию (Там же).

Ассирийская агрессия IX—VI вв. на курдское государство Манна-Мехри

Ададнерари II (911—890 гг. до н.э.) в надписи сообщает о своем походе на Манну «от той стороны Нижнего Заба на границе страны лулумеев, по Хабхи и Замуа до перевалов Намар» и еще раньше, поднимаясь вверх по Большому Забу, дошел до «страны Мехри», (около западных берегов Урмии).

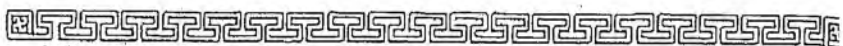
Тукульти-Нинурта II (890—884 гг. до н.э.) в 885 г. до н.э. совершил два похода на Манну.

Ашшурнасерпал совершил 3 похода в Манну. Первый в 883 г. по горным районам Кирури, Симеси, Симера, Ульмания, Адауш, Харга, Хармаса в бассейне Верхнего Заба, принесший добычу в виде коней, серебра, золота, бронзы.

В 881 г. Нур-Адад, племенной вождем княжества Дагар, стал воздвигать крепостную стену на Нижнем Забе по дороге к современной Сулеймании для защиты от ассирийцев. Для этого Нур-Адад объединился с царем Киртиары с центром Ларбу-

Ашшурнасерпал II (883—859 гг. до н.э.)

са и царством Мусасины с центром Бунаис, располагавшихся на севере Замуа. Ашшурнасирпал напал на них и дошел до горы Нисир, захватив Дагару, Киртиару, Мусасину и обложив данью лошадьми, образовал на их землях провинцию Мазамуа, а север стал называться Манна.

Среди других поселений Манной упоминаются Узе, Бируте и Лага-лага (которое можно связывать с курдским племенем лак), Дур-Лулу-ме (по реке Лолып) и Ларбуса, где обитали бусы, мидийское племя.

В 880 г. до н.э. маннейские князья Араштуа и Амека из Замуа не выплатили дань. Ассирийские войска с Ашшурнасирпалом во главе захватили крепость Аммали на восточном берегу Диалы, принадлежавшей Араштуа, а затем разграбили княжества Киртиара, Мусасин, Сабин, захватив крепости царя Амеки — Замру, Парсинду, Суриту, Ириту. Далее, ассирийцы разорили царство князя Аты, располагавшееся в Дагаре (в р-не Сехне) и получили дань с жителей Сипирмены, как сказано в ассирийском тексте: «жители которой лепечут как женщины». Как говорит Вильчевский: «Пройдут века, и эту характеристику повторят говорящие, как и ассирийцы, на одном из семитических языков — арабы, применив к иранской речи термин аджама — плевать финиковыми косточками в переносном значении «лепетать, лопотать, бормотать»». (Указ. соч. С. 53—54.)

Ашшурнасирпал также попытался захватить крепость Мессу.

С 859 г. до н.э. походы в Манну совершал Салманасар III.

В 855 г. Салманасар III напал на маннейское княжество Никтиара (Мектиара), перейдя перевал Бунаис. В 842 г. Салманасар III подавил восстание в Намаре и поставил наместника из Бит Хамбана, отказавшегося платить дань ассирийцам уже в 834 г. При вторжении ассирийских войск наместник скрылся в Мидии. Ассирийцы заняли область Парсуа, располагавшуюся между Манной и Намаром (Вавилоном), где находились маннейские царства князей Араштуа, Амеки, Аты. Затем Салманасар вошел в маннейские области, в Мессу, упоминаемую в ассирийской надписи с областями Мадай (Мидия) и Гизильбундой (Бундха), Аразиаш, Хархар, где занял 4 крепости: Тарзанаби, Куакинда, Эсамуль, Кинаблила.

Поход 828 г. был направлен для грабежа маннейских княжеств на равнинах к югу от озера Урмия. Ассирийские войска, возглавляемые турганом Дайан-Ашшуром, прошли от Верхнего Заба в Хубушкию на юге от озера Ван, затем через земли Магдубы Малхисского и вторглись в княжество царя Манной — Уалки, который укрылся в горах.

Ассирийцы опустошили Изирту (Саккыз) и двинулись на царя Шулусуну, правившего Харруном и Артасара, царя Шурдиры.

827 г. Дайан-Ашшур со своими войсками прошелся по Манне от Гильзана на севере до Намара на юге и захватил крепость Бушту на границе Манны и Парсуа. Из ассирийских надписей мы узнаем имена следующих царей княжеств Манны: Упу (Гильзан), Уалки (Манна), Шулусуна (Харрун), Артасару (Шурдира), Никдиары (Ида), Нинни (Ариду).

Страна Манна названа один раз — Манаш, с окончанием именительного падежа аш, известным в индоиранских языках.

В 827 г. Гильзан захвачен Ишпуини, царем Урарту.

В 824 г. Шамши-Адад совершил поход против Сигриса.

В 820 г. Шамши-Адад, пройдя Мессу, занял Гизильбунду. Два вождя Гизильбунды в округе Кинаки-Титамашка из крепости Сассиашу на юго-западе и Киара из Кар-Сибуту принесли дань. А царь Гизильбунды, Пиришати, собрав народ, укрепился в крепости Ураш, которая пала под ударами ассирийских войск. Надписи сообщают о гибели 6000 воинов и взятии в плен Пиришати и 1200 воинов. Вождь Энгур выразил покорность и в его крепости Сибаре Шамши-Адад воздвиг свою стелу. Вождь племени мадай — Ханасирука дал бой ассирийцам. На обратном пути битву ассирийцам дал Мансуарта, правитель Аразиаша.

28 правителей Мидии принесли дань ассирийцам. Ададнерари III

*Салманасар III
(858—824 гг. до н.э.)*

совершил 8 походов против Манны в 809, 807, 806, 804, 799, 797 (Намру) 793, 792, 788 гг. В его надписях упоминаются Эллиппи (р-н Керманшаха); Аразиаш, Хархаре (р-н Сев. Хамадана); Манна, Парсу; Аллабрия (в верховьях М. Заба); страна мидян в Гизильбунде.

В результате первого похода Тиглатпаласара III на Мидию были созданы две новые области Ассирии: Парсуа и Бит-Хамбана. Эти области сохранялись в составе Ассирии вплоть до ее падения.

Другим результатом похода 744 г. был захват ассирийцами лошадей и мелкого скота, а также угон парсуанских ремесленников. Часть оставшихся жителей была впоследствии выселена. Анналы Тиглатпаласара от 738 г. сообщают о поселении в Сирии и Северной Финикии пленных кутиев и жителей Бит-Сангибути (Бит-Санги). Переселенцы названы по племенам, местностям их происхождения: иллимильцы, наккабийцы, будийцы, дунийцы, билильцы, банитийцы, сангиллы и жители поселения Нергал-илу-ина-мати. Из них будийцы были мидийским племенем будиев, жителями поселения Буду на границе Вавилонии и Элама, завоеванного Тиглатпаласаром в 745 г. до н.э. Это дает указание на расселение племени будиев, одного из шести племен мидийского союза, упоминаемых Геродотом, на крайнем западе Мидии.

В 737 г. Тиглатпаласар III повторил поход на Мидию. Область Бит-Капси, покоренная в 744 г., была завоевана снова. Ассирийские войска прошли завоеванные еще в 744 г. Бит-Санги и Бит-Таззаки. Захватили ряд поселений, имевших центр Бит-Иштар (ассир. «храм богини Иштар»), где правил некто Ба'. Здесь ассирийцами был теперь установлен культ священного копья вавилонского бога Нинурты. Вожди расположенных далее к востоку областей Упаш из Бит-Капси, Ушуру из Тадирруты(?) и Бурдада из Нирутакты применили тактику укрытия в горах. Ассирийское войско дошло до крепости Сибур (Сибар) и взяло ее. Эту крепость (около соврем. Зенджани) еще в 820 г. брал Шамши-Адад V.

Ассирийцы прошли через область Бушту с одноименной крепостью в районе стыка границ Манны, Парсуа и Гизильбунды, и вступили на коренную территорию мидийского союза. К этому же месту относится упоминание в ассирийских анналах области Ниша, или Нишай (Нисейских полей античных авторов, соврем. равнина Казвина) и перечисление мидийских областей Ариарма (иранская Арья-Урва?), Петушиной страны (māt tarlugalk) и Саксуку.

В 744 г. до н.э. ассирийские войска совершили поход на Намар и разорили ряд княжеств на своем пути вверх по долине реки Диалы.

Были захвачены в плен Каки, царь Бит-Затти, Митаки, царь Бит-Санги. Затем ассирийцы вступили в область Мидии Парсуа. Тигпаласар III потребовал с мидян около 15 тонн меди в виде дани. Тигпаласар III захватил два мидийских княжества Парсуа и Бит-Хамбан и сделал из них две ассирийские провинции.

В 737 г. Тигпаласар совершил новый поход на Мидию и разрушил княжества Бит-Санги, Бит-Таззакки, Бит-Матти.

Позднее в Мидию совершил поход Ашшурданнинани, полководец Тиглатпаласара III, и взял дань 5000 лошадей.

Иранзу был царем Манны, и ему также подчинялись княжества Уишдиш (р-н соврем. Мерагэ), Зикерту (р-н Ардебиля), Андиа (р-н Сефидруда) и на юге — Гизильбунда, область царя Дейока, который, по данным ассирийских источников, был в 715 г. взят в плен и выслан в Сирию. При Иранзу царство Манны усилилось, но в 719 г. два города-государства — Зурзука (Дурдукка) и Шуандахуль перестали подчиняться его власти. Зурзука ассирийских annalov соответствует курдам племени Зэрзэ(ki). По сообщениям ассирийцев, Зурзуки (Дурдуки) были поддержаны войском Метати, царя Зикерту. Три крепости на севере Манны заключили договор с царем Урарту — Русой I. При помощи войск Саргона I царю Иранзу удалось восстановить свою власть в этих областях. В 716 г. до н.э. царь Иранзу умер, и на престол Манны взошел его сын Азу, которого свергли, а затем убили воины маннейских правителей: Метаты, царя Зикерту, Багдати, царя Уишдиша, Телусины, правителя Андии. Вмешательство ассирийских войск изменило ход событий, и на престол Манны был возведен Уллусуна.

Саргон II, воспользовавшись смутой в Манне, двинулся во главе ассирийского войска вглубь страны и захватил Кишессу и Хархар, превратив их в провинции своей империи. В это время Руса I, царь Урарту, начал войну против Улусуны, царя маннеев, перешедшего под власть Ассирии. Источники из Ассирии извещают, что после захвата (освобождения) царем Урарту 22 крепостей наместник Дейок решил не подчиняться царю Манны.

Саргон II отвоёвал эти крепости у Урарту. Пленив Дейока, сослал его в Сирию, а на его земли в Гузане на реке Хабуре были поселены евреи Израильского царства. Затем Саргон взял дань с Телусины, царя Мессу в Манне, воздвиг свое изображение в г. Изерту... В 715 г. до н.э. вспыхнуло восстание в Хархаре, затем Хамбане — Намаре, Сангибуту, Сигрисе и в ряде других провинций против ассирийских

Саргон. 721—705 гг. до н.э.

захватчиков. Несмотря на захват важных крепостей в районе Верхнего и Нижнего Заба Саргону II не удалось подчинить Манну, среди жителей которой ассирийские анналы все еще отмечали кутиев, лулубеев, то есть самых древних жителей Месопотамии.

В 714 г. до н.э. Саргон II во время похода на царство Урарту в районе оз. Ван-Урмия прошел со своим войском через маннейские области Сурикаш, Аллабрия и вернулся через Парсуа. Затем Саргон, перейдя через горные перевалы, вступил в маннейское княжество Меси, где находилась крепость Зурзукки (Дурдукки) и напал на Зикерту, царь которой Метатти оставил свою крепость Парду и скрылся в горах. Разгромив в битве войска Русы, Саргон

вступил в царство Урарту, двигаясь вдоль восточного берега Урмии.

Важно отметить, что этот военный поход Саргон II совершил совместно с Улусунной, царем Манны, получившим в свои руки 24 крепости царства Урарту.

К 713 г. Саргон разорил следующие области Мидии:

- Парнуа — Сигрис
- Ситирна — [...] сана
- Уппама — [...] на
- Машдаку — Амакки — Меш — Dakku
- Иштессуку — Иштеуббу (или Иштеутну)
- Уарзан — Укутти — Varzan — Бурзян
- Ашпабара — Каккам Ушкаккан
- Саттарешу, Сибрасу — владыки поселений областей Бит-Барии и Бит-Мишбари

Сатарпану — Уппуриа
Партукку — Андирпаттиану (m Pa-ar-ku-ku — mMas\par-tuk\ku-ku, Машдукку)
Ариа — Бушту [ш?] Пушту
Ушра (йа) — Канзабакану
Машдуку — Аратпати — Меш-Dak
Хардукка — Харзиану — Хардукка <Зардукка
Иштелику, Ауарипарну — владыки поселений страны [II] итану
Падан.
Арбаку — Арпата
Шарутти — Кар-Зину
[Сатари] анну — Барикану — паритакены (курдское племя)
[...] — Зазакну — За-За — (курдское племя)
[...] — Каркасия — Кар-каш-ши — область царя мидийцев Дейока.
[...] — [II] артакану...

Многие из имен, а в особенности из топонимических названий, принадлежат к коренным иранским языкам Мидии: Парнуа (Farnavahu? — добрый, славный), Машдаку (Mazdāka, от Mazdā — премудрый — имя божества), Ашпабара (Aspabāra — всадник), Сатарешу (Xšaθgā+власть), Ариа (Aryāya — арийский), Ушра(йа) (Ušθgāya — владеющий властью) и др. Мальдā < иранск. Mazdā — премудрый (бог): ассирийское Š соответствует иранскому s. В составе этих списков Arbaku и другие имена, близкие к именам мидийских царей, приводимые у Ктесия.

В 713 г. Саргон II совершил еще один поход в Мидию. Текст Анналов: «В области Эллипи Саргон возвел на престол царя Дальту.»

В 706 г. до н.э. наместник Эллипи царь Дальта умер, а между его сыновьями, носившими исконно иранские имена: Аспабара — всадник, и Нибэ — внук, вспыхнула война. Ассирийцы поддержали Аспабару, а эламский царь Шутрук-Наххунте II — Нибэ. Ассирийским властям удалось сломить Нибэ и захватить его в крепости Марубите вместе с 4500 эламскими лучниками.

В 702 г. до н.э. Аспабара примкнул к Эламу, и Синахериб, напав на Эллипи, захватил ряд крепостей.

После гибели Саргона II, погибшего около 704 г. до н.э. в битве с курдами при попытке ассирийских войск захватить мидийскую крепость Кулуман, халдейский царь Мардук Апла-иддин (Мардукпаладин) сумел вернуться в Вавилон. Мардук по-прежнему носил древ-

ний титул касситов — царь страны Кардуниаш. С целью вернуть контроль над Вавилоном Синнахериб (705—681 гг. до н.э.), сын Саргона II, в 703 г. до н.э. совершил свой первый поход, и возле города Киша ассирийским войскам удалось разбить союзническое халдейско-эламское войско. Царь Кардуниаша Мардук (Паладин) скрылся с остатками своего войска в Эламе. Второй поход Синнахериба был направлен на страну касситов (курдов-бахтиар), где население издревле занималось выращиванием лошадей. Описание этого похода сохранилось в надписи на одной из труднодоступных скал в Загросе. Три города касситов-бахтиар Бит Киламзи, Бит-Кубатти, Харзишпа были захвачены ассирийскими войсками. С собой Синнахериб увел бесчисленные табуны лошадей. Из этого следует, что в Ассирии ощущалась острая нехватка лошадей, необходимых для армии.

Позднее Синнахериб совершил поход на Иудею и осадил Иерусалим, царь которого Езекия принимал до этого послов царя Кардуниаша, повелителя халдеев Мардукпаладина. В Библии говорится, что царю Иудеи Езекии удалось откупиться от Синнахериба. В 700 г. вспыхнуло восстание в Кардуниаше, и Синнахерибу пришлось снова захватывать Вавилон и поставить там на престол старшего сына Ашшурнадиншума.

Через шесть лет, тщательно подготовившись и построив флот, ассирийский царь спустился с войском по реке Тигр и напал на Элам. В это время в Кардуниаше вспыхнуло восстание халдеев, и на престол в Вавилоне взошел Мушезиб-Мардук. Эламский царь Умман-Менан со своим войском выступил на стороне царя халдеев. В битве при Халуле на Тигре победы не досталось никому, и Мушезиб-Мардук еще два года оставался царем Кардуниаша — Вавилона. Это видно из того, что уже через год войска эламитов напали на Ассирию и захватили в плен сына Синнахериба. Подкупив эламского полководца Хумбан-Ундаша и узнав о планах Умман-Менана и халдеев, Синнахериб сумел одержать победу и даже пленил сына Мардука (Паладина).

В 689 г. до н.э. Синнахериб совершил поход в страну Кардуниаш и, захватив Вавилон, приказал полностью его уничтожить. Городские стены были срыты, а все дома сожжены. Синнахериб стер Вавилон с лица земли, а на место пожарища были спущены отведенные до этого в шлюзы воды Евфрата. Город Вавилон перестал существовать. Статую бога Мардука и печать царя Тукульти-Нинурты Синнахериб вывез из Вавилона в свою столицу Ниневию.

В 681 г. до н.э. после 23-летнего царствования ассирийский царь Синнахериб во время богослужения в храме был убит двумя своими сыновьями — Адармаликом и Ашшурасаром, которые затем благополучно скрылись в горах Загроса в одном из кутийских княжеств, располагавшегося к югу от озера Ван.

Став в 680 г. царем Ассирии, Асархадон (680—669 гг. до н.э.), сумел со своей армией настичь своих братьев и разбить их войска в горах Загроса возле Метилены (соврем. курдский город Малатья).

Асархадон восстановил столицу Кардуниаша город Вавилон, поставил наместником Наид Мардука, сына Мардука (Паладина) в Приморской стране (лагуна Персидского залива), а сам женился на вавилонянке. Впоследствии сын от этого брака Шамашшумукин стал царем Вавилона, тогда как другой сын Асархадона — Ашшурбанапал станет царем Ассирии в 672 г. до н.э.

Асархаддон (680—669 гг. до н.э.)

Ассархадон умер в 669 г. до н.э. во время похода в Египет. В царствование Ассархадона вождь курдов Дейок сумел превратить раздробленные княжества Загроса в крупное государственное объединение Мидию.

РОД КУРДОВ БАРЗАН В ЭПОХУ АССИРИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Хроника «Карки Де Бет Селох»

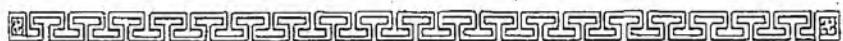
«Этот большой город был основан царем Ассирии, имя его по-сирийски Сардана. Он был великий царь, и его боялись во всей вселенной, а царство его составляло одну треть обитаемой земли. Сардана

был сыном Санхериба, 32-м из царей после Балоса, первого царя ассирийцев. В дни того Сарданы был послан Иона к ниневитянам, пророчеством и проповедью он потряс ниневитян, и сам Сардана подчинился проповеди пророка, установил пост в Ниневии, и они надели вретисце. Бог увидел их покаяние, как писано, и отвратил от них жар своего гнева и не погубил их. В год 15-й царствования этого сына Нимруда восстал Арбак, царь Мадай, против царства ассирийцев, которому был подчинен.

Когда Арбак восстал против царства ассирийцев, постепенно приобрел мощь, усилился и окреп, и был он тернием для царя Асура. Усилившись, он начал захватывать царства, подчиненные царю Асура, отобрал у них области, а затем пришел в землю Бет-Гармай. В то время был царек в Гармай, он обладал этой землей, Арбак захватил у него пленных и ограбил его государство. Государство Гармай, область, в которой он воцарился, простиралось от реки Заба и до реки Деклат, от Деклата до реки Атракон, также называемой Тормара, и до земли Ладаб и горы Шеран и до Малеого Заба. Столица области Гармай была в крепости Гармай, на той горе Урук, постройки которой известны и теперь.

Гармай, теснимый царством Арбака, не мог давать (подать) ассирийскому царству, и он принял от царства ассирийцев правителя над своим царством, распорядителя его имущества, помощника полка войск над их полком. После того приказал Саргон, чтобы в этой земле правителя царства Гармай был построен город его имени как главный в этой земле правителя, которому была подчинена вся область как господину, представлявшему лично царя. Отстроен был город, чтобы быть главным для правительства того царства. Построил его Саргон и по своему имени назвал город, который построил, и освободил его и дал ему всю область, в которой он был посажен в качестве раба. Он построил в городе, который основал, дворец, переселил в город знатных царства. Один знатный, по имени Бурзан, построил городу маленькую крепость, основал её в долине, и стену маленькую устроил ему. Вместе со своим родом и большой семьей собрал он и поселил там около тысячи человек из Асура, часть за стеной и часть вне стены. Когда пришло к концу царство Асура и ослабело правление ассирийское, по приговору Божью, то кончилось царство ассирийцев и воцарились вавилоняне, а когда и эти «кончились», пришли мидяне, и воцарился в Парсе Дарьявуш, сын Петшафаса, который

сразился в битве с Александром, сыном Филиппа, и был побежден». (В.Н. Пигулевская. Города Ирана в раннем Средневековье. М.-Л., 1956).

Войны Элама с Ассирией

В ассирийский период истории Элам был постоянным врагом Ассирии. В 721 г. Элам поддержал халдейского царя Мардука Апалиддина, сумевшего наголову разбить ассирийцев при Дера и овладеть Вавилоном. Около 700 г. до н.э. в Эламе скрывается Мардук Апалиддин, выбитый из Вавилона ассирийцами. Здесь халдейский царь получил себе в удел остров в Персидском заливе, как дар от царя Элама.

Эламом правил Халлудуш-Иншишунак II, который успешно воювал с Ассирией, завоевал Ниппур и захватил в плен Ашурнадиншума сына Синнахериба. Преемником Халлудуша-Иншишунака II на престоле Элама стал Кутур-Наххунте, продолживший войну с Ассирией. В 693 г. до н.э. полностью провалился поход на Элам, предпринятый ассирийским царем Синнахерибом. Около этой даты умер эламский царь Кутур-Наххунте и на престол вступил его младший брат Умман-Менан, который в союзе с халдеями сумел разбить ассирийцев в битве при Халуле (на Тигре), возле Вавилона. Синнахериб совершил поход на Элам в 689 г. до н.э. и затем захватил Вавилон, который полностью разрушил.

После смерти Уртаки престол Элама занял не сын царя, а его родной брат Теумман. Во время династийной смуты погибло много родственников царской династии, а несколько детей-принцев его умерших братьев скрылись в Ассирии. На законные требования царя Элама выдать беглецов из Ассирии царь Ашшурбанапал отвечал отказом. Более того, Ашшурбанапал (668—627 гг. до н.э.) задержал, вопреки всем тогдашним нормам международного права, послов Элама в Ниневии, а сам с войском выступил тайно в поход.

Ассирийское войско с юго-востока достигло г. Дера, бывшего уже сто лет форпостом войны Элама с Ассирией. Войска встретились в битве у местечка Туллиз перед Сузами. В кровопролитном сражении эламский царь Теумман вместе со своим сыном Итуном был убит. Царем Элама стал старший сын прежнего царя Уртаки — Хумпаникаша. Однако уже в течении последующих пяти лет Хумпаникаш сблизился с царем Вавилона Шамаш-шамукином. По интригам ас-

*Халдейский царь
Мардук Апла-иддин II*

сирийского царя Ашшурбанипала Хумпаникаш пал жертвой заговора своего племянника Таммариту, поднявшего восстание и захватившего затем престол царя Элама. Около 649 г. Таммариту был свергнут неким Индабигашем и бежал в Ассирию.

В 648 г. до н.э. Ашшурбанапал захватил Вавилон и выступил против Элама, предоставившего убежище халдейским войнам.

В 647 г. во время восстания в Эламе царь Индабигаш был убит, и на престоле воцарился Умманигаш, который оказал самое решительное сопротивление Ассирии, но проиграл войну в битве при Бит-Имбе. На престол Элама взошел

Таммариту, вернувшийся из Ниневии, который вскоре был опять свергнут в очередном восстании, а царскую власть над страной себе вернул Умманигаш.

В 642 г. Ашшурбанапал совершает новый поход на Элам, захватывает г. Хаману и область Раши на западе страны. Царь Умманигаш, покинув резиденцию в Мадакту, скрывается в горной крепости Дур-Ундаш, путь к которой ассирийским войскам преградила река Идиде. Около 640 г. до н.э. власть в Эламе захватил Паэ, а свергнутый Умманигаш сдался ассирийцам и был уведен в Ниневию. Покорив Элам, ассирийский царь получил доступ в Южный Иран, в область Парсуа.

Позднее, после крушения ассирийской империи, Элам становится зависимым от Халдеи.

Манна — Мидия

Дейок, князь одного из племени маннеев (курманджи), был, безусловно, очень умным, дальновидным человеком и политиком своего времени. По всей видимости, родовая область Дейока рано попала в зависимость от соседней Ассирии, и поэтому мы узнаем о нем

как об ассирийском наместнике Маннеев. Это согласуется и с тем, что область местообитания курдов Манда в античных источниках получила название Сиро-Мидии. Дейок был первым курдским вождем, решившим объединить все многочисленные и раздробленные княжества в единое государство и прекратить извечную практику служения курдских юношей — воинов Манда (кур-манд-щи) в армиях различных государств.

Для осуществления поставленной задачи Дейок заключил союз с царем Урарту Русой I и выступил против Улусуны, другого князя страны маннеев. В разгоревшейся войне 715 г. до н.э. Улусуну поддерживали ассирийцы, чьим ставленником он и был. Саргон II выступил с армией в поход, разгромил Урарту, а царь маннейского княжества Дейок попал в плен и, чудом избежав казни, был сослан в ссылку в далекую ассирийскую провинцию Хамат в Сирии. Чудесное избавление Дейока от казни можно объяснить только тем, что князь маннеев очень хорошо знал психологию, нравы и обычаи ассирийцев, с которыми курды-курманджи продолжительное время сосуществовали.

Судя по курдским преданиям, изложенным Геродотом в «Истории» (I, 96—130), князю Дейоку каким-то поразительным образом удалось вернуться в родные края и, объединив свой народ, стать признанным царем Манны.

Геродот является единственным античным историком, который изложил хронологически последовательную историю Мидии в своей книге. Многие факты свидетельствуют о научной достоверности труда этого античного историка. Так, Геродот, говоря о том, что «ассирийское владычество над Верхней Азией продолжалось 520 лет» («История» I, 95), пользовался ассирийскими источниками и исходил из падения Ассирии под ударами мидян в 612 г. до н.э., доводил эпоху Ассирийского государства вплоть до Тиглатпаласара I (1115—1077 гг. до н.э.), который, как мы знаем, совершил много походов в страну курдов-Манну [Кур-манд-щи].

Действительно, начиная с Тиглатпаласара I и вплоть до Киаксара, в течение более 500 лет продолжалась война Ассирии и Манны. После Тикультининурты и Ашшурнасирапала, правивших в первой половине IX в. до н.э., Салманасар II (858—824 гг. до н.э.) первым из ассирийских царей проникает в глубь Ирана в страну Парсуа, располагавшуюся на территории совр. провинции Ардилян в Иране, где живут этнические курды. Салманасар II первым достиг мидян. Ас-

сирийский полководец Дайан-Ашшур первым достиг области Маннеев (Манда) к югу от озера Урмия. Затем Ададнерари (810—783 гг. до н.э.) сын Семирамиды совершил уже 8 походов в Иран, а затем через 50 лет ассирийский царь Тиглатпаласар (744—727 гг. до н.э.) сделал попытку обложить постоянной данью железом, медью и лошадами Восточную Мидию, в клинописных источниках названную «Страной сильных мидян, живущих у восхода Солнца».

После свержения Салманасара V (726—722 гг. до н.э.), преемника Тиглатпаласара III, к власти в Ассирии пришел Саргон II (721—705 гг. до н.э.), родоначальник династии Саргонидов, при котором в 715 году и вспыхнуло освободительное восстание мидийцев во главе с Дейоком.

Эта хронология отношений, существовавших между Ассирией и Манной в первой половине I тыс. до н.э. в Верхней Месопотамии и Загросе, во многом подтверждает слова Геродота о том, что ассирийцы господствовали в этом регионе более 500 лет подряд.

Дейок, несмотря на поражение восстания и ссылку на побережье Средиземного моря в Хамат, сумел вернуться в свои родные края и даже стал судьей, разбиравший жалобы населения. Это можно объяснить тем, что Манна даже после погрома, учиненного войсками Саргона, представляла крайне беспокойный регион Ассирии. Сами ассирийцы вернули Дейока на родину, чтобы через него управлять каким-то особо ценным производством — либо разведением коней, либо добычей металла, необходимых для армии, являвшейся основой существования самой Ассирии.

Земли Манны были особенно богаты залежами железных руд, разработка которых велась еще в III тыс. до н.э. в эпоху господства в Загросе индоарийских племен Куру. Это доказывается тем фактом, что кузнечное ремесло, как отличительная этническая черта, распространена именно у курдов — коневодов зангене, говоривших в древности на одном из индийских языков арийской группы.

Возможно, именно к названию Мада — руда в иранских языках, восходит этноним курдов-мидийцев, который имеет самое обычное фонетическое соответствие древнекурдскому этнониму хурритов — майтанни; сравните: майтану — мадаян.

Металл Загроса имел стратегическое значение для ассирийской армии, и цари Ашшура были заинтересованы в сохранении спокойной обстановки в княжестве маннеев. Возможно, с целью сохранения стабильности в этом труднодоступном регионе (горы Загроса) ас-

сирийцы и позволили царю Дейоку вернуться в Манну. Оказавшись на родине, Дейок был избран судьей. Избрание вождя во время войны типичный курдский обычай, сохранившийся в горах Загроса до наших дней. Как писал О. Вильчевский о курдах Мукри (область Восточного Загроса в Иране): «На собрании старейшин попавшего в беду племени решают, к какому из племен обратиться за помощью, и бросают клич «хавар!» Племя или племена, к которым особые посланцы принесли этот клич, немедленно формируют вооруженные отряды во главе с военачальниками — серварами, соединяющимися с отрядом нуждающегося племени. Для ведения военных действий выбирается общий военачальник всего ополчения». (Мукринские курды. С. 207.)

У Геродота читаем об этом курдском обычае в истории жизни Дейока следующее: «...мидяне жили тогда по деревням [гонд по-курдски, — кена по-шумерски], и Дейок в своем селении уже и раньше пользовался уважением. А теперь старался еще усерднее соблюдать справедливость, отправляя правосудие. И так он поступал в то время, когда во всей Мидии царило великое беззаконие, хотя и знал, что кривда правде — всегда враг. Видя такие его качества, односельчане выбрали его судьей». И далее: «И даже жители других селений (прежде ставшие жертвой несправедливости), прослышав, что Дейок — единственно праведный судья, с радостью приходили к нему для разбора своих тяжб, пока, в конце концов, не стали доверяться только ему одному».

Безусловно, Дейок жил в эпоху агрессии Ассирии, когда вся территория Манны была разделена между различными курдскими княжествами потомков Ману. Постепенно все эти княжества Манны по одному избрали Дейока своим духовным владыкой, царем. Геродот об избрании Дейока царем пишет так (I, 97). «Между тем, приходящих к Дейоку людей все увеличивалось, так как люди слышали, что он выносил справедливые приговоры. Тогда-то Дейок решил, что все в его руках, и отказался восседать [на судейском кресле], на котором он прежде судил народ. Он заявил, что вообще не будет творить суд, [...]». Между тем грабежи и беззаконие в селениях пошли еще сильнее прежнего. Тогда мидяне собрались в одном месте для совещания о положении дел.[...]. 98. Когда затем начали совещаться, кого же выбрать царем, то все стали настоятельно восхвалять и предлагать Дейока, пока, наконец, единодушно не избрали его на царство». Избрание Дейока царем происходило, судя по рассказу Геродота, осно-

ванного на мидийских преданиях, в эпоху раздробленности страны Манны, когда из-за агрессии ассирийских войск не соблюдались индоарийские Законы Ману. Весьма знаменательно, что Геродот подтверждает принадлежность Дейока первоначально к жреческой касте брахманов в индоарийском обществе маннеев-мидян, которые и вершат суд и толкуют Законы Ману даже в современной Индии. Индоарийское, ведическое обозначение касты жрецов — брахманы — точно соответствует слово *bramaṇ* — «священный» в мидийском языке. Позднее, по решению маннеев, жрец Дейок стал царем государства. В современном курдском языке ведийско-мидийскому брахман — *bramaṇ* соответствует пир (пирьк) — жрец, имя, обозначающее касту жрецов у курдов-езидов. Удивительно, но наблюдения за социально-иерархическим устройством общины курдов-езидов полностью подтверждаются повествованием о переходе Дейока из высшей касты жрецов-пиров в низшую военных вождей (царей), изложенным Геродотом 2500 лет тому назад.

У ведических индоариев Куру во главе общества стоял жрец — брахман, затем царь — раджанья, внизу иерархической лестницы располагались вайшья — земледельцы и затем уже неарии — шудры. Это деление на четыре касты продолжает сохраняться и в индуистском обществе современной Индии.

По Авесте, индоарийское общество было разделено на те же четыре касты, и во главе стоял жрец огня, которому подчинялся царь. В Авесте жрец носил имя *aθavan* — жрец огня, от общеиндоевропейского пракорня *aθg* (одг) — неистовый, к которому восходит, в конечном итоге, и имя скандинаво-германского бога огня — Один. Тогда как в курдском языке имя жреца огня Пир восходит также к праиндоевропейскому корню *пърск* — искра (курд.); ср.: *руг* — огонь (др.-греч.). Как известно, и ведийские, и авестийские арии почитали огонь первобожеством.

При этом сопоставлении видно, как иерархическое построение общества курдов-езидов и ведических индоариев Куру совпадает по именам каст, тогда как различие заключается в том, что каста жрецов-пиров у езидов почитается не как высшая, а второй по отношению к царям-шейхам. В Авесте каста царей именуется *хшайахшатра*, а не раджанья, как в Ригведе. От авестийского «царь-воин», *хшайахшатра*, и возникло «шейх», название высшей касты у курдов-езидов. При этом название касты пир совпадает с именем касты — брахман у ведических ариев Куру, тогда как третья каста у езидов —

ванного на мидийских преданиях, в эпоху раздробленности страны Манны, когда из-за агрессии ассирийских войск не соблюдались индоарийские Законы Ману. Весьма знаменательно, что Геродот подтверждает принадлежность Дейока первоначально к жреческой касте брахманов в индоарийском обществе маннеев-мидян, которые и вершат суд и толкуют Законы Ману даже в современной Индии. Индоарийское, ведическое обозначение касты жрецов — брахманы — точно соответствует слово *bramaṇ* — «священный» в мидийском языке. Позднее, по решению маннеев, жрец Дейок стал царем государства. В современном курдском языке ведийско-мидийскому брахман — *bramaṇ* соответствует пир (пирьк) — жрец», имя, обозначающее касту жрецов у курдов-езидов. Удивительно, но наблюдения за социально-иерархическим устройством общины курдов-езидов полностью подтверждаются повествованием о переходе Дейока из высшей касты жрецов-пиров в низшую военных вождей (царей), изложенным Геродотом 2500 лет тому назад.

У ведических индоариев Куру во главе общества стоял жрец — брахман, затем царь — раджанья, внизу иерархической лестницы располагались вайшья — земледельцы и затем уже неарии — шудры. Это деление на четыре касты продолжает сохраняться и в индуистском обществе современной Индии.

По Авесте, индоарийское общество было разделено на те же четыре касты, и во главе стоял жрец огня, которому подчинялся царь. В Авесте жрец носил имя *aθavaṇ* — жрец огня, от общеиндоевропейского пракорня *aθg* (одр) — неистовый, к которому восходит, в конечном итоге, и имя скандинаво-германского бога огня — Один. Тогда как в курдском языке имя жреца огня Пир восходит также к праиндоевропейскому корню *пърск* — искра (курд.); ср.: *руг* — огонь (др.- греч.). Как известно, и ведийские, и авестийские арии почитали огонь первобожеством.

При этом сопоставлении видно, как иерархическое построение общества курдов-езидов и ведических индоариев Куру совпадает по именам каст, тогда как различие заключается в том, что каста жрецов-пиров у езидов почитается не как высшая, а второй по отношению к царям-шейхам. В Авесте каста царей именуется *хшайахшатра*, а не раджанья, как в Ригведе. От авестийского «царь-воин», *хшайахшатра*, и возникло «шейх», название высшей касты у курдов-езидов. При этом название касты пир совпадает с именем касты — брахман у ведических ариев Куру, тогда как третья каста у езидов —

мьрьд восходит к касте марьяну у митаннийских ариев Передней Азии XVIII—XIV вв. до н.э.

Ригведа	Младшая Авеста	Курды-езиды
1. Брахман	1. Атурван — жрец огня	1. Шейх
2. Раджанья	2. Хшайяхшатра	2. Пир
3. Вайшья	3. Вастрийя — фшайант скотовод-земледелец (хлебороб)	3. Мьрьд
4. Шудра	4. Хуту — ремесленник	4. Мьртаба

Из сопоставления видно, что у ведических индоариев Куру, мигрировавших из Передней Азии (Загрос) в Индию и у ариев Авесты, несмотря на удаленность их обитания, кастовая система оставалась неизменной, и общество управлялось жрецами огня (aJraṇan — brahman), а каста царей — правителей (хшайяхшатра — раджанья) располагается на втором приниженном месте.

У курдов-езидов во главе иерархического общества стоит шейх, то есть каста царей воинов — хшайяхшатра, а не пир (брахман) каста жрецов — священнослужителей, даже несмотря на наличие касты brahman в Мидии. Подобное несоответствие возникло вследствие религиозной реформы, проведенной в курдском обществе Дейоком, князем маннеев — воинов Манду (кур-манд-щи), о чем, собственно, и писал Геродот. Следует отметить, что курды-езиды называют себя — кур-манд-щи.

Таким образом, само кастовое деление общества курдов-езидов с шейхом-хшайяхшатрой во главе подтверждает правдивость истории маннеев, изложенной Геродотом, и указывает на древность обитания курдов-курманджи в Передней Азии и на Иранском нагорье.

Необходимость социальной реформы и выдвижение на первый план касты военных в курдском княжестве была вызвана агрессией Ассирии при Саргоне II, который, судя по всему, истребил всех правителей Манны. Находясь в изгнании, далеко от родины, Дейок увидел со стороны, что в других странах у власти стоят цариполководцы, а жрецы только освящают царскую власть. Даже в Ассирии у власти стояли цари-воины, тогда как курды-маннеи, подчиняясь своим жрецам, будучи воинами, манда, служили в армиях других государств. Таким образом, Дейок совершил реформу ка-

стовой системы княжества Манна и, поставив царей воинов — манда, хшайахшатра, на высшую ступень социальной иерархии, заставил всех выступить на защиту своего отечества и в миг создал мощную армию, которая впоследствии сокрушила военную мощь Ассирии.

Затем, как пишет Геродот: «...Дейок повелел построить дворец, подобающий его царскому достоинству, и дать ему телохранителей. Мидяне же повиновались и воздвигли на указанном им самим месте большой и неприступный дворец [замок] и позволили набирать телохранителей по всей Мидии. По воцарении Дейок заставил мидян построить один [новый] город и защищать его; [...]».

Мидяне исполнили и это его повеление, и Дейок воздвиг большой укрепленный город — нынешние Акбатаны [...]. 99. ...По окончании строительства Дейок первым делом ввел вот какой порядок: никто не должен иметь непосредственного доступа к царю, но по всем делам сноситься с ним через слуг, лицезреть же самого царя [не дозволяется] никому. [...].

100. Когда Дейок установил такие порядки и упрочил свою царскую власть, то строго соблюдал законность. Жалобы подавались царю в письменном виде. Он рассматривал их и отсылал обратно. Так поступал он с жалобами; в других же случаях царь завел вот какой порядок. Слыша о каком-нибудь преступлении, Дейок призывал к себе виновников и наказывал по заслугам. По всей стране были у него

*Мидийский конник-аризант.
Изображение с эламской печати
VII—VI вв. до н.э.*

соглядатаи и наушники. 101. Так-то Дейок объединил мидийский народ и царствовал над всей Мидией. Племена мидян следующие: бусы, паратакены, струхаты, аризанты, будии и маги».

Судя по сведениям, изложенным у Геродота, царь Дейок провел реформу всего Маннейского царства и создал полноценное государство. Бывшие раздробленными с эпохи падения индоарийского княжества Митанни в XIV в. до н.э. курдские племена ман-

да вновь объединились под мудрым руководством Дейока и стали представлять собой конфедерацию шести племен. Учитывая множество курдских племен, которые царь маннеев сумел собрать в шесть объединений, можно судить, насколько крупным и дальновидным государственным деятелем был Дейок.

Все шесть племен маннеев носят древние индоарийские имена и указывают на родство с ведическими ариями Куру, тем самым подтверждая переселение индоарийских племен с запада на восток во II тыс. до н.э. и последующее их расселение от Передней Азии до Индии.

Имя племени Аризанту восходит к Ригведе и означает *ari* — арий, *sepa* — войско, то есть арийское племя — войско. Самое интересное заключается в том, что подобное мидийцам индоарийское ведическое имя носил царь кутиев Арисена, создавший на развалинах империи Шумера и Аккада свое княжество хурритов-матиенов в Намаре в конце III тыс. до н.э. Таким образом, имя мидийского племени аризанту (др. иранск.) — арисена (санскрит), упоминаемого в V в. до н.э. Геродотом, напрямую восходит и соответствует имени хурритомитаннийского царя Арисены и четко удостоверяет сам факт непрерывного обитания индогерманских племен ведических индоариев Куру в Загросе, начиная с III тыс. до н.э.

Судя по этнониму Аризанту, мы можем видеть, что сам процесс расселения ведических ариев Куру (предков курдов) протекал не только в Индии к востоку от Загроса, но и на север от Иранского нагорья к Южному Уралу (Аркаим — Синташта) через Среднюю Азию (Хорезм). По Геродоту, одно из скифо-сарматских племен носило имя Ализоны и, учитывая фонетический закон (феномен) иранских языков чередования $R > L$ ($r > l$), мы видим полное соответствие имени Аризанту $>$ Ализоны. Имя мидийцев — ариев Аризанту $<$ Арисена продолжает сейчас, в наше время, носить курдское племя Сынеи.

Буди, другое мидийское племя, своим этнонимом избрали имя ведийско-арийского царя мифической Лунной династии Будхи, сына бога Сомы, один из потомков которого в 9-м поколении, по имени Куру, станет почитаться предком-прародителем ведических индоариев Куру (курдов). Часть этого племени будинов также проживала в эпоху Геродота в Скифо-Сарматии и занималась добычей металла на Южном Урале и разведением лошадей в степях Северного Каспия.

Струхаты, курдское имя третьего мидийского племени — исконно индоарийское, и означает стори — рога (курд.), *khat* — *qət* — раз-

бивать, ломать, стрикхат — разламывающие рога (врагов). У курдов рога являются символом мужества и благородства. Поэтому для курда выражение «сломать рога» означает лишить или лишиться мужества, стойкости. Кстати, вполне возможно, что и в латинском языке (латиняне считали себя выходцами из Трои в Передней Азии) слово *sterilis* — бесплодный, восходит к общему курдско-арийскому *stoukhates* — ломать рога — лишать достоинства (мужского). Представление о рогах как символе мужества и достоинства молодого мужчины — воина марьяну у курдов восходит к очень древним временам, когда индоарийское божество Светлого неба Дьяус — Зевс почитался в облике рогатого быка. Алтарь Зевса-Дьяуса на острове Крит по бокам украшали выступающими рогами быка. Хорошо известен спартанский обряд приглашения пожилым супругом для своей жены молодого воина для продолжения своего рода, и с точки зрения этого античного обряда, описанного Плутархом, выражение — наставить рога (мужу) имеет совсем другой, положительный характер.

Иранские племена дахо-массагетов имели такие же обычаи, как и племена дорийцев в Спарте. Курдско-кутийский обычай почитания рогов как символа мужества и знака богов проник и в Аккад в III тыс. до н.э., и в стеле Нарам-Суэна мы встречаем изображение царя, головной убор которого украшают рога, обозначающие «обожествление» правителя.

Обычай курдов-кутиев украшать головы воинов-марьяну, идущих в бой, убором из бычьих рогов сохранился вплоть до античных времен и в персидской армии Ксеркса Ахеменида. Так, племя писидийцев, привлеченных Ксерксом в свою армию для участия в походе против Греции, носило на головах бычьи рога.

Как писал Геродот: «Писидийцы носят маленькие щиты из невыделанных бычьих шкур. Каждый вооружен охотничьим копьем ликийской работы, а на голове медные шлемы; на шлемах приделаны медные бычачьи уши и рога» («История», VII, 76). Писидия — горная область на юге Малой Азии, между Ликией и Киликией. По своему корню, имя Писидия восходит к курдско-арийскому пеш-да(йя) — впереди поставленный», то есть на границе государства индоариев. Другие близлежащие области, Ликия и Ки-Ликия — земля лаков» (ле-легов), самых древних обитателей Малой Азии, продолжает сохраняться в имени курдского племени лак, имеющего подразделение Сынэи-Лак — войско лаков (ликийцев). Таким образом, индоарийские названия Пешда (Писида), Ликия, Ки-Ликия указывают, что медные

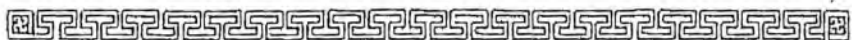

шлемы с приделанными медными рогами носили курды племени сынеи — лаки, которые в эпоху организации Дейоком мидийского царства назывались струхаты. Даже в наше время курды называют храбрых смелых воинов, первыми идущих в бой, пешмерга.

Попытка И.М. Дьяконова имя струхаты считать почему-то «крепким словом» не оправдана хотя бы потому, что во время войны воины сражаются, а не болтают. Во-вторых, И.М. Дьяконов тем самым отрицает всякую связь мидийцев-маннеев и кутиев с другими племенами индоевропейцев Малой Азии и Иранского нагорья. Учитывая, что сам Дейок из касты священнослужителей, исполнявших молитвы и гимны, перешел в касту царей-воинов, трудно даже представить, чтобы в воюющей Мидии народ содержал касту «крепких словом», то есть попросту болтунов. Струхаты — это мидийское племя воинов, стоящих во время битв с врагом впереди войска и украшавших свои шлемы бычьими рогами — символом индоарийского божества света — Дьяуса-Зевса.

Паретакены, имя еще одного племени маннеев-мидийцев, восходит к ведийско-курдскому паре, 1) раньше, впереди, 2) край, окраина, и таих — прочный, крепкий, и соответствует племени Таохов, известных в ассирийских надписях IX в. до н.э. под именем Даяени, а в надписях урартских царей как страна Диауехи. Цари Урарту — Менау, Аргишти, Сардури вели длительные войны с этим могущественным и многочисленным племенем маннеев. Таохи < таке(ны) занимались, судя по выплачиваемой им дани Урарту, добычей золота и серебра, а также разведением лошадей. Племя курдов паратакены (суффикс «ан» показатель множественного числа в иранском языке) участвовало, начиная со II тыс. до н.э. в многочисленных походах ведических индоариев Куру из Загроса на Восток. Так, имя авестийской области Фергана соответствует имени Паретакена > pari-y-taka > Fergana. В середине I тыс. до н.э. с Таохами-паретакенами столкнулся Ксенофонт, когда со своим войском шел через «Страну кардухов».

Бусы — имя другого мидийского племени — восходит к ведийско-арийскому — Bhas — свет, сияние, и соответствует крупному курдскому племени бильбасы. Имя бильбас происходит от курдского (английского!) белу — большой, известный, bold — смелый (англ.) и ведийского — balin -- сильный, крепкий, и того же ведийско-арийского bhas — свет, сияние. Иными словами, этноним курдов бильбас (belu bhas, санскр.) исконно индоарийское, к которому восходит и имя мидийского племени бусы. Иначе ничем нельзя объяснить со-

ответствие современного курдского этнонима бильбас древневедийской эпохе, минуя промежуточный античный этап истории, в котором упоминаются бусы-мидийцы.

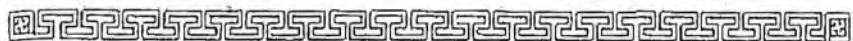
Маги упоминаются последним мидийским племенем у Геродота. Представляли касту жрецов-священнослужителей, совершавших жертвоприношения и исполнявших богослужения. Имя маг исконно индоарийское и восходит к термину Мага — жрец культа солнца (санскр.), но означает не только жреца, а в широком смысле — солнцепоклонник. Езиды-курманджи, разделенные на 4 касты-варны, как раз и являются по религии солнцепоклонниками, поклоняющимися Шамсу, имя которого восходит к хуррито-митаннийскому названию Солнца — Шимиге.

Этимологический анализ имен шести мидийских племен, перечисленных Геродотом в своей «Истории», показывает и доказывает автохтонность этнического происхождения ведических индоариев Куру и их потомков курдов в Передней Азии.

Все свои реформы, завершившиеся превращением маннейских княжеств в крупное государство Мидию, царь Дейок проводил много лет, учитывая и годы, проведенные в ссылке в Хамате (Хомс) в Сирии. По возвращении на родину Дейок не воевал с Ассирией и, чтобы усыпить бдительность, исправно платил дань царям Ашшура.

Город, основанный царем курманджи (маннеем) Дейоком, Экбатаны действительно означает на древнеперсидском «место собрания», площадь всех — hang matana, в курдском — нему майдан, то есть «всенародное собрание». Само имя мидянин указывает на его более раннее, чем эпоха Дейока, возникновение. В шумерских текстах зафиксировано имя ma-da — страна. В шумерском языке слова, связанные с обозначением металлов, восходят к индоевропейскому курдскому языку, например, совпадают шумерское тибирра < tamra — медь (санскр.); шумерское urudu — медь; godus — медь (латынь). Следовательно, и место добычи железной руды в горах Загроса «в стране кардухов» шумеры в III тыс. до н.э. должны были называть по-курдски — ma-da от курдского мада — руда. Также и в эламских надписях учеными зафиксировано употребление названия ma-da-i — мидянин, или ha-l — matana — страна мидян, с курдским словом — хвэли — земля, почва.

Места обитания шести курдских племен со столицей в hangmatane — нему — все, matana — место собрания (митинг — майдан — Экбатаны — Хамадан) полностью покрывали все отроги Заг-

роса и, следовательно, Урарту, сразу исчезнувшее после возникновения Мидии, было одним из древнекурдских мидийских княжеств, возможно, где жили Таохи — Тэйахи. Иначе ничем не объяснить способность Урарту несколько столетий противостоять в союзе с Манной такому сильному противнику как Ассирия, а затем внезапно без боя исчезнуть одновременно с возникновением курдского государства Мидии.

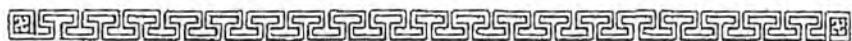
Вся территория Мидии условно подразделялась на *nmana* — дом, из которых состояли *vis* — поселения рода, формирующие *Zantu* — племя, населявшее *dahu* — страну.

1). Термин *nmana* восходит к ведийскому *dāma* и курдскому *zoma* — дом, поместье, включающее и территорию выпаса скота каждой семьи. *Nmana-zoma* означало жилище, имя семьи владельца — хозяина их земли, слуг и рабов. Слуг называли *kurtaš* (*kur-taš*) — делатель, создатель, добывающий плату. В курдском языке этот авестийский термин близкой рабочей силы сохранился в двух основных формах, как суффикс «кар», обозначающий профессию деятеля, и как глагол *кьри* — покупать, торговать. Рабы семьи именуется в Авесте курдским термином *garda* — гьредан — связанные (по рукам и ногам), стоящие на привязи.

2). Термин *vis* — род, в Мидии восходит к Ригведе, где словом *вайшья* обозначается народ. Глава рода именовался *вишпати* (падшах). Несколько родов — *виш* (*вайшья*) составляли *шайтра* (*šōiθra*) — округ, территориальную единицу, на границе которой возводились крепости — *вардана* (*vardana*) с высокими стенами — *dida*.

3). Термин *zantu* в Мидии означал племя, объединяющее несколько родов — *vis* (*вайшья*). Племя формировало в случае опасности народное ополчение — армию. В «ведийском санскрите» название армии *sena* точно воспроизводит авестийское *zantu*. Несколько курдских племен *сынеи*, *сынеи* — *ляк*, *сынеи* — *рамьк* носят это ведийско-арийское слово как этноним. В древнеперсидском название народного ополчения — *кара*. Имя *кардуни-аш* носили *касситы-индоевропейцы* Месопотамии еще в середине второго тыс. до н.э..

Каждое курдское племя имеет народное ополчение *kara* (*guard* — стража, англ). Царь маннеев (*курманджи*) Дейок создал армию Мидии из народного ополчения — *кара*, выставляемого от каждого племени *zantu* (др. перс.) < *sena* (санскр.). В случае войны по приказу Дейока все мидийцы, образовав народное ополчение — *кара*, становились, как их предки *касситы* — *курдами*, где суффикс «д» являет-

ся показателем множественного числа в курдском и скифо-сарматском иранских языках. Вполне возможно, что и имя ведических индоариев Куру, множественное число — курд — восходит к понятию объединение племен — войско.

Геродот писал далее («История», I, 102): «У Дейока был сын Фраорт. После 53-летнего царствования Дейок скончался, и царство унаследовал Фраорт. Получив власть, Фраорт не удовольствовался владычеством над мидянами, но пошел войной на персов. Персы первыми подверглись его нападению и первыми подчинились мидянам. Властвуя над этими двумя и к тому же могущественными народами, Фраорт затем начал покорение Азии».

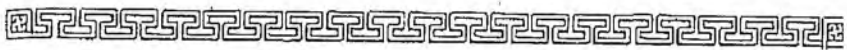
Фраорт у Геродота в надписях ассирийских царей назван царем Каштарите. Имя Фраорт и Каштарите и в греческих, и в ассирийских текстах является калькой с древнеиранского Našatriti — царь.

Каштарите-Хувахшатра был царем области Бит-Кари, что по всей видимости, и означает кара в переводе с древнеиранского на вавилонский язык. Таким образом, текст Геродота, повествующий о Дейоке, оставившего после смерти своему сыну сильное княжество, объединенное шестью племенами и выставившим народное ополчение — кара, точно совпадает с указанием вавилонских источников о мидянине Каштарите, царе Бит-Кари. Этимологическое соответствие Каштарите в ассиро-вавилонских текстах Фраорту у Геродота доказал Дж. Камерон в своей «Истории раннего Ирана».

Первое упоминание скифов (ишквуза) в клинописных документах на Древнем Востоке относится к 70-м годам VII в. до н.э., когда скифы под предводительством Ишпакая (aspe — конь, курд., ведич.) в качестве союзников Мидии и страны Манна (кур Манджи) воевали против Ассирии. С этого времени скифы упоминаются вместе с киммерийцами или отдельно, но часто и скифы, и киммерийцы именуются ассирийцами Умман Манда. В 679 г. до н.э. на пределы Ассирии совершили вторжение киммерийцы. В 679—675 гг. до н.э. царь Урарту Руса II выступил в союзе с киммерийцами (Умман Манда) войной против Фригии.

Киммерийцы — Гомар (Гэмэ-ар)

К V в. до н.э. в Северном Причерноморье никаких племен киммерийцев не зафиксировано. При этом Геродот (I, 103; IV, 11) передал предания античных греков о древних киммерийцах, которые пер-

воначально жили в Северном Причерноморье, а потом были вытеснены со своих мест обитания племенами скифов. Киммерийцы, теснимые скифами, перешли по побережью Черного моря в Переднюю Азию, тогда как скифы, преследуя первых, шли берегом Каспия.

Имя киммерийцы, зафиксированное в Ветхом Завете как *gimir* безусловно, принадлежит реальному племени, родственному курдам-мидийцам, и представляли собой, судя по всему, ратное племя самих скифов. В курдском языке, как и в санскрите, слово *гомэ*, то есть основа этнонима *гомар* (киммер), означает «овчарня». Этноним *гомэ* указывает на занятие этого племени киммерийцев разведением мелкого рогатого скота (коз, овец). Тогда как скифы специализировались на разведении коней, а возможно, были просто военными отрядами самих овцеводов-киммерийцев.

Подтверждением соответствия этнонима *гомэ* (*гомэр* — киммериец) обозначению овцевода раскрывается в наличии древнеиранского (скифского) названия овцы — *mesh* в языках финно-угорских народов, учитывая тот факт, что овцы пришли на север из Передней Азии.

Известным царем у киммерийцев, или гамир в ассирийских источниках, является Теушпа, имя которого почти совпадает с именем Теиспа (Чишпиш), предка персидского царя Кира. Вспомним, что, по Геродоту, скифы победили киммерийцев, тогда как это совпадает с фактом покорения Каштарити мидянином (Умман-Манда) области Парсуа, откуда впоследствии и выйдет династия Ахеменидов во главе с Теиспом, предком Кира Великого. Самих скифов ассирийские источники также называли именем Умман-Манда. Во всяком случае, киммерийцы были разбиты Мадием, царем скифов, тогда как уже из «Истории» Геродота мы знаем о наличии в Скифии самих мидийских племен — будиев и ализонов (аризанту). Имя царя киммерийцев Теиспа от курдского индоарийского Тэв — Солнце и асра — конь, указывает на знание и соблюдение киммерийцами-овцеводами скифского обряда жертвоприношения коней Солнцу, изложенного Геродотом.

Имя скифского царя в переводе с курдско-арийского *Iš* (Иш) — Господь (Ишан), рака — чистый, указывает на жреческую касту «царских скифов» Геродота, обязанностью которых являлось приносить коней в жертву Солнцу. Другой вариант прочтения: *Asra* — конь, и *ka*, суффикс ед.ч., также указывает на культ коня у скифов-сарматов.

Мидийские племена занимались разведением коней. Интересно отметить, что в Ветхом Завете скифы (Ашкеназ) названы наряду с Тогармой и Рифатом, сыновьями Гомера, что соответствует истори-

ческой правде, поскольку в горах Загроса первоначально приручили дикую овцу. Овцеводам постоянно необходимо с увеличением поголовья стада увеличивать площадь земли для пастбищ скота. Достаточно вспомнить знаменитое выражение — овцы съели Англию. Поэтому курды-овцеводы (гомэ рийя) всегда были вынуждены вступать в пределы других государств, например Ассирии. К эпохе появления киммерийцев надписи ассирийского царя Асархадона извещают: «[...] А Теушпу — киммерийца умман-манду, чье место отдаленно — я поразил оружием с его войсками в земле Хубушна». В «Вавилонской хронике» сказано: «Во 2-й год киммерийцы пошли на Ассирию и в Ассирии перебиты» (КВ, II, стр. 275; A15. С. 135).

В «Хронике Асархадона» сообщается «Год 2-й произошло побоище в Будаа и (стране) киммерийцев в Кушехну» (S. Smith, *Babylonian Historical Text*. С. 12).

Будаа соответствует этнониму курдского племени будинов — будхи, и, следовательно, этимологию *gimig* следует искать в курдском языке. Курдов овцеводов (гомэр) охраняют курды воины на конях (*aspa ka*) и поэтому в ассирийских хрониках зафиксировано, что, как только ассирийцы нападали на Манну, где киммерийцы, то затем возникали скифы. Важно отметить само употребление курдского этнического термина Умман-Манда, (h) ему Манда, тем самым следуя древней традиции, указующей на постоянное пребывание курдов курманджи в долинах гор Загроса:

Война Мидии-Мехри с Ассирией

Во времена царствования Асархадона в Ассирии Мидия на северо-востоке, первоначально представлявшая союз шести племен, превратилась постепенно в достаточно крупное княжество. Мидяне называли себя мехрану, как это передают ассирийские источники. Безусловно, Мехрану является религиозным термином, обозначающим «поклонников Митры», тогда как древнее царство III тыс. до н.э. Мехри уже значительно переросло границы маленького княжества Загроса и объединяло к I тыс. до н.э. значительные территории к востоку от Ассирии. Асархадону в начале своего царствования удалось совершить поход на Мидию (Мадай), однако вспыхнувшее в 673 г. до н.э. восстание трех мидийско-касситских вождей — Каштарити, хшайахшатра (царь) Кар-Кашши (кара-касситов), Маматиаршу, правителя мадай — Мидии, и Дусани — правителя Сапарды (курдов-

сипки?) оповестило о скорой гибели Ассирийской державы. До нас дошла одна из надписей царя Асархадона времени его войны с Каштарити, где упоминается Мехри. Асархадон говорит: «Я растоптал страну Барнаку [Парны — кочевое иранское племя], коварного врага обитателей (обитающих) Тилашурри, имя которой зовется в устах людей Мехрану город Питану».

Город Питану это современный Исфахан, носивший вплоть до воцарения в Иране династии Ахеменидов древнее ведийско-арийское имя Аспадана «Место жертвоприношения коня» (адана — бескровная жертва?).

Как писал И. М. Дьяконов: «... в I тыс. нередко смешивали понятия «касситов» и «вавилонян», поэтому вполне вероятно, что «Крепость вавилонян» — это то же самое, что «Колония касситов» (Кар-кашши), правителем которой был Каштарити; а Кар-кашши была, вероятно, центром провинции Бит-Кари, которую, по некоторым соображениям, следует отождествлять с районом Хамадана. «Питану» (на мехранском языке, т. е. на языке местного населения), по-видимому, то же, что «Падан» II тыс. до н. э., т. е. район к северу от Элама, прилегающий к верховьям Диялы. Барнаку некоторые исследователи сопоставляют с Бит-Бунаки, областью, упоминаемой Синнахерибом в числе североэламских» (Указ. соч. С. 267).

При этом И. М. Дьяконов считал почему-то невозможным сопоставлять упоминаемых Парнаку (Барнаку) с иранцами парну-даями (см. там же), завоевавшими во II в. до н. э. Парфию, а затем и всю Месопотамию до Палестины и неоднократно воевавшими с войсками Римской империи. По ассирийским источникам известно, что в Мидии обитали: саранги (правильнее заранги или дранги, др.- мид. zṛānka), жившие на территории современного Сеистана, на границе Ирана и Афганистана, у озера Хамун; таманаи, примыкавшие, как свидетельствует Геродот, к территории парфян и сарангов; утии (может быть, жители восточноперсидской или, точнее, карманской области Yautiuv) и мики (mukoī, может быть, така древнеперсидских надписей в современном Мекране?). Таким образом, эти племена обитали на территории современного Юго-Восточного Ирана (области Сеистан, Керман, частично Мекран) и Западного Афганистана (до линии Герат — Кандагар).

Имена трех «мидийских» царей Каштарити, Дусани, Маматиаршу — исконно курдско-ведические (индоарийские).

Каштарити — хшайахшатра — «царь, военачальник» области Кари, то есть Кара — народного ополчения».

Дусани — от курдско-ведийского ду — два (2), и Сена — войско. Надо отметить, что само мидийское имя Дусани имеет типично курдский характер и ярко демонстрирует образное мышление курдов, сохранившее самые архаичные мифопоэтические формы выражения. В курдской среде, как и в древности, сохраняется представление о подчинении психических качеств человека тому или иному органу тела, как в медицинской теории Гиппократов. Так, о человеке добром, щедром и влюбленном курды говорят: həwtəndil — человек имеющий семь сердец, отсюда и имя курдского героя Автандил в поэме грузина Шота Руставели. О человеке храбром и отважном курды скажут: əw meriki şəgərə [этот мужчина храбрый (буквально с печенью)], или əw meriki du şəgərə həy? [этот мужчина имеет две (2) печени, то есть храбрый], поскольку у курдов печень как бы является источником храбрости человека, а тот или иной мужчина-воин (мер) настолько храбрый, что (наверно) имеет не одну (как все люди) печень, а две. Курдское мер — мужчина в курдском соответствует хуррито-митаннийскому обозначению касты воинов — марьянну. Одним словом, именно из первоначально курдско-ведийского языка родился позднее митаннийский термин — Марьяну. Исходя из этих фактов, следует признать, что имя вождя восстания Дусани — Дусене означает «два войска» и является, безусловно, исконно курдским.

Имя третьего вождя Маматиаршу восходит к Мэме (шъван), бог мелкого скота у курдов кочевников. Имя мамэ до настоящего времени носит курдское племя Мамасени, то есть «войско Мамо» и племя Мамаш, обитающее в Северном Иране в области Ушну — Уишдиш ассирийских надписей. Имя курдского племени Мамаш очень и очень древнее, поскольку имеет окончание -аш (aş), характерное для имен кутийского, касситского, лулубейского языков, имевших распространение в горах Загроса и Месопотамии, уже в III тыс. до н.э. и вплоть до возникновения курдских государств Манна и Мидия в I тыс. до н.э. Следовательно, выглядят абсолютно несостоятельно доводы ученых (И.М. Дьяконова), отрицающих родство курдского и кутийско-касситского языков, имевших суффикс aş, показатель именительного падежа существительных в индоарийских языках (язык Ригведы, санскрит).

В ассирийских источниках эпохи Асархадона упоминаются союзники Каштарити-Хшайахшатры — киммерийцы, мидяне, маннеи, скифы-ишкуза. В ассирийских «Запросах к оракулу» о судьбе осаждаемых силами Хшайахшатры городов, верных ассирийцам, мы вне-

запно узнаем о мощи мидийско-курдской армии — кара, способной вести войну на профессиональном уровне: запрос на 100 дней, начиная с 3 айара: «будь то Каштарити с его войском, будь то войско киммерийцев, будь то войско мидян, будь то войско маннеев, [...], задумывают ли они, замышляют ли они? Будь то осадой, будь то силой, будь то боевыми действиями, битвой и сражением, будь то проломом, будь то подкопом, будь то насыпью, будь то тараном, будь то голодом, будь то клятвой именем бога, будь то доброй речью и мирным договором, будь то какой-либо хитростью для взятия городов — возьмут ли они город Кишассу, войдут ли в этот город Кишассу, покорит ли этот город Кишассу рука их, будет ли причислен к их владению?». (И.М. Дьяконов, 1956. С. 268).

Действительно, методы и способы мидян-маннеев по ведению войны и взятию крепостей впечатляют. Дьяконов абсолютно неверно считал, дескать, мидяне научились искусству осады городов у ассирийцев, совершенно забывая о том, что предками курдов-курманджи являются воины Манда, служившие в армии хеттских царей, а также ведические индоарии Куру, завоевавшие всю Северную Индию во II тыс. до н.э.

Часть этих племен, например курды кокэи, о которых упоминает Махабхарата (VI в. до н.э.), стали возвращаться обратно на запад в горы Загроса в Курдистан, и, имея огромный опыт ведения боевых действий, составили основу мидийской армии. Именно эта миграция с востока (Индия — Пенджаб) на запад части индоязычных племен потомков ведических ариев Куру и породила этот миф о пришествии мидийско-парфянских племен с территории Средней Азии на Иранское нагорье. Около 673 г. пал в бою Ишпакай, царь скифов и союзник Каштарити. В результате войны маннеев во главе с Хшайяхшатрой (Каштарити) все области Мидии, кроме Замуа и Парсуа, были освобождены от ассирийского присутствия. Маннейские войска вышли в долину Диалы и стали угрожать непосредственно Ассирии. Начиная с 672 г. ассирийцы начали вести переговоры с Каштарити и его союзниками — Дусани, владыкой Сапарды, Маматиаршу, владыкой области Мадай и царем скифов, которым после гибели Ишпакай в 673 г. стал его сын Партатау. Царь Страны ишкуза пошел на переговоры, и Асархадон отдал свою дочь замуж Партатау, вождю скифов, признав его равным царю мировой державы Ассирии.

Отпадение Партатау, царя скифов-ишкуза, остановило восстание, но вся территория Мидии к тому времени (672 г. до н.э.) была сво-

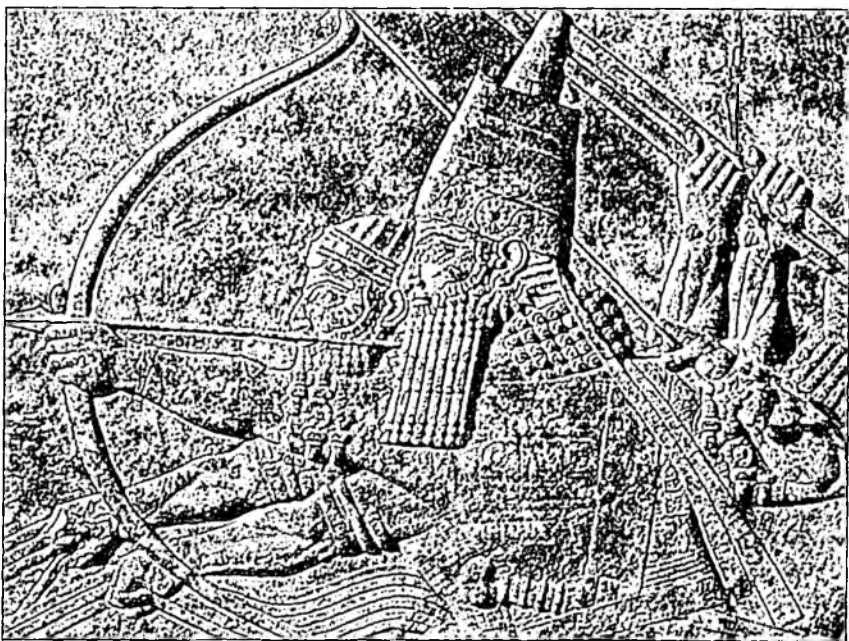

бодна от ассирийских войск и наместников. Родовые области царей восстания Каштарити (Бит-Кацши), Маматиаршу (Мадай), Дусани (Сапарда) стали ядром Мидии, которая начинает упоминаться в ассирио-вавилонских источниках как независимое государство, наряду с Манной, Хубушки, Урарту.

Таким образом, в период с 670 до 625 гг. до н.э. с начала мидийско-ассирийских войн на стыке Передней Азии, Месопотамии и Иранского нагорья образовались два новых крупных политических центра — Мидия и скифское царство Ишкуза.

Некоторые исследователи, особенно советские, относили к числу этих политических новообразований и княжество Манна, совершенно не беря во внимание данные шумеро-аккадских источников III тыс. до н.э., где уже упоминаются курдские племена (h) еммунда, страна которых располагалась в Загросе, как раз на территории, ставшей известной позднее как область Манна.

Вызывает интерес тот факт, что еще в первой половине I тыс. до н.э. ассирийские писцы именуют не только жителей Манны, но и Мидии древним (прототигридским) словом — кутии. Во время восстания

Ашшурбанпал (668—627 гг. до н.э.)

Шамашшамукина, брата Ашшурбанапала в 653/652 годах в Вавилоне против Ассирии Ашшурбанапал в своем тексте, посвященном этой смуте, прямо называет Мидию именем Гутиум-Кутиум: «И вот Шамашшумукин неверный брат, что не соблюдал присягу мне, возмутил против меня людей Аккада, рабов, служащих мне, и Умманигаша, беглеца, обнимавшего ноги моей царственности, которого я поставил на царство Элама, а также царей Гутиума, Амурру, Мелуххи, которых я поставил своими руками по слову Ашшура и Нинлиль, — всех он возбудил против меня, и они вступили с ним в соглашение».

Страна Амурру в то время понималась как царства Палестины, Сирии, Финикии; Мелухха — области Африки, а Гутиум-Кутиум — как Загрос и Иранское нагорье, где в то время возникло государство Мидия, которой правил Фраорт-Каштарити, осадивший Ниневию, столицу Ассирии. Только нашествие скифов спасло Ассирию от полного разгрома. Геродот сообщает (I, 103 и 106), что когда сын Фраорта Киаксар осаждал Ниневию — пришло скифское войско, вел же его царь скифов Мадий, Прототиев сын». После этого говорится о 28-летнем правлении скифов, которое прекратил Киаксар, сумев уничтожить их вождей.

На северо-западе в начале VII в. до н.э. после захвата Фригийского царства господствовали племена киммерийцев умман-манда (курманджи). Около 664 г. до н.э. Гиг (Игиги), царь Лидии, заключил договор с Ассирией, и Ашшурбанапал отправил скифскую конницу во главе с Мадием против киммерийцев. Союзной армии скифов и лидийцев удалось вытеснить киммерийцев с равнин Малой Азии, где те пасли скот, в горы Загроса, на места их прежнего обитания. Впоследствии Лидия отвернулась от Ассирии, и царь Гиг заключил договор с Псамметихом, фараоном Египта.

Киммерийцы — Умман-Манда — в союзе с трерами, воспользовавшись случаем, напали на Лидию и захватили столицу Сарды. Гиг погиб в бою, а его сын царевич Ардис в 657 г. снова заключил договор с Ассирией. Ашшурбанапал начал войну с киммерийцами Умман-Манда и послал конницу скифов ишкуза во главе со своим племянником царем Мадием. Царем Умман-Манда (киммерийцев) был Тугдамма, имя которого означает: Таухмадома — Тохъмзома — Основоположник, Прародитель рода (курд. — санскр.).

В надписи Ашшурбанапала читаем: «Я рассею силы Тугдамма, Сандакшатру сына порождения его утробы, которого послали ему в преемники, я низвергну» (АВИУ, 78, 243).

Тутдамма — Таухмазома погиб около 654 г. до н.э., и вождем киммерийцев-умман манда стал его сын, носивший исконно индоарийское имя Сандакшатру — Сынеи хшатра — царь войска. После поражения киммерийцев (Умман-Манда) Руса II, царь Урарту, прислал в Ассирию послов с просьбой о дружбе.

Около 660—659 гг. до н.э. ассирийцы, имея союзниками скифов, предприняли поход на Манну. Перейдя Загрос, ассирийское войско во главе с полководцем Туртаном Набушарусурой напали на княжество царя Ахсери. Заняв всю территорию царства маннеев, ассирийцы дошли до ее столицы Изирты (соврем. Саккыз в Курдистане). В течение двух недель ассирийцы осаждали Изирту, а также Изибиа (соврем. Зивийя), Урмейате (Армаит), но не смогли сломить защиту городов и были вынуждены отступить.

Это свидетельствует о необычайно возросшей силе маннейских княжеств, способных даже в одиночку противостоять агрессии такой сильной военной державы, как Ассирия. Впоследствии, по сообщению ассирийских источников, царь Ахсери был убит восставшими (народом, придворными, жрецами?), а его сын Уалли [Вали] послал своего сына Эрисенну к ассирийцам просить военной помощи. Эти политические события указывают на стремление придворных и знатных царства Манны заключить более тесный союз с Мидией. Вполне возможно, что ассирийский царь направил для предотвращения союза Манны с Мидией своего зятя Мадия, сына Партатуа, царя скифов — ишкуза. Именно по причине этого и произошла знаменитая резня скифских вождей, устроенная в Манне Киаксаром, царем Мидии.

Как писал Геродот (История I, 102, 103):

«102. Властвуя над этими двумя [мидяне — персы] и к тому же могущественными народами, Фраорт [Каштарити — Хшайяхшатра] затем начал покорение Азии народ за народом. Наконец он выступил в поход на ассирийцев (именно на тех, что владели Нином [Ниневия] и прежде были владыками всей Азии, а теперь, после отпадения своих союзников, остались одни; у себя дома, впрочем, они были еще довольно могущественны). В этом-то походе пал и сам Фраорт, после 22-летнего царствования, и погибла большая часть его войска.

103. После кончины Фраорта [Каштарити] царство перешло к его сыну — Киаксару, внуку Дейока».

Многие ученые-специалисты, изучая этот текст и видя несоответствие хронологии мидийских царей у Геродота, предлагают считать Киаксара не сыном, а внуком Фраорта — Хшайахшатры, упоминаемого к тому же неоднократно в ассирийских источниках. Но тогда остается непонятным, почему именно Киаксар исполнил обычай кровной мести над вождями скифов, а не его отец Каштарити-Фраорт. Имеются многочисленные факты, доказывающие многолетнее правление царей в Восточных империях. Так, ассирийский царь Тиглатпаласар I правил 38 лет, Саргон I Великий правил Аккадом 56 лет, Шульга правил Шумером 47 лет, иудейский царь Хизкия царствовал 29 лет, а его сын Менаше, восшедший на престол царя Иудеи в 12 лет, царствовал целых 55 лет. Поэтому при сопоставлении хронология мидийских царей, данная у Геродота, не является необычной.

Геродот (I, 103): «Этот Киаксар, по рассказам, был еще гораздо воинственнее своих предшественников и первым разделил азиатское войско на [боевые] отряды по родам оружия и каждому отряду — копьеносцам, лучникам и всадникам — приказал действовать самостоятельно. До этого все [войско] было перемешано в беспорядке. Это был тот самый Киаксар, который сражался с лидийцами, когда во время битвы день внезапно стал ночью».

Как видим, у Геродота война Киаксара с Лидией соответствует сообщению ассирийских источников о борьбе киммерийцев — Урман-Манда (курманджи) с царем Гигом и Ардисом на северо-западе Малой Азии. Лидийцам помогали ассиро-скифские войска, которые разбили киммерийцев — Урман-Манда. При этом, по преданиям мидийцев, именно в стычке с ассирийцами и погиб их царь Каштарити-Фраорт (отец Киаксара у Геродота). Поэтому, если и есть какое-то хронологическое расхождение в списке царей Мидии у Геродота, то только в самих годах правления каждого из них.

По Геродоту, война произошла из-за скифов-ишкуза, которые, спасаясь от маннеев-мидян, перешли за реку Галис на запад и оказались на территории Лидии. Из-за отказа Алиата лидийского изгнать скифов Киаксар начал войну, длившуюся 6 лет (590—585 гг. до н.э. или 625—610 гг. до н.э.).

Во время сражения, состоявшегося 28 мая 585 г. до н.э. либо в 610 г. до н.э., произошло солнечное затмение, упоминаемое в античных источниках в связи с именем философа Фалеса. Это космическое явление было истолковано как знак богов, противящихся войне. Мир между Лидией и Мидией, заключенный при посредничестве

царей Вавилона и Киликии, был подкреплен браком Астиага, сына Киаксара, с Ариенией, дочерью Алиатта.

Геродот (I, 103): «Всю Азию по ту сторону Галиса он присоединил к своей державе. Со всеми подвластными народами Киаксар выступил против Нина [Ниневии], в пределы его царства вторглись огромные полчища скифов во главе с царем Мадиесом, сыном Протофиея. Скифы вытеснили киммерийцев из Европы и преследовали их в Азии, а теперь вторглись в Мидийскую землю».

Так в 623—622 г. до н.э. скифы спасли столицу Ассирии Ниневию от осады мидян. Мадий, племянник Ашшурбанапала, со своими войсками разбил мидийского царя Киаксара и установил скифскую гегемонию в Азии. При Мадии скифы прошли, как гиксосы за тысячу лет до них, через Сирию, Палестину и достигли Египта, где фараон Псамметих I (умер в 610 г. до н.э.) — выйдя навстречу, дарами и просьбами, убедил далее не продвигаться» (Геродот I, 105).

Господству скифов в Передней Азии положил конец Киаксар. Как писал Геродот (I, 106): «28 лет владычествовали скифы в Азии и своей наглостью и бесчинством привели все там в полное расстройство. Ведь помимо того что они собирали с каждого народа установленную дань, скифы еще разезжали по стране и грабили все, что попадалось. Тогда Киаксар и мидяне пригласили однажды скифов в гости, напоили их допьяна и перебили».

По всей видимости, это был какой-то праздник бога опьяняющего напитка Хомы, на котором был разыгран народный курдский спектакль «изгнания царя», в результате которого все скифские вожди и жрецы были перебиты.

Далее у Геродота читаем: «Так мидяне восстановили прежнее величие своей державы и еще завоевали Нин [Ниневию] (...), и покорили ассирийцев, за исключением Вавилонской области. После этого скончался Киаксар [Хувахшатра]. Царствовал он 40 лет (не считая и годы скифского владычества)».

Падение Ашшура

Ашшурбанапал после взятия Вавилона и казни своего сводного брата Шамашшамукина в 648 г. прожил еще 15 лет и умер около 633 г. до н.э. Царем Ассирии стал его сын Ашшурэтелили, правивший до 626 г. до н.э. После дворцовых неурядиц и свержения самозванца Синшумлицира, захватившего престол, царем Ассирии стал Синша-

ришкун (Сарак), другой сын Ашшурбанапала. Сарак поставил халдея Набопаласара наместником Ассирии в Вавилоне. Однако Набопаласар захватил власть в свои руки, провозгласил себя царем и тем самым отделил Вавилонию (Халдею) от Ассирии. По сведениям, переданным историком Бероссом, Набопаласар создал военный союз с Мидией, скрепив его женитьбой своего сына Навуходоносора на Амितिде, дочери Киаксара (Нувухштра). Уже этот династический брак можно рассматривать как наличие родства курдов-мидян и халдеев-кашдим. После того, как лидийский царь уничтожил скифов, союзников Ассирии, около 616 г., как об этом свидетельствует «Хроника Гэдда», халдейское войско Набопаласара поднялось вверх по Евфрату и стало громить ассирийские гарнизоны. Весь 615 г. халдеи воевали с ассирийцами на территории самой Ассирии, а весной 614 г. из-за перевалов Загроса пришли войска союзной Мидии. Окружив со всех сторон Ашшур, мидийские войска взяли штурмом священный ассирийский город. Халдеи не принимали участия в захвате Ашшура. Как повествует «Хроника Гэдда» — царь Аккада и войско его, которые шли на помощь мидянину, боя не застали. Ашшур был разрушен».

Мидия при Астиаге

После смерти Киаксара в 585 г. до н.э. престол царя Мидии перешел по наследству его сыну Астиагу, который был женат на дочери лидийского царя. От этого брака у царя Астиага родилась дочь Мандана. По преданиям, изложенным Геродотом, Астиаг видел сон, который маги истолковали так, что будущий сын Манданы свергнет царя и захватит Мидию. Геродот пишет (I, 107): «Затем, когда пришла пора Мандане выходить замуж, Астиаг не хотел отдавать ее в жены ни одному мидянину равного происхождения. В страхе от сновидения, царь выдал дочь замуж за перса по имени Камбис, выбрав его из-за знатного происхождения и спокойного нрава, хотя и считал его [по знатности] гораздо ниже среднего мидянина».

Этот рассказ Геродота очень точно передает нравы и обычаи курдов, в среде которых вообще не принято выдавать дочерей замуж за человека другой национальности и веры. Древней религией курдов является езидизм — поклонение Солнцу. По представлениям и убеждениям езидов-курдов, их религия наследуется генетически, и езидом посторонний человек не может стать, им можно только родиться. Езидизм — это этноконфессиональная замкнутая религия, как, до-

пустим, иудаизм с кастой левитов или друзы, верящие в переселение душ, как и их общие предки с курдами — ведические индоарии Куру. Следовательно, сам факт выдачи Астиагом своей единокровной дочери Манданы [данной Ману] за перса Камбиса, которого не считал езидом — мидянином, что отмечал и Геродот, был вызван слишком особыми причинами, толкнувшими мидийского царя нарушить законы своей национальной религии — Езди.

Далее, пишет Геродот (I, 108), увидев новое предзнаменование во сне, Астиаг приказал убить новорожденного сына Манданы, своего внука: «Снотолкователи-маги объяснили ему сон так: сын его дочери будет царем вместо него. Желая избежать этого, Астиаг призвал после рождения [младенца] Кира Гарпага, своего родственника, самого преданного среди мидян, управителя в его царстве, и обратился к нему с такими словами: «Гарпаг, я даю тебе важное поручение. [...] Возьми младенца, которого родила Мандана, принеси в свой дом и умертви. Потом похорони его как тебе угодно»».

Гарпаг, придя домой, призвал к себе своего пастуха-волопаса, пасшего скот на горных пастбищах по имени Митридат, имевшего жену — Спако, что означает на мидийском «Собака» (священное животное в зороастризме). По Геродоту (I, 110), Гарпаг сказал пастуху Митридату: «Астиаг приказал взять этого младенца и оставить в самом диком месте в горах, чтобы он там как можно скорее погиб». Вернувшись к себе, Митридат и Спако решили, подменив живого младенца на своего мертворожденного сына, спасти внука царя. Переодев мертвого младенца в царские одежды внука Астиага, бросили тело усопшего в лесу и, доказав таким образом смерть наследника престола Мидии слугам Гарпага, Митридат и Спако унесли будущего царя Персии Кира на север от Экбатан на горные пастбища. Тут следует указать на соответствие имени Митридат названию горной области древней страны Мехри (< Митра, ведич. яз), упоминаемой часто в шумеро-аккадских и ассиро-вавилонских источниках III—I тыс. до н.э.

Митридат и Спако называли младенца именем Куруш — Кир. Когда Кир повзрослел во время игры со своими сверстниками, те избрали его своим царем. По приказу Кира был наказан мальчик, сын одного из вельмож Астиага. Обиженный мальчик пожаловался на побои, учиненные по приказу Кира, своему отцу Артембару, который донес об этом Астиагу. Из уважения к своему вельможе Астиаг приказал привести волопаса-пастуха и его сына. Сам тот факт, что Ар-

тембар не мог сам наказать пастуха — Митридата, слугу царя Астиага, четко соответствует курдскому обычаю, по которому рият (слуга) одного аги не может сам наказать его слугу. Во время встречи Астиага с Киrom царь Мидии опознал своего внука и, посоветовавшись с магами, отпустил его к родителям Мандане и Камбису в Персию. Но при этом Астиаг наказал Гарпага, приказав убить его сына.

Кир вернулся к родителям, которые распустили слух о том, что их сын был спасен в лесу и выкормлен Собакой — Спако (Собака > собака): легенда, соответствующая преданию о спасении Париса (Пира), царевича Трои на горах Иды — Илы и вскормленного дикой медведицей (германск. Беаг — Varkana (др.-перс.) — Vahrkana (авест.) — Баркания — Гиркания — волчья страна).

Гарпаг, желая отомстить Астиагу за казнь своего сына, составил заговор и привлек к нему мидийских магов, лишенных верховной власти еще реформами Дейока, и персов во главе с царевичем Киrom, который был обязан ему жизнью. Астиаг, узнав о заговоре, казнил магов, а сам с войском выступил против области Парсуа, где пребывал Кир. Несколько раз разбив персидские войска, Астиаг тем не менее проиграл войну.

Победе персов над Астиагом способствовал в первую очередь заговор мидийских магов, организованный Гарпагом — Хвар пак — чистое Солнце» (курд.). Суть проблемы, которую не могли понять и раскрыть ученые, заключается как раз в той реформе кастовой системы, устроенной Дейоком при решении сбросить ненавистное ассирийское иго, которое затем и привело к возникновению собственно Мидийского государства. Во время мира племена манну-курманчи управлялись жрецами-священнослужителями, тогда как на время войны по решению совета старейшин племен власть над народом переходит к царям-воинам (хшайахшатра — шейх), составляющим вторую после жрецов касту в иерархии этноконфессиональной общины ведических индоариев курдов. Во время войны с Ассирией за освобождение царства Манны власть в стране курдов перешла от жрецов-пиров (маги) к царям-воинам (шейхи), то есть Дейоку, который и возглавил войско Манны — мада — Маг'к — madai. Когда же война с Ассирией закончилась победой и разрушением ее столицы Ниневи, то Мидия повела другие войны в Малой Азии и с Лидией.

Мир в обществе маннеев наступил только во времена Астиага, и маги — солнцепоклонники» — пиры, должны были получить свою исконную высшую власть над обществом из рук воинов-шейхов. Но этой

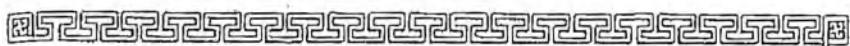

мирной передачи власти от шейхов к пирам не произошло, что и явилось причиной заговора мидийских магов, чего так опасался Астиаг. Вождем заговора магов стал Гарпаг (Хвар-пак), убедивший Кира персидского поднять восстание. Обращение мидянина к персу и персам, не знавшим кастового строя, как у езидов-курманджи, как раз и подтверждает, что Гарпаг не мог обратиться непосредственно к самим маннеям, поскольку никто из представителей более низшей касты — мьрьдов не мог пойти против стоящей выше них касты воинов-шейхов, не нарушив при этом канонов своей езидской религии и стать вероотступником. Вполне возможно, существовал и предварительный сговор пиров-священников и мьрьдов, поскольку для тружеников страны Манду войны, которые вела каста шейхов (хшайахшатра), были не освободительными и очень разорительными.

Гарпаг (Хвар-пак) договорился с Киrom, наполовину мидянином (сын дочери Астиага), на условии после победы предоставить верховную власть над своим народом манна (курманджи). Кир, как сын второй дочери Астиага — Манданы, имел все права на престол Мидии. По Ктесию, Кир был сыном марда Атрада и пастушки, затем стал слугой и воином личной гвардии Астиага. Марды представляли собой горное племя, жившее в различных районах Иранского нагорья, Средней Азии — Мардиане, в низовьях реки Амоль в горах Гизильбунды и здесь именовались амарды. Имя Мард соответствует этнониму племени мары у белуджей. Марды в эпоху Астиага также жили на побережье Персидского залива в областях Макрон — Арахосия (W.Geiger, *Ostiranische Kultur im Altertum Erlangen*, 1882. P. 203).

В первом сражении, произошедшем около Аспаданы (Исфахан), Астиаг нанес поражение восставшим и убил вождя мардов Атрадата. Затем Астиаг во главе мидийских войск вошел на территорию Парсумаш и нанес войску персов еще одно поражение возле Пасаргад. Во время последней битвы мидян и персов у стен осаждаемых Пасаргад благодаря действиям Гарпага часть войска мидян перешла на сторону Кира, и в войне наступил решающий перелом. Далее Кира поддержали парфяне и гиркании. Войско Кира перешло в наступление и, преследуя Астиага, дошло до столицы Мидии и заняло Экбатаны.

По Ктесию, Астиаг не сразу попал в руки Кира. После захвата Экбатан Кир, не найдя Астиага, приказал пытать его дочь Амитиду и ее мужа Спитама, а затем их сыновей Спитака и Мегабарна. Узнав об этом, Астиаг сдался, чтобы избавить своих внуков и родных от

Кир оставил Мидии статус царства, сохранил жизнь Астиагу и женился на его дочери Амिति́де, сыновья Амитиды от Спитама, то есть прежнего мужа, Мегабарн и Спитак стали сатрапами в империи Кира — один в Гиркании (на южном побережье Каспия), другой стал главой над дербиками-саками. Пармис, брат Амитиды, стал военачальником Кира. Атрасир, сатрап Гиркании — «волчьей страны», где Митридат и Спако воспитывали Кира, стал приближенным Камбиса II.

Племена индоариев Умман-Манда — курманджи в эпоху Мидии

Имя Умман-Манда по отношению к кутиям-маннеям, создавшим государство Мидия, продолжало сохраняться в первой половине I тыс. до н.э. у жителей Нижней Месопотамии, даже в эпоху после падения царства Астиага.

Так, в Сиппарском цилиндре Набонида (NBKI, с. 218—20) о мидянах — (h) ему Манда — курдах курманджи говорится: «(бог) Мардук говорил со мной: «Набонид, царь Вавилона, на упряжных лошадях твоих вози кирпичи, строй (храм) Эхульхуль (в Харране) [Курдистан: — С.Л.] и сооруди в нем жилище (бога) Сина, великого владыки». Почтительно говорил я владыке богов Мардуку: «Этот храм, который ты приказал строить, его окружило войско Манда, и громадны силы его». Мардук же говорил мне: «Войско Манда, о котором ты говоришь, не будет — ни его, ни страны его, ни царей, его помощников». При наступлении третьего года Кир, царь Анзана [Аншана], его малый раб, поднялся на него и своим малочисленным войском рассеял обширное войско Манда; Ілтумегу, царя войска Манды, он захватил и забрал его пленным в свою страну» (S. Smith. *Babylonian Historical Texts* London, 1924. С. 34, 101).

Династия курдских царей Мидии

По Геродоту

Дейок 727—675
Фраорт-Каштарити 674—653
? 652—625
Киакар 624—585
Астиаг 584—549

По Ктесию

Арбак — 28 лет (Arbakes)
Мандаук — 50 (Maudaukes)
Сосарм — 30 (Sosarmos)
Артик — 50 (Artukas)

Арбиан — 22 (Arbianes)
Артей — 40 (Artaios).
Артин — 22 (Artunes)
Астибар — 40 (Astibares)
Аспанд — 35
Астиаг (Astuigas)
племенной вождь — nasiku
(лулуб)

Кир сдержал свое слово, и маги взяли верховную власть в Мидийском княжестве Манна в свои руки. Так, документально известны факты о наследственном праве мидийских магов исполнять обязанности священнослужителей и приносить жертву ведийско-арийским богам не только на территории Мидии, но и во всей персидской державе Ахеменидов.

Мидийские маги в империи Ахеменидов при царе Кире Великом, по Геродоту

«История» 131: «Что до обычаев персов, то я могу сообщить о них вот что. Воздвигать статуи, храмы и алтари [богам] у персов не принято. Тех же, кто это делает, они считают глупцами, потому мне думается, что вовсе не считают богов человекообразными существами, как это делают эллины. Так, Зевсу они обычно приносят жертвы на вершинах гор и весь небесный свод называют Зевсом. Совершают они жертвоприношения также солнцу, луне, огню, воде и ветрам. [...].

132. Этим-то богам персы совершают жертвоприношения вот как. Персы не воздвигают алтарей и не возжигают огня. Нет у них ни возлияний, ни игры на флейте, как нет и венков, и жертвенного ячменя. Если кто-нибудь пожелает принести жертву указанным богам, то приводит жертвенное животное в «неоскверненное» место и призывает бога, причем чаще всего украшает свою тиару миртовыми ветвями. Приносящему жертву не дозволяется просить о даровании благ только себе одному: он молится за всех персов и за царя, так как и сам принадлежит к персам. Затем он разрезает жертву на части и варит мясо, а потом подстилает самую свежую траву (чаще всего — трилистник) и кладет на нее мясо. Тогда подходит маг с песнопением «теогонии», как они называют это заклинание. Ведь без мага совершать жертвоприношение у них не положено. Через некоторое время

приносящий жертву уносит мясо домой и поступает с ним, как ему вздумается.

133. [...] Персы — большие любители вина. [...] За вином они обычно обсуждают самые важные дела. Решение, принятое на таком совещании, на следующий день хозяин дома, где они находятся, еще раз предлагает [на утверждение] гостям уже в трезвом виде. Если они и трезвыми одобряют это решение, то выполняют. И наоборот: решение, принятое трезвыми, они еще раз обсуждают во хмелю.

135. Персы больше всех склонны к заимствованию чужеземных обычаев. Они носят ведь даже мидийскую одежду, считая ее красивее своей. [...].

136. Главная доблесть персов — мужество. После военной доблести большой заслугой считается иметь как можно больше сыновей. Тому, у кого больше всех сыновей, царь каждый год посылает подарки. Ведь главное значение они придают численности. Детей с 5- до 20-летнего возраста они обучают только трем вещам: верховой езде, стрельбе из лука и правдивости. [...].

138. О том, что им запрещено делать, персы даже и не говорят. Нет для них ничего более позорного, как лгать, а затем делать долги. Последнее — по многим другим причинам, а особенно потому, что должник, по их мнению, неизбежно должен лгать. [...].

140. Эти известия о персах я могу сообщить как безусловно достоверные. Напротив, сведения о погребальных обрядах и обычаях персы передают как тайну. Лишь глухо сообщается, что труп перса предадут погребению только после того, как его растерзают хищные птицы или собаки. Впрочем, я достоверно знаю, что маги соблюдают этот обычай. Они ведь делают это совершенно открыто. Во всяком случае, персы предадут земле тело покойника, покрытое воском. Маги в значительной степени отличаются [одним своим обычаем] как от остальных людей, так особенно от египетских жрецов. Последние полагают свою обрядовую чистоту в том, что не убивают ни одного живого существа, кроме жертвенных животных. Маги же собственноручно убивают всех животных, кроме собаки и человека. Они даже считают великой заслугой, что уничтожают муравьев, змей и [вредных] пресмыкающихся и летающих животных. Впрочем, пусть этот обычай существует, как он был искони, я же возвращусь к своему прежнему рассказу. При пленении Астиага Киром по Геродоту произошло следующее событие (История, I, 129): ...Гарпаг подошел к пленному Астиагу и стал злорадно издеваться над несчастным. [...].

Гробница царя Кира Великого в Пасаргадах. Ок. 530 г. до н.э.

Астиаг же посмотрел на Гарпага и в свою очередь заметил: не приписывает ли Гарпаг себе деяние Кира. [...] ...Астиаг стал приводить доводы в доказательство того, что Гарпаг глупейший и самый негодный человек на свете. Самый глупый — потому что возложил царский венец на другого, хотя сам мог бы стать царем».

Кир захватил власть в царстве своего деда Астиага — Мидии, где последний царствовал 35 лет, пошел войной на Ионийские города на западе и вместе с мидийским полководцем Гарпагом покорил всю Переднюю Азию. Затем Кир со

своим войском двинулся в Южную Месопотамию на Халдейское царство и осадил Вавилон. После жестокой битвы у стен города жители, оттесненные за крепостные стены, восстали против царя Набунаида, и персидский полководец Гобрий занял Вавилон без сопротивления.

После покорения Вавилона Кир задумал подчинить массагетов. Геродот пишет (I, 201): «Эти массагеты, как говорят, многочисленное и храброе племя. Живут они на востоке по направлению к восходу солнца за рекой Араксом напротив исседонов. Иные считают их скифским племенем».

Ученые считают савроматов, исседонов и массагетов предками современных башкурдов (башкир) Южного Урала, язык которых продолжает сохранять среднеперсидскую парфянскую фонетику, а одно из племен носит имя бурзян-тангаур, как и у курдов Загроса.

Царицей дахо-массагетов была женщина по имени Томирис, что указывает на реликты матриархата. Кир погиб в битве с войсками дахо-массагетов. Геродот писал (I, 214): «Томирис же, узнав, что Кир не внял ее совету, со всем своим войском напала на персов. Эта битва, как я считаю, была самой жестокой из всех битв между варварами. [...] Долго бились противники, и никто не желал отступить. Наконец массагеты одолели. Почти все персидское войско пало на поле битвы, погиб и сам Кир».

Государственный переворот Дария — отстранение от власти курдских магов. Дарий — Дарайавауш (522—486)

После гибели Кира власть в империи Ахеменидов перешла к его сыну Камбизу II, царствовавшему с 529 по 522 гг. до н.э. Вся религиозная власть в империи принадлежала курдским магам, а во время походов царя в чужеземные страны маги становились во главе верховной власти. Этот вывод следует из того обычая, что Кир Великий во время похода на дахо-массагетов взял с собой и своего сына-наследника Камбиса, а не оставил его своим наместником в Эқбатанах или Пасаргадах. Затем уже Камбис после гибели Кира сам перед своим походом на Египет приказал убить своего брата царевича Бардию, а верховную власть на время своего отсутствия в Пасаргадах передал курдским магам. Эту версию излагает Геродот, а также персидский царь Дарий I.

Другая версия гласит, что Бардия не был убит, а, избежав смерти, сам захватил царскую власть при поддержке мидийских жрецов-магов, провозгласивших его царем. Две версии совпадают, отмечая ведущую роль курдских магов в империи персов.

Камбис, находившийся в Египте, поспешил со своим войском в Иран, но в пути на родину умер «сам собой», возможно, совершил самоубийство. Перед своей смертью Камбис, как сообщает Геродот (III, 65), сказал следующее: «Маги владеют теперь вашим царством — управитель моего дома и брат его Смердис. ...Я хочу затем высказать вам персы, перед смертью мою последнюю волю — то, что лежит тяжелым камнем у меня на сердце. И вот я наказываю вам, заклинаю нашими царскими богами всех вас и прежде всего вас, здесь присутствующие Ахемениды: не допускайте, чтобы власть снова перешла к мидянам!

Но если они захватили власть коварством, то и вы должны вырвать ее у них коварством; [...].

После этого Камбис заплакал и умер».

Но вызывает удивление, что даже Геродот спустя много лет после этих событий описывает недоверие персов к словам завещания Камбиса, направленных против курдских магов (III, 66): «А персов, слышавших последнюю речь Камбиса, охватило сильное недоверие [к словам царя], будто маги захватили власть. Персы заподозрили, что Камбис своим рассказом о кончине Смердиса хотел только обмануть их и возбудить против Смердиса всю Персию».

Камбис умер, а маг-мидиец Бардия, в мидийском произношении — Барзия [Вагреia], пришел к власти. По сообщению античных

источником, в маг Бардия правил 7 месяцев и сумел сделать много доброго для подданных своей империи, и как писал Геродот (III, 67): «За это время маг успел даровать всем своим подвластным великие милости, так что после смерти все азиатские народы, кроме самих персов, горько оплакивали его. Ведь он разослал вестников ко всем подвластным народам, объявив освобождение от податей и военной службы на три года».

Такое решение мидийского мага, названного в Бехистунской надписи Дария I именем Гаумата (гаома-ата) безусловно наносило огромный ущерб интересам военной аристократии. Вследствие этих необдуманных с точки зрения политической ситуации социальных реформ Бардия-Гаумата (Смердис у Геродота) остался без армии или без поддержки армии. Дарий сын Гистаспа, родственник Кира Великого по боковой линии от общего предка Ахемена, во главе семи знатных персов, вождей семи племен, составил заговор и при поддержке армии после ряда сражений сумел сломить народное ополчение — кара, на которое опирался маг Бардия-Гаумата. 29 сентября 522 г. до н.э. Дарию I удалось захватить резиденцию мага — крепость Сикайавати в Мидии, в области Нисайа и убить Бардию-Гаумату. Впоследствии эти события оказались каким то образом включены в Ветхий Завет (Книга Эсфири), но описаны не как спасение персов от власти курдов-мидийцев, а чудесное избавление от смерти самих евреев.

Дарий учинил страшное избиение магов, сопровождавшееся многочисленными убийствами жрецов. Но даже утерев светскую власть, сурдские маги сохранили власть религиозную. Это видно из того примечательного факта, что когда следующий персидский царь Ссеркс (сын Дария) во время похода персов на Грецию в 480 г. до н.э. то есть через 42 года после заговора и убийства Бардии-Гауматы и вержения власти мидийских магов) достиг со своим персидским войском реки Стримона во Фракии, то как пишет Геродот (VII, 113): «Этой реке маги принесли жертву закланием белых коней».

Кир Великий пришел к власти при поддержке и по соглашению с урдскими магами-солнцепоклонниками, занявшими высокое положение в империи во время правления самого основателя династии хеменидов, а затем и его сына Камбиза. Курдские маги были кас-эй жрецов, исполнявших религиозные обряды при жертвоприношениях богам и похоронах людей. Переворот Дария не ставил целью уничтожение магов, как касты жрецов, а был направлен на ограничение влияния жрецов на верховную власть. Если версия об убийстве

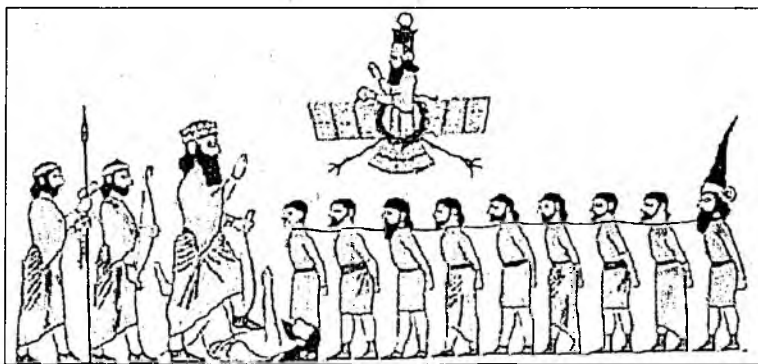

Бардии своим братом Камбисом выдумана Дарием I в Бехистунской надписи с целью оправдать захват власти у узурпатора мага Гауматы, а затем была повторена как официальная Геродотом в своей «Истории», то, следовательно, Бардия был жив и активно поддерживал магов, во главе с Гауматой выступивших за проведение социальных реформ. Эти реформы укрепляли роль магов и ущемляли права военной аристократии.

Вспыхнула гражданская война, и Дарий I, ставленник военной аристократии, победил при поддержке персов, составлявших основу армии Ахеменидов. Вернув власть военной аристократии, Дарий I оставил курдскому племени магов-солнцепоклонников право исполнять свои религиозные обряды в обществе.

Представляет огромный интерес сообщение, сделанное через 120 лет греческим воином — стратегом Ксенофонтом (около 401 г. до н.э.) о городе Меспила на реке Тигр чуть выше от впадения р. Большой Заб. Город этот возле Кардучских гор, как пишет Ксенофонт: «когда-то населяли мидийцы. [...]». Сюда, говорят, убежала жена царя Мидии, когда персы захватили власть у мидийцев (Анабасис, кн. III, 10—12). По античным свидетельствам известно, что жена Астиага, бабушка Кира Великого, оставалась при дворе своего внука царя персов. Следовательно — женой царя» могла быть только вдова Бардии или же вдова мага Гауматы.

Имя Бардия (мидийск. «Барзия») восходит к авестийскому «огонь» — «берези», слово, которое продолжает сохраняться с тем же значением в курдском диалекте сынэи, где слово «берези» означает «калить на огне, жарить, плавить». Огонь почитался у зороастрийцев

Бехистунский рельеф царя Дария I, попирающего мага Гаумату

священной стихией. Возможно, Бардия и не погиб, то есть не был убит своим братом Камбисом, а являлся одновременно и царевичем и жрецом-магом с сакральным именем Гаумата. Именно его, царя-жреца Бардию-Гаумату, сверг с престола Дарий I и, затем, дабы юридически оправдать свой незаконный захват власти, сочинил историк о мидийских магах. При этом Дарий I нигде не сообщил о бегстве жены царя Бардии-Гауматы в Меспилу к курдам-мидийцам. Если имя царя Барзия восходит к мидийскому языку, то вполне допустимо и необходимо говорить о родстве шейхов курдского племени барзан с царями Ахеменидами.

Геродот о перевороте Дария

При Камбизе (530—522 гг. до н.э.), сыне Кира Великого, курды-мидийцы во главе своих духовных вождей-пиров, называемых на древнеиндийский манер Магуй (Великий), то есть магами, смогли снова захватить верховную власть в империи в свои руки под руководством мага Бардии (Смердис у Геродота).

Геродот писал об этом событии так:

«III. 61. «Пока Камбис, сын Кира, находился еще в Египте и творил там безумные деяния, двое братьев из племени магов подняли мятеж. Одного из них Камбис оставил в Персии управителем своего дома. Этот-то человек и поднял восстание (...). Был у него брат, который, как я уже сказал, вместе с ним поднял мятеж, по внешности очень похожий на Смердиса, убитого по приказанию своего брата Камбиса. А был он не только похож на Смердиса, но даже и имя его было Смердис. Этого то человека, своего брата, маг Пазитиф убедил, что все для него устроит, и «сесть на престол пригласил». А посадив (брата) на престол, Пазитиф разостлал глашатаев по разным областям (персидской державы), а также войску в Египет (с вестью), что отныне надлежит повиноваться Смердису, сына Кира, а не Камбису».

[Это событие, между прочим, подтверждает и Бехистунская надпись Дария. Маг Гаумата (Лжесмердис) был провозглашен царем при поддержке мидийских магов именно в отсутствие Камбиза, когда последний подавлял восстание в Египте. — С.Г.]

Необходимо указать на такой важный исторический факт, что в Египте в Элефантине во времена Камбиза, Дария, Ксеркса существовали обширные иудейские колонии, которые боготворили персов после того, как Кир Великий освободил их от рабства в Халдее от

магов-мидян. Иудеи Элефантины в Египте служили в персидском войске Ахеменидов и делились на знамена, то есть боевые отряды, во главе которых стоял военачальник-иранец. Дело доходило до таких курьезов, что Ахемениды-иранцы напоминали иудеям и даже издавали указы, повелевающие евреям праздновать еврейскую же Пасху. (Б.А. Тураев. История древнего Востока. 1914. Часть III. Петроград. С. 222—225, а также Б.И. Кузнецов. Древний Иран и Тибет. СПб., 1998. С. 219)

В Библии, в Книге Эсфири говорится, что Эсфирь, воспитанница иудея Мардохея, становится наложницей персидского царя, а после помогает составить заговор против советника царя, и затем описывается, как иудеи защитили царский трон иранцев-ахеменидов.

Геродот в своей «Истории» все события, касающиеся свержения власти дэвопоклонников магов-мидийцев, изложил так:

III. «79. Умертвив магов, заговорщики отрубили у них головы. Раненых же (товарищей) они оставили на месте, так как те были слишком слабы, а также для охраны дворца. Остальные же пятеро, захватив с собой головы магов, с криком и шумом выскочили из дворца. Затем они созвали прочих персов, объяснили им, что произошло, показывая отрубленные головы, и стали убивать всех магов, попадавших на пути. Когда же персы узнали о подвиге семерых и об обмане магов, то не захотели отстать (от заговорщиков): они выхватили свои кинжалы и бросились убивать всех магов, каких только могли найти; и если бы не наступила ночь, то ни одного мага не осталось бы в живых.

Этот день все персы считают величайшим праздничным днем и справляют его весьма торжественно. А зовется у персов этот праздник «избиением магов». Ни одному магу нельзя в то время показаться на улице, и все они сидят дома».

В Библии эти же события в Книге Эсфири описываются так:

«Глава 9.

16. И собрались Иудеи, которые в Сузах, также и в четырнадцатый день месяца Адара, и умертвили в Сузах триста человек, а на грабеж не простерли руки своей.

17. И прочие Иудеи, находившиеся в царских областях (...) умертвили из неприятелей своих семьдесят пять тысяч, а на грабеж не простерли руки своей.

18. Это было в тринадцатый день месяца Адара; а в четырнадцатый день сего месяца они успокоились, и сделали его днем пиршества и веселия.

20. И описал Мардохей эти происшествия и послал письма ко всем иудеям, которые в областях царя Артаксеркса, к близким и дальним

21. О том, чтобы установили ежегодно празднование у себя четырнадцатого дня месяца Адара и пятнадцатого дня его.

23. И приняли Иудеи то, что уже сами начали делать, и о чем Мардохей написал к ним».

Как видим, два текста (из Геродота и в Библии) идентичны с той разницей, что события, которые в древней истории произошли с персами и мидянами-курдами, в Библии описываются как события, случившиеся с иудеями. Причем это переписывание «Истории» Геродота и интерполяции древних событий библейскими писцами — составителями Книги Есфири в Ветхом Завете действительно поражают воображение.

Так, у Геродота в «Истории» говорится об Эсфири как о дочери перса Отана, раскрывшей заговор магов, на которой Дарий женился после удачно совершенного им переворота и низвержения верховной власти мидийцев-курдов.

Геродот. Книга III

«88. Так-то Дарий, сын Гистаспа, был провозглашен царем (...). Дарий взял себе в супруги знатнейших персиянок, во первых, двух дочерей Кира — Атоссу и Артистону (...). Затем он вступил в брак с дочерью Смердиса, Кирова сына, по имени Пармис и, наконец, с дочерью Отана, которая раскрыла обман мага».

В Библии же говорится по-другому, то есть Эсфирь, раскрывшая заговор Амана против персидского царя, уже была наложницей Артаксеркса.

У Геродота (III, 88) сам персидский царь повелевает выбить надпись о своей победе над мидийскими магами, тогда как в Библии это приписано Мордехаю, наставнику Эсфири. Согласно Геродоту (III, 68), «заподозрив мага, Отан поступил вот как. Дочь его, по имени Федима, была супругой Камбиса, и теперь, как и все остальные жены, Камбиса стала супругой Смердиса. Так вот, Отан послал к этой своей дочери спросить, кто теперь ее супруг, с которым она теперь делит ложе (...).

Когда Отан услышал этот ответ, его подозрения стали все более усиливаться. Он послал тогда дочери третье поручение, гласившее вот

что: «Дочь моя! Ты — благородного происхождения и должна решиться поэтому на опасное дело, которое поручает тебе ныне отец. Ведь если это не Смердис, сын Кира, а тот, кем я его считаю, то он дорого заплатит за то, что делит с тобой ложе и властвует над персами. Он не должен остаться безнаказанным. Поэтому сделай так. Когда он взойдет к тебе на ложе ...».

В Библии, в Книге Эсфири этот эпизод описывается уже как иудейская история, где Мордехай, наставник Эсфири, занимает место Отана (перс. Утана), отца Аместриды; мидянин-маг Смердис становится Аманом, а Аместрида превращается в Эсфирь.

По Библии, Мордехай, послал весть к Эсфири, как и Отан к своей дочери Аместриде, по Геродоту. Эсфирь, по Библии, перед Артаксерксом обвиняет Амана (Смердиса), склонившегося над ее постелью, и тем самым перед нами как бы заново повторяется история из книги Геродота.

Библия, Книга Эсфири.

«Глава 7.

5. И отвечал царь Артаксеркс, и сказал царице Эсфири: кто это такой, и где тот, который отважился в сердце своем сделать так?

6. И сказала Эсфирь: враг и неприятель — этот злобный Аман! И Аман затрепетал перед царем и царицей.

7. И царь встал во гневе своем с пира, и пошел в сад при дворце; Аман же остался умолять о жизни своей царицу Эсфирь, ибо видел, что определена ему злая участь от царя.

8. Когда царь возвратился из сада при дворце в дом пира, Аман был припавшим к ложу, на котором находилась Эсфирь. И сказал царь: даже и насиловать царицу хочет в доме у меня!

10. И повесили Амана на дереве...»

Именно с этого времени иудеи начали отмечать праздник Пурим в честь своего освобождения, который отмечают в месяц Адар, то есть март.

Исторический экскурс

Именно в месяц март — Адар курды-мидяне отмечали и отмечают праздник Навруз, как день своего национального освобождения от угрозы поголовного уничтожения злым дэвом — Ажи Дахакой.

Таким образом, можно прямо говорить, что курдско-мидийский праздник был перенят иудеями во время правления царя Ксеркса, который и боролся с мидянами-дэвапоклонниками. Библия ясно четко извещает нас о том, что до царя Артаксеркса (465—424 гг. д. н. э.) у евреев не было праздника Пурим, тогда как, наоборот, из истории мы знаем, что у курдов-мидийцев с древнейших времен и за долго до царя Артаксеркса отмечался их национальный праздник освобождения — Навруз, который курды и сейчас, в наше время справляют в месяце Адар, то есть в марте.

Курды-езиды обязаны поститься и не принимать пищу в течение трех дней непосредственно перед праздником Навруз. Эти три дня поста в марте езиды называют «Рожие езиде сор».

Этот же обычай курдов-езидов поститься три дня в марте, то есть в месяце Адар перед празднованием Навруза со времен персидского царя Артаксеркса перешел к евреям по повелению Мордехая. Евреи перед празднованием Пурима должны поститься один день от восхождения до захода солнца, а два дня посвятить уже самому празднику. Курды-езиды называют религиозный пост словом Парез от курдского пар — доля.

В Библии, в Книге Эсфири читаем в главе 9 (24—26) о том, почему праздник был назван Пурим.

«24. Как Аман, сын Амадафа, Вугеянин, враг всех Иудеев, думал погубить иудеев и бросал Пур, жребий (...).

26. Потому и назвали эти дни Пурим, от имени Пур.»

Таким образом, становится ясным тот факт, что и само название Пурим по происхождению не еврейское, а восходит к курдско-мидийскому пар — доля, и парез — религиозный пост.

Другим удивительным совпадением становится то, что одновременно с Наврузом курды и их предки мидийцы справляли свой другой народный праздник возведения на царский престол так называемого Ложного эмира под именем мир-мирен — эмир над всем миром. Этот народный праздник и в настоящее время бытует среди оседлого населения Мукринского Курдистана.

Как писал Ж. де Морган, наблюдавший этот курдский праздник еще в 80-х гг. XIX в.: «Из старых обычаев мукри я хочу еще упомянуть праздник ложного эмира, который совершается в Соуджбулаке ежегодно весной. Население города назначает эмира, или правите-

ля, который обладает всей полнотой власти в течении трех дней и может совершать всякие сумасбродства. Как только эмир избран, он выбирает своих министров, своего фораши-баши (дворецкого), набирает гвардию и с большой пышностью отправляется в сопровождении всего населения к настоящему правителю, чтобы объявить последнему о его отставке. Часто этот праздник давал повод для волнений, жители Соуджбулака пользовались случаем, чтобы избить настоящего правителя. Поэтому в настоящее время ложный эмир всегда сопровождается солдатами и представителем правителя, который уполномочен препятствовать ему переходить грань шуток. Ложный эмир правит в течении трех дней». (См. О.Л. Вильчевский. Мукринские курды. Этнографический очерк. С. 204).

Как установили ученые, этот курдский праздник имеет очень древнюю историю. Аналогичный ритуал существовал и в Древнем Вавилоне, где в марте—апреле справлялся праздник Нового года — Загмук или Акиту. Именно тогда проводилась церемония лишения настоящего царя верховной власти и передачи управления государством подставному лицу. В канун Нового года лжецарь приходил в храм Мардука, где над ним совершался унижительный обряд — пережиток ритуального убийства старого вождя: верховный жрец храма Мардука ударял мнимого царя по щеке ладонью и отбирал у него знаки царской власти — шапку, обруч и скипетр. По происшествии трех дней настоящий царь являлся в храм бога Мардука, «брал руку Бела» и получал инсигнии своей прежней царской власти обратно. Без выполнения этого обряда он не считался в этом году царем.

Если мы вспомним теперь, что древний Вавилон — Калду еще касситы, начиная с 1500 г. до н.э., называли Кардуниаш, то есть употребляли этноним «карду» — курды, то становится понятным, насколько древним является праздник ложного эмира у древних курдов. Учитывая теперь, что предки курдов, ведические-митанийские арии пришли (стали известны истории) тогда, когда еще не существовало древнего государства Вавилон, то становится понятным, что сам праздник Загмук имеет исконно протокурдское происхождение.

В Библии в Книге Эсфири в главе IX говорится о подмене настоящего царя в храме Мардука буквально следующее:

«9. И позваны были тогда царские писцы в третий месяц, то есть Сиван (курдск. Събат — февраль), в двадцать третий день его и написано было все так, как приказал Мардохей (Мардук), к иудеям, и

к сатрапам, и областеначальникам, и правителям областей от Индии до Ефиопии, сто двадцать семь областей, в каждую область письмами ее, и к каждому народу на языке его (...).

10. И написал он от имени царя Артаксеркса, и скрепил царским перстнем и послал письма через гонцов на конях, на дромадерах и мулах царских.

13. Список с сего указа отдать в каждую область, как закон, объявляемый для всех народов, (...).

14. Гонцы, поехавшие верхом на быстрых конях царских, погна-ли скоро и поспешно, с царским повелением. Объявлен был указ и в Сузах, престольном городе.

15. И Мардохей вышел от царя в царском одеянии яхонтового и белого цвета, и в большом золотом венце, и в мантии виссонной и пурпуровой. И город Сузы возвеселился и возрадовался.

17. И во всякой области и во всяком городе, во всяком месте, куда только доходило повеление царя и указ его, была радость у иудеев и веселие, пиршество и праздничный день.

И многие из народов страны сделались иудеями (...).

Если беспрекословно следовать этому тексту из Библии, то следует, что евреи — это иранцы-курды, поскольку «многие из народов страны сделались иудеями».

Таким образом, мы выяснили, что иудейский праздник свержения царя — Пурим, равно как и древневавилонский праздник Нового года — Загмук, отмечаемые в конце марта, скорее всего имеют в культуре этих двух народов древнеиранское происхождение, или, если быть точным, являются древними заимствованиями из культуры и обрядов курдов-мидийцев.

Самым важным здесь является то, что Дарий вернул себе царскую власть, исполняя ведийско-арийский ритуал Ашвамедха, после того, как свергнул верховную власть в империи мидийских магов, о чем мы можем достоверно узнать из «Истории» Геродота, который в книге III.84 писал: «...О царской же власти они решили вот что: чей конь первым заржет при восходе солнца, когда они выедут за городские ворота, тот и будет царем».

86. На рассвете все шестеро мужей по уговору сели на коней. Когда они оказались за воротами и приблизились к тому месту, где прошлую ночь была привязана кобылица, конь Дария бросился вперед и заржал. На ясном небе в то же время сверкнула молния и загремели гро-

мовые раскаты. Это неожиданное знамение посвятило Дария на царство, словно по предварительному условию. Тогда другие соскочили с коней, пали к ногам Дария и поклонились ему как царю».

ЗАВОЕВАНИЕ ПЕРСАМИ МИДИИ

Ксеркс — Хшайаршах (486—465 гг. до н.э.)

Ксеркс, наследовавший престол Ахеменидов, продолжил походы Дария на Грецию. В составе его войск служили и многие курдские племена Загроса. Так, Геродот (VII, 62—67) писал: «Мидяне же носят в походе такое же вооружение, как и персы (вооружение это, собственно, мидийское, а не персидское). Предводителем мидян был Тигран из Ахеменидов. В древности все называли их ариями. [...]»

Киссии [касситы — бахтиары. — С.Г.] выступили в поход также в персидском вооружении, только вместо [войлочных] шапок они носили Митру. Во главе киссиев стоял Анаф, сын Отана. Так же Гирканы [Varkana др.-перс., Vahrkana, авест.] были вооружены по-персидски. Начальником их был Мегапан, в последствии правитель Вавилона.

67. Каспии были одеты в козьи шкуры и вооружены [своими] местными луками из камыша и персидскими мечами. [...]

Саранги [asagarti — Зикерту. — С.Г.] же щеголяли пестро раскрашенными одеждами и сапогами до колен. Луки и копья у них были мидийские. [...]

Пактии [бохтаны — бахтиары] носили козьи шкуры, вооружены были местными луками и кинжалами».

Впоследствии, когда отряд греческих наемников, среди которых был Ксенофонт, войдет на своем пути к дому из под Вавилона в горную страну кардухов, то местные жители окажутся вооружены именно как мидийцы — луками и стрелами.

Мидийское же облачение персов состояло, по Геродоту (VII, 61), в следующем: «На головах у них так называемые тиары (мягкие [войлочные] шапки), а на теле — пестрые хитоны с рукавами из железных чешуек наподобие рыбьей чешуи. На ногах персы носили штаны. Вместо [эллинических] у них были плетеные щиты, под которыми висели колчаны. Еще у них были короткие копья, большие луки с камышовыми стрелами, а, кроме того, на правом бедре с пояса свисал кинжал».

Также Геродот упоминает и матиенов, состоявших в армии Ксеркса, и это является важным историческим свидетельством сохранения и в более позднюю античную эпоху древнего этнонима курдо-маитанни, известного в этом регионе Передней Азии еще в XVIII—XIV вв. до н.э.

Нет никаких оснований сомневаться в правдивости сведений (с митаннах-курдах, излагаемых Геродотом, поскольку античный историк (VII, 72, 78—79) отмечает в составе армии Ксеркса и племя мааров, наряду с колхами, махронами, моссиноками и мариандинами, которых позднее, через 80 лет, в горах Курдистана, «стране кардухов» встретит и опишет Ксенофонт.

Таким образом, из двух античных источников (Геродот и Ксенофонт) мы твердо знаем о проживании в горах Кардухов уже в V в. до н.э. двух курдских племен: колхов-калхани и моссиной-сынэи, обитающих в Курдистане и поныне.

Большинство курдско-арийских племен, упоминаемых Геродотом: мариандов, макронов (мехранов), мааров, по всей видимости, переселились на восток к Индии, назвав свою область Мехран — Мехран (Белуджистан). Это переселение индоарийских племен было вызвано гонениями Ксеркса на поклонников старой веры в богов дэвов.

После поражения персидской армии от эллинов в морском сражении при Саламине Ксеркс вернулся в Персиду и задумался целью провести религиозную реформу, для чего повсеместно разрушал места поклонения древним индоарийским Дэвам. Возможно, к курдскому племени магов восходит и племя мики, упоминаемое Геродотом в эпоху правления Дария и Ксеркса как жители и Курдистана, и Мехрана в Белуджистане.

После дворцового переворота в 465 г. до н.э. Ксеркс и его старший сын были убиты. На престол Ирана последовательно восходят цари Артаксеркс I (465—424 гг. до н.э.), затем Ксеркс II, правивший 45 дней, потом Согдиан (424—423 гг. до н.э.). После этого к власти пришел Дарий II (423—405 гг. до н.э.). В 405 г. до н.э. на престол Ирана взошел Артаксеркс II (405—358 гг. до н.э.), царскую корону у которого попытался оспорить военным путем его младший брат Кир, ставший сатрапом Лидии, Фригии, Каппадокии в Передней Азии в империи Ахеменидов. Кир собрал огромное войско, только отряд одних греческих наемников, среди которых был будущий автор «Анабасиса» Ксенофонт, составлял 15 тысяч человек. В битве при Кунаксе

близ Вавилона войска царевича Кира с армией Артаксеркса II в 401 г. Кир погибает, пораженный копьем в лицо. Отряд греческих наемников решил вернуться на родину в Элладу так называемым «северным путем» через Курдистан к берегам Эвксинского Понта, где располагались многочисленные греческие города-колонии. Участник этого знаменитого похода Ксенофонт оставил нам ценные исторические свидетельства о существовании в горах Загроса, в самом центре державы Ахеменидов, воинственного и по сути независимого Курдского государства.

Ксенофонт о независимом Курдистане — стране курдухов, в империи Ахеменидов

Ксенофонт родился в 430 г. до н.э. в Афинах и принадлежал к привилегированному сословию граждан — всадникам. Сократ-философ был учителем Ксенофонта. Крушение демократической формы правления в Афинах в 404 г. до н.э. вынудило Ксенофонта покинуть родной город и примкнуть в качестве греческого наемника к армии персидского царевича Кира, желавшего свергнуть с престола Ахеменидов своего брата Артаксеркса II Мнемона (405—358 гг. до н.э.), сына Дария и Парисатиды. Военный поход Кира не увенчался успехом, собранная им армия была разбита близ Вавилона в битве при Кунаксе в 401 г. до н.э. Кир был убит. Описанию отступления на родину отряда греческих наемников численностью 10 000 человек и посвящен труд Ксенофонта.

Как пишет М.И. Максимова в статье «Ксенофонт и его „Анабасис“»: «Наблюдения Ксенофонта имеют огромную ценность, так как они единственные в своем роде свидетельства очевидца о таких сторонах жизни народов и племен древнего мира, которые ускользнули бы от внимания потомства, если бы автор „Анабасиса“ не запечатлел их в своих мемуарах» (Ксенофонт. Анабасис. М., 2003. С. 210).

Для нас особый интерес представляет сообщение Ксенофонта о нахождении в центре державы Ахеменидов «Страны курдуов» и о том, что эти кардухи независимы по отношению к окружающему их персидскому государству.

При отступлении после поражения армии из-под Вавилона отряды греческих наемников шли по области Верхней Месопотамии, а затем подошли к области независимых кардухов (Западный Курдистан), куда не «отваживается проникать персидское войско». В тече-

ние 7 дней греческие воины пробирались по одной из областей Страны кардухов. Ксенофонт пишет («Анабасис», III, 13), «Отсюда она на следующий день пошла назад [т.е. к Вавилону] к несожженным деревьям, предав огню те поселения, из которых они вышли.

14. Затем солдаты отправились за продовольствием, а стратеги [в главе с Ксенофонтом. — С.Г.] снова сошлись на совещание и, собрав плененных, допросили их о всех расположенных странах. (15) Те рассказали, что дорога к югу идет на Вавилон и Мидию; по ней эллины пришли сюда. Дорога на восток ведет к Сузам и Экбатанам, где, как говорят, царь проводит лето. Дорога на запад, после переправы через реку, ведет в Лидию и Ионию, а горная дорога, обращенная к северу — к кардухам.

(16) Это племя, по их словам, живет на горах. Кардухи воинственны и не подчиняются царю. А когда однажды царское войско численностью в 120 000 человек напало на них, то никто из царских солдат не вернулся обратно, столь трудны там условия местности. Однако, когда они заключают договор с сатрапом на равнине, то вступают с ним в сношения».

... Таким образом, армия греческих наемников, возглавляемая Ксенофонтом, следуя от Вавилона вверх по Тигру, подошла к местности возле современного города Джемзире к отрогам гор Курдистана. Курды имели собственное независимое государство-княжество, составлявшее договоры на равнине, по всей видимости, о свободном передвижении своих жителей (курдов) во время перегонки скота с одного пастбища на другое. При этом курды никого не допускали в свою горную страну и даже разгромили какое-то крупное персидское войско, возможно при Дарии I или Ксерксе, желавшее подчинить курдов полностью не только на равнине, но и в самом Курдистане, в горах Загроса и Тавра.

Сам тот факт, что курды во времена Ксенофонта в центре державы Ахеменидов заключали договоры с персидским сатрапом, говорит о наличии у кардухов государственной автономии. В противном случае, если уж быть точным, следует отрицать наличие государственности и у персидского сатрапа, заключавшего договор с курдами, предки которых, мидийцы, сами создали государственность персов — Ахеменидов.

... Курды во времена Ксенофонта имели государство, и поэтому все окрестные жители говорили грекам о регионе Загроса и Тавра именно как о Стране кардухов. Способность заключать договоры с сатра-

пами говорит о наличии у кардухов письменности, известной у курдов с эпохи хурритов-матиенов в III—II тыс. до н.э. Но в отличие от окрестных народов предки курдов, как этнос, державший огромные поголовья мелкого скота, писали на специально обработанных шкурах коз и овец. Именно этот материал стал известен в Пергаме, жители которого сами не держали коз и овец, а закупали шкуры у народов гор Передней Азии. Наличие знаменитых курдских авроманских текстов, записанных на пергаменте, полностью подтверждает тот факт, что, когда другие народы Месопотамии писали на глиняных табличках, курды-мидяне уже писали на пергаменте. Даже текст Авесты, уничтоженный Александром Македонским, был записан на бычьих шкурах.

Как пишет Ксенофонт (IV, 4): «А само вторжение в страну кардухов эллины совершили, стараясь определить врагов при занятии горных вершин.

7. Хирисоф поднялся на вершину прежде, чем враги заметили его. Затем он повел войско дальше, и отряды, по мере перехода через гору, следовали за ним в деревни, расположенные в ущельях и складках гор.

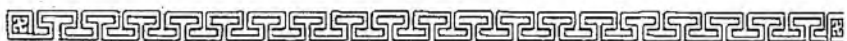
(8) Кардухи покинули свои дома и, захватив с собой жен и детей, бежали в горы. Однако продовольствие здесь имелось в изобилии, и в домах можно было найти очень много бронзовых изделий».

Наличие бронзовых изделий, которых тем более «очень много», говорит о кардухах как о маданчи — рудокопах», издревле обитавших в горах Тавра и Загроса и называемых в Ветхом Завете ведийско-арийским именем Тубал (Каин) от ведийско-курдского tamgu — медь, вошедшего благодаря прототигридскому — курдскому языку и в язык шумеров пришельцев.

Действительно, учеными-археологами найдено подтверждение разработок местными жителями (кутиями-курдами мадай) богатейших рудных месторождений в местечке Эргани-Мадан в верховье Тигра еще в III—II тыс. до н.э., в эпоху службы курдов-курманчи как воинов-манда в армии индоевропейской державы хеттов.

Ксенофонт подчеркивает, что кардухи были независимы, поскольку были врагами царя (персидского) и, стремясь привлечь их к себе (8), эллины не трогали медные и бронзовые (металлические) изделия в домах кардухов в захваченной ими деревне.

Ксенофонт пишет (IV, 1, 8): «Ни одного из них [бронзовых изделий] эллины не взяли. Равным образом они не преследовали жителей, щадя их из тех соображений, что кардухи как враги, может, по-

звоят эллинам пройти через их страну, как страну дружественную (9) Однако продовольствие каждый брал там, где его находил, так как это было необходимо.

Но кардухи не являлись на зов и ничем вообще не выказывали своего расположения. (10) Когда последние эллины уже в темноте спускались в деревню с вершины горы, вследствие тесноты дороги подъем и спуск занял у них целый день, тогда собрался отряд кардухов и напал на них. Кардухи убили и ранили камнями и стрелами несколько человек, будучи сами в небольшом числе; дело в том, что приход эллинского войска был для них неожиданным. (1) Но если бы их тогда собралось больше, то вполне могла бы погибнуть значительная часть войска. Эту ночь эллины, таким образом, провели в деревнях, а кардухи жгли кругом на горах костры и перекликались друг с другом».

Захватив двух кардухов в плен, одного из которых убили, эллины узнали у другого кардуха дорогу дальше. Утром следующего дня отряд эллинов продолжил свой путь на север, стремясь выйти таким образом к Эвксинскому Понту. На пути на них напали кардухи. Ксенофонт пишет (IV, (2) 3: «Когда аррьергард подошел к ущелью, через которое надо было пройти, прежде чем выйти на крутую дорогу, варвары стали скатывать вниз камни такой величины, что одного такого камня хватило бы для целой повозки и еще больше по размерам камни, и те, натываясь на скалы, ударялись о них и разлетались на части, так что совершенно было невозможно даже приблизиться к ущелью».

Переход и овладение тремя холмами продолжалось для эллинов целый день и завершилось переговорами с кардухами о выдаче тел павших в боях воинов. Кардухи согласились на условия клятвы эллинов перестать жечь близлежащие деревни. Ксенофонт пишет (IV, 22): «Таким образом, все эллинское войско собралось теперь воедино и расположилось в многочисленных и прекрасных домах, богатых припасами. Так, например, вина было так много, что его хранили в обмазанных известью ямах.

23. Ксенофонту и Хирисофу путем переговоров удалось получить тела убитых, и из-за этого отпустили проводника».

Из этого сообщения мы можем понять, как экономически была устроена жизнь в стране кардухов. Главное здесь то, что запасов вина, обнаруженного в поместьях кардухов, по сообщению Ксенофонта, было много даже для 10 000-го отряда эллинов. Из этого следует, что

виноградники занимали огромные пространства Курдистана и сами эти кардухи были не кочевниками, а жителями сельскохозяйственной области, то есть крестьяне. Вино было необходимо кардухам в религиозных целях при исполнении сакральных обрядов во время празднования бога Мехри-Митры.

Другая часть населения страны Карду занималась промышленной добычей и плавкой железных руд с последующим изготовлением в кузнечных мастерских всевозможных металлических изделий. Вспомним, что еще Ассирия во все времена своего господства в регионе всегда старалась взять с маннеев-мидян Загроса дань именно металлом.

Третья часть взрослого населения кардухов-маннеев представляла собой касту воинов манда, как это было принято у курдов и их предков, ведийско-митаннийских ариев Куру, вследствие чего их и боялись все окрестные жители Месопотамии. Безусловно, весь греческий отряд, подчиненный Ксенофону, был бы разгромлен кардухами-курдами, как это произошло до этого с персидским 120 000 войском. Но этого не случилось, по словам самого Ксенофонта, потому что «самое вторжение в страну кардухов эллины совершили, стараясь остаться незамеченными...». Другая и главная причина, спасшая греческих наемников от гибели в горах Курдистана, заключается в исключительно быстром темпе продвижения отряда эллинов. — в течение 7 дней, не по центральной части страны Кардухов, а только по окраине. Абсолютно невозможно пересечь горы Курдистана с юга на север за 7 дней. Это указывает на то, что северные равнинные районы Курдистана были отделены персами и в них создана 13-я сатрапия, включавшая области Пактия и Армина. Область Пактия простиралась от реки Бохтан в Курдистане до Эвксинского Понта, где жили пактии-бахтиары и мары.

Во время похода Ксенофонта сатрапом в Пактии был Оронт, зять персидского царя Артаксеркса.

Ксенофонт пишет: «Кардухи были настолько проворны, что им удавалось убежать даже после того, как они подходили к эллинам на близкое расстояние. У них ведь не было другого оружия, кроме луков и пращей.

(28). Это прекрасные стрелки из лука, а величина их лука равнялась примерно 3 локтям и длина стрел 2 локтям с лишним; во время стрельбы они натягивали тетиву, наступая левой ногой на нижнюю часть лука. Стрелы их пробивали щиты и панцири. Когда эллины

овладевали стрелами, то пользовались ими как дротиками, снабди их ремнями».

Лук и стрелы являлись вооружением касситов, называвших свою страну Кардуниаш, но живших на 1000 лет раньше кардухов. Но если вспомнить, что касситы являются предками курдов-бахтиар, считающих своей древней прародиной Северный Загрос и Тавр, где и протекает река с именем Бохтан (Бахти + ар), у Ксенофонта — Кентрит то вполне можно считать кардухов потомками касситов и предками бахтиар.

После того, как пишет Ксенофонт (III): (1) «В течение этого дня эллины стояли в деревнях, расположенных над равниной реки Кентрит. Ширина Кентрита равняется примерно 2 плетрам, и эта река образует границу между Арменией и страной Кардухов. Эллины при виде равнины облегченно вздохнули. Река находилась на расстоянии 6—7 стадий от гор кардухов.

(2) Здесь они с наслаждением отдыхали, располагая продуктами и вспоминая о многих перенесенных трудах. Ведь те 7 дней, в течение которых они проходили области кардухов, были полны непрерывных боев, причем эллины понесли здесь такие потери, каких не причинили им ни царь, ни Тиссаферн, вместе взятые».

Мидянин поражает грека. Оттиск цилиндрической печати. V век до н.э.

Это свидетельство очевидца событий и даже стратега греческих наемников Ксенофонта показывает, насколько грозную силу представляло собой народное ополчение-кара у кардухов-курдов. Войско эллинов стремительно, за 7 дней пересекло западные окраины горной страны, и кардухи этого района не успели собрать общее собрание старейшин племени и послать гонцов с призывом о помощи к другим племенам кардухов. Но даже несмотря на это, племя кардухов, территорию которых пересекало эллинское войско, в одиночку, силами одного кара, нанесло 10-тысячному отряду греков такие потери, какие, по словам Ксенофонта, не причинил им ни царь Артаксеркс, ни Тиссаферн, сатрап Лидии, Кари и ионийских городов.

Кардухи во время боя распевали пеан, как и их предки, ведические индоарии Куру. Ксенофонт говорит об атаке кардухов во время переправы греков через Кентрит-Бохтан (IV, 27) «Когда кардухи увидели, что арьергард, охранявший толпу нестроевых, редееет и кажется уже немногочисленным, они пошли быстрее, распевая какие-то песни». Курдское название молитвы аят точно соответствует имени древнегреческих исполнителей аэдов, исполнявших пеаны (бэйэн — на курд.). Подойдя к Кентриту [Бохтан], войско эллинов натолкнулось на вооруженных всадников, стоявших на холмах по ту сторону реки. Как пишет Ксенофонт (III): «То были наемные войска Оронта и Артуха — армены, марды и халдеи».

Халдеи, точнее, халди, — известное курдское племя, обитающее в местечке Оромар. Топоним Оромар связан как это видно, с древним этнонимом Мар, Марды в мидийском — тагад?. Как мы уже отмечали, племя мары-марды из Мекрана в Белуджистане считает себя пришедшим из Сирии и состоящим в родстве с курдами Загроса.

Армены, а точнее ари-манна — арии Манны», типичный древнекурдский этноним одного из племен маннейско-мидийского союза племен. Подобные сложносоставные имена характерны для курдского и древнеперсидского языка, сравните подобные имена: Ариарамна, Ариабарзан, Ариомард, Ариабигн. Курдское происхождение этнонима Аримена — арии Манны», подтверждается более древним, чем у Ксенофонта (V в. до н.э.), хуррито-митаннийским этнонимом Арисенна, царь Тугриша (Тухриш — тохары?), распространенного в этом же регионе Загроса в XXII в. до н.э., то есть за 1600 лет до похода, принятого по Стране кардухов отрядом греческих наемников.

О широком распространении среди древних индоариев сложно-сочиненных этнонимов с именем Арий указывает этноним древне-

скифского племени аримаспы, к которому возводят свое происхождение башкурды Южного Урала. Вплоть до настоящего времени древний индоиранский этноним скифов аримаспы продолжает сохраняться как этноним рода Аримес в племени Гаина — Быкопочитающие, у башкурдов Южного Урала. Точно также древний этноним Арименны, арии-манны», упоминаемые Ксенофонтом, сохраняется в названии курдского племени армени-варто — Вар ариев Манны», которое обитает в горах Восточного Тавра, где в древности и проходил путь отряда греческих наемников. Отличительной чертой курдов племени армени-варто является их христианское вероисповедание, что подтверждает широкое распространение христианства среди курдского и всего иранского населения Загроса и Тавра в доисламскую эпоху.

Сложносоставное имя армена-варто находит свое продолжение в других курдских этнонимах таких племен как авроман и хауроман. При этом этноним сауроман означает «всадники Мана». Таким образом, три курдских этнонима: курманджи, сауроман и ари мена состоят в непосредственном родстве между собой. Возможно, ари мена у Ксенофонта представляли собой курдское племя сауроман, поскольку античный историк говорит об изобилии лошадей в этой области.

Перейдя реку Кентрит (Бохтан), эллины оказались на территории кардухов, но уже подчиненной персами, где сатрапом был Тирибаз, сын Гидарна, одного из сподвижников Дария, составивших заговор против курдских (мидийских) магов.

Эти кардухи, как и современные курды-бахтиары, разводили коней, которыми платили дань персидским царям. «Анабасис» (IV, 24): «Тут Поликрат-афинянин, лохаг, попросил разрешения пройти вперед. Взяв с собой легковооруженных, он сделал набег на ту деревню, которая досталась Ксенофонту, и захватил всех находившихся в ней жителей, комарха, 17 жеребцов, выкармливаемых для уплаты дани царю...»

Интересно отметить, что дома-землянки этих подчиненных персам кардухов точно соответствуют домам курдов, обитающих и поныне в горах Загроса.

«Анабасис» (IV, 25): «Дома здесь были подземные, с верхним отверстием колодца, но широким внизу. Впуски для скотины были вырыты в земле, а люди спускались вниз по лестнице. В домах находились козы, овцы, коровы и птицы со своими детенышами; весь скот итался в домах сеном.

(26) Там хранились также пшеница, ячмень, овощи и ячменное вино в кратерах. В уровень с краями сосудов в вине ячмень, и в него воткнут был тростник, больших и малых размеров, но без коленцев; кто хотел пить, должен был взять тростник в рот и тянуть через него вино. (27) Не смешанное с водой вино было очень крепким, но для людей привычных это был очень приятный напиток.

(34) После взаимных приветствий Хирисов и Ксенофонт сообща, через говорившего по-персидски переводчика, стали расспрашивать комарха, что это за страна. Он сказал, что это Армения [Ари-Манна].

Затем они спросили, для кого выращиваются кони. Комарх ответил, что это дань царю. Соседняя страна, по его словам, — это страна халибов, и он описал ведущую туда дорогу. [...]

Сам Ксенофонт взял себе одного жеребца и раздал остальных [стратегам и] лохагам, Тамошние кони меньше персидских, но много их горячее. Затем комарх научил эллинов, при следовании по снегу, обвязывать ноги лошадей и вьючного скота маленькими мешочками, так как иначе животные погружаются в снег по самое брюхо».

Армяне никогда не были и не являются коневодами, и даже само понятие — армянская порода лошадей — отсутствует.

Именно курды и бахтиары являются коневодами на всем протяжении Передней Азии и Иранского нагорья. Дань конями персидские цари получали с курдов Мидии, где находилась знаменитая Нисейская долины. Древняя курдская порода лошади Мукриани Сенглав стала прототипом выведенной позднее арабской лошади. До настоящего времени курдские племена Загроса подразделяются на племена коневодов и овцеводов. Эти курды-армины приносили коней Гелиосу — Солнцу, как и скифы-массагеты, тогда как позже отряд Ксенофонта пересек и землю скифинов.

Ксенофонт правильно передает название Армения как сатрапия персидской державы. Ведь недаром переводчиком указан перс. Именно персы создали эту сатрапию, отделив часть земли кардухов-курдов и назвав эту область Армина. Сами армяне называют себя хайи, а свою страну — Хайкастан. Согласитесь, есть различие в именах Хайка и Армина. При этом указанием на то, что область кардухов была родиной курдов, является полное соответствие этнонимов сатрапии персов армина-манна, являвшееся государством Курманджи. Этимон-аг в курдском, латинском языках, санскрите несет значение «земледелец-пахарь». Ближе к истине выглядит мнение о принадлежности арминов к касте рийатных курдских земледельцев Ман-

ны, к которым курдские племена скотоводов относились презрительно. Об их занятии земледелием и виноградарством говорит наличие у них огромных запасов вина.

Последним подтверждением принадлежности области Армина к стране кардухов-курдов является следующее. Покинув страну кардухов, греческий отряд пересек сатрапию Армина (где выращивали лошадей) и вошли в земли халибов, таохов и затем макронов (Мехран) на севере. Мары — племя белуджей в Мехране (Пакистан) считают себя родичами не армян, а курдов Загроса. Нельзя отрицать эти объективные факты, тем более само племя мары-марды неоднократно упоминается Геродотом в его «Истории» как обитатели Макрона в Загросе.

Греческие наемники прошли затем землю, принадлежащую таохам, с которыми сразились из-за продовольствия, и достигли страны халибов.

Ксенофонт говорит: «Племя халибов самое храброе из всех племен, через земли которых проходили эллины; они вступили с последними в бой. Халибы носили льняные панцири, доходившие до нижней части живота, а вместо чешуек панциря они пользовались сучеными, тугопереплетенными веревками. (16) Они носили также поножи и шлемы, а у пояса кинжал вроде лаконского меча, которым закалывали тех, кого удавалась осилить, затем отрезали у них головы и уносили их с собой, причем пели и плясали, когда попадались на глаза врагам. Халибы также имели при себе копья длиной примерно 5 локтей с одним острием. (17) Они отсиживались в поселениях, а когда эллины оставляли их позади, следовали за ними, все время сражаясь. Жили они в укрепленных местах, и продовольствие у них было собрано там же; потому эллины не могли там ничего достать и питались скотом, забранным у таохов. (18) От халибов эллины прибыли к реке Арпасу шириной в 4 плетра. Оттуда они в четыре перехода прошли 20 парсангов по равнине через страну скифинов».

Халибы у Ксенофонта являются предками курдского племени халди, обитающего и поныне в Северном Курдистане на стыке границ Ирана и Турции. Часть племени курдов халди обитает и на равнине к северу от Арарата. В целом расселение курдов-халди (халибы) совпадает с месторасположением древнего государства Урарту. Столицей племени курдов халди является поселение Нери в верховьях р. Большой Заб.

Тиглатпаласар I (1115—1077 гг. до н.э.) совершил поход на Наири, о чем ассирийский царь оставил памятную запись: «Двадцать три царя страны Наири собрали свои колесницы и войска, и выступили сражаться со мной... 120 колесниц их взял я в бою, 60 царей Наири преследовал я до Верхнего моря... Их укрепленные города завоевал я, их стада бесчисленных коней, мулов и телят и все бесчисленное достояние их пастбищ взял я...» (Д.Ч. Садаев. История Древней Ассирии. М., 1979. С. 66—67). Страна курдов халди Наири в эпоху Тиглатпаласара I достигала на севере области озера Ван с городом Тушпа. Поскольку ассирийские цари брали дань со страны Наири металлическими слитками, то, возможно, и само имя курдского племени халди восходит к хаттскому названию металла — *hap\walki* > халки — халди. По всей видимости, связь названия металла и племени халди сакрально-синкретическая, как и библейского Тубал-каина и жившего в античную эпоху в горах Тавра курдского племени металлургов-тибаренов. Поскольку все эти имена восходят к ведийскоарийскому *tam-gu*, «медь». Подтверждением связи имени курдского племени Халди с развитым у них кузнечным ремеслом и обрабатываемыми металлами является дальнейшее указание Ксенофонта (V, V, 1) на то, что халибы подчиняются племени Моссинойки, имя которых восходит к индоарийскому *mes* — медь».

Принадлежность халибов к курдам дана в описании их одежды у Ксенофонта, характерной особенностью которой было ношение воинами длинного льняного пояса, переплетаемого на поясе. У курдов ношение длинного пояса — пэшт имеет религиозно-национальный смысл и наследуется ими от их предков, ведических индоариев Куру, для которых священный пояс — мекхала — символизировал сакральную связь с первопредком Ману.

По Ксенофону, халибы жили рядом со скифинами, являвши-

Пояс в современной одежде курдов

мися, безусловно, теми скифами- ишкуза, предки которых во времена Киаксара вторглись в курдское княжество Мидию.

После халибов и скифинов греческий отряд достиг «страны макронов» — древней курдской области Мехри, упоминаемой еще в XIII в. до н.э. в надписи ассирийского царя Тукульти Нинурты (1244—1208 гг. до н.э.).

Ксенофонт пишет (IV, 8, 1): «...Эллины прошли через страну макронов в три перехода 10 парсангов. В первый день они пришли к пограничной реке, отделявшей землю макронов от земли скифинов. (2) По правую руку от них возвышались совершенно неприступные горы, а слева протекала другая река, в которую впадала река пограничная, и через эту последнюю реку надлежало им пройти. Направляясь к реке, эллины рубили деревья, спеша как можно скорее уйти из этой страны.

(3) Макроны вооружены щитами и копьями и в волосяных хитонах выстроились на другом берегу переправы. Они ободряли друг друга и бросали камни в реку, но не достигали эллинов и никому не причинили вреда».

На счастье греков, в их отряде нашелся макрон, бывший рабом в Афинах. Ксенофонт сказал этому пелтасту (пехотинцу): «Дереговори с ними и узнай, кто они такие». На его вопрос они ответили: «Макроны». «Спроси теперь, — сказал Ксенофонт, — почему они выстроились против нас и ведут себя как наши враги». (6) Они ответили: «Потому что вы идете на нашу страну». Стратеги приказали передать им, что эллины пришли не с тем, чтобы причинить им зло, но что они вели войну с царем и теперь, возвращаясь обратно в Элладу, стремятся дойти до моря.

Макроны спросили, могут ли эллины поклясться в этом. (7) Стратеги ответили согласием дать и получить клятвы. Тогда макроны дали эллинам варварское копьё, а эллины макронам — эллинское, так как, по представлениям макронов, в этом и состоит клятва. И кроме того, обе стороны призывали в свидетели богов.

(8) После заключения договора макроны тотчас же с эллинами стали рубить деревья и прокладывать дорогу, словно они имели намерение совершить переправу вместе с ними, и, кроме того, представили им в продажу какое могли продовольствие и вели их в течение 3-х дней, пока не доставили их к границе колхов».

Ксенофонт оставил ценное указание на то, что макроны-мехраны, заключив договор [mit], сразу стали помогать эллинам как сво-

им друзьям. Это доказывает, что мехраны почитали индоарийского бога дружбы, договора и клятвы Митру-Мехри, от которого унаследовали свое имя. Верность слову и правдивость являлась, по словам Геродота, главной доблестью персов, которые переняли свои обычаи от курдов-мидийцев, создавших еще в III тыс. до н.э. свое княжество, носившее имя ведийского бога клятвы и договора Мехри-Митры. Сами мехраны жили по соседству со скифинами, халибами и кардухами на землях, составляющих одну область — Страну кардухов, о которой как единой территориально-государственной единице и говорили Ксенофону местные жители, указывая ему как стратегу северный путь для возвращения греческого войска в Элладу.

Мехранцы-макроны были вооружены исконно курдским боевым оружием — длинными копьями (мерах). Все путешественники, посетившие Курдистан, отмечали неперменное вооружение курдского воина-мьрьда копьем, достигающим длины 3—8 метров. Наличие области Мехран-Макрон в области Страны кардухов в эпоху Ксенофонта (конец V в. до н.э.) подтверждает предание маров-белуджей из Мекрана в Белуджистане об их миграции в древности к пределам Индии из Загроса и родстве с курдами.

Поскольку язык курдов и маров-белуджей индоиранский, то, следовательно, и язык их общих предков мехри в Передней Азии принадлежал к индоарийской группе. Даже само чередование $k > x$ в топонимах Макрон — Мехран — Мекран имеет исконно индоарийский характер языка этого народа. Так, в курдском языке, как и в санскрите, отличительной особенностью фонетики является противопоставление придыхательных согласных — непридыхательным. Вследствие этого звук kh — задненебный, часто для постороннего человека слышится и как k — Мекран, или как h — Мехран.

Если наука призвана устанавливать Истину, то нет никаких сомнений в принадлежности жителей древнего государства Мехран-Мекран в Передней Азии к курдам.

Мекраны-мехри доставили отряд эллинов до границ своего княжества с областью колхов. В настоящее время, в отличии от других жителей Передней Азии, только курды крупного родоплеменного объединения кальхор носят имя, восходящее этимологически к древнему этнониму колхи. Нет больше другого народа в этом регионе, носящего имя хоть отдаленно напоминающее колхи и, следовательно, нельзя игнорировать столь важный этноязыковой артефакт. Курды-кальхор занимают южную часть территории Иранского Курдистана;

расположенного в остане Керманшах, между Зохабом на севере и Поштекуха на юге. Резиденцией этого племени является Гилян (Керманшах). Кальхоры-курды также проживают в Шиане, Добри, Харунабаде, Калай-Шахине. Как это принято у курдов, часть племени ведет оседлый образ жизни, другая — кочевой. В племя кальхор входят 25 родов. Одними из главных среди них являются халди. Наличие в племени курдов кальхор рода халди — очень древнее, поскольку уже у Ксенофонта читаем, как отряд эллинов, покинув колхов, перешел территорию моссинойков и снова оказался в земле, где живут халибы. Это обитание халибов на обширном пространстве Страны кардухов и даже за ее пределами, ставившее в тупик многих авторов, свидетельствует о чрезвычайном могуществе курдов кальхор-халди. Между прочим, курды-кальхор входят в состав племен касситов-бахтиар. В этом отношении уместно и сопоставление этнонима курдов кальхор с Калху, резиденцией ассирийского царя Салманасара I (1274—1245 гг. до н.э.), располагавшейся в старинном даже для этой эпохе местечке с тем же именем Кальху на реке Тигр выше впадения в него широкого и полноводного Большого Заба, где и живут поныне курды кальхор. По сути, город Кальху существовал на территории индоарийского курдского княжества Митанни еще до появления здесь в XIII в. до н.э. ассирийцев. Позднее, уже в IX в. до н.э., другой ассирийский царь Ашшурнасирпал II (883—859 гг. до н.э.) сделал Кальху своей резиденцией. Следует отметить, что ассирийцы и по настоящее время живут в Калахе-Кальху вместе с курдами, одно из племен которых носит имя Кальхор. На созвучие имен Кальху — Кальхор указывал и профессор О. Вильчевский (1962. С. 137).

Мифы античных греков о золотом руне в стране колхов полностью отражают реальную жизнь курдов-овцеводов, обожествлявших это животное и почитавших шкуру белого барашка — хьрка как символ божественной золотистой благодати Хварр — Солнца. Все претенденты на трон шахиншахов Ирана, в том числе Ардашир Папак (Сасаниды), стремились первоначально похитить у курдов шкуру белого барашка — носителя божественной благодати — Хварно.

О пребывании курдов кальхор и вообще индоариев на побережье Эвксинского Понта свидетельствует курдский этноним шьван — па-стух», у племени овцеводов — сванов, живущих по горному хребту Свана в Сванетии, называемому эллинами Страной колхов. Вызывает удивление, что все эти древние этнонимы: халдеи, халибы, кол-

хи-кальхор; и топонимы Кальху — Колхи; Шьван — Сван, где автохтонное население (кроме современных армян) занималось овцеводством — носят исконно курдские имена с протокурдским корнем-основой кал — древний. Эти факты являются ярким свидетельством древности пребывания курдов уже как сложившегося этноса в Персидной Азии.

Отряд греков во главе с Ксенофонтом с боями прошел область колхов и достиг возле Эвксинского Понта Трапезунта города эллинов, основанного колонистами из Синопы в стране колхов. Пробыв здесь 30 дней и совершая уже вместе с колхами и дритами набеги на враждебные синопцам «племена» (?), эллины двинулись дальше и подошли к границам народа моссины (моссинойки).

Имя моссины исконно индоарийское от мез — медь» (курд.), и сины — *sepa* — войско». Вооружение и танцы моссинов были курдские, как это видно из описания Ксенофонта (V. 1): (12) «Они [Моссины] встали рядами, самое большее по 100 человек в ряд, подобно тому, как стоят друг против друга хоры, причем каждый имел при себе щит, покрытый белой косматой воловьей кожей, похожий на лист плюща, а в правой руке — копье, длиной примерно в 6 локтей, с острием на одном конце; на другом конце древко имело форму шара. (13) На них были короткие хитоны, не доходившие до колен, плотные, как холщовые мешки, а на головах кожаные шлемы вроде пафлагонских, с гребнем посередине, очень похожие на тиару; у них были также железные секиры. (14) Один из них начал петь, и все двинулись вперед, шагая в такт распеваемой песне».

Безусловно, моссины исполняли курдский военный танец — чопи, во время которого все участвующие встают в общий круг, взявшись ладонями за руки, и делают правой ногой полшага вперед, затем приставляют в такт ритма к левой ноге и сразу делают этой же ногой шаг вправо и приставляют в такт левую ногу. Имя моссинов у Ксенофонта соответствует более древнему имени местного населения месу-мусасин, встречаемому уже в ассирийских источниках конца II тыс. до н.э. Еще ассирийский царь Тиглатпаласар I (1115—1077 гг. до н.э.), совершая свой поход на курдов княжества Наири (Оромар), достиг берегов Черного моря и взял в плен царя Дайаэни (Таохи у Ксенофонта). Имя царя Сени индоарийское, как и этноним племени моссины, то есть мос-сынэи — медные-медяные» представители курдского племени сынеи. Мос-сынэи или моссины воевали между собой за право владеть храмом родового божества и, как пи-

шет Ксенофонт (V, 15) — из-за него и происходила война, так как считалось, что владеющие акрополем являются тем самым и господами всех моссинойков, а передавали, будто теперешние его обладатели владели им не по праву, но пользовались преимуществом, захватив силой это общее достояние».

Интересно отметить, что во время последующей схватки атакующие моссины, поддержанные отрядом эллинов Ксенофонта, проиграли битву, а осаждаемые моссины вышли из акрополя божества, отрезали головы у павших воинов, то есть исполнили обряды скифов. Как мы помним, Ксенофонт указывал ранее на прохождение его отрядом земель скифинов, то есть скифов, военные обычаи которых поражали современников. Геродот писал (кн. IV, 64): «Когда скиф убивает первого врага, он пьет его кровь. Головы всех убитых им в бою скифский воин приносит царю. Ведь только принесший голову врага получает свою долю добычи, а иначе нет. Кожу с головы сдирают [...] и пользуются как полотенцем для рук [...]. У кого больше всех таких кожаных полотенец, тот считается самым доблестным мужем».

Эти скифы жили на территории курдского княжества Манна еще с эпохи Ишпакая, союзника мидийцев в их борьбе за свободу с Ассирией. Знаменитый текст ассирийского царя Асархадона: «Я рассеял людей страны Манну, неусмиранных кутиев, побил оружием войска Ишпакая, скифа, союзника, не спасшего их», упоминает скифов как союзников курдов курманджи. Через 200 лет Ксенофонт также отметит проживание скифинов рядом с кардухами-курдами. Одно из крупных курдских племен, говорящих на своем племенном диалекте, носит имя Сынеи. Нет никаких сомнений участия воинов скифинов, отрезавших головы врагам, в битве одних моссины с другими, поскольку за долго до этих событий скифы уже были союзниками воинов манны во время войн с Ассирией.

По-видимому, междоусобная война среди моссинойков во времена Ксенофонта была очень сильной, поскольку автор в «Анабасисе» сообщает, что моссинойки, защищавшие акрополь божества, разбили войско напавших моссинойков и эллинов (16) и преследовали до тех пор, пока не увидели идущее на помощь эллинское войско. (17) Тогда они повернули назад и стали уходить, отрезав головы убитых; они показывали головы эллинам и своим врагам и в то же время плясали под звуки какого-то напева. (18) А эллины очень досадовали на то, что враги теперь станут еще смелее и что их товарищи, сопровож-

давшие моссинойков, побежали вместе с ними, хотя их и было много. Ничего подобного еще не случалось за все время похода».

С «помощью» эллинов, как говорит Ксенофонт, моссинойки захватили акрополь и город других и нашли (27) «в домах запасы хлеба, по словам моссинойков, заготовленные с прошлого года по заветам отцов, а новый хлеб — по большей части полба — лежал у них в стебле. [...] (29) На крышах лежало много плоских каштанов без поперечных стенок. Моссинойки употребляли их в большом количестве в пищу, отваривая и выпекая из них хлеб. Встретилось вино, которое в несмешанном виде показалось кислым и горьким, но, разбавленное водой, имело приятный запах и вкус».

Фрукты каштанов и желуди являются распространенной пищей курдов. Так, по сообщению О. Вильчевского, в Курдистане район Мури: «В горных лесах преобладает дуб различных пород. Это *Quercus valonea*, дуб со сладкими желудями; окрестное население употребляет их в пищу, и до недавнего времени сбор желудей для некоторых курдских племен (например, дарме) составлял одно из основных хозяйственных занятий». (О. Вильчевский. 1959. С. 187.)

Собирательство желудей у курдов восходит к древней эпохе, когда автохтоны Загроса еще не знали ни сельского хозяйства, ни скотоводства, а занимались охотой на диких коз и овец, попутно занимаясь сбором плодов дикорастущих деревьев и съедобных злаков. Вооружены были эти моссины (мес-сынэи), как и все курды, копьями («Анабасис», V, гл. IV), 25 «Когда эллины взошли наверх и оказались у домов главного города, все собравшиеся здесь воедино враги вступили в бой и стали бросать дротики, а те, у кого были другие, очень толстые и длинные копья, какие едва в состоянии поднять один человек, пытались защищаться ими, не выпуская из рук».

Захватив город и передав его своим союзникам моссинойцам, эллины покинули их страну и оказались через 8 переходов опять в стране халибов. Здесь Ксенофонт делает неожиданную запись; (гл. V, 1): «Халибы немногочисленны и подвластны моссинойкам, и живут они преимущественно добыванием и обработкой железа. (2) Оттуда эллины пришли к тибаренам».

Тибарены-тубалы — исконно индоарийское имя, производное от ведийского *tamgi* — медь, вошедшее и в язык пришедших в IV тыс. до н.э. шумеров — тибирра — медник», курдское — димерчи — кузнец». Это имя целого племени тибарены-тубал, зафиксированное и в Ветхом Завете, ясно и четко доказывает, что именно Передняя Азия

и Иранское нагорье являются древней прародиной индо-германских племен ведических индоариев Куру.

Неправомерно и антинаучно исконно индогерманское, индоевропейское слово: тибар — тубал (tamru) — медник, связывать не с индогерманским происхождением. Именно курды-маннеи были искусными металлургами и рудокопами, что подтверждают как археологические раскопки, так и хроники ассирийских царей, детально, в мелочах отмечающие количество и вес металла, вывозимого как военная добыча из разграбленной Манны, а затем и Мидии. Так, Саргон II (721—705 гг. до н.э.) после своего восьмого похода на курдские княжества во главе с Дейоком и Улусуной вывез как дань из храма бога Халди 5 талантов золота, 12 серебряных щитов, замки, ключи, мечи, копья (93), 33 серебряные колесницы, 393 серебряных сосуда, 25 212 бронзовых щитов, 305 412 бронзовых мечей, 607 бассейнов из бронзы для омовения, 4 бронзовые статуи. Все это было вывезено только из одного храма бога Халди. Если и после этих фактов, демонстрирующих высокое развитие кузнечного ремесла и металлопроизводства у курдов маннеев, поклонявшихся богу Халди-Келди и его супруге Бага Пезту (Баг Мешту), предков курдов не называли тубал-тибаренами, то тогда спрашивается, кого надо называть, кроме курдов: тимерчи-тимерены?..

Ксенофонт («Анабасис», V, 2): «Страна тибаренов гораздо более плоская, и в ней есть расположенные у моря не очень сильно защищенные поселения. Стратеги хотели напасть на них и отдать их солдатам на грабеж, и потому они не приняли подарков, присланных тибаренами, но, приказав послам обождать результатов совещания, принесли жертвы. (3) Однако после многократных жертвоприношений все прорицатели в конце концов объявили, что боги решительно не одобряют войны. Поэтому стратеги приняли подарки и, проходя в течение 2 дней по этой стране, как стране дружественной, прибыли в эллинский город Катиору, колонию Синопы в стране тибаренов».

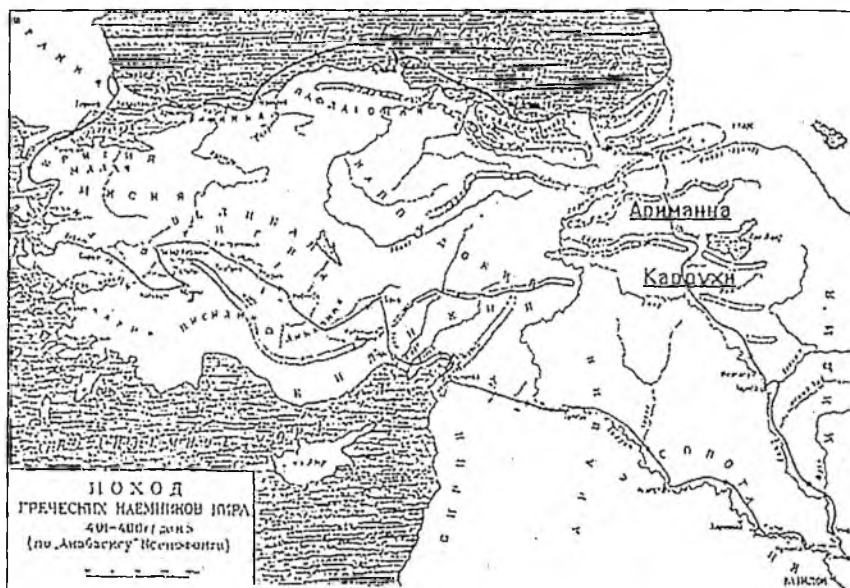
Наличие тибаренов в горах кардухов среди двух народов, моссинойков и халибов, ясно и четко соответствует характерной черте всего курдского общества — делению внутри каждого племени на каст: скотоводов, земледельцев, кузнецов. Деление на касты по профессиональному уровню у курдов находит аналогию в кастовой системе Индии и восходит к традициям их общих предков — ведических индоариев Куру.

Само имя Тибарен — tamru (tam(bi) ru) — исконно ведийско-арийское, следовательно, протокурдское. Ксенофонт неоднократно отмечал изобилие бронзовых изделий у кардухов (IV, 8) из чего следует, что кастой кузнецов у них и были тибарены, то есть свои же соплеменники курды. Кстати, в самом курдском языке в диалекте курманджи слово к'ур? означает «кузнечный горн». Таким образом, до развития рудного дела в самостоятельную область хозяйства и возникновения кузнечного ремесла — тибаренов сами курды — кур? были кастой кузнецов у индоариев.

Свой труд «Анабасис» Ксенофонт заканчивает следующими словами: (25) «Наместниками тех царских областей, через которые мы прошли, были: Лидии — Артим, Фригии — Артаком, Ликаонии и Каппадокии — Митридат, Киликии — Сиеннесий, Финикии и Аравии — Дерн, Сирии и Ассирии — Велесий, Вавилонна — Ропар, Мидии — Арбак, фазианцев и гесперитов — Тирибаз; кардухи, халибы, халдеи, макроны, колхи, моссинойки, кеты и тибарены — автономны; Пафлагонии — Карила, Вифинии — Фарнабаз, европейских фракийцев — Севф. (26) Протяжение всего похода — 215 переходов, 1150 парасангов, 34255 стадий. Продолжительность похода — год и 3 месяца.» (Пер. с древнегреческого М.И. Максимовой).

Племя кеты точно воспроизводит этноним курдского рода кетай в составе племени мозарешан, ныне обитающее в районе Восточного Тавра. Племя колхи сохраняет свое имя в этнониме курдского племени кальхани (кальха+ни). Халибы-халдеи соответствуют курдским племенам халиди и халди. Макроны — более древнему этнониму мехраны-мехрану, встречающегося еще в ассиро-вавилонских источниках. В настоящее время область (страна) Мехри сохраняется в Белуджистане как провинция Мекран, где обитают мары-белуджи, считающие себя родичами курдов Загроса и Тавра и сохранившие в исторических преданиях повествования о миграции своих предков с территории Ближнего Востока. Эти исторические предания маров-белуджей удивительным образом совпадают с преданиями курдов-бахтиар о миграции с Запада (Сирии) их предков, отмеченные также и в произведении «Шараф-Наме» курдского историка XVI в. Шараф-хана Битлиси. Античный этноним моссинойки восходит к ведийско-курдскому мес-сино — медное войско, или войско медным (оружием вооруженных воинов). В частности, у массагетов не только воины, но и кони были защищены медными панциря-

*Поход греческих наемников Кира 401—400 гг. до н.э.
(по «Анабасису» Ксенофонта)*

ми от поражения стрелами или копьем противника. Следовательно, этноним мес-сино-ке (mes-sena-ke) — «медное войско», отражает какие-то реально существовавшие особенности этого курдского племени.

Имена кеты и котиоры у Ксенофонта почти точно воспроизводят древний этноним предков курдов-земледельцев-кутий. До Ксенофонта, всего за 250 лет, о «неусмиранных кутиях» как «стране Кутиум» писал ассирийский царь Ашшурбанапал в 653 г. до н.э.

Язык кутиев был курдским, как это подтверждает сопоставление с курдским так называемого прототигридского языка, извлекаемого из топонимов Загроса и сохранившегося как древние лексические заимствования в шумерском языке. Все эти факты различных эпох из истории населения Загроса доказывают при их сопоставлении в единую цепь самую закономерность сохранения древнего индогерманского этнонима кутий — земледелец-хлебороб, именно в курдской среде. В свою очередь, это доказательство логически подтверждает тот важный для этнографии факт, что именно курды-индогерманцы должны быть признаны древнейшим автохтонным населением Передней Азии, Месопотамии и Ближнего Востока.

О бурзянцах-царедворцах в империи Ахеменидов. Ариа-Барзан (Бурзян)

У Аристотеля (384—322 г.г. до н.э.) читаем:

«Некоторые совершают покушения под влиянием нескольких причин, как-то и из презрения и ради корысти, например Митридат против Ариобарзана».

Ариобарзан, персидский сатрап (с 387 г. до н.э.), в Даскилии на Пропонтиде принял участие в восстании сатрапов против царя Артаксеркса (404—359 г. до н.э.), был предан своим сыном Митридатом и распят на кресте согласно Ксенофону (Суг VIII, 8.4.) в 362 г. до н.э. (Аристотель Соч. Т. 4. М., 1984. С. 773.) Арриан (90—175 гг. н.э. «Поход Александра» III, 18).

«Битва царей Барзан с войсками Александра Македонского

Когда Александр Македонский во время своего похода на Восток после битвы с войсками Дария при Гавгамелах в 331 г. до н.э. подошел к воротам Персии, он застал там Ариобарзана, персидского сатрапа с войском, в котором было до 40 000 пехоты и до 700 всадников. Ариобарзан перегородил ворота стеной и расположился перед ней лагерем, чтобы не пропустить через ворота Александра.

(3) Александр тоже стал тут лагерем. На следующий день он вывел войско и повел его к стене, но вернулся обратно в лагерь, увидев, что штурмом взять стену нельзя. Место было неприступным; [...]

(4) Пленные, однако, рассказали ему, что есть другая дорога, по которой можно обойти ворота и оказаться по ту сторону их, но что она трудна и узка. Александр оставил в лагере Кратера с его полком, полком Мелеагра, небольшим числом лучников и 500 всадников и велел ему штурмовать стену

(5) как только он узнает, что Александр уже обошел кругом и подходит к персидскому лагерю (узнать это будет нетрудно, так как сигнал подадут трубы).

(6) ...Сам он пошел по трудной неровной дороге, причем большую часть ее вел войско бегом. Первый сторожевой пост варваров он перебил, напав на него до рассвета; убита была и большая часть воинов на втором посту.

(7) Большинство людей с третьего поста разбежалось, прямо в горы, и побежали они не в лагерь к Ариобарзану, а с перепугу, как быки, прямо в горы, так что на заре Александр напал на вражеский лагерь совершенно неожиданно. Одновременно с его переходом через ров трубы подали знак войску Кратера, и Кратер повел людей на штурм стены.

(8) ... Так большинство варваров попало прямо в руки македонцев и было перебито; другие погибли, срываясь в паническом бегстве с крутых обрывов. Сам Ариобарзан с немногими всадниками бежал в горы.

Глава 21

В это время прибыли к нему из Дариева лагеря Багистан, один из знатных вавилонян; и с ним Антибел, один из сыновей Мазея. Они сообщили ему, что Набарзан, хилиарх в коннице, бежавший с Дарием, Бесс, сатрап Бактрии и Барсаент, сатрап арахонтов и дранганов, арестовали Дария.

(2) Услышав об этом, Александр заторопился еще больше; взял только «друзей» и всадников- «бегунов», отобрав в пехоте самых сильных и быстроногих людей и двинулся [...]

(10) Бесс и его единомышленники старались увезти с собой в повозке Дария, но когда Александр уже совсем настигал их, Сатибарзан и Барсаент, нанеся Дарию множество ран, бросили его и сами бежали с 600 всадников.

Дарий немного спустя умер от ран раньше, чем его увидел Александр.

Глава 23.

(1) Александр дождался своих войсковых частей, оставших во время погони, и отправился в Гирканию. Страна эта лежит влево от дороги, ведущей в Бактрию [...]

(3) Перевалив через первые горы и разбив там лагерь, он взял с собой щитоносцев, самых быстроходных пехотинцев — македонцев, лучников, какие у него были и пошел с ними по трудной, почти непроходимой дороге. [...]

(4) Сам он вместе с лучниками, пройдя через ущелье, расположился лагерем у маленькой речки. Здесь к нему явились и сдались Набарзан, Дариев хилиарх, Фратаферн, Сатрап Гиркании и Парфии и другие знатнейшие персы из свиты Дария. [...]

(6) Снявшись оттуда, Александр пошел на Гиркинию, направляясь в город Гирканов Задракарты. [...]

(7) Немного спустя к Александру прибыл Артабаз, сыновья его, Коф, Ариобарзан.

Глава 25.

Покончив с этим, он пошел в Задракарты, самый большой город Гиркании, где находился и царский дворец. Проведя там 15 дней, принеся, как положено, жертвы богам и установив празднество с гимнастическими состязаниями, он пошел к парфянам, а оттуда и в Сузию, город Арий, куда явился к нему Сатибарзан, сатрап ариев.

(5) Александр собрался уже в Бактрию, когда получил известие о том, что Сатибарзан, сатрап ариев, убил Анаксиппа и его всадников дротометателей, вооружил ариев и собирал их в городе Артакоане, где у ариев был царский дворец. Узнав о продвижении Александра, он решил идти со своим войском к Бессу, чтобы вместе с ним напасть, где придется, на македонцев.

(6) Получив такое известие, Александр не пошел в Бактрию, а с конницей «друзей», всадниками-дротометателями, лучниками, агрианами и полками Аминты и Кена спешно двинулся на Сатибарзана и ариев (прочее войско он оставил на месте под командой Кратера). Пройдя за два дня около 600 стадий, он подошел к Артакоане.

(7) Сатибарзан узнал, что Александр близко, испугавшись его стремительного продвижения, он бежал с несколькими всадниками-ариями, но большинство воинов покинуло его во время этого бегства, так как им тоже стало известно, что подходит Александр. Александр, разузнав, кто принимал участие в этом восстании и теперь покинул свои селения, разослал за ними во все стороны стремительную погоню, одних он казнил, других обратил в рабство. Сатрапом ариев он назначил Арсака перса.

(8) Сам он с войском, которое оставил с Кратером и которое теперь прибыло, пошел в землю зарангов и достиг того места, где находился дворец их царей. Барсаент, управлявший тогда этой страной, один из убийц Дария, узнав о появлении Александра, бежал к индам, живущим за рекой Индом. Инды поймали его и отослали к Александру, который казнил его за измену Дарию. [...]

Глава 28.

(2) Узнав, что арии опять восстали, так как к ним явился Сатибарзан с конницей в 2000 человек, полученной от Бесса, он послал против них перса Артабаза, а из «друзей» Эригия и Карана. Фратаферну, сатрапу парфияев, он приказал вместе с ними ударить на ариев.

(2) Произошла жестокая битва между отрядами Эригия и Карана и войском Сатибарзана; варвары отступили не раньше, чем пал вместе с Эригием Сатибарзан, пораженный в лицо копьем Эригия...»

Превращение Мидии в Атропатену

Атропат — имя исконно мидийское, зороастрийское, встречается в Авесте (Яшт XIII, 102) как имя Atarepata, сына Виштаспы.

После завоевания персидской державы Александр Македонский поставил Атропата, вельможу Дария III, сатрапом Мидии, отстранив Оксадата. Атропат, став тестем Пердикки, остался сатрапом Мидии и после смерти Александра Македонского.

После гибели Пердикки в 321 г. до н.э. полководцы Александра Македонского произвели новый раздел сатрапий. При этом Мидия осталась сатрапией Атропата, что свидетельствует о ее независимом статусе. С этого времени название Атропатена по имени Атропата сменяет древнее название Мидия.

Наличие в армии Атропата отряда женщин-всадников или амазонок (Арриан. «Анабасис», VII 13,2) говорит о том, что Мидия в то время контролировала Восточное Закавказье и имела контакты с родственным ираноязычным населением Нижнего Поволжья и Приуралья, где в то время обитали индоарийские племена сарматов (предки современных башкурдов), управляемые вождями-жрицами.

Борзяно-Парфянское царство

Ок. 250 г. до н.э. — отделение провинции Парфия от империи Селевкидов.

Ок. 248 г. н.э. до н.э. — Парфия завоевана кочевыми сакскими племенами во главе с Аршаком.

Провозглашение священного зороастрийского огня Борзян-Михрбан родовым огнем парфянских царей. Храм родового огня царей Борзян-Михрбан становится на 500 лет главным святилищем всей Парфянской империи.

Курды в империи Аршакидов

Принадлежность династии Аршакидов к курдам находит свое полное подтверждение в истории восхождения на трон царя царей

Ирана Ардашира — родоначальника последующей династии Сасанидов.

В исторической хронике «Карнамаг-и-Ардашир-и-Пабаган» («Книга деяний Ардашира, сына Папака»), датируемой учеными VI в., повествуется об Ардашире I (226—240 гг. н.э.), нанесшем поражение Ардабану V Аршакиду и основавшем новую династию Сасанидов, правившей Ираном на протяжении последующих пяти столетий.

Скульптуры парфян:
а) царь города Хатры. II век до н.э.;
б) правитель Шами (100—50 гг. до н.э.)

Курд в национальном костюме ранго-чахо

Как зафиксировано в этом древнем пехлевийском сочинении, Ардашир на протяжении всей политической борьбы за власть постоянно воевал с курдами, курдскими войсками и курдскими князьями-саларами, правившими тогда в различных удельных княжествах Ирана. Это и является наилучшим доказательством принадлежности к курдам самой династии Аршакидов.

Мы приведем некоторые тексты из «Карнамаг» в переводе на русский язык, выполненном иранологом О.М. Чунаковой.

«1. В «Книге деяний Ардашира, сына Папака» так написано, что после смерти Александра Румийского в Эран-шахре было 240 удельных правителей.

2. Спахан, Парс и ближайšie к ним области находились под властью Салара (=правителя) Ардабана.

3. Папак был марзбаном и владельцем Парса, и был он из лиц, назначенных Ардабаном.

6. Сасан же был пастухом Папака и всегда находился при стаде овец. И был он из рода Дария, сына Дария, а в жестокое правление Александра он бежал и скрывался, бродя с пастухами-курдами».

Этот текст на удивление точно соответствует тому факту, что у курдов еще в эпоху Ахеменидов имелось свое независимое княжество в горах Загроса, именуемое иноземцами, в частности Ксенофонтом, как «Страной кардухов». Ксенофонт определенно говорит о бегстве жены мидийского царя в Страну кардухов в Загрос. Именно в эту страну к курдам, расположенную в целом по сравнению с другими провинциями Ирана рядом с Парсом, и убежал от Александра Македонского какой-то предок Дария.

О наличии независимых курдских княжеств на территории империи Ахеменидов в эпоху вторжения армии Александра Македонско-

го говорит и тот немаловажный факт, что греческие войска воевали с Ариобарзаном, в горах Загроса, на территории древней Мидии. «Карнамаг» далее повествует:

«7. Папак не знал, что Сасан происходит из рода Дария, сына Дария.

8. Однажды ночью Папак увидел во сне, что солнце засветилось из-за головы Сасана и освещает весь мир.

10. На третью ночь он увидел, что огни Фарробай, Гушнасп и Бурзен-Михр загораются в доме Сасана и освещают весь мир.

13. Толкователи снов сказали ему [Папаку]: «...Огонь Фарробай — (символ) знания веры знати и магов, огонь Гушнасп — (символ) воинов и полководцев, огонь Бурзен-Михр — символ скотоводов и земледельцев мира. И власть над всеми ними перейдет к тому человеку или к его сыновьям».

Судя по «Карнамаг» и другим источникам, Ардабан Аршакид, узнав об этом, приказал своей служанке (жене?) совершить ритуальный брак с Ардаширом. О наличии ритуальных браков у ираноязычных Массагетов писал Геродот («История», I, 216), тогда как о подобном ритуале священного брака у аланов-эллинов в Спарте оставил свидетельство Плутарх (Ликург 15).

Однако ученые-иранологи не обращали никакого внимания на желание Ардабана царя породниться с курдом-пастухом Ардаширом, поскольку не учитывали обычаи древних индоариев. Ардашир, породнившись через ритуал священного брака с царской династией Аршакидов, быстро осознал, что сам имеет право претендовать на престол царя царей Ирана. Взяв с собой свою жену- служанку, Ардашир бежал ночью от Ардабана, своровав у него какие-то сакральные царские регалии.

«Глава VII.

3. В разных областях Кермана, Макуристана и Парса он собрал многочисленное войско и отправился на битву с Ардабаном.

4. В течение четырех месяцев каждый день было много битв и сражений.

5. Ардабан собрал войско из разных областей, таких как Рей, Демавенд, Делман, Падишваргар.

6. Поскольку Фарр каянидов был у Ардашира, Ардашир одержал победу.

7. Он убил Ардабана, все состояние Ардабана попало в его руки, Он взял в жены дочь Ардабана».

Судя по контексту «Карнамаг», служанка, ставшая ранее женой Ардашира Папака, была на самом деле дочерью Ардабана Аршакида, стремившегося ритуалом священного брака более близко связать свой род с потомками Дария Ахеменида.

Захватив власть, Ардашир первым делом начал войну с курдами и культом Ажи-Дахаки, которому курды поклонялись возле горы Демавенд. До настоящего времени культ Змея-Шахмера сохранился у курдов-езидов. Из этого факта можно сделать вывод о том, что курды были господствующим этносом в империи Аршакидов.

«Глава VIII.

1. После этого он собрал большое войско и пошел на битву с курдским царем Мадиком [Мадик — мидиец. — *Примеч. О.М. Чунаковой*]. Произошло много сражений и кровопролитий, войско Ардашира потерпело поражение.

2. И Ардашир со своим войском заблудился и ночью пришел в пустыню, где не было ни воды, ни еды...

8. А войско Мадика считало так: «Нам теперь нечего бояться Ардашира, так как он разбитый вернулся в Парс».

Глава IX.

1. (Но) Ардашир снарядил 4000 человек, совершил на курдов ночной набег и убил из них 1000 человек.

2. других ранил и взял в плен и послал в Парс вместе с сыновьями, братьями и детьми курдского царя много имущества и богатства.

Глава X.

1. (По дороге) войско Хафтобата, хозяина Червя (Дракона Ажи-Дахаки) напало на Ардашира, [...].

2. А Ардашир подумал: «Я пойду в Армению и Адурбаган» так как Шахргерд Шахразурский заключил с ним (Ардаширом) договор, явился к нему из Шахразура в качестве его вассала».

Как пишет в своих примечаниях О.М. Чунакова: «Чтение имени Шахргерд было впервые предложено Херцфельдом (Inscriften. С.145), отождествившим это действующее лицо «Карнамага» с Шахрагирдом (Шахргердом) — представителем сакской династии из Керкука (город между Тигром и Иранским нагорьем). Шахргерд соглас-

но «Хронике Арбелы» был союзником Ардашира в его борьбе с Ардабаном».

Керкук является столицей современного Курдистана. Топоним Шахразур, как пишет О.М. Чунакова, букв. «царская область», представляет собой горную область между Ирбилем и Хамаданом.

Ирбиль, как и Керкук, являлся и является исконно курдским городом.

Таким образом, царь целой курдской страны Шахригерд оказал прямую военную помощь Ардаширу Папаку, который к тому времени решил сразиться с Хафтобадом и, собрав войско, подступил к крепости Ажи-Дахаки, называемой Гуларан. Как пишет О.М. Чунакова, иранолог Хеннинг (Ein Titel. С. 662, примеч. 20) предлагал идентифицировать Гулар с селением Гилар в Ларистане. Поскольку луры имеют общие родоплеменные объединения с курдами (Занге, Кельхор и т.д.), то само союзное вторжение войск Шахригерда Курдского и Ардашира Папака в Луристан со столицей Шахри-Корд возле Хамадана показывает, что именно курды, луры, бахтиары были основой династии Аршакидов, а затем возвели на трон царей Ирана новую династию Сасанидов.

Ардашир, как это сказано в начале «Карнамаг», все свое детство провел с курдами-бахтиярами. Во главе курдско-лурских войск Ардашир сумел захватить культовый центр поклонения Змею Гулар в Луристане.

Суффикс «лар» в имени Гулар восходит к эламо-лулубейскому корню «лар». Уже в шумеро-аккадской клинописи II тыс. до н.э. в горах Загроса зафиксирован кутийско-лулубейский топоним Куллар, который логически соответствует поселению курдов-луров Кулар, упоминаемых в пехлевийском сочинении «Карнамаг».

Интересно отметить и указать на то, что Луристан располагается на севере территории Древнего Элама, где у жителей-эламитян был чрезвычайно развит культ почитания Змея. Даже несмотря на то, что Ардашир Папак сокрушил культ Змея в Гуларе (Луристан), курды-езиды до настоящего дня почитают белого змея Шахмера. При этом еще в XIX в. английский офицер Морьер в 1812 г. отмечал празднество курдов у горы Демавенд в честь освобождения от царя-дракона Ажи-Дахаки. Сражение Ардашира с курдским царем Мадиком — Мидийцем», как переводится его имя, затем война с культом поклонения Ажи-Дахаке, подобным культу ведийско-арийского Ахи Будхны, в союзе с курдским царем сакской династии Шахригердом из

Керкука демонстрирует нам ведущую роль курдского этноса в эпоху правления в Иране династии Аршакидов.

В целом для историков более верным считать и саму династию последующей династии Сасанидов курдско-персидской по происхождению, как и царскую династию Ахеменидов. На это указывает и текст «Карнамаг», говоря о жене Ардашира-Сасанида как дочери царя Ардабана из курдской династии Аршакидов.

«Карнамаг», XIV.

1. (При Ардашире) были два сына Ардабана, а два (других) бежали к кабульскому царю.

2. И они написали своей сестре, которая была женой Ардашира, письмо...

6. Теперь следующее: если у тебя есть хоть немного любви к нам, поищи для нас средство и не забудь о мести за отца и за других родственников и близких. Возьми этот яд, который мы послали тебе с нашим надежным человеком.

7. И когда сможешь, дай его перед едой этому преступнику и клятвонарушителю, чтобы он сразу умер.

[Кровная месть является отличительной чертой курдского общества. Клятвoprеступление является тягчайшим преступлением у курдов по настоящий день. — С.Г.]

9. Однажды Ардашир вернулся домой с охоты голодным (и испытывающим жажду).

10. Он произносил молитву, а девушка смешала яд с толокном и молоком [...] и дала в руки Ардашира.

11. Ардашир взял и хотел съесть.

14. Ардашир понял: Это был яд, приготовленный, чтобы убить меня.

17. Ардашир приказал: «Эту распутницу, женщину, порожденную лживой колдуньей, отведи к гробнице и прикажи убить».

24. Верховный жрец знал, что Ардашир в сильном гневе и что он раскается (впоследствии).

25. И поэтому он не убил эту женщину, а взял в свой дом и скрывал ее».

«Карнамаг», XV.

1. Когда пришло время родов, у нее родился прекрасный сын.

2. Она назвала его Шапуром.

12. Когда верховный жрец увидел, что Ардашир раскаялся...
15. Верховный жрец сказал: «Та женщина (и ребенок), о которой вы дали (мне) приказ «Убей» и (которую) я не убил — родила сына, который красивее и достойнее всех новорожденных царских детей».
18. Ардашир приказал наполнить рот верховного жреца рубинами, царским жемчугом и драгоценными камнями.
20. Когда Ардашир увидел своего сына Шапура, он пал ниц.
21. И приказал на том самом месте основать город, который называют Рах-Шапур.

Глава XVIII.

1. Окончено в здравии, радости и спокойствии.
2. Да будут бессмертны души царя царей Ардашира, сына Папака, царя царей Шапура, сына Ардашира, и царя царей Ормазма, сына Шапура».

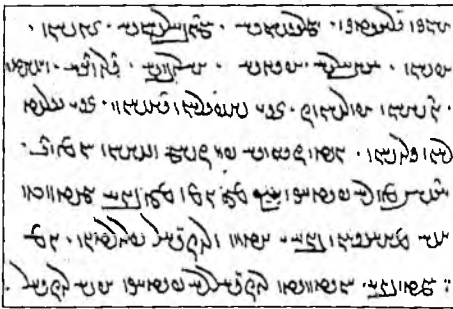
Все события, описываемые в «Карнамаг», — детство Ардашира, проведенное с курдами, женитьба на дочери царя курдской династии Ардабана, война с курдами во главе с мидийским царем Мадиком, искоренение курдского ведийско-арийского культа Ажи-Дахаки и восшествие на престол Шапура, сына курдянки, показывают курдско-мидийское происхождение династии Сасанидов, правивших с 224 по 651 г., до завоевания Ирана арабами.

Авроманские документы Курдистана

Авроманские пергаменты из Копаниса проливают свет на социально-экономические отношения и юридические законы курдов в эпоху Парфянского царства.

Все три авроманских пергамента представляют собой документ, фиксирующий на протяжении 100 лет торговые контракты на продажу членами сельскохозяйственной общины Копаниса, земельного участка -виноградника. Анализ содержания этого документа позволил сделать ряд исторических наблюдений и важные выводы об экономических отношениях в Курдистане в ту далекую эпоху.

Земля и луга для выпаса домашнего скота принадлежали формально всей общине. Крестьянин-общинник был свободным человеком, но обработка им земли, уход за виноградником являлись государственной повинностью. Верховная власть требовала исполнения крестьянином-общинником своей «повинности государству»,

Фрагмент парфянской рукописи
из Авромана (Курдистан),
написанной на пехлеви

а главы сельских общин непосредственно на местах строго следили за возможными нарушениями. С каждого участка крестьянин вносил в казну общины подать, которая шла в фонд государственной казны. Крестьянин (реят у курдов) был обязан трудиться на земле и вносить подать главе общины, хотя имел право свободного передвижения по стране и юридически считался

свободным общинником. Когда крестьянин по тем или иным причинам не работал на земле, принадлежащей общине, и тем самым переставал формально вносить долю в общественные работы, это воспринималось как отказ или попытка избежать платить общественный налог (характерный обычай курдских сельских общин), и на такого члена общины налагался «государственный» штраф, в 7 раз превышающий своей суммой цену обрабатываемого реятом участка, как это зафиксировано в документах Авромана. Половина этой суммы поступала в фонд государственной казны, тогда как другая шла на нужды местной общины. (Нельзя здесь не отметить демократизм распределения налога.)

Государственные подати имели, таким образом, две формы: 1) трудовая повинность и 2) натуральный налог. Государственная власть строго следила за поступлением как поземельного налога натурой, так и исполнением крестьянами своей трудовой повинности.

Сельская община в этой социально-экономической системе государства выступала как некий налоговый орган, обладающий административными функциями.

Курды в империи Сасанидов

Курдская этническая принадлежность царей Сасанидов объясняется сохранением за курдским конфессионально-теократическим родом *зарзан* должности верховных жрецов-мобедов на всем протяжении правления этой династии в Иране.

Так, из «Шахнаме», написанной Фирдоуси на основе исторических хроник и преданий, мы узнаем о некоторых представителях курдского рода Барзан.

13050. Советник царя, полный силы к тому ж,
В бой шел как на праздник, сей доблестный муж.
Пришел Мехр-Барзин, чей родитель Ферхад,
Еще Мехр-Фируз, чей родитель — Хоррад,
Бехрамова рода Бехрам, Хезерван,
Рокхам именитый и с ним Эндеман,
Владыка Гиляна и Рея глава,
Чью стойкость в бою прославляет молва;
Еще Дад-Барзин, что искусно ведет
Сраженья, чья доблесть — Забула оплот
Еще сын Борзмехра, Карен исполин
13060. И с грозным челом пехлеван Рад-Барзин.
Шесть тысяч иранцев избрал он мужей
Испытанных, славных отвагой своей.

(Фирдоуси, т. V. М., 1984. С. 291—292).

Таким образом, из Шахнаме Фирдоуси, а также из многих других пехлевийских источников мы узнаем, что в правление сасанидского царя Бехрама-Гура (Варахрана V 421—439 гг.) в среде иранской знати было четыре князя, носящих курдское имя Барзин, а именно Мехр-Барзин, Дад-Барзин, Борзмехр, Рад-Барзин, при этом Дад-Барзин — учитель Барзин», называется «оплотом Забулистина», то есть обширной области на юго-востоке Ирана на границах с Индией. Затем Фирдоуси упоминает зороастрийского жреца Рамборзина, бывшего мобедом при сасанидском шахе Кобаде I (488—531 гг.):

«Печать золотую к письму властелин
Подносит. Хранитель — мобед Рамборзин.

Этот зороастрийский жрец Рамборзин возвел на престол сына Кобада, самого знаменитого шаха из династии Сасанидов — Хосрова Нушинравана (531—579 гг.).

1510. Лишь плача по шаху окончился срок,
Мобед [Рамборзин] завешанье владыки извлек.

Воссело собрание мужей храбрецов
Ирана мобедев, благих мудрецов
Указ прочитали, и вот уж на трон
Наследник царей с торжеством возведен.
[....]
1520 [....]
И слышится всюду: «Пусть вечно царит,
Величием царским Джемшида затмит!»
За веру властителя, ум, доброту
Речей справедливость и дел красоту
С тех пор нарекли его Нушинраван.

(Фирдоуси. Шахнаме. М., 1989. С. 38—39)

Постоянные войны персидского царя Хосрова Ануширвана с бурджанами-бурзянами, о которых упоминают многие арабо-персидские источники и историки, в частности Ибн-Асир, говорят нам, что предки курдов имели непосредственные контакты с сасанидским Ираном. Курды, в отличие, от сасанидского Ирана, придерживались по всей видимости, еще в V в. более древних ведийско-арийских обычаев. Так, как писал Ал-Масуди: «если у бурджан умирает кто-нибудь, то они собирают всех его слуг и свиту, говорят им известные мудрые изречения, сжигают их за тем мертвецом» (Гаркави, 1870. С. 126).

При этом все арабо-персидские историки IX—XIII вв. — Ал-Масуди, Ал-Бакри, Ал-Казвани, Ал-Фазари подчеркивают в один голос тот факт, что курды-бурджане (борзяне) по вере близки к персам-зороастрийцам, поскольку «придерживаются веры магов» (Гаркави. Там же).

В свою очередь, поэт-историк Фирдоуси (940—1030) в «Шахнаме», наоборот, передает сведения, согласно которым, по пехлевийской традиции, мобедами-багнапатами (зороастрийскими жрецами) при дворе царей Сасанидов были Борзины, один из которых, Рамборзин, и возвел Хосрова Нушинрована (Ануширвана, арабск.) на престол. Рамборзин, правитель Мадаина, подавил с согласия шахиншаха своим войском восстание Нушзада, сына Хосрова Нушинрована. По всей видимости, кочевавшие на востоке курды представлены были в самих персидско-сасанидских письменных источниках этнонимом хайталы или эфталиты, которые являлись иранскими племенами, обитавшими между Ираном и хотанскими тюрками.

Царь Кобад, отец Хосрова Нушинрована, пробыл заложником у эфталитов два года, после чего с помощью их войска возвращает

себе царскую власть в 488 г. Затем, после государственного переворота и заточения в тюрьме. Кавад снова бежит к эфталитам-хайталам и при их военной поддержке свергает узурпатора Джамаспа и восходит вторично на царский престол в 499 г., на котором пробыл до 531 г., исправно платя дань вождям кочевых иранских племен. По всей видимости, эти иранские племена эфталитов-хайталов были близки к кушанам, исповедовавшим буддизм, основателем которого был Гаутама из рода саков-шаков (массагетов). Только этнической близостью иранских кочевников эфталитов-хайталов с некогда кочевыми индоариями кушанами можно объяснить тот необычный исторический факт, что, с одной стороны, цари Сасаниды возводили свою родословную к кушанским царям, а с другой, просили и получали помощь от эфталитов-хайталов. Известное благодаря «Шахнаме» Фирдоуси имя Гатфар — Иатфарр, так звали вождя эфталитов-хайталов, свидетельствует об их древнеиранском происхождении и прекрасном знании Авесты, благодаря чему становится понятна их помощь иранским царям Сасанидам — обладателям божественного хварно в борьбе с узурпаторами престола шахиншахов.

Сын Хосрова Ануширвана по имени Хормозд IV (570—590 гг.) у Фирдоуси убивает зороастрийского мобеда по имени Симах Борзин, а некоего Борзин-Хоррада посылает к тюркскому кагану Шабе с требованием не помогать восставшему против него полководцу Бахрама Чубине, происходившего из знатного парфянского рода Михранов. Но в результате дворцового переворота Хормозд IV был свергнут и на престол был возведен его сын Хосров II Парвиза (591—628). При правлении Хосрова Парвиза, а затем и его сына, по Фирдоуси при шахском дворе Хоррад Борзин по-прежнему остается знатным мобедом и входит в число иранских вождей — военачальников, образующих царский совет. Именно Борзин-Хоррад вместе с Оштадом были послами от Хосрова к низложенному Хормозду, что свидетельствует об исключительно высоком ранге рода Борзинов при царях сасанидской династии Ирана.

Хосров Парвиз:

«Прощайте, лишь радости знайте всегда,
Меня лишь добром поминайте всегда!»
Воззвание вождя лишь дослушал Оштад

23440. Достойный, с ним доблестный Борзин-Хоррад.

Хоррад-Борзин — это и название одного из главных святилищ огня в сасанидском Иране.

Аршакиды связывали свое происхождение со знаменитым лучником Кави Аршаном (Ареш), одним из правителей легендарной доахаменидской полумифической иранской царской династии Кавиев или Кейянидов.

Династия иранских царей Сасанидов, вслед за предшествовавшей им династией Аршакидов, также возводила свою генеалогию к родословной мифического героя-царя и искусного лучника Кави Аршана. По Фирдоуси, и род мобеда Хоррад Борзина происходил от Кави Аршана — лучника.

В «Шахнаме» у Фирдоуси царь Хосров Парвиз в письме к византийскому императору Маврикию I (582—602 гг.) говорит буквально следующее:

Ты в Руме теперь под защитой своей
Хранишь благородных иранских мужей:
То славный Шапур, Гостехем, и Андьян,
17220. С Хоррадом Борзином из рода Кеян.

Из индоарийских мифов и древнеперсидской Авесты видно, что священный огонь зороастрийцев Борзьян-Михрбан находился в горах Загроса в районе Барзан (соотнесившемся со священной авестийской горой Хара Березаити), где обитает курдский род Борзьян, диалект языка которого сохранил ряд фонем, свойственных древнеиранским языкам. Легко понять, что сам род Мобедов-Борзинов, служивших советниками, послами и жрецами при царских дворах династий от Аршакидов до Сасанидов, имел исконно протокурдское происхождение. Род Борзинов, как это видно из «Шахнам», почитался Сасанидами, как наиболее опытный в вопросах дипломатии и философии, что как раз и является прямым доказательством древнего происхождения этого клана зороастрийских жрецов-мобедов. В «Шахнаме» шах Хосров Парвиз всегда советуется с мобедом Хоррадом Борзином и с его помощью принимает наиболее важные решения. Например, перед боем с Бахрамом Чубине:

15668 Внял юный Хосров наставленью тому,
Разумный совет показался ему.
15670 Он витязей несколько выбрал потом
Хоррада Борзина, Гостехма-бойца (...)

Хоррад Борзин, как царский посол шаха Хосрова Парвиза, вел непосредственные переговоры с византийским императором Маврикием I и затем с тюркским хаканом. Письмо Хосрова к императору Маврикию I сохранилось и в византийских хрониках. Во время переговоров послов сасанидского шаха с Маврикием византийский император испытывает иранских дипломатов, и самым достойным из них снова оказывается Хоррад Борзин.

«О горе! — кейсер [император Маврикий] восклицает, — беда!

17380 В печаль нас ввергает печальная та». Решенье загадки не слышит, и вот Хоррада Борзина в подмогу зовет Ему говорит: «Именитый герой Украсивши род Ардашира собой!»

Разгадав загадку и достойно ответив, мобед Хоррад Борзин начинает излагать византийскому императору Маврикию I суть и основы «хиндской веры».

Хоррад Борзин излагает хиндскую веру

Ответил кейсер: «До скончания дней Живи, о, достойный советник царей»
(.....)

Хоррад Борзин:

«Кто хиндов премудрую книгу прочел,
Сияние радости в сердце обрел!»

Кейсер вопрошает:

«Путь хинда ведет

Куда? В чем находит он духу оплот?

Кому поклоняется, верит во что,

17440 Кумиропоклонник по вере, иль кто?»

Путь, — слышен Хоррада Борзина ответ, —

Луна и корова, иного там нет.

Там плоти поблажки никто не дает,

Не верят в Йездана, в кружащийся свод,

И солнца б с собой не поставили в ряд!

За нами же знания признать не хотят.

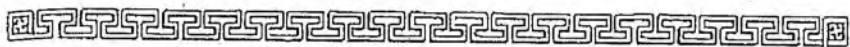
17450 Кто-либо коль яркий огонь разведет,
Себя в этом пламени жарком сожжет —
Средь воздуха огонь распознает другой,
Рожденный по воле Йездана благой,
Эфиром мудрец его хиндский зовет,
Речь мудро и сладко про это ведет.
Один, мол, огонь коль с другим будет слит,
Грехи уничтожит он, испепелит....
Так заповедь им о сожженье дана:
В горенье, мол, истина заключена».

Император Маврикий I стал возражать Хорраду Борзину.

17458—9 «Нет, правда не в этом, — кейсер говорит, —
И дух Иисусов сие говорит (...)
Окончил кейсер свое слово и вот
17490 Ответить Хоррада Борзина черед.

Мобел Хоррад Борзин излагает византийскому императору Маврикию I основы зороастрийской веры.

17500 «Будь мудр и Йездану лишь верь одному!
Создателю всякая тайна ясна,
Не надобны Всевышнему сын и жена.
Почто ты закон Кеюмарса отверг!
Обряд и устав Тахмураса отверг!
Учили они: Вседержитель един,
Служи, коль разумен, — он твой властелин.
Йездана слуга, умудренный дихкан,
Как в руки для бажа барсом ему дан,
Ни капли воды не глотнет никогда,
17510 Хотя бы и снилась от жажды вода.
К Йездану под кров прибегает в бою
Так, воду и ту отвергает в бою!
Кыбла для него — сущность высшая та,
Что выше, чем воздух, земля и вода.
Цари не предатели веры у нас,
Внимают веленьям Творца всякий час.
Алмазы, динары не манят их взгляд

17520 Прославиться лишь правосудьем хотят,
 Построив, дарят, не жалеют дворца,
 Щедротами радуют людям сердца.
 Того почитают, кто в пору боев
 Лик солнечный кутает в пыльный покров,
 Край отчий от лютых врагов бережет —
 Властитель разумный иного не ждет.
 Кто истину в вере не рвется стяжать,
 Тому не хваленьям — проклятьям внимать».

Ответ византийского императора Маврикия I.

17530 Кейсер ощутил о той речи восторг
 В ней пользу увидеть великую смог.
 Изрекшему молвил: «Создатель миров
 Возвысил тебя среди благих мудрецов
 (...)»
 Венец драгоценный подать повелел,
 Вручил мудрецу с многократной хвалой:
 «Иран да пребудет украшен тобой».

Хоррад Борзин, по имеющимся сведениям, был послом Хосрова Парвиза не только к византийским императорам, но также вел переговоры по воле иранского шаха и с тюркскими кочевниками; в частности, у Фирдоуси он ездил к хакану Чина.

Хосров Парвиз посылает Хоррада Борзина к хакану

Царь молвил Хорраду Борзину: «Сыскать
Путь верный в сем деле тебе лишь подстать.
В Иране разумней ты всех и во вне
И речи искусством владеешь вполне».

Доказательством исконно курдской принадлежности зороастрийских жрецов-мобедов Барзан в империи Сасанидов является знаменитый средневековый письменный источник «Плач о разорении Курдистана арабами», где говорится о Шахрезуре, упоминаемом и в «Карнамаг». Фрагменты этого литературного источника были обнаружены в начале XX в. в Курдистане в области обитания курдского рода Барзан.

В сохранившемся отрывке этого самого древнего собственно курдского письменного литературного памятника говорится о разорении и уничтожении храмов огня по всему Курдистану и, в частности, в области Шахрезур, то есть древнем царстве Карка де бет Солох в ассирийских источниках. Вот отрывок этого текста в переводе М.Б. Руденко:

«Храмы разрушены, огни погашены.
Великие из великих спрятались.
Угнетатели-арабы разрушили
Крестьянские деревни до Шахрезура
Женщины и девушки попали в плен,
Храбрые мужи лежат в крови.
Вера Зардушта осталась покинутой
Ахурамазда никому не делает добра».

*(М.Б. Руденко. К вопросу о курдской литературе.
Исследования по истории культуры народов Востока /Сб.
в честь акад. Орбели И.А. Л., 1960. С. 434.)*

Все лингвисты признали имя Бурзан в хронике Карка де бет Солох как иранское по происхождению. Область, называемая Гармай, в эпоху ассирийского царя Ассархадона (680—669 гг. до н.э.), имя которого донесла до нас эта летопись, на сироарамейском языке соответствует, в свою очередь, по географическому описанию, более древнему шумерскому городу-государству Аррапхе.

КУРДЫ В ЭПОХУ СЛОЖЕНИЯ ИСЛАМА

Иранская империя Сасанидов в 651 году была захвачена арабскими племенами, объединившимся под знаменем ислама. Новую религию поддержали рядовые курды-мьрьды, привлеченные исламскими идеями создания общества без кастового строя. Кстати, именно эту тактику и стратегию идеологи ислама проповедовали при распространении новой религии на восток, благодаря чему от Индии откололся со временем мусульманский Пакистан.

О непосредственном участии курдов в создании новой религии свидетельствуют два весьма знаменательных события. Так, курд Салман из области Парсан Салман ал-Фариси [парси], бывший некогда зороастрийским Мобедом, впоследствии стал близким другом созда-

теля новой религии — Мухаммеда и членом его семьи. После смерти пророка именно Салман ал-Фариси впервые записал по памяти и отредактировал Коран, до этого передававшийся изустно. Отсюда многие иранизмы в Коране и знаменитый «зороастрийский» стих:

Коран (24, 35): «Аллах — свет небес и земли. Подобие Его света — столп, на котором светильник, а светильник в стекле, а стекло как ярко сияющая звезда; загорается он от благословенного дерева — не восточного и не западного, и масло его дает свет, хоть и не касается его огонь: свет над светом. Аллах направляет к свету Своему тех, кого Он пожелает».

Великий курдский ученый-юрист, основатель мусульманского права Абу-Ханифа Деневери

Курдский ученый-юрист Абу-Ханифа родился в городе Куфа в 699 году. Но его семья происходила из курдского города Денавера, название которого Абу-Ханифа впоследствии сделал своей фамилией, подчеркивая тем самым свою принадлежность к курдскому народу. Его отец был богатым и преуспевающим купцом шелком и сделал все возможное, чтобы его сын получил прекрасное общее и богословское образование.

В юности Абу-Ханифа непосредственно видел и слышал проповеди последних асхабов, сподвижников пророка Мухаммеда.

В 22 года Абу-Ханифа стал учеником известного богослова Хаммада Бен Аби-Сулеймана, а после его смерти через 18 лет, в 739 году возглавил богословскую школу и стал почитаться известным и авторитетным богословом-законоведом (факих) в таких крупных городах как Басра и Куфа.

В 747—748 гг. Абу-Ханифа, спасаясь от преследований Ибн-Хубайры, наместника Ирака, который желал привлечь его известного законоведа, к государственной службе, сбежал в Мекку.

Абу-Ханифа вернулся в Ирак после утверждения там новой династии, Аббасидов и стал совмещать жизнь богатого купца и ученого-богослова, как бы демонстрируя своим примером единство религиозной и мирской жизни.

Абу-Ханифа считается в исламском мире зачинателем письменной традиции в богословии, поскольку ему принадлежит первое письменное сочинение по исламской догматике — «Ал Фикх ал-Акбар». В этом произведении курдский богослов и правовед сфор-

мулировал и ясно изложил такие ключевые догматы ислама как: с всемогущем Аллахе, о единобожье, о Коране как Слове Аллаха, о свободе воли, о предопределении. Абу-Ханифа является первым в истории исламского права ученым, кто сблизил схоластические догмы ислама с требованиями повседневной, мирской жизни путем использования казуистических методов толкования Корана, при решении судебно-правовых вопросов. На использование метода и принципов толкования предписаний Корана, введенного Абу-Ханифа, его ученики разработали метод суждения по аналогии (кийас) и предпочтения (ихсан).

Как писал Г.Фр. Кольб: «Купец Абу-Ханифа величайший юрист своего народа, на несколько столетий опередил своих современников в гуманности, особенно по части уголовного права. Его школа, вскоре после его смерти, стала господствующей во всем государстве. И мусульмане придерживаются ее до сих пор». (Г.Фр. Кольб. История человеческой культуры. Киев — Харьков, 1899. С.131).

При халифе Ал-Мансуре (754—775) Абу-Ханифа испытал страдания и унижения. За отказ от предложения Ал-Мансура занять пост верховного судьи — кади Абу-Ханифа был заключен в тюрьму, но отпущен. В возрасте 68 лет Абу-Ханифа умер в 767 г. Вклад, который внес курдский ученый-юрист в мусульманскую культуру, хорошо выразил исламский историк IX в. Аль-Джахиз: «Мы убеждаемся на опыте, что, если кто-нибудь на протяжении пятидесяти лет изучает хадисы и занимается толкованием Корана, то и он не может все же быть причислен к юристам и не может добиться должности судьи. Достичь этого он может только в том случае, если он изучит труды Абу-Ханифа...» (А. Мец. Мусульманский Ренессанс. М., 1966. С. 144).

Часть II

КУРДЫ И НАРОДЫ ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА В ДРЕВНОСТИ

КУРДЫ И ХЕТТЫ

Хетты представляют особый интерес для курдологов, поскольку именно в хеттских клинописных текстах II тыс. до н.э. начинают упоминаться курды под именем *kuriewanes* — из народа *куру»,* являвшегося обозначением небольших независимых государств, сопредельных с Хеттской державой. Возникновение хеттского индоевропейского царства в начале II тыс. до н.э., почти тысячелетнее существование этой империи с развитой демократической судебной системой, затем исчезновение (якобы) этого этноса наряду с митаннийцами-ариями и внезапное рождение самого многочисленного в этом регионе 40-миллионного народа курдов еще представляет собой абсолютно неисследованную область как в хеттологии, так и в курдоведении. Само развитие науки о хеттах — хеттоведение — напоминает становление курдоведения. До открытия Г. Винклером в 1907 г. в Малой Азии хеттской столицы Хаттусас хеттов знали только по Библии и искали в Северной Сирии. Об индоевропейском языке хеттов вообще ничего не было известно до тех пор, пока в 1915 г. Б. Грозный не опубликовал свои первые очерки хеттской грамматики, указав именно на ее индогерманскую структуру, что позднее полностью подтвердилось изысканиями других лингвистов.

Первое упоминание о хеттах восходит к Аккаду XXII в. до н.э., к легенде о Саргоне Великом с описанием его похода в горы Загроса на лулубеев (кутиев-курдов) и далее к северу с упоминанием хеттс-

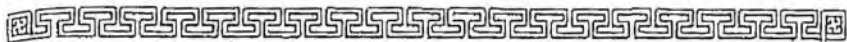

кого города Пурусханды. (Некоторые ученые, например, О.Р. Генри, Н.Б. Янковская, считают, что в аккадско-ассирийской легенде смешаны истории походов Саргона Великого и его внука Нарам-Суэна.)

Весьма знаменательно первое упоминание о хеттах совместно с лулубеями-кутиями (курдами), древняя история которых известна несколько значительнее. Во всяком случае, Нарам Суэн (2236—2200 гг. до н.э.) в своем походе на север против коалиции правителей 17 государств, пройдя через перевалы гор Загроса, достиг Амеда (г. Диярбакр в современном Курдистане), где оставил свою надпись, то есть со своим войском дошел до района, ставшего позднее частью и важным культовым центром Хеттской державы. Среди царей коалиции 17 царств упоминается царь хатти по имени Памба (пэмбу — хлопок, курд.). Позднее, уже в XVIII в. до н.э., произошло объединение и консолидация хеттских царей во главе с Аниттой, царем города Куссары. На сохранившейся хеттской клинописной табличке с историей этого царя написано: «Анитта, сын Питханы, покорил Пурусханду, Салативару, Цалпуву и перенес столицу своего царства в Несу». По мнению ученых, город Несу — это Каниш. Поскольку ни один из последующих хеттских царей не называл Питхану и его сына Аниту своими предками, ученые считают их принадлежащими к линии чуждой, не прямой к последующим правителям Хеттской державы. (О.Р. Генри. Хетты. С. 22, Ю. Заблоцка, 1989. С. 209.)

Подлинным создателем Старохеттского государства является Хаттусили I (1650—1620 гг. до н.э.), имя которого сохранилось во многих хеттских клинописных текстах. Хаттусили был сыном царя Лабарны и первоначально сам носил его имя. Столицей при Хаттусили был по-прежнему Хуссар, но позднее им стал г. Хаттусас. Сохранилась двуязычная аккадо-хеттская надпись с описанием войны Хаттусили I с хурритами государства Уршу, поддержанных войском сирийского царства Ямхад со столицей в Хальпе (Алеппо).

В клинописных текстах этого хеттского царя впервые в истории фиксируется различие индоевропейского и собственно азиатского мышления. В надписях Хаттусили вопреки азиатским традициям аккадцев все внимание направлено по смыслу на фигуру царя. К богам хеттский царь высказывает почтение и приносит в их честь жертвы, но все военные победы над врагом царь хеттов считает одержанными своими силами, своим бесстрашием. Подобное индоевропейское мышление было чуждо азиатским правителям Аккада и Амурру,

но встречается у евреев в Библии, где наряду с хеттами (сыны хеттовы, дочь хеттеянина, великаны) упоминается и сюжет ночной борьбы Иакова с Богом, что дает право предполагать в части евреев-израильтян некие группы ассимилированных индоевропейских племен, поклонявшихся божествам: змею — колено Дана, волку — колено Вениамина и быку — колено Ефрема.

При Хаттусили I Хеттская держава расширялась на юг и на восток, хеттские войска перешли хребет Тавра и проникли в Сирию. Уже следующий царь хеттов Мурсили I (1620—1590 гг. до н.э.) (приемный сын Хаттусили I) завоевал столицу сирийского государства Ямхад (около 1600 г. до н.э.), а затем, проникнув через территорию Митанни-Курдистана глубоко в Месопотамию, осадил и захватил Вавилон, где позднее власть перешла к индоевропейцам-касситам, поклонявшимся, как и курды, ведийско-арийским богам. Роль военной помощи касситов государства Хана, оказанной хеттам, по мнению многих историков, была решающей.

По возвращении в свою страну Мурсили I был убит неким Хантили, женатым на сестре царя. В это время хурриты-матиены (курды Мокса) области Ван напали на Хантили с востока, захватили и разрушили города Нерик и Телиура, располагавшиеся недалеко от столицы хеттов — Хаттусы.

В 1525 г. до н.э. власть в царстве хеттов захватил Телепину, бывший супругом одной из принцесс. Правление Телепину (1525—1500 гг. до н.э.) знаменуется тем, что этот царь составил и ввел закон о престолонаследии, который, между прочим, соблюдался и хурритской династией вплоть до последних дней хеттской державы.

Телепину считается последним царем древнего Хеттского царства, поскольку пока еще не найдено источников с конкретными именами его преемников. Целое столетие хеттское государство было сосредоточено исключительно вокруг своего центра Хаттусы. Это скромное положение хеттской державы объяснимо возвышением по соседству индоарийского курдского государства Митанни. Могущественный царь курдов-митаннийцев Саусадаттар примерно в тот же период (1500 г. до н.э.) захватил Ассирию и вывез из Ашшура царские золотые врата в свою столицу Вашшукани. Воссоздание хеттской державы в анналах хеттских царей прочно связывается с именем царя Тудхалии II (1460—1440 гг. до н.э.), которого А. Камменхубер отождествляет с Тудхалии I (Kammenhuber. A. 1968. С. 34).

Область курдов-лаки в древности

По мнению ученых, хеттская династия, основанная Тудхалией II, была хурритского (матиенского), происхождения, то есть, в нашей интерпретации, курдской. Этот вывод основан на таком интересном факте как наличие исконных хурритских имен у царей этой династии, тогда как их хеттские имена были только тронными, данными

им в обряде восшествия на престол. Так, хуррит Урхи-Тешуб принял тронное хеттское имя Мурсили (III), а его брат Шарри-Кушух носил хеттское имя Пияссили. Рост влияния хурритов-матиенов на хеттов усилился с 1400 г. до н.э., поскольку невестами хеттских царей становились царевны из соседней Киццуватны, говорившие на хурритском, а не на хеттском языке. Заметно усилилось религиозное влияние хурритов при Хаттусили III, так как царица Пудо-Хеба происходила из жреческого рода Киццуватны и была жрицей богини Хебат (Иштар). Киццуватна граничила с Лувией.

После победы египетского фараона Тутмоса III в 1457 г. до н.э. над хурритами Ханигальбата в Северной Сирии произошло возвышение независимого княжества курдов — Митанни.

В этот период страну Хатти разорили племена касков. Около 1380 г. до н.э. к власти в хеттской державе пришел Суппилулиумас (1380—1340), сын Тудхалии III (1400—1380). Договорившись с правителем Хайхаи-Ацци, скрепив договор женитьбой царя-союзника на сестре Суппилулиумаса, царь хеттов перешел Евфрат, захватил княжество Исува, располагавшееся к северу от Митанни. Затем напал и захватил столицу Митанни г. Вашшуккани. Совершив круг от севера к югу, Суппилулиумас снова перешел со своим войском реку Евфрат, вышел в Сирию, где, сокрушив египетского наместника г. Кадеша, дошел до Ливана и за счет вновь покоренных территорий значительно расширил границы Хеттской державы.

Во время правления Суппилулиумаса был убит в результате заговора Тушратта царь Митанни, а новый царь Артатама и его сын Шутарна признали независимость бывшей вассальной земли Ассирии. Однако успехи Ассирии и царства Альше в их попытках поделить между собой территорию Митанни оказались кратковременными. Вмешался Суппилулиумас, к которому за помощью обратился Шаттиваса, сын убитого правителя Митанни — Тушратты. Шаттиваса женился на дочери Суппилулиумаса, захватил Вашшуккани и, став царем, признал себя вассалом хеттов.

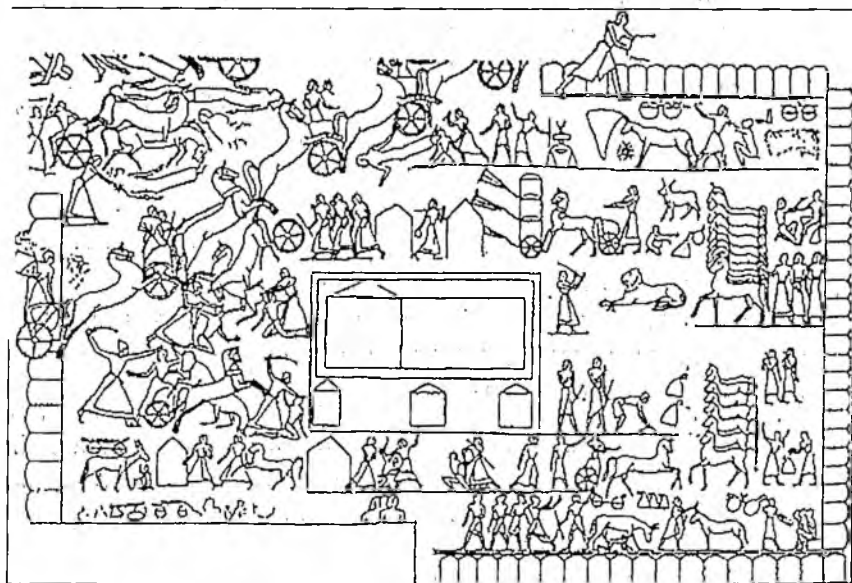
Вся эта история взаимоотношений хеттов с курдами-матиенами царства Митанни, когда сын убитого врага женится на дочери царя, указывает на какие-то отлаженные внутринациональные отношения. Сам факт не оказания военного отпора хеттскому войску во главе Суппилулиумаса царем Митанни Тушраттой предполагает некий государственный переворот, где, возможно, хетты шли на помощь своему союзнику или наоборот. На это указывает и то, что после смерти

царя хеттов в 1340 г. ассирийский царь Ашшурбалит сумел присоединить Митанни к Ассирии. Суппилиумас, а вскоре и его старший сын Арнувада II погибли от чумы, а престол перешел к юному Мурсили II (1345—1315 гг. до н.э.).

Мурсили II (1345—1315) совершил двухлетний поход в царство Арцавы, которое пало, а ставленником был поставлен человек, связанный браком с хеттской принцессой. Муваттали (1315—1296), сын Мурсили II, сразился с войсками египетского фараона Рамсеса II в битве при Кадеше. Исход сражения был равным для обеих сторон.

«Подлый царь хатти, смотревший на все это в окружении своих воинов и колесниц с тремя воинами на каждой, теперь в страхе поворачивается к фараону спиной. Все его воины и колесницы, все его союзники, царь Луки, царь Ирчу, царь Месы, царь Ируна, царь дарданов, царь Каркемиша, царь Каркиша и царь Алеппо и даже его собственные братья бегут, потрясенные подвигами фараона, и кричат: «Спасайтесь, кто может!» Его величество мчался за ними, как грифон. Он обрушивался на них пять раз, как Баал в час своего могущества. Он сжег всю равнину Кадеша, чтобы больше никто не узнал это место, истоптанное его врагами». (Цитируется по египетской поэме о Кадешской битве в переводе М.А. Коростовцева).

Захват хеттами лагеря Рамсеса II

Интерес вызывает участие в битве при Кадеше в 1296 г. до н.э. огромного числа митаннийцев из Арвада, Каркемиша, Халеба, а также дарданов-зэрзи, шердана (Шернида в горах Загроса), лукка-лэк, сигинны-шекелеш. Курды, судя по этим именам, непосредственно участвовали в сражении при Кадеше.

Сын Муваттали, носивший чисто хурритское имя Урхи-Тешуб (Мурсили III) (1296—1289), был свергнут с престола своим дядей, опытным полководцем Хаттусили III (1289—1265), дочь которого выдали замуж за фараона Египта.

Тудхалия IV (1265—1235), сын Хаттусили III, интересен тем, что в годы его правления начинают упоминаться протокурдские, ведийско-арийские имена богов, риши: Атри, Приямедха, часто сопоставляемые учеными вслед за Э. Форрером с гомеровскими ахейцами. Впервые эти ведические курдские имена встречаются еще в текстах хеттского царя Суппилулиумаса I, который выслал в их страну свою супругу в изгнание. Позднее эти имена упоминают в текстах хеттских царей Тудхалияса II и Арнуандаса.

«Анналы хеттских царей», известные по одной клинописной табличке с текстом о Маддувате, повествуют о том, что во времена от Арнуадаса I (1440—1420 гг. до н.э.) до Суппилулиумаса I (1380—1340 гг. до н.э.) некий царь или вождь племени куру (курдов) — *kuriewanes* — по имени Маддуватта (с) — *madduwassa* был изгнан из своей страны, то есть Куру, на что указывает суффикс *wana*, неким царём по имени Аттариссий. Хеттский царь говорит: «(1) [Тебя], Маддуваттаса из страны твоей изгнал Аттариссий, человек из страны Аххия. (2) ... он постоянно преследовал тебя, он стремился к твоей гибели, (3) и тебя бы он убил. Но бежал ты, Маддуваттас, к отцу Солнца Моего. И отец Солнца моего (4) отклонил тебя от гибели и Аттариссия назад отстранил» (здесь и далее все хеттские тексты цитируются по книге Л.А. Гиндина и В.Л. Цымбурского: Гомер и история Восточного Средиземноморья. М., 1996, С. 65).

Далее, получив защиту и поддержку, царь Маддуваттас снова вступает в бой с Аттарисием в союзе с хеттским полководцем Киснапили (Vs.60—63). В тексте далее говорится: «(63) Киснапили вышел против Аттариссия для битвы; и 100 колесниц Аттариссия [...] и сразились; (64) и у Аттариссия убили одного *Lusig*; и у нас убили одного *Lusig* — Циданцу; и Аттариссий (65) от Маддуваттаса [отступился], и вернулся он в свою страну» (С. 67).

После битвы колесниц и отступления Атрея-Атри в свою страну (на колесницах) Маддувата выдает свою дочь в жены Купанта-Инарасу, правителю Арцавы, враждебной хеттам области. Далее Маддуваттас захватывает страну Atīma — Атримы, от которой позднее родилось название ликейско-лувийского племени Термилы (Timmile), что в переводе с курдского «племя» — мьлк — виноградарей» — тьри. Впоследствии произошло то, что так опасался хеттский царь, — объединение Маддуватаса со своим противником Атреем-Атри. Хеттский царь писал: «(39) ... и к Аттариссию {посольства} ты не посылай. А если Аттариссий посольство тебе пошлет, (40) ты, мол, посла возьми и к отцу Солнца Моего пошли, и слово, которое тот [Аттариссий] тебе написал, ты не утай ...» (С. 66).

Но, несмотря на увещевания, Маддуватас объединился с Атри-Аттариссом, и вдвоем они со своими войсками напали на подчиненную хеттам Аласию (Кипр). В 1961 г. был найден хеттский клинописный текст с сообщением о победе в схватке на море над судами Аласии.

Хеттский царь говорит в тексте Маддуватасу о его зависимом положении, упоминая, что он уже не Куру: «(89) Аттариссий и человек из Пигая по отношению к Солнцу Моему — правители независимые [kugiewaneš], тогда как ты, Маддуваттас, вассал Солнца Моего, (90) почему же ты к ним примкнул». (С. 69).

Само имя Маддуватаса исконно протокурдское: оно состоит из индоевропейского (ведийского) «medhu» — мед и хетто-лувийского имени существительного attaš — отец, из ведийского tata — отец, и означает по общепринятой этимологии «Отец меда» или «Имеющий отцом божество меда». При этом имя Маддуватаса соответствует и названию курдского города Амеда, и самому этнониму мидийцев — medes. С курдского языка имя Маддуватас переводится более конкретно, а, следовательно, и более точно: мад — medh — мед, дув < дэв — край, область, те он (3 л. ед. ч. наст. врем. глагола хатьн); то есть Маддуваттас — тот, кто из края меда (Амеды), наподобие как «русский из России» — англичанин из Англии». Амеда, судя по названию, был одним из культовых центров скрывающегося бога Телепину, от курдского тел — скрываться, затаиваться, в ущелье — бьна. Действительно, часть календарного года пчелы проводят в ульях, дикие пчелы в дуплах деревьев или расселинах скал, в ущельях.

Имя Аттарисия ученые давно сопоставляют с Атреем из гомеровской «Илиады». При этом существовал и реальный исторический Атрей, живший в эпоху Троянской войны. Сопоставление имени Ат-

тарисия-Атрея следует начинать с его мифического отца Пелопа, у которого, по преданиям эллинов, плечо было из слоновой кости. В курдском языке есть слова пил — лопатка, плечевая кость; опа, апо — дядя, старший по званию (диалект курманджи). Интересен сюжет приобретения Пелопом своего плеча из слоновой кости в результате принесения себя в жертву богам, как в ритуале Пурушамедха у ведических индоариев Куру, предков курдов Месопотамии. Отец Пелопа, царь Фригии в Малой Азии, принес в жертву олимпийским богам своего сына. Всевидящие боги не приняли жертву, и Дьяус-Зевс приказал Гермесу оживить Пелопа, что тот и сделал, окунув его тело, разрубленное на части, в кипящую воду. Юноша воскрес целым и невредимым, но без одного плеча — пил (курд.), которое во время жертвоприношения-трапезы надкусила богиня земли Деметра, от дым — сырая земля» (курд. яз.), загрустившая в думах об исчезновении своей дочери Персефоны.

Боги сотворили Пелопу плечо из слоновой кости, а отца, принесшего сына в жертву и укравшего собаку Дьяуса-Зевса (священное животное у иранцев-зороастрийцев), наказали, предав страшным пыткам, заставив испытывать постоянную боль от жажды. Имя отца Пелопа — Тантал — с курдского языка так и переводится: т?н — острая боль, и тал — горький. Тантал — это не греческое, а курдское имя, и само царство Фригия, по мифам эллинов, было родиной куретов даже в исторических преданиях. Хетты без всякой мифологии именем кипі(е) чапес задолго до греков называли независимых правителей западно-анатолийских княжеств.

Имя Пелоп совпадает и с курдским обычаем гадать на лопатке козы, и эти люди называются курдами пилдары. Здесь ясно и четко намечается связь как с курдами, так и со всей индоарийской культурой ведических Куру.

Атрей был сыном Пелопа (Гомер. Илиада II, 105—108) и братом Фиеста. Позднее стал царем Микен. Это предание намечает пути миграции индоевропейских племен с территории Малой Азии — Фригии, страны куретов, воспитателей ведийско-арийского бога Дьяуса-Зевса на материковую Грецию, а не наоборот. Переселение это, учитывая встречаемое анатолийское имя Аттарисия в хеттских документах состоялось в эпоху, непосредственно предшествующую времени вторжения ахейских племен в Малую Азию.

Подтверждением этому выводу служит сама этимология анатолийско-лувийского имени Атрей-Аттарисий, которое восходит к

курдскому: *netirsi* — нэтьрси «не бойся, не бояться»; «быть бесстрашным, смелым». В целом подобной этимологии, но только без учета курдско-индоарийского фактора в этом регионе, придерживаются и другие ученые. Э. Форрер, составивший очерки хеттской грамматики еще в 1924 году, первым указал на соответствие имени Атрей (царь Микен) царю Аттарисию хеттских текстов второй половины II тыс. до н.э.

Ведийский Атри-Атрей, царь Микен

Этимологию имени Атрей как «бесстрашный» предложил П. Кречмер (1927. С. 167), эту мысль принял и поддержал Форрер (1929. С. 263); а уже не на греческую, а на анатолийскую природу имени микенского героя указал О. Семереньи. Как пишут Л.А. Гиндин и В.Л. Цымбурский — представляет особый интерес та модификация идеи Кречмера и Форрера, которую предложил О. Семереньи. Принимая вслед за этими авторами этимологию *'Атрεύς* из **n-tres-u-s* «тот, кто не знает страха», ср. греч. *τρέω* «быть в страхе», лат. *terere* «пугать» из индоевропейского **ters / *tres* — «пугать, страшить(ся)», он подкрепил ее ссылками на «Большую Этимологику», прямо трактующую это имя как *'Αφοβος*, т.е. «бесстрашный». Точно так же, по Семереньи, хеттское *Attarišiaš* является вовсе не точной звуковой передачей греческой формы, но анатолийским именем, происходящим из **n-tres- iō* или **n-trs- iō* — «бесстрашный», идентичным по смыслу, а в общем и по структуре имени Атрея. Аналогично и лидийское *Atrasas* мы можем объяснить из **n-treso* — или **n-trso* — с тем же значением. (Указ. соч. С. 70).

Но хеттский текст наряду с именем *Attarišiaš* — Аттарисия упоминает, между прочим, и его статус *kuriewanes* — из страны куру», как в хеттских документах именовались правители независимых от хеттов малоазийских (индоевропейских) царств.

Ошибкой этих ученых-лингвистов явилось забвение в их исследованиях курдов, являющихся автохтонным этносом Малой Азии наряду с хаттами, хеттами. Курды — потомки ведических индоариев Куру (множ.ч. — Кур[д]), и чтобы доказать курдское происхождение имени *Atri* — Атрея, мы обратимся к Ригведе. Индоарийский диалект языка Ригведы ближе к языку Авесты, нежели к более позднему эпическому санскриту, и имя богоподобного мудреца — Риши Атри — упоминается в гимнах ведийских богов более 40 раз, то есть не реже,

чем в хетто-лувийских текстах хеттских царей Малой Азии. Ведологи выводят имя Атри из народной этимологии: А -tri «поедающий», что соотносится с курдским значением этого слова: «а» — «не» — «тер» — «сытый», то есть голодный (а потому ужасный, смелый, бесстрашный). Народная этимология не всегда точная и верная, а нередко и просто ошибочна. [И если целью научной работы (по глубокому заблуждению многих обывателей) является истолкование только данных народной этимологии, тогда любой крестьянин становится профессором, а профессор языкознания будет секретарем крестьянина, поясняющим профессору, как надо правильно истолковать имя того или иного мифического героя. Ведь, действительно, будет справедливым слушать крестьян, а профессоров попросить не вмешиваться в «научный процесс аутентичного восприятия незыблемых истин, исходящих из глубин народной мудрости».]

Атрей даже в мифе у эллинов связан с культом барана — Пушана ведических индоариев Куру, ставшего причиной его раздора с братом Фиестом. В стаде (морехода?) Атрея, по мифу, появился золотой барашек. Атрей, зная об этом, предложил в народном собрании (агора) отдать царский престол тому, кто предьявит золотого барашка в знак особой благосклонности богов. Фиест при содействии Аэропы (жены Атрея) успел к этому времени похитить золотого барашка. Атрей, узнав об этом, воззвал к Дьяусу-Зевсу, который, подавая свыше знак своего благоволения, остановил ход Солнца и звезд на небе, [по некоторым преданиям, изменил ход солнца с запада на восток, как якобы было ранее, на современный, привычный теперь, — с востока на запад]. Став царем Микен, Атрей, желая отомстить, приглашает Фиеста на пир, где под видом угощения подал мясо его зарезанных детей.

Отметим ряд существенных моментов: в мифе эллинов, наряду с Атреем, перечислены золотой барашек, спор за главенство, жертвоприношение-трапеза, солнце и звезды, заклание детей.

Во-первых, заклание детей встречается и в иранско-персидской легенде о чудесном спасении Кира от рук курдско-мидийского царя Астиага, приказавшего своим слугам накормить Гарпага мясом его зарезанного сына.

Во-вторых, обряд заклания человека — Пурушамедха — практиковался у ведических индоариев Куру, а затем у хеттов и ираноязычных сако-массагетов. Само заклание человека символизировало жертвоприношение Пуруши, когда в обряде (весеннем) разыгрывался весь космогонический миф о сотворении Вселенной.

В-третьих, Пуруше ведических индоариев Куру, принесшего себя в жертву богам, у эллинов в мифе соответствует отец Атрея — Пелоп, разрубленный на части своим отцом Танталом для жертвенной трапезы богов во главе с Дьяусом-Зевсом.

В-четвертых, золотой барашек Атрея — это сам ведийский Дакши, божество с козлиной (бараньей) головой, устроивший первое жертвоприношение на горе Химават (у касситов Загроса — Simalija) для всех богов.

Разгневанный Шива (Рудра), не приглашенный на трапезу, поразил жертву стрелой, превратив ее в созвездие Мригашира — голова антилопы», а затем, напав на богов, сокрушив при этом голову Дакши. После схватки к туловищу Дакши боги приложили голову козла, после чего тело ожило. В этом ведийско-арийском мифе куру-курдов уже прослеживаются контуры будущей драмы Диониса, культуру и форму которой эллины унаследовали от куретов — *kurí(e) uanos* Фригии в Малой Азии.

И последнее, пятое, сходство сюжетных линий о Солнце, остановившем свой ход (исчезнувшем) на небе, зафиксировано в Ригведе и напрямую связано с риши Атри.

«Ригведа». V, 40.

«5) Когда, о, Сурья, тебя, Сварбхану,

Из Асуров повредил мраком

Словно сбитый с толку (человек), не узнающий места,

Озирались все существа.

6) В то время, о, Индра, когда ты с неба разгромил

Крутящиеся колдовские чары Сварбхану,

Атри нашел с помощью четвертого заклинания

Солнце, скрытое незаконным мраком.

Сурья [бог Солнца] примерно соответствует курдскому сора – красный».

7) «Меня такого (как я есть), принадлежащего тебе, о, Атри,

(-.-.-.-.-.-.-.-.-.-)

Ты друг, чье расположение истинно,

Вы двое (ты и) царь Варуна помогите мне здесь!»

- 8) Брахман Атри, запрягающий давящие камни,
Почитающий богов скромным поклонением (и) стремящийся
повидать (на них),
Установил на небе глаз Солнца.
(-----)
- 9) Тот самый Сурья, которого Сварбхану
Из Асуров повредил мраком.
Его нашли люди из семьи Атри».
(Перевод Т.Я. Елизаренковой)

Как особое благорасположение ведийских богов в гимнах воспе-
вается спасение Атри из Мрака:

- Мандала (VI, 50)
О Насатьи, ...
Подобно тому, как вы вызволили Атри из великого мрака
Спасите (нас) ...
Мандала (VII, 71) «К Ашвинам».
5. Атри вы вызволили из мрака.
Мандала (X, 143)
2. И этого Атри пустите бежать
Как коня, приносящего награду
Которому лишённые пыли боги протянули путь
Развяжите его как тугий узел!
Атри, самому юному, (дайте пересечь) простор!

Мотив ристалища на колесницах в преданиях эллинов включен в цикл об отце Атрея, когда Пелоп на колеснице, подаренной Посейдоном (братом Зевса-Дьяуса), участвует в ристалище с Эномаем.

В Ригведе (V, 40) в стихе 7, говорится о Варуне — владыке водной стихии у ариев, помогающем Атри найти и установить Солнце на небосводе. Варуна индоариев Куру соответствует Аруне — богу мирового океана у хеттов Малой Азии и Посейдону (пате «владыка», дайон «вода, влага») у эллинов.

Солнце занимает центральное место в космогонии индоевропейских народов, и поэтому мифы об Атрее-Атри следует признать происходящими из одного источника — гимнов Ригведы. При этом деятельность упоминаемого в хеттских документах середины II тыс. до

н.э. Аттариссия (Атрасия) уже относится к более позднему период истории расселения отдельных племен индоевропейцев из Мало-Азии на материковую Грецию и Балканы, Южный Урал, Северную Индию.

Исходя из общего культа огня у предков современных индоевропейцев, вообще целесообразно сопоставлять и проводить имя ведического-микенского Атри-Атрея с древнеиранским названием огня Атар, являющегося эпитетом огня — *atharyu* в «Ригведе». Огонь-Атар в этом аспекте и выступает поедателем жертвы — дров для священного костра; мяса и крови закланной жертвы, бросаемых и возливаемых в священный огонь жрецами-атурванами у ведических индоариев Куру. Тогда имена Атри — Атрей в текстах хеттских царей и преданиях греков становятся не именами собственными, а именами нарицательными, названиями профессии, связанной с огнем, служителя культа огня — *athurvan* — *athavan* — жрец в «Авесте», где суффикс «ван» является безусловно курдским. Многие эпитеты — «глаза горят» — глаза сверкают огнем» — всего брошено в жар» — он как пламя», свидетельствуют об уподоблении бесстрашия человека как качества — огню, священному для всех индоевропейских народов в древности. Даже этимология слова «огонь» в индоевропейских языках свидетельствует об этом: *ignis* (лат.) — огонь (русс.) — агни (ведич.), агър (курд.).

Ведийский риши Приямедха-Пиямараду Лувии

Ученые, изучающие историю хеттского государства, много лет исследуют один очень интересный документ, обычно называемый «письмо Тавакалы». Из древнего хеттского текста (XIV—XIII вв. до н.э.), написанного, возможно, на нескольких глиняных табличках, сохранилась только одна. Этот документ представляет собой письмо хеттского царя (возможно, Мурсила II) к царю государства Аххиявы, в котором говорится, что некий хеттский подданный по имени Пиямараду (Пиямарадус) восстал и вызвал негодование граждан страны Лукка. Пиямараду под покровительством Аххиявы начал враждебные действия против хеттского государства: стал нападать на его землю и каким-то образом переманивать (и присоединять) жителей этих территорий к себе.

Страна Лукка была не подвластна хеттам, и заняв эту область, хеттский царь пишет царю Аххиявы, что (почему-то) «ничего не имел

против Пиямараду, позвал его к себе, но Пиямараду постоянно нападает на соседние страны». (§ 4 (1, 35—52). Далее (§ 5, 1, 53—74; II, 1—8) хеттский царь говорит о том, что несмотря на повеление царя Аххиявы своему повелителю в Милаванде Атпе выдать Пиямараду царю хеттов, Пиямараду бежал на корабле. Остальная часть письма посвящена доводам и условиям выдачи Пиямараду. В частности, говорится о готовности царя хеттов вступить в переговоры с самим Пиямараду, послать ему хлеб и вино, символизирующие у хеттов высшие почести человеку и гарантию полной безопасности. Если же Пиямараду будет после этого все еще недоволен, то царь хеттов сам доставит его назад (в страну Аххиява). Царь хеттов просит также царя Аххиявы, в случае отказа Пиямараду от его предложений, как-то решить судьбу 7000 пленных, угнанных Пиямараду с собой из страны Хатти. Больше всего царь хеттов, как это видно из его письма к царю Аххиявы, боится того, что Пиямараду переберется (со всеми этими 7000 пленных семей) в область Месу-Маса и начнет вновь нападать на страну хеттов. (См. Л.А. Гиндин, В.Л. Цымбурский. Указ. соч. С. 79—84).

Выделим в этом древнехеттском документе ряд существенных моментов, необходимых для цельного понимания событий, составляющих суть этого текста, которые мы сопоставим с гимнами «Риг-веды».

Пиямараду, бывший высоким царским придворным, возможно, служителем культа (о чем не подозревали исследователи) в царстве хеттов, вдруг захватил область Лука (Лэк) вместе с 7000 своих сторонников, каждый из которых имел семью (из нескольких человек) и стал нападать на хеттов. Нет никаких сомнений, что мы имеем дело с неким конфликтом на религиозной почве. Это мнение является абсолютно верным, если сопоставить или свести воедино и предшествующую деятельность хеттских царей и цариц (Тудхалия III и жрица Пудо-Хеба), направленную на реформацию хеттского религиозного культа. Сам Тудхалия III в молодости был жрецом богини Иштар в Сумухи, а царица Пудо-Хеба — жрицей богини Хебат. Именно в этот период в самом центре Хеттской державы, неподалеку от Хассуны, возникло скальное святилище с рельефным изображением богов хурритско-митаннийского пантеона. Важно отметить, что сами надписи в святилище начертаны лувийской иероглификой, которая, очевидно, была более понятна верующим, нежели хеттская клинопись. Из этого факта следует вывод о том, что хетты либо говорили хорошо на лувийском языке, распространенном в Лувии (центре культа Аполлона-волка),

либо власть в хеттской державе захватили те хурриты-митанны, которые для этого предприятия получили военную помощь от Лувии. Отсюда становятся понятными причины, по которым хеттский царь в письме к царю Аххиявы особым пунктом оговаривает условия добровольно-принудительного возвращения 7000 людей, ушедших с Пиямарату. Версия предыдущих исследователей о пленении 7000 людей выглядит совсем несостоятельной и даже мифической, если сопоставить тогда этот факт с предполагаемым числом войск, необходимых в этом случае Пиямарате для захвата, затем конвоирования и, главное — расселения и ежедневном содержании этих 7 тысяч пленных с семьями в Лукке и тем более говоривших, как выясняется, совсем не на хеттском, а на лувийском языке. Такое число пленных захватывало позднее только сверхмощное военное государство Ассирия, а не какой-то маленький пират-лувиец Пиямарату. Далее, после битвы на колесницах, в которой победил хеттский царь, Пиямарату бежал на корабле по морю при помощи некоего Атпа.

Но если бы Пиямарату не бежал, а пришел к хеттскому царю, то он бы стал *kurī(e) uanes*, то есть (Куру) независимым правителем одной из областей, в отличии от *kuluwanēs* — зависимого человека — термин, возникший из курдского *кули* — раб, слуга.

Хурриты-митаны поклонялись ведийско-арийским богам.

В Ригведе Приямедха является риши (мудрецом), принадлежащим к священному роду, владеет конями и колесницами, сам сочинил некоторые гимны.

Ригведа, Мандала I (139)

9. Дадхьянч, древний Ангирас, Приямедха,

Канва, Атри, Ману знают мой род

Эти древние (и) Ману знают мой (род)

У них связь с богами

У нас с ними родство.

Здесь Приямедха причислен наряду с Атри к древним мудрецам — прародителям людей Ману. Исходя из факта упоминания в гимнах Ригведы имени Атри совместно с именами «народов моря» Турваши, Тугры «Турша — Тэчкара» в древнеегипетских надписях фараонов Мернептаха и Рамзеса III, совпадающими с тем периодом истории хеттской, а в целом и всей истории Малой Азии и Ближнего Востока, следует предполагать и упоминание имени Приямедхи- Пияма-

раду в числе участников некоего морского похода индоариев Куру, о чем и говорится в ведических гимнах. Это предположение и логически, и исторически согласуется с фактом крушения позднее всей Хеттской державы вследствие движения племен «народов моря» — турваша, тугри, шекеда, лука, вышедших или затем осевших на территории Курдистана в Загросе; их названия легко восстанавливаются на материале этнонимов современных курдских племен (ляк, шекал и т.д.). В гимнах Ригведы несколько раз эпизод спасения морем Пиямардуса в стране Лукка излагается как спасение из вод некоего Тугри, упоминаемого вместе с Атри (Атрей), перечисленного в числе 5 высших Риши, наряду с Приямедхой.

Ригведа, Мандала I, 117.

3. Известного пяти родам риши Атри, (...)

Вы спасли из узости, из раскаленной печи, вместе со свитою

15. Воззвал к вам сын Тугры, о Ашвины,
Завезенный в море, движущийся без колебаний
Вы благополучно вывезли его на колеснице.

Мандала VIII (5) «К Ашвинам»

22. Когда сын Тугры почтил вас,
Брошенный в море, о два мужа,
Чтобы ваша колесница прилетела на птицах?

24. Приезжайте с этими услугами

25. Именно так, как вы помогали Канве,

Приямедхе, Упастуте.

Ашвины, «братья-близнецы», покровители коневодства в Ригведе, равнозначны Диоскурам — детям Дьяуса-Зевса» (курд.) в ахейской мифологии эллинов. Диоскуры — скорее курдские божества (куре — сын дийа (дьяуса), нежели древнегреческие, учитывая родство курдов, аланов и эллинов.

Центром коневодства в Малой Азии была Мидия (Курдистан) и Лукка (Ляк — курд.), где и укрылся Пиямардус с 7-ю тысячами своих людей, до схватки на колесницах с хеттским царем. В Ригведе Приямедха относится к семье риши с одноименным названием. Может быть, с этим и связано столь почтительное отношение хеттского царя к Пиямарду. К индоиранскому имени богов коневодства Ашвины

и восходит в конечном счете и имя страны — Ассува, то есть Лукк Ляк (курд.), куда скрылся Пиямардус. Ассува изначально славилась коневодством — asa — конь (др. иранск.) < hespe (курд. и ведич.). Именно к индоарийскому, курдскому названию коня aspe > aṣva : восходит наименование лошади в семитских языках, сравните: su (др. евр.), susya (арамей.); ṣ ṣm (др. егип.). Древнеегипетские фараоны получали в дар коней от курдского княжества Митанни, арийских правителей касситов (Кардуниаш), царей курдского княжества Арцава. Тутмос III, правивший в XV в. до н.э., в своих текстах говорит о стране Асуве [Asija], откуда ему в дар посылали лошадей. Позднее царь касситов Бурна-Буриаш послал лошадей белой масти фараону Эхнатону.

Но самое интересное в названии конского божества в Лувии, носившем исконно курдское имя Как-aspe — дядя — хранитель коней» (как asbe), еще в XIV в. до н.э. Термин как — дядя, почтительный титул для уважаемого человека в Курдистане до наших дней. Это анатолийское божество лошадей прекрасно известно в Ригведе и неоднократно упоминается в гимнах к Ашвинам под именем божественного риши Какшивана с курдским суффиксом «ван».

Манда́ла. I, 117. «к Ашвинам».

6. Это ваше деяние, о два мужа, должно быть прославлено
Паджрия Какшивантом, о Насатьи.
Во время кругового странствия.
Из копыта коня, приносящего награды, для народа
Вы налили сто кувшинов сладких напитков.

В этом гимне Какшиван выступает посредником между мирами богов и людей. Эти черты человека — риши, способного на равных общаться с ведийскими божествами, воспеваются и в одном из самых первых гимнов Ригvedы.

Манда́ла I, 18 «К Брахманаспати».

1. Выжимателя сомы, громкозвучного,
О Брахмаспати, сделай
Какшивантом, что сын Ушидж.

Здесь ведический арий Куру или Кекай (Кокэи), Синду (Сенджаби) просит Брахмаспати, «владыку речи», сделать его подобным Как-

шиванту в искусстве молитвы и воспевании божеств. Призыв о жертвоприношении раздается в другом гимне.

Мандала VIII, 2 «К Агни».

37. Приносите ему жертвы, о Приямедхи,
Индре — с духом, устремленным к одной цели,
Тому, кто будет истинно опьянен.

Переходя к рассмотрению весьма сомнительного соотнесения анатолийско-лувийского Пиямарадуса с Парисом из Трои, следует указать на справедливую научную критику этой гипотезы Э. Форрера, предпринятую другими хеттологами, в частности И. Фридрихом, автором «Элементарного курса хеттского языка».

Не вдаваясь в глубь этой серьезной проблемы, отметим, что этот вопрос невозможно рассматривать вне древней истории курдского народа, самого многочисленного в этом регионе, и на чьей земле в стране Лука разворачивались события этого текста.

В хеттском тексте имена Пиямараду и Атрея никогда не упоминаются и не стоят вместе. Вообще об Атрее ничего не говорится. Атарасия из другого хеттского текста, написанного ранее или позже описываемых событий, изначально берут и привлекают как некое доказательство — логический аргумент в наличии соответствия Пиямараду с Парисом из «Илиады» Гомера. Даже если допустить вероятное соответствие Пиямараду с Парисом, ставшим, по Илиаде, врагом ахейцев, то тогда невозможно объяснить доброжелательный тон письма хеттского царя, поскольку хетты сами впоследствии пострадали от нашествия «народов моря». Остается единственный вывод — «народы моря» не пришли из-за моря, а вышли из-за гор Загроса (шекелеш — сигины, турваши — тукри, шердана — шурда), и, собравшись на территории царства Лукка — Лувия, двинулись по побережью Средиземного моря через Палестину (пел — волна, курд.) в военном походе на Египет. Возможно, этого предстоящего похода и испугался хеттский царь, не хотевший быть вовлеченным в военный конфликт с Египтом.

В отличие от хеттского «письма Тавакаль» в гимнах Ригvedы Пиямараду-Приямедхи и Атри-Атрей упоминаются вместе.

Мандала I, 45 («К Агни»).

1. Почти ты здесь жертвой Агни,

Васу, Рудру, Адитьев

Уважь род, происходящий от Ману [здесь «страна Манна»
Загросе]

2.а [...]

б

с Привези их числом тридцать три,

д О, ты обладатель рыжих коней, о жаждущий хвалы!

3. Как это было у Приямедхи, у Атри,

4. Великие в соблюдении (обрядов) члены родов Приямедхи.

В гимне Ригведы Приямедхи и Атри упоминаются вместе перед началом некоей военной компании. Из этого факта при сопоставлении можно понять смысл просьбы хеттского царя к царю Аххиявы — решить судьбу 7 тысяч пленных, взятых этим Пиямарадом.

О силе Пиямараду, для сравнения укажем на ассирийского царя Тукульти-Нинурту I (1274—1208 гг. до н.э.), вторгшегося в страну Мари, Хана и Северную Сирию и угнавшего в плен 28 тысяч человек. Но о Тукульте-Нинурте I осталось много свидетельств, тогда как о Пиямараду-Приямедхи, взявшем в плен (?) 7 тысяч человек, известно только в «Ригведе» и хеттском «письме Тавакалы». По всей видимости, этот Пиямарад со своим войском в 7 тысяч человек из курдского региона Амеда (на что указывает его имя: при — пьр — высший, курд.; медхи — места культа — Амеды) без согласия своего владыки, царя хеттов, присоединился к пяти другим курдским племенам — лэки, шекелеш — шекаки, шурда — шердана — делающие войну» (курд.), тукри — теккара — для нападения на Египет.

Возвращаясь к сопоставлению Пиямараду с троянским Парисом, следует указать, что этот вопрос вообще нельзя рассматривать без привлечения курдского этноса, поскольку сама история Париса восходит к некоему древнему курдскому первоисточнику. Парис, сын Приама (Приямедхи) и Гекубы, по мифу, был брошен при рождении на горе Иде, где младенца вскормила медведица, а затем нашел и воспитал пастух. Вполне очевидно соответствие этой легенде мидийско-курдской о воспитании Кира Великого собакой < Спако (имя жены пастуха). Волк-Аполлон наделил своего сына Бранха даром пророчества и именно жрецы — Бранхиды — поддержали персов, а не греков во времена Кира. Позднее Бранхиды переселились в Ариану (Сев. Афганистан), где через 250 лет их пленил и замучил до смерти Александр Македонский.

Гора Ида, на которой был брошен Парис, известна тем, что там был первоначально вскормлен под охраной куретов-курдов ведийско-арийский бог Дьяус-Зевс. В этом смысле гора Ида была плодородной, доброжелательной и питающей, то есть ассоциировалась с утолением жажды, голода, недомогания.

Ида — питающая», встречается и в Ригведе и почитается как дочь Ману и мать Агни. Таким образом, если в мифологии эллинов Ида как мать вскормила Дьяуса-Зевса — Господа Светлого Неба», то в гимнах индоариев Куру (манда) Ида воспевается как мать Агни — господина пламени». Соответствие более чем очевидное.

Мандала X («К Агни»)

6. И вот одетый в разукрашенные одежды,
Агни пребывает на пупе земли.
Рожденный алым, на месте Иды —

Мандала I («К Агни»)

Агни — по своему завету
[...]
Хотар, не допускающий ошибок,
Окруженный на месте Иды.

Отцом Агни является Ману — прародитель человечества», и, следовательно, курды курманджи есть прямые потомки («кур») Ману.

Мандала, III, 3

(«К Агни Вайшванаре»)

6. Агни, который с помощью богов и живых существ — потомков Ману [курманджи], приводящих жертву к цели,

Именно эти племена Загроса, курды курманджи или «воинство манда», известные в шумерских и позднее в аккадских клинописных источниках еще с XXIII в. до н.э., служили в середине II тыс. до н.э. как воины в армии хеттского царя, и составляли собой, по всей видимости, особую касту, сословие, не платившее никаких повинностей, кроме исполнения воинских обязанностей. Это положение курдов-курманджи зафиксировано и в «своде хеттских законов» состоявшего более чем из 200 статей, записанных хетто-лувийской клинописью на глиняных табличках, обнаруженных археологами при раскопках Хаттусы.

В статье 54 «закона хеттов» написано: «Прежде войны манда, воины сала, воины городов Тамалки, Хатра, Цальпа, Тасхиния, Хемува, лучники, плотники, конюшие и их люди карухала не исполняли повинностей».

Ст. 55. «Когда сыновья страны Хатти — люди, несущие повинность, пришли и стали просить отца царя, они говорили (ему): «Никто не платит за нас платы, и нас отвергают, (говоря): Вы (всего лишь) люди, несущие повинность». (Тогда) отец царя на совет (пришел) и объявил о следующем решении, скрепленном печатью: «Идите, вы должны быть такими же, как ваши товарищи». (Вл. Ардзинба. Послесловие к книге: Генри О.Р.. Хетты. С. 214).

Из буквы самого закона следует, что хетты — сыновья страны Хатти», пришли, а воины Манда (Умман Манда), т.е. курманджи-курды уже были в Анатолии в середине II тыс. до н.э., то есть курды являются древнейшим автохтонным индоевропейским населением Малой Азии и Месопотамии, наряду с абхазами-шапсугами (хатты) и вайнахами (хурриты). Курды матиены и хурриты составляли в середине II тыс. до н.э. единое государство, расположенное в верховьях Тигра и Евфрата. Выделение войска манда (курманджи) в отдельное сословие в хеттских законах совпадает с отделением кутиев от «могучих мидян» — *madaï dannuti* — в документах ассирийских царей, в частности, у Салманасара III.

Это указывает на чрезвычайно развитое и устоявшееся веками чувство национального самосознания курдов-курманджи. Слово *huti* (*khuti*) означает «великан» в курдском языке.

После распада империи хеттов, где курды-курманджи Умман Манда составляли воинское сословие, вся история хеттов-индоевропейцев прослеживается по основанным этим народом городам-государствам. В горах Тавра были Тувана (античная Тиана), Тунна (античная Тинна), Хуписна (античная Кибистра), Шинукту и Иштунда. К северо-востоку от Тавра располагалась конфедерация Тубал-Табал.

Собственно курдский город Мелид (совр. Малатья) являлся столицей хеттского города-государства Камману. Другой курдский город, Маркас (соврем. Мараш), был столицей государства Гургум. Вдоль Евфрата и южнее Малатyi находилась область Куммух, а еще южнее город-государство Каркемиш. Между Каркемишем и Гургумом располагалось княжество Арпад, к западу от него царство Самал, столица которого Яуди была в месте, известном теперь как Зинджирли. Район Алеппо носил название Лухуги. Восточнее Евфрата нахо-

дилось царство Тель-Барсипе. С севера от Лухути-Алеппо стоял воинственный Арпад. Все эти хеттские царства начала I тыс. до н.э. находились на территории современного Курдистана — Страны курдов, и представляли собой независимые княжества под управлением киг(е) аанос в империи хеттов.

Плодородные земли на равнинах Киликии-Киццуватны занимало царство Атания-Адана. Племя это упоминается в египетском тексте XII в. до н.э. среди вторгшихся «народов моря» под именем Дппум. Считается, что именно аданы (по-хеттски люди-аданы — *adanawanaī*) увлекли лувийцев из Киццуватны в Сирию в поход против Египта. Позднее царство Адана (Атана) носила имя Куэ — Кауэ (Аххайя?) у ассирийцев.

Первым ассирийским царем, совершившим поход на курдскую Мелиду, был Тиглатпаласар I (1115—1077 гг. до н.э.) на 4-м году своего царствования. Надо особо отметить, что самого завоевания как такового не было, а поход явился следствием войны ассирийцев с амореями.

В 853 г. до н.э. у Каркара на реке Оронт произошла битва царей хеттских княжеств Хамата, Дамаска и 12 вассальных царей-союзников с ассирийским царем Салманасаром III. Результаты битвы оказались равными, и ассирийцы около 100 лет не беспокоили страну Хатти. В этот период хеттские княжества Северной Сирии присоединяются к Урарту, управляемому царями Аргишти I и Сардури II.

Тиглатпаласар (745—727 г.) на третьем году своего царствования, в 742 г. до н.э., отправился в Сирию, где выиграл битву у войска коалиции хеттских княжеств во главе с Сардури II, который до этого разработал план отрезать доступ Ассирии к Средиземному морю. В 741—739 гг. Тиглатпаласар осаждает и захватывает г. Арпад. После захвата 29 хеттско-арамейских княжеств главой новой ассирийской провинции стал Салманасар, сын Тиглатпаласара. Часть жителей этих сирийских хеттских княжеств были выселены в северный район Курдистана, область Наири, соврем. г. Неири. В 724 г. ассирийцы во главе с Салманасаром V заняли хеттско-курдские княжества Самал и Куэ. При Саргоне II в 720 г. Хамат, в 717 — Каркемиш, в 713 — Табал. Хетто-курдские княжества в самом Курдистане — Гургум и Куммух с центром в Мелиде — были захвачены ассирийцами в 709 г. до н.э. Сама Ассирия пала под ударами курдов Умман-Манда уже через 100 лет, в 612 г. до н.э. Поскольку хеттские княжества севера вошли под протекторат курдского Ванского государства, захва-

ченное позднее ариями- киммерийцами, то, следовательно, истоки индоевропейских курдских княжеств-государств в Малой Азии древнейших времен до наших дней не прекращалась никогда.

КУЛЬТ КОПЬЯ У ХЕТТОВ И КУРДОВ

Обряд Килам

Оригиналы табличек, повествующих об обряде килам, были изданы Г. Гютербоком и Г. Оттеном в 1960 г. (КВоХ) [ср. Guterbock 1961. С. 89, СТН 627 и СТН 1.Suppl].

Килам осуществлялся царской четой в Хаттусе и представлял собой нечто вроде поездки царя и царицы по хеттской столице (Guterbock, 1970. С. 178—179).

По мнению ученых, этот ритуал отправляли весной. Ритуал начинался с омовения царя, после чего его наряжали в белую рубашку без воротника. Затем царь шел во дворцовую залу и восседал на троне. Кузнец подносил ритуально чистое железное копье: «Надсмотрщик над кузнецом держит ритуально чистое железное копье, и главный над сыновьями дворца держит секну, одеяние или часть наряда главного над кузнецами и ведет его в глубь (халентувы). [И] он идет. Главный над кузнецами [да] ет [ца] рю ритуально чистое копье. [...]»

Затем царь выходил во двор, и ему подавали повозку. Но прежде чем царь садился в нее — сын дворца — копьяносец» вручал царю ритуально чистое копье, а главный над сыновьями дворца подавал царю железный наконечник копья (букв. топор копья). Причем он подавал его той стороной, на которой имелось изображение бога Грозы. Затем царь усаживался в повозку. [...]

Царь и царица на повозке объезжали ворота с каждой стороны храма бога зерна. По завершении этих церемоний царь с царицей проезжали мимо храма божества Сурры и затем ехали в священную рощу к каменной стеле бога Грозы. (КИВ X, 1, I, 5—28; II, 3 и сл.)

По хеттской традиции, копье является атрибутом бога Грозы, имевшего облик крылатого змея. Здесь мы имеем интересную параллель. До настоящего времени единственным народом в этом регионе, поклоняющимся мифологическому белому змею Шах-меру, являются курды-езиды.

У древних хеттов золотое или железное копье постоянно фигурирует в ритуалах в связи с царем. Например, в обряде «большое собрание» копье возлагали на трон, на котором восседали царь с царицей. Он начинался следующим образом: «Царь и царица садятся (на ритуальный трон). Внутри входит сын дворца, и он держит копье, калмус и «ткань» (копья) и он отдает царю ткань, кладет на трон калмус. Сын дворца держит копье, и он уходит. И он встает перед «духом» (зерна) тарсан и восклицает «кас месса!» Два сына дворца приносят царю и царице воду в золотой чаше для ритуального (омовения)». [...]

Когда «большое собрание» подходило к концу, то сын дворца забирал с трона те же символы, которые он клал рядом с царем в начале «собрания»: «И затем сын дворца с трона забирает калмус и копье. И сын дворца дает калмус царю, и «большое собрание» заканчивается».

Наиболее часто в хеттских праздниках принимали участия сыновья дворца и мешеди. Мешеди часто соотносились в ритуале с копьями. Так, например, когда главный стольник нес стол для царя, трое мешеди следовали справа от стола и держали золотое копье, три простых копья и три жезла из дерева сурухха. Копья обычно подносили царю, который восседал на троне вместе с царицей, и складывали справа (а иногда слева) от него. С копьем совершал обряд главный мешеди. Характерная связь главного мешеди (как и других мешеди) с копьями отражалась и в том, что золотое копье, использовавшееся в ритуале, называется «копьем главного мешеди». В то же время «ткань» золотого копья, которой правитель и правительница вытирали руки в ритуале, подносил им главный над сыновьями дворца (С. 112—113).

По мифологии индогерманцев-индоевропейцев и хеттов, в частности, космос был поделен на «верхнюю» и «нижнюю» части:

Верх — пространство бога Грозы.

Низ — пространство людей.

Противопоставление верха и низа хорошо засвидетельствовано в инструкции (договоре) для мешеди (JBOT I, 36). Здесь среди множества контекстов, в которых говорится о «верхе» и «ниже», наиболее примечательными являются нижеследующие. Если мешеди, стоявший в дворцовом карауле, направлялся вниз через ворота, то он обязан был оставить у привратника свое оружие-копье. Если же мешеди вопреки этому правилу попытался бы унести с собой копье и был бы схвачен привратниками, то последний в наказание должен был

снять с него обувь. Это «разувание» считалось наказанием, так как обувь, как и все облачение в целом, являлось знаком социального статуса должностного лица. Если мешеди удавалось незаметно для привратника выскользнуть из дворца с копьем, то в этом случае проступок привратника рассматривался во дворце. Поэтому привратник «со страхом следил за копьями». (В. Ардзинба. Ритуалы и мифы Древней Анатолии. М., 1982. С. 29, 30, 59, 100, 101, 113, 119, 145).

С течением времени все сакральные ритуалы превратились в обыкновенные игры. Так, ритуальный обряд игры с мячом, посвященный богу солнца у ацтеков, стал баскетболом в современной Северной Америке. Предметы, которые обожествлялись, теперь превратились в орудия игры, например, копья и булавы стали клюшками в хоккее.

Точно так же символ хеттского, индогерманского бога Грозь змея — копьё продолжает сохраняться в играх с копьем у курдов-езидов (солнцепоклонников), до настоящего времени почитающих белого змея Шах-мера.

Т.Ф. Аристова приводит в описании Г.Ф. Грязнова несколько упражнений с копьями на лошадях у курдов Северного Курдистана «Особенно кочевые и полуоседлые курды любят езду и игры на лошади, и если у них нет безусловно всех полезных для всадника упражнений, зато есть и такие, которые не практикуются в регулярных конницах.

Из упражнений, проделываемых курдами, отметим следующие:

а) Всадники в одну шеренгу, разомкнутую на 6—8 шагов, проделывают движения вперед и назад шагом, рысью и галопом, держа свою пику горизонтально (по направлению движения) в правой, слегка согнутой руке. На ходу курд потрясает пику, более же искусные вращают ее в руке. На галопе всадник-курд, видимо, не задается вести своего коня непременно с той или иной ноги, но, во всяком случае, он ведет его довольно ровно и делает чрезвычайно резкую, почти моментальную остановку на каких-либо двух-трех шагах. На такой короткой остановке у большинства курдов и сказывается недостаток шлюса; многие всадники почти влетают на шею, хотя, впрочем, очень скоро снова усаживаются на седло.

б) Две шеренги всадников, одинаково разомкнутых, проделывают те же движения навстречу, проходя одна другую насквозь.

в) Выделяются отдельные всадники и проделывают единичную езду; между прочим, гоняясь друг за другом, причем вы видите тут и момен-

тальные остановки с таковым же поворотом на задних ногах; наконец, самые сокращенные вольты часто на контргалопе. Все это проделывается так же искусно, как, по-видимому, и бессознательно, и, следовательно, в силу беспрестанной практики. Встречаются и такие ездоки, которые всю эту езду, в том числе цифру 8, проделывают на контргалопе со снятым оголовьем и мундштуком, с поводом, накинутым на шею; при этом всадник-курд конем своим управляет исключительно голосом, движением корпуса и поглаживанием рукой по шее.

г) Стрельба с коня на ходу производится и не особенно умело.

д) Крайне поучительны упражнения с копьями, вернее сказать, с обломками палок около пальца толщиной и около 1—1½ аршина длиной. Две шеренги всадников, одинаково разомкнутых на 6—8 шагов, становятся на некотором расстоянии одна против другой. Всадники обоих шеренг по очереди выезжают вперед, приближаются к своему визави и бросают в него палкой, делая при этом как бы вызов. Тогда курд, в которого было направлено копьё, бросается с места на противника, стараясь настигнуть его копьем, а этот последний, сделав крутой, но умелый поворот, старается улизнуть и уклониться от и из-под удара. Таким образом завязывается игра, в которой принимают участие все остальные всадники, стараясь не упустить случая выручить своего. При этом случается видеть примеры поразительной ловкости управления конем и копьем. Часто ловкий всадник-курд лихо уклоняется из-под удара нескольких его преследующих, причем иногда ему удается на ходу поднять кем-нибудь оброненное копьё, затем уловить минутой и в свою очередь нанести удар... Нередко игра ведется бешено с редкою ловкостью и смелостью. Бывают случаи падения, а равно случаи довольно серьезных ударов палкою, но все это ничто по сравнению с захватывающим дух интересом этой игры...

Именно в этой игре хороший курд может выказать все свои лучшие качества как всадника: легкость, гибкость, смелость и ловкость на коне, презрение к случайностям и т.п.» (21, 186—187).

(Аристов Т.Ф. Курды Закавказья. М., 1966; Грязнов Г.Ф. Курды и курдская конница. — Военный сборник. ССХХVIII. СПб., 1896. № 3—4).

Курды и народы Малой Азии

Наиболее ранние сведения об этническом составе населения Центральной Анатолии содержатся в надписи царя Нарам-Суэна (2236—2200 гг. до н.э.), обнаруженной в Курдистане недалеко от истоков

реки Тигр возле древнего курдского города Амеди (Диярбакр), о ее походе во главе аккадских войск против племен Умман-Манда и коалиции 17 царей Малой Азии, в которой упоминается царь хатти.

Народ хатти, отмеченный впервые в истории вместе с предками курдов Умман-Манда, по своему языку, как это показали исследования советских лингвистов И.М. Дьяконова, В.В. Иванова, В.Г. Арзинбы, имеет несомненное родство с абхазо-адыгскими народами Кавказа (убыхи, абазины, абхазы, шапсуги, адыгейцы, кабардинцы носителями западно-кавказских языков. Хатти, таким образом, составляли в III тыс. до н.э. коренное автохтонное население Восточно-Центральной Анатолии.

Хетты, о которых часто упоминается в Ветхом Завете и в более древних клинописных табличках III тыс. до н.э. из Эблы, были индоевропейскими племенами, говорившими на лувийском, палайском и собственно хеттском языках. Во II тыс. до н.э. лувийцы занимали юг и юго-запад Анатолии, носители палайского языка — север и северо-запад (приблизительно территорию античной Пафлагонии), хетты, — главным образом, центральную часть Анатолии. Данные о том, когда хетты появились в Анатолии и откуда пришли, отсутствуют. Сторонники одной из теорий по этому вопросу (традиционалисты), исходя из первичного тезиса о расположении прародины индоевропейцев в Северном Причерноморье, считают, насколько это позволяют лингвистические данные, что носители хетто-лувийских языков (хетты) пришли в Малую Азию в середине — конце III тыс. до н.э. со своей северной прародины двумя путями: с Балкан, то есть с запада, перейдя через Геллеспонт, и с севера через Кавказ.

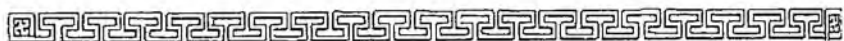
Этой точке зрения была противопоставлена новая гипотеза, выдвинутая советскими учеными Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Ивановым, согласно которой прародиной индоевропейского языка и, следовательно, индоевропейцев является вся область Передней Азии, включая всю территорию Северной Месопотамии (Курдистан): они атрибутировали ее сферой расположения халафской археологической культуры, распространившейся в V тыс. до н.э. от побережья Средиземного моря (Угарит III, в соврем. Сирии), до берегов озер Ван (Тильки-тепе и Урмия, от Юго-Восточной Анатолии до окрестностей современного курдского города Мосула. Как это ни покажется удивительным, но о контактах с Балканами предков курдов-мидийцев, имевших там соотечественников, племя сигиннов, пишет и Геродот: «О том, какие племена обитают дальше к северу от Фракии, никто достоверно сказать не мо-

жет. Области за Истром [Дунай], по-видимому, необитаемы и беспредельны. Впрочем, об одной только народности за Истром я могу получить сведения: эта народность — сигинны. Одеваются они в мидийскую одежду. Кони у сигиннов, как говорят, покрыты по всему телу косматой шерстью в 5 пальцев длины. [Кони эти] маленькие, низкорослые и слишком слабосильные, чтобы возить на себе человека. Запряженные же в повозку, они бегут очень резво. Поэтому люди в этой стране ездят на колесницах. Пределы земли сигинов простираются почти до [области] энетов на Адриатическом море. Они считают себя [потомками] мидийских переселенцев. А как они попали туда из Мидии, я не могу объяснить. Впрочем, пожалуй, все может случиться за столь огромный промежуток времени. Сигиннами, впрочем, лигии, живущие к северу от Массалии, зовут мелких торговцев, а жители Кипра — копыя. По рассказам фракийцев, в области за Истром и обитают пчелы и из-за них-де проход далее невозможен». (Геродот. История. V, 9—10).

В этом рассказе Геродота переплелись два весьма древних анатолийских предания. Пчела почиталась священной у хаттов и играет главную роль в их культовой мифе о «Боге Телепину, который исчез». Пчела своим жалом разбудила спящего бога растительности и плодородия, не дав тем самым погибнуть Земле.

Возможно, с этим древним хаттским мифом о пчеле как-то связано и имя курдского города Амед (Диярбакр), расположенного в самом центре некогда хаттского, а позднее и хеттского царств. В курдском языке слово пчела звучит «моз», и, учитывая чередование звуков $z > d$ в западных иранских и восточноиранских языках (Зранки > Дрангиана), вполне можно допустить возможность происхождения имени города Амед из мифа о пчеле. Интересную параллель с курдским обнаруживает чеченский, вайнахский язык, генетически родственные хурритскому, в котором пчела также называется — моз. Позднее в культе малоазийских фригийцев женщины-служительницы культа малоазийской Великой Матери богов — Кибелы именовали себя мелиссами — пчелами». Другой город Западного Курдистана — Малатья — упоминается впервые в ту же эпоху II тыс. до н.э. как Мелид, жители которого и после падения столицы хеттского государства г. Хаттусы (в XII в. до н.э.) бережно сохраняли традиции хеттского искусства. Следующим подтверждением о связи имени курдского города Амеды с культом богини-пчелы является хетто-лувийское слово *medhu* — мед, от него в свою очередь

родились такие известные по клинописи древние топонимы как midduwa, madduwa šša.

В курдском языке слово того же древне-лувийского корня *mej* означает «хмельной напиток», изготавливаемый в ведийские времена в ритуале *medha* с добавлением меда.

Азия — имя обширной географической области, которую в антиковедении возводят к хеттскому топониму *Asšuwa*, служившего названием союза мелких малоазийских княжеств (XIV в. до н.э.), по мнению ученых-филологов, имеет две этимологии: первая возводит к хеттскому *asšu* — хороший, вторая к лувийскому иероглифическому *аьшва* — лошадь и шире к индоевропейскому, в первую очередь к курдско-ведийскому *hespe* < *asp*, затем уже др.-индийск. *азва*, др. перс. *asa*, др. греч. *hippos*, латинск. *equus*.

Вторая этимология, как пишут Л.А. Гиндин и В.Л. Цымбурский: «...кажется более обоснованной, трактует его как адъектив от лувийского иероглифического *аьшва* — лошадь, в смысле — страна, прославленная коневодством, что полностью соответствует реалиям.

[...]. Между прочим, уже в XV в. до н.э. фараон Тутмос III в своих текстах упоминает о чтящей его наряду с другими землями стране *Asija*, откуда ему в числе других даров посылались также и лошади [...]. Едва ли под «Асией» в этом случае разумелась лежавшая далеко на севере область будущей Лидии: скорее, это уже в эпоху Тутмоса III более широкое обозначение для прибрежной Анатолии» (Гомер и история Восточного Средиземноморья. М., 1996. С. 55).

Как стало известно по многочисленным письменным источникам из Ассирии, а позднее из надписей царей Ирана династии Ахеменидов, подлинным центром коневодства в ту эпоху в Малой Азии и Месопотамии являлась область Мидия, то есть Курдистан. Персидского царя в военных походах всегда сопровождали священные нисейские кони из Курдистана. Как писал Геродот (VII, 40): «Царк предшествовали 1000 отборных персидских всадников, за ними двигались 1000 копьеносцев (также отборных) с копьями, обращенными вниз к земле. Потом шло 10 священных так называемых нисейских коней в роскошной сбруе. Нисейскими же называются эти кони вот почему. Есть в Мидии обширная равнина под названием Нисей На этой-то равнине и разводят таких больших лошадей. За этими 10 конями двигалась священная колесница Зевса, которую везло 8 белых коней. Позади самих коней следовал пешком возница, держа в руках узду, так как никто из людей не мог подниматься на седлаищ

этой колесницы. За этой колесницей ехал сам Ксеркс на колеснице, запряженной нисейскими конями».

Вероятнее всего, что под местностью Ниса в Мидии (Курдистан) Геродот, употребляя хеттское имя, ставшее уже термином (порода лошади), подразумевал Несу, древнюю столицу Хеттского царства, а не Нису в Парфии. Парфянские племена иранцев-кочевников были, но самой Парфии как какого-либо государственного объединения со столицей в Нисе не было и не могло быть. Поэтому Геродот в своем монументальном труде, посвященном как раз истории различных народов, никогда и нигде не упоминает о Парфии, а Нису располагает в Мидии — в Курдистане, откуда еще ассирийские цари, начиная с Салманасара I (1274—1245 гг. до н.э.), добывали коней сначала как военную добычу, а позднее и в форме дани. Косвенным подтверждением этого вывода и более древних этнокультурных связей и контактов иранцев с народами Малой Азии служит весьма странное и необычное свидетельство о взимании Дарием дани с подвластных ему киликийцев в виде коней.

Геродот (III, 90) пишет: «Из Киликии доставляли 360 белых коней (по одному на каждый день в году) и 500 талантов серебра. Из них 140 талантов расходовалось на содержание конницы, охранявшей Киликию, а 360 талантов получал Дарий. Это — четвертый округ». Из всех 20 сатрапий, на которые Дарий I разделил империю Ахеменидов, ни из одной царь персов не получал дань в виде лошадей, кроме как из Киликии, известной в более древнюю эпоху Хеттского царства как Лувия или страна Лукка. О родстве курдов-мидийцев и лувийцев говорят и данные мифологии. Так, имя лувийского бога солнца Tiwat — Солнце, бог Солнца, почти точно совпадает с современным курдским — тэф — жар Солнца (но не само Солнце) в диалекте курманджи. Затем имя хеттского бога Пирвы, бога грозы (грома и молнии), родственного ведийско-арийскому Парджанье, надежно согласуется с курдским пьрьск — искра, блеск (диалект курманджи). Имя хеттского солнечного божества Сиват восходит к курдскому Сьбе — утро, рассвет дня» (диалект курманджи). Имя бога грозы хеттов Тару соответствует и этимологически, и семантически курдскому тэрьд — неожиданно напугать (диалект курманджи), при этом следует учитывать наличие в более древнем хаттском языке слов tauwa — tiri — страх, ужас.

Хаттское божество луны — Кашку — соответствует в курдском и санскрите слову qаш — блестящий, драгоценный камень. Бог-пас-

тух Хапантали — и курдское шьван > чабан; др.-иранск. gu-ran — па-стух», таджик. — gubonak — пастушок».

Лука, этноним жителей страны Lukka, в эпоху Хеттской империи, соответствует этнониму курдского племени ляк, обитающего издревле в районе Зохаба, древняя область Замуа, то есть на территории Центрального Курдистана в треугольнике городов Сулеймания — Сенендедж — Керманшах. Это соответствие имеет этнический характер, учитывая чрезвычайно подвижный характер этого индоевропейского племени в эпоху древнего Хеттского царства (1740—1460 гг. до н.э.), что полностью подтверждается и литературными источниками. Так, в «Илиаде», повествующей о событиях в Трое на побережье Малой Азии, происходивших в XIII—XII вв. до н.э., постоянно упоминается народ ликийцев-лука, живших от Илиона далеко на востоке, в Лувии, на границе с хурритской Мидией. Детально изучившие вопрос об упоминании индоевропейского племени — лук (лэк) — ликийцев в «Илиаде» Гомера Л.А. Гиндин и В.Л. Цымбурский пишут: «Сказать, что этот народ упоминается в поэме очень часто, значит сказать мало. Более красноречивы следующие цифры: фригийцев Илиада упоминает 3 раза, карийцев, один из самых крупных и хорошо знакомых грекам народов Малой Азии VIII в. до н.э. и позднее, — 2 раза, меонийцев — 3, миссийцев — 5, пеонийцев — 7, пафлагонцев — 4, фракийцев — 17, аликийцев — 49 раз, т.е. больше, чем все имена других малоазиатских и северобалканских этносов, кроме троянцев, вместе взятые! Если говорить о географических названиях, то Фригию Гомер вспоминает 5 раз, Фракию — 6, Меонию — 2, Карию и Мисию ни одного раза, Пеонию — 2, название же Ликия появляется 21 раз (правда, из них 4 примера приходятся на Троянскую Ликию, о чем ниже). Опять-таки эта небольшая, далекая от Троя страна на крайнем юго-западе Анатолии по числу упоминаний превалирует над прочими областями, вместе взятыми. Ликийцы практически затмевают иные народы Малой Азии [...]. Внимание кликийцам как ко второму по своей значимости народу после троянцев видно по фигурирующей в разных падежах формуле «троянцы и ликийцы» (VI, 77; XVI 564), а также по удивительной формуле обращения к объединенному войску, защищающему Илион: «троянцы и ликийцы и дарданцы, бьющиеся врукопашную», произносимой 6 раз (VIII, 173; XI, 286; XIII, 150; XV, 425, 486; XVII, 184), [...]» (Л.А. Гиндин, В.Л. Цымбурский. Указ. соч. С. 229—230).

Размышляя по поводу столь особого отношения и внимания Гомера к ликийцам перед другими народами Малой Азии, Л.А. Гиндин

и В.Л. Цымбурский называют три главные причины и перечисляют имена ученых, которые способствовали становлению одной из трех гипотез, возобладавших к настоящему времени в исторической науке по этому вопросу. Вкратце все эти предположения о возвеличании ликийцев Гомером сводятся к трем тезисам.

1-й тезис. Гомер в своей поэме отразил реально существовавшее возвышенное отношение эллинов к своим бывшим врагам — ликийцам, по-прежнему жившим в Ликии по реке Ксанф (II, 877; V, 479) и на их глазах поклонявшимся памятнику (и непременно могиле-святилищу) героя троянской войны Сарпедона, сына Зевса-Дьяуса. Возможно, имя реки Ксанф восходит к курдскому кышан — течь, струиться, ползти (диалект курманджи). Имя ликийского героя Сарпедон имеет курдскую основу сэр — предводитель, вожак (диалект курманджи).

«Илиада» (песнь 5)

Тут Сарпедон укорять благородного Гектора начал.

«Гектор! Где твое мужество, коим ты прежде гордился?

Град говорил, защитить без народа, без ратей союзных
Можешь один ты с зятьями и братьями; где ж твои братья?

475. Здесь ни единого я не могу ни найти, ни приметить.

Все из сражения прячутся, словно как псы перед скимпом.

Мы же здесь ратуем, мы чужеземцы, притекшие в помощь;
Ратуя я, союзник ваш, издалека пришедший.

Так и ликийские доли, и ксанфские воды — далеки,

Где я оставил супругу любезну, сына-младенца

И сокровища многие, коих убогий алкает.

Но, невзирая на то, предвожу ликийян, и готовя

С мужем сразиться и сим, ничего не имея в Троаде...

2-й тезис. Страна Лукка занимала важное место в эпоху тысячелетнего существования Хеттского царства (1740—1215 гг. до н.э.), что, конечно, не могло не сохраниться в исторической памяти античных греков. Племена лукка (лякки), уже по египетским источникам, вместе с предками эллинов — ахейцами (акайваша) в XIII в. до н.э., создав военный союз, напали на Древний Египет. И в этот же исторический период (XIII в. до н.э.), судя по «Илиаде», оказали самую значительную военную помощь Трое, так что даже Гомер (грек), живший через 200—400 лет после Троянской

войны, не отличал ликийцев (ляк — Lukka) от троянцев, и наоборот, объединял их в единый этнос!

Самое раннее упоминание о союзе ахейцев-эллинов с лукка (ликийцами) содержится в тексте мирного договора между Рамсесом I и Хаттусилисом III, в котором эти индоевропейские племена названы «народами моря». О них говорится как о независимых союзниках хеттского царя — герои, которые прибыли от края моря». Следующее известие восходит к 5-му году царствования египетского фараона Мернептаха (XIII в. до н.э.).

3-й тезис. Имя лукка (ляк — ликийцы) является исконным для этого анатолийского этноса и более древним, нежели лува (лувийцы), это явствует из аккадского клинописного письма XIV в. до н.э. из Тель-Амарны. Ассирийцы и касситы государства Кардуниащ, использовавшие аккадскую клинопись в своих дипломатических посланиях к египетским фараонам в XIV в. до н.э., безусловно лучше египтян знали имена индоевропейских племен, обитавших во II тыс. до н.э. на севере Месопотамии и юго-востоке Анатолии. Но исходя из лувийско-анатолийских топонимов, зафиксированных на материковой Греции, на северо-востоке Пелопоннеса возле Тиринфа, датируемых эпохой средней бронзы, само происхождение ликийского языка (lukka — лэ́к) по-прежнему выводится из ранее существовавшего индоевропейского-лувийского: «хорошо видно, что лувийцы, проникавшие в среднеэлладский период на Балканский полуостров, сами себя называли не иначе как «племена лукка». С учетом прочих фактов, особенно доказанного Э. Ларошем и Ф. Хоувинком тен Кате происхождения ликийского языка (так называемого А) от одного из лувийских диалектов [Laroche, 1958; 1960a; 1967; Houwink ten Cate, 1961], значение этнонимической основы Lukka как первоначального самоназвания лувийцев может считаться окончательно обоснованным». (Л.А. Гиндин; В.Л. Цымбурский. 1966. С. 232).

«Возможно, косвенным лингвистическим подтверждением как проникновения племен лукка (лэ́к) на Балканский полуостров, так и их древних связей с индоарийскими племенами Загроса (Курдистан) является то, что имя славянского народа сербы — *syrbī* восходит к индоарийскому *subhṛga* — блестящий, светлый, этнониму народа, обитавшего в горах Загроса в эпоху Шумера III тыс. до н.э., тогда как имя другого славянского народа (с последующей сменой этнического состава их носителей) — хорваты — восходит уже к

иранскому источнику». (Трубачев О.Н. Языкознание и этногенез славян. М., 1983. С. 257, а также: Эдельман Д.И. Иранские и славянские языки. М., 2002. С. 202).

Далее, если Геродот говорит в V в. до н.э. о присутствии на Балканах (Фракия) племени сигинов, родственного мидийцам (Верхняя Месопотамия), то этот же этноним мы встречаем в форме сикулы (шекелеш?) в надписи Рамсеса III в храме Мединет-Абу в списке «чужеземных народов»... государств Малой Азии, нападавших на Египет, — хатти, киццуватна, каркемиш, арцава, аласия, которые «исчезли одновременно». Несмотря на победу фараона Рамсеса III (1198—1166) в битве с пришельцами в прибрежной долине неподалеку от Арпада в районе Сирии, переселение нового индоевропейского этноса с Балкан кардинально изменило прежнюю политическую географию Малой Азии. Так, возле прежней, уже разрушенной столицы хеттского царства г. Хаттусы обосновались пришельцы с Балкан, поселение которых просуществовало до VI в. до н.э., то есть почти до «эпохи Геродота», уже упоминавшего о сикинах (сикулах-шекелеш XIII в. до н.э.) как о родственном курдам-мидийцам племени. Возможно, сикулов (шекелеш) вытеснили с Балкан в XIII—XII вв. до н.э. предки современных фракийских народов, часть которых и обосновалась в Малой Азии за Троадой (Троей), которую защищали ликийцы-лувийцы, возглавляемые героем Сарпедоном, ободравшим растерявшегося в битве Гектора. Фракийско-фригийские племена, в том числе и сикулы (сигинны), вытеснили в XII в. до н.э. лувийские племена, лукка (лэк), с их прежних мест обитания на южном побережье Анатолии в глубь Малой Азии в районы Алзу-Пурукуззи восточнее Верхнего Евфрата, иными словами, в Западный Курдистан. О переселении в древности в Мидию светловолосых племен кельтско-нордического типа и их национальной идентификации с курдами говорят и этнографические данные. Так, профессор Н.С. Широкова пишет: «...в арийских зонах Древнего Востока сохранились следы нордического типа. Более того, тот же самый тип еще сегодня существует среди различных народов, говорящих на языках, относящихся к индоевропейской группе и проживающих в тех районах Азии, которые не были подвержены процессам расового смешения или по климатическим условиям напоминали Европу. Таковы, например, курды с высокогорий Северного Ирака: они высоки, светловолосы и голубоглазы» (Культура кельтов и нордическая традиция античности. СПб., 2000. С. 86).

Эти же факты, ссылаясь на данные фон Лушана, приводит и В. Никитин в своей книге «Курды». По мнению обоих ученых, курды по происхождению народ светловолосый, с голубыми глазами, долихоцефалы. Фон Лушан предполагает, что эти исконные курды, вероятно, пришли с Севера. Соотношение светлых курдов по типу у Фон Лушана следующее: в Каракуше (Черное море) — 71 человек из 115 обследуемых, т.е. 62 %; в Немруз-Дан (озеро Ван) 15 человек из 20, т.е. 58 %; в Зенджирли — 31 из 80, т.е. 39 %. Вполне возможно, что этот северный тип среди курдов пришел в Переднюю Азию, владея другим языком, а не курдским, который ему, по-видимому, был навязан в результате контакта с иранскими элементами, которым он подчинился, как отмечает А. Башмаков, пишет В. Никитин. Однако весьма трудно согласиться с мнением об изначальной германоязычности курдов, поскольку, как мы знаем, язык их предков, ведических индоариев Куру, судя по текстам гимнов Ригведы и языку ариев Месопотамии в Передней Азии, был индоиранским, генетически весьма близким, но отличающимся от северогерманских языков. По всей видимости, древние индогерманские протоязыки, разделившись около IV тыс. до н.э., стали самостоятельно развиваться, но уже каждый на своей диалектно-племенной основе, вне зависимости от антропологического сходства курдов и древних германцев.

Племя лэк, как мы уже говорили, обитает в области, называвшейся ранее Замуа, которую в древности занимали лулубеи (современное курдское племя лулу), известные там по шумерским и позднее аккадским клинописьюменным источникам. Сьпки — этноним курдского племени Северного Курдистана, образованный от курдского сьп — белый (цвет), восходящего к более древнему индийскому — ṣubga — блестящий (Гиндин. 1981. С. 121) что близко соответствует лувийскому названию Σίβρος > Σίρβις, реки в Ликии (область Лукка) или древнему названию Ксанфа. О древности курдского племени сьпки говорит тот весьма знаменательный факт, что половина их соплеменников исповедует не ислам, как большинство курдов, а является езидами-солнцепоклонниками Шамса-Шимиг (хурр.), и все их племя разделено на 4 касты, как у древних индоариев и у современных индусов. Вполне возможно отождествить индийское ṣubga с шумерским обозначением su-big или страны Субарту-Шубарту, располагавшейся в Северной Месопотамии, т.е. в Курдистане, на территории которого и сложилось во II тыс. до н.э. хуррито-митаннийское княжество. В этом ряду, по всей видимости, стоит и удивительно

точное семантическое соответствие в этом географическом регионе курдского съпки, съп — светлый, белый, древнеиндийского *śubhga* с древнегреческим *λευκός* (лейкос) — светлый, давшим имя Ликийи, откуда племя лукка — лак — переселилось в XII в. до н.э. в Курдистан восточнее верховьев Евфрата.

Курды — зэрэ, возможно, родственны троянским дарданам, учитывая чередование индоевропейской, в том числе латинской *Z > d* в курдском языке, например: латинск. «жилище» — *domus* > зома — место обитания, кочевье», в курдск. яз.; латинск. — *dolosus*, «коварный» > золот «насилие, ужас» в курдск. яз.; латинск. — *durus* — твердый, прочный > зор — мощь, сила, твердость» в курд. яз; латинск. — *dolo*, «пика, палка» > зол — жердь, шест», в курд. яз. (диал. курманджи). Так, Геродот писал о местообитании дарданов (в Курдистане) следующее: (1, 189) «Двигаясь на Вавилон, Кир достиг Гинда. Истоки этой реки находятся в Матиенских горах, течет же она через землю дарданов, а впадает в другую реку — Тигр. Тигр же протекает мимо города Опиды и впадает в Красное море. Когда Кир хотел перейти эту судоходную реку Гинд, один из его священных белых коней от резвости прыгнул в воду, чтобы переплыть реку. Однако река поглотила коня и унесла его своим течением. Тогда Кир страшно разгневался на реку за такую дерзость и повелел сделать ее столь мелкой, чтобы впредь даже женщины могли легко ее переходить, не замочив колена. После такой угрозы Кир отложил пока что поход на Вавилон».

В этом рассказе Геродота ясно и четко показано местообитание дарданов (дарды — зэрзи) в Курдистане (Матиене), по реке Гинд, как в древности называлась современная р. Диала, где у них был свой город (поселение) Опид — Водная, от курдско-индийского слова ап — *aras* — воды. Предполагаемое родство курдов зэрзи — дарды из г. Опид в Курдистане-Матиене с дарданцами из Дардана на берегу Геллеспонта (Харибда — чужой, курд.) объясняет присутствие ликийцев в Трое пришедших на помощь сородичам во время нашествия ахейских племен в XIII в. до н.э. и, с другой стороны, показывает степень культурных, дипломатических, военно-стратегических контактов автохтонных индоевропейских народов Малой Азии между собой в эпоху Хеттской империи.

Сравнение в первую очередь курдского этнонима зэрзи с латинским языком обусловлено наличием его индоиранского соответствия древнему илирийскому этнониму племени *darđi*, обитавшему еще в античное время на Балканах. Возможно, не только сигины (шека-

ки), но и дарды (зэрзи) являются племенами мидийско-курдского происхождения на Балканах. Для такого предположения имеются серьезные аргументы из различных наук: этнографии, истории, лингвистики и мифологии. С точки зрения этнографии, курды индоевропейцы и этноним племени зэрзи соответствует имени индоевропейского народа *dr̥dn̥y* в числе хеттских союзников царя Мувадгалиса, предпринявшие совместный поход на Египет в XIII в. до н.э. Этот факт надежно констатирует обитание индоевропейского лувийского племени *dr̥dn̥y* — зэрзи (курд.) в Малой Азии уже в XIV в. до н.э. и ранее. Но более поздние источники античной эпохи локализуют это племя — *dardanii* (Зарзани) в Иллирии и Фракии, в частности, в IV в. н.э. грек родом из Сирии Аммиан Марцеллин (29, 5) упоминает о чрезвычайной агрессивности иллирийских дардов. Как пишут Л.А. Гиндин и В.Л. Цымбурский: «Языковая принадлежность дарданцев служит предметом серьезных споров. Некоторые ученые (например, [Maeyer, 1957. С. 108; Çabej, 1977. С. 386]) вслед за Страбоном (VII, 5, 12) и Аппианом (Иллу. 11, 5) относят их к иллирийцам, ссылаясь на иллирийские имена их вождей [...], а также на возможное продолжение этой основы в иллиро-мессапской Апулии, где некие *dardi* упоминаются как древнее племя, истребленное еще Диомедом (Plin III, 104)». (Указ. соч. С. 191).

Апулия на юге Италии до III в. до н.э. была до своего покорения Римом населена племенами япигов и мессапов, тогда как основатель

Римские императоры Юлий и Август Цезари из рода Дарда, восходящего в своей генеалогии к курдам племени зэрзи в Загросе

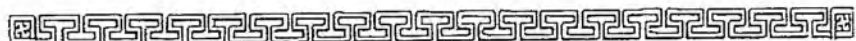

Рима знаменитый Ромул вместе со своим братом-близнецом Ремом почитались латинянами, как прямые потомки-внуки Энея, который после падения Трои от ахейцев был спасен Посейдоном для сохранения рода Дарда(на) — Зэрзи, родившегося, по мифу, на Самофракии и переселившегося через Харибду во Фригию. Как видим, миф подтверждает лингвистику. О том, насколько латиняне свято чтят свой родовой миф, видно из того, что уже в историческую эпоху I в. до н.э. реальные люди и политические деятели — основатели Империи Юлий Цезарь и Октавиан Август возводили свой род к Асканию Юлу, сыну Энея из Трои, от рода Дарданов, то есть курдов Зарзи (Дарди).

*Современный курд
племени зарзи-зерари*

По этимологическому мифу латинян, ставшему идеологическим основанием их государственности, фундамент священного города Рима был возведен Ромулом, вскормленным в младенчестве дикой волчицей. Этот латинский государственный миф о кормлении волком полностью соответствует иранскому этимологическому преданию об основоположнике персидского государства — мидянине по матери Мандане, о царе Кире, вскормленном, по народной иранской традиции, собакой, нашедшей брошенного младенца в диком лесу. Эта легенда дошла до нас в двух версиях — у Трога (1,4. 10—13), более близкая к народной, и у Геродота (I, 110—122). Причем у Геродота — именно мидийская (вопреки Э.А. Грантовскому) версия, поскольку здесь жена пастуха, спасшего младенца Кира, сама носит мидийское имя Спако — собака. В мидийско-курдской версии этому древнеиндоиранскому преданию придан человеческий характер. В иранском языке пашто (пушту) имя волка звучит Лэве и совпадает с одной стороны с названием страны — Лэвэ или Лувия — Ликия, откуда, из малоазийской страны, по латинскому преданию, вышли Эней, предок прародителей италийцев Ромула и Рема, вскормленных в младенчестве волчицей — Iура. Латинское Iура — Iurus близко соответствует пуштуно-иранскому Iewэ — волк, и имеет с этим словом общий праиндоевропейский корень, подтверждаемый данными различных

индоевропейских языков. Сравните: санскрит: lup — 1) разрушать; 2) забирать; luth — грабить; lava — разрезать 3) срывать плоды; англ. яз. — loot — грабить, уносить добычу; русск. яз. — лютый — лупить; франц. — loup — волк, loup — gaou — оборотень. Одновременно от этого же корня во всех индоевропейских языках родились слова со значением света, сравните: англ. — light; русск. — луч; франц. — lumière — светиться; санскрит — loçana — освещающий, озаряющий; в латинском — luceo — блистать, светить, lucifer — светоносный, доставляющий свет.

Латинское fero — нести, согласуется с курдским бер, бар — ноша, груз, перевоз, с однокоренным словом bhaga — ноша, груз, bhagin — несущий, в санскрите. Таким образом, видно, что корень lu в индоевропейских языках служит основой образования слов, несущих два взаимоисключающих смысла 1) светлый, солнечный, безопасный и 2) темный, страшный, убийственный. В латинском языке это Lucifer — Люцифер, «несущий свет», и представитель темных сил — Сатана, тогда как в индоиранском языке пашто (пуштунском) — læwə — волк — убийца овец (основа жизни кочевых ариев) и Daeva — бог светлого Неба. Дьяус Питар являлся общим божеством неба всех индоевропейцев в наиболее древние периоды истории, латинян — Дьяус, древних греков — Зевс; ведических ариев Куру — Дьяус. Позднее иранец Заратустра, начав реформу древней ведийско-арийской религии, объявил Дьяуса злым демоном-дивом в своей новой религии зороастризме, которую приняли большинство ираноязычных племен. В более поздние периоды слово daeva (Дьяус — Светлое божество) уже обозначало у них демона, злого духа, дьявола. Как пишет известный иранолог Д.И. Эдельман: «Поскольку пока нет надежных хронологических ориентиров для выявления времени вхождения daïu(i) ia (прототипа læwə — волк) в языке пашто, мы не знаем, лексикализовалось ли оно до принятия древними пуштунами новой для них религии, этимология пшт. læwə < daïu(i) ia допускает двоякое толкование: 1) как результат относительно поздней лексикализации рефлекса daïu(i) ia, происшедшей, во всяком случае, после перемены религии, когда соотнесенность слова daïua с божеством была уже утрачена, и оно трактовалось как «злой дух». В таком случае волк, в диалектах — предках пашто воспринимался как существо «дэвовское», т.е. как дьявольское (отродье); 2) как результат раннеиранской лексикализации имени daïu(i) ia, восходящего, возможно, к индоевропейскому диалектному обозначению волка как дикой, не приру-

ченной еще собаки, аналогично сохранившейся в отдельных индоевропейских языках. В таком случае волк и в диалектах предках пашто воспринимался просто как дикая собака — божья (собака), т.е. как божья (тварь). (Иранские и славянские языки. М., 2002. С. 163—164).

Наличие однокоренного слова *lura* — волчица» в латинском языке, носители которого в далекой Италии возволили свое происхождение к Ликий — Лувий — Стране волка» (пашто), или *Luwija* из архива Тель-Амарна (XIV в. до н.э.), где суффикс *ja* соответствует курдскому *щи(ja)* — место, местность, прямо указывает на сакральный культ волчицы у предков современных индоевропейцев. В тех местах, где в древности обитали предки индоевропейцев, самым главным хищным зверем для людей был волк (а не лев, леопард, тигр), то есть это были Малая Азия, горы Загроса, Балканы, Северное Причерноморье, Южный Урал, где волк по-прежнему представляет угрозу для людей. Волк в первую очередь опасен для мелкого рогатого скота, и культ этого хищника в мифах иранцев и латинян указывает на то, что до того исторического момента, как была одомашнена дикая лошадь, предки индоевропейских народов были овцеводами, как жители Курдистана.

Культ овцы зафиксирован древними месопотамскими клинописными источниками в связи с именем иранского божества Багмашту в одном из северных княжеств древнего Курдистана — Мусарире. Имя Багмашту происходит из индоиранского Бага — божество-распределитель, Маш — овца, баран, и курдского слова *t'a* — равный, парный, половина (диалект курманджи), то есть баран-самец, бог-распределитель. Действительно, для курдов-горцев овца, поставляющая молоко, сыр в пищу, шерсть для пряжи, меховые шкуры для одежды, навоз-кизьяк как топливо для обогрева жилища зимой поистине являлась основой жизни. О том, что именно курды-автохтоны гор Загроса первыми в истории человечества одомашнили дикую овцу Передней Азии, имеются многочисленные свидетельства. Так, имя целого народа — племени овцеводов Картли (Грузии) — сваны вышло из курдско-иранского шьван — пастух. Затем, далеко от Курдистана-Загроса Финно-угорские народы используют индоиранскую терминологию в животноводстве. Так, коми-зыряне на Урале называют барана по-ирански — мэж, так же как пуштуны Афганистана — *maz*; затем, коми-зырянское *лыстын* и марийское *lustem* — доить (овцу, корову), заимствовано из восточноиранских языков — мунджа (манда) и пашто, где характерно чередование звуков *d>L*. (См. Лыткин В.И. О некоторых

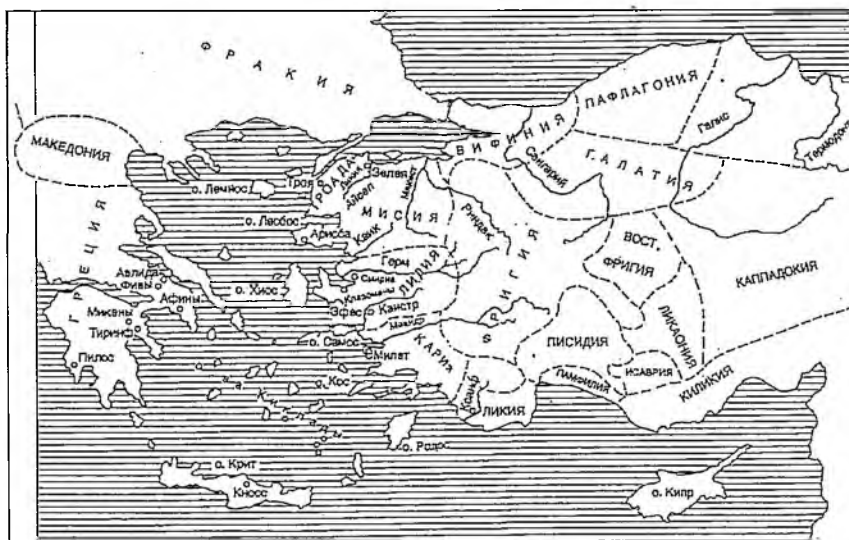

иранских заимствований в пермских языках. — Известия АН СССР, Отд. литературы и языка, 1951, №4. С. 388—390; 24; Эдельман Д.И. Сравнительная грамматика восточно-иранских языков. М., 1986. С. 169—170; Грантовский Э.А. Указ. соч. С. 110).

Далее в западноевропейском мифе первенство курдов в овцеводстве донес греческий миф об аргонавтах, отправившихся в путь за золотым руном, а имя корабля «Арго» восходит к ведийско-арийскому арка — Солнце, а отождествление барана и козла со светом у иранцев-курдов передает знаменитая пластика луристанской бронзы. В курдском языке золото называется зэр, откуда и происходит этноним курдского племени зэрзи — русоволосые(?), которые под именем дарды упоминаются у Геродота и в более раннее время у Гомера как союзники ликийцев в Трое. Неспроста у Гомера в Илиаде имена ликийцев-троянцев и дарданцев упоминаются вместе 6 раз.

Союз курдов и ахейцев

О наличии военного союза курдских племен и ахейцев в их походе на древний Египет в XIII в. до н.э. говорится в надписи фараона Мернептаха (1232 г. до н.э.), где вместе с напавшими на его страну «наро-

Передняя Азия гомеровской эпохи

дами моря» упоминаются ахейцы (i-k-w-s> Achaioi) и курды-ляки (Rw-kw), лука-ликийцы, шекаки-шакалуша (Š;- k-rw-š; Sakalu-sa).

Об этом союзе говорит греческий миф о племени мирмидонян, из которого происходит сам Ахилл. По-курдски мури — муравей, а мисс — медь, то есть это племя «медных муравьев», тогда как по греческому мифу мирмидоняне произошли от муравьев, которых сотворил Зевс (Дьяус, ведич.) по просьбе Эака, деда Ахилла, для заселения Крита.

Ученые-египтологи (Breasted J. H.; Barnett), читая надписи фараона Мернептаха в Карнаке, подсчитали, что в битве с египтянами пало около 220 воинов шакалуша (шекаки-курдов), а турша (турукки-тукри) — 740 человек.

Имя племени турша, а позднее и тукри (t-k-k-r) в египетских надписях XIII—XII вв. до н.э. соответствует более древнему индоевропейскому народу — тохары, имевшему государство Тукриш в горах Загроса (Курдистан) еще в конце III тыс. до н.э.

Тукри — тохары — туруки

В списке египетских фараонов среди имен «народов моря» говорится о племенах севера — турши и затем тукри. Так, на пятый год правления фараона Мернептаха (1238—1209?) упоминаются воины турша (Tw-rws) наряду с ахейцами- акайваша (I -k-w-s) и шекаками- шакалуша.

Совершенно безосновательно племена турша некоторыми учеными отождествляются с тирренцами, тогда как этот северный народ в египетских надписях всегда перечисляется с курдским племенем шекак-шакалуша и лука-лэк. Причисление египтянами племени Турша вместе с шекаками к «северным» народам моря абсолютно верно, поскольку сикины вместе с тохарами пребывали во II тыс. до н.э. как раз на севере от Египта за Критом на Балканах, где еще в эпоху Геродота, то есть через 800 лет после Мернептаха и Рамсеса III (1198—1166), обитали родственные курдам-мидийцам племена. По факту своего пребывания на острове любой житель Крита был обязан быть и мореходом, поэтому для египтян любой, кто приходил к ним с севера, так или иначе был связан с Критом, поскольку обитатели этого островного индоевропейского государства были известны им с XIX в. до н.э., с эпохи фараонов Сенусерта II и Аменемхета III, и даже принимали участие в строительстве пирамид.

Фараон XVIII династии нанимал критский флот (народ кефтиу) для перевозки леса из Ливана в Египет. Вообще следует отметить, что жители Крита пользовались особыми привилегиями в Древнем Египте. Особенно развиты были сношения Древнего Египта с Критом в первой половине XIV в., при фараонах Аменхотепе III и Аменхотепе IV.

Согласитесь, когда на Самофракии, как об этом повествует сама древнегреческая мифология и исторические предания, в ту пору обитали не сами греки, а их предшественники куреты (курды), то как можно говорить, что к югу от Самофракии — Балкан, на острове Крит якобы уже обитали греки? Конечно, нет. На острове Крит обитали куреты, древний, близкий к современным курдам индоевропейский этнос, состоящий из нескольких крупных племен, уже успевших во II тыс. до н.э. расселиться на Самофракии. Эти куреты говорили в ту пору на различных племенных диалектах некогда общего курдско-ведического индоевропейского языка.

Вероятно то, что куреты, воспитавшие Зевса-Дьяуса на Крите при своей войне с Древним Египтом, призывали своих соплеменников составить с ними военный союз. Подтверждением этого вывода служит надежное соотнесение этнонимов «народов моря» с именами современных курдских племен, где имя курд (крит) является обобщающим, то есть родовым эпонимом. Сравните:

<u>Курды</u> названия племен	<u>Египет</u> имена «народов моря»
1) Шекаки-шакалуш (сигины Геродота)	(s- k- rw -s)
2) Ляк-лукка — ликийцы	(Rw- kw)
3) Тукриш — тохары-турша теккара	(Tw -rw -s) (T- k -k-r)
4) Зэрзи — дарды (Курдистан XX в.)	Дарданы

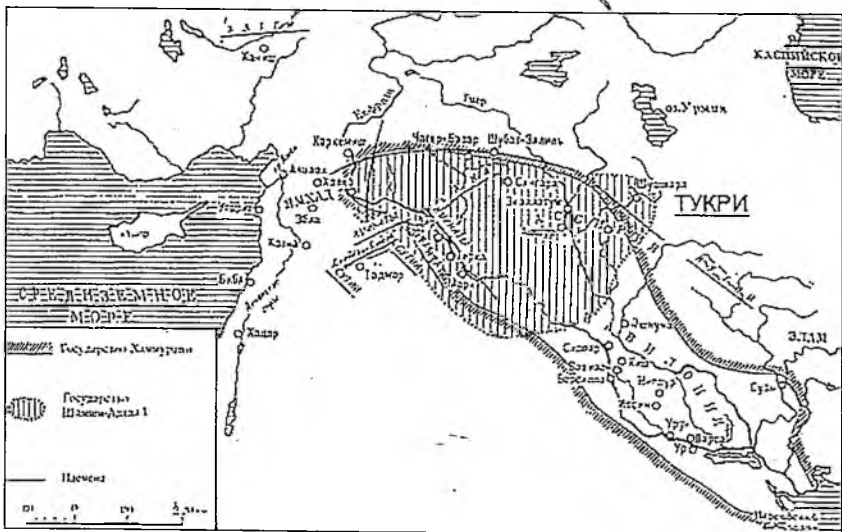
Никто из ученых до настоящего времени не догадался сопоставить имена «народов моря» с племенами Курдистана. Имя Турша встречается в надписи Мернептаха в Карнаке от 1232 г. до н.э., тогда как тот же этноним, но в более точной древней исконной форме — тукри — зафиксирован после кончины Мернептаха при новой XX династии правителей Древнего Египта в надписи фараона Рамсеса III

(1194—1180 гг. до н.э.). В исторической науке в целом, и в египтологии в частности сложилась разная система вычисления даты правления того или иного монарха в эпоху, предшествующую нашей эре. Но при этом упоминание о народе тукри на территории Курдистана восходит ко II тыс. до н.э., а в древнеегипетских источниках — ко второй половине II тыс. до н.э.

Этноним турша-тукри (тохри) совершенно необоснованно некоторыми учеными соотносится с двумя народами (?). Были попытки отнести турша к этрускам, а тукри к тевкрам Трояды. Но при этом эти ученые даже не считают себя обязанными объяснить, как всего за 30 лет (!!!) истории смогли возникнуть, вооружиться и пойти в поход 3 народа: тиррецы — этруски — тевкры, которые даже по языку не родственны друг другу, например так, как курдские племена между собой. Действительно, со времени надписи фараона Мернептаха в 1232 г. до н.э. до надписи Рамсеса III (1194) прошло не многим более 30 лет, однако все народы — лүкка, шекелеш, ахайва — остаются прежними. Это и является свидетельством того, что турша и тукри составляли единое племя куретов (кагәти, библ.) и находились на службе у царя хеттов.

Попытки ученых вывести из этнонима турша этрусков напоминают мне попытки уже других ученых вывести из этрусков русских.

Государство Шамши-Адда I

Вообще к этим попыткам нет никаких претензий, но при этом просто необходимо, чтобы лексических данных было достаточно, дабы построить в лингвистике достаточно светлую, ясную, понятную всем филологам научную гипотезу, поскольку не каждое частное мнение ученого уже есть непременно точка зрения всей науки.

Этноним турша-тукри в египетских текстах конца II тыс. до н.э. является калькой древнекурдского этнонима Тугриш Умман-Манда, как обитателей гор Загроса, в шумерских, аккадских, хурритских клинописных текстах XXIII—XX вв. до н.э. Известно даже имя царя Тугриша — Киклапаталища.

Имя тукры более надежное и соответствует этнониму теукры (teukroi), этносу в Малой Азии в античное время, причисляемому к потомкам троянцев-ликийцев.

Еще Дарий I встретил и наблюдал свободный и военный нрав женщин у пеонов, считавших себя потомками теукров (тукришей), основателей Трои. Слова Геродота (V. 12—14) о том, что женщины и девушки в жизни совмещают домашний (женский) труд — прядут лен, носят воду» и военный, (мужской) — водят коней на водопой», точно воспроизводят образ жизни женщины в курдском обществе. По всей видимости, раз столкнувшись с курдами-мидийцами, Дарий I испугался и приказал переселить теукров в Малую Азию. По Геродоту: «Пеония же расположена на реке Стримоне, а Стримон течет вблизи Геллеспонта; они [пеоны] — потомки теукров из Трои».

Упоминание Геродота о пеонах как о потомках тукри-теукри, обитавших рядом с мидийским племенем сигины (шакалуша, др.-егип.) и военные нравы их женщин — указывает на особое родство тукри-пеонов с курдами, восходящее к III тыс. до н.э. По всему ряду исторических фактов следует, что собственно сигины и тукри-пеоны были отделены от курдско-мидийского ядра вследствие расселения в Малой Азии с начала XII в. до н.э. дорийских племен, вызванного вторжением ахейцев — носителей аркадо-кипрского диалекта.

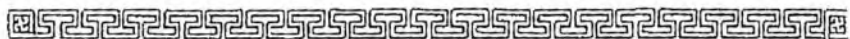
Продвижение с севера племен эллинов находит свое подтверждение в археологии как изобилие находок «варварской керамики», что, в свою очередь, ряд ученых (А.А. Гиндин, В.Л. Цымбурский, 1996. 147; Deger — Jalkotzy, 1983) связывают с «пробуждением» западных Балкан, проявившимся в «активизации» сикулов [сигинов]. Вероятно, что продвижение племен северных индоевропейцев-ахейцев вынудило прежних обитателей Балкан — сигинов перейти в Малую Азию и вступить в войну с хеттской державой. Началось всемирное

для той эпохи II тыс. до н.э. переселение народов. Тукри-тугриш в союзе с сигинами двинулись через территорию Малой Азии вдоль побережья Средиземного моря на юг.

Как пишут Л.А. Гиндин и В.Л. Цымбурский: «Весь этот конгломерат народов двигался и сушей, и морем, причем перемещавшиеся по суше везли на повозках свои семьи: это уже был не набег ради добычи, но целеустремленное переселение [Hölbl, 1983. С. 132]. Рамсес III сообщает, что на пути своем мигранты сокрушали страну Хатти (H-t); Кархемьш (K-g-k-m -š), Арцаву (i-g-ṭw); Аласию — Кипр (ḡ-š) [Breasted. С. 37]. Хаттусас лежал в руинах, завоеватели разбили свой стан в дотла опустошенном ими Амурру. Видимо, под их же ударами в этот год погиб Угарит [Schachermeyr, 1982, с. 60 и сл.]. Ясно, что на таком огромном пути, пролежавшем для одних групп переселенцев через всю Анатолию [...], балканские народы не могли сохранить чистоты этнического облика». (Указ. соч. С. 147—148).

Действительно, лингвистические сопоставления тохарского языка свидетельствуют о многочисленных контактах тохаров-тукри-теккара со многими народами, как индоевропейскими, так и финно-угорскими, восточноиранскими и даже с племенами Восточного Туркестана. Особый интерес язык тохаров представляет с точки зрения исторической хронологии. Тексты на тохарском языке, обнаруженные в Синьцзяне (Китай), подразделяются на тохарский А и более консервативный тохарский Б и датируются периодами от VIII в. до н.э. до VI в. нашей эры. Диалектные различия и особенности, по мнению ученых, свидетельствуют о живом употреблении тохарского языка непосредственно в период, предшествующий годам составления рукописей. Этот лингвистический факт, в свою очередь, показывает наличие индоевропейского народа-тохаров, еще в Раннем Средневековье (V—VII вв.) пребывавшего в среде иноязычного населения (китайцев, тюрков, тибетцев, алтайцев). Тохары, как показывают переводы рукописей, немало способствовали распространению индоиранской религии буддизма, поскольку тохарский язык стал языком проповеди учения Будды. Сохранившийся текст манихейской молитвы на тохарском языке доказывает близость тохар-тукри-тэккара к индоиранским народам: ведическим Куру, овладевшим Северной Индией в начале II тыс. до н.э., затем пуштунами, мандейцами (мунджанцы), ормури, белуджами, которые имеют специфическое родство с западноиранским языком курдов. Контакты с западными индоевропейскими языками — анатолийскими, балтий-

скими, славянскими — в тохарском языке относятся к его более древнему периоду становления, поскольку между архаичным индоевропейским базисом и последующим восточноиранским развитием зафиксированы контакты тохаров с финно-угорскими народами. Все эти контакты демонстрируют чрезвычайную древность тохарского языка и удивительно долгую в историческом времени и географическом пространстве миграцию тохаров-тукри как самобытного индоевропейского народа.

Языковые контакты демонстрируют ученым (лингвистам и историкам) пути миграции индоевропейского народа тохаров-тукри из Европы в Азию. Как пишет академик Вяч. Вс. Иванов: «Тохарские языки на территории Восточного Туркестана появляются не ранее I тыс. до н.э.; до этого их носители двигались с запада на восток.

Еще по пути в Восточный Туркестан в Средней Азии (а позднее и в самом Восточном Туркестане) носители тохарских языков могли вступать в контакты с носителями восточноиранских языков, чем объясняются многочисленные лексические сходства этих языков. Вероятно, доисторические связи тохар с финно-уграми могли бы послужить подтверждением гипотетического пути тохар от лежащих на западе от Средней Азии областей, где они могли соседствовать с предками носителей балтийских, славянских, германских языков; к северу Средней Азии, где они могли вступить в контакт с восточноиранскими племенами. [...].

До этих предполагаемых миграций носители общетохарского языка, из которого возникли два отдельных тохарских языка, по данным индоевропейской лингвистической географии, должны были иметь контакты с носителями той группы диалектов, которые развились в анатолийские языки и были связаны с италийско-кельтской группой индоевропейских диалектов».

В фонетике: [...]. «... В общетохарском различались индоевропейские звонкие и глухие (возможно, также и звонкие придыхательные), [...].

Тохарский вокализм характеризуется существенной редукцией безударных гласных. [...]. Исчезновение безударного гласного в некоторых позициях, вероятно, было причиной фонологизации противопоставлений согласных по мягкости — твердости. [...].

Грамматический класс имен в тохарском языке характеризуется категориями рода, одушевленности, числа, падежа. [...]. Категория одушевленности (неодушевленности, возможно, отражает более

древнее индоевропейское противопоставление одушевленного (несреднего) рода неодушевленному (среднему), предшествовавшее делению одушевленного рода на мужской и женский, хотя, по мнению некоторых ученых, тохарское различие, типологически близкое к наблюдаемому в восточно-среднеиранских языках, сложилось в более позднюю эпоху. [...] Личные глагольные формы характеризуются морфологическими категориями лица, числа, времени, наклонения, залога, каузатива. [...] Образование особых форм каузатива от каждого глагола является одной из характерных особенностей тохарского глагола (эта особенность связана с тем, что в тохарском языке, как и в балтийских языках, морфология глагола существенным образом связана с категорией переходности (непереходности). Для образования каузатива в тохарском языке (как и в анатолийском) используются суффиксы —s- и -sk. Из неличных форм особый интерес представляют отглагольные имена на -L того же типа, что и в славянских и анатолийском языках...» (Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 516—517, ст. Тохарские языки).

Интересно в этом контексте сопоставить современный курдский западноиранский язык с индоевропейским языком тохар-тукриш. Так, курдский язык распадается на ряд диалектов, существенно различающихся между собой, но все они восходят к единому пракурню как, например, диалекты немецкого языка.

В фонетическом отношении древнеперсидский язык стоит особняком среди иранских. Как писал И. Дьяконов: «Что касается мидийского языка, то он в области фонетики резко отличается от древнеперсидского, примыкая к таким языкам, как авестийский, затем согдийский, хорезмийский — древние языки народов Средней Азии — и скифский — древний язык народов, живших на территории Украины и Северного Кавказа. При этом из 6 контрольных случаев мидийский расходится с авестийским в одном случае, с парфянским и раннескифским — не более чем в двух, с согдийским и хорезмийским, даже учитывая большое временное различие между сравниваемыми в данном случае языками — в трех, а с древнеперсидским — в шести случаях, несмотря на одновременность памятников древнеперсидского и мидийского языков». (Указ. соч. С. 67).

В пер. половине I тыс. до н.э. курдско-мидийский язык зафиксирован территориально далеко от гор Загроса-Курдистана (места своей прародины) в именах скифских племен будии, ариазанту, обитавших одновременно и в Мидии, и в Скифо-Сарматии, а также и у мидий-

ского народа сигинны, проживавшего в эпоху Геродота на Балканах во Фракии. Далее, сам факт употребления курдского слова меш – баран, рядом финно-угорских и индоевропейских народов (испанцы) показывает лингвистам на исконно мидийский характер языка скифских племен будии-арьязанту и сигинны, от которых это слово и перешло в другие языки.

«...В Испании [X в.] возникает явление, не находящее разумного объяснения на почве экономики, хозяйственного строя. Мы имеем в виду ту форму овцеводческого хозяйства, которая носит по-испански название «mesta», что может быть объяснено только из курдского слова mesta — мешта (или Мехта) баранта, т.е. большое стадо овец. (И.А. Орбели. Восток — Запад в XII—XIII вв. // Вопросы истории. 1965. № 6. С. 106).

В связи с лексическими заимствованиями испанского языка и древнеиранского вызывает особый интерес и наличие мидийского интердентального спиранта J-th в испанском языке.

Консонантизм курдского языка характеризуется наличием глухих простых: п, т, к, ч, и глухих придыхательных: ph, th, kh, ch, которые противопоставляются между собой, как и в «ведийском» санскрите. Следует указать, что и в тохарском до действия процессов палатизации различались общеиндоевропейские звонкие — глухие согласные.

Вокализм курдского языка характеризуется делением гласных звуков на редуцированные — краткие и устойчивые — нередуцированные, при этом редуцируются безударные гласные, как и в тохарском языке.

Категория одушевленности и неодушевленности в курдском языке имеет свои особенности. Так, в курдском одушевленные имена существительные могут быть как мужского, так и женского рода, т.е. они составляют группу общего или обоего рода, как и в тохарском языке.

Расселение курдско-мидийских племен сигиннов на Балканах и будинов-арьязанту в Северном Причерноморье и Южном Урале, то есть на пути миграции тохар из Европы в Азию, уже само по себе указывает на языковые, культурные, религиозные контакты тохар с курдами. Эти же контакты, если не единство, имели сигинны-шекелеш, теккара-тукриш, лукка-лэк в походе «народов моря» на Древний Египет в период с 1238 по 180 гг. до н.э. Сам этноним тукриш впервые в истории появляется не в надписях египетских фараонов (Мернептаха, Рамсеса III) в XIII—XII вв. до н.э., а намного ранее в шумерских,

аккадских, хурритских клинописных табличках XXVI в. до н.э. из Месопотамии, как поселение тукриш, где и обитали, судя по названию, тукриши-теккара.

В этой связи абсолютно невозможно, вслед за некоторыми учеными отождествлять тукри-тохар с тирренами, а сигинов с сицилийцами, предварительно не указав в первую очередь на этническое родство сигулов и тохар с курдами. Этноним тукри-теккара в египетских надписях необходимо отождествлять с предками курдов, народом турукка — Умман Манда шумеро-аккадских надписей, обитавшего в конце III тыс. до н.э. в горах Загра в Курдистане. Еще одним, надежным свидетельством подлинности соответствия тукри-тэхри исторической области Тугриш — Тугһриш времен Аккада является полное совпадение названия курдской области Мокса в районе Вана, располагающейся чуть к северу от центра Курдистана Заху, в котором находилась священная Кума, центр поклонения хурритов богу бури Тешшупа с анатолийским именем Muksu и древнегреческим Моксом, который, по рассказу Страбона (Strab. XIV, 4, 3), сразу после падения Трои завоевал Анатолию, а затем вторгся в Сирию и, дойдя до Финикии, уже по Ксанфу (Athen. VIII, 346 E), вошел в город Аскалон и расправился с культом богини Атарататис, бросив ее изображение в озеро.

Это имя, не греческое, а анатолийское, было достаточно известным в Микенах и в Кноссе; mo-go-so KNDe 138]. NV: Mogsos = Μοϕος, и mo-go-jo. Pusa 774 Gen. NV praeced: mogusoio (Предмето-понятийный словарь греческого языка. Крито-микенский период. Составители В.П. Казанскене, Н.Н. Казанский. Л., 1986. С. 181).

История курдского Мокса

Существовал и реальный царь Мокса, который, как предводитель племени дан (подвластного «дому Мокса»), в союзе с упомянутыми тукри, шекедеша, сигинами (сигулами) напал на Египет. Как пишут Л. Гиндин, В.Л. Цымбурский: «Всего примечательнее то, что в хеттском «Тексте о Маддуваттасе» [...], (Vs. 75—75) фигурирует некий западноанатолийский правитель Muksus, действовавший в конце XV в. до н.э. на территории позднейших Лидии и Карию. (Goetze, 1928. С. 36).

Сенсационный интерес к фигуре Мокса Колофонского привлекла упомянутая надпись из Кара-тепе, высеченная царем Аситавад-

дой. Дело в том, что в ней имя подвластного Аситавадде народа dnpum сочетается с обозначением династии, к которой принадлежал этот царь, в качестве [...], в иероглифической лувийской части — Дома Мукса (mu-k(a)-s—s Epaг-na) [Astour, 1965. С. 2; Barnett, 1953. С. 142; Teriggi, 1967. С. 83, 87]». [...], ... поскольку dnpum явно тождественны народу D1njwn, нападавшему на Египет вместе с тевкрами и пеласгами. Мопс Колофонский начал трактоваться как вождь крупного войска, в значительной степени состоявшего из греков-данайцев, дошедшего до Сирии и Палестины в числе «народов моря», разрушителей Кархемьша и Угарита». (Указ. соч. С. 153).

Само имя Moksos не греческое, а хетто-анаатолийское. Другое же предание о Моксе как сыне малоазийского солнечного бога Аполлона, либо критянина (курета) с курдским именем Ракия, где корень Ра — солнце (курд.) указывает на культ солнечного божества, который только в VIII в. до н.э. начал проникать из Фригии на территорию материковой Греции. Аполлон-волк противостоит Дионису-агнцу, и культ двух божеств проник в Элладу из Малой Азии, из Лувии и Фригии только в VIII в. до н.э., то есть приблизительно через 400 лет после падения Трои, яростными защитниками которой были лувийцы, поклонявшиеся своему родовому идолу священного копья в облике волка-Апуллуноса.

Сопоставление курдско-карийского вождя Мокса с Аттарсией хетто-лувийских надписей или Атреем из «Илиады» и древнегреческих исторических преданий вполне очевидно, поскольку само название царства Атрейя — Микены, откуда тот был изгнан, совпадает этимологически с областью Мокс < Мик(ен) в Курдистане. Имя Мокс восходит к ведийскому мэ-каз — место Солнца, в иранском Михр, то есть это страна Мехри из шумеро-аккадских, а позднее и ассирийских надписей III—I тыс. до н.э.

В русской и, шире, славяно-балканской мифологии ведийско-арийской, курдской богине солнца — Каши соответствует женское божество Мокоша (Мо-Коши). В славянском полабском языке — Mukse, в пенджаби и урду — Каш(мир). В Киеве идол Мокоши стоял рядом с идиолом Перуна, божества молнии (ср.: курд. — пьрьск искра).

Курды-куреты

Первое упоминание о курдах в древнегреческих источниках восходит к Гомеру. В Илиаде (IX, 529—599) о битве куретов и этолийцев повествует воспитатель Ахилла Феникс:

530

Как оно было, хочу поведать меж вами, друзья:
Брань была меж куретов и бранолюбивых этолян
Вкруг Калидона града, и яростно бились рати,
Мужи этольцы стояли за град Калидон, им любезный,
Мужи куреты пылали обитель их боем разрушить.

Царем Калидона в Этолии, по древнегреческим преданиям, был Мелеагр, имя которого в переводе с курдского Мале — дом, агр — огонь (диал. курманджи) означает Огонь дома, Очаг дома. Само имя Мелеагр соотносится как древнегреческому мифу, посвященному этому герою, так и курдским национальным обычаям поклонения очагу дома. Так, Алфея, жена Инея, царя Калидона, при рождении их сына Мелеагра получила предсказание от богини судьбы о том, что младенец умрет тотчас, как догорит головня в очаге. Алфея вынула горящую головню из очага и положила в сундук. Позднее на город Калидон, тогда куретский (курдский), Артемида (Arta — общеиранская богиня справедливости) наслала дикого вепря в наказание царю Инею, не принесшему богине жертвы во время празднеств осенью в честь сбора урожая. Когда куреты-курды убили вепря, из-за шкуры и головы животного началась распря между куретами, жившими в Калидоне, и куретами, жившими вне города — кочевниками.

Мелеагр, помогая своим подчиненным горожанам-калидонцам, убил курета-кочевника, являвшегося братом его матери — курдянки Алфеи. Калидонцы-горожане после этого победили куретов, но Алфея-мать, мстя за своего убитого брата, вынула тлеющую головню, от которой зависела напрямую жизнь Мелеагра и, потушив огонь, убила своего собственного сына.

В индоарийском языке гимнов Ригведы головня называется *tarueṅa*, в котором корень *tar* — жар соответствует курдскому — *təf* — тепло. Одно из мидийско-курдских племен, будии, в эпоху Геродота обитало в Скифии и поклонялось индоарийской богине солнечного тепла — Тапати.

Как писала по интересующему нас вопросу известный курдолог Г.Ф. Аристова: «Говоря об очаге, нельзя не остановиться на той огромной роли, которую он всегда играл в духовной жизни курдского населения и продолжает быть «священным местом» в быту курдов. Для курдской семьи очаг никогда не являлся только источником жизни: для обогрева жилища, для варки пицци, для выпечки хлеба и т.д. Очаг в семье курдов прежде всего символ, конкретизирующий

«высшую силу». Отсюда, вероятно, и проистекает огромное значение очага в быту курдов, особенно езидов.

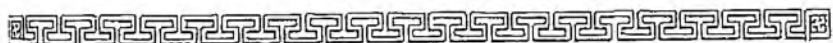
Очаг, по религиозно-бытовым традициям курдов, символизирующий благополучие и постоянство семьи, никогда не должен быть сразу угасшим. Особенно нельзя гасить огонь при помощи воды, отнимающей тепло и выхолаживающей очаг. При необходимости курды гасят огонь пеплом, т.е., по их верованиям, веществом — находящимся рядом с этим огнем» (Mokri M. *Le foyer kurde.* — *Ethnographie.* P. 1961, 55. P. 86).

Но согласно обычаю, огонь лучше не гасить. Небольшие тлеющие угли постоянно находятся в скрытом состоянии, даже и в том случае, когда больше нет никакой необходимости в разжигании очага (Mokri M. P. 86). Религиозное почитание курдами негасимого огня выражается в том, что хозяйка помещает на особом фитиле пламя, взятое из очага, в особую посуду, предохраняющую его от воздуха.

Другим признаком «священности» огня до сих пор является вера курдов в магическую силу, содержащуюся, по их мнению, в золе некоторых, так называемых мистических очагов, особенно у представителей секты али-илахов, или «людей истины» (юго-запад иранского Курдистана). Эта зола, согласно поверьям — наделена счастливыми добродетелями». Ею можно якобы излечивать укусы змей и скорпионов. Такого рода очаг у верующих курдов считается духовным очагом, а его хозяин в глазах своих близких и сельчан якобы обладает некоторыми божественными атрибутами. (Mokri M. P. 87).

Вообще, надо сказать, на какой бы стадии религиозности ни находилось курдское население, очаг действительно играет огромную роль в жизни семьи, являясь символом благородства, благополучия. Так, по традиции отец оставляет завещание, чтобы после его смерти очаг (т.е. семья) не угасал, был постоянным, продолжался, чтобы в роду продолжалось благополучие. Самый многочисленный род считается счастливым преемником своих предков, т.е. их очага. Про человека, не имеющего детей, курды говорят, что его очаг потух. Единственный ребенок недостойн и не в состоянии ничего добавить к чести семьи и обеспечить ее счастье, так как он гасит семейный очаг. Таким образом, по народным традициям, пламя очага представляет собой символ продолжения рода, семьи, племени» (Аристова Т.Ф. *Материальная культура курдов XIX—XX веков.* М., 1990. С. 107—108).

Весь рассказ о Мелеагре — Очаге дома», в греческих преданиях с упоминанием куретов полностью соответствует и повествует об ис-

конном курдско-ведическом обряде поклонению огню. В целом само имя Мелеагр курдское и соответствует этимологически и семантически мидийскому термину агрван — служитель огня, в религии Запуштры.

Далее, Т.Ф. Аристова приводит текст С.А. Егиазарова, посвященный культу семейного очага у курдов: «Очаг служит синонимом семьи: сын, отделившись от отца и обзаведшись особым хозяйством, оставляет очаг. Когда новорожденному дают имя (на седьмой или восьмой день после рождения), тогда его обносят вокруг очага и закладывают в очаг обрезанную при рождении и сбереженную для этого пуповину в знак того, что новорожденный с этого момента делается настоящим членом семьи. Сын, после отделения от отца, обыкновенно берет огонь из того же очага и разводит свой собственный, ричем огонь к нему приносит мать и собственноручно приготовляет очаг.... Дочь, выходя замуж и оставляя отчий дом, тоже обходит вокруг очага, как бы прощаясь с ним. Сын послушный и уважающий своих родителей называется у курдов «очахзаде» (сын дома) напротив — биочах» (без очага) называется человек бездомный, безродный, также сын непослушный». (Краткий очерк курдов Эриванской губернии. — ЗКОИРГО. Кн.3. Вып. 2. 1891, или Т.Ф. Аристова. Указ. оч. С. 108).

Таким образом, наблюдения над культом очага у курдов трех независимых авторов — С.А. Егиазарова (XIX в.), М. Мукри и Т.Ф. Аристовой (XX в.), наглядно указывают на тот этнографический факт, что миф о Мелеагре — Очаге дома», является исконно курдско-ведийским. Само имя города Калидон — производное от курдского кали — печь, жечь, опалить; у курдов хозяйка дома — очага называется калфата и восходит к более древнему индоарийскому кꞌлпата — колпат — хозяин, повелитель огня (зола).

О курдах в Акарнакии и Этолии повествует и другой греческий миф. Этол, герой древнегреческой мифологии, убив случайно на погребальных играх во время ристалищ колесниц человека и опасаясь кровной мести, бежал из Пелопоннеса в страну куретов. В Куретиде убил приютивших его Дора, Лаодока и Полипойта — детей бога Аполлона и Фтии, и назвал их землю в честь своего имени Этолией (Apollodor I. 7, 6.), а куретов изгнал в соседнюю Акарнакию.

Все эти древнегреческие мифы ясно и четко сохранили воспоминания о курдских племенах как прежних, додорийских обитателей материково-балканской Греции. Дорийское нашествие эллинов с

севера, из-за отрогов Балканского хребта, вынудило часть курдских племен (лэки, шекаки, тукри-тохары) переселиться через Боспор на прежние места обитания в Малую Азию.

Русский философ А.Ф. Лосев, изучив детально все античные источники о куретах в связи с культом Дьяуса-Зевса у эллинов, писал: «В качестве этнографического понятия куреты известны прежде всего в Этолии, где, возможно, они занимали Плеврон. [...] Акарнанских куретов другие источники соединяют с какими-то куретами, жившими по Ахелюю. Были попытки путем филологических конструкций объединить ахелойских и акарнанских куретов с халкидскими куретами на Эвбее, где наличие этого народца тоже засвидетельствовано. Есть источник, называющий всю Эвбею Куретидой. Нонну (Dion. XIII, 13, ср. XXXVI, 278.) принадлежит целый рассказ об эвбейцах, сопровождавших Диониса в его индийском походе под командованием семи корибантов, которых Нонн, по-видимому, не отличает от куретов. Халкидские куреты, как можно заключить из разных источников, очень рано стали пониматься как мифологические куреты, воспитавшие и охранявшие Зевса на Крите. [...].

Акарнанские куреты — тоже не без связи с критским Зевсом. По крайней мере, Etyim.Gud. 342, 3, свидетельствует: «Куреты — это акарнанцы, которые воспитали Зевса». Говорили также, что Кносс был заселен выходцами из акарнанской Куретиды. [...] Сам Крит тоже был местом распространения не только иератического мифа о Зевсе и куретах, но и этнографического о них представления. ..., первый царь Крита, по иным источникам, был курет Крес. Куреты мыслились также основателями многих критских городов (Элевферы, Итан, Биен, Иерапитины и даже самого Кносса). Гесихий же прямо называет куретов «критским народом» (Лосев А.Ф. Античная мифология. М., 1957. С. 244—245).

Причисление дорийцами-эллинами курдов-куретов Малой Азии есть не что иное, как причисление курдов к более древним племенам «народов моря», которые под этнонимом «кəгəті» в XIV в. до н.э. вместе с ахейцами-аххиява, лукка-лэк, сигулы-сигинны-шекаки совершили нападение на Египет в дельте Нила, а затем вели непрерывные войны с фараонами XIX и XX династий. В Библии ((Ветхий Завет, Иез. 25, 16) эти племена моря фигурируют под именем «кəгəті» — куреты (критяне в синодальном переводе), вследствие чего абсолютно невозможно считать реальных куретов каким-то мифическим народом.

Другое имя, корибанты, применяемое по отношению к предкам курдов — куретам, также находит свою этимологию в иранском языке и ритуальный смысл в обрядах малоазиатских индоевропейцев — хеттов. Слово «корибант» в курдском кер — нож и бэнд — человек означает племя, приносившее в жертву людей, то есть индоарийских обитателей Крита, приносивших каждый год весной в жертву Минотавру, сыну Господа Светлого Неба, Дьяуса-Зевса семерых девушек и юношей. У хеттов и, по всей видимости, и у более древних хаттов (предков абхазов-адыгов) культ принесения в жертву человека имел чрезвычайно широкое распространение в очистительных обрядах, совершавшихся после военного поражения: «Если войско потерпело поражение от неприятеля, оно совершает следующий обряд за «рекой»: рассекают человека, козла, щенка и кабанчика; помещают половину по одну сторону, половину по другую, а спереди ставят ворота из... дерева, а перед воротами зажигают костры по одну и по другую сторону, и войско проходит сквозь ворота, а когда оно дойдет до реки, оно окропляет себя водой». (Генри О.Р. Хетты. М., 1987. С. 136).

На другом тексте хеттской клинописной таблички говорится о военнопленном из стана неприятеля, подлежащего наряду с собакой и кабаном жертвоприношению.

Вообще, и курды, и хетты, и эллины-греки — это реальные индоевропейские народы, которые, по сути, заложили основы всей индоевропейской цивилизации. Так, хеттская клинопись является первой в истории индоевропейцев письменностью. Культура древних эллинов породила все западноевропейское искусство: скульптуру, живопись, оперу, балет, драматический театр, цирк. Следовательно, если у исторических народов — хеттов, эллинов (индоевропейцев) миф через культ породил реальное искусство — драму, то нет никаких сомнений, что этот миф имеет под собой реальную прошлую действительность и несет в себе некое рациональное зерно, раскрыть и описать которое может далеко не всякий ученый. С этой точки зрения чрезвычайно важно выяснить: кем являлись куреты для древних греков и хеттов.

Здесь прежде всего интересны греки-эллины, поскольку излагают о курдах-куретах историко-мифологические представления, подчеркивая тем самым свое позднее появление на исторической сцене, как в материковой Греции (этолийскоакарианской Куретиде), так и в Малой Азии, тогда как хеттские источники говорят о курдах уже в XIV в. до н.э. как о реальном народе, живущем по границе их цар-

ства. А.Ф. Лосев, строго соблюдая принцип историзма в изучении любого мифа, пишет: «Куреты и корибанты связаны с идеей физического перевоплощения (во львов), что указывает на большую хтоническую древность этой мифологии. Чтобы эту древность представить еще более разительнее, укажем на историка Истра, на которого ссылается Порфирий (*De abst.* II, 56; *FNH.* I, brg. 47). В своем обзоре жертвоприношений Истр утверждает, что в древности куреты приносили детей в жертву Кроносу. Куреты — это символ человеческих жертв; и отсюда их связь с древнейшими этапами первобытного общества. Служение же их младенцу Зевсу является гораздо более поздней концепцией, связанной уже с победой олимпийцев над титанами, т.е. с победой патриархата над матриархатом и с победой героизма над стихийно-хтонической анархией. [...]. Знаменитое критское объединение хтонизма и человеческой интимности оставалось в глазах античности навсегда за Критом. Крит был подлинной ареной этого перехода от хтонизма к героизму, а остальная Греция только воспользовалась плодами этой огромной культурной революции». (Указ. соч. С. 245).

Крит известен прежде всего культом индоарийского божества Дьяуса-Зевса, имевшего облик Быка. В курдском языке слово *бык* — *га*, соответствует шумерскому *gid-mah*, — слово, которое восходит к IV тыс. до н.э.

По мифам и преданиям греков-эллинов, культ индоарийского бога Зевса пришел к ним от куретов, исконных обитателей Малой Азии, защищавших младенца Дьяуса в пещере горы Ида. Вследствие чередования звуков *z < d* ведическо-арийское имя бога Дьяус у древних греков звучало как *Zeus* — Зевс. При этом у латинян имя господина светлого неба Дьяуспитар соответствует ведийскому Дьяусу по звучанию — *Diovis* — блестящий», а не греческому *Zeus* — Зевс. Встает закономерный вопрос, имели ли к этому процессу изменения *d > z* в древнегреческом языке ранние контакты эллинов с восточно-иранскими племенами, где это фонетическое явление имеет свою историю. (См. ниже).

В древнем Иране — Арийане имелись свои «народы моря». Это скопище дэвов из области Зранки — Дрангианы известно уже в Авесте, которые, по всей видимости, в эпоху Заратуштры (нач. II тыс. до н.э.) не только ушли частично через Гиндукуш в Северную Индию (ведические арии), на восток, но, перевалив горы Загроса, также вторглись с востока на запад в Малую Азию. Сам факт негреческого

культу Зевса достаточно хорошо освещен в науке. Так, А. Ф. Лосев писал: «Мотив рождения Зевса, как признается в современной науке (например, Нильсон), является совершенно негреческим, так как в Греции боги не рождаются и не умирают. В тех немногих случаях, где говорится о рождении богов, мы всегда имеем в основе тот или иной негреческий культ, как, например, для Аполлона на Делосе, для Артемиды в Эфесе или для Семелы во Фракии...» (Указ. соч. С. 241).

Теперь необходимо привести античные источники о культе ведийско-арийского божества Дьяуса-Зевса у древних курдов-куретов.

Лист. II, 629—640.

Вооруженный отряд, которому греки куретов
Имя фригийских дают, играя оружием острым,
Тут же пускается в пляс, опьяненный пролитой кровью,
Страшно при этом тряся косматыми гребнями шлемов;
Изображают они диктейских куретов, на Крите
Зевса младенческий крик заглушавших, коль верить преданью,
Вместе с детьми, что вокруг дитяти в стремительной пляске
Мчались и медью о медь, кружась, ударяли размерно...

(Пер. Ф. А. Петровского)

Apollod. I, 1, 5—7.

«...Разгневанная этим Рея пришла на Крит, когда была беременна Зевсом, и там родила его в пещере Дикты. Его отдала она на воспитание куретам и нимфам, дочерям Мелиссея, Адрастии и Иде. Эти последние воспитывали мальчика Амалфея, а куреты в полном вооружении, охраняя младенца в пещере, ударяли копьями по щитам...»

Hug. Fab. 139.

«... А Гера отправила Зевса на остров Критский. При этом кормилица мальчика Амалфея подвесила его в колыбели на дереве, так что его нельзя было найти ни на небе, ни на земле, ни на море. И чтобы не было слышно плача ребенка, она созвала юношей и дала им небольшие медные щиты и копья и заставила их стучать, двигаясь вокруг дерева. По-гречески они были названы куретами. Другие [у других] называются корибантами, кроме того, они называются ларами.»

Paus. VIII, 37, 6.

«Что же касается куретов — их изображения стоят под статуями — и корибантов, которые в виде рельефа изображены на пьедестале (это совершенно иной вид божеств, не куреты), то хотя я и знаю о них, но я прохожу их молчанием.»

Диодор о Критском Зевсе и куретах:

b) Diod. V,

«...Одни повествуют, что куреты являются порождением Земли. Другие, что они — потомки идейских дактилей. Населяют они лесистые горы и места с ущельями и вообще такие, которые имеют прикрытия и естественные убежища, ввиду того, что они еще не изобрели постройки жилищ. Они отличаются тем, что умеют наставлять многому полезному. Они первые образовали стада овец и приручили других животных и научили пчеловодству. Подобным же образом они стали водителями общей взаимной дружбы и сожительства, а также единомыслия и некоторого благочиния. Они придумали мечи, шлемы и вооруженные танцы. Производя при помощи этого великий шум, они обманывают Кроноса. Говорят, что они гостеприимно приняли и воспитывали Зевса, когда его мать Рея передала им тайком от отца Кроноса.» (Пер. А.А. Тахо-Годи).

Страбон о куретах

Strab. X, 3, 7

«Излагающие историю Крита и Фригии утверждают, что куреты были подобные же божеские существа или слуги божеств, причем история их переплетается рассказами о различных священнодействиях, то таинственных, то иного рода, относящихся к воспитанию Зевса на Крите, к оргиям Матери богов в Фригии и в окрестностях троянской Иды. [...] говоря кратко и вообще, всех их считают восторженными, вакхическими, все они пляшут в вооружении под звуки и шум кимвалов, тимпанов и оружия, а также под звуки флейты и восклицания, наводя страх на людей во время священнодействий, принимая на себя вид слугителей божества. Поэтому празднества эти смешиваются с самофракийскими, лемносскими и многими другими, так как усматривают в исполнителях их одних и тех же людей».

Strab. X, 3 (11—12).

«(19.) Куреты же будто бы первые в Евбее начали носить медное вооружение, почему и называли их халкидами. Потом некоторые утверждают, что корибанты даны были Рее титанами в качестве вооруженных слугителей, причем корибанты выводятся из Бактрианы, а другими из Колхиды. В критских сказаниях куреты именуется кормильцами и стражами Зевса и выводятся на Крит Реею из Фригии.

(22.) Одни считают их туземцами на Иде, другие — пришлыми, но все считают их фигырами, служителями Матери богов и жившими во Фригии, в окрестностях Иды. Трояду называют Фригией потому, что когда Троя была разрушена, то страну овладели жившие в соседстве фригийцы. Куретов и корибантов считают потомками идейских дактилей, именно: будто первые сто мужчин, родившихся на Крите, были названы идейскими дактилями, от них было девять потомков, куретов...» (Пер. А. Тахо-Годи.)

Рациональным ядром этих многочисленных преданий древних греков о куретах-курдах является безусловное признание их родоначальниками основ ведийско-арийской религии Дьяуса-Зевса, первыми металлургами (в Малой Азии) и коренным, автохтонным населением на Самофракии.

Действительно, деление курдов-езидов на 4 касты, как и индуистов, указывает на их общих предков — ведических индоариев Куру (куретов), живших задолго до сложения различных дорийских племен в единый этнос эллинов. Изыскание и добыча медных руд, золота и серебра, плавка иковка металлов были известны индоевропейцам-хеттам в начале II тыс. до н.э., когда этноним реального индоиранского этноса курдов фиксируется надежно в хеттской клинописи, даже вне курдско-хурритского княжества Митанни, располагавшегося от гор Загроса на востоке до верховий Хабура на западе.

И наконец, культ малоазийского бога Диониса, сопровождаемый курдским дифирамбом (дэф — рьм) и флейтой — бьлур, стали впоследствии, к V в. до н.э., музыкальной основой театрального искусства — драмы — у античных эллинов в материковой Греции.

Курды-аланы и эллины-греки

Имя курдского племени алан соответствует этнониму «эллины», самоназванию дорийских племен греков, которые с XII в. до н.э. под натиском фракийско-иллирийских племен начинают с севера продвигаться в глубь Балканского полуострова. Оставляя в стороне этимологическое соответствие имен куру > курды > греки [кэгэти], напомним: в науке принято считать, что слово Греция — латинского происхождения. Сами греки именовали себя ахейцами и данаями. Общее название «эллины» для всех греческих племен появляется не ранее VIII—VII вв. до н.э., после чего родилось и название страны Эллада. До этого времени каждое племя греков имело собственное название.

Троянская война, заселение ахейцами Малой Азии, продвижение дорийских племен с севера в глубь материковой Греции и военные походы «народов моря», в составе которых имелись курдские племена, представляют собой различные стороны одного исторического процесса — расселения индоевропейских племен.

Ахейцы (ахейские греки), переселяясь в XII в. до н.э. в Малую Азию, столкнулись с курдскими племенами коневодов, лаками-ликийцами, которых постоянно вытесняли с территории Ликии-Лувии далеко на восток на склоны горного хребта Загрос, где те проживают и поныне. В составе этих лаков-ликийцев были и курды-виноградари тьрмьли, от курдского тьри — виноград, и мьли — название одного из племен курдов, давших название всей Фригии — Irgia — тьримела — страна, область винограда».

В присутствии курдских племен на западе Малой Азии, в Трое, XIV—XII вв. до н.э. сомневаться не приходится, поскольку в древних источниках, в частности у Гомера в «Илиаде», ясно и четко зафиксированы сами этнонимы этих курдских племен: лаки-ликийцы и тьримьли. Как пишут относительно этого вопроса Л.А. Гиндин и В.Л. Цымбурский: «[...] Мы можем по-новому осмыслить донесенную Геродотом (I, 173) легенду о том, что население Ликии будто бы состояло из двух одновременных групп иммигрантов. Первые составляли приведенные сюда в глубокой древности Сарпедоном термилы (Термйлоі или Тремйлой), которых легко отождествить с носителями так называемого ликийского языка А, обозначающими свою страну в надписях именем tmmis, а себя — tmmile. Позднее, согласно Геродоту, явилась вторая группа пришельцев, которую и возглавил Лик, сын Пандиона. Историк полагает, что от этого героя и пошло название Ликга (на самом деле это греческая адаптация известного с хеттских времен анатолийского названия области Lukka). (Указ. соч. С. 241.)

Таким образом, сам этноним курдских племен лак и мьли (Тьри — мьли) восходит к хеттам-индоевропейцам. Диалект курдов-лак представляет в курдской диалектологии особый интерес переходом общекурдского ч > ц, сохраняя таким образом в языке более древний звук — ц, характерный для хетто-лувийских языков Передней Азии. Вследствие этого, общеиранские курдские слова получают в лакском диалекте иную (хеттскую) огласовку, например:

курманджи: начирван > нацирван (лак) — охотник
бьчум > бьцем (лак) — я пойду

черэ > тцурэ (лак) — пастбище.

челэк > тцелэк (лак) — корова.

Это чередование имеет аналогию, а возможно, и восходит к спирантизации зубных лувийского языка, например окончания 3 лица ед. и мн. числа *-ti*, *-nti* в *-zi*, *-nzi* уже в хеттском языке. Сама фонетика лакского диалекта имеет самое непосредственное родство с мертвыми ликийско-лувийскими языками II тыс. до н.э. и указывает на древнее и автохтонное происхождение курдов племени лак (лек).

Подобный звук — тц > ц наблюдается и в фонетике пашто (афганский язык). Самоназвание народа пашто происходит от курдского пез — мелкий рогатый скот, то есть козы и овцы, которых, как установили археологи, впервые приручили в горах Загроса на территории современного Курдистана.

Поскольку имя народа пашто — овцеводы — восходит к курдскому языку жителей Загроса, то можно предположить, что пуштуны восходят в своем этногенезе к древним жителям Передней Азии и Иранского нагорья. Это подтверждается тем фактом, что в горах Памира и Северной Индии живет иранский народ манджи (мунджа), чье имя соответствует этнониму курдов курманджи, потомков Ману, пребывание которых в горах Загроса фиксируется шумеро-аккадскими надписями III тыс. до н.э. Национальной особенностью иранцев пашто (пуштуны) и манджи (мунджанцы) является справляемое ими ежегодно весеннее национальное празднество Бъз-каши — Терзание козла, существовавшее уже у ликийцев-лувийцев Передней Азии во II тыс. до н.э.

Название весеннего обряда восходит к курдскому ритуалу Пез-кыши — разрывание, разделение ягненка, во время которого символически разыгрывается древнее поверье индоиранских народов о жертвоприношении Божества-Солнца этому миру. Главную и центральную роль в обряде Пез-кыши (Бъз-каши) играет ягненок, и это прямо указывает на исконное место зарождения этого обряда в древности — Передняя Азия и горы Загроса, где и была domestирована дикая овца.

В эту эпоху в Загросе жили индоарийские племена. На это указывает индийское (арийское) имя Аполлона в ликийско-хеттском *Natri* со значением «Вождь» [Carruba, 1977, с. 282 и сл.] (ср.: хетт. *naj* — «вести», которое соответствует древнеиндийскому *paṇati* — вести, *netra* «предводитель» [Королев, 1976, с. 86]. (Л.И. Гиндин, В.Л. Цым-

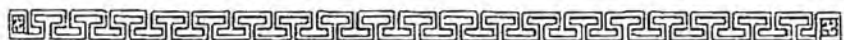

бургский. 1996. С. 252). Это этимологическое и смысловое соответствие имени Аполлона древнеиндийскому *paṇatī* указывает, что индоарийские племена Куру обитали в горах Загроса, поскольку племена хеттов-индоевропейцев появились в Передней Азии чуть ранее исторического вторжения арийских племен Куру-Бхаратов в Северную Индию.

Позднее к VIII в. до н.э. (?) переднеазиатский культ индоиранских народов Бъз-каши, изображающий страдания, смерть и воскрешение агнца — сына Божия — Дайэны (*Daiane*), перешел в материковую Грецию, где был перенят эллинами-греками и стал справляться весной, как праздник-трагедия Страстей Диониса.

В центральной части Курдистана имеется несколько курдских городов, носящих древнее индогерманское (индоевропейское) имя Алан. Эти города, находясь на территории Курдистана, тем не менее, значительно удалены друг от друга на тысячи километров и разделены труднопроходимыми высокими горами Загроса. Один город — Курт Алан — расположен на севере Курдистана между Диярбакыром (древний Амед) и озером Ван, тогда как на востоке за хребтом Загрос в Иране расположены курдские поселения Мус-Алан и Хосей-Алан. В Иране, в так называемом Мукринском Курдистане, в южной части между Везне, Сердештом и хребтом Кандиль обитает ведущее оседлый образ жизни курдское племя алан. Этимологическое соответствие этнонимов алан — эллин указывает на древнее генетическое родство курдов и эллинов (греков).

Было бы очень легко и заманчиво предположить, что курдские аланы являются потомками дорийских эллинов, вторгшихся в XII в. до н.э. с запада с территории Балкан и материковой Греции в Переднюю Азию и обосновавшихся на новой земле в эпоху Троянской войны. Однако не только курды-аланы, но и все курдские племена демонстрируют свое родство с древними эллинами. Вследствие этого родство курдов-алан и эллинов является более древним, нежели эпоха Троянской войны и дорийского вторжения в Малую Азию. Прежде всего интересен сам этноним курдов и древних греков: алан — эллин, который соответствует имени арий (арийан), служившим самоназванием ведических индоариев Куру. Вследствие чередования звуков R > L в индогерманских языках (K. Hoffman, G. Morgenstierne) имя алан воспроизводит ведическое арийан. Завоеватели Индии, ведические индоарии Куру были выходцами из Загроса, где по настоящее время живут их потомки-курды, потомки Ману — курмандчи.

По Авесте, расселение курдско-мидийских племен распространялось от Передней Азии до Хорезма, достигая предгорий Южного Урала (культура Аркаима) на севере, до Алтая и Тянь-Шаня (культура саков-тиграхауда) на востоке и Северного Причерноморья — на западе, где жили синды, то есть курды-сенджаби.

То, что подобное расселение курдско-мидийских племен, начиная с территории Загроса, действительно имело место в древней истории индогерманских племен, подтверждают многочисленные свидетельства из области этнографии, археологии и языкознания. На Южном Урале в Башкурдистане среди башкурдов, помимо курдского по происхождению племени бурзян, существует племя элан. Наличие постоянных контактов уральских элан и курдов-алан Загроса в Иране подтверждает так называемый Аланский могильник, датированный VII—VIII вв., обнаруженный археологами на территории Башкурдистана возле г. Стерлитамак. Знаменательно, что в этом башкурдском аланском могильнике найдены пять серебряных иранских дирхемов (драхм, др.-греч.), отчеканенные с 94 (712) по 154 (770—771) гг. хиджры. Два дирхема биты в Багдаде (багадатта — «богом данный» на курдск. яз.), два в Васите и один в Кермане [Курдистан]. В другом могильнике, представляющем богатое захоронение воина-алана, найден золотой динар 87 (705—706) г. хиджры (Руденко С.И. Башкиры. 1955. С. 28).

Пребывание курдов-алан еще в XIII в. на Южном Урале отмечали многие персидские и арабоязычные историки.

Наиболее раннее историческое свидетельство о курдах-аланах оставил Геродот, который, перечисляя племена скифов, писал: «Ближе всего от торговой гавани борисфенитов (а она лежит приблизительно в середине всей припонтийской земли скифов) обитают каллипиды — эллинские скифы; за ними идет другое племя под названием ализоны. Они, наряду с каллипидами, ведут одинаковый образ жизни с остальными скифами, однако сеют и питаются хлебом, луком, чесноком, чечевичей и просом. Севернее ализонов живут скифы-земледельцы». (История IV, 17.)

Таким образом, помимо курдов-мидийцев будинов, в Скифо-Сарматии обитало еще одно чисто курдское племя — аланы-ализоны.

Этноним ализоны восходит к курдскому али > арийзана — род, племя. При этом возможно чтение алайи — алаيه военный отряд (курд., диал. курманджи), если учесть военно-теократическое устройство древнего общества ведических индоариев Куру. Ученые скло-

няются к мнению о происхождении имени скифского племени ализоны от индоарийской формы арьязана — племя ариев. Этим же этнонимом эллины > арийан — арийцы» называли себя и древние доорийские племена, обитавшие в Северном Причерноморье и во Фракии до XII в. до н.э., после чего начавшие свое продвижение с севера через Фракию на Балканский полуостров, вытесняя (?) ахейцев и данайцев.

Данные сравнительного языкознания по трем языкам — эллино-греческому, алано-курдскому и санскриту показывают наличие в них единых придыхательных звуков в системе согласных; сравните:

Санскрит	Курдский язык	Древнегреческий язык
ph	п(ph)	ph
th	т(th)	th
ch	ч(ch)	ch
kh	к(kh)	
gh	г(gh)	

Так же однообразно, но не синхронно, с известным временным отрывом происходил процесс перехода общеарийских глухих и звонких смычных в аспирированные смычные в древнеиранском — мидийском и затем эллинско-новогреческом языках; сравните:

Общеарийские придыхательные	Мидийский язык	Греческий язык
th >	ϑ -	ϑ
dh >	ρ -	ρ

Древнейший социальный строй эллинов-греков, изображаемый в «Илиаде», удивительно точным образом воспроизводит родоплеменной строй не только курдов-аланов Загроса, но и всех курдов Месопотамии, Передней Азии и Иранского нагорья.

У эллинов, как и у курдов, племена делились на роды: курдск. «зана» — греч. «генос»; из родов составлялись братья — фратрии (братства), а уже из фратрий филы — эл (племена). Управлял племенем (филой, эл) выборный филобасилевс (греч.) — элбашчи (курд.), одновременно и жрец и вождь.

Аристократический совет у эллинов-ализонов носил имя булэ от курдского — бэлэ, бэлу — известный, видный (круг людей), в англий-

ском bold — смелый, дерзкий (сильный, видный). Это исконно индоарийское, протокурдское слово балу — видный вошло затем и в язык пришельцев, шумеров и аккадцев. В русском языке слово того же корня болярин > боярин — знатный человек, в сербохорватском — больарин.

Как писал прекрасный знаток древнегреческой истории и культуры В. Сергеев: «Первоначально булэ, подобно римскому сенату эпохи царей, была чисто родовым советом, в котором участвовали главы всех родов. Впоследствии же состав булэ сузился и аристократизировался. В булэ могли заседать лишь представители наиболее влиятельных родов и родовых союзов. Совет (булэ) обычно собирался во дворце главного басилея и за трапезой обсуждал поставленные царем вопросы». (Сергеев В. История Древней Греции. М., 1939. С. 66.)

Также к курдскому слову бало — известный, восходит и курдское билийан — знающий, балэди — знание, осведомленность и башкурдское белеу — знать, белем — знание.

Интересно отметить и указать, что идентичные термины социальной иерархии имеются и в языке башкурдов Южного Урала, в частности у башкурдов рода Элан.

древнегреческий язык	курдский язык	башкурдский язык
фратрия — братство	бърати — братство	бире — ближний
филе — племя	эл — племя	иль — родина
басилевс — вождь	баш — глава	баш — глава
филобасилевс — вождь племени	элбаши — глава племени	ильбаши — глава государства

Фукидид сближает греческое *basileia* (царство) со словом *patrīkos* (отеческий), иными словами, с понятием, родственным ведийско-курдскому Пат — глава рода или патша (патци) — глава земли.

Наличие единых с курдами и эллинами социальных терминов уже в языке башкурдов Южного Урала в Башкурдистане, расположенного далеко на севере от Балканского полуострова, подтверждает протокурдский этногенез древних эллинов-дорийцев, пришедших, согласно Авесте, первоначально из Передней Азии в Северное Причерноморье как пастухи мелкого рогатого скота (овцы-козы). А затем, через несколько столетий, уже став самостоятельным этносом, эллины вторглись в материковую Грецию. Эта точка зрения находит свое

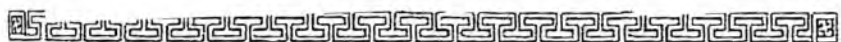
обоснование в архерлогических данных. Так, многие изделия петровской, андроновской, срубной культур, распространявшихся во II тыс. до н.э. от Южного Урала до Северного Причерноморья, имеют явные признаки сходства с памятниками ахейской Греции. Даже название воинских орудий, лука и стрелы в древнегреческом языке восходят, как установил Эмиль Бенвенист (1966), к иранским языкам.

Как пишет известный археолог профессор Е.Е. Кузьмина: «Распространение в Греции евразийской степной породы лошадей для колесничной запряжки, конских захоронений и псалиев, сопоставимых с андроновскими, указывает на специфическое значение конных колесниц в обоих ареалах и на общность их происхождения. Эти факты особенно существенны в связи с тем, что именно мифологические сюжеты, связанные с конем, колесницей и быстроконным солнцем, относятся к числу ареальных греко-индоиранских сходжений. Отмечалось также появление в степях микенских орнаментов» (Откуда пришли индоарии. М., 1994. С. 252.)

К настоящему времени найдены новые памятники срубной культуры в Поволжье, более надежно доказывающие наличие ее генетического родства с культурой ахейских греков.

Колесницы с поселения ведических индоариев Куру (Аркаим на Южном Урале), датируемые II тыс. до н.э., имеют единую технику исполнения с колесницами микенских греков-эллинов. Само древнегреческое слово *hippos*, «лошадь» вышло из курдско-ведийского языка, где оно звучит как *hespe*. Но горы Загроса не являются исконным обитанием степного животного — лошади. Курды-мидийцы или ведические индоарии Куру, покинув Загрос в эпоху расселения индогерманских племен, как об этом повествует Авеста, через территорию Средней Азии — Хорезм (Хваразим) достигли Южного Урала, где около IV тыс. до н.э., и была, судя по археологическим данным, domestирована дикая лошадь.

Впоследствии, уже во II тыс. до н.э., то есть только по прошествии двух тысяч лет, курдско-мидийские по происхождению племена эллинов, обитавших к тому времени в Северном Причерноморье и Фракии, начали с севера продвигаться на юг Балканского полуострова: Знаменитые конные ристалища на ипподроме у ахейских и дорийских эллинов в точности повторяют более древний и близкий к первоначальному ведийский ритуал ашвамедха у индоариев Куру. Эллино-греческое наименование ритуала — *hippodromos* — повторяет и воспроизводит курдско-ведийское *haspdara* — бег коня по кругу

в ритуале завоевания царем-воином, раджой новой земли — ашва-медха. В этом царском обряде коня белой масти выпускали на волю на один год. Все земли, которые тот проходил в течение этого периода времени, считались принадлежавшими хозяину коня, царю-радже. Именно этот ритуал — завоевание и объезд новой земли царем-солнцем» или раджой-конем символически разыгрывали на ристалищах колесниц и скачках коней (аји) ведические индоарии Куру — митаннийские арии, а затем и аланы-эллины (ализоны) Южного Урала, Поволжья, Северного Причерноморья во II тыс. до н.э.

Исторически митаннийские арии, в войске которых имелись воины-колесничие *Ratha-stha-maṅya*, известны в Передней Азии и Месопотамии на много веков ранее, нежели ахейские и дорийские эллины, не только в Малой Азии, но, собственно, и того времени, когда те проникли на территорию самого Балканского полуострова. При этом именно полное соответствие термина *hippodromos* курдско-ведийскому *hespedara(me)* указывает на генетическое родство курдов-ализонов и эллинов.

До индоариев Митанни и касситов-бахтиар, ликийцев-ляков Передняя Азия не знала лошади. Это подтверждает и археологическая наука, поскольку, несмотря на огромные площади раскопок древних поселений в различных частях Передней Азии, Месопотамии и Ближнего Востока, в остеологических останках кости домашних лошадей отсутствуют вплоть до хеттского, индогерманского времени начала II тыс. до н.э. Именно к хеттам восходит этногенез курдов ляков-ликийцев, бывших прекрасными специалистами в деле разведения и селекции лошадей. Ахейские, а затем и дорийские эллины в эпоху длительной колонизации греческими племенами Малой Азии обосновались на той же территории, где некогда до них, вплоть до VIII в. до н.э., обитали хетты-ликийцы. Поскольку курды-лаки обнаруживают генетическое родство с хеттами-ликийцами, а курды-аланы с эллинами (Балкан), то это и является прекрасным доказательством расселения в III тыс. до н.э. индогерманских племен на обширной территории, помимо Передней и Средней Азии, также и в Северном Причерноморье и на Балканах, откуда пришли хетты-лувийцы в Малую Азию, а также на Южном Урале и в Поволжье, где обитали курдско-мидийские племена ализонов-эллинов. Топонимия этих регионов подтверждает именно индоиранский характер древнего населения Южного Урала, Поволжья и Северного Причерноморья.

До вторжения племен номадов, называвших себя аланами-эллинами, в XIV—XII вв. до н.э. на Балканский полуостров там уже обитали коренные автохтонные племена индоевропейцев. Древняя топонимия Балкан показывает, что древнее доахейское население было пришлым — из районов Загроса — и этнически связанным с древним автохтонным населением Передней Азии и Иранского нагорья.

Первым в этом списке топонимов стоят Микены с курдским корнем кани — источник, родник и существительным ми — овца (мелкий рогатый скот). Как известно, доэллинское население Балканского полуострова занималось овцеводством и абсолютно не знало домашней лошади, не занималось коневодством.

Микены своим корнем-основой соответствуют авестийской Кане-Кангхе, мифической крепости ариев, а также историческому Кангавару в Иране и Кандагару в Афганистане.

Следующий балканский топоним, Маке-дония (Македония), напрямую соответствует курдско-эллинскому тага — таһа — великий курд.), макрос — высокий, длинный (греч.) и доп — река. Топоним Маке-дония соотносится с названием курдского района Мака в Загросе, исторического места доместивания мелкого рогатого скота откуда вместе с переселением скотоводов-ариев имя это стало распространяться и на запад (Балканы) и на восток (Иран, Афганистан). Так, в Белуджистане, на юге располагается местность Мака, Макрон от чего и происходит название одного из диалектов белуджского языка: мекран.

Другим древним и значимым топонимом Балкан является Мигдония. Существует в Загросе крупное курдское племя Макавенд-отпрыски Мака, куда входит и знаменитое племя Кальхор.

Все эти топонимы указывают на овцеводство как основное занятие древнего автохтонного населения Балкан, обитавшего здесь еще до ахейского вторжения эллинов-коневодов. При этом мы знаем, что овцеводство получило свое распространение из Загроса и, следовательно, древнее автохтонное население Балкан было этнически связано с курдами и Курдистаном.

Как писал В. Сергеев: «Вопрос о Микенах — один из самых сложных и запутанных вопросов античной истории — находится еще на стадии предварительных исследований и обсуждений. Прежде всего, недостаточно ясен вопрос о носителях микенской культуры, каковыми по господствующему в науке мнению были ахейцы. Вопрос же об ахейцах не может быть разрешен без разрешения другого, не

отделимого от него вопроса об этнической принадлежности критян» (М., 1939. С. 34.)

Этноним-критянин, как он воспроизведен в древнееврейском *karati* (Библия), точно соответствует названию — курд. Критяне были исконно индоевропейским этносом, на что указывает их ведийско-арийский культ Дьяуса-Зевса — Господа Светлого Неба», в облике Быка. Наличие культа Дьяуса у островитян Крита свидетельствует и об обитании ведических индоариев Куру — протокурдов и на континенте — в Передней Азии и на Иранском нагорье. Дикий бык был одомашнен в Верхней Месопотамии в эпоху культуры Халафы в VI тыс. до н.э. Изображения бычьих голов, очень популярные в халафском искусстве, доказывают, что бык олицетворял важное божество халафских племен. Возможно, к этой древней эпохе Халафы восходят этнонимы и диалекты курдских племен горан-гавсувар и обычай всех курдов почитать рога символом верховной власти и богатства. Именно из автохтонного курдского языка название животного бык — «га» — вошло позднее и в язык пришельцев, шумеров.

Все археологические и лингвистические данные свидетельствуют о том, что жители Крита привнесли культ ведийского Дьяуса-Зевса на остров с континента, то есть из Передней Азии, где и обитали их соплеменники-индоевропейцы.

Другой культ жителей Крита — культ сына Дьяуса-Зевса, агнца Диониса-Загрея указывает на горы Загроса в Курдистане, где, собственно, и зародилось овцеводство. Попытки некоторых ученых выводить имя Загрей из греческого *zagreus* — охотник представляют собой явную логическую ошибку. Во-первых, Дионис нигде в мифе не представлен как охотник; наоборот, Дионис — жертва, а во-вторых, как можно переводить имя с греческого языка, когда самих греков еще не было?

Слово Зекер (Загреус) восходит к курдскому *ze* — память; кер — делать, исполнять.

Именно поминание Диониса — «зекер», исполняемое курдами Передней Азии, дало имя Дионис-Загрей — «Дионис поминаемый».

КУРДЫ И ГРЕКИ

Самоназвание греков в древности было эллины, что в переводе с курдского языка означает алайи — военный отряд (диал. курманджи). В древности сами эллины применяли название греки к племенам

эллинов, осевших на окраине Эллады, в Эпире и Иллирии. Для античного эллина греки — ители западных границ Эллады.

У ведических индоариев боевые племена Куру всегда первыми вступали в бой и служили на страже границ своего военно-теократического общества.

Древние германцы, как и их предки индоарии, называли именем Негг — $naṅg <$ Куру — войско военные подразделения своих соплеменников, совершавших разорительные набеги за пределы границ своих земель.

Этот же специфический индоарийский военный термин Куру в форме Кара встречается у древних иранцев.

Все эти факты свидетельствуют о том, что и у древних эллинов имя «грек» восходит к общеиндоарийскому Куру — $Kəgətī$ — военный отряд, народное ополчение. Эта точка зрения полностью согласуется с древней традицией большинства индоарийских и германских народов, к которым относятся и эллины. Практически не представляется возможным из эллинов и греков сделать два разных народа, как, допустим, из Москвы и Подмосковья создать два различных государства.

... Греки-эллины в античное время имели единое с курдами Месопотамии и Передней Азии административно-территориальное деление своих земель. Так, в Спарте, где в отличие от материковой Эллады общество было более консервативным, вся территория была поделена на условные единицы, называемые курдским словом Оба. Само наличие курдского специфического термина в греческом языке свидетельствует о близости дорийских племен эллинов и курдов (аланов) Месопотамии.

А вот и другие примеры. Курдское слово гел — народ совпадает с названием военных отрядов — агелы — в Спарте, в которых были обязаны служить все молодые юноши-спартанцы, достигшие определенного возраста. В курдском слово ахел — ахли < гел означает «народ, племя», и соответствует древнегреческому охлос — народ, толпа».

Религия курдов и греков

Многие (если не большинство) имена древнегреческих божеств имеют свое происхождение из протокурдского ведийского языка.

Дьяус-Зевс. Имя Дьяус — исконно курдско-ведийское, является обозначением светлого неба, то есть неба, видимого в светлое вре-

мя. Такое небо почиталось индоариями Куру, а позднее эллинами, Господом Вседержителем.

Этимология этого имени такова. В курдском языке глагол дит 1) видеть, 2) испытывать, 3) находить восходит к ведийскому *div* — излучать, сиять. Блеск света отождествлялся с белым светом, наподобие снега, который «серебрится». В курдском языке зив — серебряный, и, по всей видимости, к этому имени и восходит древнегреческое имя Зевс (*Ζεύς*) общеиндоарийского божества света Дьяуса.

Ганимед. Древние иранцы были прекрасными мастерами по изготовлению вина из винограда, которое пили и в быту и особенно во время религиозных празднеств, следуя традициям своих предков, ведических индоариев Куру. По представлениям древних греков, боги, так же, как и люди, собираются и устраивают пиры на горе Олимп, где пьют вино. Виночерпием на собрании богов выступает в мифах герой с исконно курдским именем Ганимед. В курдском языке слово гон-ди — деревня, сообщество, группа, толпа. Вторая часть имени — мед, восходит к курдскому мей — вино с суффиксом — показатель множественного числа — т (ед — ет).

Культура винограда имеет свое происхождение из Передней Азии, с гор Загроса; она была широко распространена в курдском княжестве Мехри в III тыс. до н.э. и позднее в курдском государстве Манна, задолго до возникновения в I тыс. до н.э. цивилизации эллинов. По мифам индоариев Куру ведические божества во главе с Дьяусом устраивают жертвоприношения, на которых пьют священную Сому. В курдско-ведийском *su* — тянуть, вытягивать, *mei* — вино, хмель. По ведийскому мифу, матерью Сомы является Синдху, имя которой продолжает сохранять название курдского племени сенджаби, живущего в Иране на территории, где протекает река Дияла, называвшаяся в древности Синдха — Гинда. По Ригведе, Сома был похищен орлом с гор для Ману, первочеловека, пережившего мировой потоп. Ману — первопредок курдов-курманджи, которых аккадцы-вавилоняне называли кутиями, с которыми связывали предания о потопе и ковчеге, остановившемся на горе Ницир (Джуди-Даг).

Ригведа IV, 26.

4. Эта птица должна быть далеко впереди всех птиц, о Маруты. Быстро летящий орел — впереди (всех орлов), Когда по собственному порыву без колес прекраснокрылый Понес жертву для Ману, услаждающую богов.

Орел принес Сому, забрав (его):
Тысячу и десять тысяч выжиманий сразу.
Тогда Пурамдхи оставил Арати,
Мудрый в опьянении Сомы — немудрых.

В древнегреческом мифе виночерпия Ганимеда похищает Дьяус Зевс в облике орла, когда тот, будучи сыном троянского царя, пастился овец на склонах горы Иды в Малой Азии. Таким образом, и мифические предания древних греков подтверждают тот важный для исторической науки факт, что прародина индогерманских племен, ведических ариев Куру — Передняя Азия.

По ассирийским источникам IX в. до н.э., не просто гора, а целая область Ида располагалась в высокогорных районах Загроса и входила в состав кутийско-курдского княжества Манна. Район княжества Ида в Загросе соответствует современному курдскому городу Зивийя, в окрестностях которого археологи обнаружили поселения эпохи так называемой серой керамики, датируемые XIV—IX вв. до н.э.

Ида. По ведическим преданиям, Ида — дочь Ману, первочеловека, сотворенная им из жертвоприношения после потопа для продолжения человеческого рода на земле. Богиня Ида имеет самое непосредственное отношение к этногенезу курдов. В мифе индоариев богиня Ида стала супругой Будхи, тогда как из «Истории» Геродота мы знаем, что одно из шести племен курдов-мидийцев называлось будии.

О том, что предки курдов, ираноязычные мидийцы расселились с мест своего прежнего обитания в Передней Азии на запад и на север, мы знаем из сообщения Геродота о мидийском племени сигиннах во Фракии и скифском племени будинов в Северном Причерноморье. Весь древнегреческий миф о похищении Ганимеда орлом со склонов горы Иды есть пересказ ведийско-арийского мифа о похищении Сомы с указанием на Переднюю Азию как прародину индоевропейских племен.

Ашвины — Диоскуры. В ведийско-арийской мифологии божества коневодства почитались братья-близнецы Ашвины, в переводе *Asp > Asvinau* — Конники, обладающие конями. По числу упоминаний в гимнах Ригведы Ашвины уступают только главным богествам Индре, Агни, Соме. В некоторых ведических гимнах говорится о великом почитении отпрысков Ману — курманджи к божествам коневодства.

Ригведа I, 184.

5. Эта хвалебная песнь создана для вас, о Ашвины,
Потомками Маны для прекрасного почитания (вас),
о щедрые.
Совершите объезд для продолжения рода и для (нас) самих.

Племена манда упоминаются уже в III тыс. до н.э. в аккадских надписях Нарам-Суэна как обитатели Загроса, а уже позднее, во II тыс. до н.э., в «Законах» хеттских царей, как военное сословие, не платившее налогов.

В Ригведе божества Ашвины упоминаются вместе с Атри, почитаемом наряду с Ману родоначальником индоарийских племен.

У древних греков Атрей является ахейским царем Микен, а братья-близнецы, коневоды Диоскуры тождественны ведийским Ашвинам — конникам. Древнегреческий Атрей был, по мифу, изгнан из Микен; и в ведийских гимнах мы находим много обращений к Ашвинам о помощи Атри.

Ригведа. VIII, 73.

7. Сделайте вы, о Ашвины,
Для Атри защитный дом!
Пусть ваша помощь будет рядом!
8. Для Атри прекрасно говорящего
Вы ответите огонь.

Имя Диоскуры восходит к курдско-ведийскому Dīaus-kure — сын Дьяуса (Зевса), поскольку в курдском, как и в греческом, слово куре означает «сын».

Диоскуры, как и Ашвины, являются божествами коней и колесниц, связаны с чередованием времени суток, сменами дня и ночи. Диоскуры родились из яйца, снесенного Ледой — лебедем, тогда как ведийские Ашвины также родились из яйца — мартанды.

Коневодство зародилось не в Индии и не в Греции. Дикую лошадь, как это подтверждает археология, впервые приручили в IV тыс. до н.э. на Южном Урале, куда ранее мигрировали курды — митаннийские племена Хорезма, пришедшие туда из Передней Азии, как об этом повествует Авеста.

Позднее из Северного Причерноморья и далее через Кавказ с хвора и из-за Геллеспонта с юга коневодство уже в конце III тыс.

до н.э. проникает в Ликию, на территорию Малой Азии. В лувийском иероглифическом языке в середине II тыс. до н.э. встречается общеарийское название лошади — *asuwa*. На примере чередования праиранского *suaka*, др.-индийск. *svaka* — волк, авест. *srap* — *sraka*, можно уверенно предположить соответствие ликийско-лувийского *aswa* > *hespe* в курдском языке и его диалектах, например, лакском, с учетом исторических данных о миграции курдского племени лак в район Загроса из Передней Азии с территории древней Ликии — Лувии. Курды племени лак славятся наряду с курдами-бахтиарами умением разводить породистых лошадей — *aspe*.

Курды сипки-субареи и сербы-хорваты

Имя курдского племени сипки восходит к индоарийскому, авестийскому *sraeta* — светлый, белый, от которого и происходит прилагательное курдского языка *сыпи* — белый, светлый, безоблачный.

Курды-сипки обитают в Курдистане в плодородных долинах верховий Тигра, где, как считают шумерологи, еще в эпоху царства Аккада продолжал сохраняться автохтонный прототигридский «банановый» язык местных жителей. Курды-сипки уже в конце III тыс. до н.э. имели свое государственное образование, называемое в шумеро-аккадских надписях царство Субарту. Известно, что Саргон Великий (2316—2261 гг. до н.э.) в конце своего правления сумел отразить нашествие войск курдов-субарту на созданное им княжество Аккад.

В XXIII в. до н.э., как мы узнаем из надписи на скале Сарипуль вблизи курдского города Зохаба, у перевала с долин Диалы на Иранском нагорье, произошло подчинение курдов-субарту князю лулу (беев) — Аризане (Арижане). В 1764 г. до н.э. субареи и кутии прислали войска и помогли Хаммурапи одолеть армию Элама.

Имя и этноним субарту-субареи исконно индоарийское и находит свое продолжение в хеттском, германском, славянском языках из анатолийского архетипа: *subau* — го блестящий — сверкающий. Но, как известно, еще до хеттов, курдский этноним субарту — сипки — светлые, зафиксирован в более древних шумерских источниках III тыс. до н.э. В шумеро-аккадском мифе о боге чумы Эрре (III тыс. до н.э.) ясно и четко говорится:

И так промолвил могучий Эрра:
Приморец на приморца, субарей на субарей,
Ассириец на ассирийца, эламит на эламита,
Кассит на кассита, сугий на сугия,
Кутий на кутия, лулубей на лулубей,
Страна на страну, город на город,
Дом нападет на дом и брат на брата,
Все они будут истреблять друг друга;
Тогда воспрянут аккадцы и всех завоюют.

(Кramer С.Н.. Мифология Древнего мира. М., 1977. С. 158).

Из перечисленных семи древних народов среди курдов Загроса сохранились курдские же племена сипки-субарей, кутии-катани (езиды) и лулубей-лулу, род Талабани в Сулеймании.

Этноним ассириец попал в шумеро-аккадскую поэму значительно позднее, уже в конце II тыс. до н.э., в эпоху правления династии ассирийских царей.

Из перечисленных древних народов эпохи Шумера в III тыс. до н.э. кутии, лулубей, субарей являются курдами, из чего следует незамедлительный вывод о том, что самыми автохтонными жителями Загроса и Тавра были индоевропейцы. Курдский этноним сипки-субарей связан генетически с древнеиндийским *śubhga* — блестящий, к которому восходит на Южном Урале башку* яское сибэр — красивый. Древнее наименование реки Ксанф в Ликии было Сиброс [*Σιβρος*], в частности, уроженец Малой Азии поэт Паниасий говорит: «На Сибре, серебряной реке» (Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л., 1996. С. 244).

Если Сибр восходит явно к ведийско-арийскому *śubhga* — блестящий, светлый, то и позднее название реки Ксанф восходит к курдскому кышин — струиться, течь. Гидроним крупнейшей реки Южной Ликии имеет курдско-ведийское происхождение.

Во-первых, курдские диалекты зангене и чагана (лулу), Талабани восходят к древнеиндийским языкам, которые к настоящему времени не сохранились на территории Индии. Это и указывает на древность и архаичность происхождения этих курдских племен Загроса и доказывает, что военные походы ведических индоариев Куру по завоеванию Северной Индии начинались из Передней Азии.

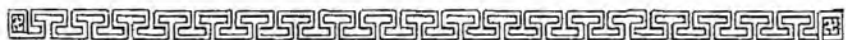
Во-вторых, позднее наименование реки Сибр — Ксанф — указывает на ликийское происхождение курдов-лак (ляк). Тройное соответствие — курдского этнонима племени сипки, топонима страны

Загроса — Субарту — индоарийскому *ṣubhṛa* — блестящий, светлый прямо указывает, что еще до эпохи возникновения государства хеттов-индоевропейцев в Передней Азии во II тыс. до н.э. там уже обитали древние автохтонные индогерманские племена ведических ариев Куру, предков современных курдов.

По всей видимости, как указывают и этимология, и семантика индоарийского имени курдского государства III тыс. до н.э. Субарту < *ṣubartu* (Шубарту) название это связано с горнорудными ремеслами Загроса и Тавра, где местное автохтонное население занималось добычей таких «блестящих» (*ṣubhṛa*) металлов, как золото, серебро, медь, ввозило из Афганистана олово и выплавляло бронзу. Кстати, через Субарту в Загросе олово из Афганистана поступало и в Шумер. Возможно, и этноним курд как-то связан с шумерским *kur* — гора для Шумера это только Загрос) и Ишкур — бог подземелья. Если Иш в имени Ишкур восходит к ведийскому *iṣ* — господь, то мы имеем индоарийское заимствование в шумерском языке. В курдском языке слово *кур* означает «глубокий» — подземелье», а также — огонь, необходимый для плавки руды. Наличие металлического оружия объясняет, почему субареи и кутии (курды-сипки) всегда угрожали, нападали и воевали с такими сильными рабовладельческими государствами Двуречья, как Шумер и Аккад. Именно наличие трех ремесел как форм социально-общественной жизни — земледелия, животноводства, горнорудного дела — и наличие класса священников, *Braziman*, у древних индоевропейских жителей Загроса и Передней Азии породили впоследствии такой удивительный феномен у индоариев Куру, как деление всех племен на четыре касты.

Противопоставление общины земледельцев общине скотоводов — наиболее характерная черта всех индоиранских народов древности, сохранившаяся у курдов Загроса по настоящее время. Курды-кочевники считаются в иерархии выше земледельцев и не один курд-кочари никогда не выдаст свою дочь за курда-реята (земледельца). И земледелие, и животноводство зародились в истории человечества в VIII тыс. до н.э. в Загросе, то есть в Курдистане, поскольку исконным ареалом произрастания дикой пшеницы, которую domestиковали, являются склоны Загроса и Тавра. Индоевропейское имя-основа зерна — *katī* — восходит к предкам курдов — кутиям, которые до настоящего времени как род Катани сохраняются среди касты священников: пиры у курдов-солнцепоклонников, езидов.

Дикие овцы и козы, как и дикая пшеница, также были domestированы предками курдов в VIII—VI тыс. до н.э., — и тем самым были заложены сами основы для последующего деления индоевропейских племен на 4 касты. Дикий бык был приручен и одомашнен в эпоху Халафской культуры. Когда ведические индоарии Куру пришли во II тыс. до н.э. в Северную Индию, все их общество уже разделилось на эти общиндоевропейские 4 касты. Но поскольку земледелие, животноводство и ремесла возникли в горах Загроса у кутиев-курдов, то, следовательно, и ведические индоарии Куру пришли в Индию из Передней Азии, где обитали ранее и, как об этом повествует Авеста, в мифе о расселении индоиранских племен и переносе трех священных огней трех каст (Атур Михрбан, Атур Гушнасп, Атур Фарнбаг) на спине быка Сришоке.

Деление общества на 4 касты у всех индоевропейских племен древности, как и у автохтонных жителей Загроса курдов-езидов, подтверждает и история славянских этносов — сербов и хорватов, которые обитают вдали от Индии и Курдистана.

И славянские этнонимы сербы и хорваты означают «земледельцы — скотоводы».

Хорваты — это исторически часть сербского племени, чье имя восходит к общеиндоарийскому ХЪRVATЪ, которое в иранском и славянском языках означает «стеречь». Сравните иранско-авестийское *haurvaiti* — стережет и исконно русское — хранить, охранять с индийским суффиксом *vant* (санскрит) > *vat*. Если этноним хорват означает «страж скота, скотовод», то можно предположить, что имя другой части племени, серб, связано с земледелием и означает «крестьянин».

И действительно, имя народности сербы восходит к древнему индоевропейскому корню *se* со значением «сеять зерно». Сравните др.-прусск. *Sugne* — зерно (ср. р.); у башкурдов Урала — *сәсеу* с удвоением корня *сә-се*, в курдском *ше* — зерно, ячмень.

Корень *рб* > *рп* в словах серп и серб восходит к общеиндоевропейскому *аго* — пахать (ср. латинский глагол с этим значением), *рало* — плуг (ст.-слав.), *рыть* (русск.) и *һәрәу* — пахать у башкурдов Южного Урала, а также *rudra* — булава, дубина (санскрит).

Возможно, к имени племени земледельцев — сербы — восходит и общеиндоевропейское название древнего сельскохозяйственного орудия — серп, от индоарийского *sarbh* — рубить.

Эти славянские индоевропейские племена земледельцев и скотоводов, сербов и хорватов жили в древности по соседству с ираноязычными племенами скифов и сарматов, среди которых, по указанию Геродота, были выходцы из Мидии — Курдистана: племена сигинов

во Фракии, ализоны и Будии в Северном Причерноморье, вплоть до Южного Урала (Аркаим, Синташта).

Земледелие и скотоводство как формы социальной и экономической жизни индогерманских племен зародились и сложились в Загросе, в Курдистане, в Передней Азии, а затем вместе с расселением индогерманских и ведийско-арийских племен проникли в Европу и Северную Индию. Самым важным здесь является сохранение в этнониме «сербы» курдско-кутийского корня — основы се-ще — зерно, ячмень, которое наличествует и в санскрите, и в современном курдском языке. Таким образом, через этнонимы славянских племен сербов и хорватов ученые могут проследить историю распространения земледелия и скотоводства из регионов Курдистана на Иранском нагорье через Переднюю Азию на Балканы и далее в Европу.

Попытки некоторых ученых выводить имя «хорваты» из «сармат», возведя к иранскому прилагательному *sar-ma(nt)* — (*harva(...)* t) — женский, изобилующий женщинами находит аналогию в мифе об Амазонках. Греческое название Амазонки представляет собой кальку курдского *амэ-зана* — женское племя, к которому индоарийские и собственно курдские суффиксы *van* — *man* никакого отношения не имеют. Могилы курдско-башкурдских жриц — предводителей племени — обнаружены в сарматских погребениях на Южном Урале далеко от Хорватии.

Древнеиранское *haugvaiti* — сторож, хранитель до настоящего времени сохраняется в современном курдском языке в названии птиц (петуха) Хорус-сахран, по пению которой различные индоевропейские народы справлялись о времени и отправлялись на стражу.

Деление сербов и хорватов на общины земледельцев и скотоводов вполне соответствует традиции древних индоевропейских племен. Кстати, сербы сохраняют в своем имени курдско-кутийское наименование ячменя — *ще > се*, что показывает распространение культуры земледелия из районов Загроса в другие регионы Старого Света.

КУРДЫ И ЕВРЕИ

Иаков в Курдистане

Иаков, патриарх и родоначальник народа Израилева, сын Ребеки, получив благословение Исаака, уготованное его старшему брату Исаву, по желанию своей матери бежал в Курдистан, где жи

его дядя Лаван. По прибытии в Харран Лаван принял Иакова с радостью как родного сына своей сестры Ревекки. Иаков служил у него пастухом в течение 7 лет. Затем Лаван по типично курдскому обычаю выдал за него первоначально свою старшую дочь Лию, а когда Иаков прослужил чабаном еще 7 лет, женил его на младшей дочери Рахили. Так Иаков исполнил слова своего отца Исаака, заповедовавшего ему: «Не бери себе жены из дочерей Ханаанских; встань, пойдя в Месопотамию, в дом Вафуила, отца матери твоей, и возьми себе жену оттуда, из дочерей Лавана, брата матери твоей». (Быт. 28: 1—2)

Вообще это место в Ветхом Завете чрезвычайно загадочно и порождает больше вопросов, нежели ответов.

Во-первых, Месопотамия не является прародиной семитов, тогда как Библия всегда постулирует этот регион как древнюю прародину евреев, тем самым отделяя евреев от других семитов — арабов, именно как инородный этнос.

Во-вторых, еврейские племена, прибыв из Месопотамии в Ханаан на Ближнем Востоке, старались не смешиваться с местным семитоязычным и индоевропейским (хеттским) населением, а стремились, в крайнем случае, среди лиц высшего, царского, жреческого юда жениться и выходить замуж за лиц своего племени, по-прежнему обитавшего в Месопотамии.

Этот обычай жениться и выходить замуж за лиц своего класса или касты исчез у евреев, но сохранился у курдов-езидов Месопотамии, у которых брак строго регламентирован и каста пиров может сочетаться только с представителями касты пиров, каста шейхов с шейхами, мьридов с мьридами и т.д..

Весьма примечательно, что все родоначальники 12 колен (племен) Израилевых родились на земле Курдистана в семье Иакова.

Так, Лия родила Иакову в Месопотамии сыновей:

Рувима — колено Рувима;

Симеона — колено Симеоново;

Левия — колено Левино — Левиты;

Иуду — колено Иудино, символ Лев;

Иссахара — колено Иссахарово;

Завулону — колено Завулоново.

Зелфа (Залифа) родила Иакову в Месопотамии сыновей:

Гада — колено Гадово;

Асира — колено Асирово;
Валла, служанка Рахили, родила Иакову в Месопотамии сыновей;
Дана — колено Даново, символ Змей;
Неффалима — колено Неффалимово.

Рахиль, младшая дочь Лавана, родила Иакову в Курдистане сына Иосифа, а после переселения в Ханаан при рождении Вениамина погибла и была погребена в Вифлееме.

Факт рождения родоначальников израильских(?) племен в Курдистане, в Верхней Месопотамии, объясняет причины невозвращения позднее из «Вавилонского пленения» 10 племен обратно на Ближний Восток.

У иудеев наследственность определяется по матери. Сестры Лия и Рахиль, дочери Лавана, были уроженками Курдистана. Там же, в Курдистане, родились будущие 11 родоначальников израильских племен. Иными словами, их родина Курдистан, а не Палестина и Израиль. Вместе с тем, на всей территории Загроса и Тавра, то есть Страны Курдов, не обнаружено каких-либо семитских топонимов. Из этого и следует доказательство о том, что, возможно, предки евреев говорили на курдско-кутийском языке.

Падан в Курдистане

В Ветхом Завете неоднократно упоминается кутийско-курдское княжество Падан в предгорьях Загроса. Из клинописных документов II тыс. до н.э. мы знаем, что царь касситов-коневонов Агум Как Реме называл себя царем Альмана и Падана, горных областей в верховьях реки Диялы и ее притоков. Касситы поклонялись древним индоарийским божествам, а Альман и Падан представляли собой коренную область обитания касситских племен вплоть до северо-западных пределов Элама.

Царь касситов Агум Как Реме (1595—1571 гг. до н.э.) в своей надписи заявляет о том, что заселил людьми (касситами) Падана и Альмана область Эшнуну в Нижней Месопотамии. Иными словами, переселение некоего индоарийского этноса происходило с востока на запад. Библия подтверждает этот факт описанием перехода Авраама с семейством из Ура Халдейского в Харран, а затем и в Ханаан на Ближнем Востоке, где они встретили опять же индоевропейские племена хеттов.

Ветхий Завет (Быт. 27: 46):

«И сказала Ривка (Ревекка) Ицхаку (Исааку): надоела мне жизнь из-за дочерей хеттов! Если Яаков (Иаков) возьмет жену из дочерей еттов, из дочерей этой страны, — на что мне жить?»

Услышав слова Ревекки, Исаак отправил сына своего Иакова в страну матери его, в Падан-Арам, где, как говорят древние источники, находилось княжество касситов — кашши, предков курдов-актиар.

«И призвал Ицхак (Исаак) Яакова (Иакова), и благословил его, повелел ему, и сказал ему [...], встань, пойдя в Падан-Арам, в дом Бэтуэля, отца матери твоей, и бери себе оттуда жену, [...]. И отпустил Ицхак (Исаак) Яакова (Иакова), и ушел он в Падан-Арам». (Быт. 28: 1—5).

Падан II тыс. до н.э. упоминается как город-княжество Питану в надписи ассирийского царя Ассархадона, выбитой в связи с его войной с мидийским царем Каштарити-Фраортом в 673 г. до н.э. Княжество Падан-Питану располагалось в верховьях р. Диалы в восточных предгорьях Загроса. По представлениям древних обитателей Месопотамии, Падан являлся областью обитания касситов-индоевропейцев.

Прийдя в Падан, Иаков женился на дочерях своего дяди и, прожив около 20 лет, сказочно разбогател, став обладателем многочисленных стад овец. Действительно, область Загроса является родиной овцеводства. Здесь, в Падане, в горах Загроса в Курдистане, у Исаака и его жен Лии и Ревекки и его наложниц родились дети, ставшие впоследствии родоначальниками-патриархами двенадцати колен Израилевых. Таким образом, получается, что этнически прародители Израиля были протокурдами. Разбогатев, Иаков вернулся со своим семейством из земли своей матери, княжества касситов Падан в восточных предгорьях Загроса, в Ханаан на Ближнем Востоке.

«И встал Яаков (Иаков) и посадил своих детей и своих жен на верблюдов. И увел весь свой скот и все свое имущество, которое добыл, скот, им приобретенный, который он добыл в Падан-Араме, и направился к Ицхаку (Исааку), отцу своему, в страну Кнаан (Ханаан). А как пошел Лаван стричь своих овец, то Рахель похитила идолов, что у отца ее» (Быт. 31: 17—19).

· Таким образом, мы видим, что предки иудеев поклонялись тем же божествам, что и касситы-индоарии. А Ханаан — в древнееврейском языке Кнаан (Knaan) — сохраняет в корне слово *kin*, являющееся в языке кутиев Загроса из княжества Падан обозначением города, поселения, края.

Курды-левиты Хошави в Ветхом Завете

В Шумере жители в III тыс. до н.э. поклонялись Быку-Месяцу. Этот культ шумеры унаследовали от древних автохтонных жителей Месопотамии и Загроса — кутиев и лулубеев. У курдов, потомков кутиев-лулубеев одно из четырех крупных племен до настоящего времени носит имя гораны — быкастые. Культ быка имеет у курдов древнее (национальное) происхождение, о чем свидетельствует тот факт, что несмотря на многовековое господство ислама, у курдов до настоящего времени повсеместно сохранилось в народе поклонение божеству Гаване З@рзан — Золотому Быку», почитаемому покровителем крупного рогатого скота. Неудивительно наличие культа Быка и у ветхозаветных евреев — по-курдски дьжду — отделившихся, чьи родоначальники двенадцати колен, возможно, происходят из Загроса или Падана в Курдистане.

«Но Моисей сказал: это не крик побеждающих и не вопль поражаемых; я слышу голос поющих.

19. Когда же он приблизился к стану и увидел тельца и пляски, тогда он воспламенился гневом, и бросил из рук своих скрижали и разбил их под горою.

20. И взял тельца, которого они сделали, и сжег его в огне...

26. И стал Моисей в воротах стана и сказал: кто Господень, — ко мне.

...И собрались к нему все сыны Левиины...

27. И он сказал им: так говорит Господь, Бог Израилев: возложите каждый свой меч на бедро свое, пройдите по стану от ворот до ворот и обратно, и убивайте каждый брата своего, каждый друга своего, каждый ближнего своего.

28. И сделали сыны Левиины по слову Моисея: и пало в тот день из народа около трех тысяч человек». (Исх. 32: 18—20, 26—28).

Этот текст Ветхого Завета ясно показывает, при каких обстоятельствах свершилось учреждение левитов — выходцев из Падана в Курдистане, — кастой священников над евреями...

В Книге Чисел подробно описаны все постановления относительно обязанностей, возложенных Господом на Левитов.

«И сказал Господь Моисею, говоря:

6. Приведи колено Левиино, и поставь его пред Аароном священником, чтоб они служили ему;

7. И пусть они будут на страже за него, и на страже за все общество при Скинии собрания, чтобы отправлять службы при Скинии;

8. И пусть хранят все вещи Скинии собрания, и будут на страже за сынов Израилевых, чтобы отправлять службы при Скинии;

9. Отдай левитов Аарону и сынам его [...].

11. И сказал Господь Моисею, говоря:

12. Вот, Я взял левитов из сынов Израилевых вместо всех первенцев,

разверзающих ложесна из сынов Израилевых.

Левиты должны быть Мои.

13. Ибо все первенцы Мои. [...].

14. И сказал Господь Моисею в пустыне Синайской, говоря:

15. Исчисли сынов Левииных по именам их: Гирсон, Кааф и Мерари» (Чис. 3: 5—9, 11—15).

Таким образом, семейство Аарона из колена Левиина было отделено для отправления священнических обязанностей, то есть стало кастой священников, а прочие потомки Левиины с трояким разделением на гирсонян, мераритян, каафитян, названные так по именам трех сыновей Левия, получили особые должности уже внутри самой касты священников (Чис. 3, 23—27). Главные обязанности левитов были связаны с культом и заключались в помощи священникам семьи Аарона в служении в Скинии Завета, а потом в Иерусалимском Храме. Когда израильтяне переходили с места на место, они должны были носить священные сосуды, разбирать Скинию, переносить ее по частям и затем снова устанавливать. Клан Каафы хранил Ковчег Завета и священные сосуды (29—31); кланы Мерари и Гирсона делили между собой прочие обязанности. Служение в Скинии производилось левитами поочередно.

Во время разделения земли колену Левиину отвели 48 городов, из которых 13 были назначены для священников.

К концу правления царя Давида численность левитов достигала 38000 человек (I Пар. 23, 3).

Но после Вавилонского пленения из Курдистана (в Библии в связи с пленением упоминается Хавар — река Хабур в Загросе) в Иудею вместе с Зоровавелем вернулось только 360 человек (I Езд. 2, 40—42). Оказалось, что большинство левитов смешалось с местным курдским населением. Как выясняется, это и не удивительно, поскольку их прапродитель Левий, третий сын Иакова и Лии, сам родился в Курдистане в княжестве касситов-бахтиар Падан в верховьях Диалы, в Загросе.

Важно отметить, что иерархическая структура устройства религиозного сообщества древних евреев — джьбу во главе с кастой левитов-священников, выходцев из Падана в Загросе, четко соответствует иерархическому устройству теократического общества курдов-езидов.

Иерархия курдов-езидов представляет следующие степени.

I Шейхи — старшие в народе.

II Пиры — священники.

а) факиры — ухаживают за могилами;

б) кочеки — прислужники храма; прорицатель готовит дрова для священного огня в обители;

в) кавалы — посланец шейха или пира, певец, музыкант и сборщик налогов;

г) ауаны — низшая степень священства.

III Мърьд — мирянин.

IV Мъртаба — не курды, люди других национальностей.

(Карцев Ю.С. Заметки о турецких езидах. Тифлис, 1886).

Для курдов иерархическое устройство древнееврейского общества с подчинением касте левитов во главе с Аароном — Агрономом (Агър — огонь, курд.) не представляет ничего нового, а является вариантом теократического устройства общины курдов-езидов.

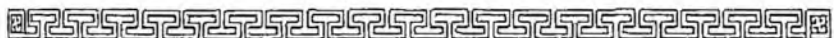
Курдское происхождение касты левитов подтверждается и наличием курдского имени Хошави у многих левитов, зафиксированных в Ветхом Завете.

Хашавия — имя следующих лиц:

а) (I Пар. 6: 45) один из певцов на службе по уставу;

б) (I Пар. 9: 14, 14) левит из потомства Мерари;

в) (I Пар. 25: 3, 19) один из сынов Идиоуна, избранный для игры на музыкальных инструментах в храме;

г) (I Пар. 26: 30) хевромитянин, имевший во дни Давида надзор над Израилем по ту сторону Иордана, к западу, по всяким делам служения Господня и по службе царской;

д) (I Пар. 27: 17), сын Кемуила, один из начальников над левитами при Давиде;

е) (II Пар. 35: 9) один из начальствующих над левитами при Иосии, подаривший левитам для великой пасхальной жертвы 5000 овец и 500 волов;

ж) (I Ездр. 8: 19) один из левитов, избранных Иддою по просьбе Ездры для сопровождения последнего в Иерусалиме;

з) (Неем. 3: 17) одно из лиц, чинивших Иерусалимскую стену при Неемии;

и) (Неем. 10: 11) из левитов, приложивший печать к обязательству быть верным Богу;

й) (Неем. 11: 22) дед Уззия, начальник над левитами в Иерусалиме;

к) (Неем. 12: 21) священник, глава поколения, во дни Иоакима;

л) (Неем. 12: 24) из глав левитов, поставленных для славословия при благодарениях во дни Иоакима.

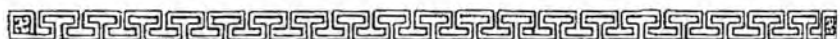
Хашавна (Неем. 10: 25) — из глав народа израильского при Неемии.

Хашавния — имя следующих двух лиц:

а) (Неем. 3: 10) — отец Хаттуша, участвовавший в починке Иерусалимской стены при Неемии;

б) (Неем. 9: 5) один из левитов, принимавший выдающееся участие в богослужениях великого праздника по возвращении из Вавилона.

Возвращение в Израиль левитов в таком незначительном и даже ничтожном количестве — 360 человек из 38 000 — предполагает считать левитским курдское племя хошнав, проживающее на северо-востоке Ирака в Курдистане юго-восточнее города Равандуз, вплоть до Хавлера (Эрбиль). В этом отношении весьма интересно курдское название города Хавлер, сохраняющее древний кутийско-лугубейско-мехранский корень *leg* — гора. Таким образом, курды, в том числе курды-хошнавы, называют город Хавлер самым древним кутийским именем, в отличие от проживающих рядом ассирийцев (их вариант названия — Арбелум) и арабов (Эрбиль). В наше время имя Хошави довольно часто встречается у курдов и зафиксиро-

вано у ряда политических деятелей. Так, во время легендарного перехода отряда курдов количеством 550 человек из Курдистана в СССР под руководством генерала Мустафы Барзани двое курдов носили фамилию (не имя!) — Хошави. Первый — Асад Хошави, из высших командиров, и другой — Саид Хошави. (Зарбахт М. От Иракского Курдистана до другого берега реки Аракс. М.—СПб., 2003. С. 40, 46.)

После свержения в Ираке диктатуры Саддама Хуссейна и образования автономного регионального Курдистана представителем Демократической Партии Курдистана в России стал этнический курд из племени барзан — господин Хошави.

Евреи — ближайшие родичи курдов. Что говорит генетика?

Кевин Алан Брук в своей статье «Курды — ближайшие родичи евреев» приводит следующие данные: «В 2001 году группа израильских, немецких и индийских ученых-генетиков выявила и установила, что курды являются ближайшим этносом по отношению к евреям, даже намного ближе, чем семиты-арабы или любой другой этнос, который был протестирован. Исследователи-генетики сравнили 526 Y-хромосом, взятых для пробы из крови представителей шести национальностей (курдских евреев, курдских мусульман, палестинских арабов, евреев-сефардов, евреев-ашкенази и бедуинов с юга Израиля) и дополненных данными по еще 1321 человеку, представляющим уже 12 других национальностей (включая русских, белорусов, поляков, берберов, португальцев, испанцев, арабов, армян и анатолийских турков).

Большинство из 95 курдов-мусульман были выходцами из Северного Ирака. [...] Было установлено, что курдские евреи и евреи-сефарды ближе друг к другу, чем к евреям-ашкенази. Большинство курдов оказались носителями считающегося еврейским генотипа Cohen Modal Haplotype».

В 1990 г. группа генетиков (включая Майкла Хаммера, нефролога Карла Скореки и их коллег из Англии) установили наличие особго Haplotype, названного «Cohen Modal Haplotype», сокращенно СМН, у 45 % евреев-ашкенази и 56 % евреев-сефардов. [...].

В 1999 г. К.Бринкман установил общее для курдов наличие СМН. В 2001 г. Оппенхайм писал в статье о том, что «доминирующий

Нарлотипе курдов-мусульман (Нарлотипе 114) только на одну микро-частицу отличается от Нарлотипе СМН у евреев».

Несмотря на различные этнические контакты, ясно, что евреи сформировались в древности как народ в регионе возле Курдистана, а позднее мигрировали в Израиль. Эти удивительные изыскания показывают, что курды и евреи могли иметь общих предков несколько тысяч лет тому назад.»

Литература по этому вопросу сравнительно редка, поэтому приведем основные источники:

Brinkmann, C., et al. Human Y-chromosomal STR haplotypes in a Kurdish population sample. *International Journal of Legal Medicine* 112 (1999): 181—183.

Brook, Kevin A. *The Jews of Khazaria*. Northvale, NJ: Jason Aronson, 1999.

Hammer, Michael F., et al. Y-chromosomes of Jewish Priest. — *Nature* 385 (January 2, 1997): 32.

Hammer, Michael F., et al. Jewish and Middle Eastern non-Jewish Populations Share a Common Pool of Y-chromosome Biallelic Haplotypes.- *Proceedings of the National Academy of Sciences USA (PNAS)* 97: 12 (June 6, 2000): 6769—6774.

Oppenheim, Ariella, et al. High-resolution Y-chromosome haplotypes of Israeli and Palestinian Arabs reveal geographic substructure and substantial overlap with haplotypes of Jews. — *Human Genetics* 107(6) (December 2000): 630—641.

Oppenheim, Ariella, et al. The Y Chromosome Pool of Jews as Part of the Genetic Landscape of the Middle East. — *The American Journal of Human Genetics* 69: 5 (November 2001): 1095—1112.

Rubin, Michael. *The Other Iraq*. — *Jerusalem Report* (December 31, 2001).

Siegel, Judy. Genetic evidence links Jews to their ancient tribe. — *Jerusalem Post* (November 20, 2001).

Thomas, Mark G., et al. Y-chromosomes Traveling South: the Cohen Modal Haplotype and the Origins of the Lemba — the «Black Jews of Southern Africa». — *American Journal of Human Genetics* 66: 2 (February 2000): 674—686.

Traubman, Tamara. Study finds close genetic connection between Jews, Kurds. — *Ha'aretz* (November 21, 2001).

Travis, J. The Priests' Chromosome? DNA analysis supports the biblical story of the Jewish priesthood. — *Science News* 154: 14 (October 3, 1998): 218.

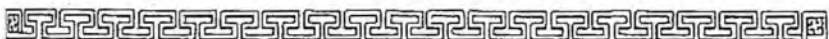
Zoosmann- Ziskin, Avshalom. Are today's Jewish priests descended from the old ones? — *HOMO: Journal of Comparative Human Biology* 51: 2—3 (2000): 156 0 162.

Евреи Курдистана являются прямыми потомками десяти колен Израилевых, выселенных в 723 г. до н.э. ассирийским царем Салманасаром V в регион, известный как Хабур — Ховар. Курдские евреи жили здесь непрерывно вплоть до 1950 года, когда основная их часть иммигрировала в Израиль. При этом курдские евреи часто и не отделяют себя от курдов.

Вполне возможно, что и имя части евреев — сефарды — восходит к курдско-шумерскому названию города Сиппар > Сефард в Месопотамии. На это указывает само еврейское ветхозаветное жертвоприношение, обязательным элементом которого было подношение богу на алтарь жертвенных животных — козы и овцы, domestированных в Загросе, хлеба и виноградного вина, культивирование которых впервые в истории человечества началось именно на территории Курдистана.

Манна и манна небесная

Племена кутиев Умман-Манда являются основателями древнего княжества Манна в горах Загроса, от которого и происходят современные курды-курманджи. Княжество курдов Манна, основанное в местах древнего земледелия, стало со временем крупным экспортером хлеба из высокогорных долин Загроса для жителей Месопотамской равнины и Сирийской пустыни. Библия упоминает сорт загросской пшеницы миннит — Маннейская, которой торговали в финикийском городе Тире, покупая ее в Иудее и Израиле. Можно предположить, что именно иудеи и были посредниками в торговле между жителями Загроса — курдами и купцами-мореплавателями Тира и других ближневосточных портовых городов. Пшеница Манны, миннит, упоминается в Библии наряду с вывозимыми для торговли курдскими конями из княжества Тогармы в Загросе (Курдистан).

Библия. Книга Иезекииля:

1. «И было ко мне слово Господне:

2. И ты, сын человеческий, подними плач о Тире...

14. Из дома Тогармы за товары твои

Доставляли тебе лошадей и строевых коней и лошаков...

17. Иудея и земля Израилева торговали с тобой;

За товар твой платили пшеницею Миннейской» (Миннифской в жнодальном переводе) (Иез. 27: 1—2, 14, 17)

То, что курды-курманджи в древности торговали лошадьми и пшеницей, подтверждается не только Библией, но и другими источниками. Из анналов ассирийских царей известно, что во время похода Саргона II на Урарту в 714 г. до н.э. княжество Манна снабжало ассирийские войска пшеничной мукой и вином.

В Ветхом Завете (Исх. 16: 15—31) сказано, что когда евреи в первый раз увидели манну, то говорили друг другу: что это? «И Моисей сказал им: «это хлеб, который Господь дал вам в пищу».

Само древнееврейское имя Моше (Моисей) восходит к протокурдскому, а затем и хаттскому (абхазо-адыгскому) Машэ — щипцы для углей, которыми выгаскивают, вынимают угли из костра. Дикую пшеницу одоместили в горах Загроса, и если евреи в древности проживали в Уре Халдейском, как об этом говорится в Библии, то, действительно, в эпоху фетишизма и анимизма, когда любой объект материального мира наделялся человеческим сознанием, экспорт пшеницы с высокогорья Страны Кардухов — Курдистана — на равнины Месопотамии неизменно должен был казаться даром Божиим, манной небесной.

Медный Змей — Нехуштан

Особенностью древней национальной синкретической религии курдов-езидов является наличие культа Змея. Покровителем Змей считается святой Шах-Менде, сын Шах-Менде Фархо-фарха, к имени которого восходит и этноним курдов-курманджи, и имя государства Манна, и название древних кутийско-мидийских племен, воинов (h) емму Манда, известных в Загросе еще в III тыс. до н.э.

По Авесте, рождение курдского этноса произошло в эпоху правления мифического царя -змея Ажи-Дахаки, поедавшего людей. Двести юношей, сумевших бежать от Ажи-Дахаки в горы Загроса, образовали курдский народ, который затем поднял восстание во главе с кузнецом

Кавой и сверг злого тирана. Первым металлом, который научились добывать и обрабатывать древние курды, была медь. Авестийский культ змея Ажи-Дахаки тождествен почитанию ведийского Змея глубин, Ахи-Бундхьи; сюда же восходит образ древнегреческой Ехидны (Ахи); в русском сходное слово сохраняется в названии одной из змей — уж.

По дошедшим до нас поздним иранским источникам, в некоторых районах Мидии, а также в Кабуле (Афганистан, входивший в состав Мидии) сохранялось почитание Ажи-Дахаки, и местные правители возводили к нему свои родословные или пересказывали предания о службе своих далеких предков при дворе Царя-Змея.

В Библии говорится о культе змея у евреев, носившего курдское имя Нехуштан — нездоровый, больной:

«6. И послал Господь на народ ядовитых змеев, которые жалили народ, и умерло множество народа из сынов Израилевых.

7. И пришел народ к Моисею и сказал: согрешили мы, что говорили против Господа и против тебя, помолись Господу, чтоб Он удалил от нас змеев. И помолился Моисей о народе.

8. И сказал Господь Моисею: сделай себе змея и выставь его на знамя, и ужаленный, взглянув на него, останется жив.

9. И сделал Моисей медного змея и выставил его на знамя, и когда змеем ужалил человека, он, взглянув на него, остался жив» (Чис. 21: 6—9).

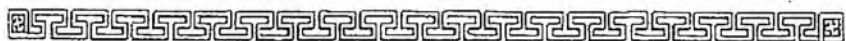
Култ медного змея Нехуштана, спасающего от болезней, просуществовал у евреев от Моисея, то есть от Исхода из Египта, до правления царя Езекии (728—699), — непрерывно несколько столетий.

«В третий год Осии, сына Илы, царя Израильского, воцарился Езекия, сын Ахаза, царя Иудейского.

2. Двадцати пяти лет был он, когда воцарился, и двадцать девять лет царствовал в Иерусалиме; имя матери его Ави, дочь Захарии.

3. И делал он угодное в очах Господних во всем так, как делал Давид, отец его.

4. Он отменил высоты, разбил статуи, срубил дубраву и истребил медного змея, которого сделал Моисей — потому что до самых тех дней сыны Израилевы кадили ему и называли его Нехуштан» (4 Цар. 18: 1—4).

Махабхарата и Нехуштан

В индийском эпосе Махабхарата имя Нехуштан (Нахуша) принадлежит божественному царю, сброшенному на землю и превращенному в змея на тысячи лет. Нахуша по индуистской традиции был мифическим царем Лунной династии, внуком Пуруравасы, сына Будхи и Иды, дочери Ману Вивасванта. Будха был мифическим родоначальником курдов-мидийцев, почитавших змея. Хастин, праправнук Нахуши, по мифологической традиции индуистов, женился на явно скифо-сарматской богине огня Тапати и у них родился сын Куру, прапородитель ведических индоариев Куру — курдов. Нахуша ударил ногой брахмана Агастью, после чего был проклят святым риши и затем превращен в гигантского змея (Махабхарата XIII, 102—103).

В мидийском языке, распространенном издревле у жителей Загроса, слово *brazman* означает «святой, священный», как и в языке индоариев Ригведы. Именно к этому ведийско-мидийскому слову и восходит этноним курдского рода *барзан*.

Курды-кутии и евреи колена Гадова

В курдском языке слово *котан* — плут восходит к имени действия *гот* — обрубок, *гот* корынь — отрезать, рубить. Это исконно индоевропейское слово сохранилось также в удаленном от Курдистана островном северогерманском английском языке как глагол *cut* — резать.

В древнееврейском языке, который, как и сами евреи, происходит (судя по Библии) из Курдистана, слово *gad*, от глагола *gad*, означает — резать, — как и в курдском, и в английском языках. Имя одного из 12 колен Израилевых, произошедшего от сына Иакова и Зельфы, служанки Лии, родившегося в Месопотамии и нареченного курдским именем Гад (*gad < gdd*). До настоящего времени среди курдов-езидов сохранилась этноконфессиональная каста священнослужителей шейхов — *катани*.

Именованние жрецов — *катани* восходит к практике срезания, *got*, первых колосьев пшеницы для подношения на алтарь божеству во время жертвоприношений. В древнекурдском языке сложилось название касты жнецов-священников — *got > gotani* — причастный к срезыванию колосьев. Эту точку зрения подтверждает, как и следовало ожидать, и Ветхий Завет, когда священник Гад пророчествует о семи годах голода за перепись. Ранее Моисеем было сказано: «Вот

благословение, которым Моисей, человек Божий, благословил сынов Израилевых пред смертью своею (...):

20. О Гаде сказал: благословен распространивший Гада.

Он покоится как лев, и сокрушает и мышцу и голову;

21. Он избрал себе начаток земли, там почтен

Уделом от законодателя, и пришел с главами народа

И исполнил правду Господа и суды с Израилем» (Втор. 33: 20—21).

И последнее. Историческое свидетельство Иосифа Флавия говорит о наличии сильного религиозного синкретизма и смешения между собой различных верований и культов у народов Передней Азии в период создания Откровения Иоанном Богословом. В «Иудейских древностях» (книга 20, гл.2—4) Иосиф Флавий пишет об Изате, кордском князе Адиабены (соврем. Киркук), и его матери Елене, которые перешли в иудаизм. Вот текст этого свидетельства.

«Глава 2

1. Около того времени адиабенская царица Елена и ее сын Изат приняли иудаизм.

6. Тем временем мать царя, Елена, видя что мир в стране не нарушится, что ее сын счастлив (...) возымела желание поехать в Иерусалим, поклониться (...) Храму Господа Бога и принести там благодарственные жертвы. (...)

Приезд царицы был весьма полезен и кстати для жителей, потому что в это время город страдал от голода и многие жители умирали от недостатка в съестных припасах. Тогда царица Елена послала несколько лиц своей свиты с крупными суммами в Александрию для закупки хлеба, а других приближенных — на Кипр за сушеными фруктами. (...)

Когда же ее сын Изат узнал об этом голоде, то и он послал значительные деньги иерусалимским начальникам...

Глава 4

3. Немного времени спустя Изат умер 55 лет от роду, на двадцать четвертом году своего правления. (...) Преемником своим он назначил своего брата Монобаза (...). Елена недолго пережила своего сына Изата, но вскоре умерла от старости и тоски по нему, Монобаз от-

правил останки ее и брата в Иерусалим, где распорядился похоронить их в тех трех пирамидах, которые на расстоянии трех стадий от города воздвигла Елена...»

Владения курдского царя Адиабенны (Киркука) простиралась в 44—66 гг. н.э. от реки Евфрат в Курдистане до Бактрии.

Чуть позднее иудаизм появился и у ираноязычных савиров-хазар. Слово сувар на башкордском означает «рыцарь» и «всадник». По хронологически относительно позднему, но исключительно важному сообщению Аль-Гардизи (XI в.): «Башгирд был из высших чинов хазар» (Macartney, *The Magyars in the ninth century*, Cambridge, 1930. С. 37.)

Курды и семиты-арабы

Сутии-амореи, ахламу

Курды-кутии, издревле имея огромные стада овец и коз, были вынуждены покидать родные места в долинах гор Загроса и Тавра в поисках новых пастбищ. По всей видимости, это переселение племен из Ура Халдейского на Ближний Восток — в Сирию и Палестину и изображается в Ветхом Завете как история об Аврааме и Иакове.

Здесь интересно привести и народные курдские представления из книги курдского этнографа Мела Махмуда Баязиди (начало XIX в.), писавшего буквально следующее:

«А теперь пусть станет известно господам ученикам и сведущим людям, что курдские племена происходят от прежних арабов-бедуинов.

В прошлом часть этих арабских племен отделилась и пришла в эти края с семьями и детьми. И все они составляли единый род. И язык всех [этих племен] прежде был арабским. И составляли они единую кровнородственную группу».

В то время даже слова «Курдистан» еще не существовало. После того как они пришли в эти пустынные края и в пределы Ирана и Хорасана, [они стали образовывать свои племена]. Каждый из прибывших сюда имел свое имя. [...].

А слово «курд», акрад (курды) происходит от слова «гирде» [персидское «собранный»], что означает «собранный» — составленный; потому что ведь арабы были соседями Ирана, Фарса и Хорасана. И вот они собрали понемножку из языков этих племен, живущих в этих областях, и постепенно оставили свой прежний язык —

арабский. И с течением времени образовалось несколько союзов племен, родов, кровнородственных групп.

А название «курд — акрад» за ними осталось потому, что язык и сборный, смешанный, составленный из [языков] фарсидского и иранского. Таким образом, эти племена, [собранные с разных сторон, стали называться «курд» и «акрад», и стали они известным народом.

А язык их в зависимости от местности различается: ведь вот же арабский, персидский тоже имеют частичные различия. Так, например, языки хиджазцев, египтян и арабов-бедуинов не похожи друг на друга. Языки фарси — дари, пехлеви, иракский и азербайджанский [имеется в виду язык персов, живущих в Ираке и Азербайджане] — не схожи меж собой. Точно так же и языки курдов отчасти различаются» (Перевод с курманджи М.Б.Руденко).

Таким образом, мы видим, что евреи, живущие в окружении арабских семитических племен в Палестине, считают себя выходцами с гор Загроса, из Ура Халдейского в Верхней Месопотамии, тогда как жители Загроса — курдские племена горцев полностью подтверждают свое родство с древними мигрантами — пастухами овец на Ближнем Востоке и в Сирийской пустыне указаниями на бедуинов-арабов.

Как возможен такой парадокс? Ведь курды свято чтят кровнородственный закон Намус и являются этноконфессиональной по преимуществу нацией горцев, тогда как арабы — жители пустынь... Указание на древность расселения из Месопотамии кутиев-овцеводов можно увидеть в предании об отождествлении курдов — потомков кутиев, владельцев бесчисленных стад коз и овец, не просто с арабами вообще, а только и именно с бедуинами — пастухами.

То, что дикие овцы и козы были domestированы кутиями Загроса, уже доказанный в науке факт, и, следовательно, они получили распространение через Сирийскую пустыню вплоть до Древнего Египта (бог-баран Амон) именно из Курдистана, откуда и пришли к фараону евреи.

Автор перевода, курдолог Мела Борисовна Руденко считала, что отождествление курдов и арабов в народных поверьях у Мела Махмуди Баязиди в его историческом труде «Нравы и обычаи курдов» основывалось на том, «что курды были в числе первых народностей, принявших ислам, которые вошли в систему арабских кочевых бедуинских племен, завоевавших Сирию». (Нравы и обычаи курдов. С. 9.)

Это мнение имеет под собой основание, поскольку у представителей индоарийского племени мари, считающих себя кровными родичами курдов Месопотамии, имеются исторические предания о приходе их боевых предков в Белуджистан из Сирии.

Самоназвание племени белуджей — мари — соответствует топониму области Мериван в Курдистане, который возник от древнего имени курдского племени мари с индоарийским суффиксом -ван, представленным как в современном курдском языке, так и в древнем санскрите.

Имя курдского и белуджского племени мари — мари(ван) восходит к индоарийскому *mar(ya) — mer(ak)* — сообщество воинов, и соответствует классу воинов — *maruanni* — у индоарийских племен хурритов-матиенов, основавших свое княжество Митанни во II тыс. до н.э. на территории Верхней Месопотамии и Северной Сирии.

У курдов, помимо общего генеалогического родства с древними хурритами-матиенами, каста мьрьдов у езидов своим образованием восходит непосредственно к касте воинов — *maruanni* — эпохи ведических и митаннийских индоариев Куру, расселившихся во II тыс. до н.э. на огромной территории от Передней Азии, через Месопотамию и Афганистан, Белуджистан, до Северной Индии.

В Передней Азии в эту эпоху господствовали индоевропейские племена хеттов-лувийцев, к которым восходят курды-лаки.

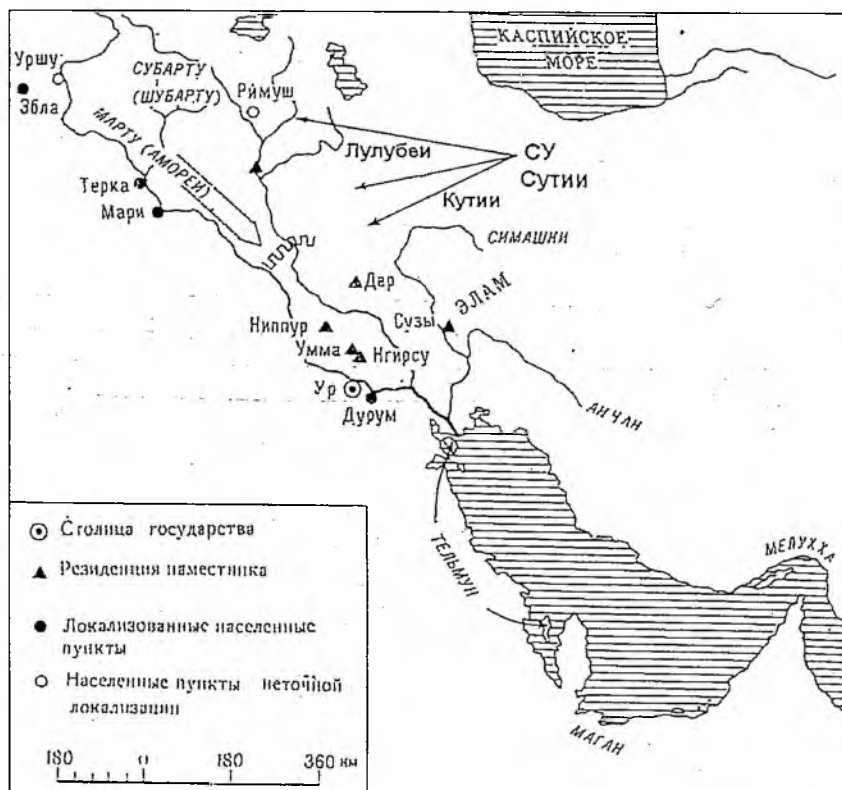
Таким образом, историческая карта расселения индоарийских племен на Ближнем Востоке и в Верхней Месопотамии во II тыс. до н.э. показывает нам, что племена семитов-арамеев не могли возникнуть внезапно, из ничего, посередине сирийской пустыни. Тем более всегда следует помнить, что овцеводство как форма общественно-экономической жизни получило распространение с территории гор Загроса, расположенной в самом сердце Курдистана.

С этой точки зрения получает интерес вопрос возникновения самого этнонима — арамеи. Одно из наиболее древних курдских племен из Меривана в Курдистане носит имя *рамьк*, этноним, восходящий к древнеиранскому слову *гата* — народ, войско, вооруженная толпа. Курды племени *раме* — *рамьк* живут в районе с центром в городе Сене, имя которого восходит к древнеиндийскому *сена* — армия, войско. В древнеиндийской мифологии Рама — воитель, второй женой, которого была Кайкая; ее потомки, исторические племена *кека* — колесничие» (Махабхарата) имеют непосредственное родство с курдами племени *кокэйи* из района Мериван в Загросе.

Слово арам с частицей отрицания «а» — «не», в индоарийских языках означает уже не войско, а мирный. Учитывая военно-теократическое устройство ведийско-арийских племен Куру, деление всего общества индоариев на класс военных и класс мирных или раятных крестьян, как у современных курдов, является естественным и логичным. Именно под этим именем — Арам Нахараим — в Ветхом Завете названа область, располагавшаяся в излучине Евфрата. После крушения господства хеттов-индоевропейцев в Северной Сирии египетский фараон Тутмос I (около 1497—1482 гг. до н.э.) завоевал Палестину, и египетские войска подошли к стране, которую называли либо ведийско-арийским именем Маитанни (Митанни), либо Арам (Нахараим).

К эпохе господства на Ближнем Востоке ведийско-арийского княжества курдов Митанни во II тыс. до н.э. восходит, по всей види-

Расселение сутиев

мости, и этноним такого племени Загроста, как сутии. Попытка некоторых востоковедов (И.М. Дьяконов) из сутиев сделать очередной семитский народ не имеет под собой никаких научных оснований.

Упредков курдов, митаннийских ариев Куру родовая знать составляла «военную элиту», представленную классом *maruanni*. Отличительной и своеобразной чертой класса военных марианни было наличие коней и боевых колесниц. Колесничие, *gakib narkabti* — «ездящие на (боевых) колесницах» составляли наиболее боеспособную, избранную часть войска, от которой зависел исход сражения или даже всей войны.

Внутри касты колесничих марианни имелась другая социальная группа — суты, близкая к кшатриям — воинам-колесничим царя. Как пишут Я.В. Василькова и С.А. Невелева: «Суты выступали одновременно и генеалогистами, воспевавшими предков своего покровителя, и панегиристами, прославлявшими его деяния. В русле эпической традиции, носителями которой первоначально были суты, и сложилась Махабхарата». (Махабхарата. Книга Лесная. М., 1987, комментарии. С.741).

Суты-сутии в конце III — начале II тыс. обитали в горах Загроста в Курдистане на территории предков курдов-кутиев и лулубеев. Ученые часто связывали сутиев с княжеством Субарту в горах Загроста или с субареями, с которыми около 1756 г. до н.э. воевал Хаммурапи. Сутии как этнос полностью сливаются с касситами-коневодами, и, по хронике касситских царей, их завоевал и подчинил около 1400 г. до н.э. царь касситов Кадашман-Харбе.

Аморей — наиболее древнее из общепринятых в востоковедении названий кочевых скотоволческих племен семитов. Но само имя аморей к семитам не имеет никакого отношения, о чем никогда не говорят ученые. Имя аморей — шумерское и восходит к шумерско-марту — люди запад», и не несет в себе никакого этнического значения, допустим, как в именах кутий или лулубей. Для Шумера любой человек, приходящий с запада, был лу-марту. Каким же образом и почему шумерское слово марту стало названием семитов, востоковеды не объясняют.

В 2003 г. до н.э., когда цари Шумера и Аккада воевали с кутиями Загроста и племенами индоязычных (h) ему Манда (Умман Манда), была построена стена длиной 200 километров, названная в надписи шумерского царя Шу-Суэна (2036—2028) исконно индоарийским именем Дидану, от ведийского *dīda* — месить глину.

Царь Шумера Ибби-Суэн, сын Шу-Суэна, воюя с кутиями и племенами нему-Манду (курды-курманджи), столкнулся с лу-марту, которые совместно с народом сути спустились с гор Загроса и при помощи войск Элама свергли с престола шумерского правителя и захватили власть в Междуречье.

Племена горцев Загроса Умман-Манда (курманджи) как воины манда служили в армии хеттских царей. Сутии-колесничие служили вместе с колесничими-марьяну в войсках индоариев, хурритов-митанни. Эти сопоставления показывают, что племена, которых еще шумеры называли марту или лу-марту, соответствуют или передают исконно индоарийское имя воина-колесничего марьяну (мар-ту). Следует указать на то, что вообще имена лу-марту и марьяну — исконно индоарийские (курдские), а не семитские. Действительно, в семитических языках слово марту или лу-марту вообще ничего не означает, тогда как рядом с древним Шумером в горах Загроса обитают курды-курманджи, езиды, у которых одна из 4-х каст продолжает сохранять свое имя — мьрьд.

Если бы лу-марту (аморей) было семитическим словом или относилось бы к семитическим языкам, то тогда это слово сохранилось бы и в современных семитических языках наподобие того, как в современном курдском индоарийском языке слово мардан < марту — храбрец-воин, слово мьрьд означает целый класс населения — касту у езидов-солнцепоклонников. У арабов-семитов слово лу-марту ничего не означает. После этого спрашивается — можно ли данный термин бездумно применять к семитам и тем более бедуинам — пастухам овец, прекрасно зная о том, что дикая овца была доместрирована не в пустынях Саудовской Аравии, где овцы вообще не обитали, а в горах Загроса в Курдистане? Слово мерг в курдском языке — пастбище, и если шумерское слово лу-марту связано с этим понятием, то тогда слово аморей означало курдов Загроса, спускавшихся со своими стадами с гор осенью на зимовку на лугах Верхней Месопотамии и торговавших овцами с шумерами в этот период календарного года.

Если аморей-лумарту действительно были овцеводами, то это невозможно в таком регионе, как Верхняя Месопотамия, даже и в наше время, — если бы они не вступали в контакт с курдами Загроса, у которых и можно взять приплод ягнят для разведения собственного стада. Поэтому нет никаких сомнений в том, что лу-марту имели тесные культурные связи с кутиями-овцеводами гор Загроса.

Мы уже отмечали тот факт, что суты — это индоарийское имя класса воинов, наряду с марьяну — колесничими. Все месопотамские источники отмечают сутиев как обитателей гор Загроса. Совсем не случайно, а абсолютно закономерно, что те же месопотамские источники начала II тыс. до н.э. отмечают: все так называемые аморейские княжества, образованные в Верхней и Нижней Месопотамии в период с 1900 по 1800 г. до н.э., были не просто аморейскими, а именно сутийско-аморейскими. Сам же термин аморей (лу-марту) в месопотамских клинописных источниках предстает не как этническое название, а обозначение наемных воинов, находящихся на царской службе, и в этом отношении термин аморей воспроизводит курдско-арийское тагуа — класс воинов (бога Индры); сравните: Lu-martu — тагуа — марьянну — колесничие воины.

Первым наиболее известным царем лу-марту был Ишби-Эрра, который в 1996 г. до н.э. в союзе с хурритами (матиенами) и сутиями Загроса захватил город Ур и низверг шумерского царя Ибби-Суэна, уведенного в оковах в горную область Анчан в районе современного Шираза.

Ученые-востоковеды часто придают значение участию в этих событиях войск Элама, при этом не утруждая себя объяснениями, зачем эламитянам после успешной войны отдавать завоеванные плодородные земли каким-то там сутиям-амореям.

Другой немаловажный вопрос, на который нет у ученых ответа, заключается в следующем: как могли горцы Загроса, сутии и хурриты-матиены стать союзниками жителей степи и пустынь — лу-марту, если бы у них не существовало родственных связей?

Так или иначе сутий, лу-марту (аморей) Ишби-Эрра со своими войсками наемников, хурритов-матиенов захватил власть в Уре и господствовал во всей Месопотамии с 2017 по 1985 г. до н.э. Преемниками Ишби-Эрры на царском троне были Шуилишу (1984—1975), захвативший всю долину Диялы (Луристан), затем Иддин-Даган (1974—1954) и Ишме-Даган (1953—1935), установивший связи с Египтом.

Последним из потомков Ишби-Эрры на царском престоле месопотамских царей был Липит-Иштар (1934—1924), создавший знаменитый свод юридических «Законов», названных его именем. Один из потомков Липит-Иштара носил имя Бурсин и правил в Верхней Месопотамии с 1895 по 1874 г. до н.э. Имя Барзан как этноним курдского племени в Загросе продолжает сохраняться и в наше время.

Другое княжество лу-марту и сутиев было основано к югу от Загроса в Нижней Месопотамии с центром в Ларсе. Около 1795—1790 г. до н.э. царь Ларсы Рим-Син (1822—1763) захватил Иссин и Урук. Рим-Син вел войны с царем Вавилона сутием лу-марту (амореом) Хаммурапи (1792—1750). Около 1762 г. до н.э. Хаммурапи удалось захватить Ларсу и низвергнуть Рим-Сина. Лу-марту по происхождению Хаммурапи создал свод юридических «Законов», а под конец своего правления воевал с субареями Загроса. Царство Хаммурапи или Старовавилонское царство было в 1595 г. до н.э. завоевано индоевропейцами: касситами и хеттами-лувийцами.

В XIII — начале XII в. до н.э. в Месопотамию с запада, где уже существовали такие индоевропейские государства, как княжество курдов Митанни и хеттская империя, выходцами из которой являются курды-лаки, пришли новые племена, называвшиеся ахламу. Это исконно индоевропейское имя; этноним клинописных источников ахламу воспринимает древнегреческое *охлос* — толпа, сброд; в курдском слово то же корня *гел* — народ, толпа. Нашествие племен ахламу соответствует нашествию на Ближний Восток индоевропейских «народов моря».

Констатируя связи курдского индоарийского этноса с семитами Ближнего Востока, ученые пришли к следующим выводам, которые в трех тезисах сформулировал О.Л. Вильчевский.

1) Связи курдского языка с семитскими имеют гораздо более «интимный» характер, чем у всех остальных иранских языков.

Типичный курдский шатер. Фото Ральфа Солецки

2) Социальная структура курдских племен даже по своей терминологии близка не только к иранским, но и к семитским племенным формам.

3) И наконец, тип курдского шатра, являющегося основным летним жилищем кочевников в горных районах Передней Азии, не имеет аналогии в типах летних кочевых жилищ у других кочевых племен и народов Ирана и Средней Азии, но полностью совпадает с типом шатра у пастушеских племен семитов на всей территории их обитания, и в Сирийской степи, и на Аравийском полуострове, и на Синае и в Палестине.[...]

Подобно тому, как войлочная юрта тюрских кочевников возникла в относительно суровых условиях среднеазиатских степей, так и курдский шатер был первоначально создан в теплых пустынях Аравийского полуострова (Указ. соч. С. 34—35.)

О.Л. Вильчевский все объяснил правильно, но только не учел и не принял во внимание факты древней истории развития животноводства.

Шатры и у курдов и семитов-бедуинов сшиваются из полотнищ, сотканных из овечьей или козьей шерсти. Диких коз и овец приручили предки курдов — кутии Загроса, где эти горные животные обитали изначально. Следовательно, первоначально курдский тип шатра возник в Курдистане в горах Загроса и только потом был заимствован пришлыми семитами, когда те стали перенимать овцеводство как форму ведения хозяйства у горцев, кутиев-индоевропейцев.

Курды и караимы

Анан Ганаси бен Давид (751—840) происходил из знатной еврейской семьи. Будучи богословом, он объединил вокруг себя и возглавил еврейских теологов различных религиозных течений (саддукеи, фарисеи, ессеи и др.), которые все вместе представляли собой антираввинистическое направление, господствовавшее тогда в иудаизме.

Иудейское духовенство Багдада обвинило Анана Ганаси в ереси, и халиф Абу-Джафар Абдуллах аль-Мансур (754—775) приказал заключить его в тюрьму. Там Анан Ганаси был посажен в одну камеру с выдающимся курдским богословом Абу-Ханифой Денавери, оказавшего решающее влияние на догматику и правоведение ислама, ставшего основателем одной из 4-х основных школ (мазхаб), получивших

распространение в исламе. Общение с Абу-Ханифой сильно повлияло на Анана Ганаси. Последователи караизма открыто признают, что многим теологическим истинам Анан бен Давид научился у курда Абу-Ханифы.

Основные принципы учения: признается только Танах (Письменная Тора), его девиз — изречение «Ищите в Библии (пример) и не полагайтесь на мое суждение».

Труды Анана не сохранились, имеется лишь 6 постулатов:

1. Каждый из людей должен сам найти путь к Богу.
2. Человек имеет право искать истину самостоятельно.
3. Верующий сам имеет право выбирать из Священного Писания, что он считает правильным.
4. Раввины не имеют права требовать, чтобы верующие следовали их мнению.
5. Ритуал не имеет главного значения.
6. Существует бессмертие душ.

(Тюркская национальная культура. М.: Наука, 2001. С. 37).

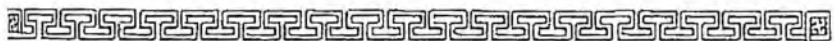
Караимы — башкурды (антропология)

Прояснению некоторых вопросов, связанных с наследием курдов, помогает и такая наука, как антропология. Как показывают исследования, представители народа караимов — обычно среднего роста, с широкой грудной клеткой, с гладкими, иногда волнистыми, темными волосами и темными глазами, 95 % имеют брахицефальный череп со слегка приплюснутым затылком. По мнению ученых, причиной этой деформации является обычай привязывать младенца в люльке с забинтованной головкой.

Этот же обычай имелся у иранцев — савроматов и сарматов, обитавших некогда, в эпоху Геродота на всем протяжении от Северного Причерноморья до Южного Урала.

Антропологические исследования крымских караимов в конце XIX — начале XX вв. активно начал проводить немецкий антрополог С.А. Вайсенберг (Вайсенберг С.А. Караимы // Русский антропологический журнал. 1904. № 1—2. Кн. XVII—XVIII. С. 66—67; Вайсенберг С.А. Караимы и крымчаки с антропологической точки зрения // Русский антропологический журнал. 1912. Кн. XXXII. С. 38—56).

Результат антропологических промеров, головной показатель, горизонтальная окружность головы, цвет кожи и общий физиогно-

мический облик, не поддающийся цифровому описанию, позволил Вайсенбергу высказать мнение о среднем положении караимов между евреями и тюрками.

В качестве «тюркского» сравнительного материала С.А. Вайсенберг использовал данные по башкирам, отмечая при этом характерную для башкир значительно ослабленную монголоидность. (1904. С. 72—73.)

К «тюркским» чертам караимов Вайсенберг относил встречающуюся короткоголовость (брахицефалия), выступающие скулы, редко встречающиеся раскосые глаза. С еврейским типом лица, по мнению Вайсенберга, караимов сближают большой нос, толстые губы, и что интересно, — ранняя и значительная волосатость на теле и лице. Тот факт, что среди караимов хотя бы и редко, но все же встречаются длинноголовые и блондины, С.А. Вайсенберг относил к другим элементам.

На цифровые данные С.А. Вайсенберга опирается А.И. Полканов, отмечая, что по ряду показателей караимы ближе к башкирам, по другим показателям — к евреям (Полканов А.И. Крымские караимы (караи — коренной малочисленный тюркский народ Крыма). Париж, 1955).

По мнению А.Н. Пулянос, такие присущие караимам антропологические черты, как очень высокое переносье, выпуклая спинка носа, развитый волосяной покров составляют отличительные черты переднеазиатского антропологического типа от балканского типа. Более толстые губы, волнистые волосы, определенная ширина глазной щели характерны для более южного варианта переднеазиатского типа, названного азиатским. (Пулянос А.Н. К антропологии караимов Литвы и Крыма // Вопросы антропологии. 1963. Кн. 13. С. 116—119.)

Курды и башкурды Урала

Курды как суперэтнос

В Авесте в разделе «Бундахишн» говорится о расселении индоиранских племен — от Загроса в Месопотамии на юге, вплоть до Хорезма в Средней Азии на севере.

«Бундахишн». Гл. 17.

«(1) Эти три огня суть Атур Фарнбаг, Гушнасп и Бурзенмихр. (2) От начала сотворения мира они существуют в благодати именно в таком виде, как Ахура-Мазда определил их благодать [фарр] для охраны и защиты мира. (3) И в период царствования Тахмураса на спине быка Сришока, когда переселялись люди из Хванираса (мифическая прародина иранцев) в другие климаты земли [...]».

Можно, судя по археологическим данным, говорить о том, что переселение индоиранских племен в VII—V тыс. до н.э. шло из Передней Азии через территорию Средней Азии (Хорезм) вплоть до Южного Урала.

Блестящим доказательством истинности этого текста Авесты о переселении индоариев с территории Передней Азии (Курдистан) на север является наличие с древнейших времен на Южном Урале народа, называющего себя башкурды. Фонетика башкурдского (башкирского) языка чисто иранская, сохраняет интердентальные спиранты английского типа: θ — δ , свойственные восточноиранским языкам, например, парфянскому, находящемуся в непосредственном родстве с мидийским языком. Мидийцы же, по общепризнанному мнению ученых, являются предками курдов Передней Азии. Фонетика языка передается ребенку с молоком матери, и краеугольным камнем лингвистики является тот факт, что фонетика любого языка в отличие от его морфологии и синтаксиса, практически не подвергается конвергенции. Поэтому так легко по акценту определить национальность человека (китайца, кавказца, француза), говорящего, допустим, на русском языке, даже по телефону, то есть когда слышна речь, но не видно говорящего. И наличие арийской фонетики позволяет лингвистам безоговорочно признать древнеиранские корни современного башкурдского языка.

Башкурды, как и курды, подразделяются по родам, которые объединяются в племена, носящие древнеиранские имена. Наиболее крупными объединениями, составляющими башкурдский народ, являются следующие племена: бурзян, тангаур, гаина, юрматы, табын, элан, мюйтан-усерган, тамьян, катый, булгар, аримес, канглы.

Все имена башкурдских племен имеют индоиранское происхождение и связаны с историей арийских народов. Сам этноним народа башкурд, как и этноним курд, восходит к имени индоариев Куру, создателей гимнов Ригведы.

Имя башкурдского племени бурзян восходит к мидийскому *brazman* — священный и далее к зороастрийскому пехлевийскому *beresi* — огонь, имени божественного огня земледельцев Атур Бурзян Михрбан. До настоящего времени у курдов-сынэи слово *beresi* означает «огонь — пламя». Башкурды-бурзяне, как и все иранцы, в древности были поклонниками одной веры, и, как писал Ал-Масуди (конец IX в. — 957 г.): «Если у бурджан умирает кто-нибудь, то они собирают всех его слуг и свиту, говорят известные им изречения, сжигают их за тем мертвецом». (Гаркави. 1870. С. 126.) Как видим, у башкурдов еще в X в. сохранялся более древний дахо-массагетский индоарийский культ и ритуал сжигания вдовы и слуг вместе с телом умершего или погибшего царя. Этот древний индогерманский обряд существовал и у предков англичан; в эпосе Беовульф (X в.) подробно изложено, как англы сожгли тело своего царя Беовульфа на погребальном костре.

Родство курдов Месопотамии и башкурдов Урала тем и подтверждается, что и в Курдистане существует курдское племя барзан.

Все башкурды справляют праздник земледелия *habandtuy* — имя, производное от курдского *hab* — зерно. Поскольку этноним курдского и башкурдского племени барзан-бурзян восходит к имени зороастрийского огня земледельцев Бурзян-Михрбан, то, следовательно, и башкурды-бурзяне принесли с собой навыки земледелия из Загроса в Верхней Месопотамии на Южный Урал через Хорезм-Хварразм в эпоху расселения индоиранских племен в доисторическую эпоху.

Вызывает интерес и тот немаловажный факт, что свое местобитание на Южном Урале башкурды рода бурзян называют *Ирандек(h)*, то есть «страна иранцев» в переводе с санскрита или древнеперсидского.

Имя племени табын, обитающего в Центральном Башкурдистане, напрямую восходит к имени древней индоарийской богине огненного жара Тапати. Культ богини Табити — Тапати у скифов отмечал Геродот (История, IV. 59).

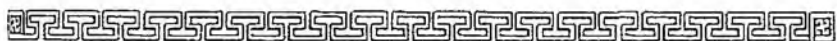
В башкурдском языке слово *тап* означает «щепка для разжигания огня», в курдском *таф* — жар Солнца, огня, пламени. Особое значение культ ведийской богини Тапати играет при изучении этногенеза курдов и башкурдов, этнонимы которых восходят к имени их предков, ведических индоариев Куру, совершивших вторжение в начале II тыс. до н.э. на территорию Северной Индии. Как установили ин-

дологи, в эпический период (VII—V вв. до н.э.) память о Тапати сохранялась только в генеалогическом предании рода Куру, а позднее и в Пуранах. Из этого факта следует, что курды — это ведические Куру, возглавившие вторжение арийских племен в Северную Индию. О неоднократных вторжениях в Индию древнебашкурдских племен саков и дахо-массагетов свидетельствует буддизм, поскольку основатель этой «индийской» религии Будда Сакьямуни был дахо-массагетом (то есть башкурдом) из рода саков, почему его и прозвали Сакьямуни — мудрец из рода саков-массагетов.

Мидийцы Северной Месопотамии состояли в особом родстве с арийскими племенами саков-массагетов, обитавших на Южном Урале и являющихся прямыми предками современных башкурдов. Так, Геродот в своей «Истории» (I, 101) писал, что когда царь Дейок объединил мидийский народ, то одно из его племен носило имя будии, и там же, в другом месте своей книги в главе IV, 21—22, Геродот говорит, что в Скифии, за савроматами, начиная от Меотиды (Азовское море), на пятнадцать дней пути к северу «обитают, владея вторым наделом, будины. За будинами к северу [...], далее к востоку живут тиссагеты». Эти тексты Геродота показывают, что в I тыс. до н.э. на Южном Урале (Башкурдистан) и в Северной Месопотамии (Курдистан) жили близкородственные индоиранские племена, возводившие свои родословные к единому прародителю — Будхе, сыну Сомы, что служит веским доказательством утверждения Авесты о миграции индогерманских племен ведических ариев Куру из Передней Азии в разные пределы земли. Это же историческое воспоминание о переселении индоиранских племен с юга на север сохранилось и в древнегреческом предании о происхождении иранского племени савроматов от воителей-ниц, Амазонок, пришедших из Малой Азии в Скифию.

Башкурды юрматы являются потомками древних сарматов и савроматов. Особенностью фонетики башкурдского языка является чередование иранского звука <с> й, например: сал — йыл — год, сонд — ант — клятва, сот — эту — жечь, палить, сури > эйэр — стадо, вследствие чего древнеиранское слово сарматы трансформировалось в юрматы. Следует указать, что, согласно другой версии, этноним индоиранского племени савроматы восходит к курдскому sawr — всадник, рыцарь. По историческим источникам хорошо известно о наличии у башкурдов города с древнеиранским именем — Сувар. В иранских средневековых хрониках вся область между Иделью и Яиком (Волга — Урал) прямо называется по-курдски «Пустыня Всадников» —

Деште Саваран Савиры. Саувиры в древнеиндийских источниках, например в Махабхарате, упоминаются всегда вместе с племенем синдов, исконно индоарийским народом, которых индийский эпос относит к западным варварам — млеччхам. По древнегреческим источникам, например у Лукиана Самосатского (120—190 гг.), известно, что синды еще в эпоху поздней Античности населяли область, примыкавшую к Евксинскому Понту (Черное море) у Боспора Киммерийского (Керченский пролив).

Синды, упоминаемые в Махабхарате и у писателя римской эпохи Лукиана Самосатского, являются курдским племенем синджаби, обитающем ныне в иранском Курдистане в районе Керманшаха, Керенда, Зохаба, Ревансора, Меривана, Касре-Ширина.

В древнеиндийских источниках племена саувиры и синды упоминаются вместе с народом даса (др. инд.) или даха (в древнеиранских источниках). Даха, точнее дахо-массагеты, — это древние индоиранские племена, обитавшие в эпоху Геродота на территории от Южного Урала до северных границ империи Ахеменидов в Иране.

По многочисленным археологическим данным видно, что дахо-массагеты являются прямыми потомками ведических индоариев Куру, представителей андроновской культуры II тыс. до н.э. Как писал видный русский этнограф С.И. Руденко: «Этнически я считаю допустимым связывать древних башкир с тиссагетами Геродота для северо-западной территории Башкирии и с савроматами и иирками для южной и восточной территории» (С.И. Руденко, 1955. С. 351.)

Древние иирки, судя по имени, соответствуют группе курдских племен геурыки (геу-иирки) «племена владельца быков» [гауварки], исконно древнеиранское самоназвание. Геурыки обитают в так называемом Мукринском Курдистане в Иране (Мехабадский Шахристан). Из курдского племени геурык, рода Зенд происходит знаменитая и могущественная династия шахов Зенде, некогда правившая в Иране. Род (некогда племя) Зенд известен еще со времен Сасанидов. В середине XVIII в. почти весь Иран находился под властью вождя племени зендов Керимхана-Зенда, объявившего себя шахом Ирана.

В Башкурдистане курдскому племени геурык соответствует башкурдское племя тан-гаур — телами сильные как быки (др. иран.). Это имя башкурдского племени соответствует авестийским преданиям о перенесении на спине быка Сришоки трех священных зороастрийских огней, среди которых огонь земледельцев носил имя Бурзян.

Об этническом родстве этого предания с племенем тангаур свидетельствует тот факт, что одно из племен башкурдов носит авестийское имя бурзян-тангаур.

Археология Южного Урала также подтверждает древнеиранское происхождение имени башкурдов-тангаур. Религиозный культ древних иранцев требовал приношения в жертву богам по сто быков, о чем неоднократно говорят яшты Авесты. Раскопки протоиранской крепости Аркаим и могильника Синташта на Южном Урале, датированных началом II тыс. до н.э., показали, что в те времена ведические индоарии Куру действительно приносили в жертву богам гекатомбы быков. Возможно, в этих кровавых обрядах, когда на жертвенниках закалывались и расчленялись до сотни быков, древние индоарии Урала разыгрывали миф о первом жертвоприношении богам человека-быка Гопатшаха, благодаря чему возник физический мир, как об этом говорится в Авесте.

Башкурдское племя тамьян уже в V в. до н.э. упоминается как исконно иранское. Геродот в своей «Истории» (5, 17) писал: «Есть в Азии равнина, окруженная всюду горами, а горы пересекают пять проходов. Эта равнина принадлежала прежде хорасмиям, гирканам, парфянам и таманаям. Со времени персидского владычества они подвластны персидскому царю. Так вот, с окружающей горы стекает река Акес. Река Акес — это Агидель, как называют начало Волги-Идели, берущая свое начало с Уральских гор.» Тамьяны-таманаи, башкурды, как одна из древнеиранских народностей входили в XIV сатрапию империи Ахеменидов, чем и объясняется обилие предметов, изготовленных в Иране той поры, обнаруживаемых археологами на Южном Урале. Тамьяны-башкурды платили дань царю Ирана в 600 талантов золотом наряду с сагартянами, сыгравшими значительную роль в этногенезе курдов Северной Месопотамии.

Башкурдский род Муйтан-Усерган на Южном Урале сохраняет предания о своих предках, митанах Хорезма, куда те пришли из княжества курдов-хурритов Митанни в Передней Азии в XVI—XII вв. до н.э. Наличие рода Муйтан(Митан) — Усерган в составе башкурдов Южного Урала косвенным образом доказывает, что хурриты-матрены были курдами, а не каким-то там неизвестным этносом. Таким образом, арии Митанни (XVI—XII вв. до н.э.) были общими предками курдов и башкурдов. Митаны Хорезма и Зерафшана в Средней Азии сохранили песни и предания о своем родстве с башкурдским

племенем булгар. Персидский поэт Носир Хисроу (1003—1088), живя в Иране, в своих стихах писал:

Все обиды от красавиц, Боже мой!
Но виновны ли булгарки предо мной?
Соблазнительниц одну другой лютей
Ты в Булгарии разводишь, о Господь!

(Спор с Богом. Пер. с дарн А. Адалис)

Башкурды рода Булгар создали собственное государство Булгар в верховьях Идели (Волги) в раннем Средневековье, государство это просуществовало вплоть до татаро-монгольского нашествия Чингисхана в XIII в.

Существует один исторический парадокс, который ясно и четко говорит, что родоплеменное объединение Биляр по своему этническому происхождению есть иранцы-башкурды. Дело вот в чем: все народы, живущие по соседству с башкурдами (марийцы, чувашаи, удмурты, казахи и татары), называют нас башкурды, как и Ибн-Фадлан более 1000 лет тому назад, не упомянув при этом ни слова о татарах, которые в его время еще не пришли на Идель с гор Алтая и степей Монголии. Но ни марийцы, ни удмурты, ни чувашаи, ни русские, ни казахи, ни узбеки и туркмены не называют казанских татар именем булгар. Вся эта путаница и чехарда с попыткой приписать имя башкурдского рода Биляр казанским татарам началась с 1944 г., когда началась депортация крымских татар по приказу Сталина. Этот абсурдный политический шаг, о котором сейчас все знают и пишут, был дополнен еще более глупым абсурдом, но уже псевдонаучным, о котором казанские историки предпочитают не говорить вообще. По указанию ЦК КПСС было принято специальное постановление, согласно которому казанских татар отныне (с 1944 г.) следовало считать народом, никак не связанным кровными узами с татарами Крыма, которых депортировали. На основе этого сталинско-партийного постановления стали разрабатываться теории, утверждающие, будто казанские татары — потомки волжских булгар, а не отколовшаяся в XV в. часть Золотой Орды, как, впрочем, и крымские татары. Даже символ города Казань, основанного одним из бараджей из башкурдского города Биляр, по типу изображения льва с крыльями списан с шахских штандартов сасанидского Ирана, с которым во время шаха Ануширвана башкурды-бурджане воевали (в VI в.), о чем упо-

минает Ибн Ал-Асир (XII в.). Из сообщения Салама ат-Тарджумана, совершившего путешествие из города Самарры (в 70 км от Багдада) в «страну Башкир» в 842 г. при халифе Васике, мы узнаем, что этот народ — башкурды, бурджане — говорят по-арабски и по-персидски.

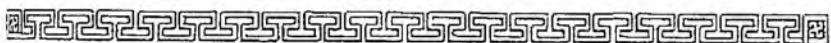
Русские князья постоянно разоряли башкурдские земли рода Биляр-Байлар. Так, русские князья нападали на Билярскую-Байлярскую землю и ее города Брахимов, Биляр, Сувар, Марха, Арныс, Бас, Ашли, Собеккуль, Челмат, Керман, Исбол в 985, 1088, 1120, 1164, 1172, 1184, 1186, 1218, 1220, 1229, 1236 гг. (Энциклопедия Брокгауза — Ефрона. Ст. Булгары.)

По состоянию на 1532 г. земли башкурдов рода Биляр-Байлар простирались далеко на запад от реки Идели-Волги, о чем мы можем узнать из того факта, что князь Еникей, наместник города Темников получил в том году грамоту от московского князя Василия III (1479—1533 гг.), дающую право ему «судить и вязать тарханов из башкии и можаров, которые живут в Темникове по старине, потому ж как наперед его судил и вязал отец его Тенши». Тенши являлся сыном Кугуша, за которым право взимания налога с башкурдов, проживающих в Темникове, установил в 1509 г. тот же Василий III. До настоящего времени башкурды именем Марджа — Можар называют народности мокшу и эрзя (мордвины), которые к казанским татарам не имеют никакого этнического или языкового отношения.

Все земли, населяемые башкурдами с древнейших времен, посетил в 1666—1667 гг. Эвляя Челеби, называя страну Хешдекистан, а ее жителей — хешдеками, что полностью соответствует самоназванию башкурдов-иштэк.

Соборное уложение 1649 г., принятое Земским собором, проходившем в Москве (1648—1649) в главе XVI, п. 43—44 запрещает приобретение башкурдских земель. Однако вопреки этому уже при царствующем тогда Алексее Михайловиче (1645—1676) города Билярск, Шешминск и Мензелинск были заселены пленными поляками. Имя города Мензеля — исконно иранское, на кордском языке означающее «расстояние — остановку между двумя пунктами».

Освободившись вместе с русскими от татаро-монгольского ига, башкурды-иштэки столкнулись с хищнической политикой московских князей, стремившихся захватить их земли, что постепенно переросло в военное противостояние, длившееся более 200 лет и известное в исторической науке как башкирские восстания. Вопрос о

башкурдских восстаниях мы рассмотрим в другой готовящейся к изданию книге, а сейчас рассмотрим некоторые статистические данные о численности башкурдов, которые после указа большевиков во главе с В.И. Лениным от 27.V.1920 г. невольно оказались в составе Татарской АССР. Начнем со столицы, г. Казани, где в 1859 г. проживало всего 30 876 жителей. За сто лет до этого, после башкурдского восстания, в 1722 г. в Казань было доставлено 4965 семей или 19 815 башкурдов. Теперь спрашивается, если в Казань в 1720 г. было доставлено из Башкурдистана 19 815 башкурдов, то можно ли считать татарским этот город, который только через 139 лет достиг народонаселения в 30 тысяч? Иными словами, как мог город Казань тогда называться татарским, когда в нем на одного татарина приходилось два башкурда еще 140 лет тому назад, т.е. в 1859 г. (энц. Брокгауза и Ефрона, ст. Башкиры.) Можно было бы сомневаться в том, что в Казань вывезли именно башкурдов, однако все исторические данные и статистические отчеты и вся политика русско-немецкого царизма свидетельствует в пользу этого. Например, историк М.П. Покровский писал, что: «...биограф Ал.Ил. Бибикова (сенатор, гос. деятель) приводит такие данные: «После восстания 1735—1741 гг. башкирцев побито, казнено, под караулом померло, сослано в работу, жен и детей их для поселения в Россию роздано, всего числом 28 452 человека». Нет надобности говорить, что к «успокоению» такие меры не привели — в 1754 г. башкиры «опять взбунтовались», причем на этот раз «для усмирения их побито и вывезено ... до 30 тысяч» (Покровский М.П. Русская история с древнейших времен. Гос. Соц.-эк. Изд., 1933. С. 119). Другим доказательством выселения башкурдов с их земель в XVIII в. служит тот факт, что родовое имение основателя славянофильского движения XIX в., И.В. Киреевского, в Орловской губернии носило имя Башкирская или Башкирово. Зачем русским в центре России называть село чужестранным этнонимом, что противоречит всей практике и политике царизма, который на завоеванных им землях в Сибири, на Кавказе, на Дальнем Востоке всегда называл остроги и крепости русскими или немецкими именами: Владикавказ, Владивосток, Санкт-Петербург, Елисаветград, Екатеринбург, Петропавловск и т.д. Почему основатели славянофильства носят башкурдские имена — Киреевский (Кирей-Мэргэн), Аксаков (Аксак), Самарин (Сэмэр)?

Теперь рассмотрим демографические показатели той части Башкурдистана, которая после образования Казанской губернии оказалась частью Российской империи.

В Мензелинском уезде на 1902 г. (Брокгауз — Ефрон, ст. Мензелинский уезд) проживало 116 тыс. 330 башкурдов, тогда как татары составляли только 47 тыс. 980 человек. Можно ли регион, в котором численность башкурдов составляет 73, 17 %, а татары всего 8, 13 % называть не башкурдским? Конечно, нет. В Елабужском районе башкурды составляли 53 %, а татары всего 6, 1 %, в Бугульминском башкурдов 98,38 %, а татары 2,71 %, в Белебеевском районе проживало на начало XX в. 31 тыс. 191 человек, а татары всего 7 тыс. 9 человек, те башкурды составляли 72,74 % населения, а татары только 2,81 %.

Если бы татары в XI в. жили по реке Волге, то русские летописи того времени обязательно упомянули бы о них, но этого нет и в помяне. Если бы татары издревле жили на Урале, то у них была бы уральская мифология, они бы обожествляли Уральские горы, как башкурды, но мы не имеем и этого.

В энциклопедии «Брокгауза — Ефрона» в статье «Самарская губерния» (т. 56, с. 188—189) написано: «В Бузулукском, Бугурусланском, Бугульминском, Николаевском башкир и теперь числится 40 628 [человек] (...). Для заселения этих земель были призваны немецкие колонисты из Вюртемберга, Бадена, Пруссии, Баварии, Касселя, Гассен-Дармштадта, Саксонии, Мекленбурга и т.д. Немецкие колонисты расселились по левому берегу Волги в числе 25 000 человек и заняли уже заранее построенные им нашим правительством домики. Каждая немецкая семья получала на свою долю две лошади, одну корову, семена для посева и земледельческие орудия». Всего немцев было привезено 44 679 человек, и если каждый из этих 44 679 человек получил 2 башкирские лошади и одну корову, то получается, что у башкурдов было отнято 89 358 лошадей и 44 679 голов крупного рогатого скота. Что и говорить, цифра астрономическая. А о том, что русские никогда в истории не строили «домики» для немцев, общеизвестно, и откуда появились эти «уже заранее построенные им нашим правительством домики», мы можем узнать из той же статьи «Самарская губерния». «В 1740 году направили войска на башкир. Выжжено 700 башкирских деревень и убито 16 000 башкурдов. Однако башкиры не скоро успокоились и долго еще были угрозой русских поселенцев». Вот именно эти домики 16 000 башкурдов и заняли «оккупанты» — немцы вместе со всем имуществом (скот, сельскохозяйственные орудия и т.д.). Как видим, о татарах, которые сейчас стали называть себя (с 1944 г.) потомками башкурдов рода Булгар, в энциклопедии не упоминается ни единым словом.

В 1740 году в Центральном Башкурдистане под руководством Урусова и Самойлова было уничтожено и сожжено 696 деревень и убито 16 634 башкурда, а 4 тыс. башкурдских семей, т.е. около 3000 человек (так как в статье «Башкиры» в энци. Брокгауза — Ефрона говорится, что «одна башкирка имеет в среднем 8,8 детей»), было вывезено из Башкурдистана с целью депопулизировать страну.

В газете «Волжский вестник» за июль 1889 г. писалось, что с 1863 по 1878 г. у башкурдов отнято 2 миллиона десятин земли, а всего с 60-х гг. по конец XIX в. у башкурдов было отнято по левому берегу реки Волга 3 млн 500 тыс. десятин земли. Постепенно, все исконно башкурдские земли на западе до р. Волга, на юге по р. Урал (Яик), на востоке до реки Тобол оказались отделены от Центрального Башкурдистана. Так, в 1900 г. в Оренбургской губернии по переписи насчитывалось свыше 200 000 башкурдов, а в Челябинской области и в настоящее время проживает свыше 160 000 башкурдов. И даже в советское время, в 1934 г., от Башкурдистана были отделены Аргаяшский и Катайский кантоны и присоединены, несмотря на их чисто башкурдское население, к вновь образованным Челябинской и Курганской областям.

О степени образованности, грамотности и начитанности башкурдов в энциклопедии Брокгауза—Ефрона в ст. «Башкиры» говорится буквально следующее: «Образование у башкир чрезвычайно распространено, что заслуживает особого внимания, если вспомнить бедственное экономическое положение этого народа. Разоренные, почти полудикие башкиры оказываются грамотнее многих русских мужиков, так как большинство их (башкурдов) умеет читать и писать. Одна мечеть в двух округах Казанского учебного округа приходится на 633 мусульманина. Кроме того, при наших церквях школа составляла до нового времени редкость, а у магометан она не только существует при каждой мечети, но сверх того множество школ устроено и отдельно от них».

Племя канглы в составе башкурдов Южного Урала унаследовало свое имя от крепости-государства Кангха, воздвигнутой в Средней Азии, по мифу, одним из авестийских героев Сиявушем. Кангюй (Канглы) было довольно крупным государственным объединением восточноиранских племен, где было несколько городов, а жители занимались, судя по китайским источникам (Шицзи), разведением лошадей. Кангюй граничило на западе с иранскими сармато-аланскими племенами, а на юге с иранцами Согда — согдийцами. Имя

башкурдского рода Аримес в составе племени гаина — быку поклоняющихся», восходит к древнему самоназванию индоиранских племен «арии», почитавших сияющее небо божеством-быком — Дьяусом (Зевсом). Еще Геродот в «Истории» (IV, 13) упоминал башкурдов рода Аримес как жителей Рифейских (Уральских) гор. Геродот писал: «... за исседонами обитают аримаспы — одноглазые люди; за аримаспами [...] — гипербореи [...]».

Все эти народы, кроме гипербореев, постоянно воюют с соседями (причем первыми начали войну аримаспы). Аримаспы изгнали исседонов из их страны, а затем исседоны вытеснили скифов, а киммерийцы, обитавшие у Южного моря [Черное море], под напором скифов [саков] покинули свою родину». Племена скифов и саков — это реально существовавшие иранские народы, из чего и следует признание особой древности этногенеза башкурдского рода Аримес, имя которых соответствует самоназванию арии — артии у древнеиранских и мидийских племен.

О предках древних иранцев на Южном Урале археолог Г.Н. Матюшин говорил: «Вот что пишет о районах, где впервые появились земледелие и скотоводство, специалист по мезолиту Европы английский ученый Г. Кларк: «Кремневая индустрия, в которой широко использовались микрорезцовая техника и которая охватывает Иранское плато, Каспийский берег и Туркменистан, и совершила переход от охоты и собирательства к экономике скотоводства и выращиванию злаков». (*Dorothy A.E. Garrod and I.G. Clark. Primitive Man in Egypt, Western Asia and Europe. Cambridge, 1965. P. 51.*)

А как же Южный Урал? Он тоже входил в зону, где впервые появились земледелие и скотоводство?

Об этом еще говорить было рано. Вначале надо было проверить действительно ли южноуральские микролиты идентичны, как это нам показалось, прикаспийским.

Помог случай. В 1966 г. в Праге состоялся Международный конгресс протоисториков, проще говоря, археологов. На этот конгресс мы и представили южноуральские микролиты. Интерес к нашему докладу был большим. Особенно внимательно к нашим микролитам отнесся Р. Брейдвуд — глава американских археологов. Ведь он сам вел раскопки на Ближнем Востоке, и именно он открыл там первые поселения первых земледельцев и скотоводов. Нам тоже было интересно знать, что же скажет этот специалист по Востоку. Он внимательно рассматривал геометрические микролиты со стоянок Янгель

ка, Мурат, Чебаркуль I и других и, наконец, сказал: «Ваши микролиты идентичны ближневосточным. Правда, у вас они более богаты по ассортименту и набору. Вполне вероятно, что именно с Ближнего Востока вдоль Каспия население в начале мезолита проникло на Южный Урал».

Беседа с археологами других стран была содержательной. Сомнения в том, что южноуральские микролиты не идентичны ближневосточным, отпали. Не было сомнений и в том, что между населением Урала, Южного Прикаспия и Средней Азии 10—15 тысяч лет назад были тесные связи. А так как Средняя Азия и Ближний Восток находятся южнее Урала, то, казалось, можно было предполагать, что население на Урал пришло оттуда.

Может быть, так и было, но когда и как произошло это переселение, мы сказать пока не можем. Вспомним Капову пещеру. Ведь она находится тоже на Южном Урале, примерно посередине между стоянками восточного склона (Янгелька, Мурат) и Южного Приуралья (Романовка, Ильмурзино и др.). А ведь Капова пещера — это палеолит. Рисунки там сделаны тогда, когда еще по Уралу бродили мамонты и носороги. Значит, творцы геометрических микролитов пришли сюда не первыми. И до них жили люди на Урале. Но несомненно, что древнейшее население Южного Урала было родственным тем первобытным людям, которые жили в Прикаспии, Северном Иране и Ираке (тем самым, которые впервые в мире приручили животных и научились выращивать злаки). Об этом свидетельствует не только сходство геометрических микролитов.

О микролитах мы говорили больше только потому, что на их примере нагляднее видно сходство древних культур. Но это сходство прослеживается и по многим другим данным, рассказ о которых занял бы слишком много времени. Поэтому опустим другие детали.

Вероятно, 10—12 тысяч лет назад вся территория от Урала до Южного Прикаспия и Северной Месопотамии была заселена группами родственных племен. Можно даже предположить более уверенно, что говорили они на диалектах одного языка. Язык этот, вероятно, относился к протоиранским. Об этом можно судить по тому, что иранские элементы сохраняются в названиях и даже в языке на всей этой территории вплоть до настоящего дня». (Матюшин Г.Н. Улыбели истории. С. 166—167.)

Иседоны Геродота — это башкурды, живущие и поныне на Южном Урале по реке Исеть (Исе-дон).

К этнониму арии восходит и имя башкурдского племени алан-элан на Южном Урале и курдского племени алан в Иране и Передней Азии. Фонетика древнеиранских языков характеризуется чередованием звуков R > L (К. Hoffman, G. Morgenstierne), вследствие чего имя Alan могло произноситься и как Alan.

Имя племени катая у башкурдов Южного Урала соответствует названию племени кетай у курдов Тавра, упоминаемого как кеты Ксенофонтом в его «Анабасисе». Имя Катай у башкурдов и курдов исторически восходит к самоназванию их предков, кутиев Загроса. Кстати, и среди курдов-езидов, известных своей замкнутостью, существует каста пиров-священников, носящих древнее имя Катани. Именно древнее родство с кутиями-курдами, земледельцами, и объясняет наличие весеннего земледельческого праздника зерна – habandtuy у башкурдов Южного Урала.

Уникальный по своей сохранности и наиболее изученный из "страны городов" культурный комплекс Аркаим был обнаружен в 1987 г. Общая площадь памятника 20 тыс.кв.м. Площадь археологических раскопок - более 8 тыс.кв.м.

На современной степной поверхности хорошо прослеживается обводной ров, за ним - два кольца земляных впадов, центральная площадь. Археологические исследования показали, что там - это остатки оборонительных стен, сложенные из рунта сырцовых блоков и дерева. Внутри каждого кольца, словно спицы в колесе, расположены жилища, которые строились из бревенчатых каркасов и грунтовых блоков.

В хозяйственных отсеках домов - очаги, колодцы, мхи для хранения прутьев, металлургические печи.

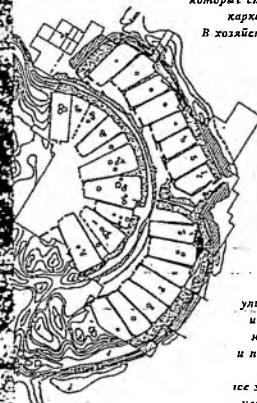
Перед выходами - крытые дворики.

Сегодня исследовано 29 жилищ.

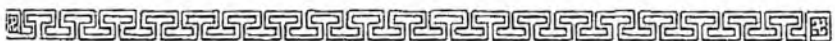
Геофизические методы позволяют установить, что весь комплекс состоял из 60 построек (35 - во внешнем кругу и 25 - во внутреннем).

Круговые и радиальные улицы, система водосбора и канализации, основания надерзанных башен, ниши и переходы внутри мощных оборонительных стен - все это представляет собой необычайно аркую картину.

На поселении собрана большая коллекция керамики, изделий из кости и камня, металлических орудий труда и многочисленные предметы, связанные с металлургическим производством.

Планировка Аркаима

*Хорезм, крепость Кой-Кырылган Кала (X в. до н.э.)
Средняя Азия*

На месте древней Арианы на территории современного Афганистана до настоящего времени одно из поселений около Балха носит древнее индоарийское имя Дельборджан-Дельбурзьян; возле него обнаружены остатки крупного парфянского города античного периода, который безусловно принадлежал иранскому племени арийян, носившему столь специфически религиозное, культовое имя — бурзьян. Касаясь древнего населения области Арианы, следует отметить, что все поселения индоариев эпохи бронзы в Дашлинском оазисе (Сев. Афганистан — историческая Бактрия) при реконструкции, как это показали археологические раскопки, соответствуют городам-крепостям индоариев Куру, типа Аркаима (II тыс. до н.э.) на Южном Урале (Арьяварта).

Аркаим — Страна городов» — условное название степного района Южного Урала, где во II тыс. до н.э. сложилась яркая цивилизация бронзового века, ведических индоариев Куру.

Южный Урал II тыс. до н.э. Синташта, погребение 16. Реконструкция могилы ведического ария Куру с определением местонахождения ритуальных сосудов Махиман.

Многочисленные погребения (эпохи бронзы) людей вместе с копиями и священными чашами Махиман в Северном Афганистане

(Ариане), идентичные захоронениям древних индоиранцев на Южном Урале на могильнике Синташта, подтверждают, что эти захоронения II тыс. до н.э. принадлежат одному этносу, предкам башкурдов и курдов, известным в научной литературе под именем ведических ариев Куру. Суть и назначение сосудов, которые клали в могилу своих умерших соплеменников ведические арии Куру, мы можем узнать из древнеиндийского литературного памятника «Брихадараньяка-Упанишада», составленного значительно позже эпохи Аркаима, в V в. до н.э., уже на территории Северной Индии, после того как было завершено переселение ведических индоариев Куру с Южного Урала, с севера на юг.

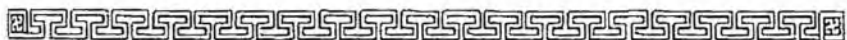
«Брихадараньяка-Упанишада». Раздел Мадху. Глава I. Первая Брахмана

2. Поистине, день возник для коня подобно [сосуду] Махиман, что ставят перед [конем]. Колыбель его — в Восточном море. Ночь возникла для коня, подобно сосуду Махиман, что ставят позади [коня]. Колыбель ее — в Западном море. Поистине, эти сосуды Махиманы возникли по обе стороны коня.

Примечание.

Сосуд Махиман ... Mahiman (букв.: «величие»), название сосудов для жертвенных возлияний, употреблявшихся при ашвамедхе. Один из них, золотой, ставился впереди коня, другой, серебряный, — позади (ср. UM, 74, № 5). Согласно объяснению Мадхавананды (р. 12, п. 1), purastan и pascan употреблено во временном значении, то есть один сосуд употребляется перед убийством коня, другой — после. Согласно традиционному толкованию (носящему, как почти все приведенные ниже объяснения подобного рода, совершенно фантастический характер), золотой сосуд спереди отождествляется с днем, так как и день и золото светятся (dīpti samanyat); серебряный сзади — с ночью, так как слова «серебро» и «ночь» начинаются с одного слога (gaṛata и gatri) (Шанкара), а также из-за сходства между блеском серебра и ночной луны (Анандагири). (Перевод и примечание А.Я. Сыркина. Упанишады. М., 2000. С. 70 и примеч. на с. 163).

Текст «Брихадараньяка-Упанишады» свидетельствует, что сосуды Махиман играли важную сакральную роль в процессе исполнения

ариями обряда ашвамедха. Упанишады были, безусловно, созданы и записаны уже на территории Индии, но поскольку переселение ведических ариев в Северную Индию и на Иранское нагорье во II тыс. до н.э. происходило из северных регионов, откуда ведические арии принесли свои религиозные и похоронные обряды в Пенджаб и долины Ганга, то нет никаких сомнений в том, что эти же черты похоронных обрядов сохраняются в могильниках ведических ариев в Синташте, на прежних местах обитания индоиранцев, на Южном Урале.

Полное подтверждение нашему положению о соответствии жертвенных и похоронных обрядов могильника Синташта (II тыс. до н.э.) текстам Упанишад (VI в. до н.э.) мы находим у археологов В.Ф. Генинга, Г.Б. Здановича и В.В. Генинга, которые, исследовав более 70 могильников эпохи ранней бронзы на синташтинском погребении, установили наличие в каждом из них жертвенных сосудов. Результаты археологических работ эти ученые изложили в своей книге «Синташта» (Челябинск, 1992), из которой мы приведем те тексты (полевые описания захоронений), где говорится о жертвенных сосудах в могилах, обнаруженных рядом со скелетами коней.

Погребение 3. «(...) Вблизи дна могилы вдоль восточной стенки лежали рядом два скелета коней, ориентированных головами на северо-северо-запад. Один лежал на левом боку, а несколько сверху, частично перекрывая его, — второй, уложенный на брюхо. Ноги обоих коней сильно подогнуты. В северо-западном углу могилы стояли два сосуда (...). Еще один сосуд (...) находился вблизи южной стенки могилы».

«Вблизи дна ямы над тленом от перекрытия погребальной камеры находились остатки шести костяков лошадей (...). Два из них на левом боку в южной половине ямы головами к южной стенке могилы, два (...) в северо-западной части ямы на левом боку, головами к северной стенке (...). Северо-восточная часть могилы была занята скелетами еще двух лошадей, втиснутых в оставшееся пространство поперек ориентировки остальных лошадей. При этом их ноги находились у северной стенки могилы, а головы были заломлены назад и оказались рядом друг с другом, один череп (...) под позвоночником.

Погребение 3.
Дно погребальной камеры

Погребение 5. Костяки коней и барана на перекрытии погребальной камеры

На перекрытии стояли глиняные сосуды: один рядом с черепом коня (...) у середины северной стенки (...); два [сосуда] между костями коней в северо-восточной части могилы (...).

К северу от перекопа на перекрытии лежал череп лошади (...), причем верхняя часть перевернута, челюсть отделена, и они лежат в разных направлениях.

Здесь же глиняный сосуд. В перекопанной части находились разрозненные кости коня, в том числе кости ног и разбитый сосуд.

«Реконструкция погребального обряда № 5.

На перекрытие погребальной камеры поместили туши шести лошадей: в западной половине, две на левом боку головами к северной стенке могилы и две в таком же положении, но головами к южной стенке, частично перекрывая ногами предыдущую пару. Затем в северо-восточной части ямы, головами, видимо, на в[осток], буквально втиснули еще две туши, на правом боку, при этом головы коней пришлось повернуть (заломить) к середине, между тушами.

Здесь же поставили два сосуда и еще один сосуд — у середины северной стенки.»

О генетическом родстве обрядов захоронения в могильниках эпохи бронзы, как на Южном Урале, так и в Северном Афганистане, свидетельствуют и сами предметы, обнаруженные археологами в погребениях.

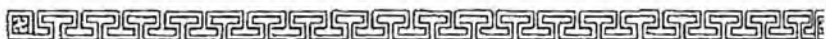

Керамика западного андроновского (северного) ареала, типа Петровского (XVII—XVI вв. до н.э.) и Алакульского (XV—XIII вв. до н.э.), соответствует керамике, распространенной в тот же период среди населения, обитавшего на территории Северного Афганистана. Как пишет известный археолог Е.Е. Кузьмина: «Керамика ираноязычных носителей сакской и савромато-сакской культур сохраняет алакульскую и срубную традиции гончарства, что позволяет считать ираноязычных савромат-сармат, а также саков прямыми потомками алакульцев и срубников».

Алакульские традиции гончарства фиксируются из современных ираноязычных групп населения Таджикистана, что, учитывая традиционность и наследственный характер женского гончарного ремесла, служит серьезным аргументом в пользу признания ираноязычности самих создателей этих традиций — алакульцев и срубников» (Кузьмина Е.Е.. Откуда пришли индоарии. М., 1994. С. 127.)

Само имя глинянного сосуда в индоиранских языках, — санскритское — кумбха, авестийское — хумб, таджикское — хум, — этимологически соотносится с именем башкурдской богини Хомай, царицы источников — колодцев живой воды, дочери бога солнца с санскритским именем Самрадж (Samraj), снизошедшей, согласно эпосу, на землю и ставшей супругой первопредка башкурдского народа Уралбатыра.

Не только имена богов национальной мифологии, но и названия жилищ и поселений, одежды, металлов, конской утвари в башкурдском языке восходят к более древнему индоиранскому праязыку их предков — ведических ариев Куру. Например, сравните: индийское — gr̥ha, авестийское gaərə, английское — yard и башкурдское — йорт — дом; ведийское — pur, башкурдское — бура — сруб; ведийское — dīda — месить глину, башкурдское — тетеу — трепать, мять; ведийское dāna, курдское — зома — кочевье, башкурдское — эмә — собрание, сборище; иранское — алачик — летний домик, башкурдское — аласык; авестийское var — пространство, башкурдское — ара — простор; ведийское sthāna, курдское стун — столб-основа и башкурдское — стан — место пребывания; индоиранское танур и башкурдское — танур — очаг; металлы: ведийское ayas, курдское миз и башкурдское — еә — медь; курдское — димер и башкурдское — ти-мер — железо; курдское чуйын и башкурдское — суйың — чугун; одежда: ведийское taks и башкурдское тегеу — шить, курдское шальвар и башкурдское — салбар — брюки, штаны; курдское — чарых и

башкурдское — сарык — кожаные сапоги; конская утварь — ведийское уга и башкурдское — югэн — уздечка; курдское дъзгън и башкурдское теэгэн — поводья; авестийское basag, курдское — сувар сойар — всадник и башкурдское — эйэр — седло; ведийское мариани — военная знать от существительного мар — мужчина, курдское — мърьд и башкурдское — мардан — храбрец...

Язык башкурдов Южного Урала по своей авестийско-парфянско фонетике тяготеет к восточно-иранским языкам, в которых наличествуют интердентальные спиранты θ и δ английского типа. В индоевропейской семье башкурдский язык в древности по своей фонетике в которой всегда и последовательно осуществляется переход ведийского звука s в «авестийский» h ($s > h$), безусловно, относился к иранской группе языков. Как известно, иранец Заратуштра провел реформу старой индоарийской религии, провозгласил верховным божеством Ахура Мазду (Асуру, $s > h$) и объявил войну стороннику старой веры — ведическим индоариям, поклонявшимся богам -Девам. В разгоревшейся позднее междоусобной религиозной войне победу одержали сторонники новой веры Заратуштры.

Ведические индоарии были вытеснены с территории Южного Урала и Средней Азии за Гиндукуш на территорию Северной Индии, где у них началась новая славная история. Сторонники Заратуштры сако-массагеты заняли Дрангиану («скопище Дэвов») вышли к морю. В честь саков новые земли были названы их именем — областью Сакастан. Именно в области Сеистан, древний Сакастан, обитает и поныне иранский народ башкард. Башкурд судя по национальному эпосу «Урал-батыр», где особо почитается дочь Солнца богиня Хомай, в древности относились к сако-массагетам — почитавшим только Солнце», и к сакам-хаумваргам — почитавшим Хому (Хомай)», часть которых во II тыс. до н.э., в эпоху ведийско-авестийских войн как армия-кара героя саков Рустам как народная армия ополчения «баш-кард» переселилась с севера с Южного Урала, на юг в Иран, в Сакастан — Сеистан. Это подтверждают и археология, и реконструкция древних поселений. Как пишет Е.Е. Кузьмина: «Трехрядное расположение опорных столбов гедане белуджей и особенно в шатре с двускатной кровлей у курдов и чайрамаков в принципе повторяет план срубно-андроновского дома [...]» (Кузьмина Е.Е. 1994. С. 102.) Для того, чтобы победить войну, необходимо преимущество в оружии и средствах передвижения. По мнению многих археологов, подкрепленному многочисленными

ными документальными фактами, древнеиранские андроновские племена являлись в евразийских степях единственными поставщиками олова, необходимого для производства бронзы.

Как справедливо отмечает Е.Е. Кузьмина: «успехи петровских и потаповских [андроновских] племен в металлообработке и применении ими конных колесниц обеспечили их господство в евразийских степях и высокий уровень их культуры, обусловивший начало стратификации общества». (Кузьмина Е.Е. 1994. С. 152.)

Нет никаких сомнений в том, что самая важная черта культурной и экономической жизни и быта башкурдов, отличающая их от других этнических групп Южного Урала и Западной Сибири (финноугров, тюрков и монголов), умение добывать и перерабатывать металл, восходит к их предкам, андроновским племенам II тыс. до н.э. — ведическим индоариям Куру, создавшим бессмертную культуру протгородской цивилизации Аркаима.

Знаменитый башкурдский металлург XVIII в. Исмагил Тасимов является основателем Горного кадетского училища в Санкт-Петербурге, открывшегося в 1773 г. В собственности у Исмагила Тасимова находилось 234 рудника (на 1724-й год). В течение 19 лет подряд, с 1773 по 1792 г., Исмагил Тасимов содержал училище на свои собственные деньги — «от каждого пуда меди, выплавляемой из его руды, по полуплошке». В 1773—1774 гг. только из этих денег Исмагила Тасимова, положенных в государственную казну, для Горного училища было перечислено 61 000 рублей. А в 1789 г. Исмагил Тасимов внес в казну Горного училища 74 833 рубля 40 копеек. Он стал основоположником металлургии и тяжелой промышленности в России. По всей видимости, разные промыслы и плавка металла у башкурдов (кур — уголек, курд.) были распространены повсеместно, поскольку уже указом императрицы Анны Иоанновны от 11 февраля 1736 г. башкурдам запрещалось заниматься кузнечным делом и иметь кузницы в своих деревнях.

Предки башкурдов, ираноязычные андроновские племена, добывали и золото, в частности, на Урале этот драгоценный металл разрабатывался на руднике в Кусеево. (Сальников К.В. 1967. С. 278—279.) Кусеевский золотоносный рудник располагается в южной части Уральских гор, которую башкурды, независимо от племенной принадлежности, называют Ирандек, что с индоиранских языков, в частности с санскрита, переводится как «Иранская страна» (diz — страна).

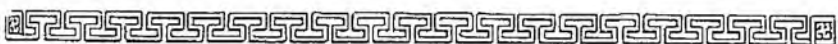

На Уральском Ирандеке живут башкурды рода бурзян. Более того, на Южном Урале в глубине Ирандека располагается горный массив, называемый башкурдами Бурзян. Не та ли это, упоминаемая в Авесте священная гора Хара Березаити, располагавшаяся, по преданиям, на прежней северной прародине древних иранцев, в стране Арьянам Ваэджа? Авестийская мифическая гора Хара Березаити соответствует священной горе Сумеру у ведических индоариев, а иранская Арьянам Ваэджа, соответственно, Арьяварте — северной прародине ариев.

Интересные параллели мы находим и в этнических преданиях башкурдов Южного Урала. Так, башкурды рода Бурзян возводят свою генеалогию к двум мифическим братьям Монашу и Ямашу. А ведические арии Куру и древние иранцы Авесты почитали своими прародителями братьев Ману- Манушчихра и Яму-Йиму. Такое совпадение вполне закономерно и напрямую указывает на родство башкурдов Урала со всем индоиранским миром. Точно так же как и одной из причин формирования термина индогерманцы (помимо того, что лексическая система индоиранских и германских языков на 80 % является одной и той же, индоевропейской) стало то, что и у германцев мифическим прародителем является легендарный Манн, который соответствует велико-авестийскому брату-близнецу Ману-Манушчихру. Примечательно и то, что если у башкурдов Урала мифические братья-близнецы Монаш и Ямаш являются потомками некого Туйне, то у германцев Манн является сыном бога Туисто соответствующего ведическому Дьяусу, греческому Зевсу и Малеку Тауису у курдов.

На наличие нордического антропологического типа среди курдов, который также представлен и у башкурдов, давно обратили внимание этнографы. Как пишет по этому поводу профессор Н.С. Широкова: «В индийской литературе встречаются высокие и светловолосые герои. Рассматривая изображения персов на саркофагах из Сидона, можно сделать вывод, что эта ветвь иранской расы включала представителей нордической расы. (L'Anthropologie. Paris, 1900. p. 23—56 et 193—234.)

Китайские писатели рассказывают о румяных, голубоглазых, светловолосых людях, расселившихся по Центральной Азии во время максимального распространения иранского языка, как раз перед началом нашей эры. На древних фресках, происходящих из мертвых городов Таримского бассейна, изображены люди явно европейско-

го светловолосого типа рядом с местными монголоидами. (*Teist S. Kultur, Ausbreitung und Herkunft der indogermanen. Berlin, 1913. P. 498.*)

Таким образом, в арийских зонах Древнего Востока сохранились следы нордического типа. Более того, тот же самый тип еще сегодня существует среди различных народов, говорящих на языках, относящихся к индоевропейской группе и проживающих в тех районах Азии, которые не были подвержены процессам расового смешения или по климатическим условиям напоминали Европу. Таковы, например, курды с высокогорий Северного Ирака: они высоки, светловолосы и голубоглазы». (Широкова Н.С. Культура кельтов и нордическая традиция античности. М., 2000. С. 86.)

Эти же факты, ссылаясь на данные фон Лушана, приводит и В. Никитин в своей книге «Курды». По мнению обоих ученых, курды по происхождению — народ светлый, с голубыми глазами, долихоцефалы. Фон Лушан предполагает, что эти исконные курды, вероятно, пришли с Севера. Соотношение светлых курдов по типу у фон Лушана следующее: в Каракуше (Черное море) — 71 человек из 115 обследуемых, то есть 62 %; в Немруз-Даге (озеро Ван) 15 человек из 20, то есть 58 %; в Зенджирли — 31 из 80, то есть 39 %.

Вполне возможно, пишет Никитин, что этот северный тип среди курдов пришел в Переднюю Азию, владея другим языком, не курдским, который ему, по-видимому, был навязан в результате контакта с иранскими элементами, которым он подчинился, как отмечает А. Башмаков. Однако весьма трудно согласиться с мнением об изначальной германоязычности курдов, поскольку, как мы знаем, язык их предков, ведических индоариев Куру, судя по текстам Ригведы и языку ариев Митанни, в Передней Азии, был индоиранским, генетически весьма близким, но отличающимся от северогерманских языков. По всей видимости, древние индогерманские протоязыки, раз разделившись, около IV тыс. до н.э., стали самостоятельно развиваться по отдельности, но уже каждый на своей диалектно-племенной основе, невзирая на антропологическое тождество курдов и древних германцев. К этому выводу имеются многие доказательства, например, как пишет Н.Д. Андреев: «...говорящие на шлезвигском и на саксонском диалектах немецкого языка скорее всего поймут друг друга, аналогичной будет ситуация при общении между носителями саксонского и тирольского диалектов, но представители Шлезвига и Тироля вынуждены будут объясняться между собой на литературном немецком языке: говоря на родных диалектах, они практически не поймут друг дру-

га. [...] Англичанин времен Чосера и британец эпохи Шекспира с грехом пополам сумели бы разговаривать друг с другом; то же следует предполагать относительно диалога между современниками Шекспира и Голсуорси, однако можно быть уверенным, что англичанин — современник Чосера и житель современного Альбиона не смогли бы толком объясниться. [...] Язык одновременно стабилен (в такой мере, что смежные поколения всегда могут понять друг друга) и изменчив (в такой степени, что через определенное число поколений мы уже имеем дело с новым языком: француз должен специально изучать латынь, чтобы читать Цезаря в подлиннике)». (Философские основы зарубежных направлений в языкознании. М., 1977. С. 268.) Далее, то же самое следует сказать и относительно различий, произошедших только за 1000 лет в норвежском и исландском (германских) языках.

В 874 году викинг Ингольв Арнарсон с семьей, со всем имуществом и домашним скотом переселился с берегов фьордов Западной Норвегии в далекую Исландию. Вслед за отважным норманом последовали сначала десятки, а затем сотни и тысячи других норвежцев. Через четыре столетия, в XIII в., связи Норвегии с норвежскими колонистами в Исландии почти прекратились. За прошедшие с XIV в. столетия некогда единый норвежский язык, бывший общим для викингов как на континенте — на родине, так и в колонии, на острове изменился настолько, что современный исландец и житель Западной Норвегии при разговоре не понимают друг друга.

Башкурды Южного Урала, как показывает сохранившаяся парфянская фонетика башкурдского языка, вплоть до татаро-монгольского нашествия в XIII в. говорили на одном из диалектов индоиранского языка. Судить о причинах, почему настолько сильно башкурдский язык деформировался лексически и типологически под влиянием внешних причин, мы можем судить на том примере, что после нашествия татаро-монгольской орды Чингисхана в Среднюю Азию иранский хорезмийский язык, как и само государство восточных иранцев — Хорезм, были разрушены и исчезли полностью и окончательно.

И только башкурды Урала, находясь в окружении враждебных тюркских племен, даже утеряв индогерманский морфологический тип своего прежнего среднеиранского языка, сумели сохранить его древнюю авестийско-парфянскую фонетику, характерную для восточноиранских языков.

Исходя из того, что сам этноним башкурд указывает на величественных ариев Куру, живших на Южном Урале в районе Аркаима (II тыс. до н.э.) и курдов, потомков митаннийских ариев, а имя башкурдов рода Борзян соответствует имени курдского племени Барзан, обитающего в области Загроса — Ревандуза, куда, на гору Реванд, в царство кави Виштаспы, по Авесте, сам Заратуштра перенес священный огонь земледельцев Борзен-Михрбан, мы приходим к убеждению, что более 4 тысяч лет тому назад предки курдов и башкурдов представляли собой единый народ.

ГИЛЬГАМЕШ И УРАЛ-БАТЫР (PATER)

Достиг Урал подножия горы, говорят. Тут падишахова дочь на площадь прибыла (наконец), Урал тоже строй не нарушал, вместе с другими стоял.

Башкордский эпос

I соответствие текста

Дочь падишаха, проходя по рядам,
Всех егетов перебрала,
Но среди них по душе
Ни одного егета не нашла.
Наконец она к Уралу
Приблизилась, говорят.
Остановилась возле него,
На Урала взглянула, говорят.
Взяла в руку яблоко она,
Подарила ему, говорят.
На майдане * дочь падишаха
Никого больше не стала
выбирать,
Урала отвести к себе
Жестом приказала слуге.
Девушка села на трон,
И снова понесли ее рабы.
Направилась она в свой дворец.
«Дочь падишаха полюбила его,
Он зятем падишаха стал!»
Закричали так, зашумели все,
Приближенные засуетились,
Стали народ в сторону теснить.
Сказали: «Пойдем во дворец,
егет,
Дочь падишаха ждет тебя».
Что делать Уралу, пояснили.
А из приближенных один
Взялся повести его, говорят.
«Ты нашим зятем стал», —
сказал,
По плечу его похлопал,
говорят.

Курдско-шумерский эпос I

I соответствие текста

Он умыл свое тело, все оружие
блестело,
Со лба на спину волосы он закинул,
С грязным он разлучился, чистым он
облачился.
Как накинул он плащ и стан
подпоясал,
Как венчал Гильгамеш себя тиарой, —
С золотыми колесами, с рогами из элек-
тра,
А впрягут в нее бури — могучих мулов.
Войди в наш дом в благоухании кедра!
Как входить ты в дом наш
будешь,
И порог и престол да целуют твои ноги,
На красоту Гильгамеша подняла очи
государыня Иштар:
«Давай, Гильгамеш, будь мне
супругом,
Зрелость тела в дар подари мне! Ты бу-
дешь мужем, я буду женою!
колесницу,
Да преклонят колени государи, цари они,
и владыки,
Да несут тебе данью дар холмов и
равнины,
Твои козы тройней, а овцы
двойней да рожают,
Твой вьючный осел пусть догонит мула,
Твои кони в колеснице да будут
горды в беге,
Под ярмом твои волы дачне ведают рав-
ных!»

II соответствие текста

Но Урал не согласился с тем,
Во дворец не захотел идти.
«Порядков ваших не знаю я,
Чем все это кончится, посмотрю,
Потом, может быть, и пойду,
Девушку (сам) отыщу», —
Так Урал ответил, говорят.
Приглашение приближенных
Так он отверг, говорят.
Те обиделись (на него),
Пошли сказать девушке (о том),
говорят,
Немного времени прошло,
На майдане шум еще не утих,
За глашатаями, пробивающими
путь,
В окружении батыров четырех,
На троне, который несли рабы,
Словно взбесившийся верблюд,
Словно крови жаждущий медведь,
С налитыми кровью глазами,
Нахмурившись злобно,
Свирепый в гнев своем,
С затылком, как у дикого кабана,
С ногами толстыми, как у слона,
Кумысом налившийся, как саба,
С противным, огромным животом,
Лютый в гнев своем
Заставляющий головы склонять —
Появился падишах Катил, говорят.
Прошел, всех перебирая
(по рядам),
Рабов-мужчин выбирая, говорят.
Сказал: «Этот во дворец пойдет,
Этот для жертвы подойдет», —
Так закончил отбор рабов,
говорят.
Потом стал девушек отбирать,
говорят.
Когда девушек отбирал,
Он к одной красавице подошел,
Приближенного подозвал,

II соответствие текста

Гильгамеш уста открыл и молвит,
Вещает он государыне Иштар:
«Зачем ты хочешь, чтоб я взял тебя
в жены?
Я дам тебе платьев, елея для тела,
Я дам тебе хлеба в пропитанье
и в пищу,
Накормлю тебя хлебом, достойным
богини,
Вином напою, достойным царицы,
Твое жилище пышно украсу,
Твои амбары зерном засыплю,
Твои кумиры одену в одежды,
Но в жены себе тебя не возьму я!
Ты — жаровня, что гаснет в холод,
Черная дверь, что не держит ветра
и бури,
Дворец, разбивший главу героя,
Колодец, который проглотил свою
крышку,
Смола, которой обварен носильщик,
Мех, из которого облит носильщик,
Плита, не сдержавшая каменную
стену,
Таран, отдавший жителей во вражью
землю,
Сандалия, жмущая ногу господина!
Какого супруга ты любила вечно?
Кто твой возлюбленный, милый
доселе?
Давай перечислю, с кем ты блудила!
45....1.....)....
Супругу юности твоей, Думузи,
Из года в год ты судила рыданья.
Птичку-пастушка еще ты любила —
Ты его ударила, крылья сломала;
Он живет среди лесов и кричит:
«мои крылья!»
И льва ты любила, совершенного
силой, —
Семь и семь ему ты вырыла
ловушек.

Сказал: «Зубы ей посмотри», —
говорят.
Закрывавшие румяное лицо
Руки ее отвел, говорят,
Коснулся ее груди,
За талию ее подержал.
«Для дворца она подойдет, —
сказал,
Других сами осмотрите, —
сказал, —
Лучших себе отберите,
Сколько хотите берите», —
Сказал падишах, говорят.
Приближенным своим приказал,
говорят:
«Оставшихся в честь матери
В честь колодца,
Водой которого омывали меня,
В жертву принесите!» — приказал,
Так закончил слово свое,
говорят.

III соответствие текста

Тем временем, разгневанная,
Дочь явилась его, говорят,
К Уралу подошла, говорят,
Стала его упрекать, говорят:
«Егет, я выбрала тебя,
А ты в мой дворец не пошел,
Яблоко подарив, знак тебе
подала —
Меня равной себе не признал,

И коня ты любила, славного
в битве, —
Кнут, узду и плетть ты ему судила,
Семь поприщ скакать ты ему
судила,
Мутное пить ты ему судила,
Его матери, Силили, ты судила
рыданья.
Ишуллану-садовника ты любила,
Что тебе постоянно носил фиников
гроздь,
Каждый день твой стол украшая, —
Подняла ты очи, к нему
подошла ты:
«О, мой Ишуллану, твоей зрелости
вкусим,
И, рукой обнажась, коснись нашего лона!»
То Ишуллану тебе отвечает:
«Чего ты от меня пожелала?
Чего мать не печла моя, того
не едал я,
Как же буду есть хлеб прегрешений
скверны?
Будет вретиге ль мне от стужи
укрытьем?
Ты же, услышав эти речи,
Ты его ударила, в паука превратил
Поселила его среди паутины —
К потолку не подняться, не
спуститься на пол
И со мной, полюбив, ты так же
 поступишь!»

III соответствие текста

Как услышала Иштар эти речи,
Иштар разъярилась, поднялась
на небо,
Поднявшись, Иштар пред отцом
своим, Анла,
Пред Ану, ее матерью, бегут ее
слезы:
«Отец, поношенья Гильгамеш учинил
мне,

Мое приглашение отверг,
Перед всеми рабами
Ты опозорил меня.
Ты очернил мое лицо».
Приближенные падишаха,
батыры его
И старцы, что были при нем, —
К Уралу падишахову дочь,
Позавидовав, что девушку отдают за него,
Все приревновали
Что зятем падишаха будет он.
Сам падишах рассвирепел,
говорят.
«Не выбирай такого глупца,
На никчемного не смотри,
Понапрасну не томись,
Иди, дочь моя, иди домой,
Во дворец возвращайся свой!» —
Сказал он дочери своей,
говорят.
«Не мешкайте с теми, кто
в жертву определен,
Девушек в воду бросайте,
А этого егета, заковав,
в огонь кидайте!
Мужчин приведите ко мне!» —
говорят.
А сам, сев на свой трон,
стал ждать, когда другие
подойдут.
Как только приближенные
Связанных по рукам девушек
Собрались в воду
бросать,
Приказал четверем батырам
И мужчин в огонь кидать,
Как только двинулись они —
И люди стали плакать и
стенать, —
Урал вырвался вперед, говорят,
И такие слова сказал, говорят:
«Я отправился для того,
Чтоб невидимую Смерть сразить,
От кровожадного падишаха,

Гильгамеш перечислили мои
прегрешенья,
Все мои погрешенья и все мои
скверны».
Ану уста открыл и молвит,
Вещает ей, государыне Иштар:
«Не ты ль оскорбила царя
Гильгамеша,
Что Гильгамеш перечислил твои
погрешенья,
Все твои погрешенья и все твои
скверны?»
Иштар уста открыла и молвит,
Ану, отцу своему вещает:
«Отец, быка создай мне, пусть
убьет Гильгамеша,
За обиду Гильгамеша поплатиться
должен.
Если же ты быка не дашь мне —
Ударю я в дверь страны без
возврата,
Открою я врата преисподней,
Подниму я мертвых, чтоб живых
пожирали,
Станет меньше тогда живых,
чем мертвых».
Ану уста открыл и молвит,
Вещает ей, государыне Иштар:
«Если ты от меня быка
пожелаешь, ты,
Будут в Уруке семь лет мякины.
Зерна для людей собрать должна
Для скота должна травы взрастить ты».
Иштар уста открыла и молвит,
Ану, отцу своему вещает:
«Зерно я ссыпала, траву создала я,
Если будет в Уруке семь лет
мякины —
Зерно для людей уже собрала я,
Для скота я уже травы взрастила.
(.....)
(.....)
(.....) быка (.....)

От людоеда-дива
Всех людей освободить,
Из Живого Родника воду взять
И мертвых воскресить, —
Вот для этого я батыром
родился!»
Видя, как стенает народ,
Как на глазах у него
Берущая души злая Смерть
Руку накладывает на людей,
Мужчиной считающий себя батыр
Будет ли безучастно стоять?
Уступит ли злодеям путь?
Устрашится ли их батыр?
«Приближенные, убирайтесь! —
закричал, —
Великий падишах, с носилок
сойди!
Развяжите руки рабам,
Развяжите руки девушкам!»
Услышав это, Катил
Весь напъжился, побагровел,
Кричать и ругаться стал,
Обратился к батырам своим.
«Если Смерть ищет он,
Если жаждет крови он,
Покажите ему Смерть,
Пусть запомнит мою страну!» —
Грозно так приказал, говорят.
Словно медведи косматые,
Словно огромные дивы,
Четыре батыра явились, говорят.
«Будешь биться или бороться? .
Выбирай!» — сказали они, говорят.
«Не погибли бы сами вы!
Подумайте сначала о том.
Посильнее самих себя
Найдите какое-нибудь животное!
Когда Урал так сказал,
те захохотали, говорят.
«Ох-хо-хо! Какой ты,
оказывается, батыр!» —
Так падишах и все остальные
Издевались над ним, говорят.

IV соответствие текста

В гневе падишах Катил
Не знал, что и сказать,
Не раздумывая, он повелел:
«Если крови жаждет он,
Если жить надоело ему,
Быка приведите сюда,
Который поддерживает мой
дворец,
Сделает то, что надо, бык!
А вы, батыры, подождите (пока)».
Услыхав эти слова,
Все люди перепугались, говорят.
Урала пожалели они.
«Пропадет егет», — думая,
Слезы проливали, говорят.
Дочь падишаха пришла,
«Отец мой, остановись,
Стала отца умолять:
Понапрасну его не губи!
«Выбери себе жениха», — ты
сказал,
Разрешение мне дал.
Этого егета выбрала я.
«Он мой жених», —
подумала я,
С егетом поговорить
Ты даже мне не дал.
Отец мой, остановись,
Понапрасну его не губи!»
Хоть так и умоляла его дочь,
Слезы кровавые лила,
Не внял просьбе дочери падишах,
Не уступил ее мольбам.
Землю с ревом взрывая,
В ярости брызжа слюной,
Подбежал бык (огромный),
как гора, говорят.
Остановился перед Уралом он.
Постоял, посмотрел на него,
Голову чуть в сторону повернул.
«Егет, я на землю не брошу
Пока сам не сгниешь

IV соответствие текста

Как услышал Ану эти речи,
Ее он уважил, быка он создал,
В Урук с небес погнала его Иштар.
Когда достиг он улиц Урука,
Спустился к Евфрату, в семь
глотков его выпил,
— река иссякла;
Отдыханья быка разверзлась яма,
Сто мужей Урука в нее свалились;
От второго дыханья разверзлась яма,
Двести мужей Урука в нее
свалились;
При третьем дыханье он дохнул на
Энкиду,
Энкиду, хоть стан его согнулся,
Но вспрыгнул Энкиду, за рог быка
ухватился,
Бык в лицо ему брызнул слюною,
Всей толщей хвоста его ударил.
Энкиду уста открыл и молвит,
вещает он Гильгамешу:
«Друг мой, гордимся мы нашей
отвагой,
Что ж мы ответим на эту обиду?»
Гильгамеш уста открыл
И молвит, вещает он Энкиду:
«Друг мой, видал я быка деянья,
Но силы его для нас не опасны.
Вывру его сердце, пред Шамашем
положу я,
Убьем быка с тобою вместе,
Встану над ним я в знак победы,
Наполню рога елеем, подарю
Лугальбанде!
За толщу хвоста его ухвати ты,
А я меж рогами, меж головой и
шеей поражу его кинжалом».
Погнал Энкиду, быка повернул он,
За толщу хвоста его ухватил он,
(.....)
А Гильгамеш, как боец отважный и
воин могучий

И не превратишься в прах,
Пока ветром не развеет твой прах,
Я буду тебя на рогах держать,
Я тебя вот так иссушу».
Так сказал Уралу (бык), говорят.
«И я тоже, бык, тебя
Постараюсь не погубить,
Не стану силы тратить, себя
изводить,
Не стану возиться с тобой.
Что сильней человека нет
на свете никого,
Придется тебе признать.
Не только тебя, но и племя твое
Сделает человек своим рабом».
От этих слов бык
Ринулся на Урала, рассвирепев,
Урала он решил
На рога свои поднять.
А Урал-батыр быка
Схватил за рога, говорят
Бык тоже старался (его поддеть),
говорят.
Хоть и надеялся на свои рога,
Из рук Урала вырваться не смог.
По колено в землю ушел,
говорят,
От натуги большой
Из пасти быка
Черная кровь потекла, говорят;
Верхний зуб выпал, говорят.
Запыхался, изнемог, говорят.
Увидев это, и Катил,
И его приближенные, и другие — все
Растерялись, говорят.
Урал слово свое сдержал,
Быка он не стал губить,
Схватил его за рога,
(Вытащил) увязшего быка из
земли,
На ноги поставил, говорят.
У быка четыре копыта
Треснули пополам,
В трещины набился песок,

Меж его рогами, меж головой
и шеей
Вонзил кинжал свой.
Как быка они убили, ему вырвали
сердце, пред
Шамашем положили,
Удалившись, пред Шамашем ниц
склонились, и
Уселись оба брата.
Взобралась Иштар на стену
огражденного Урука
На зубец вскочила, бросила
проклятье:
«Горе Гильгамешу, меня он унизил,
быка сразивши!»
Услыхал Энкиду эти речи Иштар,
Вырвал корень быка, в лицо ей
бросил:
«А с тобой — лишь достать бы,
как с ним бы я сделал, —
Кишки его на тебя намотал бы!»
Созвала Иштар жриц, блудниц, и дево
Корень быка оплакивать стали.
А Гильгамеш позвал мастеров всех
ремесел.
Толщину рогов мастера хвалили.
Тридцать мин лазури — их отливка,
Толщиною в два пальца их оправа,
Шесть мер елея, что вошло в оба
рога,
Подарил для помазанья своего.
Бык обессилел, говорят,
Лугальбанды.
Внес рога и повесил в своей
княжеской спальне.
Они руки свои омыли в Евфрате,
Обнялись, отправились, едут
улицей Урука,
Толпы Урука на них взирают.

Кровью обильно залились,
говорят.
Урал: «Рога твои, что держал
я в руках,
Согнутыми останутся (навсегда),
В щербатой пасти твоей
Верхний зуб не вырастет
(никогда),
Раздвоенные копыта твои
Не сомкнутся никогда.
Не только ты сам, но и
потомство твое
Такими останетесь навек.
Силу человека ты испытал,
Слабость свою ты узнал,
Человеку рогами не грози,
Не надейся его одолеть!»

У соответствие текста

Все видели это, говорят.
К Уралу бросились они,
Обступили его со всех сторон,
Урал вошел во дворец, говорят,
Всех людей собрал, говорят,
Беглецам срывающимся — всем
Возвратиться в свои дома
Приказал Урал, говорят.
Избрав среди них главу,
Сам уйти собрался, говорят,
Народ устроил йыйын,
Урал вместе со всеми был.
Так сказал, говорят:
«Ты — егет из егетов,
оказывается!
Ты — бесстрашный батыр,
оказывается!
Надеясь лишь на самого себя,
Засучив рукава,
Жалея таких, как мы,
Ты пришел (сюда), батыр,
оказывается.
Ты — победитель, оказывается.
Га, что вызвала гнев падишаха,

У соответствие текста

Гильгамеш вещает слово
простолюдинкам Урука:
«Кто же красив среди героев?
говорят. Кто же горд среди мужей?
Гильгамеш красив среди героев,
Энкиду горд среди мужей!
Мы быка небесного гнали во гневе,
Не достигла богиня исполнения желаний, —
Только наше с тобою исполнилось желание!»
Гильгамеш во дворце устроил веселье,
Самый старый среди людей,
Заснули герои, лежат на ложе ночи.
Заснул Энкиду и сон увидел,
Поднялся Энкиду и сон толкует,
Вещает своему он другу:
«Друг мой, о чем совещались
великие боги?»
Таблица VI.
«О все выдавшем» —
история Гильгамеша. Согласно
древнему подлиннику списано
и сверено

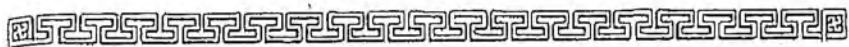
Та, что (с ним) столкнула тебя
И потому всем нам
Принесла свободу и счастье,
Ведь это — дочь падишаха.
Из-за нее все это приключилось.
Тебя полюбив, взбунтовалась она,
Против отца голос подняла.
Егет, на дочери падишаха женись,
Здесь останься, егет!»
Услыхав эти слова,
Узнав, что все того хотят,
Урал решил жениться, говорят,
Девушку в жены взять, свадьбу
сыграть,
Пожить так немного (решил),
говорят.
Прошло несколько дней,
После свадьбы своей
Урал снова отправился в путь,
говорят.

VI соответствие текста

Встреча Урала
с «башкордским Утнапишти»
Старик говорит:
«Пытался я Смерть звать
Хотел ей себя отдать
Но не взяла Смерть душу мою,
Отказалась ее принять, сказав, —
Испил ты воды из
Живого Родника.
Сделал ее силой против меня.
Вовек не возьму душу твою,
Не убью я тебя.
Силы иссякнут, (но) останешься
в живых,
Будешь мучиться, но не
сможешь умереть,
Истлеет червями изъеденное тело,
(Но) и тогда ты не умрешь,
Из этого мира не уйдешь.
Напрасно будешь ждать меня,
В ожидании истомисься,

VI соответствие текста

Таблица Х.
Хозяйка ему вещает, Гильгамешу:
«Гильгамеш? Куда ты стремишься?
Жизни, что ищешь, не найдешьты!
Боги, когда создавали человека,
Смерть они определили человеку,
Жизнь в своих руках удержали.
Ты ж, Гильгамеш, насышай
желудок,
Чтобы Смерти неподвластным стать.
Днем и ночью да будешь ты весел,
Праздник справляй ежедневно,
Днем и ночью играй и пляши ты!
Светлы да будут твои одежды,
Волосы чисты, водой омывайся,
Гляди, как дитя твою руку держит,
Своими объятьями радуй супругу —
Только в этом дело человека».
Гильгамеш ей вещает, хозяйке:
«Теперь, хозяйка, где путь к
Утнапишти?»

исстрадаешься ты.
Егет, явился я к тебе,
Пришел и поведал о себе,
Прислушайся к тому, что скажу,
Есть мне о чем тебе рассказать.
Жизненный опыт мой.
Достоин примером стать для
людей.
Желая на этом свете вечно жить,
Желая быть вечным, как мир,
Подчиняться не желая ей,
Не пейте из Живого Родника,
Не обрекайте себя на муки,
как я;
Мир — это сад,
(Все) живое в этом саду
Из поколения в поколение растет.
Одни оправдывают свой рост,
Другие позорят (этот сад),
А между тем (все они) украшают
сад
в разные цвета.
Все это — растения и цветы.
То, что мы смертью считаем,
Что злом привыкли называть, —
Это есть вечный порядок,
И в саду слабые растения
Или отжившие свой век
Выдергивают и очищают (сад),
На гибель обрекая их.
Не ищите бессмертия себе,
Не пейте из Живого Родника:
На свете остается (лишь) то,
Что составляет мира красоту...

«14 апреля 1814 года в городе Шварце, в Германии, во дворе церкви четыре башкира из отряда русского князя показывали свое искусство стрельбы из лука. Принц Карл Гюнтер выразил сомнение в возможности достижения чего-либо этим оружием. Условились, что будут стрелять по шару церковной башни. Один из воинов выстрелил и вонзил стрелу в шар. Она там и осталась, но позже была заменена железной — в память о споре.»
(«Берлинская газета» 13 марта 1980 г.)

Приложение 1

Разговоры с Гёте в последние годы его жизни. М., 1986

1 мая 1825 г.

— А знаете, — сказал Гёте с таинственной улыбкой, — у меня, кажется, есть одна вещица, которая вас [И.П. Эккермана] порадует. Что, если мы сейчас спустимся вниз и в руках у вас окажется настоящий башкирский лук?

— Башкирский лук, — воскликнул я вне себя от восторга, — самый настоящий?

— Да, сумасбродный вы человек, самый настоящий, — сказал Гёте.

— Идемте.

Мы спустились в сад. Гёте открыл дверь в комнату маленькой пристройки, где лежали на столах и висели по стенам всевозможные редкости. Лишь мельком взглянув на все эти сокровища, я искал глазами лук.

— Вот он, — сказал Гёте, вытаскивая лук из кучи всевозможных предметов, сваленных в углу.

— Да, он все такой же, каким был в тысяча восемьсот сорок четырем году, когда мне торжественно преподнес его начальник башкирского отряда. Ну, что скажете?

Я был счастлив, держа в руках любимое оружие. Лук был цел и невредим, даже тетива была еще достаточно натянута. Ощупав его, я обнаружил, что он вовсе не потерял упругость.

— Отличный лук, — сказал я. — В особенности хороша его форма, в будущем он послужит мне образцом.

— Из какого дерева он, по-вашему, сделан? — поинтересовался Гёте.

— Как видите, он весь покрыт тонким слоем березовой коры, дерево видно лишь на изогнутых концах. К тому же оно потемнело от времени, и не разберешь, что это такое, то ли молодой дуб, то ли орех, не знаю. Наверно, все таки орех или схожая с ним порода, но не клен, волокна у него грубые, и он, несомненно, был расклинен.

— А что, если вам сейчас его попробовать, — предложил Гёте. — Вот и стрела. Но остерегайтесь ее железного наконечника, возможно, он отравлен.

*«И вот башкиры въехали
в Париж, и все горожане
удивлялись их внешнему виду,
и французженки спали с ними».
Ф.Н. Глинка (1786—1880)
«Воспоминания»*

постаревший телесно. Стрела взлетела невысоко и опустилась на землю. Я побежал и принес ее.

— Еще разок! — сказал Гёте. Теперь он прицелился в горизонтальном направлении, вдоль песчаной дорожки. Шагов тридцать стрела продержалась в воздухе, потом засвистела и опустилась. Гёте, стреляющий из лука, положительно обворожил меня. Мне вспомнилось двестише:

Иль старость уходит, я мал,
И снова ребенком я стал.

Я снова принес ему стрелу. Он попросил и меня выстрелить горизонтально, указав мне цель: отверстие в ставне на окне его рабочей комнаты. Я выпустил стрелу. Неподалеку от цели она засела в мягкой древесине, да так крепко, что я не мог ее вытащить.

— Пускай себе торчит, — сказал Гёте. — В течение не скольких дней она будет служить мне напоминанием о наших забавах.

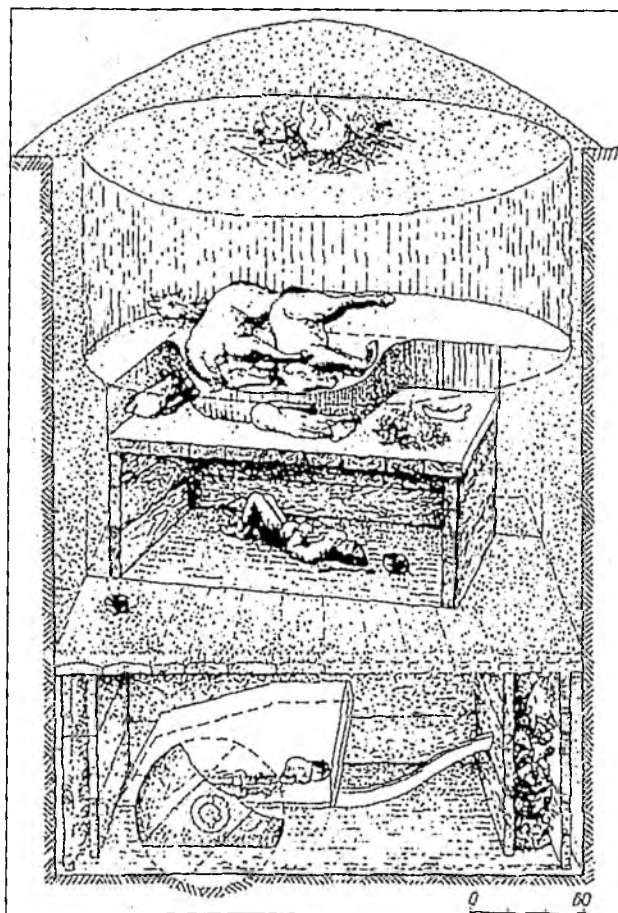

Приложение 2

Древнеарийский обычай поминовения предков, исполненный воинами-башкурдами в 1942 г.

Газета «Красная звезда» от 7 октября 1942 г.,
среда, № 236 (5300).

(Статья «Тризна», авторы — «Братья ТУР»).

Древний обычай захоронения коней в могиле всадника

БАШКУРДИСТАНЬ

Да здравствует Башкурдистань! Да здравствуют Русские Соединенные Штаты На основах Народной власти!

№ 1 1918 года (Пяница) Морта 1 (Феврора 16) Цена 80 к.

<p>СОВЕТСКИЕ ШТАТЫ И БАШКУРДИСТАНЬ</p> <p>Вопрос о том, как устроится жизнь в Башкурдистане, является вопросом не только для башкир, но и для всех народов России. Советские Штаты и Башкурдистань должны быть единым целым, так как только в единстве народов России может быть достигнута настоящая свобода и независимость.</p>	<p>ИЗЪЕМ БАШКУРДИСТАНЬ ИЗ КОМПЕТЕНЦИИ АНГЛО-САХАРСКОГО СЕВЕРА</p> <p>Советские Штаты и Башкурдистань должны быть единым целым, так как только в единстве народов России может быть достигнута настоящая свобода и независимость.</p>	<p>УРАЛЬСКИЕ ШТАТЫ</p> <p>Уральские Штаты должны быть единым целым с Советскими Штатами и Башкурдистанем, так как только в единстве народов России может быть достигнута настоящая свобода и независимость.</p>	<p>СОВЕТСКИЕ ШТАТЫ И БАШКУРДИСТАНЬ</p> <p>Вопрос о том, как устроится жизнь в Башкурдистане, является вопросом не только для башкир, но и для всех народов России. Советские Штаты и Башкурдистань должны быть единым целым, так как только в единстве народов России может быть достигнута настоящая свобода и независимость.</p>	<p>СОВЕТСКИЕ ШТАТЫ И БАШКУРДИСТАНЬ</p> <p>Вопрос о том, как устроится жизнь в Башкурдистане, является вопросом не только для башкир, но и для всех народов России. Советские Штаты и Башкурдистань должны быть единым целым, так как только в единстве народов России может быть достигнута настоящая свобода и независимость.</p>
<p>ИЗЪЕМ БАШКУРДИСТАНЬ ИЗ КОМПЕТЕНЦИИ АНГЛО-САХАРСКОГО СЕВЕРА</p> <p>Советские Штаты и Башкурдистань должны быть единым целым, так как только в единстве народов России может быть достигнута настоящая свобода и независимость.</p>	<p>УРАЛЬСКИЕ ШТАТЫ</p> <p>Уральские Штаты должны быть единым целым с Советскими Штатами и Башкурдистанем, так как только в единстве народов России может быть достигнута настоящая свобода и независимость.</p>	<p>СОВЕТСКИЕ ШТАТЫ И БАШКУРДИСТАНЬ</p> <p>Вопрос о том, как устроится жизнь в Башкурдистане, является вопросом не только для башкир, но и для всех народов России. Советские Штаты и Башкурдистань должны быть единым целым, так как только в единстве народов России может быть достигнута настоящая свобода и независимость.</p>	<p>СОВЕТСКИЕ ШТАТЫ И БАШКУРДИСТАНЬ</p> <p>Вопрос о том, как устроится жизнь в Башкурдистане, является вопросом не только для башкир, но и для всех народов России. Советские Штаты и Башкурдистань должны быть единым целым, так как только в единстве народов России может быть достигнута настоящая свобода и независимость.</p>	<p>СОВЕТСКИЕ ШТАТЫ И БАШКУРДИСТАНЬ</p> <p>Вопрос о том, как устроится жизнь в Башкурдистане, является вопросом не только для башкир, но и для всех народов России. Советские Штаты и Башкурдистань должны быть единым целым, так как только в единстве народов России может быть достигнута настоящая свобода и независимость.</p>
<p>ИЗЪЕМ БАШКУРДИСТАНЬ ИЗ КОМПЕТЕНЦИИ АНГЛО-САХАРСКОГО СЕВЕРА</p> <p>Советские Штаты и Башкурдистань должны быть единым целым, так как только в единстве народов России может быть достигнута настоящая свобода и независимость.</p>	<p>УРАЛЬСКИЕ ШТАТЫ</p> <p>Уральские Штаты должны быть единым целым с Советскими Штатами и Башкурдистанем, так как только в единстве народов России может быть достигнута настоящая свобода и независимость.</p>	<p>СОВЕТСКИЕ ШТАТЫ И БАШКУРДИСТАНЬ</p> <p>Вопрос о том, как устроится жизнь в Башкурдистане, является вопросом не только для башкир, но и для всех народов России. Советские Штаты и Башкурдистань должны быть единым целым, так как только в единстве народов России может быть достигнута настоящая свобода и независимость.</p>	<p>СОВЕТСКИЕ ШТАТЫ И БАШКУРДИСТАНЬ</p> <p>Вопрос о том, как устроится жизнь в Башкурдистане, является вопросом не только для башкир, но и для всех народов России. Советские Штаты и Башкурдистань должны быть единым целым, так как только в единстве народов России может быть достигнута настоящая свобода и независимость.</p>	<p>СОВЕТСКИЕ ШТАТЫ И БАШКУРДИСТАНЬ</p> <p>Вопрос о том, как устроится жизнь в Башкурдистане, является вопросом не только для башкир, но и для всех народов России. Советские Штаты и Башкурдистань должны быть единым целым, так как только в единстве народов России может быть достигнута настоящая свобода и независимость.</p>
<p>ИЗЪЕМ БАШКУРДИСТАНЬ ИЗ КОМПЕТЕНЦИИ АНГЛО-САХАРСКОГО СЕВЕРА</p> <p>Советские Штаты и Башкурдистань должны быть единым целым, так как только в единстве народов России может быть достигнута настоящая свобода и независимость.</p>	<p>УРАЛЬСКИЕ ШТАТЫ</p> <p>Уральские Штаты должны быть единым целым с Советскими Штатами и Башкурдистанем, так как только в единстве народов России может быть достигнута настоящая свобода и независимость.</p>	<p>СОВЕТСКИЕ ШТАТЫ И БАШКУРДИСТАНЬ</p> <p>Вопрос о том, как устроится жизнь в Башкурдистане, является вопросом не только для башкир, но и для всех народов России. Советские Штаты и Башкурдистань должны быть единым целым, так как только в единстве народов России может быть достигнута настоящая свобода и независимость.</p>	<p>СОВЕТСКИЕ ШТАТЫ И БАШКУРДИСТАНЬ</p> <p>Вопрос о том, как устроится жизнь в Башкурдистане, является вопросом не только для башкир, но и для всех народов России. Советские Штаты и Башкурдистань должны быть единым целым, так как только в единстве народов России может быть достигнута настоящая свобода и независимость.</p>	<p>СОВЕТСКИЕ ШТАТЫ И БАШКУРДИСТАНЬ</p> <p>Вопрос о том, как устроится жизнь в Башкурдистане, является вопросом не только для башкир, но и для всех народов России. Советские Штаты и Башкурдистань должны быть единым целым, так как только в единстве народов России может быть достигнута настоящая свобода и независимость.</p>

Газета «Башкурдистан», выходящая на Южном Урале в годы гражданской войны

«К высоким и благородным человеческим чувствам — любви, материнству, дружбе — война прибавила еще одно: месть.

...Никто уже не расскажет нам, как погибли шестеро разведчиков, но только на следующее утро шесть трупов, раздетых донага, были выброшены из немецких окопов на простреливаемую минометами полянку, разделяющую наши позиции от немецких. (..)

Несколько минут в горестном молчании стоял эскадрон вокруг обесчещенных тел. Закат лег на лица мертвых, как приспущенное знамя. Их похоронили на опушке леса, под русскими березами, завернув в бурки и положив под головы уздечки. Так хоронят в степи всадников. Тела их положили на восток, к родным степям.

А когда стемнело, двадцать башкир в безмолвии выехали верхом из расположения полка. (...)

Забив ножами тридцать восемь немцев и споров с них погоны, башкиры заклинили пушки и, захватив пятьдесят шесть лошадей, двинулись обратно. (...)

К утру мстители вернулись в полк. Тряхнув связкой немецких погонов, командир сказал: «Неплохие поминки...» Участники ночной вылазки сдали пятьдесят лошадей под расписку интенданту полка. А шестерых коней, по числу погибших разведчиков, мстители закололи над их могилами, положив их, как дары, на свежие насыпи. Так хоронят в степи всадников. (...)

Часть III

КУРДЫ — ОСНОВОПОЛОЖНИКИ ЮРИСПРУДЕНЦИИ У ИНДОГЕРМАНСКИХ НАРОДОВ

Законы Ману

Наличие автохтонных индоиранских племен — манда — в горах Загроса, по сообщениям шумеро-аккадских клинописных источников III тыс. до н.э., то есть в эпоху, задолго предшествующую началу завоевания ведическими ариями Куру территории Северной Индии, свидетельствует о возникновении законов Ману именно на земле Курдистана.

Глава I

[1. Почтив самосущего Брахму, наделенного неизмеримым блеском, я изложу различные дхармы, объявленные Ману]

1. Великие риши, приблизившись к Ману, сидевшему углубившись в себя, почтив его должным образом, сказали такую речь:

2. «О божественный! Благоволи сказать нам точно и в должном порядке дхармы всех [четырёх] варн и имеющих смешанное происхождение!

3. Ибо ты, Владыка, один знаешь истинный смысл обрядов всего непостижимого, неизмеримого предписания Самосущего».

4. Он, обладающий неизмеримым могуществом, так спрошенный теми, обладающими великой думой, должным образом почтив всех тех великих риши, ответил так: «Да будет выслушано!»

I-31. А ради процветания миров он (Брахма) создал из своих уст, рук, бедер и ступней (соответственно) брахмана, кшатрия, вайшья и шудру.

X-4. Брахманы, кшатрии и вайшьи — три варны дваждырожденных, четвертая же, шудры — рожденные один раз, пятой же нет.

I-87. А для сохранения всей этой вселенной он, пресветлый, для рожденных от уст, рук, бедер и ступней установил особые занятия.

Брахманы — каста жрецов

I-88. Обучение, изучение Веды, жертвоприношение для себя и жертвоприношение для других, раздачу и получение милости он (Брахма) установил для брахманов.

I-100. Все, что существует в мире, — это собственность брахмана; вследствие превосходства рождения именно брахман имеет право на все это.

Кшатрии — каста воинов

I-89. Охрану подданных, раздачу (милостыни), жертвоприношение, изучение (Вед) и неприверженность к мирским утехам он (Брахма) указал для кшатрия.

X-118. Кшатрий, взимающий в крайних обстоятельствах даже четвертую часть (урожая), со всей энергией охраняющий подданных, освобождается от греха.

X-119. Его, (царя), дхарма — победа; он не может отступать в страхе; защищая оружием вайшьев, он может заставлять вносить законный налог.

X-120. (Налог) на народ — одна восьмая в зерне, налог (с золота и скота) — одна двадцатая, (но) по крайней мере каршапана; шудры, а также ремесленники и мастера по художественным ремеслам (вместо налога) исполняют работы. Вайшьи — простой народ

Вайшья, земледельцы-ремесленники

I-90. Пастьбу скота и также раздачу (милостыни), жертвоприношение, изучение (Вед), торговлю, ростовщичество и земледелие — для вайшьев.

X-98. Вайшья, который не в состоянии существовать (исполнением) своей дхармы (обязанности), может существовать по образу жизни шудры, (но) не исполняя запрещенные (ему) дела и отвращаясь (от этого) как только может.

Шудры — люди вне касты

[Шудры не являлись членами общин. Они потеряли связь с общиной либо в результате имущественного или социального неравенства, либо во время войн. Варна шудр пополнялась за счет переселенцев, отбившихся от своего рода и племени. Шудры не имели земли и поэтому вынуждены были заниматься обслуживанием брахманов, кшатриев, вайшьев. Шудры не допускались к управлению государством и к прохождению обряда посвящения — «второго рождения», который проходили члены первых трех варн при достижении определенного возраста (брахманы — с 8—16 лет, кшатрии — с 11—22 лет, вайшьи — с 12—24 лет). Обряд восходит к инициации (лат. *initiatio* — посвящение) — посвятельному обряду первобытного общества, которым сопровождался переход юношей и девушек в группу взрослых.]

I-91. Но только одно занятие Владыка указал для шудры — служение этим варнам со смирением.

X-99. Шудра, не могущий исполнять услужение дваждырожденному, которому угрожает гибель сыновей и жены, может жить занятиями ремесленников.

X-100. (Ему надлежит следовать) тем занятиям ремесленников, таким различным ремеслам, исполнением которых обслуживаются дваждырожденные.

III-13. Для шудры предписана жена — шудрянка, для вайшья — (шудрянка) и своей (варны), для кшатрия — те (обе) и своей (варны), для брахмана — те (три), а также своей (варны).

Курды — «Законы Ману» и учение о карме

Основоположник свода юридических «Законов Ману» является, по мифу, одним из предков-прародителей индогерманского племени Куру. Индоязычные предки курдов [племя зангене, например] пришли в Месопотамию с севера в то же время, что и ведические арии в Северную Индию и Пенджаб, то есть около II тыс. — 1800 гг. до н.э. Вследствие этого, казалось бы, на первый взгляд, что и у курдов Месопотамии в социальном устройстве общества «Законы Ману» должны были бы играть такую же существенную роль, что и у индусов в Индии. Однако это не так, поскольку все этнографы и историки, изучавшие социальное устройство курдского общества, отмеча-

ют, что у курдов в жизни превалируют законы кровно-родственной семьи.

Это тем более выглядит весьма удивительным, если мы вспомним, что уже в XVIII в. до н.э. в Месопотамии, в Вавилонии царь Хаммурапи создал свод юридических законов, записанных клинописью на каменном столбе. Как в свое время подметил В.А.Тураев, одной из особенностей законов Хаммурапи является отсутствие в них института кровной мести. (Тураев В.А. История Востока. Т.1. С. 111.)

В «Законах Ману» институт кровной мести или вражды также отсутствует, тогда как у курдов — прямых потомков ведических ариев рода Куру — кровная месть является наиболее характерной чертой общества. Вот что писал об обычае почитания кровнородственных законов курдами Махмуд Баязиди в своем сочинении «Нравы и обычаи курдов» (начало XIX в.).

«Большинство курдов знают своих предков на протяжении семи поколений и не теряют родственной близости и связи. Так, например, у кого-то есть родственник по отцу или по матери в Шаме или Мысре. Отец этого родственника завещает своему сыну: «В такой-то стране, в такой-то деревне, в таком-то племени есть наш родственник, которого зовут так-то. Разыщи его». А тот, в свою очередь, опять-таки завещает это своим детям. И если случается, что у курда есть кровная вражда или ссора с кем-нибудь в какой-то стране, он со всеми подробностями и деталями передает ее в завешание своим детям. Есть у курдов обычай — когда кто-нибудь из них отправляется на чужбину, то истинного своего происхождения они сразу никому не открывают, потому что остерегаются, как бы не оказалось в их родне давнего кровника или врага [кого-нибудь из местных]. Одним словом, старая вражда у курдов не забывается, они охраняют ее на протяжении семи поколений. И курды очень почитают обычай бахта. Если кто-нибудь, совершивший тяжкое преступление, прибегает к чьему-нибудь бахту, то вина его прощается. Бахтом клянутся и ничего лживого не подтверждают своим бахтом (...). Иначе говоря, у курдов клятва бахтом — дело великое. Или, например, человек, которого хотят убить, прибегает к чьему-либо бахту, то любым средством его постараются спасти от смерти.

Примечание.

Бахт — букв. «судьба», «счастье»; у курдов вторичное значение — «защита», «покровительство». Прибегать к чьему-то бахту — просить

защиты и покровительства. Человек, который прибегает к чьему-либо бахту, приходит к нему в дом и просит покровительства и защиты. Тот, к чьему бахту прибегают, выступает ходатаем перед его преследователями и оставляет его в своем доме, который является для виновного надежным убежищем». (Перевод М.Б.Руденко. Мелла Махмуд Баязиди. Нравы и обычаи курдов. М. 1962. С. 9—10.)

Эти же обычаи кровной мести сохранились у курдов до настоящего времени, что свидетельствует об исключительной важности среди курдского общества институтов родоплеменной взаимопомощи. В этом вопросе необходимо помнить, что кровная месть есть не что иное как обратная, крайняя сторона родовой помощи человеку. Как писал О.Л. Вильчевский в этнографическом обзоре «Мукринские курды» по интересующему нас вопросу: «Каждый член рода имеет право на материальную и моральную поддержку со стороны сородичей. Так, если у крестьян не хватает муки до нового урожая, члены его рода обязаны с ним поделиться; если у кочевника украден или пал во время эпизоотии скот, он имеет право на помощь со стороны сородичей (...).

Небезынтересно, что еще сравнительно недавно курды-помещики, вне зависимости от того, какими бы тяжелыми поборами ни облагали они своих сородичей-крестьян, считали обязательным помогать им в случае их полного обнищания. (...)

Все родичи обязаны защищать жизнь и честь любого из членов своего рода всеми средствами вплоть до кровной мести. Однако кровомщение распространено в курдской среде далеко не так широко, как это можно заключить из литературных данных. В тех случаях, когда возникает кровная месть между членами одной деревни, кочевья, рода и даже племени, родичи и соплеменники стараются кончить дело полюбовно. Если нет отягчающих вину обстоятельств, обычно удается быстро договориться о форме и размере удовлетворения. В этих случаях отказ родственников убитого от кровной мести отнюдь их не опорочивает. Примирение происходит на собрании старейшин обоих родов, часто в присутствии вождя или шейха. Закалывают жертвенное животное, из мяса которого готовится угощение, съедаемое в знак примирения. Нередко враждующие стороны закрепляют примирение также и брачным союзом; особенно часто это практикуется в среде родоплеменной знати.

Иное дело, если совершено преднамеренное убийство, да еще с нанесением тяжкого оскорбления убитому или его роду. В этих случаях кровная месть — вопрос чести, нередко она доходит до взаимного уничтожения целых семейств, селений, родов; месть переходит из поколения в поколение.

В тех случаях, когда помощь рода недостаточна, помощь оказывает все племя. Защита соплеменника вплоть до мести за убийство считается обязательной; что же касается помощи обедневшему соплеменнику, то она, насколько удалось выяснить, практически редка. Обедневший курд, боясь «унизить свой род», обычно не обращается за материальной помощью к другим родам своего племени. Оказание межродовой помощи сопровождается рядом церемоний и клятв, в частности совместным вкушением хлеба (...).

Межплеменная помощь — важная черта взаимоотношений между дружественными и союзными племенами. В одних случаях она аналогична межродовой помощи и сопровождается сходными церемониями, в других носит специальный, особенно торжественный характер. На собрании старейшин попавшего в беду племени решают, к какому из племен обратиться за помощью, и бросают клич «хавар». Племя или племена, к которым особые посланцы принесли этот клич, немедленно формируют вооруженные отряды во главе с военачальниками — серварами, соединяющиеся с отрядом нуждающегося племени. Для ведения военных действий выбирается общий военачальник всего ополчения. Победоносное окончание кампании завершается рядом обрядов, к числу которых относится торжественная трапеза, военные игры и особые церемонии, связанные с прекращением «хавара». (Вильчевский О.Л. Мукринские курды. С. 206—207.)

Это наблюдение О.Л. Вильчевского показывает ученым необходимость изучения случаев кровной мести у курдов в неразрывной связи с институтом родовой взаимопомощи, чрезвычайно распространенном в их социальной среде. Кровная месть у курдов есть проявление признания кровного родства всего племени по отношению к каждому отдельному ее члену. Ограниченность действия законов кровной мести открывается при выяснении отношения курдов к своим врагам. Так, как писал Мелла Махмуд Баязиди: «И есть у курдов обычай: если кто-нибудь во время сражения упал с коня и попал в плен, то его не убивают». (Указ. соч. С. 12) Это милостивое отношение курдов к своим поверженным врагам резко отличается от обычаев древних наро-

дов Месопотамии, в частности, аккадцев и ассирийцев; жестокость последних вошла в легенды. Как писал И.М.Дьяконов: «Ассирийцы довели военное дело до высокого по тому времени совершенства (...). При взятии города зверски расправлялись с жителями; их сотнями четвертовали, обезглавливали, подвешивали животом на кольях или сваливали связанными в высокие кучи. С руководителей сопротивления сдирали кожу или сажали их на кол. Маленьких детей убивали на месте, расшибая головой о стену (...).» (Дьяконов И.М. Народы древней Передней Азии. С. 52—53)

Из этого сопоставления видно, что курды — потомки митанийско-ведических ариев Куру, пришедшие в Переднюю Азию в XVIII в. до н.э., несмотря на то, что сохраняли и чтители законы кровной мести, были милосердны к своим чужеземным и инородным врагам и военнопленным. Тогда как вавилоняне и их наследники ассирийцы, несмотря на господство в их среде с XVIII в. до н.э. «Законов Хаммурапи», в которых нет указания на кровную месть, были юридически более жестокими и кровожадными.

Закон кровной мести у курдов Месопотамии есть не что иное как древнеарийское учение о космическом законе Рита, которому подчиняются все, и даже боги. Именно из курдско-ведийского учения о кровной мести как о космическом законе Рита позднее в древнеиндийско-арийских философских системах зародилось учение о всеобщей карме. Нет никаких сомнений, что за философским учением о карме в Упанишадах, в буддизме саков-массагетов, в джайнизме стоит институт кровной мести, который был широко распространен в среде ведических ариев, что мы можем твердо утверждать на примере наличия обычаев кровной мести у потомков ариев — курдов Месопотамии.

Впоследствии законы племени ману (курманджи) послужили основой для кодекса законов шумерского царя Ур-Намму, с трудом освободившегося от необходимости платить дань предкам курдов — кутиям Загроса.

Затем, опираясь на эти законы Ур-Намму, создал свои законы царь Липит-Иштар (1934—1924 гг. до н.э.), но уже после того, как курдские войска марьянну (лу-марту) и горцы Загроса из княжества с индоарийским именем Субарту (Subartu, «Светлый») разрушили шумерское царство III династии Ура. Спустя почти 200 лет вавилонский царь Хаммурапи (1793—1750 гг. до н.э.) провел реформы шумерских законов царя Ур-Намму и Липит-Иштара, принятые в Вавилоне.

Курды — основоположники европейского искусства

Курд был и есть воплощением
всего некультурного.

Нельдеке.

Курды — дикая народность,
лишенная каких — бы то ни было
мирных качеств.

Катрмер

До начала XX в. в научных кругах господствовало представление о Древней Греции как области зарождения всего западноевропейского искусства. Отчасти это наивное заблуждение было основано на том историческом факте, что, действительно, западноевропейский театр в своем генезисе восходит к античной драме Диониса, являющейся источником многих форм искусства. Вот только при этом вопрос о курдском пришествии культа Диониса в Элладу только к VII в. до н.э., то есть когда ахейские и дорийские эллины уже более пяти веков господствовали в Греции, — оставался как-то в стороне.

Другой еще более разительный факт, на который донныне вообще никто из ученых не обращал внимания, заключается в том, что ахейские и дорийские эллины, вторгшиеся на юг Балканского полуострова, были племенами коневодов, обитавших в степях Северного Причерноморья, тогда как культ Диониса воспекает жертвенного агнца-барашка, то есть овец и коз, обитающих высоко в горах Загроса. Между эпохой domestikования горного козла и дикого архара в Загросе в VIII тыс. до н.э. предками курдов, кутиями, и приручением предками индогерманцев дикой лошади в степях Южного Урала и Поволжья в IV—III тыс. до н.э. лежит огромное пространство времени в несколько десятков столетий. Судя же по названию источника всех искусств, само слово «трагедия» (др.-греч. «песнь козла») восходит к более древнему культу божественного козла-прародителя и, следовательно, непосредственно олицетворяет культуру животноводов мелкого рогатого скота кугиев-курдов Иранского нагорья и Передней Азии. Древнегреческие авторы всегда признавали и часто подчеркивали происхождение античной драмы из культа агнца-Диониса, проникшего в Элладу из Малой Азии. Так, Аристотель прямо указывает на возникновение трагедии у греков «от запевал дифирамба» (Poet. 1449 a — b). Ритмический дифирамб был хоровой песнью

в честь бога-агнца Диониса. Как показал Аристотель, античная трагедия родилась в народе из поочередного пения запевал и хора (толпы) в процессе исполнения религиозных обрядов в честь бога Диониса. Постепенно, с течением времени, запевала дифирамба превратился в солиста, а затем и актера драматического действия в театре, тогда как народный хор толпы стал основой драмы, декорацией, объемлющей собой сценическое действие.

Дионис — исконно индоевропейское имя и означает сын Дьяуса, Господа Светлого неба, родового божества индоариев Куру. *Diu* — имя собственное божества, с ведийским притяжательным суффиксом -*ana*, плюс указательное местоимение *se* — тот, этот (*Diu—ana-se*).

Индогерманское имя Дионис — сын Дия указывает на индоарийский характер древнего автохтонного населения Передней Азии и Иранского нагорья, где и были впервые одомашнены человеком дикие овцы и козы. Фетишизм, связанный с ними, в эпоху господства мифологического мышления лег в основу культа страждущего божества-агнца. Не только эллины, но и весь мир обязан этим архетипическим образом именно предкам курдов — кутиям Загроса, приручившим диких овец и коз.

Дифирамб, от которого происходит античная драма, являлся хоровой песнью в честь бога Диониса-агнца, бывшего родовым божеством древних курдских пастухов в Передней Азии.

Пение дифирамба предвляло принесение жертв Дионису. Культовым предназначением дифирамба было воспевание рождения божества-агнца. Впервые термин дифирамб зафиксирован у эллинога только в середине VII в. до н.э. у крупнейшего представителя древнеионийской лирики — Архилоха. Как пишет Е.В. Герцман: «Само слово дифирамб (...) неизвестного происхождения». Произведение Архилоха полностью не сохранилось. Отрывок из него с этим словом уцелел в сочинении Афинейя (XIV, 628, a-b): «Я знаю, как вести дифирамб, прекрасную песнь богу Дионису, когда мой разум оглушен вином». Здесь же Афинейя приводит и другую многозначительную фразу из несохранившейся комедии Эпихарма (VI — V вв. до н.э.) «Филоктет»: «Дифирамба нет, если ты пьешь воду». (Герцман Е.В. Музыка Древней Греции и Рима. СПб., 1995. С. 74.) Вино из виноградной лозы, как мы уже знаем, впервые стали производить в курдских государствах-княжествах Мехри и затем Манна в III — II тыс. до н.э. опять в Передней Азии и на Иранском нагорье (Курдистан), вдали от Греции и задолго до проникновения на юг Балканского по-

луострова ахейских и дорийских племен эллинов-коневодов. Из наиболее древних упоминаний у античных авторов видно, что дифирамб воспевал космологизм культа Диониса, повествуя о новом рождении козлоподобного божества, следующего после его убиения на алтаре в жертву этому миру. Дифирамб исполнялся киклическими хорами (киклос — круг, др. греч.), участники которого не только пели, но и танцевали вокруг жертвенника на орхестре. Сложение дифирамба как культовой песни, дополняемой ритмическим танцем хора, восходит к мифу о чудесном рождении Дьяуса (Зевса) в пещере в горах Иды в Загросе.

Вследствие миграции части индоевропейского населения кутиев-курдов из Передней Азии на остров, названный в их честь — Крит (Κῆρῆτι), культ индоарийского божества Дьяуса-Зевса получил распространение и вдали от своего первоначального места возникновения. Критский Зевс, как считают некоторые ученые, и есть древний общеэллинский пра-Дионис. Никто из даже великих ученых, изучавших культ Диониса, не обратил внимания, что все античные источники говорят о двух местах рождения Дьяуса-Зевса. Первое место — Ида в Малой Азии, названная еще в античное время курдской областью Фригия от курдского тьри (Θῆρι — виноград) — тригия > Фригия.. Другое место горы Ида — остров Крит. Исходя из того факта, что все острова населяют пришельцы с материков, следует доказательство о привнесении в древности культа Дьяуса-Зевса на о. Крит из Малой Азии. Поскольку первоначально Дьяус почитался в облике Быка, как об этом свидетельствуют гимны Ригведы и отчасти образ Гопатшаха в Авесте, то это говорит о колонизации острова Крит (Κῆρῆτι — куреты) праиндоевропейскими племенами кутиев-курдов Передней Азии и Иранского нагорья в эпоху расцвета там культуры Халафы в VI — V тыс. до н.э., в которой Бык почитался как облик верховного божества.

... О генетическом родстве кутиев-курдов с представителями культуры Халафы свидетельствует тот интересный факт, что горное животное Загроса, агнец-козел Дионис позднее в религии Малой Азии почитался сыном дикого животного Верхней Месопотамии — быка Дьяуса. О том, что шумерское слово жителей равнины — бык — восходит к горному курдскому — gud (gav), мы уже упоминали выше. Поэтому слова такого выдающегося ученого, как Вяч. Иванов, о том, что критский Зевс (Дьяус—Бык) — это и есть пра-Дионис эллинов, — можно принять только в том случае, если признать более древний

синтез образов горного и равнинного божеств, происходивший первоначально на территории материка в Передней Азии и Месопотамии, а не на острове в Средиземном море.

Выяснив материковое происхождение индоевропейского божества Дьяуса-Зевса в Передней Азии, следует отметить наличие двух исторических топонимов, носящих имя Ида, в этом географическом регионе. Первый и более древний топоним — Ида в горах Загроса возле городов Керкука и Сулеймании (древняя Манна) в Курдистане, где и был приручен дикий архар (фетиш Диониса), как это показали раскопки в пещере Шанидар. Вторая Ида во Фригии — топоним относительно первого новый и восходит в своем образовании к эпохе общего переселения индоевропейских кочевников-овцеводов и козьих пастухов с территории Передней Азии через Геллеспонт на Балканский полкостров и далее в Европу, когда лесистые склоны Иды служили надежным убежищем перевозимым на судах через пролив отарам мелкого рогатого скота. Более древняя Ида в Курдистане располагается на территории некогда существовавшего во II тыс. до н.э. курдского княжества Манна, названного так (как это показывает индоарийский язык курманджи) в честь индогерманского божества, прародителя человечества — Ману. Германские народы и индийцы почитают Ману своим прародителем, и доказательством их обитания в древности в Передней Азии и на Иранском нагорье является историческая генеалогия курдов-курманджи Загроса. Так, в ведийско-арийской мифологии первопредок индогерманских племен и народов Ману имел дочь Иду (Ила), которая стала женой Будхи, сына Сомы от брака с Тару. От Будхи происходят предки курдов, племя будинов-мидийцев, обитавшее в Загросе еще в эпоху Геродота. Часть мидийского племени будинов к эпохе Геродота переселилась из Загроса и обитала в Урало-Поволжском регионе уже как племя скифов-земледельцев. То, что скифско-мидийское племя будинов было индоарийским этносом, подтверждает почитание скифами и сарматами древней ведийско-арийской богини огня Тапати. По арийской этномифологической генеалогии, ведийская богиня огня Тапати вышла замуж за Самвартана, правнука Бхарата, и у них родился сын Куру, ставший прародителем курдов и Куру-Бхаратов, ушедших во II тыс. до н.э. из Загроса в Индию, названную позже в их честь государством Бхарат.

Переселение в доисторические времена индоиранских племен, дошедших с территории Загроса до Хорезма (и Южного Урала), в

составе которых было и мидийское племя курдов будии, подтверждают и Авеста, и авестийско-мидийская фонетика современного языка башкурдов Урала.

Таким образом, если с точки зрения курдско-ведийских этнических преданий ученые могут объяснить происхождение имени, культа и топонима Ида-Ила в Курдистане, а затем и во всей Передней Азии и в античной мифологии, то греки этого пояснения сделать не могут. Для греков происхождение топонима Ида-Ила — тайна за семью печатями.

В целом, учитывая этническое родство курдов и греков, следует сразу указать на то, что вообще греки могут говорить о своих предках-эллинах как потомках курдов-мидийцев — аланах-ализонах, перекочевавших еще в III тыс. до н.э. из Загроса на Южный Урал и в Северное Причерноморье через Среднюю Азию (Хорезм) и Северный Кавказ. Только признав курдское происхождение эллинов от мидийцев, аланов-ализонов из Скифо-Сарматии, мы можем объяснить генетическое родство и тождество древнегреческого божества Зевса ведийско-арийскому Дьяусу Питару. К историческому периоду, когда (скифские) племена коневодов эллинов-ализонов Северного Причерноморья в XIV — XII вв. до н.э. стали проникать через Карпаты на юг Балканского полуострова, то там уже жили индоевропейские племена хеттов-лелегов, то есть предки курдов, лаки-ликийцы-лувийцы. Древнегреческие источники, в частности «Илиада» Гомера, упоминают неоднократно ликийцев-лувийцев как защитников Трои в период ахейско-эллинской военной экспансии на территорию Малой Азии в XIV — XII вв. до н.э. Эти племена курдов, лаки, называемые древнегреческими источниками лелегами, ликийцами, лувийцами, уже справляли свой национальный весенний праздник Диониса-Вакха. Во время этих празднеств исполнялся обряд перевоплощения светлого божества жизни Диониса-агнца в темное божество смерти, которое символизировал волк-Аполлон.

Востоочноиранское племя манджи (мунджа), потомки Мана, как это видно по этнониму, отколовшиеся в древности от курдов и покинувшие Загрос как ведические индоарии Куру, — те же курды-курманджи. Если бы курды-курманджи и племя иранцев манджи (мунджа) в Северной Индии сложились как этнос в эпоху Мидийского царства в VII — VI вв. до н.э., то среди них сохранился бы этноним — Medes или Madai. Но вопреки этому, как показывают сами этнонимы курманджи и манда (мунджа), эти западноиранские и восточно-

иранские народы сохраняют в своих названиях имя более древнего индоарийского народа (h)ему Манда, обитавшего в долинах Загроса, как это зафиксировано уже шумерскими и аккадскими клинописными источниками в III тыс. до н.э.

Племена (h)ему Манда — курманджи были пастухами мелкого рогатого скота коз и овец, которых domestировали в VIII — VII тыс. до н.э. их предки кутии в Загросе. То, что племена (h) ему Манда были индоарийским этносом, отчасти подтверждается тем немаловажным фактом, что все горные ираноязычные племена Афганистана и Северной Индии являются овцеводами. Общее деление курдов на курманджи горани и сынеи показывает на наличие в древности трех групп в обществе индоариев Загроса — овцеводов (манджи), пастухов крупного рогатого скота (горани) и воинов сена (сынеи).

Культ овцы надежно прослеживается в культуре дошумерского населения Загроса — кутиев (h)ему Манда, тогда как культ быка курдов горани восходит к эпохе распространения в Верхней Месопотамии и Передней Азии культуры индоевропейских племен Халафы в VI — V тыс. до н.э. Бык почитался живым символом на земле небесного божества Дьяуса Питара, а горный баран или козел, следуя кровнородственным отношениям и мифологическому мышлению фетишами людей той эпохи, обожествлялся как сын Дьяуса-Питара. Это положение вещей и субординацию божеств в индоарийском пантеоне фиксируют гимны Ригведы и мифология эллинов. Но в более древние времена, до того как в эпоху Халафы в VI тыс. до н.э. в Верхней Месопотамии был domestирован дикий бык зебу, предки курдов-кутии Загроса поклонялись горному барану как живой ипостаси бога Дьяуса. И в этом отношении абсолютно верными, с точностью наоборот, являются слова Вячеслава Иванова о том, что Критский Зевс является общеэллиническим пра-Дионисом, поскольку с точки зрения историко-археологических фактов из Загроса и Месопотамии именно агнец Дионис является первой ипостасью — фетишем бога Дьяуса (Зевса). Как видим, у предыдущих исследователей культа Диониса отсутствует целая эпоха переноса древним человеком обожествления с фетиша барана-агнца на быка.

О том, что курды-курманджи почитали в древности барана как живую ипостась бога Дьяуса, свидетельствуют многие факты. Так, по сообщению курдолога О.Л. Вильчевского: «В этой же связи весьма существенно то, что если внизу, на равнине между горами Загроса и холмами Хемрина вплоть до сего дня располагаются гармиян — зи-

мовки хемавенд, племени, связанного с коневодством, а потому и не поднимающегося высоко в горы, то выше Керкука в районе, где на алтайских пастбищах преобладает отгонное овцеводство, обитает издавна курдское племя, точнее группа старых курдских мелких пастушеских племен с характерным названием шеван — овечьи пастухи, пастухи мелкого рогатого скота. При этом, обитают эти «пастухи», по словам А. Заки (курдский историк), в соседстве с небольшим оседлым племенем под названием шейх-бызни — род козлиного старца; этнонимом этого племени является тот самый козлиный старец, который является покровителем мелкого рогатого скота и культ которого, вполне естественно, сохраняется в районе преимущественного распространения мелкого скотоводства». (Вильчевский О.Л. 1961. С. 100.)

Курды племени шейх-бызни — козлиного старца, разговаривают на диалекте курманджи. Эпоним шейх-бызни указывает на то, что курды этого племени в древности считали своим родоначальником некоего козлиного старца. Когда группа людей — род, племя — считает своим родоначальником не себе подобного человека, а некое зооморфное существо — козла, то в этом случае (как об этом прекрасно осведомлены этнографы), исследователи имеют дело не с религиозно-абстрактным, а с более архаичным фетишистско-оборотническим тотемным верованием народа.

Для праиндоиранских племен родовым тотемом, символизовавшим Солнце, был именно козел, а не конь или бык. Индоиранские народы приручили горных коз и овец на несколько тысячелетий ранее, чем была одомашнена дикая лошадь. Это архидревнее верование в козла-прародителя и родового тотема индоариев Куру зафиксировано в одном из индийских заговоров.

Атхарваведа (IX. 5).

«На жертвоприношение козла»:

20. Зедь это козел выступил сюда, в самом начале.

Его грудью стала эта земля, небо — спиной,

воздушное пространство,

— серединой, стороны света — боками, океан — животом;

21. Истина и закон — глазами, вся истина и вера — дыханием,

Вираджд — головой. Ведь эта жертва безгранична, когда

(приносится) козел в месте с пятью одана.

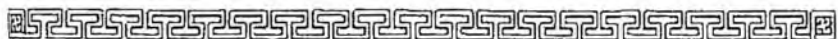
(Перевод Т.Я. Елизаренковой)

Голова жертвенного козла названа в заговоре словом Вирадж, которое передает весьма древнее фетишистское понятие — представление о «Сиянии физического предмета», например глаз (кошки, козы, человека). В целом для древних индоариев Куру понятие Вирадж отождествлялось с пищей.

Зооморфизм в истории развития человеческого сознания предшествует мышлению человека антропоморфными образами и категориями, и поэтому религиозно-этнические представления курдов-курманджи о своем происхождении от козлиного старца восходят к весьма архаичной эпохе первобытной магии Атхарваеды, когда ведические индоарии Куру еще обитали в горах Загроса, где и были одомашнены дикие козы и овцы. Если бы в горах Загроса и всей Передней Азии и на Иранском нагорье в древности обитали не индогерманские племена, а некие другие этносы, то тогда бы божества Дионис и Дьяус Питар — носили другие, а не исконно индоарийские имена.

В заговоре из Атхарваеды (IX, 5, 20) видно, что ведические арии Куру почитали свой родовой тотем Козла-прародителя не этически и морально, как этого требуют поздние монотеистические религии, а, как все древние люди эпохи фетишизма и анимизма, чувственно-материалистически и физически-пространственно: «Его грудью стала эта земля, небо — спиной, воздушное пространство — серединой, стороны света — боками, океан — животом», а голова козла объявлена Вираджем — Сиянием, то есть Солнцем. Как думали древние индогерманские племена, Солнце, рождаясь утром, умирает вечером. А.Ф. Лосев писал: «Так, насколько можно судить по массе текстов, солнце вначале просто отождествлялось с днем, что как раз и соответствует непосредственному ощущению. Нет единого и определенного солнца, но солнц столько, сколько и дней, т.е. бесконечное количество. Примитивное сознание именно каждый день воспринимает солнце заново и еще не в силах произвести такого обобщения, чтобы при всех различиях каждодневного непосредственного ощущения мыслилось всегда одно и то же солнце. [...] По сообщению Макробия (Sat. I, 15, 14) — критяне называют день Зевсом», так что не удивительно, что Варрон (Tertull. Apol. 14; Ad. Nat. I, 10) говорит о «трехстах безголовых Юпитер» под каковыми, вероятно, нужно понимать 300 дней при десяти тысячном годе. Пиндар (OI, XIII, 37 и сл.) вместо того, чтобы сказать «в течение

одного дня», — говорит «в течение одного солнца». (Лосев А.Ф. Античная мифология. С. 54—55.)

В курдском языке как раз слово день — рож — одного корня со словом солнце — ро, тогда как, например, в английском и русском языках слова — день, day восходят к имени бога света — Дьяусу Питару древних индийцев.

Курдское слово рож — день родственно и ведийско-арийскому слову Вирадж — блеск, сияние (wí «этот, тот» — указательное местоимение) из Атхарваведы, и английскому — гау — луч; это доказывает, что автохтонные племена Загроса и Иранского нагорья разговаривали на индоарийском наречии.

Как считали в древности индогерманские племена, каждый календарный год имел свое утро — рождение и свой вечер — смерть, под которыми понималось увеличение долготы светового дня: весной — летом и затем его сокращение осенью — зимой. Поскольку Солнце отождествлялось со световым днем — Дьяусом, Зевсом, то и сокращение светового времени суток воспринималось как смерть лучезарного божества, воплощенного в тотеме козла-прародителя, тогда как увеличение долготы дня воспринималось как новое рождение родового божества. Именно из обряда рождения нового божества-тотема и родился в Загросе знаменитый курдский дифирамб, ставший источником античной трагедии, являющейся началом всего западноевропейского искусства.

Курдская этимология слова «дифирамб»

Дифирамб является словосочетанием двух курдских слов: дэф — барабан и рьм — копье. Смысл этого словосочетания становится понятен из мифа о рождении Дьяуса-Зевса, сопровождавшегося военной пляской и барабанным боем, исполняемыми куретами-курдами. У Каллимаха читаем:

Нумн №1 5В (2—5)

Возле идийских вершин, что Панакрами прозваны были,

Быстро куреты вокруг тебя в пляске скакали военной

И ударяли оружием, чтоб слышали Кроновы уши

Звуки шитов, а не крики твои подраставший младенец.

(Перевод Д.С. Недовича)

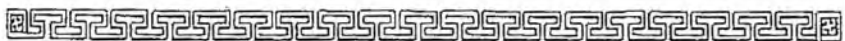

Митаннийские арии, являвшиеся, как и все индоарии, поклонниками Дьяуса, известны в Передней Азии и на Ближнем Востоке уже с XVIII в. до н.э. В древнюю эпоху родовой общины сам бог-всержитель Дьяус почитался отцом-прародителем людей. Вследствие подобного родового мышления, когда небо почитается отцом-прародителем, и увядание и последующий расцвет природы, вызываемые убыванием светового дня и увеличением ночного времени суток осенью и зимой, а затем — возрастанием светлого времени — дня (то есть Дьяуса) и сокращения ночи, представляли для индоариев Куру бесконечное чередование смерти и воскресения своего родового божества-прародителя Дьяуса Питара.

Краткое время светового дня весной для курдов-куретов символизировал барашек или козленок, тогда как долгий световой день летом олицетворял бык. Позднее, когда уже было установлено единство субстанции светлого и темного неба, ягненок по-прежнему олицетворял светлое время суток, тогда как Месяц на небе, появляющийся ночью, стал фетишем рогатого Быка Дьяуса Питара, порождающего свое чадо — Диониса. Кронос, быкочеловек-Минотавр — это все разные ипостаси ведийско-арийского божества неба Дьяуса Питара. Позднее, уже когда индо-германскими народами была domestирована дикая лошадь, то и конь стал новой ипостасью Дьяуса Питара.

По законам родовой общины каждый человек был обязан отомстить за смерть соплеменника и тем более за гибель своего отца-прародителя, каковым для курдов-куретов являлся Дьяус Питар. Созерцание увядания природы осенью, понимаемое как смерть космического отца-прародителя, а затем возрождение природы весной, представавшее как воскресение небесного божества, вызывало неземной восторг у курдов-куретов, доводивший их до оргиастического экстаза.

Дифирамб, давший начало трагедии, родился из драматизированного песнопения в честь умирающего, а затем воскресающего божества Дьяуса. У ведических ариев священными возгласами были — «свах» — вашат», с которыми обращались к богам — свадха» — обращение к предкам — ханта» — к людям, а когда собирались подоить корову, то произносилось — «дхену». Возглас, прославляющий бога, всегда предваряет молитву. Трагедия же, как писал Аристотель, произошла от дифирамба, являвшегося возгласом в честь Дьяуса-Диониса. На самом же деле дифирамб был скорее всего возгласом —

«Дэф у ръм(бе)!», то есть «Начинайте стучать в барабаны!» (курд.), дабы отогнать темные силы от агнца, символизировавшего рождение весной нового бога Солнца. Священный возглас, после которого участники обряда начинали бить в барабаны и тимпаны — «дэфирамб» — являлся началом сакрального действия смерти и воскресения козлоподобного божества Дьяуса. Запевалы дифирамба назывались у эллинов — айаты, слово, происходяще от курдского гот — говорить, к которому, в свою очередь, восходит название сборника песнопений — Гаты — в Авесте и название священной песни Гаятри в санскрите.

Похоронные обряды, сопровождаемые плачем женщин и возгласами мужчин о кровном мщении за своего погибшего соплеменника, восходят к их предкам, индоариям лаки-ликийцам, лувийцам, защищавшим стены Трои в XIV в. до н.э. в эпоху вторжения ахейских эллинов-коневожов на территорию Малой Азии. Гомер уже упоминает «ведийских» певцов-аэдов (айаты) у ликийцев, защитников Трои.

«Илиада» (XXIV, 708—724)

- В Трое великой грусть несказанная всех поразила, —
Все пред вратами столпились в встречу везомого тела.
710 Всех впереди молодая супруга и нежная мать
Плакала, рвала власы и, на труп исступленно бросаясь,
С воплем главу обнимали; столпившись, плакали стоя.
Верно и целый бы день до заката блестящего солнца
Плача над Гектором храбрым, рыдали толпы за вратами,
715 Если бы старец Приам не воззвал с колесницы народу:
«Дайте дорогу, друзья, чтобы мески проехали; после
Плачем вы все насыщайте, как мертвого в дом привезу я».
Так говорил; расступилась толпа и открыла дорогу.
К славному дому привезши, на пышно устроенном ложе
720 Тело они положили; певцов, начинателей плача
Подле него поместили, которые голосом мрачным
Песни плачевные пели: а жены им вторили стоном.
Первая подняла плач Андромаха, младая супруга,
Гектора мужеубийцы руками главу обнимая:
725 Рано ты гибнешь, супруг мой цветущий, рано вдовою
В доме меня покидаешь!
746 Так говорила, рыдав; и с нею стенали троянки.

Затем Гомер описывает плач матери погибшего Гектора:

- Тут между ними Гекуба рыдательный плач подымает:
«Гектор из всех мне детей наиболее сердцу любезный!
Был у меня и живой ты богам всемогущим любезен;
750 Боги с небес о тебе и по смертной кончине пекутся».
760 Так вопияла Гекуба, и плач возбудила всеобщий.

После супруги Гектора Андромахи и матери Гекубы оплакивать погибшего приступает его сноха.

- 761 Третья Елена Аргивская горестный плач подымает:
«Гектор, деверь почтеннейший,
сродник любезнейший сердцу!

- 765 Ныне двадцатый год круговратных времен протекает
С оной поры, как пришла в Илион я, отечество бросив;
Но от тебя не слыхала я злого, обидного слова,
Даже когда и другой кто меня укорял из домашних,
Деверь ли гордый, своячина, или золовка младая.

- 776 Так вопияла она, — и стенал весь народ неисчетный
Старец Приам наконец обращает слово к народу:
«Ныне, трояне, свозите вы лес в Илион (...)

Так говорит, — и они лошаков и волов подъяремных
Скоро в возы запрягли и пред градом немедля собрались
Девять дней они в Троию множество леса возили.

- 785 В день же десятый, лишь свет разливая,
Денница возникла,
Вынесли храброго Гектора с горестным плачем трояне;
Сверху костра мертвеца положили и бросили пламень.

- 791 Сруб угасили, багряным вином оросивши пространство
Все, где огонь разливался пылающий; после на пепле
Белые кости героя собрали и братья и други,
Горько рыдая, обильные слезы струя по ланитам.

- 795 Прах драгоценный собравши, в ковчег золотой положили,

Тонко обшивши покровом, (...).
Так опустили в могилу глубокую и заложивши,
Сверху огромными частыми камнями плотно устлали,
После курган насыпали (...)

Так погребали они конеборного Гектора тело.
(Перевод с древнегреческого Н. Гнедича.)

Некогда, в глубокой древности предки курдов — митаннийские арии Передней Азии сжигали тела своих покойных соплеменников, как и их собратья в Индии — ведические арии. Сжигание тел своих погибших в бою героев было необходимым похоронным обрядом всех индогерманских племен, достаточно вспомнить по этому поводу обряд сожжения тела своего вождя Беовульфа англосаксонскими воинами.

В Илиаде четко обозначены два различных обряда оплакивания погибшего человека. Первый — общественный, а второй — религиозный, с участием аэдов-мужчин, которые и выступают запевалами траурного женского хора, воспевавшего жизненные деяния и ратные подвиги погибшего мужа.

Теперь, с целью выявить этнографические параллели, мы сравним описание оплакивания погибшего Гектора у Гомера в Илиаде с обрядом оплакивания и причитания по усопшему соплеменнику у современных куретов (митаннийских ариев). Вот что писал О.Л. Вильчевский по поводу исполнения курдами интересующего нас обряда: «Как только умирающий перестает подавать признаки жизни, присутствующие у смертного одра родственники, в первую очередь женщины, начинают причитания, на которые сбегаются все женщины селения или кочевья, чтобы принять посильное участие в оплакивании. Существуют веками выработанные формулы причитаний и воплей по покойному, так же как и строго соблюдаемый регламент этих причитаний. Первой и дольше всех оплакивает жена мужа. За ней мать оплакивает сына, потом дочь оплакивает отца, и уже вслед за ними сестра оплакивает брата, после чего наступает очередь остальных родственников. Стандартные эпитеты и обороты расцветчиваются в этих плачах характеристиками личных качеств покойного. Как правило, если мужчина умер не на войне, то как бы высоко ни оценивались его доблести и заслуги, к ним всегда примешиваются слова сожаления о том, что покойник умер не так, как подобает насто-

ящему мужчине. Женщину оплакивают менее долго и не с такими пышными эпитетами.

Заупокойные оплакивания еще в полном разгаре, когда покойника уносят для омовения, и оплакивание продолжается без него. Омывание производится лицами того же пола на роднике или речке.(...). После омовения покойника заворачивают в саван, иногда предварительно натерев ароматическими травами, и, положив на носилки, в сопровождении всех оплакивающих несут на кладбище. Могилу внутри обкладывают камнями или кирпичом.(...). В деревнях и в особенности в городах могилы часто украшают надгробными памятниками либо общемуusulманского типа (...), либо типа, широко распространенного в Курдистане, а также в Закавказье и в прикаспийских районах, в виде каменного изваяния барана или лошади.(...) Мулла читает над могилой общемуusulманские молитвы; участники похоронной процессии, главным образом женщины, продолжают похоронные вопли и причитания». (Вильчевский О.Л. Мукринские курды. ПЭС. 1959. С. 217)

Другой информатор, Т.Ф. Аристова, пишет об обряде оплакивания у курдов буквально следующее: «После смерти курда собираются его родственники и близкие и поднимают вопль, рвут на себе волосы, посыпают голову землей. Мать, сестра и жена покойника расцарапывают себе лица до крови. Этот обряд называется «сурэт кэлаштэн». Все присутствующие, одетые в черное, начинают петь похоронные песни, в которых оплакивают покойника. Если покойник — мужчина, то присутствующие мужчины ударяют себя по голове головным убором, восклицая: «Бра!» («Брат!»). Каждая женщина срезает по одной косичке и кладет ее на грудь покойнику. (...) Перед выходом на кладбище приглашается мулла для чтения намаза. Затем покойного кладут на деревянные самодельные носилки, и четверо мужчин в сопровождении родственников несут их на кладбище».

Обычай курдских женщин срезать косичку или локон своих волос и возлагать их на грудь усопшего сородича продолжает сохраняться как национальный обычай у курдов с древнейшей эпохи индогерманского единства. Подобный курдскому обычай срезать волосы в знак скорби по погибшему существовал у древних ахейских племен, штурмовавших Троию во II тыс. до н.э. Этот обряд ахейцев был подробно описан Гомером.

«Илиада» (песнь 23)

Погребение Патрокла.

- 134 Начали шествие, спереди конные, пешие сзади
Тучей, друзья посредине несли Менетида Патрокла,
- 135 Все посвященными мертвому тело покрыв волосами.
Голову сзади поддерживал сам Ахиллес благородный,
Горестный: друга он верного в дом провожал Аидеса.
К месту пришедши, которое сам Ахиллес им назначил,
Одр опустили и быстро костер наметали из леса.
- 140 Думу иную тогда Пелейон быстроногий замыслил:
Став при костре, у себя он обрезал русые кудри. —
Волосы, кои Сперхию с младости нежной растил он;
«Сперхий! Напрасно отец мой, моляся тебе, обрекался;
Там, когда я возвращуся в любезную землю родную,
Кудри обрезать мои и тебе принести с гекатомбой
И тебе посвятить пятьдесят овнов плодородных,
Возле истоков, где роща твоя и алтарь благовонный.
Так обрекался Пелей, но его ты мольбы не исполнил.
- 150 Я никогда не увижу драгого отечества! Пусть же
Храбрый Патрокл унесет Ахиллесовы кудри в могилу!»
Рек — и, обрезавши волосы, в руки любезному другу
Сам положил, и у всех он исторгнул обильные слезы».
- (Перевод Н. Гнедича.)

У курдов Сенендеджа существует обычай: класть два камня на могиле мужчины (один в головах, другой — в ногах) и три камня на могиле женщины (в головах, в ногах и сбоку). «У курдов северной и центральной частей края [Ирана] очень распространены надгробные памятники в виде каменного изваяния лошади». (Аристова Т.Ф. Очерк культуры и быта курдских крестьян Ирана. — ПЭС.1959. С. 249)

Курдские юноши и молодые мужчины, которые не участвуют в похоронном обряде, а собравшись в группу, обходят окрестные селения с объявлением о своем коллективном намерении непременно отомстить за пролитую кровь своего невинно убиенного сородича, обязательно вооружены, как того требует священный ритуал. Национальным оружием курдов в древности были щит и копье. Щит-калкан — представлял собой обруч, обтянутый кожей, копье — тростниковая жердь с набитым на конце железным наконечником.

Дифирамб, то есть удары копьем (ръм) по щиту (дэф) и есть начало, пролог к исполнению ритуала трагедии — «песни воскресающего козла». Именно этими орудиями курды-куреты Малой Азии и Крита издавали шум и угрожали врагам военной пляской в обряде весеннего воскресения Дьяуса, когда в Пелопоннес пришли орды коневодов эллинов-аланов.

Никогда у античных греков не было и тени сомнения в том, что родиной дифирамба являлась Малая Азия. В частности, Аристотель писал, обосновывая малоазийское происхождение дифирамба, буквально следующее: «Дифирамб, например, по общему признанию, считается фригийским, в доказательство чего лица, занимавшиеся этим вопросом, приводят многочисленные примеры, между прочим и следующий: Филоксен, попытавшийся обработать дифирамб и мифы в дорийском ладе, оказался не в состоянии осуществить это, но, руководимый самой природой, он снова обратился к фригийскому ладу как наиболее подходящему». (Aristot. Politica, VIII. 1342 в, 5—10.) Филоксен был жителем Киферы и сочинителем дифирамбов, жил в 435—380 гг. до н.э. и являлся современником Платона, у которого начал свое обучение Аристотель.

Удары копьем по щиту создавали ритм трагедии, а началом был священный крик запевалы дифирамба — айата. Этот магический крик был неким вербальным символом, вокруг которого соединялись в одно целое все мужественные энергии души. Крик же духовно сплачивал вместе всех членов рода и племени для отражения грозящей внешней опасности или для торжества одержанной победы.

Рождение тьрека (трагика)

Именованье актера — трагик — восходит к курдскому жрецу эзидов-солнцепоклонников, который назывался тьрек и исполнял некоторые сакральные ритуалы во время религиозных обрядов. Как писал этнограф Дж. Дж. Фрэзер: «Иазида, которые верят в дьявола в заключении одного своего паломнического торжества совершают обряд, долженствующий, по-видимому, помешать (...) алчному волку приблизиться к стаду верующих. Какого-нибудь старика одевают в козью шкуру и вешают ему на шею ожерелье из колокольчиков. В таком наряде он ползает на четвереньках вокруг столпившихся паломников, подражая бляению козла. Этот акт, по местным представлениям освящает участников торжества, но мы полагаем, что само

освящение достигается в данном случае тем, что вокруг верующих воздвигается незримая ограда, которую коварный враг не может переступить». (Фрэзер Дж. Фольклор в Ветхом Завете. М., 1985. С. 469)

Этот процесс переодевания курдского жреца тьрека в шкуру козла и есть первое в истории становления искусства трагедии, акт ряженья героя драмы — актера — в одежды воплощаемого им героя сценического действия. Неспроста, как пишет И.М.Тронский, касаясь истории происхождения трагедии: «В свете сообщений Аристотеля о былом «сатирическом» характере трагедии происхождение термина может быть легко объяснено. Дело в том, что в некоторых областях Греции, главным образом в Пелопоннесе, демоны плодородия, в том числе сатиры, представлялись козлообразными. Иначе в аттическом фольклоре, где пелопоннесским козлам соответствовали конеобразные фигуры (силены); однако и в Афинах театральная маска сатира содержала, наряду с лошадиными чертами (грива, хвост), также и козлиные (бородка, козья шкура), и у аттических драматургов сатиры нередко именуются «козлами». (Указ. соч. С. 111.)

Дикая лошадь была приручена на несколько тысячелетий позднее, чем был domestирован мелкий рогатый скот (козы — овцы) в горах Загроса в Курдистане. Следовательно, первоначально все сатиры в трагедиях «песни козлов» изображали действительно козлоподобное божество Пана, как и курдские жрецы езидов-солнцепоклонников тьреки (трагики).

Курдская терминология древнегреческого театра

Драма — дара

Курдский жрец-тьрек, облачившись в шкуру козла, обходит толпу езидов-солнцепоклонников. Это пространство, которое тьрек огораживает от внешнего мира, в курдском языке называется дара, из чего, возможно, происходит древнегреческий термин дромос «площадка (для бега)», породивший затем название театральной постановки — драма — место прохождения страстей.

Сатир

Именованье актера словом сатир восходит, в свете всего вышеизложенного, к курдскому существительному тьрек — жрец и глаголу тьре — казаться, представлять. Жрец курдов-езидов тьрек обходит толпу верующих по кругу дара-драма, создавая священное простран-

ство действия обряда рождения козлоподобного божества-прародителя. В этом действии тьрек езидов «кажется, предстает» (тьре) самим божеством-солнцем. Курдское имя тьрек — жрец этимологически есть глагол действия — места события, взятое с индоиранским суффиксом -ек, являющегося показателем единственного числа имен существительных. Форма сатир состоит из ведийского указательно-местоимения са — тот, этот и курдского тьре — сатир — тот, который кажется, предстает (в священном действии).

Пеан — бейан

Тьрек-трагик, для того, чтобы предстать перед езидами в сакральном действии воскресающим, рождающимся козлоподобным божеством-солнцем, должен выйти из своего естественного человеческого облика и перевоплотиться в фетиш племени — козла. Подражая родовому фетишу, курдский тьрек изображает повадки дикого горного козла и как бы дичает на время священного обряда. Это одичание, безумство в курдском языке называется — бейан, откуда и происходит древнегреческое пеан — возглас, то есть блеяние козла, означающее начало дифирамба, ставшее началом трагедии — песни козла. Это перерождение тьрека в образ героя в современном искусстве называется «перевплощением героя» или вхождением актера в роль.

Театр

Слово театр восходит к ведийско-арийскому dhi — видеть, ощущать, курдскому ди, дитьн — видеть, созерцать на алтаре в пространстве дара священное действие тьрека, изображавшего возрождение после смерти козлоподобного божества — родового тотема. Курдско-ведийское словосочетание «созерцание священного действия на площадке-алтаре», dhi+dara, и породило современный термин театр. При этом следует помнить, что древнегреческий глагол theo — созерцаю хоть и восходит к протокурдско-ведийскому dhi — видеть, созерцать, но употреблялся в речи греков в восточноиранской форме, поскольку имеется уже интердентальный спирант — θ, характерный для более позднего, нежели ведийский — мидийского языка. Все так называемые древнегреческие театральные представления эллинов тесно связаны и восходят к курдско-арийским культовым обрядам в честь бога козла — Диониса. Термин «драма», восходящий к курдскому слову дара — дарэ-ме с ведийским суффиксом —ме — пространство, неспроста объединяет в себе три античных жанра — трагедию,

комедию, сатиру, поскольку все эти, ставшие к нашему времени самостоятельными, три рода искусств составляли некогда единое действие — смерть и оплакивание родового божества-тотема, затем его чудесное воскресение и радость соплеменников, — которое исполнялось как единый обряд, последовательно, в одно и то же время, в одном и том же месте.

Комедия

Слово комедия, уже в античную эпоху означающее радость, веселие, восходит к курдскому ком — сообщество (людей) и в первую очередь к курдскому гомэ — овчарня, или стойло для отары овец в горной пещере, где ранней весной рождаются ягнята, почитавшиеся кутиями-курдами Загроса как земной фетиш Нового календарного года, нового Солнца. Рождение ягнят считается у курдов большой радостью и затем отмечается коллективно всем племенем как главный праздник года, позднее трансформировавшийся в торжество Ноуруз — Новый год — день».

Стук барабанов — дэф у курдов в период приплода мелкого рогатого скота пез (козы — овцы), стоящего в марте в зимовниках — гомэ в скалистых пещерах, призван шумом отпугнуть злобных демонов.

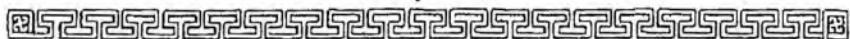
Вторая часть слова — медия — восходит к курдско-ведийскому мей — medha — вино.

Дьяус-козел

Первым зооморфным обликом Дьяуса-Зевса был козел, а не бык или жеребец. О исконно козлином образе Дьяуса свидетельствует его сакральное облачение — эгида — козлиная шкура, накинутая на плечо. Слово эгида — козлиная (греч.) восходит к курдскому — гиск — козленочек.

В мифе о рождении Дьяуса в пещере горы Ида говорится о козе Амальфее, выкормившей его своим молоком. Это имя также является курдским и восходит к корню эм-альф — корм, фураж для скота (диал. курманджи).

Дьяус — Зевс использовал шкуру козы — эгиду — как оружие в битве с титанами. В мифе, пересказанном Псевдо-Эратосфеном, говорится: «Когда ребенок Зевс вырос и собирался воевать с титанами, у него не было оружия. Тогда ему было предсказано, что надо воспользоваться шкурой козы как оружием, вследствие ее неуязви-

мости и ее страшного вида [...]. Зевс исполнил это и с помощью такого искусного средства получил двойной вид [вид козла и человека-воина. — *Примеч. С.Г.*]. Кости козы он покрыл другой шкурой. Он сделал ее живой и бессмертной и вознес ее на небо как звезду». (Лосев А.Ф. *Античная мифология*. С. 250.)

Подобный миф мог родиться только в горах, где обитают козы, а не в степи, где распространены лошади.

Хърка в культе курдов-езидов

Хърка — вязаная шерстяная накидка, играет важную сакральную роль у езидов, во время исполнения ими обряда фарзе братие — избрание наставника, через который проходят все езиды. Как пишет Караме Анкоси: «С наступлением времени езид начинает готовиться для определения своего шейха и пира (Дасте хва аветн). Он накрывает стол, готовит обед, приглашает близких и того шейха или пира, которого он намерен себе определить. Кроме них приглашается другой шейх или пир, который совершает ритуал фарзе братие. Этот день в семье отмечается как святой праздник. Шейх или пир, исполняющий обряд, воздаст хвалу Богу, молится. После совершения молитвенного ритуала, он спрашивает у хозяина дома: «Чего ты просишь и желаешь?». Хозяин отвечает: «Я желаю получить духовного брата». Тогда он обращается к присутствующему шейху или пиру с вопросом: «Ты согласен стать его духовным братом или наставником?». Тот отвечает: «Да, я согласен. Но в трех заповедях (буквах), если он их нарушит, я не буду с ним!» Исполняющий ритуал спрашивает у искателя духовного брата или наставника хозяина дома: «А ты согласен на его духовное братство или духовное наставничество?» Тот отвечает: «Да, я согласен. Но только в трех заповедях (буквах), если он их нарушит, я также не буду с ним!» Эти вопросы и ответы повторяются три раза. Затем шейх или пир, руководитель ритуала, читает молитву «таркин», поздравляет и благословляет присутствующих. В конце «хърка» (вязаная рубашка — отличительный знак святости и чистоты шейхов и пиров) омывается водой и эту воду дают выпить участникам ритуала, шейху или пиру и мьриду. Ритуал «фарзе братие» завершается обедом, который был заранее приготовлен, а при возможности музыкой и песнями. Отныне мрид должен следовать советам своего духовного брата и наставника и приносить им ежегодную дань». (Караме Анкоси. «Фарзе братие» у езидов. Тбилиси, 1996. С. 11—12.)

Как видим, у езидов весь сакральный обряд по избранию мьридом (мирянин-послушник) своего наставника-пир основан на неукоснительном и безусловном признании верующими езидами изначальной святости хьрки, шерстяной накидки священника тьрека. Обоожествление козла или козленка, сына Диева-Диуана, предполагает у людей эпохи фетишизма и обоожествление его атрибутов — шкур и рогов, которые были ритуальными одеяниями пиров-тьреков во время исполнения обрядов воскресения божества весной, а позднее превратились в сценические маски участников древнегреческих трагедий Диониса. Наличие у античных греков мифа о Золотом руне барашка, спасшего жизнь человеку, а затем принесенного в жертву Тучегонителю Зевсу-Дьяусу, свидетельствует, что сам культ животворящий шкуры агнца существовал у индоарийских племен еще в эпоху праиндоевропейского единства. Учитывая, что древнегреческий миф о золотом руне барашка, принесенного в жертву Дьяусу-Зевсу, соответствует ведийско-арийскому обряду жертвоприношения козла Дьяусу, можно сделать вывод о том, что эллинское повествование о битве Ясона с противниками на поле (дара, курд.) во время своего путешествия в Колхиду, перед дворцом царя Эета являлось в древности неотъемлемой частью сакрального ритуала.

Аполлоно-Дионисомахия

Во время исполнения обрядов Диониса индоарии Куру-курды Загроса — изображали это в трагедии, совершая коллективные ночные радения при свете факелов. Участники народных трагедий мужчины-дьяусы и женщины-амальфии накидывали на себя козлиные шкуры и под звуки флейт и тимпанов (дэф и карнай) бродили по горам, изображая свиту Диониса-козла. Возбуждая себя бешеной пляской до безумного состояния, участники Дионисовых радений и оргий набрасывались на священное культовое животное — козленка, воплощавшего собой Дьяуса-младенца и, разодрав его руками (без ножа) на части, пожирали его теплое мясо, как бы приобщаясь кровавым причастием к тотему-прародителю. Этот исконно курдский, арийский обряд пришел на Балканский полуостров из Малой Азии вместе с кутийско-мидийскими племенами переселенцев из Загроса, исповедовавших культ козлоподобного божества-прародителя задолго до появления на Пелопоннесе индоарийских племен эллинов-коневонов. Тот факт, что обряд «терзания козла-прародителя» зародился у

предков курдов, кутиев Загроса, находит полное подтверждение в наличии аналогичного обряда бьзын-кыши — разрывание козла у индоиранских племен манда (мунджа), пашто на востоке (Афганистан, Пенджаб), куда на завоевание новых территорий в Индию ушли во II тыс. до н.э. некогда обитавшие в Передней Азии и на Иранском нагорье племена ведических ариев Куру.

Бьз каши — терзание козла

Ригведа. Мандала I.51 «К Индре»

1. Этого барана — много раз призванного, прославленного Индру опьяняйте хвалебными песнями, (этот) поток добра, Чьи (деяния) ради людей распространяются, как небеса. Воспевайте (нам) на радость щедрейшего вдохновенного! А вот свидетельство очевидца об этом обряде.

«Че-Чакту — степной кишлак в северной части Афганистана.

[.....] Жители кишлака, угостив нас рисом, бараниной и чаем, продемонстрировали нам «бузкаши» (в дословном переводе — «отними козу») — яростное состязание между двумя командами всадников

(«чопандос») за обладание тушей убитого и обезглавленного животного, чаще всего козы.

На сей раз предметом «бузкаши» стала туша телят, положенная в центр размеченной для игры площадки, за пределы которой нужно вынести добычу. По сигналу обе соревнующиеся команды, сорвавшись с места, несутся к туше животного. Тот, кто завладевает ею первым, старается вынести свой трофей за прочерченную на земле линию. Товарищи по команде прикрывают его, противники же нападают. Возникает жестокая стремительная схватка в гладиаторском духе. Весь кишлак вместе с нами увлеченно наблюдает за состязани-

Всадник пуштун с козлом

ем [...]. Полноправным участником «бузкаши» наряду со всадником является конь, этот царь азиатской степи». (Маури Карло. Когда риск — это жизнь! М., 1986. С. 85.)

Наиболее ценным древним источником о культуре Диониса у потомков ведических ариев Куру, переселившихся в Северную Индию, является труд Мегасфена — посла Селевека Никатора при дворе индийского царя Чандрагупты (конец IV в. до н.э.) — «Индика». Мегасфен разделил условно всех «философов» Индии на две группы: жителей гор, почитавших Диониса, и жителей равнин, почитавших Геракла. Большинство индологов под культом Диониса упоминаемого Мегасфеном, Аррианом и Страбоном, у жителей Индии, подразумевают культ экстатического бога Шивы. По Ариану, именно Дионис научил индийцев танцам, то есть вакхическому служению, тогда как в Индии Шива почитается как бог танца. Шива, как и Дионис, избрал в себя более древний индоиранский культ поклонения деревьям. Вакхический танец является наиболее важной частью служения богу Шиве, что отмечено уже в Пуранах, тогда как в Малой Азии и в Древней Греции в ту эпоху священное безумие сатиров и менад было отличительной чертой культа Диониса.

Культом бога Шивы включает и сакрализацию его волшебного посоха-трезубца. В курдском языке, кстати, слово шьв — посох, деревянная палка.

Посох Диониса, увитый плющом или гроздью винограда, также являлся продолжением этих древних индогерманских представлений. Гроздь винограда на посохе Диониса символизировала хмельной напиток ведических индоариев Сому.

У древних греков Дионис почитался как сын Дьяуса-Зевса «Господа Светлого Неба», ниспадающий в виде дождя космической влаги.

Обряд воскресения

После смерти в обряде родового божества-первопредка ведические индоарии Куру разыгрывали (согласно общеарийскому мифу) ритуал воскресения божества-тотема от смерти к жизни через повторное рождение. Этот же обряд воскресения Диониса после его гибели от рук Титанов исполнялся и в Древней Греции. В этом ритуале чрезвычайно важную роль играет шукура-хьрка принесенного в жертву козла — прародителя и страстотерпца.

Ведийское имя Аджа (козел) Екапад (одноногий) совпадает этимологически с курдско-арийским гейаж — бедренная ляжка [одна] у скота.

Вообще, у курдов, по сообщению Мелла Махмуда Баязиди (XIX в.), в народных магических обрядах козел или козленок играли весьма заметную и важную, если не центральную роль. Мелла Махмуд писал, что у курдов есть предсказатели судеб — пилдары — обладающие лопаткой, от пил — лопаточная кость (козла-барана), что курды очень им доверяют. Сам процесс становления пилдаром был глубоко связан с культом козла в народных поверьях.

Мелла Махмуд Баязиди свидетельствовал: «И есть среди курдов пилдары. Это пилдарство развивают в них с детства. Если, например, женщина... еще будучи беременной, захочет, чтобы ее ребенок сделался пилдаром, то сразу же при рождении ребенка приносят козленка, режут его, а мясо раздают. А лопатку сохраняют, делают в ней отверстие величиной с сосок матери ребенка и дают ребенку грудь через это отверстие. И всегда ребенку дают грудь только таким способом. Без лопатки никогда не дают; и так до тех пор, пока ребенка не отлучают от груди. Когда ребенка отлучают от груди, то ежедневно два раза в день — утром и вечером — эту лопатку приносят ребенку, и он на нее смотрит. И так делают до тех пор, пока ребенок не достигнет разумного возраста. Когда ребенок вырастает, считается, что если он посмотрит на эту лопатку, то видит на ней все, что происходит на свете, и рассказывает об этом [остальным]. Но условие таково, что лопатку эту нельзя оставить ни на один день; постоянно [ребенок] должен сквозь нее сосать молоко; если хоть раз пропустить, то ничего не получится. [.....]

Искусство пилдарства свойственно не только мужчинам, но и женщинам. Эти оба рода людей, [джиндары «повелители джинов» и пилдары], пользуются большим уважением в Курдистане и им очень доверяют. Эти джиндары и пилдары «получают большие деньги, потому что курды очень верят им». (Перевод М.Б.Руденко. Мелла Махмуд Баязиди. Нравы и обычаи курдов. М., 1963. С.63.)

Сопоставляя рассказ Мелла Махмуда Баязиди с древнегреческим мифом о рождении и воспитании Дьяуса у куретов, мы сразу видим, что поколение старших богов у эллинов взрастило Зевса, исполняя курдский народный магический обряд кормления ребенка — пилдара

посредством козы. Само имя мифической козы Амальфеи, вскормившей младенца Дьяуса-Зевса, в древнегреческом языке продолжает хранить курдско-иранский корень альф (ам + альф + йе) — корм, фураж, кормить скот, давать фураж скоту.

Рождение Ишана — тьрека

День рождения нового Солнца (дня, года) все курды, иранцы отмечают 22 марта как Ноуруз — Новый год. Зороастрийцы празднуют этот день как Вхождение солнца в созвездие Овна. Курды празднуют Ноуруз как День рождения курдского народа, что глубоко символично, учитывая тот факт, что жрецы — тьреци у езидов надевают на себя во время исполнения обрядов шкуру козла или овцы.

Для древних иранцев и индоариев козел и баран являлись воплощением солнца и его благодати, Харизмы — Хварны (древнеиран.). В подражание солнцу на небе, которое, жертвуя собой, по мысли индоариев Куру, рассекает себя на множество лучей, которые, достигая земной сферы, питают всю природу, в среде ведических индоиранских племен в древности постепенно сложился и затем возник обряд расчленения на множество частей туши барана или козла, почитаемого людьми хтонической ипостасью солнечного божества. Убийство козла, затем рассечение его туши с пожеланием его воскресения прекрасно описаны в Атхарваведе.

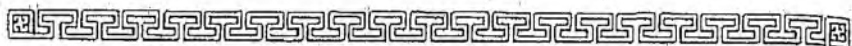
Атхарваведа (IX, 5).

«На жертвоприношение козла»

4. Разрежь темным (металлом) эту шкуру, о заклатель,
Ножом — сустав за суставом! Не замышляй против (него)!
Не будь враждебен (к нему)! Приготовь его член за членом!
Разложи его на небосводе!

(Перевод Т.Я. Елизаренковой.)

За убийством козла, живого двойника Солнца на земле у ведических индоариев, а также, судя по скандинавскому мифу, и у древних германцев немедленно следовало исполнение особого магического обряда, направленного на скорейшее рождение нового, молодого козла-Солнца.

Атхарваведа (IX, 5)

23. Да не расколется его кости!

Да не высосет костный мозг!

Сложив всего его вместе.

Да отправит он то и другое (на высшее небо)!

24. То и другое поистине становится его формой.

Для этого его складывают.

Подкрепление, величие, силу дарует он тому,

Кто дает козла вместе с пятью одана, излучающего
жертвенную награду.

В скандинавской мифологии бог-защитник Тор периодически убивает двух своих волшебных козлов: ест их мясо, не повреждая костей, не высасывая костный мозг и не портя их шкуру. Затем Тор оживляет своих козлов в магическом обряде, — собрав все их кости вместе и накинув на собранные скелеты шкуры принесенных ранее в жертву козлов.

Шкура, как видим, играла чрезвычайно важную, возможно, центральную роль в магическом обряде рождения нового Солнца-года у древних индогерманских племен. По их поверьям, рождалось не только новое Солнце-агнец, но рождалось само время, год, пространство. Это фетишистское представление о материальном облике времени достаточно наглядно показано в древневедийских заговорах на жертвоприношение козла.

Атхарваведа (IX, 5)

31. Только (тот), кто знает время года по имени «испепеляющее» — это действительно время года по имени «испепеляющее», а именно козел.

32. Только тот, кто знает время по имени «созидающее», [...]

Это действительно время года [...], а именно козел

33. Только тот, кто знает время года по имени «удерживающее», [...]

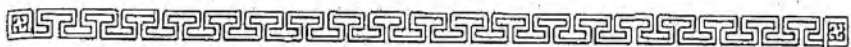
Это действительно время года ..., а именно козел [...],

34. Это действительно время года по имени «делающее набухшим»,

а именно козел, [...].

35. Это действительно время года по имени «восходящее»,

а именно козел [...].

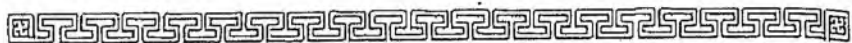
36. Это действительно время года по имени «преодолевающее», а именно козел [...].

(Перевод Т.Я. Елизаренковой.)

Курдский священнослужитель-търек, накинув на плечи шкуру козла, обходя толпу езидов по кругу, символизирует собой для верующих Новое Солнце — Ноуруз (Ra — блеск, санскр.), родившееся из жертвоприношения старого Солнца-года, роль которого в обряде исполнял козел-баран, хтоническая ипостась небесного божества.

Ритуал магического воскресения через свое рождение — курдско-търека полностью совпадает с подобным обрядом рождения у брахманов Индии. Как пишет Джеймс Джордж Фрэзер: «... В Древней Индии обряд вторичного рождения служил также для других, более священных целей. Брахман — глава семьи, совершающий обычные двухнедельные жертвоприношения, на время сам становился богом. Чтобы осуществить переход от человеческого состояния к божественному, от смертного к бессмертному, ему необходимо было переродиться. Для этого его окропляли водой — символом семени. Он воображал себя зародышем, и в качестве такового его запирали в специально для этого предназначенной хижине, считавшейся материнским чревом. Под одеждой он носил пояс, а поверх него — шкуру черной антилопы; пояс изображал пуповину, а одежда и шкура антилопы — внутреннюю и внешнюю оболочки зародыша. Он не должен был чесать себе тело ногтями или палочкой, потому что ему, как эмбриону, такие действия могли причинить смерть. Если он в хижине передвигался, то это потому, что плод шевелится в утробе матери. Если он сжимал свои руки в кулаки, то делал так потому, что неродившийся ребенок делает то же самое. Если он перед купанием снимал шкуру черной антилопы, но оставался в одежде, то это объясняется тем, что ребенок рождается с внутренней, но не с внешней оболочкой. Этими обрядами брахман, наряду с его прежним естественным и смертным телом, обретал новое, одаренное сверхчеловеческими способностями лучезарное тело. Таким образом, посредством вторичного рождения человеческая плоть подвергалась преобразению: человек становился богом». (Фрэзер Дж. Фольклор в Ветхом Завете. М., 1985. С. 241—242.)

Шкура козы у търека курдов-езидов, как и шкура антилопы у брахманов Индии, представляет собой символ-фетиш живой козы — Солнца. Священный шнур-пояс индийского брахмана, называемый

Мекхала, и шнур-кусти у иранцев-зороастрийцев представляет собой у курдов длинный, 6—8 метров, шерстяной пояс — пэшт, кямбар, который носят, обвязав вокруг поясницы все члены племени, и мужчины, и женщины. Для курдов именно пояс издревле служил отличительным признаком, знаком племенной принадлежности человека. Иными словами, курды в эпоху господства своей древней езидской религии по поясу определяли принадлежность к одной из 4-х каст-варн любого своего соплеменника. Необходимо указать, что в башкурдском и курдском языках название пояса — кямбар — совпадает. Башкурды Урала и курды Месопотамии являются прямыми потомками ведических ариев Куру, для которых пояstekhala — символизировал пуповину, связующую ария с солнечным божеством, как пуповина связует и питает младенца, находящегося в утробе матери.

В Атхарваведе в одном из заклинаний-заговоров пояс-мекхала наделяется способностью защищать людей, его носящих, от разных напастей и бед. Этот заговор на пояс достаточно четко демонстрирует, насколько сильно сознание древних арийцев, готовых обратиться в фетиш даже вещь, являющуюся произведением своего собственного человеческого труда, умения и сноровки, было сковано путами анимизма.

Атхарваведа VI.133.

«К поясу — на долгую жизнь»

(Тот) бог, что завязал этот пояс,
Что стянул (его) и что соединил (его) для нас,
(Тот) бог, чьим предписанием мы движемся,
Пусть ищет он другой берег и освобождает нас!

2.

Ты пожертвован, окроплен жертвой,
Ты оружие риши.

Первым приобщаясь к обету,
Будь убийцев героев, о пояс!

3.

Раз я ученик Смерти,
Вымаливающий у бытия человека для Ямы,
С заклинанием, покаянием, усилием
Я повязываю его этим поясом.

4.

Сын веры, рожденный от покаяния,
Ты был братом риши, создателей существования.
О пояс, вложи в нас мысль, мудрость!
Дай также нам покаяние и силу Индры!

5.

О ты, которого древние создатели существования —
Риши повязали вокруг,
Обними меня
На долголетие, о пояс!

(Перевод Т.Я. Елизаренковой.)

По прошествии определенного времени родовой строй древних индоариев Куру стал социальной основой для сложения первых родов-государств. У дорийских эллинов кровно-родственные отношения играли чрезвычайно важную роль в государственной структуре, полисе.

В эту новую для родовой общины эпоху резко меняются былые представления. Как писала О.М. Фрейденберг: «Тотем теперь представляется родоначальником и предком. Так было и раньше, но без представления о преемственности. Родоначальник и предок мыслятся лежащими где-то в далеком предшестве. Они, умершие, как прежде, но умершие «во времени» давно, в прошлом. «Старик», образ смерти, получает значение «старейшины», того, кто ближе к предку. «Умершие» обитатели ареальной страны переходят как образ в «умерших родных», членов по крови одного и того же коллектива. Действительно, это новая общественная структура; группа людей, объединенных кровным родством вокруг умершего родоначальника-предка, со старейшиной-патриархом во главе, с «отцом» в новом значении кровного родителя. Это и тот же старый вождь, но и новый, полноправный вождь рода, *pater familias* уже в новом значении «вождя» кровного как владыки, жреца и судьи. Он — *Rex*, что значит племенной старейшина, он и «господин» — господь — владыка жизни: в данную эпоху он происходит уже не от тотема, а от «бога» и сам есть «бог» и «родоначальник». [...].

...Родовые «цари» выбирались на год, потому что сами инкарнировали собой круговой «год», годовой круг солнца; а «выборы» в том и состояли, что царя ежегодно убивали, старого, как форму старого

года и «выбирали» нового — новый, молодой год (в античных языках «новый» и «молодой» передаются одним и тем же словом). (Фрейденберг О.М. Указ. соч. С. 107.)

Ведийские истоки ряжения актеров сатиром-козлом в трагедии Диониса-Вакха

У курдов Месопотамии и Передней Азии, во время праздника Хьдър-Наби, известного и у башкурдов Урала как Хызыр Ильяс, который отмечается ранней весной, в первых числах марта по улицам сел и деревень по народному обычаю ходят от дома к дому ряженные подростки и выпрашивают подарки.

Сам образ Хьдър-Наби у курдов имеет много общего с более древним зооморфным божеством Пушаном у ведических индоариев Куру. Так, у курдов Хьдър-Наби (Хызыр) почитается хранителем пугников в дороге, тогда как Пушан воспевался как охранитель пути, охранитель дорог, спаситель от ложных путей. У курдов Хьдър-Наби является покровителем влюбленных, тогда как у ведических ариев Куру бог Пушан почитался богом плодородия, сексуальной силы. Обряд хождения по улицам ряженных подростков и юношей у курдов в дни празднования Хьдър-Наби имеет свою древнюю историю и также восходит к традициям ариев Ригведы.

Божество индоариев Дакши (ловкий), имя которого этимологически можно возвести к курдскому тэкэ — козел, вожак, несколько раз называется в Ригведе отцом Богов.

Ригведа (VI, 50)

2. О Сурья, прекрасно блистающих «имеющих Дакшу отцом»
Богов пригласи, [...],

Дважды рожденных, (тех), что почитают закон, истинных.

(VIII, 63)

10. Жажда помощи, создавая это,

Благодаря вам мы хотим иметь

Дакшу отцом для усиления Марутов [боги бури, дождя].

(Перевод Т.Я.Елизаренковой.)

Козлоподобность Отца богов раскрывается в мифе, по которому глава марутов бог Рудра не был приглашен на первое торжественное

жертвоприношение богов, устроенное Дакши на горе Химаван. Рудра внезапно появился в середине ритуала и в ярости пронзил стрелой лежащую на алтаре жертву, которая превратилась в живую антилопу — марала (курд.) и, вознесясь на небо, стала созвездием Мригаширша — голова антилопы». Затем Рудра, вне себя от гнева, напал на богов Адитьев, детей Дакши и стал наносить им физические увечья. Самому Дакши бог Рудра в бешенстве сносит голову. После того, как боги Адитьи взмолились к Рудре о пощаде, он прекратил их побоище и излечил им раны. Но, когда битва закончилась, боги не смогли найти голову Дакши, и тогда Рудра приставил к его телу голову Козла. С той поры, поры первого жертвоприношения, Дакши — Отец богов», носит на плечах голову козла — такэ.

Для ведических индоариев козлообразный Пушан представлял божеством-Оградой, Тор (курд.), божеством-Преградой (злу) для людей. Это весьма архаичное, фетишистское поверье находило свое пластическое выражение в драме жертвенного обряда, для чего козла обводили по кругу возле алтаря, у которого толпились люди (будущие зрители), принимавшие участие в священном ритуале.

Атхарваведа (IX, 5) «На жертвоприношение козла»

1. Приведите его! Держите (его)!

Да отправится он, зная путь, в мир благих деяний!

Много раз пересекая великий мрак,

Да вступит козел на третий небосвод!

2. Я обвожу тебя кругом, как долю для Индры.

Как холатая для жертвователя на этом жертвоприношении.

(Перевод Т.Я. Елизаренковой.)

Именно так, как указано в Атхарваведе, именно так, как предписывается в Ригведе (I, 162,3), курдский священнослужитель-тьрек, облачившись в шкуру козла, обходит вокруг толпы верующих езидов и своими действиями символически воздвигает вокруг езидов-солнцепоклонников невидимую ограду — Тор (курд.) от темных сил зла. Езиды почитают солнце, и жрец-тьрек, обрядившись козлом, указывает верующим путь к лучезарному, светлому божеству на небе, освещая собой путь людям на земле (дара (курд.) — terra (латинск.) — ара — «пространство» (башк.) — aera (англ.)). Эта же мысль о том, что жертвенный козел освещает верующим путь (и на земле, и на небе)

была присуща и ведическим индоариям Куру, о чем напрямую свидетельствуют строки ритуального заговора «на жертвоприношение козла» в Атхарваведе.

IX, 5

6. Ступай отсюда ввысь, если ты прокалился кругом,
Из раскаленного котла на третий небосвод!
Из огня, о огонь, ты возник.
Завоюй этот лучезарный мир!
2. Козел — Агни. Козла называют также светом.
Говорят: кто живет, должен дать козла брахману.
Козел, данный верующим в этом мире,
Далеко отбрасывает мрак.

(Перевод Т.Я. Елизаренковой.)

Священник-тьрек, облачившись во время обряда в шкуру козла — айгес (греч.), как бы следуя словам заговора Атхарваведы, обходя толпу езидов, ограждает верующих от темных сил своим внутренним «духовным» светом, воздвигая невидимую ограду — Тор (курд.) на своем пути по кругу.

Этимология этого слова также чрезвычайно показательна. Слово тьрек, как показывает семасиология ритуальных действий курдского священнослужителя, безусловно происходит от существительного Тор — ограда, изгородь, ожерелье, с прибавлением суффикса ек, показателя единственного числа, которое восходит к числительному йэк — один в курдском языке и эка «один» в ведийско-арийском языке племен Куру-Бхаратов. Когда курдский священнослужитель тьрек — Единственный Оградитель» (Пути к Солнцу), надев шкуру козла, обходит толпу верующих езидов, то он магически перерождается в ведийско-арийского бога-громовержца Аджа-Экапада, Одноногого Козла, грозной ипостаси козлоподобного Пушана, бога изобилия, к которому ведические арии Кур в эпоху Ригvedы обращались с такими словами:

Атхарваведа (IX, 5).

«На жертвоприношение козла»

9. О, козел поднимись (туда), где мир благих деяний!
Как затравленный олень, пробирайся через труднопроходимы места!

16. Ты козел. Ты козел, идущий на небо.

С твоей помощью Ангирасы узнали путь на небо.

Я хотел бы узнать путь в этот чистый мир!

(Перевод Т.Я. Елизаренковой.)

Для ведических индоариев Куру именно козел и был животной, хтонической ипостасью космического света Солнца. По представлениям индоариев, каждый человек носил в себе частицу космического света и тепла: тапас (санскр.) и тәф (курд.), которую люди генетически унаследовали еще до своего рождения, в докосмическую эпоху, в момент первого жертвоприношения богами первочеловека Пуруши, жертвы самим себе — богам. Поскольку, как считали ведические индоарии Куру, все 4 касты, варны ариев: брахманы, раджаньи, вайшьи, шудры возникли из разных частей тела первочеловека, то они в разной степени интенсивности унаследовали космическое тепло Пуруши.

Шейх-Бызни

Курды — народ-богоносец

У курдов-езидов сохранилось до настоящего времени деление всего сообщества на 4 касты — варны:

Браки между курдами-езидами строго эндогамны, как и вообще в индоарийском обществе: представители касты пиров, как и брахманы в Индии, женятся или выходят замуж только за представителя касты пиров; шейхи из касты шейхов — за шейхов, мьрьда из касты мьрьда — за мьрьда.

Езиды поклоняются Солнцу — Ро; слово, этимологически тождественное ведийско-арийскому Raj — блеск, сияние и имени верховного божества башкурдской мифологии — Самрау, которое соответствует ведийскому Samraj — Самодержец. Разделение езидов на 4 касты-варны, от курдского — war — стоянка, места на кочевке, как и ведических индоариев Куру на брахманов, раджанья, вайшья и шудр, порожденных на свет из различных частей Пуруши, означает, что каждая каста курдов — пир, шейх, мьрьд, мьртаба — чисто символически воплощает собой определенную часть божественного тела первочеловека. Символ пришел на смену древним фетишам. В древнюю

эпоху фетишизма и оборотничества телесный образ божества являлся прообразом символа. Поэтому, в представлениях ведических индоариев Куру, а затем и курдов-езидов пир или брахман являлся живым воплощением головы божества. Пир для езидов, как и ишан для башкурдов Урала, является воплощением космического огня в физическом мире.

Этимологически имя пир выводится из понятия Огонь: руг — огонь (др. греч.), пьриск — искра (курд.), бьруск — молния (курд.). Через пира космический огонь Вселенной — Агни сходит в мир физический и становится Вайшванара — всенародным огнем, принадлежащим всем людям.

В Атхарваведе (IX, 5; 7) козел во время жертвоприношения отождествляется с Агни, и считалось, что Агни в виде пламени костра подхватывает тушу закланного животного и возносит ее на небо к алтарю других ведийских богов.

Атхарваведа IX, 5

13.

Ведь козел родился из огня, из пламени,
Вдохновенный — из силы вдохновенного, прозорливец
Что по жертвованию даровано, исполнено под «Вашат» —
Да уготовят то боги в должное время. (...)

17.

Чем увозишь ты тысячу,
Чем о Агни, - все имущество,
Тем эту жертву нашу увези
На небо, чтоб пошла к богам.

(Перевод Т.Я. Елизаренковой.)

Календарные праздники в древности у курдов и греков: аланов-эллинов

Курды

Осень
20—25 сентября
баран — бэрдан
День запуска барана самца
В стадо для оплодотворения
овец
Барану красят рога

Греки

Осень
осенний праздник сбора винограда
Малые (сельские Дионисии)
Процессии вакхов и сатиров несут
амфоры с вином, ведут жертвенного
козла над головами, возносят
декоративный фаллос —

Праздник сада-пез (сто дней овец)
у курдов-езидов в это время по деревьям
ходят ряженные двое мужчин: один Косегельды
и другой, одетый в женскую одежду,
изображает его жену.

символ плодородия

Зима

Зима

январь

Праздник Диониса — Ленеи

давят виноград в чаны — ленеи

конец февраля

Праздник Хьльо-Наби

Спаситель влюбленных
юноши и девушки веселятся
всюду ходят ряженные, юноши
наряжаются в женскую одежду

конец февраля

праздник Диониса

Антестерии

Открывают бочки с вином, по улицам
сел и городов шествуют толпы
ряженных в одежду вакханок и менад,
силенов, сатиров, отмечался брак
жены архонта с Дионисом

Весна

21—22 марта

Праздник Ноурвуз

Рождение ягнят и козлят
Солнце — Божественная благодать —
Изображается в образе барашка
Национальный День рождения курдов

Весна

конец марта — начало апреля

Праздник Больших Дионисий

Исполнялся пеан и дифирамб в честь
рождения Диониса-агнца

**Бэйан — пеан — бэйандара — баядера.
Одичание как снисхождение Святого Духа.
Архитектурное построение мифа
во времени и пространстве — дара**

Этимология: в курдском языке слово бэйан — дикий, одичалый; например, по-курдски һэйване бэйан — дикие животные, бэйан бун — одичание.

Курдский тьрек, накинув шкуру козы, начинает ползать на четвереньках вокруг толпы езидов и блеять, подражая козлу или барану, стараясь по возможности одичать — бэйан бун, дабы отождествить свой образ с тем животным, которое он сам и изображает в обряде, упоминаемом Дж. Фрэзером.

Главным моментом всего ритуального действия курдского священнослужителя-тьреца является то, что он выразительными мимическими движениями тела и голоса повествует верующим езидам о событиях, происходящих в мифе. Одичание — бэйан (курд.) — становится у езидского тьреца пластическим средством выражения через мимезис сокрытого словесного повествования.

В центре ведийско-арийского обряда рождения Нового бога-года (нового цикла жизни) у индоиранских племен Куру и «рождения Диониса» — неразумного, животного Диуана-вахши, Диониса, сына небесного Дьяуса у дорийских эллинов-аланов находился ритуал жертвоприношения козла, барана, быка, лошади, космическому закону — Рита, по которому сама Смерть и является основой зарождения Жизни.

Ашвамедха — жертвоприношение коня, — является, пожалуй, наиболее изученным из всех древних обрядов ведических индоариев. Самое первое упоминание о жертвоприношении коня восходит к Ригведе (I, 162 и 163), где даны подробные описания этого обряда. Выбранный конь, который под охраной людей свободно пасся в течение всего года, приносился в жертву. Правитель-раджа, совершивший обряд ашвамедха, получал имя Властителя миров. Туша коня го расчленилась по суставам, как это требовали ритуальные предписания, поскольку кости должны были быть в целостности и сохранности для последующего обряда воскрешения.

После убийства коня у ведических индоариев Куру, а затем и у индусов, совершался оргиастический обряд зачатия нового коня-солнца. Как пишет Я. Васильков о ритуале ашвамедха: «Через год по возвращении коня совершалась серия обрядов, в которых центральным моментом было умерщвление коня посредством удушения; жены царя оплакивали жертву, а главная царица ложилась рядом с убитым животным под покрывало и имитировала совокупление с ним; жрецы и женщины, участвовавшие в обряде, обменивались при этом репликами эротического содержания». (Индуизм, джайнизм, сикхизм. Словарь. М., 1996. ст. Ашвамедха. С. 70—71.)

В этом обряде жена раджи условно превращается в кобылицу принесенного в жертву жеребца — символа старого солнца-года. Именно это превращение человека в животное, то есть одичание, дикое исступление называется по-курдски — бэйан. Все ритуальные действия супруги раджи, направленные на магически-сакральное зачатие нового солнца-коня от принесенного в жертву старого коня, про-

исходили на возвышении у алтаря (санскр. «веди») в центре священного пространства — дара (курд.). *Бэйан* — «одичание» было, по представлениям ведических индоариев Куру, нисхождением во тьму, превращением человека в дикаря — вахши. Затем, как бы находясь в этой животной мгле, сознание человека начинало восходить вверх и впадать в блаженное безумие — диуана (блаженный), проясняясь светом сияющего небесного божества-отца.

В древнюю эпоху фетишизма и оборотничества, как это показали наблюдения этнографов за племенами, находящимися в наше время на мезолитическо-энеолитической стадии развития, сознание людей еще не умеет обобщать многие явления, и мышление человека той эпохи не достигает представления о Едином Боге. Поэтому, для древних индоариев Куру их вождь — ишан, тьрек, ишвара, пир, брахман весной в обряде умирания старого солнца, Дьяуса-Быка и рождения нового солнца, агнца-Диониса, Диуана, — не изображал солнце (старое и молодое), а сам почитался Солнцем, которое умирает и воскресает (в этом и состоит причина чрезвычайно развитого у иранцев-шиитов культа ишанов, шейхов-старцев).

Жрец — ишан, тьрек — умирал в обряде, будучи солнцем-отцом, в шкуре жеребца (быка, оленя), а затем после жертвоприношения и магического совокупления супруги раджи с конем под попой-хиркой воскресал уже в облике солнца-сына, агнца, в шкуре-тире (башк.) барана, козла.

Обряд умирания и воскресения состоял из мимических действий (хождение по кругу, как солнце по небосводу) священнослужителя ишана-тьрека, надевавшего в начале ритуала шкуру жеребца, а в конце при воскресении солнца — шкуру ягненка. Тьрек или ишан не имитировал смерть божества-тотема, а умирал, по представлениям индоариев Куру, на самом деле, а затем, пройдя стадию умопомешательства — Диуана — уже рождался другим, новым солнцем.

Для новой эпохи перехода человеческого сознания от тотема-фетиша к Божеству-Духу жрец-тьрек уже не умирал во время жертвенного обряда, а только изображал смерть Первопредка-Солнца. С того исторического момента, как только жрец-тьрек у ведических ариев-элинов стал разыгрывать во время жертвоприношения на площадке-дара смерть и воскресение божества, то есть имитировать смену таких настроений и душевных состояний божества, как страдание, мучение, страх смерти — и радость воскресения, то в культуре древних индогерманских племен сложились все необходимые природные

и эстетические предпосылки для возникновения обрядовой народной драмы.

Бэйан — мимическое «одичание» (курд.) жреца-търека, накинувшего шкуру на свое тело, повествовало верующим зрителям миф о жизни, смерти и воскресении божества, который превращался в грандиозный всенародный спектакль под открытым небом. Изложение жрецом своих внутренних душевных видений вовне, перед зрителями, пластическими и мимическими средствами, переродило повествовательный миф в сезонный спектакль, в котором търек стал актером, а все участники обряда — зрителями. Ряженье в шкуру козла, мимические игры являлись характерной чертой обрядовой дионисийской драмы у индоариев Куру, курдов, эллинов. При переходе от одного годового цикла к другому жрецы-търеки с другими служителями культа — пирами, брахманами, раджами разыгрывали в обрядовой календарной драме перед толпой соплеменников, становившихся зрителями, все страсти и мучения умирающего старого божества, а затем — муки и терзания рождения нового, юного бога-младенца.

Настроения и чувства зрителей, созерцавших обрядовую драму, сменялись в соответствии с развитием сюжета трагедии: от скорби, при виде омерти закланного на алтарь божества и растерзания его «еще живого» тела ножами на части при разделке туши жеребца, до безумного ликования от счастья при виде внезапно возникшего из-за пламени жертвенного костра священнослужителя-търека в козлиной шкуре, голосом, мимическими действиями и пластикой своего тела изображающего родившегося нового бога-солнца Диониса. Здесь, в этот момент, сценическое действие всей обрядовой драмы достигало своей кульминации, и вся толпа зрителей приходила в неистовое, дикое возбуждение — вахши. В этом душевном состоянии богоодержимости — мужчины становились вакхами-куретами, защитниками, пастухами агнца-Диониса, неразумного сына Дьяуса-Зевса, тогда как женщины становились бэйандарами, то есть «исступленными танцовщицами», наподобие вакханок-менад у эллинов.

Бэйандара, от курдского «площадка одичания», в известном смысле соответствует древнегреческому *hippos drōmos* — место, пространство для бега лошадей. От этого индоиранского слова — бэйандара — и возникло искаженное европейское — баядера, через чередование бэйан бала — ребенок (санскр.), бэйандара > баладара > баядера — танцовщица.

Женщины-жрицы были вождями племен у ираноязычных сако-массагетов. Этот этнографический факт о наличии матриархальных отношений у массагетов описал Геродот, а затем, уже в наше время, подтвердили археологические раскопки могил скифо-сарматских жриц-вождей. Следовательно, в древние времена у сако-массагетов Урала именно жрицы — пирьк (курд.), в отличие от мужчин — пиров — у других индоиранских народов исполняли жертвенный ритуал ашвамедха и затем изображали в танце чудесное рождение Агнца Диуана — Диониса.

Известно, что у дорийских эллинов священные вакхи и вакханки во время ритуальных обрядовых празднеств Диониса, облачившись в козьи и овечьи шкуры на голое тело, совершали ночью при свете горящих факелов коллективные радения, на которых разыгрывали смерть и рождение сына Дьяуса. Вакхи и вакханки в звериных шкурах, часто с рогами на голове, изображая стадо овец и стаю волков в возбужденной пляске, доводили себя до священного безумия — диуана, вахши — и в исступлении — бэйан (курд.) — набрасывались и разрывали на части живого козленка (теленка, ягненка), являвшегося в ритуале хтонической ипостасью Солнца, и пожирали его сырое окровавленное мясо, причащаясь плотью и кровью родового тотема.

Разрывание живого козленка-бога являлось трагедией в обрядовой драме, тогда как явление жреца-търека в шкуре-тире козленка представлялось радостным воскресением бога, превращало обряд в живую комедию. Повествование в речитативной форме объединяло трагедию и комедию в единый сценический цикл, во время которого участники ритуала, испытывая сопереживания страстям умирающего и воскресающего божества Диониса, имитировали бэйан — в исступленном бэйан — танце циклические изменения неба, Дьяуса Питара.

Древнегреческие вакханки («безумные», башк.) полностью соответствуют древнеиндийским девадаси — рабыням бога, искусным в танце, пении и музыке служительницам культа в индуистских храмах. Девадаси, как живые воплощения жен бога, во время праздничных обрядов вступали в «священный брак» с брахманами и царями-раджами. Как пишет А. Дубянский: «Имея основной задачей развлечение богов, царей, придворных, брахманов, дэвадаси оказались создательницами и хранительницами высших образцов индийского музыкально-танцевального искусства, в том числе классических стилей «бхарата-натьям» и «одисси». Профессия дэвада-

си — наследственная, но их ряды пополнялись и за счет девочек, посвящаемых или даримых храмам и богам некоторыми индуистскими семьями.

Кое-где Дэвадаси существуют и в настоящее время, хотя их институт формально искоренен серией законодательных актов (последний относится к 1947 г.». (Индуизм, джайнизм, сикхизм. Словарь. М., 1996. С. 185—186. Ст. Дэвадаси)

В дни весеннего праздника Великих Дионисий женская половина дома — гинекей — в домах эллинов становилась храмом деторождения, где супруга, уподобляясь вакханке-богине, вступала в священный брак со своим мужем — господом дома». Важно указать, что у эллинов гинекей являлся неприкосновенной частью дома.

У курдов Месопотамии слово стер означает «постельные принадлежности», которые, как пишет Чаркази Бака: «сложенные на камнях или досках у стены в комнате или шатре напротив входа — считались у курдов священными». (Курдско-русский словарь. М. 1957.) Курдское слово стер, по-видимому, родственно имени древней месопотамской богини любви и плодородия Иштар, дочери бога Ану, любовь которой отверг Гильгамеш.

Курдско-мидийские истоки происхождения некоторых ритуалов иудейско-христианской Пасхи

Псалом 21

17. Ибо псы окружили меня,
скопище злых обступило меня,
пронзили руки мои и ноги мои.

18. Можно было бы перечесть
все кости мои,
а они смотрят на меня
и делают из меня зрелище.

19. Делят ризы мои между собой,
и об одежде моей бросают жребий. (Пс. 21: 17—19)

В курдском языке слово пез — овца, а бьзын — коза. Курдское слово пез и глагол — hat — идти, прибывать, наступать вместе — пезhat — образуют слово, очень похожее на слово Пасха (евр. Песах),

от которого и родилось впоследствии название иудейского и христианского праздника Пасхи, необходимым ритуалом которого являлось поедание мяса жертвенного агнца.

Сам обряд Пасхи у ветхозаветных иудеев ясно показывает ее связь с культом агнца-Диониса у митаннийских ариев Куру из Передней Азии. По Библии, именно оттуда в древности ушел Авраам, сначала в землю Ханаанскую, а затем и в Египет.

Библия. Книга Бытия. Главы 11—12

28 И умер Аран при Фарре, отце своем, в земле рождения своего, в Уре Халдейском.

31 И взял Фарра Аврама сына своего, и Лота, сына Аранова, внука своего, и Сару невестку свою, жену Аврама, сына своего, и вышел с ними из Ура Халдейского, чтобы идти в землю Ханаанскую; но, дошедши до Харрана, они остановились там.

32 И было дней жизни Фарры двести пять лет, и умер Фарра в Харране.

Глава 12. Переселение в Ханаан.

5 И взял Аврам с собою Сару, жену свою, Лота, сына брата своего, и все имение, которое они приобрели, и всех людей, которых они имели в Харране; и вышли, чтоб идти в землю Ханаанскую; и пришли в землю Ханаанскую.

6 И прошел Аврам по земле сей до места Сихема, до дубравы Море. В этой земле тогда жили хананеи.

Переход в Египет.

10 И был голод в той земле.

И сошел Аврам в Египет, пожить там.

Напоминание о прежней родине у Евфрата.

Глава 15.

«Я Господь, Который вывел тебя из Ура Халдейского...»

Глава 28.

5 И отпустил Исаак Иакова, и он пошел в Месопотамию к Лавану сыну Вафуила ... к брату ... матери Иакова ...

Книга Иисуса Навина

Глава 24.

2 И сказал Иисус всему народу: так говорит Господь, Бог Израилев: «За рекою жили отцы ваши издревле, Фарра, отец Аврама, и отец Нахора, и служили иным богам,
3 Но взял отца вашего Аврама из-за реки, и водил его по всей земле Ханаанской...

Курдско-халдейское происхождение литературного образа ветхозаветных патриархов

Как пишет А. Владимиров, ссылаясь на ветхозаветные апокрифы (Книга Юбилеев. Перевод Е.В. Витковского. М., 2001), Серух (Быт. 11: 21), прадед Аврама, был сыном дочери Кеседа, имя которого комментаторы отождествляют с халдеями (евр. kas(e) dim), поскольку говорится, что «Ур, сын Кеседа, построил город Ару Халдейскую, и нарек имя по своему имени и имени отца своего (т.е. Кесед=Халдей)» (Книга Юбилеев, XI.) Дед Аврама, Нахор (Быт. 11: 22) был рожден от «Милки, дочери Кабира», и Серух обучил Нахора «халдейской науке гадания и предсказания по знамениям небесным». (Книга Юбилеев, XI.) В свою очередь отец Аврама, Фарра, был от «Ияски, дочери Нестага Халдейского» (там же). Аврам же рожден от Эдны, происходящей также от Ияски (там же). Сара, жена Аврама, была сестрою Аврама, правда, от другой матери, (Быт. 20: 12), но по отцу родственной также халдеям. Таким образом, Аврам имел мать, бабу, прабабу — дочерей халдеев, а прапрадед Аврама являлся основателем Ура Халдейского, города, известного своим поклонением Богу Луны. Богу Луны поклонялись в Харране, откуда происходят Лия и Рахиль (праматери колен Израиля), которым Фарра приходился прапрадедом. Таким образом, по матерям, которыми определяется наследственность у евреев, вся женская линия праматерей проистекает от халдеев, или от некоего рода, который был обучен в халдейскую науку, или которые были Кабирами. Имена в указанной родословной — это символы, но они многократно показывают о связи евреев с халдеями, т.е. с халдейской наукой, известной в еврейской традиции под названием Каббала (Владимиров А. Кумран и Христос. М., 2002. С. 671—672).

Месопотамская родина и курдско-халдейское происхождение и генеалогия ветхозаветных, библейских патриархов согласуются с курдским, индогерманским языком, в котором слово дъжһу — отдельный, еврей стало одновременно и этнонимом — jew (англ.) целого народа, сохраняя на протяжении нескольких тысячелетий память о переселении через Евфрат (Ivigi) как митанийских ариев Куру и хурритов-матиенов (гиксосов) в XVIII в. до н.э., так и Аврама, сына Фарры из Ура Халдейского...

Установление о Пасхе и предписание об Агнце. Библия. Книга Исхода

1. И сказал Господь Моисею и Аарону в земле Египетской, говоря:
2. Месяц сей да будет у вас началом месяцев; первым да будет он у вас между месяцами года.
3. [...] В десятый день сего месяца пусть возьмут себе каждый одного агнца по семействам, по агнцу на семейство.
4. А если семейство так мало, что не съест агнца, то пусть возьмет с соседом своим, ближайшим к дому своему по числу душ; по той мере, сколько каждый съест, расчислитесь на агнца.
5. Агнец у вас должен быть без порока, мужского пола, однолетний; возьмите его от овец или от коз.
6. И пусть он хранится у вас до четырнадцатого дня сего месяца: тогда пусть заколет его все сообщество, (...), вечером.
7. И пусть возьмут от крови его и помажут на обоих косяках и на перекладине дверей дома, где будут есть его.
8. Пусть съедят его в сию самую ночь, испеченного на огне; с пресным хлебом и с горькими травами пусть съедят его.
10. Не оставляйте от него до утра; но оставшееся от него до утра сожгите на огне... (Исх. 12: 1—10)

Календарное соответствие

В древнееврейском календаре середина первого месяца (авив или нисан) соответствует второй половине марта и первой половине апреля. Таким образом, установленная дата празднования Пасхи в Библии совпадает с курдско-иранским праздником весны и Нового года — Ноурузом, отмечаемым в течение 7 дней пос-

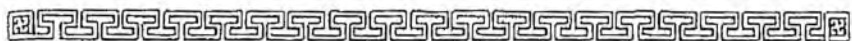

ле весеннего равноденствия 22 марта. Для курдов Месопотамии, Передней Азии, в отличие от иранцев, праздник весеннего равноденствия является особым, национальным праздником, поскольку по Авесте именно в Ноуруз курдский народ был спасен от полного истребления злым царем Ажи-Дахакой. Здесь необходимо указать, что для ветхозаветных евреев Пасха является Днем освобождения и спасения их народа от гнева фараона Египетского. По иранским представлениям, Ноуруз есть день вхождения солнца в созвездие Овна.

Иранские элементы иудейской веры

Иранск.	Иудейск.
1. Митра — бог солнца	1. Метатрон — солнечный ангел
2. Гайомарт — Бык	2. Поклонение Золотому тельцу
3. Хаешма — злой демон ярости	3. Асмодей — злой дух
4. Семь бессмертных риши в Ригведе или Амеша-Спента в Авесте	4. Семисвечник
5. Ноуруз Явление божественного Хварно в виде ягненка. Все блюда во время Ноуруза готовят из мяса барашка. Избавление курдов от злого Ажи-Дахаки	5. Пасха Принесение в жертву Агнца Избавление евреев от гибели.
6. Священный белый змей Шахмер, Зия-змея (курд.)	6. Поклонение медному змею от Моисея на протяжении 700 лет. Сион — место культа медного змея
7. Семь священных блюд Ноуруза	7. Шесть блюд Пасхи

Предки курдов Месопотамии хурриты-матиены в XVIII — XVI вв. до н.э. под именем гиксосов владели Египтом. Установление Пасхи и ее проведение Моисеем перед походом, закончившимся завоеванием Палестины, соответствует у ведических ариев Куру священному обряду ашвамедха, который непременно исполнялся перед военным вторжением на новую (чужую) землю.

Баран бердан и козел отпущения

Ayathrîma — Тисри

Курды Месопотамии каждый год осенью, 20—25 сентября, справляют праздник Бэран бэрдан — запуск баранов-самцов в стадо. Как сообщил автору информатор-курд Хасан Халоян, житель пос. Октемберян (Армения), праздник Бэран бэрдан установлен у курдов по случаю случки мелкого скота осенью. В это время курды украшают овец яркими лентами, а баранам-самцам красят рога в красный цвет.

Как писал Мела Махмуд Баязиди: «И праздники Бэран бэрдан и Сада-Пез тоже празднуют по этому стилю. Когда наступает середина осени, они по [принятому] обычаю пекут гату [сладкое печенье] и идут к отарам овец; и они разукрашивают баранов и ведут их к отарам овец. Там они раздают [всем присутствующим] гату, едят сами и веселятся. Потом пускают баранов в стадо [овец]. Спустя сто дней после праздника баранов снова готовят гату и различные кушанья и снова веселятся, радуясь благополучию своих овец». (Мела Махмуд Баязиди. Нравы и обычаи курдов. М., 1963. С. 43)

Как пишет в «Предисловии» переводчик этой книги М.Б. Руденко: «Впервые в научной литературе описание этого праздника появляется в статье С. Викандера [Ein Fest bei den Kurden undim Avesta // Orientalia Suecana, vol. IX, 1960. Uppsala, 1961, S. 7—10.]; автор связывает этот праздник с авестийским термином varšni harəzana (выпускание самцов).

Varšni haršta Термин этот означает обычай запуска баранов в осенний праздник в честь божества в период Ayathrîma (сентябрь — октябрь), в то время, когда пастухи со стадами возвращались с летних пастбищ». (Мела Махмуд Баязиди. Указ. соч. Предисловие. С. 6.)

Курдский праздник Бэран бэрдан, проводимый в период осеннего равноденствия, во время Ayathrîma, напрямую восходит к древнему зороастрийскому празднику Седе, когда, как считалось, силы зла в мире становились особенно опасны для человека. В этот период разжигали костры с целью отогнать от людей, от домов, от скота духов зла и нечистой силы. Слово — со, сот, сотьн в курдском языке как раз и означает «жечь» — сжигать» — палить» — разжигать» (костер, огонь).

Этот курдский обряд выпуска в стадо барана-самца (козла-самца) осенью, а затем ритуал изгнания нечистой силы путем разжигания огня — Саде, находит соответствие у ветхозаветных евреев. В Библии (Лев. 16: 2—34; 23: 26—32) говорится, что осенью, в 10 день

тисри — седьмого месяца, который по нашему календарю приходится на 10 сентября, первосвященник должен был взять двух козлов-самцов и, поставив их перед Скинией Завета (сшитой из полотна, сотканного из козьей шерсти), бросить жребий — пур, который решал, какого из козлов нужно принести в жертву, а какого — выпустить, изгнав в пустыню:

7. И возьмет двух козлов, и поставит их перед лицом Господним у входа Скинии собрания;
8. И бросит Аарон о обоих козлах жребии: Один жребий для Господа, а другой жребий для отпущения.
9. И приведет Аарон козла, на которого вышел жребий для Господа, и принесет его в жертву за грех.
10. А козла, на которого вышел жребий для отпущения, Поставит живого пред Господом, чтобы совершить над ним очищение и отослать его в пустыню для отпущения...
21. И возложит Аарон обе руки свои на голову живого козла и исповедает над ним все беззакония сынов Израилевых и все преступления их и все грехи их, и возложит их на голову козла и отошлет с нарочным в пустыню.
22. И понесет козел на себе все беззакония их в землю непроходимую, и пустит он козла в пустыню. (Лев.16: 7—10, 21—22)

Из текста Библии видно, что иранский зороастрийский осенний праздник Ayathrima — выпуск барана-самца и затем изгнание нечистой силы — стал у потомков Авраама, ушедшего из Ура Халдейского (курдского), осенним праздником — Днём очищения в месяц тисри, когда первосвященник единственный раз в году входил в Святая Святых Иерусалимского Храма, где горел неугасимый огонь, и кровью жертвенного животного (козла) кропил Ковчег Завета.

Пасха Нового Завета

По христианской церковной традиции считается, что Иисус Христос был последним, кто совершил ветхозаветную Пасху со своими 12-ю апостолами и затем, претерпев страдания и умерев на кресте, воскрес, одержав победу над адом и смертью, указал всем христианам через Причащение Своим Святым телом и кровью путь в жизнь вечную. Первая проповедь о Мессии — Спасителе мира восходит у

иудеев к ветхозаветным временам, к пророку Исаяе, которого иногда называют Ветхозаветным Евангелистом.

Пророчество Исаяи о Мессии-Агнце

4. Но Он взял на себя наши немощи,
и понес наши болезни,
а мы думали, что Он был поражаем,
наказуем и унижен Богом...
7. Он истязуем был, но страдал добровольно,
и не открывал уст Своих;
как овца, веден был Он на заклание;
и как агнец пред стригущим его безгласен,
так Он не отверзал уст Своих... (Ис. 53: 4,7)

Пророк Исаяя жил за 759 лет до н.э., начиная с последнего года правления царя Озии (811—753), когда впервые он изрек свое пророчество, и кончая правлением царя Езекии (728—699). Именно в этот исторический период в Древней Греции получил особое развитие культ Диониса-агнца, сына Дьяуса-Зевса, пришедший в Элладу с территории Малой Азии в VIII в. до н.э. Аллегорически Исаяя изображает Мессию бессловесным Агнцем, безропотно идущим на смерть. Ветхозаветные иудеи полагали, что кровь невинных агнцев, принесенных в жертву Богу, очищает их от греха, тогда как с Рождеством Христовым, как верят все христиане, Бог-Вседержитель послал Своего Сына «яко Агнца», для заклания в жертву этому миру.

17. В первый же день опресноков приступили ученики к Иисусу и сказали Ему: где велишь приготовить Тебе Пасху?

18. Он сказал: пойдите в город к такому-то и скажите ему: «Учитель говорит: время Мое близко, у тебя совершу Пасху с учениками Моими».

19. Ученики сделали, как повелел им Иисус, и приготовили Пасху.

20. Когда же настал вечер, Он возлег с двенадцатью учениками...

26. И когда они ели, Иисус взял хлеб и благословив, преломил и, раздавая ученикам, сказал: примите, ядите: сие есть Тело Мое.

27. И взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: пейте из нее все;

28. Ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов. (Мф. 26: 17—20, 26—28)

Первый Вселенский Собор постановил всем христианам праздновать Пасху в первый воскресный день после весеннего равноденствия и первого мартовского полнолуния, чем, собственно, и объясняется, почему каждый год день Воскресения Христова приходится на разные дни. Самое раннее весеннее полнолуние наступает 22 марта, а самое позднее 19 апреля, причем иногда и на понедельник недели. Во время Пасхи все христиане, как и курды Месопотамии на праздник Хьдър-Наби, дарят друг другу крашеные куриные яйца.

Нисхождение Святого Духа

Диуана-вакши

Отличительной чертой культа Диониса-Вакха, сына Дьяуса-Зевса у античных греков и древних иранцев-парфян являлось внезапное священное безумие вакши, которое овладевало всеми участниками праздничного шествия. Начиная с архаичной эпохи фетишизма и оборотничества вплоть до эпохи Раннего Средневековья, люди верили, что чувственные переживания являются демонами, овладевшими частями тела человека — сердцем, глазами, печенью, мозгом. Поэтому экстатический восторг, охватывавший участников обрядов Диониса у греков, — или игры бузкаши — драть козла у иранцев-парфян, овладевших Иерусалимом за полстолетия до составления Евангелий, — понимались окружающими как нисхождение Духа Божества.

Деяния святых апостолов:

1. При наступлении дня Пятидесятницы все они были единодушно вместе.
2. И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнился весь дом, где они находились;
3. И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них.
4. И исполнились все Духа Святаго и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещевать...

6. Когда сделался этот шум, собрался народ и пришел в смятение; ибо каждый слышал их говорящих его наречием...
9. Парфяне и мидяне и еламиты, и жители Месопотамии, Иудеи и Каппадокии, Понта и Асии,
10. Фригии и Памфилии, Египта и частей Ливии, принадлежащих к Кириное, и пришедшие из Рима, иудеи и прозелиты
11. критяне и аравитяне ...
12. И изумлялись все и, недоумевая, говорили друг другу: что это значит?
13. А иные, насмехаясь, говорили: они напильсь сладкого вина. (Деян. 2: 1—4, 6, 9—13)

Среди всех очевидцев, наблюдавших в Иерусалиме Сошествие Святого Духа на апостолов, творящих молитвы, первыми указаны иранцы-парфяне, которые сами каждый год весной (как и башкорды) поклонялись священному огню Борзен-Михрбан и каждую весну (как башкорды) исполняли обряд бузкаши («драть козла»), напоминающий ритуалы культа Диуана-Диониса, сына Дьяуса-Зевса, то есть Дейеу Пэрейя.

Затем указаны жители Елама, язык которых стал персидским уже к эпохе Парфянского царства. Далее следуют по порядку: жители Месопотамии (то есть курды), Иудеи и Каппадокии, Понта и Асии, Фригии и Памфилии, Египта и частей Ливии, критяне, аравитяне, иудеи, жители Рима. Все эти области входили в состав империи Ахеменидов, поэтому их жители прекрасно знали как персидский язык, так и сам обряд раздиранья козла. Жители Фригии и Памфилии сами были греками, справлявшими обряды Диониса, а у жителей Крита, также греков, по античной традиции и зародился впервые сам культ Диониса-агнца.

Этот анализ показывает нам, что апостолы после Сошествия Святого Духа говорили только на трех языках: иранском, греческом и арамейском.

Мы знаем, что иранцы в древности поклонялись священному огню, как и ведические арии Куру, обожествлявшие огонь (бог Агни), и латиняне, у которых огонь именовался ignis. Следовательно, исходя только из этого, можно понять, почему в Деяниях апостолов это Сошествие Святого Духа изображено как явление с неба огненных

языщев. Кстати, и современная физикане спорит с тем, что во Вселенной источником жизни является свет. А любой Первоединный Свет есть Божество — Первоисточник Жизни.

Вакхизм некоторых обрядов в ветхозаветной религии иудеев

Рогатый жертвенник

.И сделай жертвенник для приношения курений;
Из дерева ситтим сделай его.

2. Длина ему локоть, и ширина ему локоть;
он должен быть четырехугольный; а вышина ему два локтя;
из него должны выходить роги его...

10. И будет совершать Аарон
очищение над рогами его однажды в год:
кровию очистительной жертвы за грех он
будет очищать его однажды в год в роды ваши.
Это святыня великая у Господа. (Исх. 30: 1—2, 10)

Рога Господа

6. С тобою избодаем рогами врагов наших
во имя Твое. (Пс. 43: 6)

5. 1 оворю безумствующим: «не безумствуйте»,
и нечестивым: «не поднимайте рога»...

11. Все роги нечестивых сломяю,
и вознесу роги праведника. (Пс. 74: 5, 11)

Вакхическое шествие

25. Видели шествие Твое, Боже,
шествие Бога моего, Царя моего во святыне.

26. Впереди шли поющие, позади играющие на орудиях,
в середине девы с тимпанами. (Пс. 67: 25—26)

Этимология имени Иегова (Исх. 3: 14) довольно убедительно выстраивается в курдском языке: йе — тот (относительное местоимение употребляется взамен имен мужского рода единственного чис-

ла); га — бык, гаване зэрзан бог — покровитель (крупного рогатого скота), зэрзан от зэр — желтый и зер — золотой; гаван — пастух; га — бык + ван (словообразующий продуктивный суффикс) образует слова со значением деятеля.

Сказание о Золотом тельце в Библии

1. Когда народ увидел, что Моисей долго не сходит с горы; то собрался к Аарону и сказал ему: встань, и сделай нам бога, который бы шел перед нами [...]
2. И сказал им Аарон: выньте золотые серьги, которые в ушах ваших жен, ваших сыновей и ваших дочерей, и принесите ко мне.
(Примечание С.Г. — носить юношам серьгу в ухе является курдским обычаем).
3. И весь народ вынул золотые серьги из ушей своих, и принесли Аарону.
4. Он взял их из рук их, и сделал из них литого тельца, и обделал его резцом. И сказали они: вот бог твой, Израиль, который вывел тебя из земли Египетской.
5. Увидев сие, Аарон поставил пред ним жертвенник, и провозгласил Аарон, говоря: завтра праздник Господу.
6. На другой день они встали рано, и принесли всесожжения, и привели жертвы мирные: сел народ есть и пить, а после встал играть. (Исх. 32: 1—6)

Корова и бык являлись священными животными ведических индоариев Куру. Предки курдов и вайнахов, хурриты-матиецы овладели Египтом в XVIII в. до н.э., то есть тогда, когда, по Библии, Авраам вошел в Египет, а через два столетия гиксосы были изгнаны фараоном Яхмосом, то есть тогда, когда Моисей (Моше) вывел свой народ из Египта. В облике быка-Дьяуса ведические индоарии Куру и античные эллины почитали Господа Светлого Неба. Подобное представление о Иегове как о Господе Света неоднократно встречается в псалмах.

2. Облако и мрак окрест Его; [...]
3. Пред Ним идет огонь, и вокруг попадает врагов Его
4. Молнии Его освещают вселенную [...]. (Пс. 96: 2—4)

Золотые тельцы Иероваама

26. И говорил Иероваам в сердце своем:
царство может опять перейти к дому Давидову...
28. И посоветовавшись, царь сделал двух золотых тельцов
и сказал народу: не нужно вам ходить в Иерусалим;
вот боги твои Израиль. (3 Цар. 12: 26, 28)

Искоренение индоарийского (митанийского) культа Коня-Солнца у ветхозаветных евреев

Это было в эпоху царя Иосии (642—611 гг. до н.э.).

11. [царь Иосия] И отменил коней, которых ставили цари
Иудейские

Солнцу пред входом в дом Господень
и колесницы Солнца сжег огнем. (4 Цар. 23: 11)

Примеч. С.Г. На Южном Урале в погребении ведических ариев Куру (Синташта, II тыс. до н.э.) обнаружено погребение коней с колесницами, посвященными богу Солнца — Сурье, который в башкордском мифе «Акбузат — Белый конь» почитается как отец героя Торна-Хаубена (ведийск. Трита-Алтья), выведшего небесных коней со дна мировых вод.

Мессия Агнец — Сын Божий

Древнегреческое имя Христос — Χριστός имеет, как я полагаю, протокурдский корень: хъри, обозначающий:

- 1) хърка — шерсть-пух (овцы, агнца);
- 2) хърка — плащ, рубище аскета, монаха, суфия;
- 3) харык — порода овец с особо тонким пухом в горах Загроса, Курдистан, где обитает курдское племя шейх-бызни.

Курды Месопотамии — основоположники индоарийской йоги

Курдская терминология в индоарийской йоге

Название йога произошло от курдского слова игъ — точить, оттачивать, совершенствовать, в башкурдском егя — запрягать (ло-

шадь), а в отношении человека — «занимать, запрягать, загружать».

Учитель в йоге называется гуру, от курдского гор — сильный (в немецком Негг — господин).

1. Хатха-йога, или йога власти над телом; название восходит к курдскому глаголу хатъм — затыкать, задерживать (воздух).

2. Карма йога, или йога правильных действий; имя восходит к курдскому глаголу кар — делать.

3. Бхакти йога, имя восходит к курдскому глаголу бһага — надевать, благословлять, созерцать бога.

4. Джняна йога, или йога знания, в переводе с кордского зан, занин — знать, ведать.

5. Раджа йога, или развития сознания, восходит к курдскому ра — солнце, которое является божеством у курдов-езидов

Джапа-йога у кордов Месопотамии

«Классическим (санскритским) определением джапа йоги является жара — бормотание, шепот или религиозный прием, состоящий в длительном непрерывном повторении мантры и божественного имени, ведущем к Освобождению. На этом основании джапа представляет собой один из приемов йоги». (Мартынов Б.В. Упанишады. 1999. С. 237.)

Некогда иранцы и индийцы составляли единую индоиранскую семью, и поэтому истоки происхождения многих мистических и религиозно-философских учений следует искать не только в индийской, но и не в меньшей степени в истории и культуре иранских народов.

В кордском языке слово шад — колдун, ведьма, а слово па — хвала, восхваление, а также «часть чего-либо», которые при словосложении образуют — шадпа, что в индийском языке и обозначает джапа йога или йога молитвы. Понимание древними индоиранцами молитвы как колдовства — восхваление колдовства» и «часть колдовского процесса», как раз соответствует эпохе фетишизма и оборотничества. Именно к этой древней эпохе восходит одно из курдских поверий о том, что такое шад (джад) и сабър. Шад (jad-na) это чихание четное число раз, что считается у курдов хорошей приметой, а вот сабър — чихание нечетное число раз, после чего необходимо на короткий срок отложить все дела, что связано с курдским поверьем: чихание нечетное число раз приносит несчастье или беду.

Как видим, у курдов Месопотамии, без всяких индийских йогов, словосочетание щад + па, јага (санскр.) изначально связано с понятием волшебства, колдовства, родившегося на основе протокурдского национального мышления и архидревнего магического поверья.

Курдские дервиши — дэвариши

Курды до настоящего времени сохранили древнее ведийско-арийское имя — дэвриши, которым называют аскетов, практикующих йогу молитвы. Ни один из известных автору современных иранских народов, кроме курдов Месопотамии, не знает этого древнего ведийского имени — дэвариши, что является, в свою очередь, веским доказательством того исторического факта, что именно курды и являются создателями этого словосочетания щод-па, ставшего со временем религиозным термином — джапа йога.

Этимология слова

В курдском языке слово рыща, означает: просьба, прошение, мольба. В Ригведе создатели и авторы гимнов ведийским богам называются кордским по форме именем риши — rsi. Сам корень слова rsi является исконно индоевропейским и встречается в таких словах, как русское — рцем, рците, в башкордском — раслау.

Слово дэв в кордском языке означает «рот, уста, пасть, зев, горло, жерло».

Таким образом, слова дэва и риши, а также словосочетание дэвариши имеют протокурдское происхождение и этимологию, помимо общепринятого вывода ведологами этимологии дэвариши как полубогов-певцов, от санскритских слов дэва — бог и риши — певец, сказитель. Необходимо здесь напомнить, что в эпоху индогерманского единства слово дэва означало бог не только у ведических ариев, но и у иранцев, а также позднее и у латинян (deus).

Брахмариши

Брахмариши составляют после дэвариши второй класс певцов и слагателей гимнов. Это слово также имеет кордское происхождение, так у курдов слово бори означает «реветь, бормотать что-то». Именно это значение имеет различные формы этимологий, предложенных учеными.

Так, С. Радхакришнан в своей книге «Индийская философия» приводит мнения ведущих ученых-санскритологов по поводу происхождения слова брахма:

«Хауг считает, что Брахман означает молитву и происходит от корня — «брх» — разбухать, расти. Это то, что разбухает, растет. Святые молитвы вызывают рост, затем они начинают означать силу природы и позже — верховную реальность. По мнению Рота, Брахман — сначала это сила воли, ведущая к богам, потом он стал означать священную формулу, а затем Абсолют. Ольденберг полагает, что в ведийские времена, когда мир был населен многочисленными богами и таинственными силами, способными вызывать счастье, горе, самыми могущественными людьми являлись медики, которые умели пользоваться магическими заклинаниями и добивались любого желаемого ими эффекта. Тогда Брахман означал магическое заклинание. Во времена брахманизма он стал одним из священных гимнов, употребляемых при жертвоприношениях. Возможно, некоторые из этих гимнов применялись как заклинания для получения магических эффектов. Это слово постепенно приобретало значение центральной энергии, которая создала мир. Дойссен считает, что Брахман — это молитва, которая взвывает душу, когда мы постигаем истину и когда эту истину следует обозначить словом. Макс Мюллер выводит этот термин от «слова», как явствует из имени Брихаспати и Вачаспати — владыка речи, то, что произносит его, — Брахман. Нам нет нужды затруднять себя этимологией этого слова. Для нас ясно, что Брахман означает реальность, которая растет, дышит и увеличивается». (Указ. соч. С. 135.)

Слово бриха означает в санскрите «молитва, речь, слово» и в этом отношении тождественно русскому «бормотать, бурчать, брехать», курдскому — бори — реветь, рев, мычать».

Слово невидимо передается от одного человека к другому и обладает внутренней энергией, которая способна, раз зародившись, развиваться самостоятельно.

По представлению древних предков индогерманских народов, слово обладало магической энергией, способной к росту. Такие слова как *bourgeon* — ветка (франц.) и башкурдское *борэ* — почка на ветке дерева происходят из одного корня с ведийским — бриха, с курдским — бори, курдским — бырылдау.

Этот пример ясно и четко показывает нам, что в древности индогерманцы считали слово человека живым организмом, способным

расти, увеличиваться и, покинув уста человека на земле, достичь божества на небе. Таким образом, слово в молитве, гимне, мантре или заговоре связывало человека с божеством. Поэтому брахмариши считались в эпоху Ригведы божественными певцами, которые связывают своими молитвами — бриха — мир людей на земле с миром богов на небе.

Сам факт, что ведийский корень *брх* — распухать соотносится с французским словом *bourgeon* «ветка дерева», означает и свидетельствует, что слово *Брахмо* — реальность, которая растет, дышит и увеличивается, возникло не в Индии, куда позднее пришли ведические арии, и не во Франции, где до прихода латинян, а позднее и франков проживали кельты, а в Передней Азии, где живут курды.

Махариши

Класс *Брахмариши* подразделялся еще на два класса. Первый — это *раджариши* (*риши-цари* и *кшатрии* — сословие воинов) и *махариши* или *великие риши*. *Махариши* составляли особый третий класс *риши*. Само имя *махариши* также свидетельствует о далекой эпохе индо-ирано-германского единства; так ведийское слово *маха* — великий соответствует германскому *macht* — сила, мощь, власть и *machtig* — громадный, могущественный, *much* — в английском.

Все три класса ведийских *риши* — *дэварииши*, *брахмариши*, *махариши* выполняли роль посредников между богами и людьми, поскольку молитва составляла наряду с жертвоприношениями наиболее важную часть в богослужении.

«Молитва, как считали *риши*, — пишет Т.Я. Елизаренкова, — очищала жертвоприношения, подобно фильтру, через который проходит сок сомы в процессе приготовления *амриты*... Очищаясь в сердце поэта, молитва материализовывалась в форме сакральной речи, превращаясь в средство общения с богами.

Деятельность поэта, таким образом, изофункциональна деятельности жреца: один воздействует на богов словом, другой — приношением жертвы... первоначальное назначение поэтического творчества *риши* было, судя по всему, именно ритуальным». (Ригведа. Мандалы V—VIII. Приложения. М., 1989. С. 480—481.)

Именно этой ритуальной деятельностью и занимаются современные кордские *дэварииши*, которые денно и нощно исполняют *джапа-йогу*.

Индоарийский род Куру входил в племя ведических ариев бхаратов, живших и во времена Махабхараты на территории так называемой Курукшетры (в 56 км от города Дели). Поле Куру, то есть Курукшетра, названная по имени царя из Лунной династии Куру, в древности располагалась между реками Сарасвати и Дришадвади и почиталась ведическими ариями священной. Хастинапур — столица страны Куру — располагалась на севере Ямуно-Гангского Двуречья. По данным археологических раскопок, он-то и локализуется на расстоянии 56 км к северо-востоку от современного Дели. Древнее название города Хастинапур традиционно связывается с именем его легендарного основателя — царя Хастина. В кордском языке слово хас, означает 1) отборный, лучший; 2) чистый, настоящий. Слово пур, в башкордском — бура, в ведийском санскрите, как и в современном немецком — burg, означает — крепость, замок. Таким образом, мы видим, что название города Хастинапур является исконно ираногерманским, индоевропейским.

Куруджангала — лесистая местность к северо-западу от Хастинапура, которая входила в состав Курукшетры; иногда в Махабхарате так называли всю территорию, подчиненную индоарийскому племени Куру.

Город Дели был основан в древности раджей Дилипой. Поле Куру является одним из самых священных мест в Индии. В Махабхарате неоднократно говорится о поле Куру, как о священном месте, где «Боги приносили жертвы». По преданию, здесь, на поле Куру, произошла знаменитая битва между Кауравами и Пандавами, которые являются представителями различных кланов и ответвлений рода Куру.

Каурава — «потомок Куру», народ, происходящий от Сомы (Луны). Кауравы — общее название правящего рода племени Куру (бхаратов). Потомками Сомы являются курды племени Хемавенд (Сомавенд).

Родоначальником рода является Куру, сын Бхараты, который неоднократно упоминается в Риг-веде.

Мандала IV, 25 «К Индре»

4. Агни потомок Бхараты, пусть дарует защиту тому —
Пусть тот долгое время видит, как восходит Солнце...

Бог огня Агни часто называется «происходящим от Бхараты», при этом нередко и бог Солнца — Сурья в Ригведе именуется Бхаратом —

родоначальником. Согласно Махабхарате, Бхарата — царь Лунной династии, сын Шакунталы и Душьянты. Шакунтала является по ведийской мифологии дочерью апсары Менаки и дэвариши — учителя богов», кшатрия Вишвамитры, который является легендарным автором гимнов третьей мандалы Ригведы. Так, в 33 гимне говорится, как дэвариши Вишвамитра перевел войско Бхаратов через реки Випаш и Шутудри, воды которых остановились перед ними, точно также как и воды Красного моря перед библейским Моисеем.

Мандала III, 33 «Вишвамитра»

11. «Когда же вправду через тебя переправятся Бхараты,
Отряд ищущий коров, посланный и вдохновленный Индрой,
Пусть (снова) ринется (твое) течение, устремленное в (едином)
порыве!
12. Бхараты, ищущие коров, переправились,
Вдохновленный вкусил милость рек.
Набухайте, освежая, принося прекрасные дары!
Наполняйте себе утробу! Быстро двигайтесь!

(Перевод Т.Я. Елизаренковой.)

Этимология слова Бхарата

Слово Бхарата имеет свое исконно кордско-иранское происхождение; в кордском языке, как и ведийском санскрите слово — хирэт, означает — трудолюбие, старательность, воспитанность, а предлог бь, если стоит при имени, обозначающем предмет одушевленный, — то — совместность, выражаемую в русском языке предлогами «с, со, вместе с».

Таким образом, в кордском языке словосочетание Бьхирата означает, как и в индийско-арийском — Бхарата — усердный, воспитанный, старательный».

По «Махабхарате», дедом Бхараты является Вишвамитра, отец Шакунталы. Само имя Вишвамитра свидетельствует об эпохе индо-иранского единства, поскольку бог Митра больше известен не как индийское, а все-таки как древнеиранское божество, культ которого позднее именно благодаря иранцам восторжествовал по всей Малой Азии и дошел до границ Римской империи.

Именно к Бхарату, внуку дэвариши — учителя богов» Вишвамитры, восходят и род Бхаратов, и род Куру, являвшиеся ведийс-

ко-арийским племенем, которое во втором тыс. до н.э. завоевало Северную Индию и заложило основы цивилизации в долине реки Ганг.

Курды Накшбенди и ведийские Сутра-йоги

Имя Накшбэнд — покрытый узорами человек — есть не что иное, как перевод с индоарийского языка на курдско-иранский древнего ведийского имени Сутра-йог, то есть «йог, ткущий нить имени». Ведийское слово Sutra — «нить», на которую нанизывают бусинки ожерелья и четок, — тождественно в религиозно-идеологическом переводе курдскому слову нахш — орнамент-узор, который ткут или вышивают нитью на ковре или платке.

Курдское слово бэнд, как и в башкурдском, означает человек, тождественно в этом смысле ведийскому — йог.

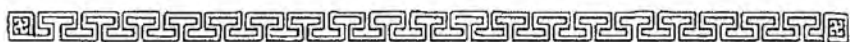
Курдский аскет Накшбэнд, как и ведийский йог, должен своими молитвами — сутра — установить постоянную связь с Богом, которую затем необходимо украшать (Нахш) всю жизнь, постоянно поминая имя Бога каждым ударом своего сердца. Затем биение сердца должно соединиться мистическим образом с биением сердца космического Адама, что вызывает вибрацию энергии во Вселенной и производит, таким образом, материю разных уровней концентрации и качеств. Эта техника молитвы постепенно приводит человека к овладению бессмертием.

Зикр

«...Порядок зикра у шейхов Накшбандийа, Муджаджидийа, Халидийа — да будут святы их могилы.

Необходимо тебе, скрестив ноги, сесть лицом в сторону Мекки. После раздумий и грусти о смерти — тафакури маут (тэфэкури — грустить (курд.). — С.Г.) следует, созерцая образ своего шейха в своем сердце, мысленно установить с ним духовную связь — рабита. Затем 3 раза прочитай молитву: «Господи! Ты мой Бог, Ты мое желание» — «Илахи энти максуди йа матлуби», выполнять вукуф калби — остановку сердца в течение четверти часа. После всего этого, взяв в руки четки — тасбих, можно начинать зикр, который выполняют утром и вечером по 5 раз.

Семь принципов (техника) исполнения молитвы — зикра.

Латаеф аль закер (Задушевные молитвы)

1. Сердце желтого цвета под ногой Адама (мир ему),
Берущее свет свой от нашего пророка.
2. Душа красного цвета под ногами Нуха (Ноя) и Ибрагима (мир им),
Берущая свет свой от нашего пророка.
3. Секрет белого цвета под ногами Мусы (мир ему),
Берущий свет свой от нашего пророка.
4. Тайник черного цвета под ногами Иисуса (мир ему),
Берущий свет свой от нашего пророка.
5. Тайник зеленого цвета под ногами пророка всех пророков Мухаммада.
6. Связь мозга и сердца.
7. Связь тела и формы

Имам Рабани и его последователи считают, что человек состоит из 10 частей:

1 — сердце, 2 — душа, 3 — секрет, 4 — тайна, 5 — ветер, 6 — вода, 7 — огонь, 8 — земля (прах) (в тексте указано только 8 частей).

- 1) Вукуф калби — Остановка сердца.
- 2) Хабс нафс — Задержка и остановка дыхания (вместе с сердцем).
- 3) Мулхазату накш — Наблюдение за правильностью исполнения молитвы.

4) Созерцание своего сердца с написанным на нем словами «Ла иллаху илля Алла».

5) Мулхазату ал магана — Созерцание смысла слов молитвы-зикра для полного и быстрого единения с Богом.

6) Соединение произнесения ритма молитвы-зикра «Ла иллаху илля Алла» с ударами своего сердца.

7) Мулхазату адади аль-уатр (watr): техника счета, при котором молитва-зикр (молитвенная формула имени Бога) «Ла иллаху илля Алла» — должна произноситься нечетное число (7—9—11—13—15—17—19—21) раз, за один вдох, затем остановка дыхания, и затем выдох. (Шейх Зайнулла Ишан (Расулев). Основы божественных истин суфийского тариката Накшбендия. Казань, 1899.)

Правило исполнения зикра у суфиев ордена Накшбенди

1. Сесть на ровное место (землю) лицом на юг (в сторону Мекки), затем, уперев конец языка в небо, задержать дыхание, обратив свой внутренний взор на точку в животе под пупком. (Как отмечал пере-

водчик Махабхараты профессор Б.Л. Смирнов, ссылаясь на книгу Сикорского «Психиатрия с физиогномикой»: «Фиксация взора есть один из важных элементов психофизиологии внимания; одним из основных признаков рассеянности, плохой фиксации внимания является плохая фиксация глаз, что отмечается в психиатрической физиогномике: так, например, идиоты не способны к фиксации внимания, не способны также фиксировать глаза, которые у них бесцельно бегают» (Легенды о Кришне. М., 1995. С. 576.)

Затем из-под пупка следует начинать зикр словом — Ла, направляя его мысленно вверх к мозгу к месту точки — Латыфа Нафс. Затем направить произносимое слово — иллаху — вниз, уже от мозга к правому плечу, и заканчивать зикр произнося — илля Алла — и направляя свой внутренний взор к левому плечу и к сердцу, погружая сознание в созерцание всех цветов радуги.

Теперь сравним это учение курдов Накшбендия с индоарийским учением йоги.

Дыхательные упражнения и техника медитации у брахманов-самавединов, яджурвединов и в сандхье ригвединов

Глава VI

Назначение (...) дыхательного упражнения, во-первых — очистить кровь, расправить легкие и грудь, и дать тем самым должный настрой всем внутренним органам тела, во-вторых — освятить все тело и сделать его храмом Бога, посредством медитации на Него как на Пребывающего:

В случае пранаямы (дыхательные упражнения) слог «Ом» имеет в качестве провидца самого мудреца Брахму, в качестве Божества — известный аспект Бога, проявляющийся в физическом мире как Агни (огонь — пламя),...

Агхамаршана

Джапа, или молитва, считается главной частью Гаятри. Джапа — это

декламация определенного слова или фразы. Внешне такая декламация может показаться бессмысленной, но в действительности это не так. Повторение само по себе создает состояние сознания, граничащее с экстазом, состояние «турья» (наивысшей непосредственности. — С.Г.).

Известно, что прославленный поэт А. Теннисон обычно входил в подобное состояние, повторяя несколько раз свое имя — «Альфред, Альфред».

Глава VII

Обряд Пураки состоит в закрытии левой ноздри средним и безымянным пальцами и во вдыхании воздуха через правую ноздрю, так, чтобы он дошел до области пупа, и в медитации там на Брахму, как на имеющего красный цвет, четыре лица и две руки. Держа в одной руке четки, а в другой — камандалу (сосуд с водой), Брахма сидит на хамсе (санскрит. — «гусь»). При вдыхании воздуха должен читать Гайятри (молитву), которой предшествуют семь Вяхрити, и за которой следует Ширас (...); семь вяхрити с «Ом»:

Om Bhuh, Om Bhuvah, Om Svah, Om Mahah, Om Janah, Om Tapah, Om Satyam. Гайятри (...) Om tat savitar varenyam bhargo devasya dhimahi; dhiyo yo nah prachodayat. Ширас (...) Om aro jyoti raso' mrtam brahma bhur bhuvah svar Om.

(Это произносится во время вдоха.)

(б) Кумбхака — Задержка дыхания

После совершения пураки, как описано выше, совместно с медитацией на Кешаву как на пребывающего в области сердца, имеющего цвет лепестка синего лотоса и сидящего на Гаруде, пусть поклоняющийся закроет (большим пальцем руки) также и правую ноздрю и, задержав дыхание, прочитает (опять) вышеприведенную Гайятри (стих), с ее Вяхрити и Ширасом.

(в) Речака

Затем пусть он медленно выдохнет воздух (через левую ноздрю), читая ту же самую Гайятри с ее Вяхрити и Ширасом, медитируя при этом на Шамбху, как на находящегося в области его лба, имеющего белый цвет, две руки, держащего трезубец и барабан, носящего в качестве украшения луну на лбу и сидящего на быке.

Таким образом, одна полная пранайама состоит из трех действий — (1) пураки, выдыхания воздуха, (2) кумбхаки, задержки воздуха и (3) речаки, выдыхания воздуха — в продолжении которых должна читаться вышеприведенная мантра из шестнадцати слогов. Таким образом, для прочтения мантры потребуется одна минута, или три минуты для всего процесса в целом. Это и составляет одну пранаяму, в которой следует медитировать на три аспекта Бога, а именно на Создателя (Брахму), Поддержателя (Вишну) и Преобразователя (Шиву), как на находящихся в собственном теле поклоняющегося и управляющих тремя функциями в теле — пищеварением в желудке, кровообращением в сердце и, познанием в мозгу, или, другими словами, вегетативной, животной и человеческой функциями организма.

В одной сандхье (молитва индуиста, которая состоит в медитации на атрибуты Бога и Его творений — мира и человека) должны быть проведены три таких пранаямы; таким образом, пранайаме следует посвятить около десяти минут». (Сурендра Мохан. Ведические таинства. Veda Bharan. Бангалор—Нью-Йорк—Лондон—Минск, 1999. С. 61—63.)

Вне всяких сомнений, в составе воинственных племен Куру, пришедших в Индию с севера и именовавших себя ариями, были и предки современных курдов, в частности, курды племени кокэйи, которые принесли йогу с собой как часть своей древней культуры.

О курдах кокэйи в Древней Индии

В южной части Иракского и Иранского Курдистана обитают курды, носящие древнее имя кокэйи и которые верят в переселение души и полагают, что смерть подобна нырянию утки, как это, например, изображается в Упанишадах. Курды Кокэйи считают, что душа человека проходит цикл в 1001 перевоплощение, в процессе чего проходит свое очищение, и, как видим, это учение напрямую имеет аналогию с индуизмом, что в свою очередь подтверждают и древнеиндийские источники. Так, в древнеиндийском эпосе Махабхарата постоянно упоминаются кекаи-кекайцы из рода Куру, выступающие сторонниками Кауравов.

Кекаи древнеиндийского эпоса являются подлинно историческим народом и были членами обширного царского рода, правившего в Панджабе, стране, находившейся на территории между речья Биаса и Сатледжа. В сказании о Кирате (1—4) о кекаи говорится: «Прослы-

шав об изгнании Пандавов и овыпавших им лишениях, сошлись в тот момент великий лес бходжи и вриши с андхаками (арийские племена). Сыновья и родичи царя панчалов (Друпады), Дхриштакету, правитель Чеду и великой отвагой стяжавшие славу во всей вселенной братья Кекаи — все они, пылая гневом и негодованием, присоединились в лесу к Партхам».

В той же книге в главе 34 Бхимасена говорит царю: «Как можем мы не отбить свое царство, о Каунтея, когда на нашей стороне и сринджаи, и кекаи, и сам владыка вришнийцев».

В книге «Сказание о восхождении на небо Индры» в главе 48 (11—14) о роде Кекаи говорится: Прослышав о проигрыше Пандавов в кости, неколебимый губитель Мадху (бог Кришна) поспешил в Камьяку, дабы соединиться с Партхами. Так же (поступили) сыновья Драупады во главе с Дхриштадьумной, Вирата, Дхриштакету и великие колесничные бойцы Кекаи.

В книге «Сказание о паломничестве к тиртхам» Сам бог Вишну, приняв облик бога Кришны — Васудевы, говорит: «Когда мы с властителем панчалов, великим духом, а также с правителем Чеди вместе с Кекаями нападём на недругов и вступим с ними в бой...»

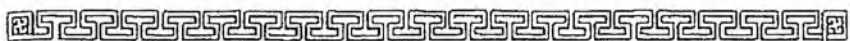
Мы привели упоминания о Кекаи, взятые только из одной третьей книги Махабхараты «Араньякапарва». (М., 1987. Пер. Я. В. Василькова и С. Л. Невелевой.)

Никто из ученых никогда не сомневался в историческом существовании ни курдов-кокейи, ни рода Кекаи, упоминаемых наряду с пахлавами (парфяне), шаками (саками), яванами (греки-понтийцы), дарадами (р-н Дардистан на севере Индии), бахликами (бактрийцы) и так далее и т.п.

В целом нет никаких сомнений в том, что точно так же, как эпические яваны Махабхараты соответствуют историческим грекам-понтийцам, поселения которых в Бактрии и Гандхаре существовали на территории Северной Индии со времен, а возможно и раньше, похода Александра Македонского, так и этнические кекаи Махабхараты точно соответствуют курдам-кокейи (кокеи), проживающим к настоящему времени на территории Ирана, Ирака и Восточной Анатолии.

Советский курдолог Т. Ф. Аристова в своем «Очерке культуры и быта курдских крестьян Ирана» рассказывает о курдах-кокэи, которых в Иране называют люди истины — Ахли Хакк или Али-иллахи.

Именно курды (протокурды) являются родоначальниками ведийско-арийской истории. В этом отношении весьма важно обратить

внимание ученых на следующую параллель: курды только из одной своей принадлежности к индоиранцам являются родичами царя Куру, пятого царя в поколении, идущем от Сомы-Нахуши.

Куру является родоначальником Кауравов, которых по эпосу и поддерживают всегда Кекаи. Исторически Куру были индоарийским племенем бхаратов (оба названия по легендарным предкам родов), живших на территории Курукшетры и поспособствовавших сложению цивилизации долины Ганга. В древнеиндийском эпосе Махабхарата противоборствующие стороны — Кауравы и Пандавы — представляют родственные ветви рода Куру.

Курукшетра — поле Куру в районе Дели, где некогда обитали Куру и поддерживают еще во времена эпоса, в IV — V вв. до н.э., родственные отношения с Уттара Куру (северные Куру), обитавшими тогда, возможно, в районе современного Кашмира. А в это время на всем протяжении от Южного Урала до Средней Азии, отделенной от Кашмира горными вершинами Гиндукуша, обитали родственные и Куру, и кордам кокеи, ираноязычные предки современных башкордов сако-массагеты, хорасмии, предводитель которых Фарасман имел беседу с Александром Македонским в 327 г. до н.э. Индоарийские Куру, как мы уже сказали, по преданию, происходили от Луны — Сомы. В башкурдской мифологии Хомай, дочь царя Солнца — Самрау является главной богиней; от ее брака с Уралом и произошли, по мифу, современные башкурды. Таким образом, учитывая, что ведийский Сома соответствует древнеиранскому Хаоме (чередования звуков $s > h$), выходит, что ведийско-эпический род индоариев Куру — является ближайшим кровным этносом для башкурдов Урала, поскольку и Куру, и кокэи, и башкурды происходят от одного предка: Сомы — Хомай!

В довершение к этому вопросу нужно добавить, что башкурды и курды являются родичами и без всякой мифологии.

В состав курдов-кокэи (Али-Хак) входят курдские племена: гуран, джелалавенд, кальхани, балабанли, чаракли, берсими, шейх-хасанли, курешли, ляк. По сути дела, кокэи представляют собой союз племен, говорящих на двух курдских диалектах: заза и горани. Их религиозные догматы и законы собраны и записаны в священной книге «Саранджам» на диалекте горани.

Как пишет Т. Я. Аристова: «Иранские курды али-аллахи населяют район Керманшаха. В 36 км севернее от этого города, в селении Аббаш, живет сейид Аббаш — главное духовное лицо иранских али-

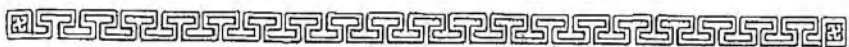
аллахов. На юго-западе от Керманшаха сектанты населяют город Керенд и его окрестности. Кроме Ирана, последователи секты али-аллахов имеются в большом количестве в Турецком Курдистане, среди курдских племен Дерсима. [В Иранском Курдистане ахли-хаков (али-иллахов) называют кокэи. — С.Г.]. Вероучение али-аллахов представляет собой смешение шиизма с элементами христианских и древневосточных верований; их догматы сводятся в основном к двум: почитание богом шиитского имама Али, зятя Мухаммеда, и вера в переселение душ. Сектанты признают Бога и описание Бога, данное в Коране. По их верованиям, существо Бога непознаваемо, но Божество, находясь на земле, воплощается в том или ином лице. По их представлениям, Бог воплощался в Ное, Аврааме, Моисее, Иисусе и в имаме Али, который является для сектантов Богочеловеком. Корана сектанты не отрицают, но считают, что существующий Коран — не тот, который был оставлен Мухаммедом, а совершенно другой. (...). Вместо ежедневных и еженедельных молитв по пятницам али-аллахи устраивают один раз в году (29 декабря) празднество. Сектанты данного селения собираются в одном из домов и усаживаются кружком. Здесь же присутствуют дервиши, начинающие празднество обычным дервишеским радением. Празднество сектантов заканчивается коллективным угощением.

Веруя в переселение душ, последователи этой секты считают, что душа человека после его смерти переходит в тело животного или другого человека. (...).

Посвящение в таинство веры сопровождается у али-аллахов особым ритуалом. Молодой человек, достигший 16 лет, идет с отцом и сеидом к роднику и раздевается догола. Сеид набирает родниковую воду в миску и трижды выливает на голову посвящаемого, произнося при этом специальную молитвенную формулу и возвращается с юношей домой, где обертывает талию мальчика белым поясом.

По внешнему облику курды али-аллахи отличаются от курдов-мусульман тем, что никогда не подрезают усов, а только расправляют в сторону». (Аристова Т.Ф. Очерки культуры и быта курдских крестьян Ирана.)

Посвящение в таинство веры у курдов-кокэи точь-в-точь повторяет обряд инициации брахманов в Индии. Плетеный шнур в знак принятия в религиозную общину завязывает сам жрец-брахман на поясе у достигшего 15 лет подростка. Брахманы Индии и сейчас никогда не снимают и не развязывают этот пояс, который, если его но-

сят на левом плече, называется «упавити», а если на правом плече, то «прачина-вити»; если же пояс повязан вокруг шеи, как гирлянда, то тогда пояс называется «нивити».

Это старый индоиранский обычай, который позднее пророк новой веры Заратуштра, рожденный на Урале, приспособил для того, чтобы его последователи-зороастрийцы по поясу-кусти, трижды обвязанному вокруг пояса, отличали себя от иноверцев.

Вера курдов-кокэи (ахли-хакк) в семь последовательных воплощений Божества в людях практически совпадает с древнеиндийской верой в Семерых мудрецов — риши; звезды, их символизирующих, составляют ковш в созвездии Большой Медведицы, и в мифологической традиции упоминаются в башкурдском предании как Семь богатырей, которых изрыгнул на землю Вселенский Змей — Кахкаха (Млечный Путь) после победы над ним Урал-батыра.

Ведические индоарии были известны на территории Передней Азии задолго до появления там собственно иранских племен. Это подтвердили находки клинописных архивов из Эль-Амарны, Богазкея и документов из Митанни, Нузи и Алалаха, в которых встречаются племена исконно ведийских богов — Варуны (Варусена), Индры (Индаротта), Митры (Митрасил), Сурьи (Суриаш) и других. Впоследствии митаннийские индоязычные арии смешались и растворялись среди ираноязычных ариев, но смогли, как в случае с курдским родом Зангене, сохранить в своем диалекте ряд черт, свойственных древнеиндийским языкам. Как и башкорды Урала, сохранившие в своем языке древнеиранскую авестийскую фонетику, утерянную в современных иранских языках.

Теперь с установлением ведийско-арийских и древнеиндийских истоков религиозных верований курдов-кокэи, мы уже точно знаем, что когда ведические митаннийские арии, являющиеся непосредственными предками кордов, пришли в Среднюю Азию и Индию из Передней Азии, то они уже поклонялись таким богам, как Варуна, Митра, Индра. Позднее индоарии Куру завоевали Индию. Это положение, в свою очередь, доказывает, что ведийско-арийская религия, позднее ставшая в Упанишадах в Индии древнеиндийской философией, на самом деле зародилась, в своей основе, в более раннюю эпоху на территории Передней Азии.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Абаев В.И. Древнеперсидские элементы в осетинском. — Иранские языки. М.—Л., 1945.

Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.—Л., 1958; II. Л., 1973; III—IV. Л., 1979—1989; Указатель. М., 1995.

Абаев В.И. Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. М., 1965.

Абаев В.И. К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов. — Древний Восток и античный мир. М., 1972.

Абаев В.И. Скифо-сарматские наречия. — Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979.

Аветисян Г.М. Государство Митанни (Военно-политическая история в XVII—XIII вв. до н.э.) Ереван, 1984.

Айхенвальд А.Ю., Баюн Л.С., Иванов В.В. Материалы к реконструкции культурно-исторического процесса в древней Малой Азии. — Эпиграфические памятники древней Малой Азии и античного Северного и Западного Причерноморья как исторический и лингвистический источник. М., 1985.

Алиев Играр. Мидия — древнейшее государство на территории Азербайджана. — Очерки по древней истории Азербайджана. Баку, 1956.

Алиев Играр. История Мидии. Баку, 1960.

Алиев Играр. Сармато-аланы на пути в Иран. — История Иранского государства и культуры. М., 1971.

Алиев Играр. Очерк истории Атропатены. Баку, 1989.

Антонова Е.В. Антропоморфная скульптура древних земледельцев Передней и Средней Азии. М., 1977.

Антонова Е.В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. М., 1984.

Ардзинба В.Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М., 1982.

Ардзинба В.Г. О некоторых новых результатах в исследовании истории, языков и культуры древней Анатолии. Послесловие в кн. *Маккуин Дж. Г.* Хетты и их современники в Малой Азии. М., 1983.

Ардзинба В.Г. Хеттская дипломатия. — Межгосударственные отношения и дипломатия на Древнем Востоке. М., 1987.

Артамонов М.И. Скифское царство. — С.А. 1972, №3.

Артамонов М.И. Киммерийцы и скифы. Л., 1974.

Арутюнян Н.В. Биайнили (Урарту). Военно-политическая история и вопросы топонимики. Ер., 1970.

Арутюнян Н.В. Топонимика Урарту. Ереван, 1985.

Барроу Т. Санскрит. Пер. с англ. Н. Лариной. Ред. и коммент. Т.Я. Елизаренковой. М., 1976.

Баюн Л.С. Позднеанатолийские языки как источник по хетто-лувийской дописьменной истории. — ВДИ, 1980, №2.

Белявский В.А. Война Вавилонии за независимость (627—605 гг. до н.э.) и гегемония скифов в Передней Азии. — Исследования по истории стран Востока. Л., 1964.

Бойс М. Зороастрийцы. Пер. с англ. И.М. Стеблин-Каменского под ред. и с послесл. Э.А. Грантовского. М., 1987.

Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. 2-е изд. М., 1983.

Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф. Индия в древности. М., 1985.

Галлямов С.А. *Bashkurd pretend de origin Kurd.* — *Kurdistan Report.* Paris, 1992.

Галлямов С.А. «Урал-батыру» — 4 тысячи лет. — Шункар, 1995, № 6.

Галлямов С.А. Башкорды от Гильгамеша до Заратустры. Уфа, 1999, 2005.

Галлямов С.А. Башкорды. Введение в сопоставительное изучение грамматики башкордского-кордского, английского, шумерского языков. Уфа, 1999.

Галлямов С.А. Кордско-башкордско-англо-русский словарь. Уфа, 2000.

Галлямов С.А. Основы башкордской индо-германской философии. Онтология. Т. I. Т. II Гносеология, Уфа, 2001 г., Т. III, Этика, Т. IV Эстетика, Уфа, 2002.

Галлямов С.А. Башкурдский язык и санскрит. М. СПб., 2003.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. I—II. Тбилиси, 1984.

Генинг В. Ф. Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племен. — С.А. 1977, № 4.

Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1992.

Герценберг Л. Г. Морфологическая структура слова в древних индоиранских языках. Л., 1972.

Гиндин Л. А. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. М., 1967.

Гиндин Л. А. Троянская война и Аххиева хеттских клинописных текстов. — ВДИ, 1991, № 3.

Гиндин Л. А. Население гомеровской Трои. Историко-филологические исследования по этнологии Древней Анатолии. М., 1993.

Гиоргадзе Г. Г. Очерки по социально-экономической истории Хеттского государства. Тбилиси, 1973.

Гиоргадзе Г. Г. Хеттское царство. История древнего мира. Кн. I Ранняя древность. Под ред. И. М. Дьяконова. М., 1982.

Граков Б. Н. Скифы. М., 1971.

Грантовский Э. А. О распространении иранских племен на территории Ирана. — История Иранского государства и культуры. М., 1971.

Грантовский Э. А. Проблемы изучения общественного строя скифов. — ВДИ, 1980, № 4.

Грантовский Э. А. Происхождение Мифического государства (политика и идеология). — Советское востоковедение. Проблемы и перспективы. М., 1988.

Грантовский Э. А. Иран и иранцы до Ахеменидов. Основные проблемы. Вопросы хронологии. М., 1998.

Грюнберг А. А. Языки Восточного Гиндукуша. Муджанский язык. Л., 1972.

Дандамаев М. А. Иран при первых Ахеменидах. М., 1963.

Дандамаев М. А. Данные вавилонских документов. VI — V вв. до н.э. о саках. — ВДИ, 1977, № 1.

Дандамаев М. А. Древние государства Элама. Мидийское царство в VIII—VI вв. до н.э. — История Древнего Востока. М., 1979.

Дандамаев М. А. Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985.

Дандамаев М. А. Цивилизация Древнего Ирана. — Древние цивилизации. М., 1989.

Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980.

Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982.

Дунаевская И.М. О структурном сходстве хеттского языка с языками Северо-Западного Кавказа. — Исследования по истории культуры народов Востока. В честь акад. И.А. Орбели. М. — Л., 1960.

Дунаевская И.М. Язык хеттских иероглифов. М., 1969.

Дьяконов И.М. История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н.э. М. — Л., 1956.

Дьяконов И.М. Очерк истории древнего Ирана. М., 1961.

Дьяконов И.М. Урартские письма и документы. М. — Л., 1963.

Дьяконов И.М. Языки древней Передней Азии. М., 1967.

Дьяконов И.М. Восточный Иран до Кира (К возможности новых постановок вопроса). — История Иранского государства и культуры. М., 1971.

Дьяконов И.М. Хурритский язык и другие субстратные языки Малой Азии. — ДЯМА.

Дьяконов И.М. Фригийский язык. — ДЯМА.

Дьяконов И.М. О прародине носителей индоевропейских языков. — ВДИ. 1982, №3,4.

Елизаренкова Т.Я. Ригведа. Избранные гимны. Пер., коммент. и вступит. ст. Т.Я. Елизаренковой. М., 1972.

Замаровский В. Тайны хеттов. М., 1968.

Иванов В.В., Топоров В.Н. Санскрит. М., 1960.

Иванов В.В. Хеттский язык. М., 1963.

Иванов В.В. Луна, упавшая с неба: Древняя литература Малой Азии. М., 1977.

Иванов В.В. Древние культурные и языковые связи Южнобалканского, Эгейского и Малоазиатского (Анатолийского) ареалов. — Балканский лингвистический сборник. М., 1977.

Иванов В.В. Разыскания в области анатолийского языкознания. 3—8. — Этимология. 1976., М., 1978.

Иванов В.И. Дионис и прадионисийство. Баку, 1923. Иезиды Ванского вилайета. — Сводка сведений о сопредельных странах. Тифлис, 1912, № 30.

Казанскене В.П., Казанский Н.Н. Предметно-понятийный словарь греческого языка. Крито-микенский период. Сост. В.П. Казанскене, Н.Н. Казанский. Л., 1986.

Карцев Ю.С. Заметки о турецких езидях. — ЗКОИРГО. Т. 13. Вып. 2. 1891.

Каишай С.М. Из истории Маннитского царства. Баку, 1977.

Колпаков А.П. Курды племени гуран. — Советская этнография, 1949, № 4.

Королев А.А. Хетто-лувийские языки. — Языки Азии и Африки. Т. 1. М., 1976.

Крамер С. История начинается в Шумере. М., 1965.

Кругликова И.Т., Сариниди В.И. Древняя Бактрия в свете новых археологических открытий — Советская археология, 1971, №4.

Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. М., 1974.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? — Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М., 1994.

Курдские народные сказки. М., 1970.

Курдские пословицы и поговорки (на курд. и рус. яз.). М., 1972.

Курдские эпические песни-сказы. М., 1962.

Курдское движение в новое и новейшее время. М., 1987.

Лазарев М.С. Курды и Курдистан (факторы становления проблемы) — Национальный вопрос в освободившихся странах Востока. М., 1986.

Лерх П.И. Исследования об иранских курдах и их предках, северных халдеях. Кн. 1—3. СПб., 1856—1858.

Липин Л.А. Аккадский язык. М., 1964.

Лосев А.Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957.

Лосев А.Ф. Гомер. М., 1960.

Лосев А.Ф. Античная философия истории. М., 1977.

Лурье С.Я. Язык и культура Микенской Греции. М. — Л., 1957.

Лыткин В.И. О некоторых иранских заимствованиях в пермских языках. — Известия АН СССР, отд. Литературы и языка, 1951, № 4.

Маджид Ариф. Народные обряды у курдов Ирака (на примере семейной обрядности курдов Сулейманийской области). — Некоторые проблемы этногенеза и этнической истории народов мира. М., 1976.

Маджид Ариф, Аристова Т.Ф. Народная медицина у курдов Ирака. Этнографические аспекты изучения народной медицины. Л., 1975.

Колледж Малькольм. Парфяне. М., 2004.

Масон В.М. Средняя Азия и Древний Восток. М., 1964.

- Матюшин Г.Н.* У колыбели истории. М., 1972.
- Мгои Ш.Х.* Проблема национальной автономии курдского народа в Иракской Республике. Ереван, 1977.
- Мела Махмуд Баязиди.* Нравы и обычаи курдов. М., 1963.
- Меликишвили Г.А.* Наири — Урарту. Тбилиси, 1954.
- Меликишвили Г.А.* Возникновение Хеттского царства и проблема древнейшего населения Закавказья и Малой Азии. — Вестник древней истории. 1965. №1.
- Мелларт Дж.* Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М., 1982.
- Ментешашвили А.М.* Курды. М., 1984.
- Мерперт Н.Я.* О связях Северного Причерноморья и Балкан в раннем бронзовом веке. — Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М., 1965, №105.
- Миллер Б.В.* Образцы говора курдов Северного Азербайджана. — ТИЯ. Т. 6. 1956.
- Миллер Ю.* Художественная керамика Турции. Л., 1972.
- Минорский В.Ф.* Древности Маку. Пг., 1916.
- Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербента. М., 1963.
- Минорский В.Ф.* Курды. Заметки и впечатления. Пг., 1915.
- Минорский В.Ф.* Материалы для изучения персидской секты «Люди истины» или али-илахи. — Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским институтом восточных языков. М., 1911.
- Мольтке фон.* Географические заметки о Малой Азии. — ИКО-ИРГО. Т. 3. (Приложение 2), 1874.
- Мусаэлян Ж.С.* Некоторые свадебные обряды в курдских народных песнях из рукописного собрания ГПБ. — Ф.Э. Обряд и обрядовый фольклор. Л., 1974.
- Насонов Н.В.* Таблица измерений курдов. — Труды антропологического отделения. Т. 12. М., 1890.
- Никитин В.П.* Курды. М., 1964.
- Орбели Я.А.* Фольклор и быт Мокса. М., 1982.
- Ошанин Л.В., Зезенкова В.И.* Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии. Таш., 1953.
- Петров Г.М.* Некоторые данные для характеристики курдов сенджаби в Иране. — Советская этнография. 1952, № 1.
- Петров Г.М.* Список племен, проживающих... — Современный Иран. Справочник. М., 1957.
- Пигулевская Н.В.* Города Ирана в раннем средневековье. М. — Л., 1956.

- Пиотровский Б.Б.* Ванское царство. М., 1959.
- Погребова М.Н.* Иран и Закавказье в раннем железном веке. М., 1977.
- Погребова М.Н.* Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М., 1984.
- Руденко М.Б.* Курдская обрядовая поэзия (похоронные причитания). М., 1982.
- Руденко М.Б.* Новогодние обрядовые празднества у курдов. — Ф.Э. Обряды и обрядовый фольклор. Л., 1974.
- Руденко С.И.* Башкиры. М.—Л., 1955.
- Семенов В.* Курды (этнографический очерк). — Природа и люди. СПб, 1890, №10.
- Соколова В.С.* Очерки по фонетике иранских языков. М. — Л., 1953.
- Соловьева С.С.* Элам и завоевательная политика Ассирии при Ашшурбанипале. — Древний Восток и античный мир. М., 1972.
- Струве В.В.* Государство Лагаш. М., 1961.
- Струве В.В.* Очерки социально-экономической истории древнего Востока. М. — Л., 1934.
- Толстов С.П.* Древний Хорезм. М., 1948.
- Толстов С.П.* По следам древнехорезмской цивилизации. М. — Л., 1948.
- Тураев Б.А.* История Древнего Востока. Т. 2. Л., 1935.
- Тюменев А.И.* Государственное хозяйство древнего Шумера. М. — Л., 1956.
- Урал-батыр. Башкирский народный эпос. М., 1977.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Пер. с нем. и дополн. О.Н. Трубачева. Т. 1—4. М., 1964—1973.
- Халфин Н.А.* Борьба за Курдистан (курдский вопрос в международных отношениях XIX века). М., 1963.
- Хани Ахмед.* Мам и Зин (пер. с курд. М.Б. Руденко). М., 1962.
- Хици В.* Государство Элам. М., 1977.
- Цаболов Л.Р.* Очерк исторической фонетики курдского языка. М., 1979.
- Цукерман И.И.* Очерки курдской грамматики. М., 1962.
- Цымбурский В.Л.* Троянская Ликия и проблема этногенеза ликийцев. — Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Тезисы и доклады конференции. Ч. 1. М., 1984.
- Цымбурский В.Л.* Фрако-хетто-лувийские формульные соответствия. АБ. — 88.

Цымбурский В.Л. Александр — Александус — Elaxsantre (к диактонной структуре мифа о Парисе). — Образ и смысл в античной культуре. М., 1990.

Цымбурский В.Л. Греки в походах «народов моря». Египетские маргиналии к теме Троянской войны. — Восток (Oriens). 1994, № 1.

Шериф-хан Битлиси. Шереф-намэ. М., 1967.

Эйюби К.Р., Смирнова И.А. Курдский диалект мукри. Л., 1968.

Янковковская Н.Б. Клинописные тексты из Кюль-тепе в собраниях СССР: Письма и документы торгового объединения в Малой Азии. XIX в. до н.э. М., 1968.

Янковская Н.Ю. Некоторые вопросы экономики ассирийской державы. — Вестник древней истории. 1956, № 1.

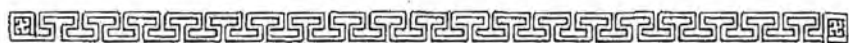

СОДЕРЖАНИЕ

ВВОДНОЕ СЛОВО	3	
ОТ АВТОРА	8	
Часть I		
КУТИИ-КУРДЫ	26	
ПЕРВЫЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ И ХЛЕБОРОБЫ		26
Этимология этнонима Кутий — Гутий	26	
Земледельцы и животноводы Загроса	31	
Курдская культура Хассуны	36	
Кутии-курды Хассуны — Самарры в Двуречье	38	
Хассуна и Халаф	39	
ПРЕДЫСТОРИЯ ШУМЕРА		43
Урук — Эреду (Абу-Шахрейн — Варка)	43	
Курды и Шумер	45	
АНТРОПОЛОГИЯ КУРДОВ		67
Курды и Шумер в III тыс. до н.э.	68	
Курды-кутии и Аккад (2316—2200 гг. до н.э.)	74	
Династия кутиев-курдов в Шумере (2200—2109 гг. до н.э.)	81	
Кутии в эпоху III династии Ура	87	
Нападения царей III династии Ура на Курдистан в III тыс. до н.э.	88	
Курдские княжества Загроса	89	
Курды-касситы (бахтиары)	98	
ИСТОРИЯ КАССИТОВ		126
Курды-луры и Элам	139	
Институт агаларства у курдов	144	
Страна курдов — Мехри	151	
Курдистан-Урмия — «Страна виноделия»	160	
Мехри и первое расселение индоариев Куру	161	

Этимология имени Курд	
Курд — Кара — Народ — Войско»	168
Племена Мехри на Востоке в Белуджистане	169
Мехри в эпоху индоариев Митанни	175
Хурриты-матиены	178
Кутии — первые цари Ашшура-Ассирии	193
Курдское княжество Маитанни во II тыс. до н.э.	195
Исчезновение Митанни и возрождение Мехри	203
Сложение курдского княжества Манна	
воинов Манда-курманджи	209
Переход курдов с Тегарама-гармиян на Замуа-зимистан	214
Переход из Гярмсира на Замуа —	
летнее кочевье у курдов-бахтиар	216
Ассирийская агрессия IX—VI вв.	
на курдское государство Манна-Мехри	229
РОД КУРДОВ БАРЗАН	
В ЭПОХУ АССИРИЙСКОЙ ИМПЕРИИ	237
Хроника «Карки Де Бет Селох»	237
Войны Элама с Ассирией	239
Киммерийцы — Гомар (Гэмэ-ар)	252
Война Мидии-Мехри с Ассирией	254
Падение Ашшура	262
Мидия при Астиаге	263
Племена индоариев Умман-Манда —	
курманджи в эпоху Мидии	267
Мидийские маги в империи Ахеменидов	
при царе Кире Великом, по Геродоту	268
Исторический экскурс	277
ЗАВОЕВАНИЕ ПЕРСАМИ МИДИИ	281
Ксеркс — Хшайаршах (486—465 гг. до н.э.)	281
О бурзьянцах-царедворцах в империи Ахеменидов.	
Ариа-Барзан (Бурзьян)	303
Превращение Мидии в Атропатену	306
Борзяно-Парфянское царство	306
Курды в империи Аршакидов	306
Авроманские документы Курдистана	313
Курды в империи Сасанидов	314
КУРДЫ В ЭПОХУ СЛОЖЕНИЯ ИСЛАМА	322
Великий курдский ученый-юрист, основатель	
мусульманского права Абу-Ханифа Деневери	323

Часть II

КУРДЫ И НАРОДЫ ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА В ДРЕВНОСТИ	325
КУРДЫ И ХЕТТЫ	325
Ведийский Атри-Атрей, царь Микен	334
Ведийский риши Приямедха-Пиямараду Лувии	338
КУЛЬТ КОПЬЯ У ХЕТТОВ И КУРДОВ	348
Курды и народы Малой Азии	351
Союз курдов и ахейцев	366
Тукри — тохары — туруки	367
История курдского Мокса	375
Страбон о куретах	384
Курды-аланы и эллины-греки	385
КУРДЫ И ГРЕКИ	395
Религия курдов и греков	396
Курды сипки-субареи и сербы-хорваты	400
КУРДЫ И ЕВРЕИ	404
Иаков в Курдистане	404
Падан в Курдистане	406
Курды-левиты Хошави в Ветхом Завете	408
Евреи — ближайшие родичи курдов. Что говорит генетика?	412
Манна и манна небесная	414
Медный Змей — Нехуштан	415
Махабхарата и Нехуштан	417
Курды-кутии и евреи колена Гадова	417
Курды и семиты-арабы	419
Курды и караимы	427
Курды и башкурды Урала	429
ГИЛЬГАМЕШ И УРАЛ-БАТЫР (PATER)	454
Приложение 1. Разговоры с Гёте в последние годы его жизни	465
Приложение 2. Древнеарийский обычай поминовения предков, исполненный воинами-башкурдами в 1942 г.	467
Часть III	
КУРДЫ — ОСНОВОПОЛОЖНИКИ ЮРИСПРУДЕНЦИИ У ИНДОГЕРМАНСКИХ НАРОДОВ	470

Законы Ману	470
Курды — основоположники европейского искусства	477
Шейх-Бызни	509
Бэйан — пеан — бэйандара — баядера. Одичание как снисхождение Святого Духа. Архитектурное построение мифа во времени и пространстве — дара	511
Баран бердан и козел отпущения	520
Пасха Нового Завета	522
Нисхождение Святого Духа	524
Курды Месопотамии — основоположники индоарийской йоги	528
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА.....	544

Научно-популярное издание

Тайны древних цивилизаций

Галлямов Салават Абдрахманович

ДРЕВНИЕ АРИИ И ВЕЧНЫЙ КУРДИСТАН

Генеральный директор *Л.Л. Палько*
Ответственный за выпуск *В.Л. Еленский*

Главный редактор *С.Н. Дмитриев*

Редактор *Е.С. Лазарев*

Корректор *Е.Ю. Таскон*

Верстка *И.В. Хренов*

Разработка и подготовка к печати
художественного оформления *Д.В. Грушин*

ООО «Издательство «Вече 2000»

ЗАО «Издательство «Вече»

ООО «Издательский дом «Вече»

129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24.

Гигиенический сертификат

№ 77.99.02.953.Д.008287.12.05. от 08.12.2005 г.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 23.11.2006. Формат 60 х90 1/16.
Гарнитура «NewtonС». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 35. Тираж 3 000 экз. Заказ № 4695.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Тульская типография».
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109 .

ТАЙНЫ ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

МЕГАПРОЕКТ – TERRA INCOGNITA

Что мы знаем о курдах и их культуре? Большинство читателей вспомнят прежде всего о непростых политических проблемах, связанных с историей и нынешним положением курдского народа, проживающего на территории нескольких государств в одной из «горячих точек» земного шара. Однако автор этой книги, обратившись к истокам (и праистокам) курдов, приходит к несколько неожиданному выводу: согласно его концепции, этот народ сохранил в своей культуре (подчас не подозревая об этом) фрагменты древнейшего наследия праиндоевропейцев — наследия, общего для индийцев и иранцев, эллинов и римлян, славян и германцев. Причем, по мнению автора, этот «вечный Курдистан», если отвлечься от сиюминутных реалий, имеет непосредственное отношение и к культуре многих народов России, прежде всего Урала и Поволжья, к тайне Аркаима...

ISBN 978-5-9533-1407-7

9 785953 314077

